Austr. 5464 a

F

<36619166550018

<36619166550018

Bayer. Staatsbibliothek

Austr. 5464 a

МОРАВІЯ и МАДЬЯРЫ

съ половины IX до начала X вѣка.

К. Я. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

Fg 66/796

Bayerische
Staatsbibliothek
München

По распоряженію Историко-Филологическаго Факультета печатать опредѣлено. 21 Октября 1881 года.

Деканъ *В. Бауеръ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ.. IX—XXIV

I. Вступительный очеркъ: Взглядъ на судьбу средне- и нижне-дунайскихъ земель до начала IX в. 1 — 76

1. Предварительныя замѣчанія 1 — 3

2. Географическое положеніе и природный характеръ дунайскихъ земель.

Общій видъ занимающей насъ подунайской территоріи. — Дунай и его значеніе.—Разнообразіе почвы.—Вліяніе природныхъ условій земли на распредѣленіе населенія.—Средне-дунайская равнина въ древности и нынѣ.—Вліяніе характера природы на историческую судьбу и культурное развитіе населенія.—Какъ сказались всѣ эти явленія въ исторіи и этнографіи дунайской территоріи?—Характеристика отдѣльныхъ дунайскихъ странъ со стороны ихъ природныхъ особенностей и исторической роли: 1) Молдо-валашская низменность; 2) Трансильванія; 3) Угрія; 4) Герциносудетская горная система: Чехія и Моравія; 5) Восточно-альпійская горная система: Тироль, Зальцбургск. обл., Каринтія, Штирія, Крайна; 6) Страна между Савой и Дравой (Savia); 7) Верхняя и Нижняя Австрія....... 4 — 23

3. Очеркъ судьбы дунайскихъ земель съ древнѣйшихъ временъ и этнографическія превращенія.

Населеніе дунайскихъ земель въ древнѣйшую эпоху.—Кельты, Геты, Даки.—Напоръ Римской имперіи съ юга; германскихъ и сарматскихъ племенъ—съ сѣвера.—Римское завоеваніе и романизація.—Движеніе среди германскихъ народовъ.—Маркоманнская война.—Борьба имперіи съ сѣверными варварами.—Эпоха великаго переселенія народовъ.—Уступка Дакіи Готамъ.—Готы, Вандалы, Гепиды.—Гуннскій погромъ.—Движеніе Вестготовъ, Остготовъ и другихъ германскихъ народовъ на западъ.—Держава Аттилы.—Славяне въ гуннской ордѣ.—Распаденіе гуннскаго союза.—Исключительное господство Германцевъ въ дунайскихъ земляхъ: Гепиды, Герулы, Руги, Лангобарды.—Взаимная борьба.—Аварскій погромъ.—Распространеніе Славянъ на западъ съ конца V в.—Движеніе Славянъ въ дунайскія земли вмѣстѣ съ Аварами.—Кого застали Славяне на дунайск. территоріи?—Остатки кельто-романскаго и дако-романскаго населенія. — Вопросъ о непрерывности ро-

манскаго населенія на сѣверъ отъ Дуная.—Теоріи Рёслера, Томашка и др.—Доказательства этой непрерывности для Трансильваніи (о характерѣ господства кочевыхъ ордъ и германскихъ полукочевыхъ племенъ).—О заселеніи дунайскихъ земель Славянами.—Господство Аваръ.—Характеръ и особенности славянской колонизаціи.—Пути, коими шло славянское разселеніе. — Племенное распредѣленіе Славянъ (вѣтви русская, чешско-словенская, словинская). — Судьба дунайскихъ странъ въ VII и VIII в.—Ослабленіе Аваровъ.—Объединеніе западныхъ Славянъ при Само.—Распространеніе болгарской власти на сѣверъ отъ Дуная. — Темный періодъ послѣ распаденія союза Само.—Давнишнее стремленіе Германцевъ къ расширенію власти на востокъ.—Войны съ Аварами.—Торжество Франковъ надъ Аварами при Карлѣ Великомъ.—Оттѣсненіе Аваровъ за Дунай и Тиссу.—Славяне, бывшіе подданные Аваровъ, подпадаютъ подъ власть Франковъ.—Начало нѣмецкаго колонизаціоннаго движенія на востокъ........... стран. 23— 74

4. Заключеніе: этническій составъ дунайскихъ земель въ началѣ IX в.. 74— 76

II. Очеркъ политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ передъ мадьярскимъ погромомъ.. 77—148

1. Первыя послѣдствія торжества Франковъ надъ Аварами.

Политика Франковъ въ завоеванныхъ земляхъ.—Участь Аваровъ.—Распространеніе власти и вліяніе Франковъ въ сосѣднихъ съ ихъ владѣніями славянскихъ земляхъ.—Мѣры, принятыя Франками въ завоеванныхъ земляхъ.—Внутренняя организація: система марокъ.—Нѣмецкая колонизація вмѣстѣ съ переходомъ земли въ руки крупныхъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, церквей и монастырей.—Обезземеленье и порабощеніе славянскихъ поселенцевъ.—Христіанская проповѣдь, какъ одно изъ средствъ распространенія Нѣмцами своего нравственнаго вліянія среди туземцевъ и вообще германизаціи.—Притязанія Нѣмцевъ на Чехію и Моравію................. 77— 83

2. Состояніе восточной Угріи и Трансильваніи въ IX в. до прихода Мадьяръ.

Этническій составъ этихъ земель.—Остатки дако-романскаго населенія въ горахъ.—Остатки Аваровъ въ тисской равнинѣ; Славяне, какъ господствующее численностью населеніе.—Разрозненность и растянутость славянскихъ поселеній; отсутствіе благопріятныхъ условій для политическаго объединенія.—Географическое положеніе и природный характеръ этихъ странъ, какъ одна изъ причинъ ихъ изолированнаго положенія.—Отсутствіе извѣстій о жизни въ этихъ странахъ въ домадьярскую эпоху (въ IX в.).—Вопросъ о болгарскомъ господствѣ на сѣверъ отъ Дуная («Тисская Болгарія»).—Взглядъ Рёслера, не допускающаго этого господства.—Противополож-

страп.

ный взглядъ Томашка.—Несомнѣнное распространеніе болгарскихъ владѣній на сѣверъ отъ Дуная (со времени кн. Крума).—Какъ далеко простиралось владычество Болгаръ на сѣверъ отъ Дуная и какъ долго оно продолжалось?................ 83 — 97

3. Моравскій политическій союзъ и его судьба.

Вопросъ о племенномъ происхожденіи древнихъ Мораванъ.—Теорія Дюмлера и Миклошича и ея несостоятельность съ *исторической* точки зрѣнія. — Причины, способствовавшія успѣшному политическому объединенію моравскихъ Славянъ.—Общественно-бытовое развитіе моравскихъ Славянъ въ нач. IX в.—Общинный бытъ (князь, города).—Признаніе верховной власти Франковъ при Карлѣ Великомъ Чехами и Моравами. — Очеркъ исторіи Велико-моравскаго союза: княжества Мойміра и Прибины.—Объединеніе Моравіи подъ властью Мойміра.—Искусственное образованіе Паннонскаго княжества Прибины.—Первое выступленіе Нѣмцевъ противъ Моравіи.—Сверженіе Мойміра.—Ростиславъ.—Борьба съ Нѣмцами.—Независимость Моравіи. — Моравія служитъ опорой партіямъ, враждебнымъ королю.—Дѣло Карломанна.—Возстаніе младшаго сына Людовика противъ отца; роль Моравіи.—Продолженіе борьбы съ Моравіей.—Условія возвышенія Моравіи.—Просвѣщеніе христіанствомъ и самостоятельная церковь, какъ важнѣйшее изъ этихъ условій. — Дѣятельность Кирилла и Меѳодія.—Политическій переворотъ въ Моравіи.— Сверженіе Ростислава Святополкомъ.—Святополкъ въ плѣну.—Моравія въ рукахъ Нѣмцевъ.—Возвращеніе Святополка и расправа съ Нѣмцами. — Война Людовика съ Мораванами. — Форхгеймскій миръ.—Меѳодій освобожденъ изъ заключенія.—Его дѣятельность въ Моравіи.—Интриги Нѣмцевъ противъ него.—Перемѣны на нѣмецкомъ престолѣ: Карломаннъ; Арнульфъ.—Война Святополка съ Арнульфомъ изъ-за претендентовъ на Восточную марку (Арибо).—Святополкъ заодно съ Карломъ Толстымъ.—Опустошенія Панноніи.—Кенигштетенскій миръ.—Сближеніе Святополка съ Арнульфомъ. — Интриги противъ Меѳодія.—Образъ дѣйствій Святополка. — Викингъ въ Моравіи.—Послѣдніе годы жизни Меѳодія, его смерть. — Изгнаніе его учениковъ; торжество Нѣмцевъ и Викинга.—Помощь Святополка Арнульфу въ достиженіи престола. — Уступка Чехіи Святополку.—Объемъ Велико-моравскаго союза. — Недоразумѣнія между Арфульфомъ и Святополкомъ.—Съѣздъ въ Омунтесбергѣ.—Разрывъ и война 892 г.—Арнульфъ нанимаетъ Мадьяръ противъ Мораванъ и заключаетъ договоръ съ Болгарами.—Сопротивленіе Моравіи.—Смерть Святополка и начало разложенія Моравіи.................................. 97—141

4. Успѣхи германизаціи на среднемъ Дунаѣ.

Параллельно съ распространеніемъ нѣмецкой власти оружіемъ мирное водвореніе нѣмецкой культуры среди Славянъ—въ видахъ германизаціи.—Грамоты и документы IX в., какъ

единственный матерьялъ, по которому можно прослѣдить постепенный ходъ колонизаціи.—Неравномѣрность колонизаціоннаго движенія.—Вліяніе мѣстныхъ условій и обстоятельствъ на характеръ и размѣры колонизаціи въ отдѣльныхъ областяхъ восточно-альпійской территоріи: въ Восточной маркѣ, въ Карантаніи, въ Панноніи—Верхней и Нижней.—Крайній предѣлъ нѣмецкой колонизаціи въ концѣ IX в. (р. Раабъ).—Отсутствіе силы, способной задержать завоевательно-колонизаціонное движеніе Нѣмцевъ послѣ смерти Святополка и при постепенномъ разложеніи и ослабленіи Моравскаго княжества.—Широкое поле для завоевательной и культурной дѣятельности въ перспективѣ у нѣмецкой державы.—Неожиданное выступленіе новой грозной силы, которой суждено было задержать наступательное движеніе Нѣмцевъ на востокъ по Дунаю.—Мадьярскій погромъ — съ этой естественной и справедливой точки зрѣнія........ СТРАН. 141—148

III. Мадьяры: ихъ выселеніе и странствованіе до водворенія на среднемъ Дунаѣ.... 149—304

1. Народность Мадьяръ.

Первыя извѣстія о Мадьярахъ.—Названія: Угры, Турки; Μεγέρη Константина Багрянороднаго.—Восточно-финское происхожденіе Мадьяръ.—Ближайшее родство ихъ съ Вогулами и Остяками.—Судьба вопроса о національности Мадьяръ.—Различные взгляды на ихъ происхожденіе.—Сказка о гуннскомъ происхожденіи Мадьяръ.—Сближеніе Мадьярскаго яз. съ разными индоевропейскими и восточными.—Турецкая теорія.—Взглядъ Касселя.—Раннее возникновеніе финской теоріи, благодаря путешествіямъ миссіонеровъ на востокъ, къ финскимъ племенамъ за Волгу въ XIII в.—Послѣдующія путешествія, еще болѣе подтвердившія этотъ взглядъ.—Вопросъ переходитъ на строго-лингвистическую почву.—Путешествія Регули, Кастрена и др. и ихъ результаты.—Турецкій элементъ въ мадьярскомъ яз.; путь, коимъ онъ проникъ въ него.—Различныя толкованія названій «Мадьяръ» и «Угры».—Арабская форма «Моджгаръ» и ея сближеніе съ арабской формой имени Башкиръ (Баджгардъ)........ 150—167

2. Первоначальная родина Мадьяръ.

Отсутствіе прямыхъ историческихъ извѣстій о ней.—Племенное происхожденіе Мадьяръ, какъ основа для рѣшенія вопроса о первоначальной родинѣ.—*Югра* нашихъ лѣтописей.—Общія жилища финскаго народа.—Двѣ группы его: западная и восточная.—Границы расположенія собственно угорскихъ, т. е. восточно-финскихъ племенъ.—Приблизительное опредѣленіе первоначальныхъ жилищъ Мадьяръ на основаніи данныхъ языка—въ юговосточной окрайнѣ обще-угорской территоріи, въ сосѣдствѣ съ турецкими племенами.—Историческія упоминанія о сѣверной родинѣ Мадьяръ (начин. съ X в.).—

страп.

Фантастическія сказанія средневѣковыхъ мадьярскихъ хронистовъ (Анонима и др.) о первоначальной родинѣ Мадьяръ.—Средневѣковыя путешествія на востокъ, какъ одинъ изъ источниковъ этихъ сказаній.—Невозможность вполнѣ точно опредѣлить мадьярскую прародину.—Культурное состояніе и образъ жизни Мадьяръ въ ихъ сѣверныхъ жилищахъ.—Источники заимствованія турецкихъ элементовъ въ мадьярскомъ языкѣ.. 167—180

3. Выселеніе Угровъ и пребываніе въ южныхъ степяхъ Россіи.

Источники для исторіи этого періода странствованія Мадьяръ; историческое значеніе средневѣковыхъ мадьярскихъ хроникъ.—Анонимъ-Нотарій кор. Бѣлы.—Общій характеръ сохранившихся извѣстій.—Константинъ Багрянородный и его свидѣтельства.—Источники его свѣдѣній.—Свидѣтельство Нестора.—Запутанность вопросовъ, связанныхъ съ переселеніемъ Мадьяръ.—Причины, заставившія Угровъ оставить свою сѣверную родину.—Направленіе пути Мадьяръ изъ прародины; ихъ турецкіе спутники.—Гдѣ застаютъ Мадьяръ историческія извѣстія? Дошедшія до насъ извѣстія: Константинъ Багрянородный; арабскій писатель Ибнъ-Даста, лѣтопись Нестора, Паннонское житье Константина Философа; Византійцы. Продолжатель Георгія Амартола и хроника съ имен. Льва Грамматика.—Время выселенія Мадьяръ изъ прародины.—Продолжительность ихъ пребыванія въ южно-русскихъ степяхъ.—Путь, коимъ Мадьяры пришли въ Лебедію.—Географическая и этнографическая картина Руси въ IX в.—Военная организація Мадьяръ во время пути.—Отношеніе къ Хозарамъ и расположеніе рядомъ съ ними.—«Лебедія» Константина Багрянороднаго.—Ея мѣстоположеніе.—Славянское происхожденіе имени.—Другое названіе Мадьяръ Σαβαρτοιάσφαλοι.—Отношенія Мадьяръ къ Хозарамъ. — Хозарское вліяніе. — Отношенія къ Славянамъ и славянское вліяніе.—Свидѣтельства Ибнъ-Дасты.—Свидѣтельство этого писателя о бытѣ Мадьяръ и о ихъ образѣ жизни.—Наименованіе Мадьяръ «Турками» у арабовъ и византійцевъ.—Болѣе далекіе набѣги Угровъ.—Первыя угорскія шайки на нижнемъ Дунаѣ; ихъ помощь Болгарамъ противъ греческихъ плѣнныхъ.—Извѣстія Продолжателя Георг. Амарт. и Льва Грамматика.—Опредѣленіе времени этого эпизода.—Угры въ Крыму—извѣстіе Житія Константина Философа.—Предпріятія Угровъ въ землю днѣпров. Славянъ, въ окрестности Кіева.—Извѣстіе Нестора о Бѣлыхъ и Черныхъ Уграхъ.—Разъясненіе его.—Ошибка лѣтописи Гинкмара. 180—248

4. Переселеніе на нижній Дунай, въ нынѣшнюю Бессарабію и Молдавію («Ателькузу»).

Причина выселенія Мадьяръ изъ Лебедіи. — Напоръ Печенѣговъ.—Извѣстіе Константина Багрянороднаго.—Опредѣленіе времени этого переселенія.—Константинъ Багрянородный о раздѣленіи Мадьяръ на двѣ части и удаленіе одной на вос-

токъ.— Поселеніе Мадьяръ въ «Ателькузу». Вопросъ объ этомъ названіи и о мѣстоположеніи этой страны.—Свидѣтельство объ этомъ Константина Багрянороднаго.—Названныя имъ рѣки.—Путь Мадьяръ изъ Лебедіи въ «Ателькузу».—Повѣсть временныхъ лѣтъ о прохожденіи ихъ «мимо Кіева».—Ошибки Нестора въ опредѣленіи времени и въ означеніи пути Мадьяръ «черезъ Карпаты». Другія извѣстія Нестора, пріуроченныя къ Уграмъ.—Анонимъ о пути Мадьяръ.—Опроверженіе взгляда о пути Мадьяръ черезъ Карпаты.—Перемѣна во внутреннекъ управленіи мадьярской орды.—Избраніе одного главнаго вождя—подъ вліяніемъ Хозаръ.—Свидѣтельство Константина о Кабарахъи ихъ присоединеніи къ Уграмъ.—Этническое состояніе новыхъ жилищъ. — Вопросъ объ Уличахъ и Тиверцахъ.—Общіе выводы по вопросу о переселеніи Мадьяръ изъ прародины въ «Ателькузу» . 248—282 страи.

5. Союзъ Грековъ съ Мадьярами и угро-болгарская война.

Дошедшія до насъ свидѣтельства объ этомъ союзѣ и этой войнѣ.—Разсказы Георгія Амартола, Константина Багрянороднаго, Симеона Магистра, имп. Льва Мудраго, Нестора, Фульденскихъ Анналовъ и проч.—Вопросы, подлежащіе рѣшенію: о времени начала и конца этой войны и о послѣдовательности событій.—Существованіе различныхъ мнѣній.—Разборъ вопроса.—Сравненіе разсказовъ Георгія Амартола и Константина Багрянороднаго.—Необходимость отдать предпочтеніе второму.—Разсказъ Фульденскихъ анналовъ; невѣрное опредѣленіе времени.—Болгаро-печенѣжскій погромъ въ Ателькузу въ отсутствіи мадьярскихъ полчищъ.—Бѣгство Мадьяръ спасшихся отъ рѣзни.—Секлеры и вопросъ о ихъ происхожденіи . 282—304

IV. Поселеніе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ и ихъ торжество въ борьбѣ съ Моравіей и Восточно-франкской державой . 305—409

1. Переселеніе Угровъ изъ «Ателькузу» въ тиссо-дунайскую равнину.

Критическое положеніе Мадьяръ послѣ разгрома въ Ателькузу.—Переселеніе въ тисскую равнину.—Время переселенія.—Первоначальное мѣстопребываніе Мадьяръ на Тиссѣ и дальнѣйшее ихъ распространеніе.—Свидѣтельство Константина Багрянороднаго объ этомъ.—Численность мадьярской орды.—Сосѣди Мадьяръ въ новыхъ жилищахъ: за немногими исключеніями—Славяне.—Значеніе этого явленія.—Славянскія женщины въ мадьярской ордѣ.—Характеристика Мадьяръ и впечатлѣніе, произведенное ими на западѣ.—Обвиненіе Арнульфа современниками въ выпущеніи Мадьяръ на Европу.—Слишкомъ усердная защита его нѣмецкими историками.—Несправедливость и наивность обвиненія.—Кому скорѣе при-

писать эту вину? Истинная роль Арнульфа въ мадьярскомъ погромѣ и въ успѣхахъ Мадьяръ.—Недальновидность его.— Еще нѣкоторыя событія 893 года........................ стран. 305—327

2. **Событія до смерти Арнульфа. Разложеніе Моравскаго княжества и рѣшительное наступленіе на него Нѣмцевъ.**

Событія 894 года.—Первый походъ Арнульфа въ Италію.— Смерть Святополка.—Опустошительный набѣгъ Угровъ.— Миръ сыновей Святополка съ Арнульфомъ.—Возвышеніе Люитпольда.—895 годъ: отпаденіе Чеховъ и Бодричей отъ Моравскаго союза.—Второй походъ Арнульфа въ Италію.— Болѣзнь Арнульфа.—Моравія по смерти Святополка.—Характеристика послѣдняго періода ея существованія.—Сыновья Святополка.—896-й годъ и византійскій посолъ Лазарь у Арнульфа.—Связь этого посольства съ извѣстіемъ Фульденскихъ анналовъ объ угро-болгарской войнѣ.—Порученіе охраны Нижней Панноніи Брацлаву.—Чѣмъ между тѣмъ были заняты Мадьяры? Отсутствіе извѣстій о большихъ предпріятіяхъ на западъ.—Причины пріостановки такихъ предпріятій: утвержденіе Мадьяръ на занятой территоріи посредствомъ распространенія своего господства на сосѣднее славянское населеніе; отношенія Мадьяръ къ Арнульфу.—Событія 897 года.— Отношенія Арнульфа къ распадавшейся Моравіи.—Его угрожающая политика.—Междоусобія сыновей Святополка.— Моймиръ и Святополкъ II.—Вмѣшательство Нѣмцевъ и помощь Святополку противъ Моймира.—Дѣло Арибо и его сына Исанриха.—Опустошительные походы Баварцевъ въ Моравію въ 898 и 899 годахъ.—Торжество Моймира надъ братомъ.— Расправа Арнульфа съ Исанрихомъ.—Развитіе болѣзни Арнульфа.—Смерть его въ 899 г............................ 327—351

3. **Дальнѣйшія предпріятія Угровъ и Нѣмцевъ. Моравія между двухъ огней, и послѣдняя попытка Моймира возстановить церковную независимость.**

Походъ Угровъ въ Италію 894 г.—Первоначальная неудача Угровъ.—Ихъ бѣгство; невозможность уйти и отчаянное нападеніе на непріятеля.—Полное торжество ихъ.—Жестокое опустошеніе сѣверной Италіи.—Походъ на Венецію.—Новый документъ, относящійся къ этому походу.—Возвращеніе изъ Италіи.—Опустошеніе Панноніи, уже оставленной на произволъ судьбы.—Продолженіе борьбы Нѣмцевъ съ Моравами въ 900 г.—Церковныя отношенія въ Моравіи съ 893 года.—Сношенія Моймира съ папой 899 г. и рѣшеніе папы организовать моравскую церковь самостоятельно.—Посланные папой прелаты въ Моравіи.—Негодованіе Нѣмцевъ.—Посланіе Баварскаго духовенства къ папѣ съ жалобой по этому поводу 900 г.—Текстъ посланія; его тонъ и характеръ.—Ложь и извращеніе фактовъ.—Разборъ посланія.—Историческое значеніе его, какъ источника. — Что въ немъ заслуживаетъ вниманія? Результатъ посланія.......................... 351—376

4. Набѣги Угровъ на Моравію и въ нѣмецкія владѣнія. Катастрофа 904 года и общее настроеніе на среднемъ Дунаѣ.

стран.

Водвореніе Угровъ въ Панноніи.—Набѣгъ Угровъ въ Баварію въ 900 г.—Опустошеніе нѣмецкихъ владѣній.—Успѣхъ Нѣмцевъ (Люитпольда) въ столкновеніи съ одной изъ шаекъ.—Опасность положенія начинаетъ сознаваться сильнѣе.—Миръ Людовика Дитяти съ Мойміромъ, къ которому и та и другая сторона были вынуждены.— Двоякое скрѣпленіе мирнаго договора.—Новый набѣгъ Угровъ (въ Карантанію) въ 901 г.—Прекращеніе Фульденскихъ анналовъ и оскудѣніе извѣстій о событіяхъ этого времени.—Общій характеръ угорскихъ набѣговъ за это время.—Постепенное движеніе Угровъ впередъ.—Скудость извѣстій объ участи Моравіи. — Нерѣшительный и случайный характеръ угорскихъ предпріятій: они дѣйствуютъ разрозненно и маленькими отрядами.—Набѣги въ Моравію 902 года.—Извѣстіе о набѣгѣ 903 г.—Коварство Нѣмцевъ и катастрофа 904 г. (избіеніе мадьярскихъ вождей).—Настроеніе нѣмецкаго обществ въ тотъ моментъ.—Признаки этого настроенія. — Раффельштетенскій торговый договоръ и его содержаніе.—Вопросъ о «Ругахъ», упоминаемыхъ въ немъ.... 376—395

5. Моравія въ рукахъ Угровъ и торжество послѣднихъ надъ Нѣмцами въ 907 году.

Послѣдствія нѣмецкаго коварства.—Переходъ Угровъ, подъ вліяніемъ жажды мщенія, къ рѣшительному и дружному наступленію. — Моравія—первая жертва. — Расчетъ и предусмотрительность Угровъ. — Моравія остается безъ поддержки.—Подчиненіе ея Украмъ безъ большого сопротивленія.—Извѣстіе Константина Богрянороднаго о паденіи Моравіи. — Невозможность понимать его буквально. — Участь Мойміра. — Когда именно пала Моравія?—Темнота вопроса.—Опредѣленіе времени на основаніи немногихъ существующихъ данныхъ.—Набѣгъ Угровъ въ землю Саксовъ 906 г. по призыву Полабскихъ Славянъ. — Послѣ паденія Моравіи Угры направляютъ свои силы противъ Нѣмцевъ. — Вооруженіе и поспѣшное выступленіе Нѣмцевъ, чтобъ задержать Угровъ.—Роковая битва 907 года. — Полное торжество Угровъ. — Впечатлѣніе, произведенное этой побѣдой. — Переворотъ въ настроеніи общества.—Всеобщая паника.—Начало европейскихъ бѣдствій.—Роковое для запада значеніе этой битвы.—Ея послѣдствія для дунайскихъ земель и для Германіи........... 395—409

Общія заключенія о переворотѣ, произведенномъ Мадьярами на среднемъ Дунаѣ.............................. 410—423

Указатель личныхъ и географическихъ именъ... 424—435

Опечатки.. 436

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нужно ли распространяться о глубокомъ интересѣ и первенствующемъ значеніи той эпохи въ исторіи славянства, изъ которой взятъ нами предметъ настоящаго изслѣдованія? Образованіе и судьба Велико-моравскаго политическаго союза на среднемъ Дунаѣ; упорная борьба его съ Восточно-франкскою державой, настойчиво и послѣдовательно стремившеюся, со времени торжества надъ Аварами, къ порабощенію славянскихъ племенъ на Дунаѣ и къ распространенію на востокъ своего политическаго и церковнаго господства; духовно-просвѣтительная дѣятельность незабвенныхъ славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія; успѣхи Нѣмцевъ въ борьбѣ за церковную власть и въ дѣлѣ германизаціи восточно-альпійской территоріи и Паннопіи; наконецъ вторженіе въ великую дунайскую равнину Мадьяръ, давшихъ новый, неожиданный поворотъ исторіи этихъ странъ, ихъ поселеніе здѣсь, покореніе Моравіи, а затѣмъ рѣшительное торжество надъ Нѣмцами, надолго отброшенными этой побѣдой отъ средняго Дуная, — это ли не явленія первостепеннаго и притомъ всеславянскаго историческаго значенія?

Три главные момента опредѣляютъ собою эту выдающуюся эпоху исторіи западнаго славянства: во 1-хъ, достиженіе средне-

дунайскими (моравскими) Славянами во второй половинѣ IX вѣка значительной политической силы; во 2-хъ, ихъ ожесточенная борьба съ Нѣмцами за національно-политическую и церковную независимость, и въ 3-хъ, вторженіе Мадьяръ со всѣми его послѣдствіями, какъ развязка этой борьбы. Въ нашемъ сочиненіи мы сосредоточиваемъ вниманіе на мадьярскомъ погромѣ и произведенномъ имъ переворотѣ на среднемъ Дунаѣ. Но такъ какъ справедливая оцѣнка этого переворота всецѣло зависитъ отъ установленія правильнаго взгляда на первые два вопроса— о развитіи политическихъ силъ Моравскаго княжества и о результатахъ славяно-нѣмецкой распри, то понятно, что и эти два момента не могутъ не занять виднаго мѣста въ этомъ изслѣдованіи.

Само собой разумѣется, что мадьярскій погромъ интересуетъ насъ здѣсь не столько своимъ общимъ значеніемъ въ судьбахъ *всей Европы*, какъ водвореніе среди ея народовъ новаго, чуждаго всѣмъ имъ племени, играющаго такую выдающуюся роль въ ея дальнѣйшей политической исторіи, сколько по своему значенію въ судьбахъ *современнаго ему дунайскаго славянства* и въ отношеніяхъ послѣдняго къ германскому западу. Установить съ этой стороны правильную точку зрѣнія на вторженіе и поселеніе Мадьяръ на Дунаѣ,—въ этомъ заключается между прочимъ одна изъ задачъ нашихъ, помимо главной цѣли—посильно способствовать разъясненію исторіи самаго переселенія Мадьяръ изъ первоначальныхъ ихъ жилищъ на новую европейскую родину и связанныхъ съ нимъ вопросовъ.

При исполненіи указанной задачи мы главнымъ образомъ имѣли въ виду существованіе (и даже преобладаніе) въ наукѣ, по нашему убѣжденію, слишкомъ односторонняго и узкаго взгляда на занимающій насъ предметъ, исправленіе котораго на основаніи безпристрастнаго историческаго изысканія кажется намъ тѣмъ болѣе своевременнымъ, что онъ, оставаясь безъ повѣрки, и нынѣ повторяется большинствомъ, какъ непреложная истина, несмотря на то, что уже нѣсколько разъ раздавались отдѣльные голоса,

относившіеся къ нему съ сомнѣніемъ и становившіеся на иную точку зрѣнія. Предвзятый взглядъ настолько укоренился, что голоса эти оставались до сихъ поръ одинокими, между прочимъ и потому, что они высказывались или не довольно опредѣленно и рѣшительно, или только вскользь, мимоходомъ.

Мадьярскій погромъ, согласно этому одностороннему мнѣнію, былъ безусловно гибеленъ для западныхъ Славянъ, — это-де было одно изъ величайшихъ бѣдствій, когда-либо постигавшихъ славянство, ибо Мадьяры, врѣзавшись «клиномъ» въ самое сердце возникавшей будто-бы *исполинской* Славянской державы, долженствовавшей связать Славянъ сѣверозападныхъ съ южными, нанесли смертельный ударъ этой разроставшейся славянской силѣ и навѣки разрушили надежды западныхъ Славянъ на политическое объединеніе. . . .

Мысль эта, намекъ на которую мы находимъ уже у Шафарика[1]), была впервые рѣзко и опредѣленно высказана и развита Палацкимъ въ его «Исторіи чешскаго народа»; благодаря его авторитету, она получила всеобщее распространеніе и стала ходячимъ мнѣніемъ [2]).

Приводимъ слова самого Палацкаго: «Вторженіе мадьярскаго народа и водвореніе его въ Венгріи принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ событій всемірной исторіи; никогда судьба не поразила славянскаго міра ударомъ, который отозвался тяжеле на цѣлые вѣка. Въ IX вѣкѣ Славяне расширили поселенія свои отъ границъ Голштиніи до Пелопоннеса, и хотя они, вслѣдствіе старинной своей разрозненности, раздѣлены были между собою многоразлично, однако повсюду выказывали они себя

[1]) Слав. Древн. (перев. Бодянскаго), II т., кн. 2, стр. 307, 308, 322.

[2]) См. напр. у Мадьяръ: Szalay, Gesch. Ung. I B., Pest, 1866, S. 4; у Нѣмцевъ: Fessler-Klein, Gesch. v. Ung., Leipz. 1867, I B., S. 29—30; у Французовъ: Sayous, Les origines et l'époque païenne de l'histoire des Hongrois, Paris, 1874, p. 83—84. Также Rambaud, L'Empire Grec au X-me s., Paris 1870 p. 354—356. Срв. Krek, Einleitung in die slav. Literaturgesch. Graz, 1874 S. 81.

храбрыми, воспріимчивыми и дѣятельными. Въ серединѣ обширной полосы, занятой ими, начинало, подъ рукою Ростислава и Святополка, образоваться зерно, успѣшное развитіе котораго обѣщало въ будущемъ прекрасный цвѣтъ просвѣщенія христіанскаго и вмѣстѣ народнаго; расположеніе, которымъ оно пользовалось и отъ Рима и отъ Цареграда, ручалось за безконечный, можно сказать, успѣхъ его развитія. Къ этому зерну примкнули бы со временемъ, по внутреннему и внѣшнему побужденію, всѣ племена славянскія; отъ него они получили бы, вмѣстѣ съ христіанствомъ, если не новыя политическія учрежденія, то, по крайней мѣрѣ, образованность ново-европейскую и притомъ народную, умственную и промышленную дѣятельность, единство языка, письменъ и литературы. Какъ на западѣ, подъ вліяніемъ Рима, возникла монархія Франкская, точно также возникла бы на востокѣ, не безъ вліянія Византіи, великая держава Славянская, и восточная Европа получила бы, тысячу лѣтъ тому назадъ, другой вообще строй, нежели какъ то случилось. Но тѣмъ, что Мадьяры, ворвавшись въ самое сердце возникающаго организма, истребили это сердце, уничтожены были навсегда всѣ такого рода надежды. Члены великаго тѣла, еще не успѣвшіе сростись, распались снова, ибо чужая стихія насильно внѣдрилась между ними. Стоя одиноко, не зная никакихъ общихъ цѣлей, каждый членъ съ тѣхъ поръ заботился единственно о себѣ самомъ, тратилъ свои силы въ ничтожныхъ стычкахъ съ сосѣдями, и никогда уже не былъ въ состояніи твердо противостать иноземцамъ, соединеннымъ крѣпкою сосредоточенностью, основанною на общихъ ихъ выгодахъ. . . .» и т. д. [1]).

Такъ думалъ Палацкій. У насъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ и выразителемъ этой мысли былъ покойный Гильфердингъ, находившій даже, что она (эта мысль), хотя и была вполнѣ опредѣленно выражена Палацкимъ, всетаки «въ его Ис-

[1]) Palacký, Dějiny národu českeho, seš. 3 (2-ое изд. 1862), s. 223—224, (перев. Гильфердинга, см. Соб. соч. т. II, стр. 124).

торіи поставлена какъ-то отрывочно и теряется изъ виду при дальнѣйшемъ изложеніи судебъ Чешскаго народа». Гильфердингъ въ свою очередь такъ высказался объ этомъ событіи [1]): Послѣ истребленія Аваровъ «при распаденіи имперіи Карла Великаго вся нынѣшняя Венгрія очутилась во власти Славянъ. Болгарія занимала юговостокъ ея, Моравія—сѣверъ, а на югозападѣ возникло особое славянское княжество Блатенское. Равнины эти, такимъ образомъ, стали средоточіемъ и мѣстомъ соприкосновенія всего западнаго Славянства. Западная часть славянскаго племени, которая начинала уже распадаться на частныя группы и стремиться къ разъединенію, къ образованію нѣсколькихъ отдѣльныхъ народовъ и государствъ, снова увлечена была къ общенію и единству. Въ равнинахъ средняго Дуная поселенія Болгарскихъ Славянъ и Сербо-хорватскія сходились съ поселеніями Славянъ Закарпатскихъ; здѣсь могла образоваться точка соединенія между сѣверозападною группою Славянъ, занимавшею въ то время все пространство отъ Эльбы до Вислы и далѣе, до предѣловъ Литвы, и между группою югозападныхъ Славянъ, которая опиралась на Черное и Адріатическое море. Въ западной половинѣ славянскаго племени, простиравшейся отъ Даніи до Греціи, могло развиться то, что развилось потомъ въ восточной половинѣ, на Руси: единство народное и крѣпкая организація общественная и государственная. . .» (стр. 119).

Сказавъ о блестящемъ развитіи и силѣ Велико-моравскаго княжества, Гильфердингъ продолжаетъ: «Еслибы не помѣшала случайность, то западный Славянскій міръ, вѣроятно, приступилъ бы въ IX вѣкѣ къ исполненію той задачи, которая, какъ кажется, лежитъ на Россіи XIX вѣка. . . . Западному Славянскому міру помѣшала случайность, а эта случайность были—Мадьяры. Случайностью я называю ихъ нашествіе, разумѣется, не потому, чтобы я былъ поборникомъ того ученія, по которому случай является управителемъ судебъ человѣческихъ. Этого во-

[1]) Статья «Венгрія и Славяне», Соб. соч., т. II, стр. 113 и слѣд.

проса я вовсе не касаюсь, а говорю только, что, какъ фактъ, вторженіе Мадьяръ въ Европу имѣетъ характеръ случайности. . .» (стр. 120).

«Водвореніе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ имѣло неисчислимыя послѣдствія для западнаго Славянскаго міра. Племя, совершенно чуждое Славянамъ и всей Европѣ, раздѣлило западный Славянскій міръ на двѣ половины, сѣверную и южную, и не оставило между ними ни одной точки соприкосновенія. Западный Славянскій міръ предоставленъ былъ всецѣло духу обособленія, которому уже ничего не могло воспрепятствовать» (стр. 121).

Подробно развивъ эту мысль, Гильфердингъ приходитъ такимъ образомъ къ тому же выводу, что и Палацкій: «Послѣдствія водворенія Мадьяръ на Дунаѣ были огромныя, роковыя для цѣлой половины Славянскаго племени, для всей средней полосы Европы, отъ Эльбы до Нѣмана, отъ Адріатическаго до Чернаго моря!» Гильфердингъ до того увлекся этою мыслью, что считалъ ее совершенной аксіомой: «дѣло такъ ясно, такъ осязательно, прибавляетъ онъ, что не видѣть и не понять его нельзя безъ особеннаго ослѣпленія» [1]).

Такъ писалъ нашъ почтенный славистъ 20 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ это мнѣніе повторялось на разные лады и славянскими и неславянскими учеными. Однако давно пора исторической критикѣ съ полнымъ безпристрастіемъ взглянуть на этотъ вопросъ и провѣрить слишкомъ довѣрчиво принятое наукой мнѣніе, державшееся донынѣ съ одной стороны авторитетомъ Палацкаго и еще нѣкоторыхъ ученыхъ, въ этомъ случаѣ его послѣдователей, съ другой — благодаря существованію еще кое-какихъ предвзятыхъ, и потому неправильныхъ понятій по вопросу о состояніи западнаго славянства на Дунаѣ въ годину мадьярскаго погрома.

По зрѣломъ разсмотрѣніи вопроса дѣло въ томъ смыслѣ,

[1]) Тамъ же, стр. 124. Ту же мысль Гильфердингъ высказалъ въ своей «Исторіи Балтійскихъ Славянъ», Соб. соч. т. IV, стр. 308.

какъ его понимали обыкновенно, оказывается вовсе не такимъ яснымъ и осязательнымъ, какъ оно казалось Гильфердингу. Дѣйствительно, болѣе объективное отношеніе къ предмету и болѣе безпристрастное изслѣдованіе тѣхъ вопросовъ, которыми обусловливается тотъ или другой взглядъ на значеніе мадьярскаго погрома для западнаго славянскаго міра, не могутъ не убѣдить всякаго въ крайней односторонности укоренившагося воззрѣнія.

Никому, разумѣется, не придетъ въ голову утверждать, что мадьярское вторженіе въ середину славянскихъ земель не имѣло вообще весьма бѣдственныхъ послѣдствій для Славянъ. Взятое само по себѣ, оно (не говоря уже о тѣхъ бѣдствіяхъ для туземнаго населенія, которыми оно сопровождалось) несомнѣнно причинило глубокій, существенный вредъ западному славянскому міру, ибо Мадьяры во всякомъ случаѣ разобщили однихъ Славянъ отъ другихъ и, если позволительно такъ выразиться, подъ носомъ у нихъ завладѣли территоріей, на которую они, эти Славяне, какъ болѣе ранніе пришельцы, имѣли естественное и законное право и на которой со временемъ, *еслибъ не встрѣтилось препятствій*, конечно утвердились бы. Странно было бы отрицать эти вредныя послѣдствія мадьярскаго погрома, особенно въ настоящее время, когда на нашихъ глазахъ милліоны Славянъ, лишенныхъ народныхъ правъ, стонутъ подъ жестокимъ гнётомъ Мадьяръ, придумывающихъ всевозможныя средства для скорѣйшаго ихъ омадьяренія.... Но не слѣдуетъ забывать другого: никакое историческое событіе не можетъ быть разсматриваемо само по себѣ, безотносительно, какъ одинокій фактъ; оно получаетъ свой смыслъ и значеніе, находитъ себѣ историческую оцѣнку лишь въ тѣсной связи съ другими, является ли оно само слѣдствіемъ ряда предшествующихъ событій, или имѣетъ случайный характеръ и нарушаетъ собой естественный ходъ историческихъ явленій. Такимъ именно случайнымъ характеромъ отличается мадьярскій погромъ, и потому опредѣленіе его истиннаго значенія всецѣло зависитъ отъ вѣрной оцѣнки предшествующаго и современнаго ему хода событій, по-

литическихъ и этническихъ отношенiй, однимъ словомъ общаго положенiя дѣлъ на Дунаѣ наканунѣ водворенiя Мадьяръ въ дунайской равнинѣ. Если эта оцѣнка недостаточно безпристрастна и потому неправильна, то естественно и заключенiе о роли Мадьяръ при ихъ поселенiи въ Европѣ получается одностороннее и невѣрное... Итакъ вотъ гдѣ источникъ укоренившагося взгляда на занимающiй насъ вопросъ. Еслибъ дѣйствительно все было именно такъ въ концѣ IX в. на среднемъ Дунаѣ, какъ это представлялось Палацкому, Гильфердингу и другимъ, то безъ сомнѣнiя оставалось бы только согласиться съ ихъ мыслью; но въ этомъ-то ихъ взглядѣ на состоянiе дунайскаго славянства передъ приходомъ Мадьяръ и на сравнительныя силы его въ отношенiи къ западу и кроется вся суть дѣла.

Составлялъ ли весь западный славянскiй мiръ въ IX в. такое крѣпкое и многообѣщавшее цѣлое; могло ли образовавшееся на среднемъ Дунаѣ политическое зерно объединить всѣ западныя славянскiя племена и создать такимъ образомъ на западѣ «великую державу Славянскую», «единство народное и крѣпкую организацiю общественную и государственную»; было ли Моравское княжество дѣйствительно такъ сильно и заключало ли оно въ себѣ всѣ задатки для успѣшнаго политическаго и государственнаго развитiя; была ли въ концѣ концовъ успѣшна его борьба съ западнымъ сосѣдомъ и «отразило ли оно побѣдоносно всѣ удары Германiи» [1]),—однимъ словомъ только ли одни Мадьяры (эта «случайность»), были тѣмъ препятствiемъ, которое въ состоянiи было помѣшать спокойному политическому и культурному развитiю дунайскаго славянства и успѣшному объединенiю по его почину всѣхъ западныхъ славянскихъ племенъ въ одну великую державу, — вотъ вопросы, нуждающiеся въ строгомъ разборѣ, который, по крайнему нашему убѣжденiю, не можетъ не привести всякаго безпристрастнаго изслѣдователя скорѣе къ отрицательному, чѣмъ къ положительному на нихъ отвѣту.

[1]) Гильфердингъ, тамъ-же, стр. 119.

Съ другой стороны вопросъ о томъ, нанесли ли Мадьяры дѣйствительно такую глубокую рану Славянамъ Моравскаго княжества, истребили ли они окончательно «это сердце возникавшаго организма», заслуживаетъ также внимательнаго обслѣдованія.

Мы упомянули выше, что противъ господствующаго односторонняго взгляда на роль мадьярскаго погрома уже слышались отдѣльные (очень немногіе, впрочемъ) голоса [1]). Статья Гильфердинга о Мадьярахъ была написана въ 1860 г. За три года передъ тѣмъ (въ 1857 г.) о Мадьярахъ же и ихъ поселеніи въ Европѣ писалъ другой русскій писатель, Елагинъ, и что же? Онъ уже не послѣдовалъ за Палацкимъ, а сталъ совершенно на иную, болѣе широкую точку зрѣнія; онъ глубже вникъ въ политическія отношенія на среднемъ Дунаѣ передъ мадьярскимъ вторженіемъ; онъ вѣрнѣе оцѣнилъ съ одной стороны ту силу, которая давила Славянъ съ запада, съ другой тотъ отпоръ, который могъ ей еще оказать Моравскій политическій организмъ; онъ лучше понялъ возникшія на среднемъ Дунаѣ отношенія Славянъ къ Мадьярамъ (и наоборотъ), и вслѣдствіе того онъ пришелъ къ совершенно иному, чѣмъ Палацкій и Гильфердингъ, выводу.... Его замѣчательная для своего времени, талантливо написанная статья «Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы» (Русск. Бесѣда, М. 1858, кн. IX) уже ставитъ вопросъ гораздо шире и объективнѣе. Авторъ ея не преувеличиваетъ силъ и успѣховъ развитія Моравскаго княжества; онъ сознаетъ ту великую опасность, которая грозила дунайскому славянству со стороны Восточной марки, въ Панноніи, на самомъ среднемъ Дунаѣ. Говоря объ умноженіи

[1]) Такъ напр. В. И. Ламанскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Объ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ» (Спб. 1871, стр. 17) высказывается весьма ясно въ этомъ смыслѣ: «Въ X—XI вѣка происходитъ утвержденіе Угровъ или Мадьяръ въ Тиссо-Дунайской равнинѣ и образованіе на развалинахъ Моравской державы Святополка Угро-славянской державы Арпадовичей, *которая надолго, правда, вбила инородческій клинъ въ Славянское тѣло, тѣмъ не менѣе создала сильный оплотъ Славянамъ противъ Германіи*». Срв. еще стр. 31—32 (см. прим.), 37. Также въ его примѣч. къ переводу книги Штура «Славянство и міръ будущаго» М. 1867 (изъ «Чтеній въ Общ Ист. и Др. Росс.»), стр. 16.

нѣмецкихъ поселеній въ прежней Аваріи, онъ выражается такъ: «Но и дальше на востокъ, по всему правому берегу Дуная, до устьевъ Дравы, вбитъ былъ тяжелою рукою желѣзный клинъ въ самую середину славянства. Какое самобытное ядро государственнаго союза между Славянами могло здѣсь образоваться, покуда существовали сильныя маркграфства, поддержанныя Римомъ и Германіей! Балтійскіе Славяне могли за одно съ Варягами и Норманнами вести наступательную войну противъ Западной имперіи, которая, не имѣя морской силы, была побѣждена вездѣ, куда приставали Варяжскіе корабли, отъ устьевъ Эльбы до устьевъ Гароны. И только этимъ мстительнымъ союзомъ язычниковъ остановлено въ IX вѣкѣ распространеніе Имперіи за Эльбу. Но кто могъ преградить ей путь въ Дунайскія страны и уничтожить маркграфства? Какой народъ могъ на материкѣ Европы вести постоянную, наступательную войну? Ни у одного не было сословія воиновъ, жившаго войною и грабежомъ какъ Варяги. Отпоръ долженъ соразмѣряться съ силою удара. Оборона, безъ смѣлаго наступленія, только раздражала завоевателя. Ни союзъ угнетенныхъ, ни дружное возстаніе не были достаточны, потому что завоеватель, подвигая впередъ свои поселенія, вводилъ въ дѣло свѣжія силы. Но могъ ли возникнуть такой союзъ? Могло ли быть прочное единодушіе, когда среди угнетенныхъ жило римское духовенство, когда новообращенные христіане были уже отчасти преданы Имперіи» и т. д. [1]).

Отдавая справедливость доблестной политической и церковной борьбѣ Моравіи съ Нѣмцами, Елагинъ прибавляетъ: «Константиново и Меѳодіево торжество въ Римѣ, Святополкова побѣда надъ Германіей, — яркія явленія, до сихъ поръ одушевляющія Славянъ, — заставляютъ забывать, что нынѣшнее Эрцгерцогство и вся Нижняя Паннонія, въ рукахъ у сильныхъ маркграфовъ и умныхъ архіепископовъ, тогда-же подрѣзывали въ

[1]) Русская Бесѣда, тамъ-же, стр. 126—127.

корнѣ силу дунайскихъ народовъ». [1]) Нашъ авторъ критически отнесся ко взгляду Палацкаго на разрушеніе Моравскаго союза будто-бы единственно подъ ударами Угровъ. По его мнѣнію, ударъ въ самое сердце Славянъ (дунайскихъ) нанесенъ гораздо прежде и «не Уграми, а искусною рукою латинскаго епископа Викинга»; «не они разрушили самобытную Славянскую Моравію. Она была убита прежде» [2]). Этихъ извлеченій, кажется намъ, достаточно, чтобы познакомить читателей съ воззрѣніемъ Елагина на вопросъ. Мы не будемъ распространяться здѣсь о его взглядѣ на отношенія дунайскихъ Славянъ къ Мадьярамъ и обратно въ эпоху водворенія послѣднихъ на Дунаѣ. Можетъ-быть онъ и увлекался нѣсколько, уже слишкомъ преувеличивая ихъ взаимныя дружественныя отношенія, но во всякомъ случаѣ и въ этомъ пунктѣ онъ правъ во многомъ и имъ высказано не мало справедливыхъ мыслей и соображеній. Вотъ какъ въ концѣ концовъ онъ формулируетъ свое заключеніе о значеніи мадьярскаго нашествія и поселенія на Дунаѣ въ исторіи дунайскаго славянства: «Еслибы языческое государство (т. е. Угрія), говоритъ онъ, не выросло вдругъ на Дунаѣ въ концѣ IX вѣка, то въ XIX-мъ Шафарикъ, вѣроятно, не сказалъ-бы про Венгерскихъ Славянъ слѣдующихъ словъ: «Словаки и Русскіе, живущіе подъ Карпатами (въ Венгріи), отстояли свою народность, подобно Моравцамъ, Хорутанамъ, Хорватамъ и Сербамъ» [3]).

Если мыслію о неизмѣримомъ вредѣ, нанесенномъ Мадьярами всему западному славянскому міру, увлекались и нѣкоторыя нѣмецкіе ученые, [4]) то все-же и среди нихъ въ свою очередь

[1]) Тамъ-же, стр. 128.

[2]) Тамъ-же, стр. 152. Эта мысль о паденіи Моравіи не столько отъ Угровъ, сколько отъ внутреннихъ причинъ, и именно отъ непрочности самаго зданія, построеннаго Моравскими князьями, такъ сказать отъ недостатка у него твердаго фундамента и связующаго цемента, была позже высказана, хотя не довольно опредѣленно и рѣшительно,—Дудикомъ въ его Gesch. Mähr. I, 1860, S. 323; 344—345.

[3]) Русская Бесѣда, тамъ же, стр. 168.

[4]) Напр. Fessler-Klein, o. c., S. 29—30.

мы встрѣчаемъ такихъ, которые болѣе трезво отнеслись къ дѣлу и вѣрно оцѣнили послѣдствія водворенія Мадьяръ на Дунаѣ, несравненно болѣе вредныя и даже пагубныя для Нѣмцевъ и ихъ возраставшаго господства въ земляхъ дунайскихъ Славянъ (чѣмъ для этихъ Славянъ), вообще для политическихъ и культурныхъ интересовъ запада на славянскомъ востокѣ.

Между прочимъ Рёслеръ, авторъ извѣстнаго и замѣчательнаго труда «Romänische Studien», высказался въ такомъ же смыслѣ, впрочемъ не безъ тенденціозной подкладки. Ставъ на точку зрѣнія собственно «интересовъ культуры», онъ съ высоты ея утверждаетъ, что для этой культуры ударъ, нанесенный Франкской монархіи и нѣмецкой колонизаціи на среднемъ Дунаѣ, былъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ разобщеніе и разъединеніе Славянъ на двое, причиненное мадьярскимъ поселеніемъ [1]). Объективнѣе и вмѣстѣ опредѣленнѣе высказывается по тому же вопросу авторъ новѣйшаго изслѣдованія «О началахъ нѣмецкой жизни въ Австріи» [2]). Свою рѣчь о роковомъ значеніи и гибельныхъ послѣдствіяхъ для Нѣмцевъ несчастной битвы 907 года онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Еслибы не вмѣшались Мадьяры и не было битвы 907 г., то по человѣческимъ соображеніямъ границы сплошной чисто-нѣмецкой территоріи были бы нынѣ не на верхнемъ Раабѣ, а на нижней Савѣ». Мы съ своей стороны убѣждены, что не будь вторженія и водворенія Мадьяръ на Дунаѣ, ничто не могло бы помѣшать германскому племени раздвинуть эти границы и по сю сторону Дуная (на лѣвомъ его берегу) еще значительно далѣе на востокъ...

[1]) Roesler, R. St., 1871, S. 170: «So war dieses schöne Grenzland (Pannonien) der fränkischen Monarchie verloren und der deutschen Colonisation für immer entzogen, ein unserer Ansicht nach viel schmerzlicherer Schlag für die Cultur, als jene durch die Magyaren bewirkte Ausernanderreissung der Slaven in zwei räumlich getheilte Massen welche ein böhmischer Schriftsteller (т. е. Палацкій) als ein so grosses Unglück beklagt hat, denn die slavischen Staatsgebilde wollten denn doch zu keiner Zeit sonderlich gedeihen und der Welt einen grossen geistigen Gewinn abwerfen».

[2]) Kaemmel, Die Anfänge deutsch. Lebens in Oesterreich, Leipz., 1879, S. 301—302.

Итакъ мысль о томъ, что Мадьяры своимъ вторженіемъ въ Европу и поселеніемъ на Дунаѣ нанесли сравнительно болѣе чувствительный ударъ Нѣмцамъ и ихъ интересамъ, чѣмъ Славянамъ, которымъ они должны были служить оплотомъ противъ напора запада, не нова[1]). Тѣмъ не менѣе ей не удалось еще завоевать всеобщаго признанія, и неудивительно: она высказывалась до сихъ поръ большей частью случайно, еще слишкомъ немногими, и притомъ безъ надлежащаго подкрѣпленія ея строгимъ разборомъ имѣющихся историческихъ фактовъ и данныхъ. Съ своей стороны не лишнимъ считаемъ замѣтить, что мы пришли къ ней независимо отъ вышеназванныхъ авторовъ, съ мнѣніями которыхъ познакомились лишь позднѣе. Убѣжденіе въ правильности этого взгляда все болѣе крѣпло въ насъ по мѣрѣ углубленія въ предметъ и послѣ разбора наиболѣе важныхъ для него вопросовъ. Является ли оно въ нашемъ трудѣ дѣйствительно имѣющимъ подъ собою фактическую почву, судить не намъ.

Здѣсь же будетъ умѣстно сказать еще нѣсколько словъ о содержаніи нашего изслѣдованія. Мы сочли полезнымъ предпослать (въ *первой* гл.) изложенію занимающей насъ эпохи краткій очеркъ судьбы дунайскихъ земель съ древнѣйшаго времени, чтобы освѣтить по возможности этническое состояніе ихъ въ IX вѣкѣ. Правильная оцѣнка результатовъ *мадьярскаго погрома* въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ вѣрнаго взгляда на предшествовавшія ему не только политическія, но и этническія отношенія на Дунаѣ, т. е. на распредѣленіе населенія по народностямъ и по сравнительной густотѣ какъ на территоріи, занятой новыми пришельцами, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстностяхъ. При исполненіи этой задачи мы должны были встрѣтиться со многими

[1]) Въ томъ же смыслѣ, т. е. противъ взгляда Палацкаго, высказался въ послѣднее время мадьярскій ученый Гунфальви (Hunfalvy, Ethnogr. v. Ung., Budapest, 1877, S. 299—300), осуждающій своихъ соотечественниковъ за принятіе этой «призрачной» теоріи (leeres Traumgebilde), изъ которой они создаютъ себѣ какую-то національную славу.

темными и далеко еще не разрѣшенными этнологическими вопросами, совсѣмъ обойти которые мы не считали себя въ правѣ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ такого рода, что самостоятельный и добросовѣстный отвѣтъ на нихъ требуетъ продолжительныхъ спеціальныхъ и разностороннихъ изысканій. Мы не могли конечно принимать на себя подобный трудъ, имѣя передъ собой иную главную задачу, и потому должны были иногда останавливаться очень недолго на такомъ вопросѣ, который самъ по себѣ заслуживалъ бы бо́льшаго вниманія. Но, высказываясь въ томъ или другомъ смыслѣ, мы однако постоянно старались по возможности ясно и опредѣленно установить нашъ взглядъ, мотивируя его собственными соображеніями и критикою чужихъ мнѣній. Въ вопросахъ о распредѣленіи народностей въ древности въ дунайскихъ странахъ мы, къ сожалѣнію, не всегда могли воспользоваться не маловажнымъ матерьяломъ, а именно данными географической номенклатуры, которыя въ послѣднее время справедливо стали предметомъ особеннаго вниманія науки. Но для странъ восточно-дунайскихъ (вообще для нынѣшней Угріи, Трансильваніи и проч.) онѣ остаются не только еще вовсе не разработанными, но и далеко не собранными [1]). Впрочемъ для нашихъ цѣлей въ настоящемъ случаѣ достаточно было приблизительныхъ выводовъ изъ общихъ наблюденій и соображеній, такъ что этотъ пробѣлъ относительно подробностей, надѣемся, не будетъ поставленъ намъ въ вину. Рѣшая вопросы исторіи и этнологіи, мы старались нигдѣ не упускать изъ виду условій географическихъ, или территоріальныхъ, тѣмъ болѣе, что зани-

[1]) Важность этого рода изслѣдованій надъ географической номенклатурой сознается нынѣ и мадьярскими учеными. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Pesty Frigyes (Фридрихъ Пешти) издалъ монографію «Географическія названія и исторія» (A helynevek és a történelem) въ Изв. Венг. Акад. Н., VIII В. 1 Н. Budapest, гдѣ авторъ говоритъ вообще объ услугахъ филологіи — историческимъ изысканіямъ, о пріемахъ, необходимыхъ при изслѣдованіи названій мѣстъ и пр. См. о ней въ Literarische Berichte aus Ungarn, изд. P. Hunfalvy, 1878 (Budapest), II, 4 H., Sitzungsberichte, S. 635. Къ сожалѣнію, мы сами не имѣли возможности познакомиться съ этой монографіей.

мающія насъ дунайскія земли должны обращать на себя особенное вниманіе историка своимъ своеобразнымъ географическимъ положеніемъ и характеромъ природы. Нельзя однако не замѣтить, что эти условія вообще не всегда достаточно принимались въ расчетъ при рѣшеніи историко-этнологическихъ вопросовъ. Въ частности это относится и къ исторіи мадьярскаго погрома и ко взгляду на состояніе дунайскихъ земель до поселенія Мадьяръ. И здѣсь и тамъ существовали и долго держались мнѣнія, возникшія только вслѣдствіе невниманія къ условіямъ природы и характеру территоріи.

Что касается *второй* главы нашего труда, «Очерка политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ передъ мадьярскимъ погромомъ», то и въ немъ играетъ не послѣднюю роль вопросъ этнологическій, именно о составѣ населенія земель восточно-альпійскихъ и древней Панноніи къ концу IX вѣка, т. е. объ успѣхахъ нѣмецкой колонизаціи на этой территоріи. Такимъ образомъ и здѣсь данныя географической номенклатуры, почерпнутыя изъ источниковъ, выдвигаются на передній планъ и представляютъ почти единственную твердую почву для выводовъ. Къ счастью, этотъ матерьялъ (для восточно-альпійскихъ странъ) подвергся уже довольно тщательному изслѣдованію, такъ что мы имѣли возможность воспользоваться его результатами, не вдаваясь сами въ спеціальное изысканіе, что̀ завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Наиболѣе важную часть этого обзора политическихъ отношеній составляетъ очеркъ судьбы Моравскаго княжества. Здѣсь намъ не было необходимости излагать во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ исторію Моравскаго и Паннонскаго княжествъ, останавливаться на всѣхъ возникающихъ при этомъ частныхъ вопросахъ, изъ которыхъ многіе и важны сами по себѣ, но не имѣютъ прямого отношенія къ нашей задачѣ. Наше главное вниманіе должно было быть обращено на общее развитіе внутреннихъ силъ и внѣшняго политическаго могущества Моравіи посреди ея борьбы съ западнымъ сосѣдомъ, на условія этой борьбы и на ея несчастный для дунайскаго славянства оборотъ къ концу IX в.

Два послѣдніе, существенные отдѣла нашего сочиненія посвящены главной темѣ его: переселенію Мадьяръ изъ первоначальной родины сначала на нижній Дунай, а затѣмъ въ центральную тиссо-дунайскую равнину, водворенію ихъ здѣсь и произведенному ими полическому перевороту. Много трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ встрѣчаетъ изслѣдователь на этомъ пути, много труда уже было положено для ихъ разъясненія, но считать ихъ исчерпанными было бы преждевременно.

Подвергнуть уже сдѣланное новому пересмотру и провѣркѣ, представить свои соображенія и свой взглядъ на нѣкоторые спорные пункты, свести воедино добытые результаты, вообще дать нѣчто болѣе цѣльное по этому крайне интересному предмету мы считали тѣмъ болѣе полезнымъ и своевременнымъ, что въ нашей ученой литературѣ положительно чувствуется пробѣлъ въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніе считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить нашу искреннѣйшую признательность глубокоуважаемому Владиміру Ивановичу Ламанскому за оказанное намъ содѣйствіе многими полезными совѣтами, указаніями и замѣчаніями, а также и другимъ лицамъ, которымъ мы обязаны сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по литературѣ предмета.

Константинъ Гротъ.

Апрѣль 1881.

I.

ВЗГЛЯДЪ НА СУДЬБУ СРЕДНЕ- И НИЖНЕ-ДУНАЙСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ ДО НАЧАЛА IX ВѢКА.

(ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.)

Предварительныя замѣчанія. Географическое положеніе и природный характеръ дунайскихъ земель. Очеркъ судьбы ихъ съ древнѣйшихъ временъ и этническія превращенія. Заключеніе: этническій составъ дунайскихъ земель въ началѣ IX вѣка.

Этническое состояніе дунайскихъ земель въ IX вѣкѣ и ранѣе, съ древнѣйшаго времени, представляетъ весьма много темнаго и невыясненнаго. Давно уже былъ возбужденъ рядъ спорныхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ не мало потрудились представители славянской и западно-европейской науки. Благодаря этимъ трудамъ нѣкоторый свѣтъ успѣлъ проникнуть въ эту область, но многое остается и донынѣ не разгаданнымъ и спорнымъ, представляя будущимъ изслѣдователямъ не только на почвѣ исторіи, но и языкознанія (географическая номенклатура и языки нынѣшнихъ обитателей этихъ странъ) обширное и многотрудное поле для разработки.

Послѣ темной эпохи великихъ народныхъ передвиженій и слѣдовавшаго за ними прочнаго разселенія славянскихъ племенъ въ подунайскихъ земляхъ, послѣ не менѣе темной эпохи авар-

скаго владычества, торжество Франковъ надъ Аварами (въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка) открываетъ здѣсь новую историческую эру, вызываетъ къ новой жизни сосѣднія съ Нѣмцами славянскія народности, коснѣвшія до тѣхъ поръ въ тяжкой зависимости, и втягиваетъ ихъ въ политическую жизнь и культурныя отношенія западныхъ народовъ Европы. Такимъ образомъ свѣтъ исторіи начинаетъ проникать и въ дунайскія страны, и мало по малу раскрываетъ передъ нашими умственными взорами картину культурнаго и политическаго состоянія пестрой массы племенъ, ее населявшихъ. Однако этническій составъ населенія обнаруживается въ началѣ IX вѣка только въ самыхъ общихъ чертахъ, и притомъ только въ западной части интересующей насъ территоріи, тогда какъ восточная ея часть остается попрежнему окутанной мракомъ еще долго послѣ того. Вторая половина IX вѣка на среднемъ Дунаѣ богата событіями первостепенной исторической важности, извѣстія о которыхъ мы почерпаемъ въ довольно значительномъ количествѣ у западныхъ лѣтописцевъ, но несмотря на то, этническое состояніе Моравіи, Панноніи, восточно-альпійскихъ земель и сосѣднихъ подунайскихъ мѣстностей въ ту эпоху представляетъ много невыясненнаго. Тѣмъ труднѣе хотя приблизительно возсоздать себѣ этническую картину восточной половины нынѣшней Австро-Венгріи, т. е. центральной Угріи и Трансильваніи, странъ сѣверо-карпатскихъ и нижнедунайскихъ, ибо онѣ и въ IX вѣкѣ остаются все еще въ сторонѣ отъ того политическаго и культурнаго движенія, которое съ паденіемъ аварскаго владычества охватило сосѣднія западныя земли. Оттуда непримиримое разногласіе и споры ученыхъ въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ напримѣръ вопросъ *румынскій*, т. е. о началѣ румынскихъ поселеній на сѣверѣ отъ нижняго Дуная и въ Трансильваніи, вопросъ о распредѣленіи и густотѣ славянскаго населенія въ этой послѣдней странѣ и въ смежныхъ съ нею и проч. Рядомъ съ этимъ не менѣе трудностей представляетъ вопросъ — собственно о *славянскихъ* поселеніяхъ на всемъ пространствѣ карпато-дунайской территоріи. Фактъ преобладанія

съ давнихъ поръ (съ конца VI вѣка по Р. Х.) славянскихъ поселеній на этой территоріи конечно не подлежитъ сомнѣнію, но гораздо сложнѣе вопросъ о томъ, какъ распредѣлялось въ древности это славянское населеніе, гдѣ оно было чаще, гдѣ рѣже, гдѣ его можетъ быть совсѣмъ не было, не было ли оно перемѣшано съ другими элементами, и если да, то съ какими именно, затѣмъ гдѣ и въ какой мѣрѣ. На все это можно отвѣчать далеко еще не всегда опредѣленно и точно, вообще только приблизительно, въ особенности пока еще не выполнена работа, на основаніи которой можно будетъ получить сравнительно болѣе точные выводы, т. е. рядомъ съ историческими изысканіями тщательное изслѣдованіе славянскихъ и неславянскихъ географическихъ и топографическихъ названій. Наконецъ, еще болѣе трудностей представляетъ вопросъ, рѣшенія котораго нельзя ожидать въ скоромъ будущемъ, такъ какъ въ основу его должны быть положены, кромѣ историческихъ соображеній, еще многія спеціально-лингвистическія изученія. Мы разумѣемъ распредѣленіе дунайскихъ Славянъ того времени по группамъ или народностямъ, наиболѣе точное ихъ территоріальное разграниченіе по этимъ группамъ. До сихъ поръ очевидно не найдено еще достаточно твердыхъ точекъ опоры для такого разграниченія, такъ что даже по вопросу объ этническомъ составѣ Моравскаго княжества ученые держатся совершенно различныхъ, не примиримыхъ между собою взглядовъ. Точно такое же разногласіе существуетъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и по отношенію къ Славянамъ восточно-дунайской территоріи, въ особенности къ жившимъ въ Трансильваніи и Валахіи. Итакъ историкъ, желающій уяснить себѣ состояніе всѣхъ этихъ земель съ этнической стороны къ началу IX вѣка, принужденъ поневолѣ пробираться нетвердымъ шагомъ и ощупью черезъ цѣлый рядъ темныхъ этнологическихъ вопросовъ и загадокъ, посильно рѣшая ихъ для себя на основаніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми онъ можетъ располагать при современномъ состояніи науки, и довольствуясь такимъ образомъ, большею частію, лишь приблизительными выводами.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ историческому очерку, будетъ не безполезно особо бросить взглядъ на природу дунайской территоріи, т. е. на устройство ея поверхности и на характерныя особенности отдѣльныхъ частей ея.

Занимающія насъ подунайскія страны (приблизительно въ границахъ нынѣшней Австро-Венгріи со включеніемъ Молдовалашской низменности) представляютъ самую разнообразную поверхность, на которой можно найти всѣ ступени повышенія и пониженія почвы — отъ снѣжныхъ вершинъ и величественныхъ горныхъ хребтовъ до пространныхъ равнинъ и самыхъ низменныхъ степей. Что касается общаго вида этой территоріи, то она состоитъ изъ обширной *среднедунайской равнины*, раздѣленной горнымъ хребтомъ (Баконскимъ лѣсомъ) на двѣ неравныя части [1]), и нѣсколькихъ *горныхъ системъ*, окружающихъ ее почти со всѣхъ сторонъ [2]). Только съ юга ее окаймляютъ воды Дуная и одного изъ его большихъ притоковъ (Савы). Эта пространная однообразная низменность, мѣстами сухая, мѣстами болотистая (около рѣкъ), особенно восточная ея половина, напоминаетъ своимъ степнымъ характеромъ и свойствами почвы нашу великую южно-русскую низменность, связующую Европу со степями средней Азіи. Не даромъ она во всѣ времена такъ привлекала къ себѣ полчища восточныхъ кочевниковъ, этихъ прямыхъ дѣтей и питомцевъ однообразной и необозримой степи.

Величественный Дунай съ своими многочисленными притоками орошаетъ всю эту равнину и эти горныя страны, на-

[1]) *Малая угорская* равнина простирается по обѣ стороны средняго Дуная (отъ Пресбурга до р. Грона) и орошается на сѣверѣ рѣкою Ваагомъ и Нитрой, на югѣ Раабомъ и Рабницомъ; она заключаетъ въ себѣ отъ 300—400 квадр. нѣмецкихъ миль, тогда какъ протяженіе восточной *великой угорской* равнины (тиссо-дунайской) составляетъ 1700 квадр. миль. См. Петерсонъ: «Венгрія и ея жители» (перев. съ англійск. 1876), стр. 46.

[2]) Такихъ горныхъ системъ три: 1) *Альпійкая*, обнимающая собою въ предѣлахъ Австро-Венгріи площадь приблизит. въ 3000 кв. миль; 2) *Герцино-Судетская*, простирающаяся на 1600 кв. миль, и наконецъ 3) *Карпатская*—въ общей сложности на 5000 кв. миль. См. Grassauer, Landeskunde von Oestrreich-Ungarn, Wien, 1875, S. 7—17.

правляетъ ихъ жизнь и даетъ имъ значеніе и видную роль въ системѣ земель этой части Европы. Устремляя свои обильныя воды съ запада на востокъ (съ нѣкоторыми уклоненіями) — къ Черному морю, онъ сообщаетъ и исторической жизни всей дунайской территоріи то же самое направленіе, ибо всегда теченіемъ главной рѣки опредѣляется и направленіе народной жизни[1]). Отсюда понятно и значеніе Чернаго моря для подунайскихъ странъ. Дунайская рѣчная система[2]) представляетъ весьма развитую и разнообразную водную сѣть. Посредствомъ притоковъ Дуная всѣ ближнія и дальнія части этой системы тѣсно связаны другъ съ другомъ и всѣ ихъ жизненные интересы сосредоточиваются на Дунаѣ: онъ былъ и есть такимъ образомъ главной опорой и проводникомъ какъ промышленно-торговой, такъ и политической жизни всего края. Понятно, съ какими выгодами всегда было связано обладаніе берегами Дуная (а также и устьемъ) и какъ ради нихъ постоянно стремились къ этому обладанію сосѣдніе народы и государства, которыхъ судьба и благосостояніе отъ того зависѣли. Въ эпоху великихъ народныхъ переселеній въ Европу Дунай, предназначенный самою природою быть удобною политическою границею, долженъ былъ стать оборонительною линіею сперва для Римской, и потомъ для Византійской имперіи противъ сѣверныхъ и восточныхъ варваровъ, стремившихся овладѣть богатствами цивилизованнаго юга; ему приходилось служить то мирнымъ торговымъ и промышленнымъ, то военнымъ и стратегическимъ цѣлямъ, смотря по тому, господствовали ли на немъ мирные обладатели сосѣднихъ странъ со своими интересами народнаго благосостоянія и культуры, или воинственные и полудикіе пришельцы съ востока съ своими грубыми и хищническими инстинктами.

[1]) Направленіемъ Дуная съ запада на востокъ опредѣляется и ходъ историческаго развитія Австро-Венгріи, которую недаромъ называютъ иногда «Дунайскимъ государствомъ».

[2]) Бассейнъ Дуная (въ предѣлахъ Австро-Венгріи) составляетъ 7994 кв. мили. (см. Grassauer, ibid. S. 20).

Въ связи съ разнообразіемъ въ устройствѣ поверхности дунайскихъ земель находится подобное же разнообразіе почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разнообразіе въ условіяхъ жизни и родахъ дѣятельности населенія. Благодаря этому подунайскія страны издавна привлекали въ свои горы, долины и равнины поселенцевъ самыхъ различныхъ типовъ: и пастухъ-скотоводъ, и поселянинъ-земледѣлецъ, и степнякъ-кочевникъ находили себѣ тамъ пріютъ и подходящую дѣятельность. Первый пасъ свои стада и занимался кое-какими промыслами среди высокихъ и часто неприступныхъ горъ съ ихъ разнообразными лѣсами и удобными пастбищами; поселянинъ-земледѣлецъ населялъ и обработывалъ плодородныя долины рѣкъ, несшихъ свои воды изъ этихъ горъ въ Дунай по холмистымъ краямъ, составляющимъ переходъ отъ области высокихъ горъ къ низменности; онъ спускался также и въ эту низменность, заселяя тѣ ея мѣстности, которыя своимъ положеніемъ и почвою оказывались удобными для хлѣбопашества; наконецъ степнякъ-кочевникъ устремлялся въ широкую совершенно безлѣсную дунайскую равнину съ ея степнымъ и пустыннымъ характеромъ, гдѣ находилъ раздолье и просторъ и для себя и для коня своего. Охота, рыболовство и хищническіе набѣги на сосѣднее осѣдлое населеніе вполнѣ удовлетворяли его. Находясь на первобытной ступени культурнаго развитія, онъ ничего другого не искалъ и не желалъ.

Въ настоящее время Мадьяры, жители этой центральной равнины на среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ (этнографическая ихъ граница приблизительно совпадаетъ съ границами всей среднедунайской равнины), занимаются почти исключительно земледѣліемъ, хотя не теряютъ склонности и къ пастушескому быту; они почерпаютъ свое благосостояніе изъ своего плодороднаго *Альфэльда* (Alföld)[1]; но

[1]) Такъ называется *низменная* Угрія, буквально «низменность», въ противоположность Felföld'у (возвышенность), т. е. сѣверной горной прикарпатской Угріи. Самая плодородная часть Альфэльда есть такъ называемый Темешскій Банатъ. Объ Альфэльдѣ срв. Петерсонъ, въ названномъ сочиненіи, стр. 45—58.

если и нынѣ земледѣльцу этого Альфэльда приходится не мало бороться съ неблагопріятными почвенными условіями (слишкомъ большою сухостью или чрезмѣрною влажностью), то въ глубокую древность здѣшняя почва была конечно еще несравненно менѣе удобна для правильнаго занятія хлѣбопашествомъ. Надо имѣть въ виду, что во времена доисторическія, какъ утверждаютъ геологи, и большая и малая дунайскія низменности были скрыты подъ водою нѣкогда существовавшаго здѣсь внутренняго моря, а потому представляютъ территорію сравнительно молодую по своему образованію. Естественно, что болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ эта почва была слишкомъ еще тучною и влажною, подвергалась безпрестаннымъ обильнымъ наводненіямъ и слѣдовательно не представляла благопріятныхъ условій для обработки. Осѣдлый житель земледѣлецъ предпочиталъ болѣе высокія и болѣе защищенныя мѣстности, такъ что низменныя степныя пространства (пустошь, «пуста», мадьярск. puszta) со своими богатыми лугами оставались почти вовсе незаселенными, пока не овладѣвали ими толпы пришлыхъ съ востока кочевниковъ, которымъ только нужны были степной просторъ и обильный подножный кормъ для лошадей и прочаго ихъ скота.

Понятно, въ какой тѣсной связи всегда находится историческая судьба и культурное развитіе населенія съ природными условіями и характеромъ территоріи. Этнологическія явленія развиваются въ прямой зависимости отъ этихъ условій. Устойчивость народонаселенія въ горахъ и сравнительная его обезпеченность отъ внѣшнихъ враговъ имѣютъ главнымъ слѣдствіемъ то, что въ горной странѣ древнѣйшее населеніе и древнѣйшая культура держатся несравненно долѣе, чѣмъ въ странѣ равнинной и низменной. Въ неменьшей зависимости отъ природнаго характера страны находится и политическое развитіе народа. Въ осѣдломъ земледѣльческомъ населеніи равнины, подъ вліяніемъ постоянной опасности отъ непріятельскихъ вторженій и сопряженныхъ съ ними бѣдствій, рано зарождается и развивается сознаніе общности интересовъ и мысль о необходимости сплоченія и единенія (что и служитъ факто-

ромъ въ образованіи политическихъ союзовъ, а потомъ и государствъ). Въ жизни горцевъ мы видимъ совершенно другое: здѣсь каждому присуще сознаніе сравнительной безопасности отъ внѣшнихъ невзгодъ, всякій живетъ самъ по себѣ, сообразуясь въ своихъ нуждахъ и образѣ жизни съ суровой природой и съ тѣмъ, что она можетъ ему дать. Горцы не чувствуютъ такой потребности во взаимной помощи и въ общемъ союзѣ, и потому у нихъ обыкновенно медленнѣе развиваются начала государственнаго и политическаго сплоченія въ одно цѣлое.

Всѣ эти и подобныя явленія не могли конечно не сказаться и въ исторіи и этнологіи дунайской территоріи: и здѣсь въ мало доступныхъ горахъ (Альпахъ, Карпатахъ, Судетахъ) удержалось наиболѣе первобытное населеніе, хотя мѣстами и подвергшееся нѣсколько вліянію тѣхъ народныхъ элементовъ, которые въ теченіе вѣковъ, въ эпохи бурныхъ событій на Дунаѣ, искали убѣжища въ этихъ горахъ и иногда поселялись въ нихъ окончательно. Иное явленіе происходило въ среднедунайской равнинѣ. Къ вліянію ея природнаго характера присоединялось и вліяніе ея исключительнаго географическаго положенія — на пути народныхъ передвиженій съ востока на западъ и югъ Европы. Несмотря на свое сравнительно замкнутое положеніе, дунайская низменность была доступна съ разныхъ сторонъ. Проходами сѣверныхъ и восточныхъ Карпатовъ проникали въ нее въ періодъ народныхъ переселеній полуосѣдлые народы сѣвера и востока Европы, искавшіе новыхъ жилищъ на западѣ и югѣ и тутъ на Дунаѣ вступавшіе въ борьбу съ дряхлѣвшимъ древне-римскимъ міромъ, на развалинахъ котораго они были призваны начать новую жизнь и основать собственное могущество. Южнымъ или вѣрнѣе юговосточнымъ путемъ по Дунаю вторгались въ нее конныя полчища степныхъ кочевниковъ, для которыхъ горные лѣсистые края не могли быть доступны и которые изъ южныхъ степей Россіи направлялись постоянно тѣмъ же удобнымъ для нихъ путемъ къ нижнему Дунаю—низменностью нынѣшней Валахіи, вдоль по его теченію, и у такъ называемыхъ «Желѣз-

ныхъ Воротъ» (между Банатскими и Сербскими горами) проникали въ среднедунайскую равнину. Естественно поэтому, что въ послѣдней никакимъ образомъ не могло сохраниться древнѣйшее первобытное населеніе. Въ эпоху великаго переселенія она была ареной безпрерывныхъ передвиженій, столкновеній и борьбы народовъ и племенъ, приливавшихъ съ востока и сѣвера. Это бурное время мало по малу искоренило тѣ элементы первоначальнаго осѣдлаго населенія, которые существовали здѣсь въ кельто-ѳракійскую, а затѣмъ въ культурную римскую эпоху, но не замѣнило ихъ никакимъ другимъ осѣдлымъ населеніемъ. Лишь послѣ распаденія гуннской державы начался процессъ заселенія входившихъ въ нее странъ новымъ земледѣльческимъ народомъ (Славянами), который быстро и безъ особеннаго шума распространился по всѣмъ направленіямъ въ сравнительно обезлюдѣвшія земли. Тогда-то совершенно измѣнилась картина подунайской территоріи; измѣнилось и положеніе дѣлъ въ равнинѣ. Самая центральная и низменная часть ея оставалась, правда, и послѣ того мало населенною осѣдлыми жителями и подверженною всякимъ случайнымъ напастямъ, но за то вся, природою болѣе защищенная, холмистая полоса ея, прилегающая къ возвышенностямъ, не подвергалась уже болѣе такимъ кореннымъ этническимъ превращеніямъ, какъ прежде. Послѣдующія вторженія кочевыхъ ордъ съ востока не были уже въ состояніи совершенно согнать или искоренить осѣдлое населеніе этихъ мѣстностей. Неожиданный набѣгъ дикихъ пришельцевъ производилъ конечно не малое смятеніе и панику въ осѣдлыхъ жителяхъ: многіе изъ нихъ убѣгали и скрывались въ сосѣднихъ горахъ, но большинство покорялось новымъ господамъ и хотя должно было удовлетворять ихъ въ видѣ дани плодами своего земледѣльческаго труда, составлявшими все ихъ богатство, всетаки мирилось съ своимъ положеніемъ, ибо слишкомъ дорожило своею осѣдлостью и своею землею и вѣрило, что господство кочевниковъ по ограниченности ихъ числа и силъ должно будетъ рано или поздно прекратиться.

Мы представимъ теперь краткую характеристику отдѣльныхъ дунайскихъ странъ, входящихъ въ область нашего изслѣдованія,—со стороны ихъ природныхъ особенностей, территоріальныхъ условій и исторической роли.

На сѣверъ отъ Нижняго Дуная простирается обширная *Молдаво-валашская низменность*, составляющая нынѣ княжество Валахію и южную часть Молдавіи. Отроги Карпатскихъ горъ, окаймляющихъ ее съ сѣвера, занимаютъ всю сѣверную часть Молдавіи и тянутся еще далѣе на востокъ по Бессарабіи; въ Валахіи они не простираются южнѣе самыхъ сѣверныхъ ея окраинъ. Низменность эта отъ устьевъ Дуная продолжается на сѣверо-востокъ берегомъ Чернаго моря и сливается тамъ съ необозримой степной равниной южной Руси. Многочисленные и многоводные притоки Дуная орошаютъ ее, вытекая изъ Трансильваніи или изъ южнаго Карпатскаго хребта и устремляясь въ Дунай то прямо въ южномъ, то въ юговосточномъ направленіи. Важнѣйшіе изъ нихъ—Прутъ и Серетъ, берущіе начало въ Буковинѣ, Яломица, Арджисъ съ притокомъ Дымбовицей, Алута (Олту), вытекающая изъ Трансильваніи, изъ земли Секлеровъ, протекающая въ Валахію извѣстнымъ Ротертурмскимъ проходомъ (Rotherthurm, Красная Вѣжа) и раздѣляющая Валахію на Великую и Малую, и наконецъ Шиль (Schyl), орошающая Малую Валахію. Понятно, что историческое и культурное значеніе этого края опредѣляется прежде всего Дунаемъ, на которомъ сосредоточиваются всѣ жизненные интересы побережныхъ странъ и народовъ [1]). Такое географическое положеніе молдо-валашской равнины на нижнемъ теченіи одной изъ величайшихъ и судоходнѣйшихъ рѣкъ Европы представляетъ множество выгодъ въ политическомъ и промышленно-торговомъ отношеніяхъ, и оно-то во всѣ времена привлекало къ ней вниманіе сосѣднихъ племенъ и государствъ [2]).

[1]) Не даромъ Молдавія и Валахія носятъ названіе «Дунайскихъ княжествъ».

[2]) Извѣстно, какъ въ средніе и новые вѣка стремилась къ преобладанію на нижнемъ Дунаѣ сперва Угрія, потомъ Австрійская имперія. Современныя

Находясь на пути народныхъ движеній съ востока, Молдо-валашская низменность издавна была ареной какъ взаимныхъ столкновеній варваровъ, переселявшихся изъ невѣдомыхъ скиѳскихъ предѣловъ, такъ и борьбы этихъ варваровъ съ древнимъ Римомъ и потомъ Византіей. Служа всегда удобной стоянкой для степныхъ кочевниковъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ довольно рано привлекала къ себѣ своимъ плодородіемъ и осѣдлое населеніе, которое однако не могло пустить здѣсь глубокихъ корней вслѣдствіе періодически повторявшихся варварскихъ набѣговъ, и потому довольно часто мѣнялось въ своемъ составѣ подъ вліяніемъ прилива въ опустѣвшій край новаго населенія то съ сѣвера—изъ странъ карпатскихъ или съ сѣверовостока—съ береговъ Днѣстра, Буга и Днѣпра, то съ юга изъ-за Дуная. Для насъ эта низменность, особенно восточная ея половина, имѣетъ спеціальный интересъ и значеніе, какъ временное мѣстопребываніе Угровъ на пути ихъ переселенія въ новую родину, извѣстное изъ показанія Константина Багрянороднаго подъ именемъ «Ателькузу» (междорѣчья).

Цѣпь Карпатскихъ горъ отдѣляетъ Молдавію и Валахію отъ *Трансильваніи*[1]), представляющей (на подобіе Чехіи или Тироля) замкнутую горную страну, которой внутренняя часть въ сравненіи съ дунайской равниной и молдо-валашской низменностью не можетъ быть названа иначе, какъ возвышенностью[2]). Впрочемъ расположеніемъ своей горной системы и въ гидрографическомъ отношеніи Трансильванія составляетъ нѣчто

намъ событія достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ ту же самую цѣль имѣетъ постоянно въ виду дальновидная германская политика.

[1]) Трансильванія (Transilvania) значитъ «залѣсье», «земля по ту сторону лѣса». Названіе это встрѣчается уже въ средневѣковыхъ латинскихъ хроникахъ. Мадьяры назвали ее *Erdély*, *Erdélyorszag* (лѣсная страна), а Нѣмцы позднѣе *Siebenbürgen* (отъ Cibinburg на р. Cibin), что́ Славяне ошибочно перевели *Седмиградіей*.

[2]) Долины Трансильваніи расположены на 1100—1300′ выше равнинъ Молдавіи, Валахіи и Угріи. *Krones*, Handbuch d. Gesch. Oesterr., Berlin, 1867, S. 551.

цѣлое съ Угріей; водами своими она связана какъ съ Валахіей, такъ и вообще съ Дунаемъ и его берегами. Имѣя двоякое пониженіе и на сѣверъ, и на западъ, она окаймляется съ востока высокою и наименѣе доступною (хотя ее и пересѣкаютъ нѣсколько проходовъ) горною цѣпью, составляющею непосредственное продолженіе сѣверныхъ Карпатовъ; къ этой цѣпи примыкаетъ съ юга (у прохода Törzburg) южный пограничный хребетъ, извѣстный подъ именемъ «Трансильванскихъ Альпъ», не уступающій своею высотою восточному. Далѣе отъ прохода Вулкана до р. Мароша съ югозападной стороны тянутся Банатскія горы, а западную границу (отъ р. Мароша до Самоша и Кэрэша) образуютъ такъ называемыя Трансильванскія «Рудныя горы», наименѣе высокія изо всѣхъ, но за то изобилующія благородными металлами (золотомъ и серебромъ) и вообще имѣющія не малое значеніе въ культурно-историческомъ отношеніи. Внутри страны значительныхъ горъ нѣтъ, точно также какъ нѣтъ и большихъ равнинъ. Между равнинами главное мѣсто занимаютъ долины главныхъ рѣкъ (Мароша, Самоша и Алуты). Въ гидрографическомъ отношеніи Трансильванія всецѣло принадлежитъ къ бассейну Дуная; ее орошаютъ слѣдующія значительныя рѣки: притоки Тиссы Марошъ и Самошъ (образуемый великимъ и малымъ Самошемъ), Кэрэшь и притокъ Дуная Алута. Съ сосѣдними землями она соединена горными проходами, между которыми важное мѣсто занимаютъ долины названныхъ рѣкъ. Наиболѣе удобные пути сообщенія представляютъ горные проходы въ южномъ хребтѣ, что́ не могло не отразиться на историческихъ и этническихъ судьбахъ Трансильваніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Валахіи. Высота и сравнительная недоступность восточной цѣпи Карпатовъ имѣетъ первостепенное значеніе въ исторіи этого края: она преграждала восточнымъ варварамъ путь на западъ въ дунайскія земли съ этой стороны и заставляла ихъ обращаться на юговостокъ вдоль берега Чернаго моря къ нижнему Дунаю въ его просторную и привольную для кочевниковъ низменность. Уже отсюда, изъ Малой Валахіи, они, все слѣдуя

вверхъ по Дунаю, прорывались въ великую среднедунайскую и тисскую равнину наиболѣе доступными долинами гористаго лѣваго берега Дуная, стѣсненнаго здѣсь между Сербскими и Банатскими горами (у такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ»). По своему геологическому строенію и въ отношеніи къ ископаемымъ Трансильванія имѣетъ много общаго съ Чехіей. И до сихъ поръ кое-гдѣ существуютъ въ ней золотые и серебряные рудники, въ древности же эти подземныя сокровища пользовались обширною извѣстностью и славою. Почва этой территоріи должна быть названа историческою въ полномъ смыслѣ слова: слѣды дако-римской культуры разбросаны по ней всюду, на ея развалинахъ послѣ вѣкового затишья и мрака возникли многіе нынѣшніе города. Многочисленныя славянскія названія горъ, рѣкъ и мѣстечекъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о давнишнихъ славянскихъ поселеніяхъ, нѣкогда распространенныхъ по всей странѣ, и заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдователя славянскихъ древностей, въ области которыхъ древней Дакіи должно быть во всякомъ случаѣ отведено далеко не послѣднее мѣсто.

Съ запада и сѣвера къ Трансильваніи примыкаетъ *Угрія*, самую существенную часть которой составляетъ обширная низменность, окаймленная простирающимися на сѣверѣ и западѣ горными возвышенностями. Въ орографическомъ отношеніи Угрію всего правильнѣе дѣлить на слѣдующія четыре главныя части: 1) сѣверо-угорская (карпатская) горная возвышенность; 2) верхнеугорская малая дунайская равнина; 3) западно-угорская возвышенность съ отрогами Альпъ, и 4) великая центральная низменность Дуная и Тиссы или нижнеугорская равнина. Мадьяры дѣлятъ своею родину на двѣ главныя половины: 1) сѣверную горную область *Felföld* и 2) южную низменную страну *Alföld*. О степномъ безлѣсномъ характерѣ, не совсѣмъ благопріятныхъ почвенныхъ условіяхъ и исторической роли центральной тиссодунайской низменности уже было говорено выше. Западная часть сѣверо-угорской территоріи, гдѣ Карпаты тянутся отдѣль-

ными разрозненными группами между дунайскими притоками— Вагомъ, Нитрой и Грономъ, орошающими этотъ край, и гдѣ кряжъ «Малыхъ Карпатовъ» отдѣляетъ малую дунайскую равнину отъ равнины Моравы, очень рано выдвинулась въ историческомъ отношеніи. Въ занимающую насъ эпоху этотъ край входилъ въ составъ древней Моравіи и былъ заселенъ исключительно Славянами (предками нынѣшнихъ Словаковъ). Здѣсь находилось извѣстное Нитранское княжество, игравшее не послѣднюю роль въ исторіи объединенія дунайскаго славянства въ IX вѣкѣ. На самой западной окраинѣ этой сѣверо-карпатской области на берегу Дуная при устьѣ р. Моравы возвышается городъ Тебенъ (Theben), происхожденіе котораго нѣкоторые относятъ еще къ эпохѣ древнеславянской (Theben—Дѣвинъ?). Впослѣдствіи здѣсь возникъ не менѣе важный въ историческомъ отношеніи мадьяро-нѣмецкій Пресбургъ (мад. Posony).

Не менѣе замѣчательную историческую почву представляетъ югозападная нагорная часть Угріи на правой сторонѣ Дуная, огибающаго ее съ сѣвера и востока; съ юга ее окаймляетъ Драва. Ея возвышенность составляютъ развѣтвленія восточныхъ Альпъ, а самый главный кряжъ тянется по направленію съ югозапада на сѣверовостокъ, въ самый уголъ, образуемый Дунаемъ, и носитъ названіе Баконскаго лѣса (Bakonywald). На югъ отъ него находится исторически извѣстное и составляющее украшеніе страны Блатенское озеро (древн. lacus Pelso, мадьяр. Balaton, нѣмец. Plattensee); другое угорское озеро, Нейзидлерское — сравнительно позднѣйшаго образованія — расположено въ сѣверозападномъ углу этой территоріи, въ предѣлахъ малой угорской равнины, орошаемой р. Раабомъ съ притоками. Историческія воспоминанія, связанныя съ этимъ краемъ, и при томъ какъ съ центральными его частями, такъ и съ берегами Дуная, восходятъ къ временамъ римскаго владычества, когда онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Панноніи* (надолго за нимъ сохранившимся). Занимая видное мѣсто среди римскихъ пограничныхъ провинцій, особенно въ политическомъ отношеніи, Паннонія рано испытала вліяніе и рим-

ской культуры. Для насъ однако ея историческое значеніе опредѣляется прежде всего выдающеюся ролью ея въ исторіи дунайскаго славянства. Здѣсь, на берегахъ Блатенскаго озера, процвѣтало въ IX вѣкѣ княжество Прибины и Коцела, судьба котораго неразрывно связана съ первоначальнымъ и, къ сожалѣнію, непродолжительнымъ развитіемъ политической и культурной жизни Славянъ на среднемъ Дунаѣ. Средняя и восточная части сѣверо-угорской горной страны, лежащія нѣсколько въ сторонѣ отъ главной сцены занимающихъ насъ историческихъ событій, находятся въ области сѣверной и сѣверовосточной цѣпей Карпатовъ, которую составляютъ другъ къ другу примыкающія горныя группы: Матра, Татры, Бескиды, Гернадъ-Бодрогская группа (мад. Hegyallya), Лѣсные Карпаты и проч. Съ Галиціей эта страна соединена не особенно многочисленными, но важными горными проходами, служившими издревле путями сообщенія для прикарпатскаго населенія и военными дорогами для воинственныхъ племенъ и полчищъ, въ разное время вторгавшихся въ земли средняго Дуная съ далекаго сѣвера и востока (Германцы, Сарматы, потомъ Славяне). Долина верхней Тиссы и ея притоковъ отличается плодородіемъ и вообще благопріятными условіями для осѣдлой земледѣльческой жизни, но по мѣрѣ углубленія въ горы природа становится суровѣе и плодородіе почвы замѣняется внутренними ископаемыми богатствами. Такъ называемый Мармарошъ изобилуетъ также соляными копями, извѣстными уже въ глубокой древности. Вся эта карпатская территорія съ самаго начала славянскаго разселенія на западъ (съ к. V в.) была заселена Славянами, распространившими отсюда свои поселенія и по окрайнамъ тиссо-дунайской равнины, на сколько позволяла большею частію слишкомъ открытая, совсѣмъ безлѣсная и низменная мѣстность. Условія горной страны, удаленной отъ всѣхъ средневѣковыхъ культурныхъ центровъ, не дали этимъ Славянамъ сплотиться и принять участіе въ культурно-политическомъ разцвѣтѣ ихъ западныхъ соплеменниковъ въ знаменательную эпоху IX вѣка.

Изъ Угріи переходимъ къ такъ называемой *Герцино-Судетской* горной системѣ. Первая и главная страна, останавливающая здѣсь наше вниманіе, это *Моравія*, получившая свое названіе отъ притока Дуная Моравы, въ бассейнѣ которой она расположена, и примыкающая къ сѣверозападной части Угріи. Этотъ богато надѣленный природой и живописный край составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ частей той среднедунайской территоріи, въ которой сосредоточивается главный интересъ эпохи, составляющей предметъ нашего историческаго изслѣдованія. Нынѣшняя Моравія есть зерно образовавшагося въ IX вѣкѣ моравскаго союза, прославленнаго упорной борьбою съ германствомъ и самоотверженной дѣятельностью славянскихъ апостоловъ. Своею террасообразной возвышенностью Моравія находится въ связи съ Чехіей, отъ которой однако значительно отличается своимъ внутреннимъ строеніемъ. Только съ сѣверовостока, востока и юговостока она окаймлена значительными горными цѣпями: мораво-силезскими Судетами и сѣверозападными Карпатами (Бескидами и Малыми Карпатами); на сѣверозападѣ она отдѣлена отъ Чехіи не высокою Чехо-моравскою возвышенностью, которая не можетъ ей сообщить съ этой стороны вполнѣ замкнутаго характера; съ югозапада и юга Моравія совершенно открыта. Если принять въ соображеніе, что и восточныя горы (Бескиды и Карпаты) доступны въ значительной мѣрѣ, то окажется, что вообще нынѣшняя Моравія отличается доступностью извнѣ. Не менѣе было доступно своимъ сосѣдямъ и внѣшнимъ вліяніямъ средневѣковое моравское княжество, котораго южные предѣлы простирались до Дуная, а восточныя границы терялись въ великой равнинѣ дунайской. Всѣ три моравскія горныя возвышенности заключаютъ въ себѣ значительныя минеральныя богатства, бывшія въ старину предметомъ дѣятельной разработки (особенно чехо-моравская возвышенность). Что касается моравской рѣчной системы, то ее обыкновенно подраздѣляютъ на три бассейна: 1) верхне-моравскій, 2) нижне-моравскій (оба отличающіеся замѣчательнымъ

плодородіемъ), и 3) бассейнъ р. Тайи (съ притокомъ Шварцавой). Начало политической жизни Моравіи (какъ уже земли славянской) связано преимущественно съ юговосточнымъ ея угломъ, гдѣ нынѣ центральнымъ пунктомъ служитъ городъ Угорское Градище съ близьлежащимъ посадомъ Велеградомъ, расположенное, какъ полагаютъ, приблизительно на мѣстѣ стариннаго знаменитаго Велеграда, столицы Моравскаго княжества и мѣстопребыванія архіепископа Меѳодія. Вообще эта мѣстность, равно какъ и все нижнее теченіе Моравы, составляя коренную часть первой славянской политической организаціи на Дунаѣ, представляетъ всего болѣе интереса въ историческомъ отношеніи. Юговосточные предѣлы Моравіи важны также, какъ мѣсто частыхъ столкновеній съ восточными сосѣдями—Уграми. Со времени поселенія послѣднихъ, здѣшняя моравская граница была подвержена частымъ измѣненіямъ.

Другая страна той же герцино-судетской горной системы есть *Чехія*, которую также нельзя не включить въ нашъ обзоръ по ея близкимъ историческимъ и племеннымъ связямъ съ Моравіей и по той политической роли, которую она играла въ борьбѣ дунайскаго славянства съ западомъ. Чехія представляетъ котловину, отовсюду замкнутую горными хребтами и возвышенностями, и какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по геологическому строенію горъ, имѣетъ сходство съ Трансильваніей и Тиролемъ. Мѣстами значительное пониженіе пограничныхъ возвышенностей, естественные горные проходы и долины рѣкъ (особ. Лабы) дѣлаютъ страну въ нѣкоторой степени доступною извнѣ. Однако доступность эта съ разныхъ сторонъ не одинакова, и этимъ изстари обусловливались различныя отношенія Чехіи къ сосѣднимъ странамъ и народамъ. Чехію окружаютъ слѣдующія горныя цѣпи: съ югозапада величавый «Чешскій лѣсъ» (Шумава), въ болѣе низкой части котораго находится извѣстный горный проходъ (Domažlice), во всѣ времена служившій важнымъ военнымъ путемъ, и потому бывшій часто мѣстомъ кровавыхъ народныхъ столкновеній; съ сѣверозапада Сосновыя и Рудныя горы, прорѣ-

зываемыя многими горными проходами, благодаря которымъ Чехія дѣлается довольно доступною съ этой стороны; за тѣмъ слѣдуетъ живописная долина Лабы, открывающая путь изъ Чехіи на дальній сѣверъ и обратно; съ сѣвера и сѣверовостока ограничиваютъ страну Лужицкія и своеобразныя Исполиновы горы, отлогія съ внутренней стороны и чрезвычайно крутыя съ внѣшней—въ сторону Силезіи; наконецъ на востокѣ и юговостокѣ тянется Чехоморавская возвышенность, составляющая водораздѣлъ рѣчныхъ системъ Лабы и Дуная и представляющая много удобныхъ путей сообщенія между Чехіей и Моравіей. Въ гидрографическомъ отношеніи Чехія можетъ быть раздѣлена на области рѣкъ Лабы, Влтавы (Молдавы) и Эгера. Центральная мѣстность этой водной системы и вмѣстѣ всей страны естественно стала средоточіемъ политической и культурной жизни Чехіи. Процвѣтанію этого края способствовали также благопріятныя климатическія и почвенныя условія. Здѣсь-то, на берегу Влтавы, развилась и столица Чехіи—Прага, въ значительной мѣрѣ обязанная историческимъ значеніемъ и развитіемъ своему выгодному центральному положенію.

Переходимъ наконецъ къ послѣдней группѣ занимающихъ насъ странъ, къ *Восточно-альпійской* горной системѣ. Эта величественная своимъ природнымъ характеромъ горная область, благодаря своей развитой системѣ долинъ, отличается особенною доступностью; ее издревле пересѣкали въ разныхъ направленіяхъ важные пути сообщенія, а потому ее не могли миновать народныя движенія съ востока, играющія видную роль въ ея исторіи и этнологіи. Главными путями этихъ народныхъ движеній были долины Дуная на сѣверѣ, а южнѣе долины рѣкъ Дравы, Мура и Савы. Изъ самаго сердца страны идутъ пути на сѣверъ долинами притоковъ Дуная (Инна и Зальцаха, Трауна, Энжи и др.), а на югъ въ сѣверную Италію—долинами рѣкъ, текущихъ въ Адріатическое море (Эчь, Піаве, Изонцо и др.). Всѣ эти пути связываются многочисленными горными проходами, перевалами и ложбинами. Самую западную окраину занимающей насъ восточно-

альпійской территоріи составляетъ *Тироль*, страна, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ на западѣ предѣломъ распространенія славянскихъ поселеній, слѣды которыхъ донынѣ сохраняются не только въ мѣстной географической номенклатурѣ, но даже въ нѣкоторыхъ чертахъ быта и нравовъ мѣстныхъ жителей [1]). Съ сосѣдними странами эта область соединена долинами рѣкъ Эчи (главный путь, которымъ Нѣмцы проникали въ южные альпійскіе края), Инна и Дравы, находящимися также въ связи другъ съ другомъ. Эти важные пути служили постоянно какъ политическимъ и военнымъ, такъ и промышленно-торговымъ цѣлямъ. Горы Тироля изобилуютъ подземными сокровищами,—различными металлами и солью, не безъизвѣстными еще во времена римскаго господства. Вообще благодаря проходившимъ тутъ торговымъ путямъ на сѣверъ, этой области, и особенно нѣкоторымъ ея мѣстностямъ, принадлежитъ не маловажная культурно-историческая роль. Тирольскія горы, какъ и всѣ сосѣднія съ ними, служили съ древнихъ временъ убѣжищемъ для населенія, спасавшагося отъ бурь народныхъ движеній. Въ юговосточномъ краѣ Тироля, среди величественной горной природы, еще и теперь сохраняется остатокъ рето-романскаго племени, такъ называемые «Ладины».

Съ сѣверовостока къ Тиролю примыкаетъ *Зальцбургская* область. Орошаемая рѣкою Зальцею (Salzah), притокомъ Инна, она принадлежитъ исключительно дунайскому бассейну. Юговосточный уголъ (Lungau) расположенъ по верховью рѣки Мура, долина которой служила еще въ доримскій періодъ важнымъ путемъ сообщенія. Орографически Зальцбургская область примыкаетъ частію къ Тиролю и къ верхней Каринтіи, частію же къ верхней Австріи и къ верхней Штиріи. Въ горахъ ея уже въ кельто-римское

[1]) Кромѣ прежнихъ изслѣдованій Бидермана (съ этногр. стороны: Die Slavenreste in Tirol въ «Slavische Blätter» Лукшича, I, Wien, 1865, S. 12—16; 78—83), въпослѣднее время вышелъ трудъ о славянскихъ топографическихъ названіяхъ Пустерталя г. Миттеррутцнера: *Mitterrutzner* «Slavisches aus dem östlichen Pusterthale»—въ гимназ. программѣ въ г. Бриксенѣ, 1879 г. Срв. ст. А. Н. Веселовскаго: «Онѣмеченное славянское поселеніе въ Тиролѣ». Жур. Мин. Н. Пр. 1879 г. ноябрь, стр. 71.

время процвѣтала горная промышленность, которая еще не совсѣмъ упала и въ средніе вѣка, но затѣмъ мало по малу прекратилась вслѣдствіе истощенія подземныхъ сокровищъ. Историческая жизнь и дѣятельность мѣстнаго населенія издревле сосредоточивалась въ чудной долинѣ средняго теченія Зальцы, примѣчательной богатыми соляными копями. Здѣсь возникъ Зальцбургъ (кельто-римскій Juvavo), важный пунктъ на пути оживленныхъ торговыхъ сношеній юга съ дунайскимъ побережьемъ и сѣверными странами.

На югъ и юговостокъ отъ Зальцбурга расположена *Каринтія*—центральная часть средневѣковой «Карантаніи» или Хорутаніи (о которой не разъ будетъ у насъ рѣчь), носящая все тотъ же характеръ альпійской природы, что и сосѣднія области. Ее орошаетъ Драва съ своими притоками, протекая прямо съ запада на востокъ — насквозь, чрезо всю страну. Такимъ образомъ сама природа предназначила Каринтіи выдающуюся роль въ исторіи, такъ какъ важное значеніе пути по Дравѣ въ торговомъ, политическомъ и другихъ отношеніяхъ очевидно. О немъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ старинныхъ городовъ, ставшихъ въ римскую эпоху значительными торговыми и вообще культурными пунктами. Горные проходы ведутъ изъ Каринтіи на сѣверъ въ Зальцбургъ и Штирію, на югъ въ сѣверную Италію и Крайну. Въ каринтійскихъ горахъ существовало также нѣкогда горное дѣло (въ окрестностяхъ Виллаха, въ мѣстечкѣ Hüttenberg и др.).

Каринтію огибаетъ съ сѣвера и востока *Штирія* (входившая также въ составъ древней Хорутаніи). Въ орографическомъ отношеніи эта область служитъ продолженіемъ главныхъ альпійскихъ кряжей, идущихъ отчасти въ восточномъ, отчасти въ сѣверовосточномъ направленіи. По отношенію къ водамъ своимъ, она можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько частей, расположенныхъ по теченію слѣдующихъ главныхъ рѣкъ: верхней Энжи, Мура, текущаго сперва на сѣверовостокъ, потомъ круто поворачивающаго на югъ и орошающаго большую часть всей области, затѣмъ Дравы и наконецъ Савы, образующей ея южную границу. Долины этихъ рѣкъ

представляютъ удобные пути сообщенія съ сосѣдними странами. Штирія наиболѣе доступна съ востока, со стороны Угріи, что̀ и должно было отразиться на ея исторической и этнологической судьбѣ [1]). Въ горахъ Штиріи (особенно въ восточныхъ отрогахъ) долго сохранялись остатки древнѣйшихъ слоевъ населенія (кельто-романскаго, потомъ славянскаго). На равнинахъ рѣкъ, особенно Мура и Дравы, всегда сосредоточивалась культурно-историческая жизнь всего края, въ предѣлахъ коего всюду разбросаны воспоминанія о кельто-римской эпохѣ и слѣды римской культуры (кельто-римскіе города Pettau — Petovio, Cilli — Celeija и другіе).

Расположенная къ югу отъ Штиріи *Крайна* — страна и теперь славянская, главное зерно хорутанскаго племени (единственныхъ потомковъ нѣкогда широко распространенныхъ Словенцевъ), лежитъ въ сторонѣ отъ занимающей насъ исторической сцены и только сѣверною своею частію принадлежитъ бассейну Дуная (именно Савы и ея притоковъ). На востокъ отъ Крайны и на юговостокъ отъ Штиріи примыкаетъ къ альпійской территоріи страна *между Савой и Дравой* (древняя такъ назыв. *Savia*) и отчасти между Савой и Кульпой, куда входитъ большая часть областей Хорватіи и Славоніи. Страна эта не можетъ быть опущена въ нашемъ обзорѣ, какъ тѣсно связанная исторически и этнологически съ сосѣдней среднедунайской территоріей. Будучи рано (съ VI в.) заселена Славянами, она всегда играла видную роль въ исторіи какъ дунайскаго, такъ и южнаго славянства. Уже самое ея географическое положеніе по теченію такихъ важныхъ дунайскихъ притоковъ, каковы Драва и Сава, ясно говоритъ о томъ политическомъ и культурномъ значеніи, которое она должна была имѣть во всѣ эпохи своей исторической жизни. Орографически она принадлежитъ еще альпійскому міру, хотя восточныя

[1]) Здѣсь нѣтъ никакой естественной границы, а потому не удивительно, что искусственная политическая граница не могла быть прочною и постоянно колебалась, что̀ замѣтно еще въ римскую эпоху, когда тутъ граничили области Норикъ и Паннонія.

части Славоніи своимъ характеромъ и флорою уже приближаются къ угорской равнинѣ.

Въ заключеніе намъ осталось сказать еще объ одномъ краѣ, принадлежащемъ въ своей главной части также къ альпійской горной системѣ. Край этотъ — области *Верхней* и *Нижней Австріи*, первоначальное зерно нынѣшней Австрійской монархіи, лежащія на сѣверъ отъ Штиріи и Зальцбурга по обѣ стороны Дуная. Разумѣется, ихъ географическое положеніе по теченію этой великой рѣки даетъ имъ первостепенную роль въ исторіи. Берега Дуная на всемъ протяженіи этой территоріи весьма разнообразны, вѣтви Альпійскихъ горъ то образуютъ здѣсь довольно открытую мѣстность, то подступаютъ къ самому берегу. Въ культурно-историческомъ отношеніи эти берега представляютъ высокій интересъ. Многіе придунайскіе города этого края ведутъ свое происхожденіе отъ римскаго времени и связаны съ цѣлымъ рядомъ историческихъ воспоминаній. Нѣкоторые изъ нихъ рано выдвинулись, какъ важные пункты на торговыхъ путяхъ. Такъ Линцъ (на правомъ берегу) представляетъ собою узелъ путей сообщенія, соединяя югъ съ сѣверомъ — долиною рѣки Трауна и важною дорогою въ Чехію (черезъ нын. Freistadt). Вѣна издавна (въ римское время — Vindobona) пріобрѣла преобладающее политическое и стратегическое значеніе своимъ выгоднымъ положеніемъ, ибо она какъ бы охраняетъ входъ по Дунаю въ альпійскую горную страну — съ одной стороны изъ малой угорской равнины, съ другой—изъ моравской равнины. Въ верхней Австріи находится интересный край, такъ называемый *Зальцкаммергутъ* по верхнему теченію рѣки Трауна, заслужившій по справедливости названіе Австрійской Швейцаріи. Онъ извѣстенъ богатыми соляными копями (откуда и названіе), разработка которыхъ повидимому началась очень рано, еще въ доримскую эпоху. Въ историческомъ отношеніи очень важенъ восточный край нижней Австріи, т. е. равнина нижней Моравы, отличающаяся особеннымъ плодородіемъ почвы; здѣсь сходились важные пути съ сѣвера и съ юга, съ запада и съ востока, что

дѣлало изъ этой мѣстности арену частыхъ и рѣшительныхъ народныхъ столкновеній; здѣсь былъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, гдѣ встрѣчались и боролись военныя силы народовъ востока и запада, гдѣ орды восточныхъ кочевниковъ торжествовали или встрѣчали отпоръ со стороны культурныхъ народовъ западной Европы, здѣсь по преимуществу велась упорная борьба дунайскихъ Славянъ съ Нѣмцами въ IX вѣкѣ, здѣсь наконецъ окончательно восторжествовали надъ тѣми и другими Угры, съ утвержденіемъ которыхъ на среднемъ Дунаѣ начинается новая историческая эпоха въ земляхъ нынѣшней Австро-Венгріи.

Обратимся теперь къ исторической судьбѣ только-что разсмотрѣнной дунайской территоріи и прослѣдимъ ее въ главныхъ ея чертахъ и важнѣйшихъ моментахъ, имѣя въ виду на правомъ планѣ этническіе перевороты, которымъ она издавна подвергалась[1]).

[1]) Не мѣшаетъ здѣсь заранѣе оговориться, что всплывшее въ послѣднее время, благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ (Шемберы (Západni Slované v pravěku, 1868), Сасинка (Dejiny drievn. národ. na území terajš. Uhorska, 1867), особенно Терстеняка (въ разн. статьяхъ словин. журн.: Novice, Koledar), Дринова, Засел. Балк. пол. Слав., 1872, въ «Чтеніяхъ Общ. И. и Др. Р.», кн. 4, и др.) мнѣніе о *первобытности* или глубокой *давности* Славянъ на Дунаѣ, по нижнему и среднему его теченію, остается совершенно недоказаннымъ. Ученые, старавшіеся въ наше время поставить этотъ взглядъ на твердую почву, не могли привести въ пользу его никакихъ дѣйствительно новыхъ и убѣдительныхъ соображеній и доводовъ. Они продолжаютъ вращаться въ области прежнихъ избитыхъ и сомнительныхъ доказательствъ и весьма гадательныхъ предположеній,—и далѣе не двигаются... Сомнѣваемся, чтобы и дальнѣйшія изысканія въ этомъ смыслѣ увѣнчались успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ мы не считаемъ возможнымъ основать свое изложеніе на подобныхъ гаданіяхъ, а потому совершенно оставляемъ въ сторонѣ эту теорію и признаемъ первое появленіе Славянъ на Дунаѣ (въ видѣ военныхъ дружинъ въ гуннской ордѣ) относящимся къ V вѣку, а первое разселеніе ихъ народными массами — къ VI вѣку. Другой вопросъ для насъ — возможность существованія славянскихъ поселеній въ древнѣйшую,

Въ древнѣйшую доступную нашему наблюденію эпоху на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ жили племена *ѳрако-иллирскія*, населявшія и всю сѣверную часть Балканскаго полуострова. Опредѣлить съ нѣкоторою точностью, насколько они простирались на сѣверозападъ нѣтъ возможности. Восточную часть занимающей насъ территоріи населяла вѣтвь *ѳракійская*[1]) а западную — *ил-*

такъ называемую доримскую эпоху въ нѣкоторыхъ болѣе сѣверныхъ краяхъ древней Дакіи, напр. въ сѣверной Молдавіи и отчасти Трансильваніи. Можетъ быть дѣйствительно между дакійскими племенами, покоренными Римлянами, были и Славяне. Нельзя не согласиться, что для такого предположенія есть коекакія основанія, хотя считать этотъ вопросъ вполнѣ рѣшеннымъ въ этомъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, никакъ невозможно. Однимъ изъ немаловажныхъ доводовъ въ пользу этого взгляда—помимо данныхъ, представляемыхъ сохранившимися обломками дакійскихъ нарѣчій, считается извѣстное свидѣтельство Нестора о Волохахъ (Волъхахъ), произведшихъ нашествіе на Славянъ дунайскихъ и покорившихъ ихъ (Лѣтоп. по Лаврент. сп. Спб. 1872 г., стр. 5). Въ этомъ сказаніи находятъ возможнымъ видѣть смутныя воспоминанія о завоеваніи Дакіи Римлянами при Троянѣ и о происшедшемъ вслѣдствіе того движеніи среди населявшихъ ее племенъ. Срв. Срезневскій въ рецензіи на трудъ Миклошича: Slavische Elemente im Rumunischen, Wien, 1861, *Извѣстія* Отдѣл. рус. яз. и слов., т. X, вып. 2, стр. 144—145. Срв. Брунъ, Черноморье, I (1879) «О родствѣ Гетовъ съ Даками и проч.», стр. 265 и слѣд. Дриновъ, Засел. Балк. пол. Слав., стр. 82, 83 etc. Такого же взгляда о возможности существованія мѣстнаго преданія о римскомъ завоеваніи, дошедшаго тѣмъ или другимъ путемъ и до нашего лѣтописца, держится и академикъ А. А. Куникъ, хотя прежде онъ противопоставилъ ему другое предположеніе, что «до Нестора могло дойти ученое мнѣніе, происшедшее изъ примѣненія извѣстій классическихъ писателей къ древнѣйшимъ Славянамъ». При этомъ Куникъ думалъ о польскомъ вліяніи на Нестора, имѣя въ виду басни польскихъ историковъ среднихъ временъ о завоеваніяхъ Галловъ и Римлянъ. Уже въ 1860 г. Куникомъ была выражена та же мысль, что это мѣсто Нестора есть «отголосокъ южной краковской учености XI вѣка». Замѣчанія Куника къ статьѣ Погодина «Гедеоновъ и его система». Приложеніе къ VI т. Запис. И. Ак. Н. № 2, 1864 г. стр. 54—56. Нынѣ же Куникъ совершенно оставилъ этотъ взглядъ. Однакожъ и въ упомянутомъ господствующемъ толкованіи извѣстія о Волохахъ замѣтна всетаки нѣкоторая натяжка. Нельзя не признать болѣе правдоподобія въ предположеніи, что Несторъ разумѣлъ тутъ современное ему движеніе Волоховъ съ юга, изъ-за Дуная на сѣверъ, слухи о которомъ не могли не дойти до него и начало котораго онъ относилъ къ болѣе древнему времени (мнѣніе В. И. Ламанскаго).

[1]) Въ Трансильваніи по Геродоту жили Агаѳирсы, которыхъ признаютъ племенемъ родственнымъ Ѳракійцамъ и какъ-бы среднимъ звеномъ между Ѳракійцами и Скиѳскимъ народомъ, *Roesler*, Rom. Stud., S. 8.

лирская. Первый переворотъ въ этническомъ составѣ дунайскихъ странъ произвелъ кельтскій погромъ въ IV вѣкѣ. Послѣ прихода и расположенія *Кельтовъ* на среднемъ Дунаѣ, обнаруживается здѣсь новое распредѣленіе народностей. На востокѣ выступаютъ на сцену новыя ѳракійскія племена: появляются *Геты* (перешедшіе съ праваго берега Дуная), а затѣмъ рядомъ съ ними выплываютъ мало по малу и *Даки*. Отношеніе ихъ другъ къ другу для насъ неясно [1]).

На западѣ Кельты, простиравшіеся не далѣе Тиссы [2]), подавили своею массою прежнее, вѣроятно очень не густое иллирское населеніе. Нѣкоторыя иллирскія племена на западѣ (Реты, Истрійцы) продолжали послѣ того существовать среди Кельтовъ; остальное было мало по малу поглощено послѣдними.

Кельты дѣлились на *Боевъ* (въ нынѣшней Богеміи, на востокъ до отроговъ Карпатскихъ, на югъ и юговостокъ до Дуная и средней Тиссы), *Таврисковъ* (въ нынѣшней Штиріи, Каринтіи и Зальцбургѣ) и *Скордисковъ* (на юговостокъ отъ послѣднихъ по Дравѣ, Савѣ и Дунаю и еще южнѣе). Въ I вѣкѣ до Р. Х. послѣ объединенія дакійскихъ племенъ (при Бурвистѣ) происходитъ столкновеніе ихъ съ Кельтами. Бои оттѣсняются изъ земли между Тиссой и Дунаемъ далѣе на западъ, а ихъ прежнія жилища становятся извѣстными подъ именемъ «Бойской пустыни». По распаденіи союза Бурвисты появляются на Дунаѣ нѣкоторыя новыя племена; такъ откуда-то съ сѣвера въ дунайскую и тисскую равнины спускается сарматское племя *Языговъ* и занимаетъ «Бойскую пустыню», оттѣснивъ на востокъ распространившихся сюда Даковъ [3]). Такимъ образомъ къ началу новой христіанской эры дунайская территорія представляетъ слѣдующую этниче-

[1]) См. объ этомъ *Roesler*, Rom. Stud. главы: Die Geten (1—25), Die Dacier (25—63), также Брунъ, Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, статья «О родствѣ Даковъ съ Гетами», стр. 241—277.

[2]) Дриновъ. Заселеніе Балк. полуостр. Слав., Чтенія О. И. и Др., 1872, кн. 4, стр. 67.

[3]) *Roesler*, ibid., S. 29.

скую картину: на западѣ, въ альпійскомъ краѣ, сохранялись нѣкоторыя племена ѳрако-иллирской семьи (напр. Реты), хотя и не безъ кельтской примѣси. На среднемъ Дунаѣ, въ Чехіи, Моравіи, древнемъ Норикѣ и Панноніи, на Савѣ и Дравѣ господствовали Кельты, среди которыхъ кое-гдѣ держались скудные остатки прежняго (иллирскаго) населенія. Далѣе на востокъ между Дунаемъ и Тиссою сидѣли Языги. Нынѣшнюю восточную Угрію, Трансильванію, Буковину, Молдавію и Валахію населяли племена гето-дакійскія.

Таково было населеніе дунайскихъ странъ, когда имъ суждено было подвергнуться вліянію двухъ противоположныхъ силъ, которыя подвигались на встрѣчу другъ другу и которымъ неизбѣжно предстояло столкнуться на ихъ почвѣ. Силы эти были — *Римская имперія* съ одной стороны, *германскіе* и *сарматскіе* народы съ другой. Германцы уже занимали тогда среднюю Европу и господствовали между Одеромъ и Рейномъ. Римляне были готовы водворить свое владычество на берегахъ средняго Дуная [1].

Незадолго до Р. Х. (ок. 15 г.) Римляне съ большимъ трудомъ и потерями завоевали наконецъ Паннонію, Норикъ, Рецію и Винделицію. Земли съ исключительно кельтскимъ населеніемъ (Норикъ) оказали при этомъ несравненно менѣе сопротивленія, чѣмъ земли съ отчасти сохранившимся еще ѳрако-иллирскимъ населеніемъ (особенно Паннонія).

На востокѣ, послѣ вторичнаго объединенія дакійскихъ племенъ при могущественномъ Децебалѣ, Римъ встрѣтилъ сильныхъ и упорныхъ противниковъ. Только въ началѣ II вѣка по Р. Х. Трояну удалось завоевать и Дакію (105 г.). Жившіе между Дунаемъ и Тиссой Языги вѣроятно также признали верховную власть Рима. Такимъ образомъ со II вѣка въ дунайскихъ странахъ водворилось римское господство, а съ нимъ долженъ былъ начаться переворотъ и въ этническомъ составѣ земель, под-

[1]) Въ 35 г. до Р. Х. Октавіанъ овладѣлъ Сегестой (Segesta, рим. Siscia, нын. Sissek) при впаденіи р. Кульпы въ Саву. Этимъ онъ положилъ основаніе завоеванію Панноніи.

вергшихся римской колонизаціи. Излишне было бы для нашихъ цѣлей распространяться объ утвержденіи въ завоеванной территоріи римскихъ порядковъ, римскаго вліянія и культуры. Извѣстно, какихъ результатовъ въ дѣлѣ романизаціи достигли Римляне въ дунайскихъ странахъ, благодаря своей изумительной дѣятельности, настойчивости и послѣдовательности, и несмотря на то, что съ самаго начала имъ пришлось стать въ оборонительное положеніе и отражать напоръ сѣверныхъ варваровъ, которые съ постоянно возраставшими силами и дерзостью напирали на границы римскихъ владѣній.

Успѣхи романизаціи зависѣли конечно отъ мѣстныхъ территоріальныхъ и этнологическихъ условій. Чѣмъ благопріятнѣе они были для развитія римской жизни и культурной дѣятельности, тѣмъ глубже и прочнѣе, разумѣется, пускала корни въ тѣхъ мѣстахъ римская колонизація, тѣмъ успѣшнѣе и скорѣе шло ороманенье туземнаго населенія. Конечно въ мѣстностяхъ, важныхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, въ удобныхъ для разработки альпійскихъ долинахъ, отчасти по берегамъ самого Дуная и особенно его притоковъ, Римляне первоначально утвердились прочнѣе, чѣмъ въ мало доступныхъ горахъ, куда они проникли уже позже (спасаясь отъ варварскихъ нашествій), и въ широкихъ долинахъ и низменностяхъ.

Изъ дунайскихъ странъ на западѣ подверглись значительной романизаціи Норикъ и Паннонія [1]) (гораздо позже Рецiя), на востокѣ римская жизнь и культура развились съ особенною силою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дакіи, а именно: въ нынѣшнемъ Банатѣ, въ западной и центральной частяхъ Трансильваніи и въ Малой Валахіи [2]). Отсюда Римляне распространяли свое вліяніе и въ остальные края обширной дакійской области. Между тѣмъ средняя полоса дунайской территоріи, низменность между Дунаемъ и

[1]) Въ этихъ областяхъ романизація шла весьма не равномѣрно. См. *Kämmel*, Die Anf. deutsch. Leb. in Oesterr. (1879) S. 103.

[2]) *Jung*, Roemer und Romanen in den Donauländern, Innsbr., 1877, S. 105 *Roesler*, S. 46.

Тиссою, и на востокъ отъ Тиссы, осталась совершенно внѣ римской колонизаторской и культурной дѣятельности—конечно вслѣдствіе своего степного пустыннаго характера, не благопріятнаго для прочной осѣдлости. Обитавшіе здѣсь полукочевые Языги признавали сначала, повидимому, верховную власть Рима, но затѣмъ подступившіе къ ихъ предѣламъ германскія полчища безъ труда увлекли ихъ въ союзъ противъ имперіи.

Продолжительность римскаго господства въ обоихъ центрахъ на Дунаѣ была не одинакова. Тамъ, гдѣ оно началось ранѣе, оно и продолжалось долѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ оно было водворено позже. Въ Дакіи оно прекратилось уже во второй половинѣ III вѣка (271 г.), когда Авреліанъ уступилъ эту область *Готамъ*,— слѣдовательно длилось около 170 лѣтъ; на западѣ Римляне оставались хозяевами приблизительно въ теченіи 4-хъ вѣковъ: Паннонія оставалась римскою провинціею до гуннскаго погрома (пол. V вѣка), въ Норикѣ власть Рима держалась еще долѣе.

Водвореніе и дѣятельность Римлянъ на Дунаѣ задержало на время напоръ съ сѣвера варварскихъ народовъ, жаждавшихъ добычи и стремившихся проявить свою первобытную силу, но не могло положить ему предѣла на долго. Въ прилегавшемъ къ имперіи обширномъ германскомъ мірѣ уже въ I вѣкѣ христіанской эры стало обнаруживаться значительное движеніе, которое не могло не угрожать спокойствію великой имперіи и не вызвать съ ея стороны усиленной бдительности. Къ концу II вѣка это движеніе достигло крайняго напряженія: постоянныя столкновенія римскихъ силъ съ германскими на среднемъ Дунаѣ обратились въ открытую и упорную борьбу, извѣстную въ исторіи подъ именемъ *Маркоманской войны* (съ 161 г.). Въ ней приняли участіе не только непосредственно германскіе сосѣди Римлянъ (Маркоманны, Квады и др.), но и другія германскія и сарматскія полчища, увлеченныя начавшимся около этого времени всеобщимъ передвиженіемъ германскихъ народовъ. Маркоманскую войну принято считать первымъ актомъ великаго переселенія

народовъ[1]). Съ нею одновременно совершилось переселеніе *готскихъ* племенъ (т. е. сѣверныхъ Готовъ и имъ родственныхъ народностей) отъ Балтійскаго моря и Вислы на югъ къ берегамъ Понта и нижняго Дуная. Увлеченныя съ Готами полчища Вандаловъ, Бургундовъ и Гепидовъ расположились на западѣ отъ нихъ и воспользовались маркоманской войной для своихъ первыхъ вторженій въ римскіе предѣлы. Хотя нерѣшительный исходъ этой войны и не сопровождался для Римлянъ территоріальными потерями, онъ всетаки имѣлъ важное значеніе для послѣдующей судьбы дунайской территоріи. Массы варваровъ были переселены Маркомъ Авреліемъ въ предѣлы имперіи, на равнины Панноніи и Дакіи, и такимъ образомъ былъ введенъ новый элементъ въ этническій составъ подунайскихъ владѣній Рима. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ послужить значительной опорой для германскихъ завоевателей этихъ странъ.

Силы Римлянъ кое-какъ устояли противъ перваго сильнаго натиска варварскаго міра. Однако силы эти съ теченіемъ времени не только не укрѣплялись, а напротивъ замѣтно ослабѣвали и уменьшались параллельно съ тѣмъ процессомъ государственнаго и общественнаго упадка и разложенія, который мало по малу охватывалъ весь организмъ имперіи. Между тѣмъ завоевательныя стремленія варваровъ и страсть ихъ къ опустошительнымъ набѣгамъ постоянно возростали, росла въ нихъ и увѣренность въ превосходствѣ своихъ силъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дерзость ихъ, и презрѣніе къ врагу.

Въ III вѣкѣ перевѣсъ въ этой отчаянной борьбѣ имперіи за существованіе рѣшительно склонился на сторону ея враговъ. На западѣ произошелъ новый и сильный натискъ сопредѣльныхъ съ Панноніей и Норикомъ германскихъ народовъ; изъ ихъ среды по собственному почину выдѣлялись для этой цѣли всѣ боевыя силы и такимъ образомъ составлялись огромныя военныя дружины, которыя посвящали себя исключительно наступательной войнѣ

[1]) *Wietersheim*, Geschichte der Völkerwanderung, II, Leipz. 1864, S. 487.

съ властолюбивымъ сосѣдомъ. Такимъ образомъ эти западные Германцы боролись съ Римомъ не политическими, а свободными военными союзами, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ такъ называемые «военные народы» (Kriegsvölker), каковы напр. Аллеманны и Франки[1]).

На востокѣ начали свои опустошительныя вторженія *Готы* и родственныя имъ племена. Въ 30-хъ гг. III вѣка Готы уже нахлынули въ восточную Дакію и подчинили своей власти тамошнія полунезависимыя племена (Костобоковъ, Карповъ, Певкиновъ). Съ той поры слѣдуетъ цѣлый рядъ вторженій за Дунай какъ Готовъ, такъ и другихъ выступившихъ на военное поприще племенъ — *Карповъ*, *Борановъ, Уругундовъ,* потомъ *Гепидовъ* и *Геруловъ.* Эти ужасныя бѣдствія принудили наконецъ Римлянъ къ крайней и рѣшительной мѣрѣ—къ уступкѣ варварамъ Дакіи и къ выселенію оттуда на правый берегъ Дуная римскихъ колонистовъ (271). Приблизительно къ тому же времени на западѣ, послѣ новыхъ (съ 260 г.) стремительныхъ германскихъ набѣговъ, римской политикѣ удалось и здѣсь уладить свои отношенія къ безпокойнымъ сосѣдямъ.

Затѣмъ наступаетъ приблизительно столѣтіе затишья, только время отъ времени прерываемаго въ жизни варварскаго міра и его отношеніяхъ къ имперіи. Благодаря временному счастливому повороту въ государственной жизни, во внутренней и внѣшней политикѣ сильныхъ и мудрыхъ римскихъ императоровъ того времени, особенно Діоклитіана, пріостановилось завоевательное движеніе Германцевъ: они повидимому какъ бы отдыхали отъ продолжительной и упорной борьбы и собирались съ новыми силами. Только новый неожиданный толчекъ, полученный ими съ востока роковымъ для всего тогдашняго европейскаго цивилизованнаго міра *гуннскимъ* погромомъ (въ 60-хъ гг. IV вѣка), привелъ ихъ снова въ могучее движеніе и увлекъ въ послѣднюю великую борьбу, погубившую западную имперію и положившую

[1]) *Wietersheim*, ibid., S. 428.

основанiе могуществу новыхъ мiровыхъ народовъ на ея развалинахъ.

Много темныхъ и далеко еще не рѣшенныхъ вопросовъ представляетъ любопытная эпоха «переселенiя народовъ». Вопросы эти касаются не только ея отдѣльныхъ эпизодовъ и подробностей, судьбы народовъ и племенъ, въ ней участвовавшихъ (имена которыхъ потомъ безслѣдно исчезаютъ изъ исторiи), но и самой сущности этихъ народныхъ переселенiй, ихъ характера и особенностей, наконецъ быта переселявшихся народовъ. Всякая попытка рѣшенiя этихъ вопросовъ не можетъ не сопровождаться глубокимъ и всестороннимъ ихъ изученiемъ, а потому, не имѣя въ виду такого изученiя, мы въ своемъ изложенiи оставляемъ въ сторонѣ все частное и касаемся слегка лишь того общаго, что можетъ пролить хоть нѣкоторый свѣтъ на дальнѣйшую судьбу дунайскихъ странъ.

Когда гуннскiй погромъ произвелъ новый переворотъ въ расположенiи и взаимныхъ отношенiяхъ народностей какъ по всей дунайской территорiи (отъ Чернаго моря до Альпъ), такъ и въ сосѣднихъ земляхъ, этническiй составъ занимающихъ насъ странъ отличался уже чрезвычайною пестротой и разнообразiемъ народныхъ типовъ. Это разнообразiе было, конечно, всего замѣтнѣе въ обоихъ центрахъ римской дѣятельности и колонизацiи, съ одной стороны въ Норикѣ и Паннонiи, съ другой въ Дакiи. Римскiе колонисты, между которыми были и собственные Римляне и переселенцы изъ различныхъ краевъ обширной римской имперiи, романизованные туземцы ѳрако-иллирскаго и кельтскаго происхожденiя, туземцы еще не ороманенные (иллирскiя, кельтскiя, дакiйскiя народности), Германцы на римской службѣ (слѣдовательно уже принявшiе нѣкоторыя черты римскаго типа), многочисленные Германцы и Сарматы, переселенные сюда Римлянами во время маркоманской и другихъ войнъ съ варварами, кочевые Языги между Дунаемъ и Тиссою, наконецъ Готы, Вандалы и нѣкоторыя другiя германскiя племена въ восточной Дакiи, — таково было разнообразное населенiе дунайскихъ странъ въ первые вѣка христiан-

ской эры до паденія въ нихъ римскаго господства. Чѣмъ ближе къ центру, т. е. къ средней, тиссо-дунайской низменности, тѣмъ, разумѣется, народонаселеніе становилось все однообразнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣже; въ равнинѣ между Дунаемъ и Тиссою первоначально кочевали, кажется, одни только Языги, которыхъ впослѣдствіи покорили легко проникшіе туда Германцы (Вандалы?)

Во второй половинѣ III вѣка, какъ уже сказано, Римляне, видя невозможность удерживать долѣе Дакію, которая и безъ того послѣднее время de facto была почти вся въ рукахъ варваровъ, уступили ее Готамъ и отвели своихъ колонистовъ на правый берегъ Дуная [1]). Такимъ образомъ съ конца III вѣка населеніе Дакіи, безъ всякой объединяющей политической власти, не могло уже оказывать никакого сопротивленія дальнѣйшему напору въ нее германскихъ племенъ, а тѣмъ менѣе могло помѣшать стремительному нашествію Гунновъ, которыхъ не были въ состояніи удержать ни готскіе политическіе союзы, ни державшаяся еще власть Римлянъ въ Панноніи. Здѣсь населеніе было тоже чрезвычайно смѣшанное (изъ древнихъ Иллировъ, Кельтовъ, Римлянъ, Германцевъ и Сарматовъ), а потому также легко могло поддаться такой силѣ, какую собой представляла гуннская орда, и даже быть ею увлеченной къ общему наступленію противъ прежнихъ своихъ властителей.

Въ концѣ IV вѣка Готы населяли довольно обширную территорію въ южныхъ степяхъ Россіи, простираясь на востокъ до Дона, на западѣ занимая и восточную часть Дакіи, т. е. нынѣшнюю Молдавію (*Вестготы*). Въ Дакіи рядомъ съ ними жили, кажется, *Вандалы*, время прихода которыхъ съ сѣвера (съ Лабы) мы точно опредѣлить не можемъ, а также родственные Готамъ *Гепиды*. Разбитые въ войнѣ съ Готами, Вандалы съ разрѣшенія императора Константина поселились въ Панноніи, гдѣ оста-

[1]) Вопросъ о томъ, могли ли остаться въ Трансильваніи романскіе элементы послѣ этого и сохранялись ли затѣмъ непрерывно до переселенія новыхъ романскихъ выходцевъ изъ-за Дуная, мы еще разсмотримъ ниже.

вались до начала V вѣка (406), а на ихъ прежнее мѣсто распространились Готы.

Воинственная кочевая орда монгольскаго племени *Гунновъ*, оставивъ по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ степи средней Азіи, во 2-й половинѣ IV вѣка устремилась на западъ, въ Европу. Увлекши съ собою встрѣтившіяся на пути массы другихъ кочевниковъ, по всей вѣроятности турецкаго, а можетъ быть также и финскаго племени, она, возрастая въ количествѣ, неудержимымъ потокомъ хлынула въ степи нынѣшней южной Россіи. Прежде всего были подчинены примкнувшіе затѣмъ къ завоевателямъ *Аланы* между Волгой и Дономъ. Одинаковая участь постигла вслѣдъ за этимъ (ок. 375 г.), по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія Гунновъ на западъ къ Дунаю, всѣ германскіе народы, расположенные на обширномъ пространствѣ отъ Дона до средняго Дуная, за исключеніемъ тѣхъ ихъ частей, которыя успѣли спастись бѣгствомъ отъ хищныхъ пришельцевъ. Такъ подчинены были *Остготы*, небольшая часть которыхъ бѣжала на западъ; затѣмъ и Дакія со всѣми ея обитателями, разными соплеменными Готамъ германскими, сарматскими и древне-дакійскими племенами (за исключеніемъ, вѣроятно, горцевъ, недоступныхъ для кочевой орды), признала господство Гунновъ.

Только главная масса *Вестготовъ* съ присоединившимися къ нимъ толпами нѣкоторыхъ другихъ германскихъ племенъ искала спасенія въ предѣлахъ Восточной имперіи и получила разрѣшеніе переселиться за Дунай. Между тѣмъ Гунны не думали останавливаться въ своемъ неудержимомъ стремленіи, пока наконецъ не достигли страны, чрезвычайно удобной какъ для ихъ собственнаго мѣстопребыванія, такъ и для ихъ дальнѣйшихъ грабительскихъ и завоевательныхъ цѣлей. Черезъ нынѣшнюю Валахію, слѣдуя все вдоль по Дунаю, они проникли въ равнину средняго его теченія и расположились отчасти въ нижней Панноніи, отчасти въ низменности между Дунаемъ и Тиссою. Одновременно съ ними хлынули къ среднему Дунаю и воинственныя германскія полчища, безъ сомнѣнія весьма до-

вольныя случаемъ возобновить традиціонную борьбу съ Римлянами и поживиться богатой добычей, хотя бы и подъ предводительствомъ грубой и хищной орды азіятовъ. Такимъ образомъ могучему вождю этой орды не трудно было образовать на берегахъ Дуная сильный военный союзъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, который нанесъ наконецъ смертельный ударъ Западной Римской имперіи, подготовилъ ея окончательное паденіе (476 г.). Въ началѣ V вѣка группа германскихъ народовъ, сдвинутая съ своихъ мѣстъ, устремилась въ западные предѣлы имперіи, въ Галлію, Испанію, а оттуда и въ Африку; въ этихъ краяхъ нашли себѣ новую родину Вандалы, Аланы, Свевы, Бургунды и Вестготы. Затѣмъ въ теченіе полустолѣтія громили восточныя и западныя страны имперіи Гунны съ своими союзниками. Исторія гуннскихъ походовъ и судьба аттиловой державы хорошо извѣстны. Для насъ всего важнѣе тотъ этническій переворотъ, который совершился на дунайской территоріи съ гуннскимъ погромомъ.

Мы видѣли, что уже въ періодъ, предшествовавшій гуннскому нашествію, германскій элементъ господствовалъ въ восточныхъ земляхъ (Дакіи), а съ переходомъ Вандаловъ въ Паннонію — и на среднемъ Дунаѣ. Вторженіе Гунновъ имѣло слѣдствіемъ съ одной стороны приливъ новыхъ германскихъ массъ въ дунайскія страны, съ другой — рядъ передвиженій уже сидѣвшихъ здѣсь германскихъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — надо полагать — и значительное смѣшеніе ихъ другъ съ другомъ (поглощеніе мелкихъ наиболѣе сильными и многочисленными). Что же касается участи туземцевъ (т. е. римскихъ колонистовъ, ороманенныхъ и неороманенныхъ ѳрако-иллирскихъ и кельтскихъ элементовъ), то нѣкоторая часть ихъ, безъ сомнѣнія, должна была стать жертвой бѣдствій гунно-германскаго погрома; другая часть успѣла вѣроятно бѣжать и укрыться отъ новыхъ властителей въ мало доступныхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ продолжала существовать еще долгое время послѣ того, какъ остатокъ древнѣйшихъ слоевъ населенія. Большинство же, не покинувшее своихъ жилищъ, было покорено и принуждено платить дань, по

всей вѣроятности, продуктами земледѣлія, однимъ словомъ удовлетворять насущнымъ потребностямъ новыхъ своихъ повелителей, презиравшихъ мирный земледѣльческій трудъ и искавшихъ прежде всего военной дѣятельности среди походовъ и грабительскихъ наѣздовъ. Что касается германскихъ и сарматскихъ поселенцевъ римскаго времени, то они постепенно сливались и смѣшивались съ своими соплеменниками. Такъ же слились съ новыми пришельцами по всей вѣроятности и Квады и остатки Языговъ на среднемъ Дунаѣ. Съ этнологическимъ переворотомъ былъ разумѣется связанъ переворотъ и въ культурныхъ отношеніяхъ дунайскихъ странъ. Извѣстна горькая участь, которой должны были подвергнуться всѣ насажденія и созданія Римлянъ въ Панноніи, а затѣмъ и Норикѣ (въ Дакіи они были уничтожены гораздо ранѣе).

Для насъ гуннское нашествіе имѣетъ особенно важное значеніе еще и по другой причинѣ. Есть достаточное основаніе предположить, что съ Гуннами проникли на Дунай первыя толпы *Славянъ*. На существованіе славянскаго элемента въ гуннскихъ полчищахъ довольно ясно намекаютъ извѣстныя показанія византійца Приска, оставившаго описаніе своихъ впечатлѣній о путешествіи и пребываніи у Аттилы посольства Восточной имперіи, въ которомъ и онъ участвовалъ[1]). Эти толпы Славянъ могли быть увлечены съ береговъ Днѣстра, гдѣ они до прихода Гунновъ жили подъ властью Готовъ. Были ли они невольно захвачены гуннскимъ потокомъ, или присоединились къ нему по собственному побужденію, сказать трудно. Первое намъ кажется вѣроятнѣе. Неизвѣстно также, составляли ли Славяне въ гуннской ордѣ нѣчто отдѣльное, напр. родъ особыхъ славянскихъ дружинъ, или они представляли просто одинъ изъ элементовъ того разнороднаго сброда, какимъ въ сущности была орда

[1]) *Excerp. e Prisci Historia*, ed. Bonn. p. 183, 190; См. Дриновъ, Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами (Чтенія Общ. Ист. и Др. Сл. 1872, кн. 4) стр. 68—69. Есть на то указаніе и у Іорнанда (Jordan. c. 49), называющаго пиршество на могилѣ (въ описаніи похоронъ Аттилы) *стравой* (strava), словомъ чисто славянскимъ. Дриновъ, тамъ же.

собственно *гуннская*, не считая слѣдовавшихъ по ея стопамъ германскихъ полчищъ, продолжавшихъ и на дунайской территоріи сохранять по возможности свою племенную раздѣльность [1]). Во всякомъ случаѣ эти первыя, можетъ быть и довольно многочисленныя, славянскія толпы были, такъ сказать, еще случайными пришельцами на берега средняго Дуная, такъ какъ ихъ переселеніе не находилось въ непосредственной связи съ тѣмъ движеніемъ славянскихъ массъ на югъ и западъ (къ нижнему Дунаю), которое началось послѣ распаденія гуннскаго союза и послѣ бывшаго затѣмъ передвиженія всей группы германскихъ народовъ далѣе на западъ. Какъ бы то ни было, эти «гуннскіе» Славяне были первыми представителями славянства на Дунаѣ и въ борьбѣ новыхъ народныхъ силъ съ дряхлой имперіей.

Со смертію Аттилы (453) распался и гуннскій союзъ. Только сильная воля, умъ и энергія этого великаго вождя въ состояніи были поддерживать единеніе и политическую связь всѣхъ повиновавшихся ему разнородныхъ элементовъ. Побѣжденные возставшими противъ нихъ Готами и Гепидами, толпы Гунновъ разбрелись повидимому въ разныя стороны; часть ихъ вернулась, кажется, въ свое прежнее временное мѣстожительство—на берега Чернаго моря.

Настаетъ эпоха *исключительнаго господства Германцевъ* на дунайской территоріи, продолжающаяся цѣлое столѣтіе (до 60-хъ годовъ VI вѣка). Послѣ побѣды надъ Гуннами начинается новое движеніе среди германскихъ народовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неизбѣжныя столкновенія. Остававшіеся на берегахъ Понта Остготы протѣсняются въ Паннонію, гдѣ соединяются съ жившими уже здѣсь соплеменниками. Большую часть древней Дакіи, а именно Трансильванію и Валахію, занимали тогда *Гепиды* («Gepidia»), послѣ Остготовъ самое многочисленное и сильное германское племя на Дунаѣ. Въ равнину между Дунаемъ и Тиссою, недавнія жилища самихъ Гунновъ, проникаетъ съ сѣвера племя *Геруловъ*, го-

[1]) Hunfalvy, Ethn. v. Ung., S. 78.

сподствовавшее здѣсь впрочемъ не долго, а за ними бывшую землю Квадовъ занимаетъ другое нѣмецкое племя — *Руги*, упоминаемое уже въ походахъ Гунновъ на западъ. Наиболѣе сильныя германскія племена (Остготы и Гепиды), одолѣвъ Гунновъ и почувствовавъ свою силу и свободу, не могли довольствоваться своимъ положеніемъ: они продолжали стремиться къ своей завѣтной цѣли — окончательному разрушенію могущества Римлянъ на западѣ и овладѣнію ихъ богатымъ наслѣдіемъ. Вся послѣдующая эпоха представляетъ собою рядъ попытокъ германскихъ народовъ утвердить свое господство на земляхъ павшей наконецъ въ 476 г. Западной имперіи, особенно въ Италіи и прилегающей къ ней съ сѣвера альпійской территоріи, попытокъ, сопровождавшихся столкновеніями, взаимною борьбою и попеременнымъ торжествомъ однихъ надъ другими. Остготы переходятъ изъ Панноніи въ Мизію (474), а оттуда въ Италію и основываютъ здѣсь могущественную остготскую державу Теодориха (489); еще передъ этимъ послѣднимъ событіемъ Одоакръ торжествуетъ надъ Ругами (487 — 8), [1]) распространившимися въ Панноніи по удаленіи изъ нея Готовъ; Гепиды расширяютъ свою власть на западъ и приходятъ въ столкновеніе съ Остготами (изъ-за Срема). Новое сильное германское племя *Лангобардовъ* переселяется съ сѣвера въ Паннонію и вступаетъ въ борьбу съ Гепидами, имѣвшую роковой для послѣднихъ исходъ; наконецъ Лангобарды, этотъ послѣдній господствовавшій на среднемъ Дунаѣ германскій народъ, переселяются въ Италію. Таковы важнѣйшіе событія этой бурной эпохи владычества воинственныхъ германскихъ полчищъ въ дунайскихъ странахъ; эпоху эту можно признать *переходною* въ этническихъ судьбахъ этихъ странъ, ибо съ нею (по крайней мѣрѣ со второй ея половиной) совпадаетъ постепенное обновленіе осѣдлаго населенія дунайской территоріи посредствомъ прилива въ нее новой свѣжей расы, пустившей въ ней прочные корни и призванной уже

[1]) Руги были отчасти истреблены въ войнѣ съ Одоакромъ, отчасти примкнули потомъ къ Остготамъ и исчезли постепенно подъ властью послѣднихъ въ Италіи. См. Zeuss, Die Deutschen, S. 486.

не къ разрушенію старыхъ, а къ созданію новыхъ порядковъ и культурныхъ отношеній.

Лангобарды, придвинувшись къ среднему Дунаю, не сразу овладѣли Панноніей. Первоначально они заняли бывшія земли Руговъ (такъ наз. Rugiland), оставившихъ въ концѣ V вѣка свои жилища на Дунаѣ (приблизительно между р. Моравой и Энжей). Отсюда они въ началѣ VI вѣка передвинулись на юговостокъ за Дунай, въ тиссо-дунайскую равнину, гдѣ подпали было власти Геруловъ. Однакожъ это продолжалось не долго. Одержавъ верхъ надъ послѣдними, они вытѣснили ихъ въ бывшую страну Руговъ. Отсюда Герулы ушли частію куда-то на дальній сѣверъ (въ Скандинавію?), частію въ земли Восточной имперіи, власти которой и подчинились (въ нижней Панноніи). Между тѣмъ усиленіе Гепидовъ казалось опаснымъ для Византіи, и вотъ Юстиніанъ находитъ себѣ сильныхъ союзниковъ въ Лангобардахъ, которымъ и предоставляетъ во владѣніе Паннонію. Здѣсь они и утверждаются (около 526 г.) и остаются слишкомъ 40 лѣтъ, постоянно поддерживая Византійскую имперію то противъ Гепидовъ, то противъ Остготовъ. Въ 567 году они вступаютъ въ рѣшительную борьбу съ Гепидами, окончившуюся полнѣйшимъ разрушеніемъ могущественной державы послѣднихъ и, какъ кажется, истребленіемъ значительной части ихъ племени. Но этого результата Лангобарды достигли не одни. Ихъ союзникомъ противъ Гепидовъ была новая, пришедшая съ востока, кочевая орда *Аваровъ*, которымъ и слѣдуетъ, кажется, приписать первенствующую роль въ окончательномъ разгромѣ и гибели Гепидовъ. Нельзя не предположить, что и переселеніе вслѣдъ затѣмъ самихъ побѣдителей, Лангобардовъ, въ Италію обусловливалось въ значительной степени разрушительнымъ вторженіемъ Аваровъ въ дунайскую равнину.

Постепенное передвиженіе германскихъ народовъ на югъ и на западъ, какъ изъ нынѣшней сѣверной Германіи и странъ прикарпатскихъ, такъ равно и съ нижняго и средняго Дуная, естественнымъ образомъ влекло за собой подобное же передвиженіе

по ихъ стопамъ въ обезлюдѣвшія земли — ихъ восточныхъ сосѣдей, Славянъ. Занятіе славянскими племенами всей дунайской территоріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей (о чемъ будетъ сказано ниже), отъ восточныхъ Карпатовъ до крайнихъ предѣловъ ихъ распространенія на западъ (въ Тиролѣ), совершилось приблизительно въ теченіе столѣтія, отъ конца V до конца VI вѣка. Едва-ли не цѣлымъ вѣкомъ ранѣе (съ конца IV по конецъ V вѣка) Славяне распространились по всей сѣверной Германіи до Эльбы и Саалы.

Какъ въ свое время гуннскій погромъ способствовалъ движенію Германцевъ на западъ, такъ точно въ VI вѣкѣ Авары увлекли въ своемъ вторженіи въ дунайскую равнину массу славянскихъ переселенцевъ и тѣмъ дали сильный толчекъ славянской колонизаціи по всей дунайской территоріи. Однако есть полное основаніе полагать, что и до аварскаго погрома Славяне уже успѣли проникнуть во многія ея окрайны, особенно на сѣверѣ и на востокѣ. По всей вѣроятности уже къ первой половинѣ VI вѣка (а можетъ быть и къ концу V в.) слѣдуетъ отнести ихъ разселеніе съ одной стороны (съ сѣвера) въ Чехіи и Моравіи, съ другой (съ востока) — въ восточной и южной частяхъ древней Дакіи, т. е. въ Молдавіи на нижномъ Дунаѣ, и можетъ быть даже отчасти въ Трансильваніи. Этому распространенію врядъ ли могли помѣшать Гепиды, главныя силы которыхъ сосредоточивались тогда въ болѣе западныхъ мѣстностяхъ (въ нынѣшней центральной Венгріи) и подъ покровительствомъ которыхъ къ тому же, повидимому, уже кое-гдѣ жили Славяне[1]). Но конечно только съ паденіемъ германскаго господства на Дунаѣ и съ передвиженіемъ большей части Германцевъ на западъ и въ Италію[2]), Славяне могли безъ особеннаго труда и препятствій

[1]) Roesler, Zeitpunkt der slavisch. Ansiedel. an. d. unteren Donau Sitzugsber. d. Wien. Akad. d. Wiss., B. 73, 1873, S. 89, 91.

[2]) Самое племя Гепидовъ не могло быть многочисленно. Ихъ политическій союзъ состоялъ вѣроятно изъ многихъ другихъ элементовъ германскихъ и сарматскихъ, надъ которыми они господствовали. Очень можетъ быть, что по разрушеніи ихъ державы Лангобардами эти освобожденные элементы, да

заселить дунайскія земли. Къ сожалѣнію многимъ изъ нихъ пришлось на первыхъ же порахъ испытать тяжелое иго жестокихъ Аваровъ.

Опустѣніе и обезлюдѣнье придунайскихъ земель передъ переселеніемъ Славянъ было однакожъ отнюдь не общее и не полное. Дѣйствительно, нѣкоторые края (особенно степныя равнины) должны были обратиться почти въ совершенныя пустыни, но встрѣчались и такія мѣстности, въ которыхъ сохранялось прежнее населеніе и притомъ большею частію древнѣйшее, происходившее еще изъ эпохи римскаго владычества, ибо остатки Германцевъ (Гепидовъ) должны были быть очень немногочисленны. Такъ, болѣе другихъ оставались населенными (хотя и не густо) нѣкоторые гористые края, какъ въ альпійской области, такъ безъ сомнѣнія и въ Трансильваніи. Края эти, самой природой защищенные отъ наиболѣе разрушительныхъ народныхъ теченій, именно отъ вторженія хищныхъ конныхъ кочевниковъ, служили убѣжищемъ многимъ спасавшимся въ нихъ обитателямъ сосѣднихъ менѣе защищенныхъ долинъ и равнинъ. Когда утихла буря гунно-германскихъ переселеній, многіе изъ этихъ туземцевъ могли воротиться въ покинутыя мѣстности. Эти старые обитатели подунайскихъ странъ, которыхъ застали здѣсь Славяне, пережили всѣ превратности бѣдственныхъ временъ переселеній, хотя и не могли не спуститься на сравнительно нисшую противъ прежняго степень культуры (на степень пастушескаго быта), ибо всякая культурная дѣятельность и развитіе должны были быть парализованы въ эту смутную эпоху. На западѣ, въ альпійской области, это были остатки *кельто-романскаго*, а на востокѣ, въ Трансильваніи,—*дакійскаго* и отчасти *дако-романскаго* населенія. Сохраненіе романскихъ элементовъ въ восточныхъ Альпахъ въ періодъ славянской колонизаціи и даже гораздо позже, несмотря на его постепенную

и отчасти сами Гепиды примкнули къ послѣднимъ и вмѣстѣ съ ними переселились въ Италію. Не даромъ Павелъ Діаконъ (II, 26), сообщающій о переселеніи Лангобардовъ, называетъ между племенами сопровождавшими ихъ—Гепидовъ, Сарматовъ, Болгаръ.... См. Büdinger, Oesterr. Gesch., S. 60.

славянизацію, а потомъ германизацію, не подлежитъ сомнѣнію и никѣмъ не оспаривается. Нельзя однакожъ сказать того же о древней Дакіи, хотя она нынѣ почти исключительно населена романскимъ народомъ — Валахами или Румынами. Откуда произошелъ этотъ *румынскій народъ,* составляетъ ли онъ *хоть отчасти* продуктъ романизаціи древней Дакіи, или онъ не имѣетъ съ ней ничего общаго и образовался въ сравнительно болѣе позднее время изъ элементовъ пришлыхъ и возникшихъ на совершенно иной почвѣ—вотъ капитальный и несомнѣнно глубоко-важный вопросъ, возбудившій въ послѣднее время, послѣ изслѣдованій Рёслера, самую оживленную борьбу ученыхъ мнѣній и вызвавшій много безспорно замѣчательныхъ разысканій.

Было время, когда на Румынъ никто и не думалъ смотрѣть иначе, какъ на прямыхъ потомковъ римскихъ колонистовъ древней Дакіи. Теперь же напротивъ почти не мыслимо встрѣтить ученаго, который сталъ бы отстаивать этотъ взглядъ въ такой безусловной, ничѣмъ неограниченной формѣ; мы разумѣемъ здѣсь конечно ученыхъ, руководящихся истинно научными соображеніями, а не какими-нибудь посторонними наукѣ, хотя бы національно-патріотическими побужденіями, изъ которыхъ напримѣръ исходили до сихъ поръ большею частію писанія румынскихъ патріотовъ-историковъ[1]). Но разрушая теорію о происхожденіи Румынъ отъ римскихъ поселенцевъ и романизованныхъ жителей Дакіи, историческая критика должна была замѣнить ее какою либо другою, и вотъ возникла (уже довольно давно) теорія о переселеніи Румынъ изъ южно-дунайскихъ странъ въ сравнительно позднѣйшее время[2]), теорія, которая въ

[1]) Напр. Petrus Major de Ditsö-Sz.-Márton, «Histoire de l'origine des Romains en Dacie», Bude, 1812, потомъ Kogalnitschan, Histoire de la Valachie, de la Moldavie et des Valaques Transdanubiens, I, Berlin, 1837 и др. Кажется, единственный румынскій ученый, ставшій внѣ этихъ побужденій и принявшій современный взглядъ на вопросъ, это Hurmuzaki, авторъ «Fragmente zur Geschichte der Rumänen», Bucuresci 1878, S. 11, 185.

[2]) Benkö «Transsilvania», Vindobonae, 1778, I (S. 477); Sulzer, Gesch. des transalpin. Daciens, Wien, 1781; Engel, Gesch. der Moldau und Walachie, I, 135; Wenzel, Добровскій, Копитаръ (Wien. Jahrb. 1826, B. 34, S. 134; 1829, B. 46,

наше время была возобновлена и явилась въ строго научной обстановкѣ въ трудахъ, къ сожаленію, рано умершаго Рёслера. Этотъ ученый опредѣленно выставилъ и защищалъ положеніе, что переселеніе Румынъ на сѣверъ отъ Дуная началось не ранѣе XIII в. и что такимъ образомъ румынская народность возникла не на сѣверѣ отъ Дуная, а на Балканскомъ полуостровѣ [1]). Очевидныя крайности его теоріи были сглажены и вообще она въ значительной мѣрѣ была исправлена, между прочимъ, на основаніи остроумныхъ филологическихъ соображеній, талантливою критикою Томашка, взглядъ котораго и получилъ вскорѣ рѣшительный перевѣсъ надъ взглядомъ Рёслера [2]). Томашекъ въ концѣ концовъ пришелъ къ выводу: 1) что начало переселеній Румынъ изъ-за Дуная въ нынѣшнюю ихъ родину должно быть отнесено къ гораздо болѣе раннему времени (они восходятъ, повидимому, уже къ X вѣку) и 2) что эти румынскіе переселенцы не имѣютъ ничего общаго съ римскими провинціалами Дакіи, выселенными оттуда Авреліаномъ, а происходятъ отъ романскаго населенія (т. е. романизованныхъ ѳракійцевъ, именно Бессовъ) центральныхъ областей Балканскаго полуострова (около Балканскихъ горъ) [3]). Но если, благодаря новѣйшимъ изысканіями

S. 69—77 etc. и въ Kleinere Schriften, W. 1857, S. 230). Миклошичъ (Slav. El. im Rum., Denkschr. d. Ak. d. W., 1862) и др. Срв. Jung, Römer und Romanen. S. 236, 337. etc.

[1]) Roesler, Romänische Studien, Leipzig, 1871. Ревностнымъ защитникомъ и поборникомъ теоріи Рёслера является между прочимъ и мадьярскій ученый этнографъ Гунфальви въ своемъ во многихъ отношеніяхъ важномъ и дѣльномъ трудѣ «Ethnographie von Ungarn», перевед. на нѣм. яз. Schwicker'омъ, Budapest, 1877, S. 334—356 и въ изданіи «Literarische Berichte aus Ungarn», I B., S. 239 и сл., II, (Rum. Geschichtschr. u. Sprachwiss.) S. 337—388; 628.

[2]) Теорія Томашка нашла себѣ приверженцевъ и въ нашей ученой литературѣ: см. напр. Успенскаго «Образованіе 2-го болгарскаго царства», Одесса, 1879, 88—97; М. Соколова «Изъ древней исторіи Болгаръ», Спб., 1879, 23—24.

[3]) Tomašek, Zeitschr. für d. Oesterr. Gymnas. XXVIII Jahrg. 1877, S. 445. Его же рецензія на Рёслера, тамъ-же, XXIII Jahr. 1872, S. 141, гдѣ онъ является еще противникомъ Рёслера. Это мнѣніе касательно Бессовъ находитъ себѣ теперь блестящее подтвержденіе въ одномъ свидѣтельствѣ только-что открытаго проф. В. Г. Васильевскимъ, но еще не обнародованнаго памятника византійской письменности XI в. (подъ названіемъ Strategikon)—въ рукописномъ сборникѣ Моск. Синод. Библіотеки. Тамъ Влахи прямо названы

ямъ, уже окончательно оставленъ серіозной критикой односторонній и узкій взглядъ, что весь румынскій народъ непосредственно происходитъ отъ римскихъ поселенцевъ Дакіи, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы истину въ этомъ вопросѣ можно было находить только въ исключительныхъ положеніяхъ той теоріи, представителями которой являются съ одной стороны Рёслеръ, съ другой Томашекъ. Что нынѣшняя румынская народность, населяющая Молдавію, Валахію и Трансильванію, дѣйствительно образовалась, въ своей массѣ, изъ переселенцевъ Влаховъ, постепенно приливавшихъ съ Балканскаго полуострова и изъ ороманенныхъ ими туземцевъ, въ этомъ едва ли можетъ еще быть сомнѣніе, но однако совсѣмъ отрицать въ ея образованіи участіе остатковъ романскаго населенія древней Дакіи, которые положительно *могли* сохраниться въ горахъ Трансильваніи и впослѣдствіи размножиться, по нашему убѣжденію, нѣтъ достаточнаго основанія. Совершенно отрицая такую непрерывность романскаго элемента даже для горныхъ мѣстностей, новая теорія, какъ намъ кажется, впадаетъ въ такую же крайность, какую несомнѣнно представляетъ и старая — объ исключительномъ происхожденіи румынскаго народа отъ дакійскихъ Римлянъ. Рѣшительнымъ противникомъ этой новой теоріи и защитникомъ непрерывности романскаго населенія на дакійской почвѣ выступилъ Юнгъ въ своемъ, можно сказать, блестящемъ изслѣдованіи «О Римлянахъ и Романцахъ въ ду-

потомками *Даковъ и Бессовъ*. Одновременно съ Томашкомъ (въ 1877 г.) выступилъ со своимъ довольно отличнымъ отъ другихъ взглядомъ на происхожденіе Румынъ Бидерманъ (Biedermann: Die Romanen und ihre Verbreitung in Oesterreich, Graz, 1877). Приписывая одно общее происхожденіе Влахамъ Дакійскимъ, Македонскимъ и Далматинскимъ, онъ ведетъ его отъ народности кельто-лигурійской (на Балкан. полуостр.) и относитъ раздѣленіе на отдѣльныя вѣтви къ позднѣйшему времени. — Въ новѣйшее время (1879) вопросъ о Румынахъ и въ частности о ихъ переселеніяхъ и разселеніи на сѣверѣ отъ Дуная обогатился еще монографіей: «Ueber die Wanderungen der Rumunen in der Dalmatischen Alpen und den Karpaten», von Fr. Miklosich, Wien. 1879, въ которой между прочимъ, кромѣ важнаго матеріала филологическаго, предложеннаго издателемъ, находятся интересныя статьи проф. Калужняцкаго, о слѣдахъ румынскихъ поселеній въ Галиціи и историческія замѣчанія о времени и предѣлахъ распространенія этихъ поселеній, см. Historische Notizen, von H. Pr. Kałužniacki, S. 39—58.

найскихъ земляхъ»[1]). Если ему не удалось склонить на свою сторону или хоть поколебать усердныхъ приверженцевъ Рёслера въ вопросѣ о непрерывности Романцевъ на сѣверѣ отъ Дуная, то это надо приписать лишь тому, что и онъ также увлекся въ крайность при защитѣ своего положенія, предполагая сохраненіе романскаго населенія на слишкомъ большомъ пространствѣ и въ слишкомъ значительныхъ размѣрахъ[2]). Во всякомъ случаѣ его книга, высокія достоинства которой признаются и противниками, принесла несомнѣнную пользу для рѣшенія вопроса, указавъ на слабыя стороны и сомнительные доводы противоположной теоріи[3]).

[1]) Jung, Römer und Romanen in den Donauländern, Innsbruck, 1877. Еще ранѣе его же монографія: Die Anfänge der Romaenen. Zeitschr. f. d. Oesterr. Gymn. 1876, H. 1, S. 25.

[2]) Такой выводъ былъ въ свою очередь слѣдствіемъ слишкомъ преувеличеннаго представленія о романизаціи въ эпоху римскаго господства *всей* Дакіи, т. е. *всего* дакійскаго населенія, см. Jung, ibid, S. 103—107.

[3]) Въ самое послѣднее время тою же цѣлью—доказать происхожденіе Румынскаго народа изъ романизованнаго населенія, сохранившагося на сѣверѣ отъ Дуная, а не отъ переселенцевъ изъ-за Дуная—задался молодой еще славянскій ученый Пичъ въ своей, надо сказать, очень живо написанной книжкѣ «Ueber die Abstammung d. Rumänen» v. J. L. Pič, Leipz, 1880. По вопросу о непрерывности романскаго населенія въ древней Дакіи онъ держится нѣсколько иного взгляда, чѣмъ Юнгъ, справедливо отстаивая первоначальное сохраненіе Романцевъ только въ самыхъ гористыхъ краяхъ Трансильваніи и сосѣднихъ мѣстностяхъ нынѣшней Угріи, но за то уже совершенно не основательно впадая въ другую вопіющую крайность и отрицая всякую возможность выселенія романскихъ элементовъ съ Балканскаго волуострова на сѣверъ отъ Дуная. Такимъ образомъ его взглядъ заключаетъ въ себѣ очевидную несообразность: Романцы, по его мнѣнію, могли сохраниться послѣ великой грозы народныхъ переселеній, только въ западныхъ горныхъ частяхъ Трансильваніи (также въ горахъ Мармароша и Темешскаго Баната) (стр. 198, 199), и вотъ эти то перешедшіе къ пастушескому образу жизни, сравнительно не многочисленные Романцы до того размножились со временемъ, что наводнили почти всю Трансильванію, Молдавію и Валахію и поглотили все славянское населеніе, жившее здѣсь до нихъ!... Отвергая переселеніе Влаховъ съ Балканскаго полуострова, Пичъ исходитъ изъ того основанія, что романское населеніе, подъ напоромъ варваровъ на полуостровѣ въ эпоху переселеній, было будто бы все оттѣснено на югозападъ въ горы Македоніи и далѣе (гдѣ и сохранилось донынѣ въ состояніи пастушескаго быта), и что ни въ сѣверной Болгаріи, ни въ горахъ Балканскихъ не существовало романскаго населенія, которое могло бы выселиться на сѣверъ, за Дунай. Однако это его странное мнѣніе остается вовсе недоказаннымъ. Несмотря впрочемъ на всѣ крайности и натяжки взгляда г. Пича, справедливость требуетъ признать, что его изслѣдованіе представляетъ кое-

Рѣшаемся съ своей стороны сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ подкрѣпленіе своего взгляда на этотъ вопросъ.

По нашему мнѣнію, нѣкоторая часть романизованныхъ жителей Дакіи, скрывшаяся въ горахъ Трансильваніи отъ бѣдствій варварскихъ вторженій, легко могла продержаться тамъ рядомъ съ неороманеннымъ населеніемъ въ теченіе всего продолжительнаго періода народныхъ переселеній Эти трансильванскіе Романцы, умножившись въ послѣдствіи (въ мирную эпоху), по всей вѣроятности, представляли одну изъ притягательныхъ силъ, побуждавшихъ Романцевъ Балканскаго полуострова переселяться въ сѣверо-дунайскія области. Пополняя мало по малу ряды своихъ трансильванскихъ родичей, эти выходцы съ юга успѣли скоро образовать то зерно, изъ котораго постепенно возникла румынская народность въ настоящемъ своемъ видѣ.

О Юнгѣ очень часто приходится слышать сужденіе изъ противнаго лагеря, что ему рѣшительно не удалось ни опрорергнуть теорію Рёслера, ни доказать непрерывное пребываніе Валаховъ на сѣверъ отъ Дуная. Въ сужденіяхъ подобнаго рода проглядываетъ, однако, явное пристрастіе. Юнгъ дѣйствительно, какъ мы замѣтили выше, переступилъ мѣру, защищая слишкомъ крайнее положеніе, и этимъ далъ своимъ противникамъ орудіе противъ себя. Но въ вопросѣ о непрерывности романскаго элемента въ древней Дакіи имъ во всякомъ случаѣ высказано и не мало дѣльнаго. Еслибъ онъ ограничилъ свою задачу защитой этой непре-

какія дѣльныя соображенія, въ особенности по вопросу о непрерывности романскаго населенія на сѣверѣ отъ Дуная и о большей давности Румынъ сравнительно съ Уграми въ нынѣшней Угріи. При этомъ авторъ слѣдуетъ особымъ путемъ: онъ доказываетъ свое положеніе на основаніи подробнаго историческаго разбора политическаго и соціальнаго положенія, и обычнаго права румынскаго населенія (рядомъ съ словенскимъ и русскимъ) сравнительно съ другими народностями Угріи, и въ этомъ отношеніи его изысканіе во всякомъ случаѣ представляетъ интересъ. Другимъ защитникомъ непрерывности Романцевъ въ горныхъ частяхъ Дакіи явился въ послѣднее время и извѣстный румынскій ученый B. P. Hasdĕй въ своей «Istoria criticâ a Romanilorŭ», vol. I, Bucurescĭ, 1875; см. также его «Dina Flima. Gotii si Gepidii in Dacia», Bucurescĭ., 1877.

рывности собственно только для *Трансильвании*, то имѣлъ бы безъ сомнѣнія гораздо болѣе успѣха, ибо едва-ли кто-нибудь скажетъ, въ чемъ заключается неопровержимость Рёслера по отношенію къ этому пункту.

Однимъ изъ доказательствъ сохраненія Романцевъ въ горахъ Трансильваніи обыкновенно служатъ немногія географическія названія, въ особенности названія рѣкъ и горъ, происходящія изъ римскаго времени. Существованіе такой древнеримской номенклатуры, положимъ даже очень немногочисленной, дѣйствительно разъяснено и доказано Юнгомъ[1]). Однако этимъ удержавшимся римскимъ названіямъ мы не придаемъ значенія особенно вѣскаго доказательства въ пользу нашего мнѣнія, такъ какъ согласны, что они могли сохраниться и въ средѣ неороманеннаго населенія Трансильваніи. Не слѣдуетъ забывать, что Романцы въ эпоху опустошительныхъ народныхъ движеній оставили свои прежніе культурные центры, мало защищенные города и села, и бѣжали въ горы, гдѣ въ большинствѣ случаевъ обратились въ пастуховъ; этимъ и объясняется сравнительная малочисленность сохранившихся римскихъ географическихъ названій[2]).

Рёслеръ полагаетъ, что онъ опровергъ предположеніе объ удаленіи Романцевъ въ горы, а слѣдовательно и о сохраненіи ихъ тамъ, сказавъ, что невѣроятно, чтобъ римскіе колонисты, привыкшіе къ благамъ болѣе развитой культуры, промѣняли городскую жизнь на пастушескую, когда имъ представлялись вѣрныя и надежныя жилища и земли въ Мизіи[3]). Но во первыхъ это возраженіе основано на совершенно недоказанномъ мнѣніи, что

[1]) Jung, ibid. S. 240—242 и спец. глава «Bihar'sche Excurse», 282—310. Въ томъ же смыслѣ высказался и самъ Томашекъ въ рец. на Рёслера. Zeitschr. f. Oest. Gymn., Jahrg. XXIII, S. 149—150.

[2]) Tomašek, ibid, S. 149, 150. Онъ справедливо замѣчаетъ на доводы Рёслера, что вѣдь не болѣе романскихъ слѣдовъ сохранилось и въ географической номенклатурѣ Мизіи, этой единственной по его (Рёслера) мнѣнію родинѣ Румынъ.

[3]) Roesler, R. St. S. 70.

романскій элементъ въ Дакіи состоялъ будто-бы изъ однихъ только римскихъ колонистовъ; а во вторыхъ могли-ли въ самомъ дѣлѣ римскіе колонисты особенно расчитывать на безопасную и безмятежную жизнь въ Мизіи, когда эта именно область, какъ намъ извѣстно, подвергалась въ теченіе III вѣка, т. е. и до, и послѣ уступки Дакіи Готамъ, опустошительнымъ вторженіямъ варваровъ, Германцевъ и Сарматовъ, не дававшихъ покоя ея населенію? Но еслибъ даже большинство римскихъ колонистовъ, особенно жившихъ въ Банатѣ и Малой Валахіи, и послѣдовало за римскими легіонами на правый берегъ Дуная[1]), то ими далеко еще не исчерпывался романскій элементъ Дакіи. Съ мнѣніемъ Рёслера и его послѣдователей, отрицающихъ всякую романизацію дакійскаго населенія, безпристрастный изслѣдователь не можетъ согласиться[2]). Мы знаемъ, какихъ въ этомъ отношеніи быстрыхъ результатовъ вездѣ достигали Римляне своей энергической и послѣдовательною культурною дѣятельностью. О романизаціи всего населенія Дакіи разумѣется не можетъ быть рѣчи[3]); но неужели Римлянамъ мало было полутораста лѣтъ слишкомъ для ороманенія по крайней мѣрѣ тѣхъ туземцевъ, среди которыхъ непосредственно они расположили свои колоніи. Сколько поколѣній этихъ туземцевъ выросло и воспиталось подъ прямымъ вліяніемъ римскаго быта и римскаго духа, приняло римскіе нравы и латинскій языкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не сохранить глубокой привязанности къ своей родной землѣ и къ своимъ роднымъ преданіямъ! Сомнительно, чтобы эта часть

[1]) Нѣтъ основаній не довѣрять свидѣтельству Флавія (Flavius Vopiscus, v. Aurelian, 39) объ отведеніи *римскихъ колонистовъ* въ Мизію; но выводить изъ него заключеніе о выселеніи изъ Дакіи всѣхъ романизованныхъ ея жителей было бы совершенно произвольно. См. Jung, 242—3.

[2]) См. замѣчанія Миклошича, который съ точки зрѣнія филологіи высказался положительно въ пользу первоначальнаго происхожденія румынскаго языка и предковъ нын. Румынъ отъ романизаціи туземныхъ элементовъ Дакіи, т. е. Даковъ и Гетовъ. См. Die slav. Elemente im Rumunischen (Denkschrift d. Wien. Akad. XII, 1862).

[3]) Сохраненіе романскихъ элементовъ въ населеніи горныхъ частей Трансильваніи, по нашему мнѣнію, отнюдь не предполагаетъ такой повсемѣстной романизаціи.

населенія такъ легко, при первой опасности (а въ 271 г., кстати сказать, опасность была ужъ не первая, разумѣется), оставила все и переселилась въ невѣдомую землю. Даже и самые римскіе колонисты въ эти 150 лѣтъ настолько должны были привыкнуть къ новой своей родинѣ и сжиться съ мѣстными условіями и обстановкой, что и для нихъ выселеніе не могло не быть тяжело. Въ мѣстностяхъ гористыхъ, защищенныхъ отъ варварскихъ нападеній, можетъ быть и изъ нихъ не всѣ покинули свои жилища съ удаленіемъ римскаго войска и римскихъ властей. Сюда-то, въ неприступныя горы Трансильваніи, бѣжала изъ сосѣднихъ долинъ и равнинъ часть ороманеннаго и не пожелавшаго переселяться за Дунай дакійскаго населенія, когда набѣги германскихъ и сарматскихъ полчищъ стали для него невыносимы.

Другіе доводы, приводимые обыкновенно противъ возможности сохраненія романскихъ элементовъ въ древней Дакіи, сводятся къ тому, что: 1) если романское населеніе и не все оставило Дакію съ переходомъ ея въ руки варваровъ, то во всякомъ случаѣ оставшееся не могло пережить разрушительной эпохи народныхъ переселеній и должно было мало по малу погибнуть, во 2) что объ этихъ Романцахъ нѣтъ ровно никакихъ извѣстій въ теченіе ряда вѣковъ, т. е. съ III по XII вѣкъ, слѣдовательно — заключаютъ изъ этого — ихъ и не было въ этихъ странахъ. Во всякомъ случаѣ подобныя доказательства, болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера, особенной силы имѣть не могутъ. Но и помимо того они, какъ мы сейчасъ увидимъ, не имѣютъ за собой преимущества убѣдительности.

Эпоха «великаго народнаго переселенія» видѣла два главные типа народовъ, вступавшихъ въ борьбу съ римской имперіей и переселявшихся въ ея бывшія земли. Это были съ одной стороны—полудикіе и хищные кочевники изъ восточныхъ степей, необузданные и грубые въ своихъ инстинктахъ и образѣ жизни (къ нимъ принадлежали Гунны, потомъ Болгаре и Авары), съ другой стороны — полуосѣдлыя, стоявшія еще на степени родо-

вого быта (съ военно-дружиннымъ устройствомъ) воинственныя племена Германцевъ и Сарматовъ, стремившихся прежде всего къ славѣ и къ добычѣ. Оба эти типа, хотя и преслѣдовали приблизительно однѣ и тѣ же цѣли въ борьбѣ съ культурнымъ римскимъ міромъ, все-же рѣзко отличались другъ отъ друга, какъ въ способахъ и характерѣ своихъ вторженій и господства въ занятой землѣ, такъ и въ отношеніяхъ своихъ къ покореннымъ туземцамъ. Набѣги ихъ находились прежде всего въ зависимости отъ природнаго характера и территоріальныхъ условій земли. Степные *кочевники*, никогда не бывшіе особенно многочисленными[1]), дѣлавшіе свои нападенія всегда *конными* полчищами и побѣждавшіе быстротою и неожиданностію своихъ наѣздовъ, могли дѣйствовать только на открытыхъ и ровныхъ мѣстностяхъ, а равно и располагаться своими кочевьями въ удобныхъ для ихъ образа жизни степныхъ равнинахъ и низменностяхъ. Такимъ образомъ и на дунайской территоріи подобнымъ погромамъ, каковы были гуннскій, аварскій и другіе, неизбѣжно подвергались непосредственно только осѣдлые поселенцы равнинъ и особенно доступныхъ долинъ: кочевая орда покоряла ихъ, причемъ, разумѣется, не обходилось безъ грабежа и всякихъ насилій, налагала на нихъ дань, эксплоатировала ихъ трудъ,—однимъ словомъ, въ качествѣ полновластныхъ господъ, распоряжалась и ими, и ихъ имуществомъ; оттого подобныя нашествія были истиннымъ бѣдствіемъ для населенія открытыхъ и равнинныхъ странъ. Но за то отъ этихъ бѣдствій было совсѣмъ или почти совсѣмъ ограждено населеніе болѣе или менѣе замкнутыхъ горныхъ странъ. Конечно, вторженіе кочевой орды въ равнину не оставалось безъ послѣдствій и для обитателей сосѣднихъ горъ, которымъ приходилось часто давать убѣжище бѣглецамъ изъ равнины, но эти послѣдствія во всякомъ случаѣ не могли быть гибельны для самаго ихъ существованія. Итакъ и романскіе элементы, скрывавшіеся

[1]) В. Григорьевъ, Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами. Ж. М. Н. Пр. 1875 г. мартъ, стр. 14—15.

въ горныхъ краяхъ Трансильваніи, нисколько не должны были пострадать ни отъ гуннскаго, ни отъ аварскаго нашествія, которыя едва ли и коснулись ихъ непосредственно. Какъ же затѣмъ отразились на нихъ набѣги на дунайскую территорію *германскихъ* и *сарматскихъ* дружинъ и переселенія въ ея предѣлы цѣлыхъ германскихъ племенъ?

Германскіе народы, такъ или иначе участвовавшіе въ великомъ народномъ переселеніи, съ эпохи маркоманской войны до половины VI вѣка (т. е. до удаленія Лангобардовъ въ Италію) несомнѣнно находились не на одинаковой степени культурнаго развитія. Тѣмъ не менѣе и въ бытѣ, и въ характерѣ своихъ завоеваній, и въ отношеніи къ покоренному населенію и къ занятой землѣ они всѣ представляютъ однородное явленіе, и потому могутъ быть разсматриваемы въ совокупности. Въ теченіе пяти вѣковъ переселеній и борьбы съ Римской имперіей они должны были, конечно, значительно подвинуться въ своемъ развитіи; однако не смотря на то, въ характерѣ, бытѣ и внутреннихъ отношеніяхъ тѣхъ Германцевъ, которыхъ касается наше изложеніе, рѣзкой перемѣны за этотъ періодъ времени не видно. Они остаются все тѣми же полуосѣдлыми и мало земледѣльческими племенами съ военно-дружинной организаціей, при господствѣ еще родового быта. Переходъ къ прочной осѣдлости и земледѣльческому быту, а съ тѣмъ вмѣстѣ отъ родового къ общинному устройству происходитъ у всѣхъ этихъ германскихъ племенъ лишь съ окончательнымъ, прочнымъ поселеніемъ на извѣстной территоріи. Тогда начинается и ихъ колонизаціонная дѣятельность. Такимъ образомъ для тѣхъ племенъ (западныхъ), которымъ ранѣе удалось утвердиться и пустить корни въ завоеванной землѣ, и этотъ переходъ, само собой разумѣется, произошелъ ранѣе. Во всякомъ случаѣ VI-й вѣкъ, а для западныхъ германскихъ народовъ уже V-й, могутъ, кажется, въ этомъ отношеніи считаться вообще *переходными* въ жизни германскихъ народовъ. Происходившая на почвѣ дунайской территоріи борьба германскихъ народовъ съ Римской имперіей и

переселеніе Германцевъ въ ея предѣлы не могли, конечно, не сопровождаться разореніемъ и опустошеніями, а слѣдовательно и многими бѣдствіями для туземнаго населенія; нѣкоторыя германскія и сарматскія полчища оказывались дѣйствительно *варварами* въ борьбѣ съ Римской имперіей и въ разрушеніи лучшихъ плодовъ римской культуры; но такой разрушительный, безпощадный характеръ имѣли собственно только временные вторженія и набѣги германскихъ дружинъ, высылаемыхъ пограничными съ римской территоріей германскими народами въ предѣлы имперіи *спеціально для борьбы* съ Римлянами. Послѣдующія же переселенія цѣлыхъ германскихъ племенъ въ дунайскія земли, отчасти въ уступленные уже имъ края (въ Дакію), отчасти въ области еще римскія, но съ разрѣшенія римскаго правительства (напр. въ Паннонію), —уже вовсе не имѣли такого разрушительнаго характера. О систематическомъ истребленіи мѣстнаго населенія Германцами вообще не можетъ быть и рѣчи, даже и при ихъ опустошительныхъ набѣгахъ, а при переселеніи цѣлымъ племенемъ въ новую страну — и подавно. Племена эти врядъ ли были особенно многочисленны: они свободно располагались среди туземцевъ, покоряли ихъ и пользовались плодами ихъ трудовъ, такъ какъ сами предпочитали мирнымъ занятіямъ дома — походы и войну. Итакъ для мѣстнаго населенія ихъ господство не было особенно тягостно, а тѣмъ менѣе гибельно. оне Кчно, какъ народъ не конный, Германцы располагались не только въ равнинахъ, но и въ мѣстностяхъ гористыхъ; двигаясь съ востока и сѣвера, они проникали въ дунайскія земли не только долинами большихъ рѣкъ, но и проходами Карпатовъ, такъ что наводнили собою всю Дакію, не исключая и Трансильваніи. Однако и для нихъ мѣстности слишкомъ гористыя не могли представлять ничего особенно заманчиваго и они, безъ сомнѣнія, ихъ избѣгали, предпочитая равнины и долины. Можно поэтому думать, что германскому господству, а слѣдовательно и германскому вліянію всего менѣе подверглись жители горъ Трансильваніи, т. е.

между прочимъ и остатки романизованныхъ Даковъ [1]). Да и вообще по всей дунайской территоріи, покоренной Германцами, остатки прежняго населенія могли легко удержать свою самобытность и связь съ землей, ибо Германцы, не смѣшивались съ ними и, господствуя въ занятой странѣ, не пускали въ ней корней, не сроднялись съ нею. Они безъ сожалѣнія покидали ее, когда ихъ привлекали своимъ богатствомъ сосѣднія области имперіи. Тотъ фактъ, что германскія племена, не смотря на свое довольно продолжительное пребываніе въ дунайскихъ земляхъ, не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ въ ихъ географической номенклатурѣ, объясняется именно вышеупомянутыми отношеніями ихъ къ землѣ, и вообще ихъ полуосѣдлымъ бытомъ.

Этихъ соображеній о характерѣ гунно-германскаго господства на Дунаѣ, кажется намъ, достаточно для опроверженія довода, будто романское населеніе «не могло удержаться въ мѣстностяхъ, столько разъ подвергавшихся прибою народныхъ движеній» [2]). Могли сохраниться нетолько остатки Романцевъ, укрывшихся въ горахъ Трансильваніи, но рядомъ съ ними, въ продолженіе всей германской эпохи и еще позднѣе, держались безъ сомнѣнія и *нероманизованное дакійское населеніе*. Кстати объ этомъ послѣднемъ. Мы выше уже замѣтили, что о романизаціи всего населенія Дакіи въ періодъ римскаго владычества (отъ Траяна до Авреліана) не можетъ быть рѣчи. Куда же дѣвались нероманизованные, сохранившіе свою народную рѣчь

[1]) Вотъ почему такого вліянія германскаго элемента не замѣчается и въ румынскомъ языкѣ — фактъ, которымъ пользуются для доказательства своей теоріи противники непрерывнаго романскаго населенія въ Трансильваніи Roesler, S. 123. Срв. Брунъ «Черноморье» I, стр. 271.

[2]) Успенскій, Образованіе втор. Болгарскаго царства, стр. 96—97. Срав. также Брунъ «Черноморье» I (1879), стр. 267. Возможность такого сохраненія романскихъ элементовъ въ горахъ издавна сознавалось самыми безпристрастными учеными, напр. Тунманомъ: Thunmann, «Ueber die Gesch. und Sprache der Albaner u. Walachen», какъ дополненіе къ его «Untersuchungen üb. d. Gesch. d. öst. Europ. Völker» (Leipz, 1774), S. 360: «Bei den Ueberschwemmungen der Vandalen, Gothen, Hunnen, Gepiden, Slaven, Avaren und Bulgaren flohen sie (т. е. Романцы) nach den Gebirgen, die ihre Vertilgung verhinderten, aber sie wurden dadurch Nomaden....»

Даки? Нѣкоторая часть, положимъ, погибла жертвой гунно-германскаго погрома. Но другая довольно значительная часть спаслась, сосредоточившись въ Трансильваніи, самой природой огражденной отъ внѣшнихъ бурь. Эти Даки могли продержаться здѣсь очень долго. Въ концѣ V и VI в. ихъ конечно застали Славяне [1]), которые никогда особенно густо не населяли Трансильваніи, и потому впослѣдствіи съ наплывомъ Романцевъ легко были романизованы.

Другой доводъ Рёслера—отсутствіе упоминанія о Романцахъ въ періодъ народныхъ переселеній—представляется намъ также не состоятельнымъ [2]). Спрашивается, по какому поводу и кому было упоминать о нихъ? Они жили спокойно въ своихъ горахъ, оставаясь въ сторонѣ отъ народныхъ движеній и столкновеній, происходившихъ въ ихъ близкомъ сосѣдствѣ. На всей территоріи, окружавшей ихъ, господствовали то различныя германскія племена, то азіатскіе кочевники, имена которыхъ такъ грозны были для Римлянъ, и потому естественно встрѣчаются безпрестанно въ писаніяхъ ихъ историковъ: Аланы, Готы, Вандалы, Бургунды, Гепиды—съ одной стороны, Гунны, Болгары, Авары, Угры, Печенѣги — съ другой, — обо всѣхъ этихъ народахъ и полчищахъ мы на каждомъ шагу читаемъ у византійцевъ, — иначе и быть не могло. Но что могли знать византійцы о мирныхъ пастухахъ, жителяхъ горной Трансильва-

[1]) Въ пользу такого предположенія говоритъ и слѣдующее соображеніе, слышанное нами отъ В. И. Ламанскаго. Если въ славянскихъ нарѣчіяхъ (западныхъ) есть слова *ѳракійскія* (весьма правдоподобна догадка Добровскаго о ѳракійскомъ происхожденіи сл. *жупанъ*; см. письмо Добровскаго къ Я. Гримму (1825 г.), Archiv f. slav. Philol. v. Jagić, II B. 1 H, 1876, S. 189), то они скорѣе всего были заимствованы въ Трансильваніи (отъ Даковъ), а не за Дунаемъ, гдѣ Ѳракійцы легче и скорѣе были романизованы. Это замѣчаніе вполнѣ справедливо.

[2]) Первое положительное свидѣтельство о Валахахъ на сѣверѣ отъ Дуная относится къ 1164 г., когда бѣжавшій къ границѣ Галича Андроникъ встрѣтилъ тамъ Валаховъ, которые и схватили его. (Nicet. Chonae de Man. imp. IV, 2, p. 169—172) Tomašek: Zeitschr. f. österr. Gymn., 1876, S. 342—346; срв. Jung, S. 247. Однако г. Васильевскій высказалъ сомнѣніе и насчетъ этого извѣстія. См. разборъ кн. Успенскаго, Ж. М. Н. Пр. 1879, іюль, стр. 172—173.

ніи?[1]). Допустимъ, что они даже принимали участіе въ походахъ варваровъ за Дунай. Теряясь въ массѣ послѣднихъ, они могли оставаться незамѣченными. А потому нечего и удивляться, какъ удивляются нѣкоторые ученые, что о нихъ нѣтъ извѣстій ни подъ господствомъ Готовъ, а потомъ Гунновъ, ни при Гепидахъ, ни при Аварахъ [2]). Къ тому же владычество послѣднихъ, повидимому, никогда не простиралось на Трансильванію. Не слѣдуетъ забывать и быта, и образа жизни Романцевъ. Живя разрозненно въ горныхъ мѣстностяхъ, они не составляли ничего цѣлаго, у нихъ не было никакого политическаго единенія и сплоченности. То же самое явленіе замѣчается и относительно нероманизованныхъ Даковъ Трансильваніи. О нихъ мы также не имѣемъ прямыхъ извѣстій, но это не мѣшаетъ намъ предполагать ихъ существованіе тамъ, и даже въ довольно значительномъ числѣ. Наконецъ вѣдь позднѣе и о Славянахъ въ Трансильваніи и вообще въ восточной Угріи, гдѣ они жили совершенно безъ политическаго единенія, со времени ихъ поселенія до самаго мадьярскаго вторженія также почти ничего не слышно. Отрицать ихъ существованіе здѣсь не позволяютъ только оставленное ими, какъ твердо-осѣдлымъ земледѣльческимъ племенемъ, многочисленные слѣды ихъ пребыванія, т. е. сильный славянскій элементъ въ географической номенклатурѣ этой области [3]).

Этими замѣчаніями мы и ограничимся въ разсмотрѣніи «румынскаго» вопроса, ибо цѣль наша была представить только нѣ-

[1]) Не забудемъ, что о Влахахъ и на *Балканскомъ полуостровѣ*, несмотря на близость ихъ жилищъ къ Византіи, въ теченіе долгаго періода времени извѣстій почти нѣтъ, или очень мало. Это не мѣшаетъ приверженцамъ теоріи Рёслера признавать существованіе ихъ въ Балканскихъ горахъ и притомъ въ большомъ числѣ.

[2]) Roesler, 72—74.

[3]) Слѣдуетъ однако оговорить, что при опредѣленіи степени распространенія Славянъ въ Трансильваніи и сосѣднихъ румынскихъ земляхъ—на основаніи славянской географической номенклатуры—нужна осторожность, потому что и сами Румыны могли иногда давать названія славянскаго корня: въ ихъ языкѣ славянскій элементъ въ пору ихъ переселенія на сѣверъ долженъ былъ быть уже достаточно силенъ.

сколько соображеній въ подкрѣпленіе своего взгляда, что нѣтъ достаточныхъ основаній вполнѣ отрицать *непрерывное* существованіе романскихъ элементовъ въ горныхъ частяхъ древней Дакіи рядомъ съ неороманеннымъ дакійскимъ,—тѣмъ болѣе, что приливъ Валаховъ съ юга изъ-за Дуная могъ начаться гораздо ранѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ (по Томашку приблизительно съ X в.)[1]).

Возвратимся теперь къ положенію дунайскихъ странъ въ VI вѣкѣ, когда по значительно обезлюдѣвшей дунайской территоріи стали распространяться новые многочисленные поселенцы—Славяне, уже съ конца V вѣка начавшіе приливать въ ея окрайны съ сѣвера и востока.

По мѣрѣ того какъ Германцы мало по малу подвигались на западъ и завоевывали земли въ предѣлахъ древняго римскаго міра, по ихъ стопамъ въ очищаемыя ими пространства повсюду слѣдовали ихъ непосредственные восточные сосѣди — Славяне. Такъ было и на дунайской территоріи. Славяне продолжали великое дѣло, предпринятое Германцами, дѣло этническаго обновленія сѣверныхъ и восточныхъ областей имперіи и созиданія на ея развалинахъ новыхъ политическихъ и культурныхъ организмовъ. Но достигнувъ дунайской территоріи, Славяне направили свои силы уже въ иную сторону, чѣмъ Германцы. Въ то время какъ Западная Римская имперія пала подъ ударами воинственныхъ германскихъ полчищъ, наводнившихъ Италію и вообще всѣ западныя римскія провинціи, Восточной имперіи суждено было подвергнуться наплыву славянскихъ массъ. Однако для нея это нашествіе новыхъ, чуждыхъ ей народовъ имѣло совершенно иныя по-

[1]) Какъ мы видѣли, положеніе о *давности* Румынъ въ нынѣшней Угріи не безуспѣшно защищалъ Пичъ въ названномъ выше сочиненіи. Онъ приходитъ къ заключенію, что, насколько можно прослѣдить съ XIII в. Влаховъ на территоріи Угріи, они являются уже осѣдлымъ, владѣющимъ землей населеніемъ, съ своими національными воеводами, банами и знатью, и пользуются своеобразнымъ обычнымъ правомъ (наравнѣ съ Русскими и Словаками), признаннымъ угорскимъ королевствомъ. Между тѣмъ всѣ народности, пришедшія въ Угрію послѣ водворенія Мадьяръ, были устроены на основаніи разныхъ привилегій и получили исключительныя права. Pič, ibid., S. 191—192; 195—197.

слѣдствія; оно не разрушило Восточной имперіи, а только обновило ея области въ этнологическомъ отношеніи и создало на Балканскомъ полуостровѣ новый культурно-историческій міръ. Исходными землями переселенія Славянъ за Дунай были конечно дунайскія страны, въ особенности страны на сѣверъ отъ нижняго Дуная (древ. Дакія) и здѣсь прежде всего нынѣшняя Валахія, которая (вмѣстѣ съ Молдавіей) изъ странъ собственно подунайскихъ безъ сомнѣнія первая подверглась наплыву Славянъ.

Какъ Германцамъ въ разгромѣ Западной имперіи оказала дѣятельную помощь азіятская орда Гунновъ, такъ точно Славянамъ въ дѣлѣ заселенія новыхъ территорій и политическаго объединенія помогли другія орды турецкаго племени: сначала Болгары, потомъ Авары. Вторженія Болгаръ за Дунай изъ припонтійскихъ степей, гдѣ они временно располагались, начались съ конца V вѣка[1]). Въ началѣ VI вѣка къ нимъ присоединились Славяне, которые именно тогда съ особенною силой въ большомъ числѣ устремились къ нижнему Дунаю и распространились по древней Дакіи[2]). Въ теченіи всего VI и VII в. продолжаются безпрерывныя вторженія Славянъ и Антовъ на Балканскій полуостровъ, то однихъ, то въ сообществѣ съ Болгарами, то наконецъ позднѣе съ Аварами. Въ этотъ-то періодъ времени произошло заселеніе Славянами областей Восточной имперіи (особенно сѣверныхъ), сильно обезлюдѣвшихъ въ предшествующую эпоху народныхъ переселеній. Одновременно съ процессомъ славянизація Балканскаго полуострова совершалось и этническое обновленіе всѣхъ дунайскихъ странъ, куда приливали массы Славянъ и съ востока, и съ сѣвера (съ Одера и Вислы).

[1]) Первое появленіе ихъ на нижнемъ Дунаѣ относится къ 482 г., когда они были призваны Византійскимъ Императоромъ (Зенономъ) на помощь противъ Остотговъ. Обстоятельное изложеніе вторженій Болгаръ и рядомъ съ ними Славянъ во владѣнія имперіи см. у М. Соколова, Изъ древ. ист. Болгаръ, стр. 40—45.

[2]) Есть основаніе полагать, что Славяне уже съ половины VI в. жили въ «Савіи» (между Савой и Дравой), какъ бы подъ покровительствомъ Гепидовъ, съ которыми они вообще были въ хорошихъ отношеніяхъ (даже помогали имъ противъ Лангобардовъ) Roesler, Zeitpunkt d. slav. Ans. an.d. u. D., S. 86—88.

Здѣсь, въ подунайскихъ странахъ, разселеніе Славянъ достигло крайнихъ своихъ предѣловъ на западѣ уже къ концу VI вѣка. Къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ ближайшихъ извѣстій о томъ, какими путями и въ какомъ порядкѣ шло заселеніе Славянами разныхъ мѣстностей дунайской территоріи. Точно также неопредѣленны наши свѣдѣнія о главныхъ славянскихъ племенахъ, совершившихъ эту колонизацію и о ихъ первоначальномъ распредѣленіи въ дунайскихъ земляхъ. Приходится довольствоваться заключеніями на основаніи тѣхъ данныхъ и отношеній, которыя выясняются лишь въ болѣе позднее время.

Въ извѣстіяхъ византійскихъ писателей о борьбѣ имперіи со Славянами въ VI и VII в. послѣдніе представляются намъ народомъ съ несомнѣнно воинственными наклонностями, еще безъ прочной осѣдлости и безъ того исключительнаго пристрастія къ мирному земледѣльческому труду, которое у нихъ проявляется, какъ скоро они твердо засѣли на новой землѣ. Дѣйствительно, такими и должны были быть Славяне въ довольно продолжительный періодъ своихъ переселеній изъ первоначальной родины въ новыя жилища, въ періодъ странствованій и борьбы, которыми сопровождалось это переходное для нихъ время. И у нихъ, какъ у Германцевъ, характеръ внутренняго быта и политической жизни сложился и выяснился лишь съ окончательнымъ, прочнымъ утвержденіемъ на занятыхъ территоріяхъ. А такъ какъ это утвержденіе совершилось сравнительно позднѣе (VII—VIII в.), чѣмъ у ихъ старшихъ собратьевъ, германцевъ, то очевидно и въ культурномъ развитіи Славяне не могли не отстать отъ послѣднихъ.

Итакъ и въ дунайскія земли Славяне пришли еще далеко не мирными колонистами—земледѣльцами (какъ принимается нѣкоторыми учеными), а вооруженными и даже буйными толпами съ военно-дружинной организаціей. Такими они постоянно являются въ своихъ опустошительныхъ набѣгахъ за Дунай и столкновеніяхъ съ войсками имперіи въ теченіе всего VI вѣка и въ первой половинѣ VII-го, какъ мы въ этомъ можемъ убѣдиться изъ обстоятельныхъ свидѣтельствъ Прокопія (551), Маврикія (582—602) и дру-

гихъ современныхъ византійцевъ [1]). Такимъ же дружиннымъ характеромъ отличалось, повидимому, и устройство Сербовъ и Хорватовъ, когда они, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, въ VII вѣкѣ заселили Иллирію и Далмацію съ разрѣшенія императора Ираклія [2]). А если распространеніе Славянъ на сѣверѣ отъ нижняго Дуная и въ средне-дунайскихъ земляхъ совершается сравнительно мирно, безъ шуму и военныхъ подвиговъ, то лишь потому, что Славяне не могли встрѣтить здѣсь никакого значительнаго сопротивленія,—такъ опустѣли эти страны по удаленіи изъ нихъ воинственныхъ Германцевъ.

На первыхъ порахъ своего поселенія въ новой родинѣ дунайскимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ той ихъ части, которая расположилась западнѣе, на среднемъ Дунаѣ и въ древней Панноніи, пришлось испытать тяжелую долю. Это было вторженіе и продолжительное (2-хъ вѣковое) владычество турецкаго племени *Аваръ*, завлеченныхъ въ средній Дунай взаимною борьбою германскихъ племенъ. Лангобарды воспользовались ихъ помощью противъ Гепидовъ и затѣмъ уступили имъ свои жилища въ Панноніи, выселяясь въ Италію. Нашествіе Аваровъ было результатомъ новаго движенія турецкихъ народовъ въ юговосточныхъ степяхъ нынѣшней Россіи, начавшагося при Юстиніанѣ. Въ 60-хъ годахъ VI вѣка Авары въ числѣ 20,000 устремились на западъ. Прежде всего испытали ихъ грозный погромъ народы припонтійскіе, Болгары, Утургуры и Кутургуры, Анты и другіе Славяне на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. Отсюда Авары продолжали свое движеніе на западъ и очень скоро проникли къ самымъ границамъ Франкской державы. Путь, которымъ они шли, по скудости извѣстій, нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. Во всякомъ случаѣ они, какъ кочевой конный народъ, не могли переходить че-

[1]) Прокопій въ сочиненіи: «De bello Goth.» l. III, также въ Anecdota; Маврикій въ Strategicum (ed. Scheff. Ups. 1664). См. Дриновъ. Заселеніе Балк. пол. Славянами, 1872, стр. 94—118, и Макушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. Спб. 1861, стр. 128—135.

[2]) См. нашу монографію: «Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ и ихъ разселеніи на Балкан. пол.» Спб. 1880, стр. 217.

резъ Карпаты или пробираться ихъ ущельями (какъ думалъ Шафарикъ)[1]), а должны были обойти ихъ съ сѣвера или съ юга. Гдѣ именно они обошли ихъ, объ этомъ существуютъ разныя мнѣнія, хотя для насъ лично нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и Авары шли по стопамъ всѣхъ прочихъ кочевыхъ ордъ, проходившихъ черезъ южнорусскія степи, т. е. южнымъ путемъ — равниной нижняго Дуная. Но какъ-бы то ни было, Авары (шли ли они южнымъ или сѣвернымъ путемъ) должны были проходить черезъ земли, уже населенныя Славянами. Естественно поэтому, что своимъ разрушительнымъ движеніемъ они увлекли за собою значительныя массы Славянъ, которыхъ потомъ, какъ своихъ подданныхъ, поселили на завоеванной территоріи. Аварское иго было конечно великимъ бѣдствіемъ для Славянъ, ибо Авары нисколько не щадили своихъ подданныхъ и угнетали ихъ, заставляя постоянно на себя работать и обирая ихъ. Тѣмъ не менѣе зависимость отъ Аваровъ имѣла и свою хорошую сторону для Славянъ: они мало по малу привыкли къ мирному земледѣльческому труду, полюбили свою новую землю, и освоились съ ней. Ненависть къ общему врагу и утѣснителю способствовала ихъ сплоченію и развитію у нихъ народнаго самосознанія, а впослѣдствіи помогла и ихъ политическому объединенію. Воинственные наѣздники, незнавшіе мирнаго труда и покоя, Авары нуждались въ рабочихъ силахъ для своего прокормленія, а потому они въ своихъ интересахъ должны были поощрять славянскую колонизацію, которая дѣйствительно и совершается въ большихъ размѣрахъ въ концѣ VI и впродолженіе VII вѣка, въ Панноніи, Норикѣ и до Адріатическаго моря. Въ то же время такая же славянская колонизація, уже независимо отъ Аваръ, происходила и въ восточныхъ земляхъ нынѣшней Австро-Венгріи: на всемъ протяженіи Карпатскихъ горъ, въ сѣверной и восточной Угріи и въ Трансильваніи.

Славяне нашли эти земли большею частью почти обезлюдѣв-

[1]) Шафарикъ, Сл. Др. II, кн. 1, стр. 97—98.

шими и совсѣмъ необработанными. Остатки древнѣйшаго населенія, пережившіе бурные вѣка переселеній, сохранились по преимуществу съ одной стороны въ альпійскихъ горахъ, съ другой въ Трансильваніи (гдѣ обратились къ пастушеской жизни), а прочіе края, на которыхъ нѣкогда процвѣтали и земледѣліе и промышленность культурныхъ Римлямъ, находились въ самомъ запущенномъ и заброшенномъ видѣ. Непроходимые лѣса и болота покрывали обширныя пространства земли, и новымъ поселенцамъ предстоялъ тяжелый трудъ расчистки и разработки почвы для того, чтобы сдѣлать ее удобною для устройства своихъ селеній и для землепашества. Трудъ этотъ и выпалъ прежде всего на долю Славянъ, которые совершили первую колонизаціонную работу, сопряженную съ тяжелымъ трудомъ расчистки еще не приспособленной къ земледѣлію почвы [1]). Повсюду замѣчается явленіе, что славянскія поселенія всегда преобладали въ долинахъ небольшихъ рѣкъ и притоковъ и вообще въ холмистыхъ мѣстностяхъ, составляющихъ переходую ступень отъ высокихъ горъ къ равнинамъ большихъ рѣкъ [2]); здѣсь, въ слишкомъ низменныхъ равнинахъ, земледѣлію рѣшительно препятствовали частыя наводненія и оттого черезчуръ влажная, хотя и плодородная почва; тамъ, среди вершинъ Альпійскихъ, земледѣлецъ чувствовалъ себя слишкомъ стѣсненнымъ.

[1]) Вопросъ о томъ, какъ и куда направляется вообще дѣятельность первыхъ поселенцевъ всякой колонизуемой земли, разобранъ всего основательнѣе и полнѣе извѣстнымъ американскимъ ученымъ Кери (Carey), который неоспоримыми историческими фактами и наблюденіями опровергъ господствовавшую до него теорію Рикардо о занятіи земли, доказавъ, что первый поселенецъ берется всегда сначала за *худшую*, менѣе удобную почву, и уже потомъ, съ умноженіемъ населенія и съ усиленіемъ дѣятельности, переходитъ къ болѣе плодородной почвѣ. См. Кери, Руководство къ соціальной наукѣ, пер. кн. Шаховскаго. Спб. 1869 г., стр. 95—104 и слѣд. Безъ сомнѣнія этотъ законъ относится одинаково и къ заселенію новыхъ территорій Славянами.

[2]) На это вліяніе территоріальныхъ условій на распредѣленіе славянскихъ поселеній обратилъ вниманіе г. Кеммель, разсматривая славянскую колонизацію въ своей книгѣ «Die Anfänge deutsch. Lebens in Oesterr.», Leipz. 1879, S. 178, 179.

Такимъ образомъ славянскія поселенія никогда не могли быть многочисленны въ великой тиссо-дунайской низменности (въ самыя центральныя ея части оно едва ли когда либо и заходило)[1]), равно какъ и наиболѣе гористыя части восточно-альпійской области и Трансильваніи не видѣли у себя никогда густого славянскаго населенія. Уже впослѣдствіи по естественной, Славянамъ особенно свойственной ползучести и благодаря другимъ внѣшнимъ историческимъ причинамъ, они распространились въ нѣкоторой степени, какъ въ горныхъ краяхъ, такъ и по обширнымъ низменностямъ Дуная и его большихъ притоковъ.

Характеръ и способъ славянской колонизаціи не мало освѣщается тѣми данными, которыя представляетъ славянская топографическая номенклатура. Уже изъ того факта, что Славяне въ очень рѣдкихъ случаяхъ унаслѣдовали прежнія кельто-римскія мѣстныя названія, которыя несомнѣнно еще держались въ гунно-германскую эпоху, видно, какое запустѣніе они застали въ большей части колонизованныхъ ими странъ: очевидно не было тамъ населенія, которое бы передало имъ прежнія географическія названія. Любопытно, что многія изъ славянскихъ названій по своему коренному значенію даютъ намъ понять, какою борьбою съ природными препятствіями сопровождалось разселе-

[1]) О *сплошномъ* славянскомъ поселеніи въ этой центральной угорской низменности (существованіе котораго, очевидно, предполагаютъ многіе славянскіе ученые) не можетъ быть и рѣчи. Независимо отъ недопускавшихъ этого въ ту эпоху природныхъ условій, противъ такого представленія краснорѣчиво говорятъ и другія соображенія. Древнихъ славянскихъ топографическихъ названій, сохранившихся повсюду, гдѣ только жили Славяне (и въ предѣлахъ мадьярской территоріи), здѣсь, въ самыхъ центральныхъ частяхъ равнины, почти не существуетъ. Затѣмъ сохраненіе мадьярской народности въ такомъ чистомъ видѣ именно на этомъ пространствѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что Мадьяры всегда жили здѣсь *не смѣшанно*. Поселись они на территоріи, сплошь занятой Славянами — имъ выпала бы на долю можетъ быть совершенно иная участь, въ родѣ той, какая постигла Болгарскую орду, покорившую Славянъ Балканскаго полуострова, но впослѣдствіи постепенно поглащенную ими.

нія Славянъ по одичалымъ мѣстностямъ[1]). Съ другой стороны славянская номенклатура бросаетъ свѣтъ на типическій характеръ этого разселенія. Относясь исключительно къ отдѣльнымъ мѣстечкамъ и къ колонизуемымъ пунктамъ территоріи, и не касаясь цѣлыхъ земель и болѣе обширныхъ мѣстностей, она доказываетъ, что отличительною и характерною чертою славянскаго разселенія была разрозненность и ползучесть, отсутствіе всякаго политическаго единенія или тѣсной племенной связи. Въ эпоху своего переселенія изъ первоначальной родины Славяне, благодаря своему военно-дружинному устройству, еще продолжали сознавать нѣкоторое единство въ интересахъ и въ стремленіяхъ. Когда же однако цѣль переселенія была достигнута, общіе интересы удовлетворены, и Славяне твердо расположились въ новой странѣ, очень скоро исчезло единеніе,—началось раздробленіе и разселеніе ихъ во всѣ стороны, на огромныя протяженія. Естественно при такой растянутости территоріи объединеніе становилось несравненно труднѣе[2]). Что касается собственно характера славянскихъ топографическихъ названій, то они отличаются тѣмъ, что всѣ имѣютъ ближайшее отношеніе къ *мѣстоположенію*, иначе сказать, они возникли изъ тѣхъ характерныхъ территоріальныхъ признаковъ, которые поражали новыхъ поселенцевъ. Это объясняется главнымъ образомъ, такъ сказать, бытовыми особенностями славянской колонизаціи. Она совершалась, какъ извѣстно, на иныхъ началахъ, чѣмъ нѣмецкая[3]). У Нѣмцевъ такимъ началомъ было крупное землевладѣніе, тогда какъ Славяне разселялись врозь, мелкими посёлками или отдѣльными *дворами* (подобными тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь напр. въ нашихъ «Новогород. Писцев.

[1]) Срв. Kaemmel. ibid, S. 181. и нашу рецензію этой книги. Ж. М. Пр., 1880 г., апрѣль.

[2]) То же явленіе разрозненности и растянутости славянскихъ поселеній, не особенно многочисленныхъ, мы видимъ и въ сѣверной Германіи, у *Балтійскихъ* и *Полабскихъ* Славянъ, которые вслѣдствіе того легко подверглись германизаціи.

[3]) Kaemmel, ibid, S. 182, 183.

Книгахъ», см. изд. Археографич. Комис. въ 3 том. 1857, 62, 68 гг.) и семьями, которыя сами распредѣляли между собою землю; оттого-то въ нѣмецкой топографической номенклатурѣ мы видимъ преобладаніе названій *по имени владѣльцевъ* (крупныхъ), а у Славянъ — названій *по мѣстоположенію*, возникавшихъ непосредственно среди народа.

Вопросъ о главныхъ *путяхъ*, какими Славяне переселились на дунайскую территорію и именно въ западную ея половину, и о ихъ первоначальномъ *племенномъ распредѣленіи*, какъ уже выше было замѣчено, остается до сихъ поръ мало выясненнымъ и спорнымъ. При отсутствіи всякихъ опредѣленныхъ, собственно историческихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, особенно второй его половины, остается только одинъ возможный путь, — филологическія разысканія (надъ топографической номенклатурой, и въ области нынѣшнихъ языковъ Австро-Венгріи), которыя дѣйствительно могутъ дать полезный матеріалъ для разъясненія вопроса. Можетъ быть дальнѣйшіе труды въ этомъ направленіи и приведутъ къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, но пока мнѣнія ученыхъ представляютъ лишь болѣе или менѣе правдоподобныя догадки. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на взглядъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе заслуживающій вѣры. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: славянское населеніе, расположившееся въ восточно-дунайскихъ земляхъ, т. е. Молдавіи, Трансильваніи и можетъ быть отчасти Валахіи, и нынѣ оставившее на себѣ слѣды лишь въ мѣстной номенклатурѣ, было *русское*, т. е. совершенно однородное съ тѣмъ, которое сосѣдило съ нимъ на востокѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи (по Днѣстру, Днѣпру, его притокамъ и сѣвернѣе). То же русское населеніе издавна заняло и сѣверовосточный прикарпатскій край Угріи, на сѣверъ отъ Трансильваніи, откуда оно затѣмъ распространилось на западъ и югозападъ, колонизировало вѣроятно весь сѣверовосточный уголъ тиссо-дунайской равнины и восточныя окраины Угріи. Съ другой стороны Славяне, заселившіе всю западную половину дунайской территоріи, отъ западныхъ

Карпатовъ, Судетовъ и сѣверныхъ чешскихъ горъ до Адріатическаго моря и отъ устьевъ Дравы до западныхъ предѣловъ Зальцбурга и Тироля, принадлежали двумъ различнымъ вѣтвямъ: одни, занявшіе сѣверныя области—*чешско-словенскому* племени (нынѣшніе Чехи, Мораване и Словаки), другіе (южные) — *словинскому*, современными представителями которыхъ являются Словинцы или Хорутане. Первые пришли съ сѣверовостока отъ Вислы и Одера и теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ проникли въ Моравію и затѣмъ въ Чехію, на средній Дунай и въ сѣверозападныя части Угріи, наконецъ въ сѣверную часть верхней и нижней Австріи, а впослѣдствіи распространились даже нѣсколько за Дунай (сѣверныя окраины Панноніи). Вторые, Словенцы, пришли съ востока — съ нижняго Дуная и изъ припонтійскихъ странъ [1]). Они принадлежали повидимому къ тому великому славянскому потоку, который, выступивъ изъ южной полосы общей славянской прародины, первый устремился къ югозападу, къ нижнему Дунаю и въ нынѣшнюю Валахію, и съ начала V вѣка сталъ страшенъ Византійской имперіи. Одна часть этого потока мало по малу перешла черезъ Дунай и разлилась по всему Балканскому полуострову, другая двинулась на западъ, вдоль по теченію Дуная, потомъ по Савѣ и Дравѣ проникла до самаго Адріатическаго моря и разселилась въ восточно-альпійской территоріи и отчасти древней Панноніи, т. е. въ нынѣшней Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Зальцбургской области, Тиролѣ и западной Угріи. Эта вѣтвь могла войти кое-гдѣ (особенно на равнинѣ, въ Панноніи) въ соприкосновеніе съ сѣверною чешскою вѣтвью, но гдѣ именно была эта раздѣлительная линія, опредѣлить очень трудно [2]). Центральная часть тиссо-дунайской низменности осталась такимъ образомъ почти не тронутою славянскимъ населеніемъ и это естественно, ибо она по степному характеру и другимъ условіямъ почвы (частымъ разливамъ Дуная и Тиссы) представляла большія затрудненія для земледѣльческаго хозяйства. Она болѣе соотвѣт-

[1]) Roesler, Zeitpunkt d. Slav. Ansiedl. an d. unt. Donau, S. 92.

[2]) Ibid, S. 93.

ствовала характеру жизни, быту и потребностямъ кочевниковъ, которые постоянно въ ней раскидывали свои подвижныя жилища. Здѣсь, по преимуществу, располагались кочевьями Авары (съ ихъ *хрингами*) здѣсь же впослѣдствіи утвердилась мадьярская орда [1]).

Относительно славянскаго населенія восточно-дунайскихъ областей слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о принадлежности его къ вѣтви *русскихъ* Славянъ былъ поднятъ уже очень давно, но долго оставался безъ надлежащаго разъясненія. Въ послѣднее время къ нему внимательнѣе отнесся Рёслеръ, который и пришелъ къ утвердительному его рѣшенію [2]). Однако и теперь вопросъ этотъ остается далеко не выясненнымъ и ждетъ тщательнаго изслѣдованія. Рёслеръ основалъ свой выводъ не столько на историческихъ соображеніяхъ и извѣстіяхъ (вообще очень скудныхъ), сколько главнымъ образомъ на топографической номенклатурѣ въ Молдавіи, Трансильваніи и въ ихъ сосѣдствѣ, которая де рѣшительно свидѣтельствуетъ о томъ, что когда-то распространен-

[1]) «Послѣднею волною» славянскаго движенія было переселеніе *Хорватовъ* и *Сербовъ* въ ихъ нынѣшнія жилища, относящееся, по свидѣтельству императора Константина, къ первой половинѣ VII вѣка, къ царствованію императора Ираклія (610 — 641). Оставивъ по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, свою родину за Карпатами, они искали новыхъ жилищъ и придвинулись къ границамъ имперіи. Императоръ Ираклій согласился предоставить имъ на заселеніе Далмацію и Иллирикъ, но съ тѣмъ, чтобы они вытѣснили оттуда Аваровъ. Сербы и Хорваты исполнили это условіе и расположились на новыхъ мѣстахъ жительства. De Adm. Imp. c. 29 etc. См. упомянутую монографію «Извѣстія Конст. Багр. о Сербахъ и Хорватахъ», Спб. 1880 г. (изъ IX т. Записокъ Имп. Географ. Общ. по Отд. Этнографіи).

[2]) Roesler, Rom. Stud. 1871, стр. 321 и слѣд. Въ нашей ученой литературѣ взглядъ этотъ о древнѣйшемъ распространеніи русскаго элемента на сѣверѣ отъ нижняго Дуная (въ Молдавіи, Валахіи и Трансильваніи) былъ впервые съ убѣжденіемъ высказанъ проницательнымъ Надеждинымъ, который на основаніи личныхъ наблюденій, совершенныхъ имъ во время путешествія, призналъ имѣющими историческую достовѣрность извѣстныя сказанія Нестора о Русскихъ на Дунаѣ. Надеждинъ, Путешествіе по южнославянскимъ землямъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1842, VI, 103—5. Это мнѣніе Надеждина, какъ заслуживающее полнаго вниманія, было приведено не такъ давно, рядомъ съ изложеніемъ взгляда Рёслера, В. Г. Васильевскимъ въ его монографіи «Византія и Печенѣги», въ статьѣ «Русскіе на Дунаѣ въ XI вѣкѣ». Журн. Мин. Нар. просв. 1872 г. декабрь, стр. 299, 300 и далѣе. Срв. Успенскій, Образованіе втораго Болгарскаго Царства, Приложеніе, 31—34.

ное здѣсь славянское населеніе было именно *русское*. Дѣйствительно, о существованіи нѣкогда въ Трансильваніи русскаго населенія свидѣтельствуютъ такія названія мѣстъ, которымъ уже присуще обозначеніе русскихъ (наприм. Reussdorf, Reussen, Reussmarkt, Russberg, Russholz, Oroszfaja, Oroszfalu, Oroszmezö и т. д.). Но дѣло въ томъ, что происхожденіе этихъ мѣстъ можетъ скорѣе быть отнесено къ болѣе поздней порѣ, когда было исторически извѣстное передвиженіе русскаго населенія въ эти края (XV), чѣмъ къ домадьярской эпохѣ. Это соображеніе имѣлъ уже въ виду Рёслеръ [1]), стоявшій однако все-таки на томъ, что большинство славянскихъ географическихъ названій относится къ древнѣйшему времени. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, но дѣло въ томъ, что для рѣшительнаго утвержденія, что древнѣйшее славянское населеніе было именно *русское*, этого еще мало. Взглядъ Рёслера встрѣтилъ возраженія со стороны Томашка, высказавшагося прямо въ противоположномъ смыслѣ, — въ пользу того, что славянское населеніе сѣверо-дунайскихъ странъ въ древности не отличалось въ племенномъ отношеніи отъ балканскихъ (потомъ болгарскихъ) Славянъ [2]). Однако нельзя сказать, чтобъ и доводы Томашка были достаточно убѣдительны, чтобы лишить силы рёслеровское мнѣніе. Въ предѣлахъ Дакіи и вообще на нижнемъ Дунаѣ только временно располагались Словенцы, отчасти перешедшіе затѣмъ на правый берегъ Дуная, отчасти ушедшіе на западъ въ древнюю Паннонію и Норикъ. Древнюю Дакію вѣроятно занимали съ тѣхъ поръ почти одни только русскіе Славяне. Впрочемъ, исключеніе составляла Валахія: здѣсь, по лѣвому берегу Дуная оставались еще и собственно *словенскія* поселенія, т. е. Славяне, одноплеменные съ болгарскими. Надъ этими валашскими Славянами въ IX вѣкѣ, по всей вѣроятности,

[1]) Roesler, Rom. Stud. S. 326. Прибавимъ отъ себя, что въ пользу такого предположенія говорятъ и самыя названія мѣстъ, съ обозначеніемъ *Reuss-*, *Russ-*, *Orosz-*: они не могли возникнуть въ домадьярскую эпоху.

[2]) Tomašek, Zeitchr. f. Oester. Gymn. XXIII, 1872 (рецензія на книгу Рёслера, S. 147—148).

господствовали Болгаре; замѣтимъ кстати, что болгарское господство, которое совершенно отрицаетъ Рёслеръ) вовсе не противорѣчитъ его взгляду, что на сѣверъ отъ Дуная было русское населеніе, ибо только въ смыслѣ такого господства этотъ край могъ слыть подъ именемъ «сѣверо-дунайской (собст. *задунайской*) Болгаріи» (Βουλγαρία ἐκεῖθεν τοῦ Ἴστρου). Томашекъ не правъ, приводя это господство въ подтвержденіе своего заключенія о племенномъ тождествѣ всѣхъ дакійскихъ Славянъ съ болгарскими [1]).

Разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ характеръ славянской колонизаціи и племенное распредѣленіе Славянъ на дунайской территоріи въ первое время по ихъ разселеніи здѣсь, намъ необходимо обратить вниманіе на судьбу дунайскихъ странъ въ теченіе VIII вѣка для выясненія этническихъ отношеній на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ къ началу IX вѣка, когда дунайскому славянству пришлось непосредственно столкнуться съ силами франко-германскаго запада. Къ сожалѣнію, извѣстія наши объ этой эпохѣ исторіи дунайскихъ странъ до того скудны и неопредѣленны, что не даютъ возможности уяснить себѣ въ должной мѣрѣ этническихъ отношеній, развивавшихся въ теченіе всего этого времени. Все, что мы знаемъ о господствѣ Аваровъ, объ отношеніи къ нимъ Славянъ, о первой попыткѣ славянскаго объединенія при Само въ первой половинѣ VII вѣка, о первыхъ столкновеніяхъ Славянъ съ Нѣмцами (Баварцами и др.), о постепенномъ паденіи аварскаго господства, наконецъ о наступательномъ движеніи Германцевъ на Дунаѣ, — все это бросаетъ лишь самый слабый свѣтъ на внутреннее состояніе дунайскихъ Славянъ въ VII и VIII вѣкѣ и на успѣхи ихъ колонизаціонной дѣятельности. Къ тому же все это касается Славянъ западныхъ, а то, что происходило одновременно на *востокѣ*, между Дунаемъ и Карпатами, какой здѣсь совершался этнологическій процессъ, покрыто для насъ непроницаемымъ мракомъ. Особенно тёменъ болѣе чѣмъ столѣтній періодъ, начиная съ распаденія

[1]) Tomašek, ibid.

первой славянской державы Само до окончательнаго паденія господства Аваровъ подъ ударами Карла Великаго.

Въ большей части древней Дакіи (въ Трансильваніи, восточной и сѣверовосточной Угріи) послѣ разселенія въ нихъ Славянъ и послѣ передвиженія аварской орды на западъ, въ Паннонію, наступаетъ надолго ничѣмъ не нарушимый миръ. Новые славянскіе поселенцы обратились къ безмятежной земледѣльческой жизни и вошли (въ Трансильваніи) въ соприкосновеніе съ остатками прежняго населенія, состоявшими изъ уцѣлѣвшихъ въ горахъ Даковъ и Романцевъ. Колонизація Славянъ и здѣсь имѣла свой особый характеръ. Нигдѣ, ни въ какомъ краѣ, они не поселились большой массой и не образовали чего-либо цѣльнаго, способнаго къ успѣшному развитію въ политическомъ и національно-культурномъ отношеніяхъ; напротивъ, они расползлись во всѣ стороны, гдѣ только было просторно и удобно, вездѣ расположились мелкими общинами, безъ всякой взаимной связи, и такимъ образомъ сдѣлали для себя невозможнымъ политическое объединеніе и успѣшное противодѣйствіе внѣшнимъ, инороднымъ, болѣе сильнымъ и многочисленнымъ элементамъ. Этимъ только и объясняется ихъ сравнительно быстрое поглощеніе въ Трансильваніи и сосѣднихъ краяхъ (Молдавіи и Валахіи) — Валахами, которые, переселяясь мало по малу изъ-за Дуная и соединяясь съ скудными остатками дакійскихъ Романцевъ, образовали наконецъ крѣпкую *румынскую* или *валашскую народность*; Румыны, сильно размножаясь, легко ассимилировали себѣ не слишкомъ многочисленныхъ и повсюду разрозненно жившихъ Славянъ и вѣроятно мѣшавшихся съ ними Даковъ.

Въ началѣ IX вѣка (при Крумѣ) Болгары распространили свою власть и на сѣверъ отъ нижняго Дуная. Но какъ далеко простирались здѣсь ихъ владѣнія, рѣшить очень трудно (не думаемъ, чтобы имъ принадлежала и Трансильванія). По всей вѣроятности, какъ увидимъ ниже, кромѣ нынѣшней Валахіи, южные предѣлы тиссо-дунайской равнины также были одно время во власти Болгаръ. По крайней мѣрѣ Крумъ покорилъ здѣсь Ава-

ровъ, оттѣсненныхъ за Тиссу въ концѣ VIII вѣка походами Франковъ[1]). Извѣстно, что сюда, въ сѣверо-дунайскую Болгарію, были переселяемы массы греческихъ плѣнныхъ, захватываемыхъ Болгарами во время войнъ съ Византіей. Вообще съ распространеніемъ болгарской власти на сѣверъ отъ Дуная, должны были оживиться сношенія и связи между странами по обѣ стороны Дуная; тогда усилился безъ сомнѣнія и обмѣнъ населенія между ними, обмѣнъ, который начался по всей вѣроятности гораздо раньше, еще со времени германскаго господства на Дунаѣ. Можно предположить, что уже въ ту пору начались и болѣе значительныя переселенія на лѣвый берегъ Дуная Валаховъ Балканскаго полуострова, такъ что Мадьяры въ концѣ IX вѣка могли уже застать на почвѣ Дакіи довольно значительныя румынскія поселенія[2]).

На западѣ, Славяне въ Панноніи и въ восточно-альпійскихъ областяхъ, со времени самаго своего разселенія, должны были покориться Аварамъ, подчинившимъ также Славянъ Чехіи и Моравіи и другихъ сосѣднихъ земель. Какъ ни жестоко обращались Авары со своими славянскими подданными, все-таки не они были для послѣднихъ самыми опасными врагами. Ихъ господство не было прочно, и уже со второй четверти VII вѣка оно явно клонится къ упадку—вслѣдствіе внѣшнихъ неудачъ и внутреннихъ междоусобій. Настоящая опасность для Славянъ грозила совершенно съ другой стороны. Ихъ западные сосѣди, *Германцы* (а именно баварское племя), уже давно обнаруживали серіозныя стремленія распространить на востокъ, по Дунаю и въ восточно-альпійскую территорію, свою власть, а съ нею направить туда и колонизацію. Въ страну на западъ отъ р. Энжи они проникли уже въ началѣ VI вѣка. Аварскій погромъ положилъ на время предѣлъ ихъ движенію и далъ возможность Славянамъ коло-

[1]) Tomašek, Zeitschr. f. Oesterr. Gymn., ibid.

[2]) Понятно поэтому, что въ XI — XII в. Несторъ уже могъ говорить о *Волохахъ* на сѣверѣ отъ Дуная, какъ о значительномъ и важномъ этническомъ элементѣ. (См. Лѣтопись по Лавр. сп., изд. 1872 г. стр. 25, подъ 898 годомъ).

низовать восточно-альпійскія земли и распространиться довольно далеко на западъ, въ глубь нынѣшняго Тироля и Зальцбургской области. Къ концу VI вѣка относятся первыя столкновенія Славянъ съ Баварцами. Въ 595 году Славяне съ помощью Аваровъ нанесли пораженіе баварскому герцогу Тассило I. Съ тѣхъ поръ Славяне не разъ участвовали въ походахъ Аваровъ противъ Баварцевъ и Франковъ.

Приблизительно послѣ 626 года, когда Авары потерпѣли пораженіе подъ стѣнами Константинополя и въ Иллиріи (со стороны Сербо-Хорватовъ), могущество ихъ было сильно поколеблено, между прочимъ также и вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ. Слабостью Аваровъ воспользовались Славяне Чехіи и Моравіи, сбросили ихъ иго и соединились подъ властью сильнаго вождя Само [1]. Къ этому союзу примкнули вскорѣ и другіе, сосѣдніе съ Чехіей и Моравіей Славяне, между прочимъ и восточно-альпійскіе [2]. Образовался могущественный славянскій *союзъ*, который сталъ страшенъ не только для Аваровъ, но и для западныхъ сосѣдей. Славяне подъ предводительствомъ Само одержали большую побѣду надъ Франками (при Вогатисбургѣ), которая имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи Славянъ. Послѣдніе стали предпринимать частыя опустошительныя вторженія въ земли Франковъ. Къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести и достиженіе славянскою колонизаціей своихъ крайнихъ предѣловъ на западъ [3]. Однако этотъ повидимому силь-

[1] Нескончаемый споръ о *національности* этого Само и до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ; нѣмецкіе историки считаютъ доказаннымъ его франкское происхожденіе. (См. Büdinger, Oesterr. Gech., S. 75—76). Славяне продолжаютъ оспаривать этотъ взглядъ и не хотятъ уступить Франкамъ перваго объединителя славянства на западѣ. Кромѣ Шафарика (Сл. Др., II, кн. 2, стр. 226—7) и Палацкаго (Časopis Česk. Museum, 1830, p. 387), явилась въ позднѣйшее время особая монографія «König Samo», v. Fasching, Marburg, 1872 (S. 5—8.)

[2] Что Карантанія (называемая также «*Виндской* маркой») входила въ союзъ Само, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. См. Kaemmel, S. 186, Anm.

[3] Возможно точное опредѣленіе границы между славянскими и нѣмецкими поселеніями въ эпоху наибольшаго распространенія Славянъ на западъ, т. е. въ VII вѣкѣ, у Кеммеля, въ назв. соч., стр. 176.

ный союзъ не имѣлъ внутренней прочности, не обнаруживалъ никакихъ положительныхъ задатковъ государственнаго развитія и силы. Все его могущество было основано на политическихъ способностяхъ, энергіи и мужествѣ вождя. Со смертью Само (ок. 660 г.) и союзъ его распался. Западно-дунайскимъ Славянамъ пришлось опять подпасть власти Аваровъ. По крайней мѣрѣ это касается тѣхъ, которые находились въ непосредственномъ сожительствѣ съ ними.

Послѣ распаденія славянскаго союза наступаетъ чрезвычайно *темный періодъ* въ исторіи подунайскихъ странъ. Никакихъ ближайшихъ извѣстій о взаимныхъ отношеніяхъ Славянъ и Аваровъ за это время мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ, если аварское ярмо постепенно становилось легче для ихъ подданныхъ, зато о бокъ съ ними росла другая сила, несравненно болѣе опасная для ихъ политической независимости и народной самобытности. Баварцы послѣдовательно двигались на востокъ и прочно утвердились на Дунаѣ до р. Энжи, которая ихъ и отдѣляла (въ VIII вѣкѣ) отъ аварскихъ владѣній. Участь Славянъ по ту сторону Энжи, подпавшихъ нѣмецкой власти, была рѣшена. Разрозненные, на далекомъ пространствѣ растянутые славянскія посёлки и дворы очутились безпомощными среди мало по малу наводнявшаго всю дунайско-альпійскую территорію германскаго потока. Подъ видомъ христіанской проповѣди и обращенія изъ язычества Баварцы искусно повели дѣло водворенія своего вліянія и культуры. Еще въ началѣ VIII вѣка альпійскіе Славяне заявляютъ себя непримиримыми врагами Баварцевъ, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мы уже видимъ ихъ въ союзѣ съ послѣдними противъ Аваровъ, которые пытались возстановить свою власть надъ ними[1]). Изъ-подъ ига аварскаго Славяне прямо переходятъ подъ покровительство Нѣмцевъ. Такимъ образомъ для господства Франковъ и для успѣшной германизаціи почва была уже подготовлена, когда къ концу VIII вѣка разгорѣлась послѣдняя борьба Франковъ съ Аварами, кончившаяся полнымъ торжествомъ

[1]) Kaemmel, ibid, S. 197, etc.

первыхъ и оттѣсненіемъ слабыхъ остатковъ аварской орды за средній Дунай и за Тиссу. Аварскія владѣнія на востокъ отъ Энжи и часть Панноніи перешли въ руки Франковъ, которые на первый случай распространили свою власть на сѣверовостокъ, до устьевъ р. Рааба, на юговостокъ до впаденія Дравы въ Дунай и здѣсь стали сосѣдями Восточной имперіи.

Съ вытѣсненіемъ Аваровъ, господствующимъ населеніемъ въ Панноніи и восточно-альпійскихъ областяхъ до Энжи, особенно въ южныхъ мѣстностяхъ (нынѣшней Каринтіи и югозападной Штиріи), остались *Славяне*. Рядомъ съ ними продолжали держаться кое-гдѣ въ горахъ остатки *кельто-романскаго* населенія. Послѣ опустошительной войны франко-аварской, въ Паннонію, оставленную Аварами, произошелъ нѣкоторый приливъ славянскаго населенія изъ сосѣднихъ областей, особенно съ сѣвера — съ лѣваго берега Дуная, такъ что въ общей сложности Славяне въ покоренныхъ Франками областяхъ составляли довольно значительную массу. Тѣмъ не менѣе никакого дружнаго отпора съ ихъ стороны новымъ завоевателямъ не могло быть. И здѣсь славянскія поселенія имѣли все тотъ же характеръ разрозненности. Нѣкоторые края были, правда, населены ими сравнительно гуще (южная Каринтія и южная Штирія), но силы этого населенія, еслибъ даже соединились въ общій союзъ, не могли оказать достаточнаго сопротивленія грозному военному могуществу, сосредоточенному Франками на Дунаѣ. Къ тому же Славяне въ ту эпоху давно утратили тѣ воинственныя наклонности, которыми они отличались въ первыя времена по своемъ переселеніи. Теперь это было мирное, по преимуществу земледѣльческое населеніе, прежде всего дорожившее своею землею и своимъ хозяйствомъ. Ненависть Славянъ къ Аварамъ и стремленіе освободиться отъ ихъ власти было въ значительной степени основано на томъ, что Авары принуждали ихъ къ участію въ своихъ походахъ и заставляли мѣнять тихую жизнь земледѣльца на безпокойную военную жизнь, къ которой они не чувствовали влеченія. Франки освободили ихъ отъ Аваровъ, но

вмѣстѣ съ тѣмъ сами не замедлили воспользоваться тѣмъ неоцѣнимо-выгоднымъ положеніемъ, которое они пріобрѣли, завладѣвъ важными альпійскими горными проходами (особенно въ Штиріи): они стали твердою ногою въ землѣ Славянъ и мало по малу совершенно поработили послѣднихъ. Ихъ политика въ этомъ отношеніи была весьма расчётлива. Оставляя сначала Славянамъ ихъ общинное устройство и бытъ, ихъ народныхъ старшинъ, не трогая ихъ нравовъ и обычаевъ, завоеватели ограничились наложеніемъ на нихъ дани и затѣмъ взялись прежде всего за распространеніе христіанства, какъ за лучшее средство подчинить своему вліянію массы населенія. Съ другой стороны въ альпійскихъ областяхъ, ближайшихъ къ границѣ баварскаго племени, началась дѣятельная колонизація, основанная у Нѣмцевъ, какъ извѣстно, на началахъ крупнаго землевладѣнія. Колонизація не могла впрочемъ подвигаться особенно быстро, между прочимъ, и потому, что приходилось не мало бороться съ природными препятствіями, съ тѣми затрудненіями, которыя вездѣ представляла необработанная почва въ мѣстностяхъ еще не колонизованныхъ. Къ этимъ условіямъ присоединились (какъ увидимъ впослѣдствіи) и внѣшнія историческія причины. Нѣмецкая колонизація къ исходу IX вѣка остановилась приблизительно на рѣкѣ Раабѣ, и далѣе въ Панноніи уже не распространилась (за исключеніемъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ населеній въ княжествѣ Прибины, у Блатенскаго озера)[1]). Но и этого уже было довольно. Тамъ, гдѣ Нѣмцы успѣли утвердиться и колонизовать свободныя земли, германизація Славянъ должна была быстро развиваться. Восточно-альпійскіе Славяне въ теченіе почти 2-хъ вѣкового аварскаго господства, несмотря на всю тяжесть этого ига, не переставали быть Славянами; но какъ скоро господство азіятскихъ хищниковъ смѣнилось властью культурныхъ Франковъ и Нѣмцевъ, альпійскіе Славяне сравнительно быстро стали терять свою національность. Мы не можемъ конечно опре-

[1]) Kaemmel, S. 274—275.

дѣлить, сколько именно потребовалось времени, чтобы ихъ совершенно онѣмечить, но во всякомъ случаѣ уже въ теченіе IX вѣка этому дѣлу было положено прочное основаніе. И здѣсь, какъ и во всѣхъ странахъ съ славянскимъ населеніемъ, подвергшихся той же участи поглощенія германскимъ міромъ и пріобщенія къ германской культурѣ, отъ прежняго населенія остались неизгладимые слѣды только въ *топографическихъ* названіяхъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о прежнихъ обладателяхъ и трудолюбивыхъ воздѣлывателяхъ земли и о степени распространенности ихъ поселеній въ той или другой мѣстности.

Впрочемъ, главные успѣхи нѣмецкой колонизаціи на востокъ отъ р. Энжи, т. е. въ бывшихъ владѣніяхъ аварскихъ, относятся уже къ IX вѣку, а потому не подлежатъ здѣсь разсмотрѣнію. Въ настоящемъ очеркѣ наша задача была, сколько возможно (конечно только въ общихъ чертахъ), выяснить этническое состояніе дунайскихъ странъ къ началу IX вѣка, т. е. къ тому моменту, когда съ паденіемъ аварскаго господства дунайскіе Славяне встрѣтились лицомъ къ лицу съ силами Германцевъ, съ ихъ завоевательными и колонизаціонными стремленіями на востокъ. Общія заключенія относительно *распредѣленія населенія по народностямъ и племенамъ* на занимающей насъ территоріи въ началѣ IX вѣка сводятся къ слѣдующему:

1) Славяне въ началѣ IX вѣка были господствующимъ населеніемъ дунайской территоріи отъ восточныхъ Карпатовъ до предѣловъ нынѣшней области Тироля и Зальцбурга.

Сплошными (но отнюдь не густыми) *массами* Славяне населяли Чехію, Моравію, всю сѣверную Угрію, т. е. территорію нынѣшнихъ Словаковъ и угорскихъ Русскихъ, — однимъ словомъ, весь сѣверный карпатскій и герцино-судетскій край. Съ другой стороны они повидимому въ такой же мѣрѣ населяли земли по теченію Савы и Дравы — отъ Дуная вплоть до Адріатическаго моря, сливаясь къ югу съ племенами Сербовъ и Хорватовъ.

Болѣе рѣдкими, не сплошными, а *разрозненными группами*

(неравномѣрно расползшимися общинами) они занимали на востокѣ Трансильванію (въ особенности сѣверную и восточную), примыкая къ сплошному славянскому населенію Буковины и Молдавіи, сосѣднія съ Трансильваніей окрайны Угріи, въ особенности равнину верхней Тиссы, большую часть Валахіи и Банатъ, а на западѣ древнюю Паннонію и Норикъ, т. е. нынѣшнюю западную Угрію и восточно-альпійскія области (Штирію, сѣверную Каринтію, нижнюю и верхнюю Австрію), соприкасаясь здѣсь съ чехо-моравскимъ населеніемъ сѣверо-дунайской территоріи.

Наконецъ *спорадически, одиночными и уже совершенно разрозненными поселеніями* можно было встрѣтить Славянъ въ вообще мало населенной тиссо-дунайской (угорской) равнинѣ и на крайнемъ западѣ, въ горахъ,—въ предѣлахъ нынѣшняго Тироля и Зальцбурга.

Въ *племенномъ* отношеніи три славянскія вѣтви, сходившіяся на Дунаѣ, распредѣлялись вообще такимъ образомъ: *восточныя* страны принадлежали *русской* вѣтви (за исключеніемъ Словенцевъ въ Валахіи), *югозападныя — словинской*, *сѣверозападныя — чешско-словенской* (дѣлившейся на чехо-моравскую и словацкую или словенскую). Опредѣлить точно ихъ границы другъ съ другомъ (на западѣ между чешско-словенскаго и словинскою, на востокѣ между чешско-словенскою и русскою) нѣтъ возможности на основаніи однихъ историческихъ данныхъ.

2) Романцы: а) *Романцы восточные*, какъ остатки дако-романскаго населенія, жили въ незначительномъ числѣ въ горныхъ частяхъ Трансильваніи, особенно въ такъ называемыхъ Семиградскихъ Альпахъ и въ Бихарскомъ краѣ (Bihargebiet). Въ Валахіи (какъ и въ Трансильваніи) могли уже быть отдѣльныя поселенія Валаховъ, переселившихся изъ южно-дунайскихъ странъ. б) *Романцы западные*, какъ остатки рето-романскаго и кельто-романскаго поселенія, сохранялись (среди Славянъ) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восточно-альпійской территоріи, особенно въ сѣверной Каринтіи, по берегамъ Дуная (въ собственной Австріи) и въ восточныхъ отрогахъ Штирійскихъ горъ.

3) Неороманенные Даки держались въ Трансильваніи, успѣвъ сохранить свою народность въ эпоху гунно-германскую; они, безъ сомнѣнія, мѣшались со Славянами со времени наплыва послѣднихъ (въ VI вѣкѣ) и постепенно (вмѣстѣ съ ними) подвергались романизаціи—по мѣрѣ наводненія Трансильваніи новыми, романскими выходцами съ юга.

4) Авары. Ихъ немногочисленныя поселенія, или вѣрнѣе подвижныя жилища, были разбросаны въ среднедунайской равнинѣ, главнымъ образомъ между Дунаемъ и Тиссой, а также на востокъ отъ Тиссы.—Скудные остатки Гепидовъ, въ видѣ небольшихъ, одиночныхъ поселеній, могли къ IX вѣку сохраниться еще кое-гдѣ по среднему Дунаю, среди Славянъ, но никакихъ достовѣрныхъ извѣстій о нихъ мы не имѣемъ.

5) Наконецъ Баварскія колоніи уже утвердились въ значительномъ числѣ рядомъ съ Славянами въ альпійскомъ краѣ и на Дунаѣ до р. Энжи, т. е. на территоріи, довольно давно уже перешедшей въ руки Франковъ. Съ конца VIII вѣка или точнѣе съ начала IX нѣмецкая колонизація переступила и рѣку Энжу.

II.

ОЧЕРКЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ НА СРЕДНЕМЪ ДУНАѢ ПЕРЕДЪ МАДЬЯРСКИМЪ ПОГРОМОМЪ.

1) Первыя послѣдствія торжества Франковъ надъ Аварами. 2) Состояніе восточной Угріи и Трансильваніи въ IX вѣкѣ до прихода Мадьяръ. 3) Моравскій политическій союзъ и его судьба. 4) Успѣхи германизаціи на среднемъ Дунаѣ.

1.

Въ 803 году Карлъ Великій окончательно торжествовалъ надъ Аварами. Вся бывшая аварская территорія на востокъ отъ р. Энжи вплоть до Дуная была присоединена къ франкскимъ владѣніямъ. Завоеватели дѣйствовали въ началѣ не слишкомъ круто. Они съ большой осторожностью и постепенностью водворяли свое господство и вводили свои порядки и государственную организацію. Аварамъ, пережившимъ жестокую и продолжительную войну, на нѣкоторое время еще была оставлена тѣнь самостоятельности. Терпя притѣсненія отъ бывшихъ своихъ подданныхъ, Славянъ, и не будучи въ состояніи по своей крайней малочисленности сами защищать себя, они обращались съ жалобами къ Франкамъ, которые и оказывали имъ свое покровительство. Послѣдній разъ упоминается объ Аварахъ, какъ объ особой на-

родности, въ 822 году [1]). Оттѣсненные за Дунай въ тисскія степи, они мало по малу совсѣмъ исчезаютъ съ исторической сцены; немногочисленные остатки ихъ въ теченіе IX вѣка могли еще держаться въ центральной угорской равнинѣ. Въ концѣ концовъ и эти остатки были поглощены Мадьярами, новыми пришельцами съ дальняго востока, которые, благодаря своимъ кочевымъ инстинктамъ, водворились первоначально именно тамъ, гдѣ нѣкогда былъ центръ жилища Гунновъ и Аваровъ. Разрушеніемъ аварской державы положено основаніе новымъ политическимъ и культурнымъ отношеніямъ на среднемъ Дунаѣ. Пала та сила, которая въ теченіе столь долгаго времени задерживала стремленіе Германцевъ къ распространенію на востокъ, по теченію Дуная, въ тѣ заманчивыя и мало извѣстныя страны, которыя болѣе двухъ столѣтій скрывались во мракѣ аварскаго господства. Тамъ, гдѣ было средоточіе аварскихъ жилищъ и аварской власти, т. е. въ Панноніи, въ областяхъ смежныхъ съ аварскими владѣніями, славянское населеніе вмѣстѣ съ землею должно было перейти непосредственно въ распоряженіе завоевателей. Но въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ на сѣверъ отъ Дуная, въ Чехіи и Моравіи, куда аварская власть въ послѣдній періодъ своего существованія едва ли и простиралась, Славяне жили сравнительно болѣе густыми, чѣмъ въ другихъ краяхъ, массами, такъ что успѣли уже нѣсколько окрѣпнуть въ своемъ общественномъ бытѣ и развить въ себѣ даже нѣкотораго рода національно-политическое сознаніе, выразившееся вскорѣ въ объединеніи моравскихъ славянъ подъ однимъ княземъ въ видѣ довольно сильнаго политическаго союза, который впослѣдствіи расширился и на нѣкоторыя другія сосѣднія славянскія страны.

Однако и чешскіе и моравскіе Славяне должны были признать при Карлѣ Великомъ (въ нач. IX в., неизвѣстно, когда именно) верховную власть Франковъ и платить имъ опредѣленную дань. О тѣхъ и другихъ, какъ о племенахъ, зависимыхъ отъ Франковъ,

[1]) Einh. ann. 822 г.: послы Аваровъ являлись во Франкфуртъ къ Людовику.

говорится уже въ актѣ 817 г. при перечисленіи земель, присужденныхъ Людовику[1]), а о Мораванахъ подъ ихъ собственнымъ именемъ упоминается впервые въ 822 году, когда они, вмѣстѣ съ представителями другихъ племенъ, шлютъ своихъ пословъ къ императору съ изъявленіемъ покорности. Итакъ Франки не замедлили по мѣрѣ возможности распространить свою власть и вліяніе надъ тѣмъ славянскимъ міромъ, который открывался передъ ними съ побѣдой надъ Аварами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ завоеванную страну направились изъ сосѣднихъ предѣловъ Германіи (Баваріи) большія колонизаціонныя силы, которыя нашли себѣ тамъ вполнѣ благопріятную почву и много мѣста для разселенія: земля была только отчасти населена Славянами и скудными остатками романскаго населенія (преимущественно въ горахъ), а остальныя почти не населенныя мѣстности были вовсе не обработаны и представляли обширное поприще дѣятельности для трудолюбивыхъ нѣмецкихъ поселенцевъ. Къ тому же и кровопролитная аварская война способствовала обезлюдѣнью страны. Рядомъ съ колонизаціей началась и внутренняя организація присоединенныхъ областей и дѣятельное распространеніе христіанства среди туземцевъ.

На завоеванную территорію была распространена *система марокъ*, введенная въ Франкской державѣ, начиная отъ нижней Лабы вплоть до Адріатическаго моря, — съ цѣлью защиты противъ сосѣднихъ враждебно расположенныхъ народностей и для систематическаго распространенія своего политическаго вліянія у послѣднихъ. Въ нашихъ извѣстіяхъ о разграниченіи новыхъ Франкскихъ владѣній на Дунаѣ на отдѣльныя области и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу столько неяснаго и не точнаго, что это разграниченіе можетъ быть обозначено только приблизительно[2]). Область, непосред-

[1]) Pertz, Leges, p. 198, см. Dudik, Mähr. Allg. Gesch., Brünn, 1860, B. I, S. 110—111.

[2]) Болѣе подробный разборъ этого вопроса см. у Dümmler'a, Ueber die Südöstlichen Marken, S. 10—20; также Kaemmel, Die Anfänge d. deutsch. Leb. in Oesterr.; S. 207—209.

ственно примыкавшая съ востока къ Баваріи, называлась *Восточною маркою* и простиралась на востокъ, по мнѣнію однихъ до самой р. Рааба, а по другимъ только до горъ «Вѣнскаго лѣса». На югъ отъ нея была такъ называемая *Карантанія* (Carantania—Хорутанія), или Хорутанская марка, извѣстная уже и ранѣе у франкскихъ лѣтописцевъ подъ именемъ Склавиніи (Sclavinia). Крайнія же области на востокъ вплоть до Дуная носили попрежнему названія Верхней и Нижней Панноній. Къ нимъ съ юга примыкала сѣверная Хорватская область между Савой и Дравой (Savia), а на югъ отъ Карантаніи простиралась до Адріатическаго моря уже ранѣе возникшая Фріульская (Фурлянская) марка. Гдѣ кончалась Восточная марка на сѣверѣ, по лѣвому берегу Дуная, опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ она граничила здѣсь съ землей Чеховъ и Moраванъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что иногда весь край на востокъ отъ р. Энжи до самаго Дуная назывался Восточною Маркою въ обширномъ смыслѣ. Кромѣ внутренней политической организаціи этихъ марокъ, не менѣе существенными факторами сліянія вновь пріобрѣтенной территоріи съ германскимъ міромъ и ея постепенной, но прочной германизаціи были, какъ мы выше замѣтили, дѣятельная *колонизація*, связанная съ переходомъ земли въ руки нѣмецкихъ крупныхъ владѣльцевъ и *христіанская проповѣдь* вмѣстѣ съ введеніемъ правильнаго церковнаго устройства. Земля, будучи собственностью короля, щедро раздавалась *въ ленъ* и *въ даръ* какъ отдѣльнымъ высокопоставленнымъ и знатнымъ лицамъ (маркграфамъ, графамъ и проч.), такъ и епископамъ, монастырямъ и церквамъ; при этомъ одинаково шла въ дѣло земля уже заселенная и не заселенная: на ту и на другую приглашались новыми владѣльцами нѣмецкіе колонисты изъ разныхъ мѣстностей сосѣдней нѣмецкой территоріи. А такъ какъ славянскія населенія по всей восточно-альпійской территоріи и въ Панноніи были вообще распредѣлены сравнительно довольно рѣдко и разрозненно, несмотря на нѣкоторый приливъ Славянъ въ эти края съ сѣвера послѣ разгрома аварской державы, то понятно нѣмецкіе поселенцы мало по малу водво-

рились вездѣ, по мѣрѣ перехода земли въ руки частныхъ владѣльцевъ. Въ иныхъ мѣстахъ на значительныхъ пространствахъ, обойденныхъ славянской колонизаціей, располагались частыя и сплошныя нѣмецкія поселенія, въ другихъ нѣмецкіе колонисты примыкали къ Славянамъ, селились посреди нихъ и естественно мѣшались съ ними. Когда населенная Славянами земля доставалась кому либо въ ленъ или въ собственность, то поселенцы, въ большинствѣ случаевъ, теряли свои права на владѣніе и изъ свободныхъ собственниковъ (общинниковъ) становились зависимыми людьми, работниками, и наконецъ часто даже крѣпостными, рабами. Что переходъ Славянъ въ рабское состояніе было явленіемъ общераспространеннымъ, доказывается уже тѣмъ, что къ тому именно времени относится отождествленіе у Нѣмцевъ и вообще на западѣ имени *славянина* съ обозначеніемъ *раба* вообще (Slavus—sclavus—Sklave). Съ отнятіемъ земли Славяне естественно лишались главной основы и опоры своихъ общинныхъ порядковъ и быта. Если въ иныхъ мѣстностяхъ ихъ новые повелители и оставляли нетронутыми другія стороны ихъ быта, не касались ихъ внутреннихъ отношеній, способовъ управленія и обычаевъ, то уже однимъ лишеніемъ ихъ всякихъ правъ на землю наносился тяжелый ударъ ихъ національной самобытности; они большею частію обращались въ сословіе крѣпостныхъ людей или въ лучшемъ случаѣ въ лично свободныхъ, но безземельныхъ работниковъ. Впрочемъ въ отношеніи къ болѣе знатнымъ и родовитымъ изъ Славянъ Нѣмцы дѣйствовали политично и (чтобы не взостановлять ихъ противъ себя) также раздавали имъ участки земли въ ленное владѣніе или въ собственность, наравнѣ съ нѣмецкими вассалами[1]). Этимъ они старались задобрить и привлечь на свою сторону вліятельныхъ Славянъ, чтобы такимъ образомъ предупредить всякую возможность открытаго сопротивленія или возстанія съ ихъ стороны.

Вмѣстѣ съ колонизаціей должны были успѣшно распростра-

[1]) Conversio Carentan., c. 11, 13, см. Kaemmel, ibid., S. 239—240.

няться и языкъ, нравы, обычаи Нѣмцевъ, какъ политически господствующей народности. Для этого не было надобности прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Несомнѣнно главнымъ орудіемъ этого рода мирныхъ и постепенныхъ завоеваній нѣмецкаго духа была проповѣдь христіанства и вообще церковь съ ея организацiей. Нѣмецкое духовенство играло такимъ образомъ важную роль въ дѣлѣ распространенія нѣмецкаго вліянія и культуры. Нѣмецкіе проповѣдники начали свою дѣятельность среди Славянъ и Аваровъ, въ древнемъ Норикѣ и Паннонiи, уже послѣ первыхъ походовъ Франковъ противъ Аваровъ (послѣ 796 г.) и съ той поры упорно и энергично преслѣдовали свои цѣли.

Итакъ мы видимъ изо всего этого, что Франки на первыхъ же порахъ послѣ своей побѣды надъ грубой аварской силой, стоявшей на дорогѣ ихъ властолюбивыхъ стремленій на востокъ, стали твердою ногою на присоединенной территоріи и положили прочное основаніе своему господству въ ней, а затѣмъ и своему вліянію въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ.

Успѣхи Карла Великаго въ борьбѣ съ Аварами и громкія побѣды надъ ними не могли не устрашить сосѣднихъ Славянъ моравскихъ и чешскихъ. Они увидѣли себя вынужденными признать верховное покровительство Франковъ, — только бы не подвергнуться той жалкой участи, которая постигла вмѣстѣ съ Аварами ихъ альпійскихъ и паннонскихъ одноплеменниковъ. Получивъ такимъ образомъ доступъ въ Чехію и Моравію, Нѣмцы старались распространить и сюда свою проповѣдническую дѣятельность, что̀ имъ давало возможность вмѣшиваться въ домашнія дѣла этихъ Славянъ и интриговать въ пользу своихъ политическихъ видовъ. Мало по малу притязанія Франковъ съ одной стороны, несогласія и смуты у нихъ самихъ съ другой вовлекли объединившуюся около половины IX вѣка Моравію въ упорную борьбу съ Нѣмцами, которая наполняетъ собою весь непродолжительный періодъ исторической жизни и политическаго возвышенія этого княжества. Но прежде чѣмъ мы остановимся на этой германо-моравской распрѣ, на образованіи и судьбѣ Моравскаго княжества, на успѣхахъ

германизаціи въ новыхъ франкскихъ владѣніяхъ (въ Восточной маркѣ), необходимо бросить взглядъ на политическое положеніе дѣлъ въ IX вѣкѣ въ *восточныхъ* частяхъ дунайской территоріи, въ Трансильваніи, восточной Угріи и Валахіи.

2.

Населеніе карпато-дунайской территоріи, завися въ своемъ распредѣленіи и сравнительной густотѣ также и отъ мѣстныхъ природныхъ условій, не уступало своимъ смѣшаннымъ характеромъ и разнообразіемъ типовъ населенію прочихъ дунайскихъ странъ. На немъ также должна была отразиться продолжительная эпоха народныхъ переселеній, произведшихъ здѣсь цѣлый рядъ этнологическихъ метаморфозъ, но не успѣвшихъ однако, какъ мы видѣли, вполнѣ искоренить древнѣйшій слой населенія. Представителями этой древнѣйшей исторической эпохи были здѣсь остатки Даковъ, а также Романцевъ (т. е. Даковъ романизованныхъ) въ горахъ Трансильваніи, обратившихся въ смутныя времена переселеній къ пастушескому образу жизни. Воинственныя германскія племена, проходившія черезъ эти страны и въ нихъ располагавшіяся въ эпоху своего еще далеко не осѣдлаго, съ военно-дружинной организаціей связаннаго быта, не оставили по себѣ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ на этой территоріи послѣ того, какъ ходъ историческихъ событій увлекъ ихъ далѣе на западъ. Лишь самые скудные, случайно сохранившіеся остатки Гепидовъ, послѣдняго господствовавшагося на Дунаѣ германскаго народа, кажется, продолжали еще нѣкоторое время держаться на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ среди чуждаго имъ новаго населенія. Этимъ новымъ населеніемъ, разлившимся по всему широкому простору придунайскихъ земель, были Славяне, которые, направляясь съ востока и сѣвера, раскинули мало по малу свои поселенія по Трансильваніи, Валахіи и Угріи. Волько слишкомъ низменная центральная тиссо-дунайская равнина, да нѣкоторыя мало доступ-

ныя горы Трансильваніи остались внѣ славянскаго наводненія; первую Славяне предоставили остаткамъ кочевыхъ элементовъ, для которыхъ степное приволье было однимъ изъ главныхъ жизненныхъ условій, вторые — бѣднымъ потомкамъ нѣкогда сильнаго и воинственнаго населенія древней Дакіи. Въ средне-дунайской низменности, между Тиссою и Дунаемъ, и далѣе на востокъ укрывались въ началѣ IX вѣка остатки аварской орды, оттѣсненные за Дунай мечемъ Карла Великаго, по всей вѣроятности дожившіе до мадьярскаго погрома, и затѣмъ безслѣдно исчезнувшіе въ однородной имъ средѣ кочевыхъ Мадьяръ. Разумѣется, посреди этихъ ничтожныхъ обломковъ прежняго населенія Славяне, уже благодаря своему огромному численному превосходству, имѣли право на политическое господство и повидимому легко могли бы сплотиться воедино; но ничего подобнаго не произошло, потому что въ бытовомъ отношеніи эти Славяне еще не доросли тогда до сознанія необходимости политическаго объединенія. Ихъ поселенія, растянутыя на обширныхъ пространствахъ, разобщенныя часто самою природой, отличались, какъ и вездѣ, разрозненностью и отсутствіемъ живыхъ внутреннихъ связей и общихъ интересовъ, безъ которыхъ, разумѣется, немыслимо никакое политическое объединеніе. Если въ западной половинѣ дунайской территоріи къ половинѣ IX вѣка могло уже осуществиться подобное объединеніе Славянъ (въ Велико-моравскомъ княжествѣ), то на это были свои особыя причины; этому способствовали во первыхъ ихъ близость къ такому стройному политическому организму, какимъ уже являлась тогда монархія Карла Великаго, и ихъ болѣе раннее ознакомленіе съ культурно-христіанскими началами, которыя проникали къ нимъ съ запада; во вторыхъ здѣсь повліяла и та внѣшняя опасность, которая постоянно грозила этимъ Славянамъ, вслѣдствіе возраставшаго могущества и возраставшихъ съ нимъ притязаній германскаго государства и которая заставляла ихъ поневолѣ думать о самозащитѣ и о соединеніи силъ противъ исконнаго врага ихъ народности и свободы. Такихъ условій не существовало для Славянъ восточныхъ дунайскихъ

странъ (Трансильваніи, Валахіи, восточной Угріи). Отъ грознаго франко-германскаго колосса, распространившаго свое владычество вплоть до средняго Дуная, они были отдѣлены великою и почти пустынною тиссо-дунайскою низменностью, находившеюся пока еще внѣ сферы ближайшихъ интересовъ германской политики и культуры. Имъ некого было опасаться съ сѣвера и востока, гдѣ за горами Карпатскими были раскинуты жилища родственныхъ имъ племенъ. Только на югѣ, за нижнимъ Дунаемъ, въ началѣ IX вѣка стала развиваться политическая сила, съ которой вскорѣ пришлось считаться сосѣдямъ. Этою силою было Болгарское царство, впервые достигшее при ц. Крумѣ (803—815) значительнаго могущества и славы. Но держава Крума имѣла славянскую основу, была, такъ сказать, построена изъ славянскаго матеріала, а потому съ распространеніемъ ея господства на сѣверъ отъ Дуная легко могло примириться славянское населеніе Валахіи и сосѣднихъ странъ.

Итакъ занимающая насъ восточно-дунайская территорія, вслѣдствіе условій не только этнологическихъ, но и своего географическаго положенія и отчасти природнаго характера, не принимала, такъ сказать, самостоятельнаго и непосредственнаго участія въ историческомъ ходѣ событій, происходившихъ въ сосѣднихъ земляхъ, и оставалась почти въ сторонѣ отъ того политическаго и культурнаго развитія національныхъ силъ у западно-дунайскихъ Славянъ, корорымъ характеризуется ихъ историческая жизнь въ IX вѣкѣ, особенно во вторую его половину. Это по преимуществу касается Трансильваніи, населеніе которой самой природой предрасположено къ болѣе или менѣе замкнутой жизни. Славянское населеніе Валахіи и восточной Угріи (не особенно впрочемъ многочисленное) было обречено на роль совершенно пассивную и подчиненную, на зависимость отъ сосѣднихъ славянскихъ же политическихъ союзовъ—съ одной стороны Болгарскаго царства, съ другой Моравскаго княжества. Все это объясняетъ намъ, почему исторія не сохранила намъ никакихъ достовѣрныхъ и прямыхъ извѣстій о томъ, что тво-

рилось и какъ жилось въ ту эпоху, до мадьярскаго погрома, на территоріи древней Дакіи. Интересъ того времени былъ сосредоточенъ съ одной стороны на томъ пунктѣ, гдѣ встрѣча германскихъ завоевательныхъ стремленій съ пробуждавшимися славянскими національными силами произвела ожесточенную борьбу чуждыхъ другъ другу началъ въ Моравскомъ княжествѣ и въ сосѣднихъ нѣмецкихъ маркахъ, — съ другой стороны на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ окрѣпшая Болгарія вступила въ борьбу съ гордой Византіею, и гдѣ эта самая Болгарія становилась яблокомъ раздора и почвой для разгоравшагося соперничества восточной и западной церкви. Естественно отъ слуха и взоровъ какъ византійскихъ, такъ и западныхъ лѣтописцевъ ускользали тѣ страны за Дунаемъ, которыя находились внѣ ихъ обыкновеннаго кругозора, съ которыми не соединялось у нихъ никакихъ опасеній, гдѣ въ горныхъ долинахъ и на плоскихъ возвышенностяхъ жили мирные земледѣльцы Славяне, на вершинахъ и склонахъ неприступныхъ горъ пасли свои стада пастухи—потомки древнихъ жителей Дакіи, а по низменнымъ и тучнымъ степямъ тиссо-дунайской равнины кочевали безсильные и ничтожные остатки аварской орды.

Единственный вопросъ, на которомъ можетъ и должно остановиться наше вниманіе при взглядѣ на историческую судьбу и политическія отношенія этихъ восточныхъ странъ въ IX вѣкѣ, состоитъ въ томъ, простиралось ли господство Болгаръ въ эту эпоху на сѣверъ отъ Дуная и если простиралось, то до какихъ предѣловъ и когда оно прекратилось. Этотъ вопросъ о существованіи сѣверо-дунайской Болгаріи уже давно занимаетъ ученыхъ и донынѣ продолжаетъ быть спорнымъ.

Во времена Энгеля и Шафарика въ существованіи сѣверной Болгаріи по сю сторону Дуная никто не сомнѣвался. Особая *Тисская Болгарія* считалась тогда фактомъ вполнѣ доказаннымъ. Однако впослѣдствіи болѣе критическое отношеніе къ вопросу, характеризующее труды позднѣйшихъ изслѣдователей, не дало укорениться этому взгляду. Если однако мнѣніе о су-

ществованіи какой-то особой Тисской Болгаріи не нашло себѣ послѣдователей, то ученые не могли также легко отказаться (и вполнѣ основательно) вообще отъ взгляда, что власть Болгаръ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени простиралось на нѣкоторую часть сѣверо-дунайской территоріи. Правда, прямыхъ данныхъ для такого утвержденія очень мало, но за то съ другой стороны нѣтъ и достаточныхъ основаній рѣшительно его оспаривать: такъ много вѣроятности оно заключаетъ само по себѣ, такъ важны нѣкоторыя соображенія, въ пользу его говорящія. Поэтому попытка Рёслера опровергнуть это мнѣніе о болгарскомъ господствѣ въ древней Дакіи кажется намъ рѣшительно неудавшеюся, и мы не можемъ не стать на сторонѣ его противника въ этомъ вопросѣ — Томашка и другихъ ученыхъ, защищающихъ мысль о болгарскихъ владѣніяхъ на лѣвомъ берегу Дуная [1]). Другой вопросъ, какъ долеко они простирались и долго ли они оставались въ рукахъ Болгаръ. Между различными мнѣніями о сѣверной Болгаріи было высказываемо и такое, что въ древней Дакіи осталась часть болгарской орды (съ 4-мъ сыномъ Куврата), не перешедшая черезъ Дунай, и что она основала здѣсь особое княжество, которое только въ началѣ IX вѣка соединилось съ южною Болгаріей. [2]) Но такой взглядъ лишенъ твердыхъ основаній. Гораздо проще и правдоподобнѣе признать распространеніе власти Болгаръ съ юга на сѣверъ отъ Дуная. Съ какихъ именно поръ Болгары владѣли землей по лѣвому берегу Дуная (въ Валахіи), съ точностью сказать трудно. Можно однако предположить, что они уже при воцареніи Крума (802—803) стояли тамъ твердою ногою. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что Крумъ еще значительно расширилъ эти

[1]) Tomašek, Zeitschr. f. d. Oest. Gymn. B. XXIII, W. 1872, S. 148. Dümmler, Ueber die Südöstl. Mark., S. 27, 28. Büdinger, Oesterr. Gesch. B. I. (1859) S. 179. Иречекъ (Ист. Болг., перев. Бруна и Палаузова) 1878, стр. 176, 178. Hunfalvy, Ethnogr. v. Ung. (1877) S. 109, и друг.

[2]) Engel, Gesch. des alt. Pannoniens und d. Bulgarei (Halle, 1767) S. 263—278, 314; ему послѣдовалъ Шафарикъ, Слав. Др. II, кн. 1. стр. 281—282 и Dudik, Mähr. allgem. Gesch. (1860), I. S. 98.

сѣверныя владѣнія. Ища поприща для военныхъ предпріятій, онъ естественно устремился на сѣверъ, гдѣ ему легче было расширить свою власть и пріобрѣсти новую территорію. Тогда-то, повидимому, онъ завоевалъ часть юговосточной Угріи; по крайней мѣрѣ онъ покорилъ здѣсь остатки Аваровъ, [1]) оттѣсненныхъ за Тиссу походомъ Франковъ, [2]) а впослѣдствіи воспользовался между прочимъ и ихъ помощью въ своемъ послѣднемъ походѣ (814 г.) на Византію[3]). Едва-ли Славяне юговосточной Угріи оказали большое сопротивленіе Круму; скорѣе можно предположить, что они даже помогли ему при покореніи Аваровъ, своихъ исконныхъ враговъ.

Однимъ изъ главныхъ доказательствъ существованія сѣверодунайской Болгаріи признается обыкновенно извѣстное выраженіе византійскихъ хроникъ Βουλγαρία ἐκεῖθεν τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ [4]), о которой идетъ рѣчь въ разсказѣ о греческихъ плѣнныхъ, отведенныхъ за Дунай Крумомъ послѣ взятія Адріанополя (813). Дѣйствительно, это свидѣтельство — первостепенной важности и только предвзятая мысль (какъ мы это видимъ у Рёслера) можетъ стараться умалить его значеніе, — старанія эти все-таки остаются тщетными. Рёслеръ заключаетъ на основаніи того факта, что Болгары не могли помѣшать греческимъ переселенцамъ (своимъ плѣннымъ) возвратиться на родину, о малочисленности ихъ (т. е. Болгаръ) на сѣверѣ отъ Дуная и о неимѣніи у нихъ тамъ вооруженной силы [5]). На первый взглядъ такое заключеніе можетъ показаться дѣйствительно говорящимъ въ пользу мнѣнія

[1]) Suidas I, p. 1017: ὅτι τοὺς Ἀβάρεις κατὰ κράτος ἄρδην ἠφάνισαν οἱ αὐτοὶ Βούλγαροι. ἠρώτησε δὲ Κρέμ τοὺς τῶν Ἀβάρων αἰχμαλώτους. См. у Томашка, рец. на книгу Рёслера. Zeitschr. f. d. Oester. Gymn., Jahrg. XXIII, Wien 1872, S. 148.

[2]) Einhardi Ann. 796: Hunis trans Tizam fluvium fugatis.

[3]) Leo Gramm., ed. Bonn. p. 347: ὁ Κροῦμος ἐστράτευσεν λαὸν πολὺν συναθροίσας καὶ τοὺς Ἀβάρεις καὶ πάσας τὰς Σκλαβινίας. Sym. Mag. de Leone Armenio, c. 11, ed. Bonn. p. 617. См. Dümmler, Südöstl. Marken, S. 9—10.

[4]) Script. incert. de Leone Bardae filio (ed. Bonn.), 345; Georg. Monach. de Michaele et Theodora, c. 11 (Ed. Bonn.) p. 817; срв. Theoph. Continuat. V, 4. p. 216 (просто εἰς Βουλγαρίαν)

[5]) Roesler, Român. Stud. 204—205.

Рёслера. Но легко убѣдиться въ его несостоятельности, если ближе всмотрѣться въ дѣло. Во первыхъ надо знать, кого именно авторъ здѣсь разумѣетъ подъ Болгарами; если онъ разумѣетъ собственныхъ Болгаръ, какъ восточную орду, основавшую державу на Балканскомъ полуостровѣ, то естественно ихъ не могло быть много на лѣвомъ берегу Дуная, гораздо позднѣе присоединенномъ къ южной Болгаріи. Валахію населяли почти исключительно Славяне, которые признавали надъ собою власть Болгаръ и земля которыхъ на этомъ основаніи слыла также подъ именемъ Болгаріи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что эти сѣверо-дунайскіе Славяне не заботились объ удержаніи въ своемъ сосѣдствѣ греческихъ поселенцевъ, отъ которыхъ они не могли ждать никакой особенной пользы. Съ другой стороны не удивительно и то, что въ моментъ предпріятія греческихъ поселенцевъ не случилось по близости болгарской вооруженной силы, достаточной для преграждения имъ пути. Военныя силы Болгаръ были конечно сосредоточены на крайнихъ (сѣверныхъ и западныхъ) предѣлахъ ихъ владѣній, а эпизодъ съ Греками произошелъ очевидно гдѣ-то по близости отъ Дуная[1]). Греки конечно и воспользовались именно отсутствіемъ болгарскаго войска для осуществленія задуманнаго плана. Тѣ силы, которыя Болгары успѣли собрать на правомъ берегу Дуная, также не были достаточны для успѣшнаго сопротивленія имъ и высланному изъ Византіи на помощь флоту. Итакъ соображеніе Рёслера нисколько не можетъ служить къ подкрѣпленію его взгляда. Впрочемъ и опредѣленное названіе «Болгарія по ту сторону Дуная» (Βουλγαρία ἐκεῖθεν τοῦ Ἴστρου) явно должно относиться къ цѣлой странѣ, и Рёслеръ дѣлаетъ большую натяжку, понимая подъ нимъ лишь ту или другую береговую полосу (Uferstreif) на валашской сторонѣ. Но можетъ быть убѣдительнѣе опроверженія Рёслера[2]) другихъ основаній, на которыхъ тоже опирается положеніе о временномъ болгарскомъ господствѣ въ

[1]) Рёслеръ указываетъ на сѣверный берегъ Дуная между Орсовой и Силистріей, какъ на вѣроятную сцену дѣйствія. Rom. Stud. S. 205.

[2]) Ibid. 201—206.

нынѣшней Валахіи и восточной Угріи. Мы готовы признать, что нѣкоторыя изъ этихъ основаній дѣйствительно довольно шатки и что нѣтъ особенной надобности прибѣгать къ нимъ, въ виду существованія болѣе вѣскихъ доводовъ. Къ такимъ второстепеннымъ основаніямъ мы причисляемъ 1) указаніе на соляныя копи въ нынѣшнемъ Мармарошѣ (и Трансильваніи), будто-бы принадлежавшія Болгарамъ[1], — разсужденія Рёслера по этому поводу нельзя не признать справедливыми[2], — 2) географическія показанія Альфреда Великаго, отличающіяся большою неопредѣленностью, 3) соображеніе о принятіи Болгарами аварской одежды[3], и наконецъ даже 4) названіе города *Пешта*, которое во всякомъ случаѣ могло бы свидѣтельствовать только объ одноплеменности Славянъ, жившихъ въ той мѣстности на среднемъ Дунаѣ, съ такъ называемыми болгарскими Славянами, а отнюдь не о болгарскомъ господствѣ въ тѣхъ странахъ. Но если эти основанія не достаточно сильны, то за то есть другія, которыя остаются въ силѣ и послѣ возраженій Рёслера. Мы не можемъ согласиться съ послѣднимъ, что признаніе болгарской власти на сѣверѣ отъ Дуная не оправдывается исторіей отношеній Болгаръ къ Франкамъ въ первую половину IX вѣка. Если не допускать существованія у Болгаръ этихъ сѣверныхъ владѣній (разумѣя здѣсь только юговосточную Угрію), то съ переходомъ подъ власть Франковъ Савіи и Срема (Francochorion), Болгары становились

[1]) Оно основано на извѣстіи Fuld. Ann. 892, что Арнульфъ сносился съ болгарскимъ княземъ, прося его не снабжать Мораванъ, съ которыми онъ былъ въ войнѣ, солью. См. Шафарикъ II, 1 к. 334 стр., пр. 15. См. также Pič, Ueb. die Abstamm. d. Rumänen, 1880, S. 73—74.

[2]) Roesler, Rom. Stud. 203. Дѣло въ томъ, что у Болгаръ была своя морская соль, которою они и снабжали Мораванъ, когда Нѣмцы запрещали послѣднимъ вывозить ихъ баварскую соль. На нын. Мармарошъ власть Болгаръ во всякомъ случаѣ не простиралась. Изъ этого извѣстія ясно скорѣе, что Трансильванскія соляныя копи не были вовсе извѣстны въ ту эпоху, такъ какъ иначе Моравамамъ не къ чему было бы обращаться за солью въ такую даль, какъ въ Болгарію. Hunfalvy, Ethn. v. Ungarn, S. 124, 125.

[3]) Рёслеръ (ibid.) справедливо замѣчаетъ, что это принятіе аварской одежды должно было произойти гораздо ранѣе, во времена могущества Аваровъ, когда Болгары служили у нихъ въ войскѣ, т. е. еще въ VII в.

ихъ сосѣдями на слишкомъ незначительномъ пространствѣ, и едва-ли могъ бы тогда возникнуть поводъ нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ промѣнять болгарское владычество на франкское, изъ-за чего и возникла война между новыми сосѣдями [1]). Гораздо понятнѣе становится для насъ франко-болгарская распря, если принять, что болгарскія владѣнія примыкали къ франкскимъ не только на Савѣ (т. е. съ юга), но и на Дунаѣ (т. е. съ востока), по крайней мѣрѣ отъ устья Савы до устья Тиссы, а можетъ быть и далѣе, къ сѣверу—до самой Дравы. Въ такомъ случаѣ естественно, почему Болгары для своихъ вторженій въ Паннонію избирали путь по Дравѣ (въ 827 и 829 г.) [2]), что̀ было бы едва-ли возможно, еслибъ Дунай отъ Савы до Дравы былъ исключительно во власти Франковъ, а это должны допустить тѣ, кто не считаетъ возможнымъ распространять предѣлы Болгаріи на сѣверъ отъ Дуная. Извѣстіе Баварскаго Географа о непосредственномъ сосѣдствѣ Франковъ съ Болгарами въ IX вѣкѣ [3]) справедливо во всякомъ случаѣ,

[1]) Мнѣніе Рёслера о томъ, что племя Бодричей (Аботритовъ) жило, подобно Тимочанамъ, только на правомъ берегу Дуная (Roesler, S. 202), положительно не можетъ быть допущено. Всѣ соображенія говорятъ въ пользу того, что главныя ихъ жилища находились напротивъ на востокъ отъ Срема, на лѣвомъ дунайскомъ берегу, и что только часть ихъ, подъ именемъ «Praedenecenti» отъ Brandic (Prandic, Predenec), слав. Браничево, обитала на югѣ отъ Дуная, въ краю между Дунаемъ и Моравой. Такъ справедливо полагаетъ Рачкій, посвятившій недавно этому вопросу обстоятельный разборъ. См. его статью «Hrvatska prije XII vieka», Rad., kn. LVI (1881), стр. 110—113.

[2]) Einhardi Annal. a. 827: Bulgari misso per Dravum navali exercitu... 829: Bulgari navibus per Dravum fluvium venientes quasdam villas nostrorum flumini vicinas incederunt. Рачкій (Ibid., Rad, стр. 113) видитъ также въ этихъ свидѣтельствахъ подтвержденіе того, что Дунай между Савой и Дравой былъ границей владѣній франкскихъ и болгарскихъ. Онъ замѣчаетъ, что Болгары могли вторгнуться во владѣнія Франковъ или изъ земли Бодричей, или плыть по Дунаю отъ Савы до Дравы, но ему почему-то кажется болѣе вѣроятнымъ, что лѣтописецъ записалъ р. Драву вмѣсто Савы, и что Болгары избрали путь по Савѣ. Однакожъ мы не видимъ для того достаточныхъ основаній.

[3]) Баварскій Географъ называетъ Болгаръ (Vulgarii) среди «regiones, que terminant in finibus nostris». Можно имѣть въ виду также слѣдующее мѣсто въ Monach. Sangall. Gesta Kar. M. II, 1 «A Bulgaribus vero (Karolus) ideo manum retraxit, quia videlicet Hunis exstinctis, regno Francorum nihil nocituri viderentur».

но нѣтъ сомнѣнія, что и оно болѣе соотвѣтствуетъ нашему представленію о границахъ Болгаріи, чѣмъ представленію Рёслера. Наконецъ, въ пользу нашего же взгляда свидѣтельствуютъ довольно частые союзы Франковъ съ Болгарами противъ Великоморавскаго княжества (862, съ 864 до конца вѣка) и съ другой стороны Морававъ съ Болгарами противъ Франковъ (853), что едва-ли могло бы быть, еслибъ границы Мораванъ и Болгаръ были особенно отдалены другъ отъ друга. Помимо всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ, невольно бросается въ глаза еще одно общее соображеніе, за которымъ нельзя не признать почти рѣшающаго значенія въ разбираемомъ вопросѣ. Мы разумѣемъ тотъ фактъ, что имя Болгаръ успѣло какъ-то сродниться съ территоріей древней Дакіи и оставить нѣкоторый слѣдъ какъ въ ея послѣдующей исторіи, такъ и въ преданіяхъ населившаго ее позднѣе народа. Это, какъ мы сейчасъ увидимъ, касается даже Трансильваніи, на которую болгарское господство (вопреки мнѣнію Томашка и др.) едва-ли когда либо простиралось. Такое явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что и туда успѣли проникнуть кое-какіе болгарскіе элементы изъ сосѣднихъ странъ, Валахіи и Угріи, и даже, благодаря исключительнымъ условіямъ природы, могли долѣе держаться, чѣмъ въ послѣднихъ. Томашекъ приводитъ въ этомъ отношеніи весьма любопытное свидѣтельство [1]). Указавъ на то, что нарѣчіе (уже вымершихъ) трансильванскихъ Болгаръ (въ Czerged'ѣ), какъ замѣтилъ уже Рёслеръ (R. S., 117), отличается важными архаистическими особенностями [2]), онъ замѣчаетъ, что болгарскій элементъ въ Трансильваніи восходитъ къ гораздо болѣе древнему времени, чѣмъ къ XIII вѣку, и въ доказательство приводитъ любопытное извлеченіе изъ одной грамоты. Здѣсь идетъ рѣчь о зе-

[1]) Zeitschr. für. d. Oesterr. Gymnasien, XXIII Jahrg. 1872, S. 148. Для него это-то извѣстіе и служитъ доказательствомъ господства Болгаръ даже въ Трансильваніи.

[2]) Объ этомъ нарѣчіи ст. Миклошича: Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Denkschr. d. Kais. Akad. d. Wiss. (Hist. philol. Cl.) VII Bd., W. 1856, S. 105—146.

млѣ, принадлежавшей одному Валаху, которую у него оспаривало, какъ свое родовое имѣніе, другое лицо; послѣднее опиралось на согласное показаніе многихъ, что она принадлежала его роду съ тѣхъ временъ, *когда эта валашская земля была еще болгарскою* —«temporibus jam, quibus ipsa terra Blacorum terra Bulgarorum exstitisse fertur»[1]). Итакъ даже въ XIII вѣкѣ еще не исчезли слѣды болгарскаго господства на сѣверъ отъ Дуная. Очевидно, то же самое преданіе могло лечь въ основу вымышленныхъ разсказовъ мадьярскаго историка Анонима Нотарія короля Бѣлы (писавшаго въ концѣ XIII вѣкѣ). Его болгарскія княжества и князья на территоріи древней Дакіи, которыхъ будто бы застали при своемъ прибытіи Мадьяры, суть несомнѣнно плодъ его фантазіи, но къ измышленію ихъ могло подать поводъ только дѣйствительное преданіе о томъ, что мадьярская земля (т е. хоть небольшая часть ея) нѣкогда находилась во власти Болгаръ. Ибо въ противномъ случаѣ съ какой стати именно Болгаре явились бы у Анонима владѣтелями сѣверо-дунайской территоріи, а не другія сосѣднія державы, борьбою съ которыми было обусловлено поселеніе Мадьяръ въ нынѣшней Угріи, т. е. Франкская держава и Велико-моравское княжество. Итакъ въ виду всего вышесказаннаго всякій безпристрастный критикъ, надѣемся, согласится съ нами, что старанія нѣкоторыхъ ученыхъ опровергнуть мнѣніе о распространеніи болгарской власти къ сѣверу отъ Дуная должны быть признаны рѣшительно тщетными: такъ убѣдительно говорятъ въ его пользу приведенныя нами данныя и соображенія.

Несравненно труднѣе, а при существующихъ данныхъ едва ли и возможно—съ нѣкоторою точностью рѣшить вопросъ, какъ

[1]) Въ грамотѣ земля эта названа «terra Bojae, terrae Zumbuthel contermina et de paesenti in ipsa terra Blacorum existens; ею владѣетъ Валахъ Bujul filius Stojae, у котораго оспариваетъ ее Thruth filius Choru: послѣдній утверждалъ, что она принадлежала его предкамъ «a tempore humanam memoriam transeunte, что она принадлежала къ землѣ Фугрской (Fugros) «a temporibus jam, quibus ipsa terra Blacorum terra Bulgarorum exstitisse fertur» изд. у Teutsch u. Firnhaber, № XLIX a. 1231, S. 50, см. Tomašek, ibid, 148.

далеко простиралось владычество Болгаръ на сѣверъ и западъ и какъ долго оно продолжалось [1]).

Что касается *предѣловъ* болгарскихъ владѣній, то мы прежде всего можемъ смѣло включить въ эти владѣнія большую часть нынѣшней Валахіи. Славянское населеніе территоріи древней Дакіи въ своей главной массѣ (главнымъ образомъ въ Трансильваніи, Молдавіи и сѣверовосточной Угріи) принадлежало русской вѣтви, но очень можетъ быть, что въ Валахіи, какъ мы уже выше высказали предположеніе, Славяне были одноплеменны со Славянами болгарскими. Эти валашскіе Славяне сознавали вѣроятно свое ближайшее родство съ южными, задунайскими сосѣдями, и потому безъ особеннаго сопротивленія примкнули къ нимъ политически, признавъ верховную власть болгарскаго царя. Кромѣ Валахіи, Круму удалось присоединить къ Болгаріи и юговосточную Угрію (т. е. южные предѣлы тисской низменности и Банатъ). Мы склонны думать, что и тутъ ему помогло то же обстоятельство. Славянскіе жители юговосточной Угріи, принадлежа безъ сомнѣнія также къ вѣтви Славянъ болгарскихъ, охотно подчинились ихъ вождю. Послѣ того Круму не трудно было справиться со слабыми остатками Аваровъ въ тисской низменности. Далѣе на сѣверъ его власть уже не простиралась; Славяне сѣверной Угріи и карпатскіе естественно тянули не къ югу, а скорѣе къ своимъ западнымъ родичамъ, которые въ то время также стремились къ объединенію. Болгарскія владѣнія по лѣвому берегу Дуная ограничивались, по нашему мнѣнію, только Валахіей и юговосточной Угріей. Мы не рѣшаемся включить въ нихъ Трансильванію, — не потому, чтобы этому противорѣчили какія либо прямыя свидѣтельства, а потому, что оно намъ кажется мало правдоподобнымъ. Во-пер-

[1]) Скудость данныхъ для рѣшенія этого вопроса можетъ легко повести къ увлеченію, какое мы, напримѣръ, видимъ въ книгѣ г. Пича (Ueber die Abstamm. d. Rumänen), усиливающагося доказать, что господство Болгаръ простиралось, кромѣ Валахіи и восточной Угріи, еще на всю Трансильванію и даже далѣе, и что оно продолжалось и послѣ вторженія Угровъ въ дунайскую равнину—до самаго завоеванія этого края Уграми, при Стефанѣ. Стр. 70—79.

выхъ трансильванскія горы и вообще гористая природа Трансильваніи представляла довольно большія препятствія для завоеванія (и Мадьярамъ эта страна досталась не безъ большихъ усилій)[1]); во-вторыхъ тамошнее населеніе, состоявшее изъ русскихъ Славянъ и остатковъ дакійскихъ племенъ и потому ничѣмъ непосредственно съ Болгарами не связанное, не могло быть вовсе расположено къ подчиненію чуждой ему власти и вѣроятно встрѣтило бы болгарскаго князя иначе, чѣмъ Славяне Валахіи и сосѣдней части Угріи.

По вопросу о *продолжительности* болгарскаго господства на сѣверѣ отъ Дуная мы, по недостатку данныхъ, не можемъ сказать ничего рѣшительнаго. Несомнѣнно только то, что Мадьярамъ при поселеніи на новой родинѣ уже не пришлось имѣть съ ними дѣла на территоріи древней Дакіи (въ Угріи и Трансильваніи). Но судя по тому, что еще въ XIII вѣкѣ жило воспоминаніе объ этомъ господствѣ, надо полагать, что оно было не слишкомъ кратковременно. Можетъ быть лишь движеніе Мадьяръ изъ южнорусской равнины къ нижнему Дунаю въ восьмидесятыхъ годахъ IX вѣка и ихъ поселеніе въ такъ называемомъ «Ателькузу» заставило Болгаръ совсѣмъ отказаться отъ сѣверо-дунайскихъ владѣній.

Относительно болгарскаго господства на сѣверѣ отъ Дуная слѣдуетъ указать еще на одно явленіе, заслуживающее вниманія. Дѣло въ томъ, что это господство не могло не оставить слѣдовъ и въ этническихъ отношеніяхъ той территоріи, на которую простиралось. Намъ достовѣрно извѣстно, что Болгары отводили за Дунай и поселяли тамъ плѣнныхъ, которыхъ захватывали въ войнахъ съ Греками. Иногда цѣлыя греческія поселенія, жители цѣлыхъ завоеванныхъ мѣстностей поголовно были переселяемы за Дунай, гдѣ еще было много незаселенныхъ пространствъ. Весьма вѣроятно, что кромѣ того многіе жители южной Болгаріи добровольно стали переселяться на лѣвый берегъ Дуная, во вновь присоединенный край, въ надеждѣ найти тамъ

[1]) Еслибъ было такое завоеваніе, потребовавшее значительныхъ усилій, то о немъ навѣрно сохранились бы извѣстія въ исторіи.

непочатыя природныя богатства, бо́льшій просторъ и даже бо́льшую свободу. Во всякомъ случаѣ, какъ мы уже однажды замѣтили, въ IX вѣкѣ должны были очень оживиться сношенія и обмѣнъ населенія между странами праваго и лѣваго береговъ Дуная, въ предѣлахъ Болгаріи. Добровольно выселялись и искали себѣ новыхъ жилищъ на сѣверѣ конечно преимущественно тѣ жители Балканскаго полуострова, которые чувствовали себя болѣе стѣсненными, а въ такомъ положеніи должны были быть прежде всего остатки древнѣйшаго (романизованнаго) этническаго слоя, подавленные массою славянскаго населенія и политически господствующею восточною ордою[1]). Итакъ есть нѣкоторое основаніе предположить, что переселенія съ Балканскаго полуострова въ нынѣшнюю Валахію и сосѣднія земли романскихъ элементовъ, послужившихъ къ образованію румынской народности, восходятъ уже во всякомъ случаѣ къ IX вѣку, если не къ еще болѣе раннему времени, и имѣютъ связь съ одной стороны съ расширеніемъ и размноженіемъ Славянъ полуострова, а съ другой — съ распространеніемъ болгарскаго владычества въ земляхъ древней Дакіи. Уже давно было высказано предположеніе о соотношеніи нынѣшнихъ Валаховъ (въ Угріи и Трансильваніи) съ тѣми романизованными Ѳракійцами, которыхъ Болгары переселяли изъ Адріанополя и его окрестностей и вообще изъ Ѳракіи въ свои сѣверо-дунайскія владѣнія[1]). Если въ этомъ предполо-

[1]) Здѣсь кстати указать, что Миклошичъ въ своемъ изслѣдованіи о румынскомъ языкѣ также высказываетъ взглядъ о связи выселенія Румынъ съ праваго берега Дуная на сѣверъ съ завоеваніемъ и наводненіемъ восточной половины Балканскаго полуострова Славянами въ концѣ V вѣка. Въ его статьѣ «Die Slavischen Elemente im Rumunischen» (Denksch. d. K. Akad. d. Wiss. XII Bd. W. 1862) мы читаемъ между прочимъ: «Uns ist es wahrscheinlich, die Ursache dieser Begebenheit (т. е. переселенія Румынъ съ юга на сѣверъ) sei in der Eroberung der östlichen Hämusländer durch die Slovenen zu Ende des fünften Jahrhundertes zu suchen. Zu jener Zeit hat wohl auch der Zug nach Süden stattgefunden, denn die gleiche Sprache hindert uns anzunehmen, dass die macedonischen Rumänen anderswo entstanden seien, als die dacischen»

[2]) Предположеніе это принадлежитъ Энгелю: Geschichte des Alt. Pannoniens. S. 279. Противъ него дѣлали возраженія, но мало убѣдительныя, Рёслеръ (Rom. Stud., S. 78) и Гунфальви (Ethn. v. Ung., S. 108).

женіи есть доля истины (и мы сами готовы ее признать), то почему не допустить и мысль о добровольной колонизаціи тѣхъ же новыхъ болгарскихъ владѣній уже въ IX вѣкѣ романскими элементами изъ разныхъ концовъ болгарской державы?

Въ то время, какъ южныя части древне-дакійской территоріи отошли къ Болгаріи, нѣкоторая часть нынѣшней сѣверной Угріи принадлежала къ Велико-моравскому политическому союзу. Но какъ далеко простиралась въ эту сторону власть моравскаго князя, опредѣлить даже съ приблизительною точностью очень трудно. Можно предположить, что въ эпоху наибольшаго могущества Моравіи владѣнія ея простирались на востокъ и за предѣлы прежняго Нитранскаго княжества. Между тѣмъ нынѣшняя сѣверовосточная Угрія и Трансильванія до самаго мадьярскаго погрома оставались въ сторонѣ отъ политической жизни сосѣднихъ странъ и народовъ,—ихъ населенію было еще чуждо стремленіе къ политическому объединенію.

3.

Мы перейдемъ теперь къ *западной* половинѣ дунайской территоріи и, чтобы разъяснить политическія отношенія, которыя застали здѣсь Мадьяры къ концѣ IX вѣка, прослѣдимъ судьбу Моравскаго княжества, коснувшись предварительно условій его образованія и довольно успѣшнаго политическаго развитія.

Вопросъ о *народности* (племенномъ происхожденіи) древнихъ Моравань, т. е. того племени, которое послужило зерномъ образованія перваго славянскаго государственнаго организма на среднемъ Дунаѣ и которое дало славянству такихъ видныхъ историческихъ дѣятелей, какими были Моймiръ, Ростиславъ и Святополкъ, имѣетъ безспорно глубокій интересъ, особенно въ виду его неразрывной связи съ каптитальнѣйшимъ вопросомъ славянскихъ

Bayerische Staatsbibliothek München

древностей о языкѣ перваго перевода евангелія и церковныхъ книгъ, надъ рѣшеніемъ котораго такъ много уже трудились и не перестаютъ трудиться филологи. Тотъ, для кого образованіе и судьба Моравскаго княжества представляютъ главную цѣль изслѣдованія, не въ правѣ конечно оставить безъ должнаго вниманія вопросъ о народности Моравамъ, но для насъ, задавшихся иною цѣлью, онъ принадлежитъ къ ряду тѣхъ вопросовъ, которые, не имѣя прямого отношенія къ послѣдней, могутъ безъ ущерба для дѣла быть только слегка затронуты. Ограничимся поэтому изложеніемъ существующихъ въ наукѣ различныхъ взглядовъ и указаніемъ того изъ нихъ, къ которому насъ заставляютъ склоняться наши собственно *историческія* соображенія.

Въ прежнее время никто не думалъ подвергать сомнѣнію того взгляда, что населеніе древней собственной Моравіи (на сѣверъ отъ средняго Дуная, по рѣкѣ Моравѣ) принадлежало вообще къ сѣверозападному отдѣлу, въ частности къ чешско-словенской вѣтви славянскаго племени и что слѣдовательно теперешніе жители Моравіи вмѣстѣ съ обособившимися впослѣдствіи Словаками — суть потомки Мораванъ IX вѣка. Это чешско-моравское населеніе иные распространяли также нѣсколько и къ югу отъ Дуная—на сѣверныя окраины Панноніи, гдѣ оно должно было подвергнуться смѣшенію съ населеніемъ словинскимъ, занимавшимъ бóльшую часть Панноніи, древнюю Хорутанію и сосѣднія области, и составлявшимъ главный этническій элементъ княжествъ Прибины и Коцела. Тому факту, что языкъ древнѣйшаго перевода священныхъ книгъ имѣетъ очень мало общаго съ нарѣчіемъ чешской вѣтви славянскаго языка и можетъ быть скорѣе приведенъ въ связь съ древне-болгарскимъ или древне-словинскимъ (древне-хорутанскимъ), давали различныя объясненія, причемъ одни утверждали, что первоначальный переводъ священнаго писанія былъ сдѣланъ еще до прихода братьевъ въ Моравію на языкѣ Славянъ болгарскихъ (точнѣе македонскихъ), другіе — что онъ былъ сдѣланъ въ Панноніи для тамошнихъ

Славянъ, т. е. предковъ нынѣшнихъ Хорутанъ. Однако послѣднимъ рѣшеніемъ не могла удовлетвориться критика. Являлось очевидное противорѣчіе: Кириллъ и Меѳодій были призваны Ростиславомъ въ Моравію, гдѣ и пребывали до своего путешествія въ Римъ (867 г.) и гдѣ впослѣдствіи сосредоточилась дѣятельность Меѳодія; какимъ же образомъ евангеліе могло быть переведено на языкъ Славянъ паннонскихъ? Нужно было найти выходъ изъ этого затрудненія, и такой выходъ дѣйствительно былъ найденъ.

Уже довольно давно Дюмлеръ въ своей статьѣ «о народности древнихъ Мораванъ»[1]), подвергъ этотъ вопросъ исторической провѣркѣ съ цѣлію доказать свою новую гипотезу, внушенную ему вѣроятно мнѣніями Копитара[2]) и филологическими изысканіями Миклошича[3]), что древніе Мораване въ племенномъ отношеніи не были тождественны съ нынѣшними, а что они были также *Словенцы* (ибо для нихъ, а не для паннонскихъ Славянъ было переведено на древнеславянскій языкъ св. писаніе Меѳодіемъ), область которыхъ такимъ образомъ простиралась на сѣверъ не только на Моравію, но и на землю нынѣшнихъ Словаковъ. По мнѣнію г. Дюмлера, послѣ паденія Моравскаго княжества, въ началѣ X вѣка, Моравія вслѣдствіе сильнаго потрясенія, причиненнаго съ одной стороны Нѣмцами, съ другой— Уграми, потеряла навсегда свою національную самобытность. Населеніе ея значительно порѣдѣло вслѣдствіе опустошительныхъ

[1]) Excurs über die Nationalität der alten Mährer въ «Archiv für Kunde Oester. Gesch.-Quellen» XIII Bd. W. 1854, S. 169—178.

[2]) Въ противоположность Шафарику, считавшему языкъ первоначальнаго перевода священнаго писанія—древне-болгарскимъ, Копитаръ приписывалъ его предкамъ нын. Хорутанъ. Его взглядъ высказанъ имъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ: Glagolita Clozianus, p. IX, XXXIII и слѣд.; Ursprung der slawisch. Liturgie in Pannonien, Chmel, Österr. Geschichtsforscher, I, 3, p. 508; Hesychii glossogr. epigloss. R., p. 48; рецензія на Добровскаго (Institutiones l. s.), Wien. Jahrb. XVII. S. 69; наконецъ въ Prolegomena historica къ изд. Реймск. Еванг.

[3]) Выводы изъ своихъ изысканій о *паннонизмѣ* древне-церковнославянскаго языка Миклошичъ всего полнѣе и опредѣленнѣе высказалъ въ «Предисловіи» къ «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen». Wien, 1874.

набѣговъ Мадьяръ и уведенія въ неволю массы моравскихъ женщинъ и дѣтей. Усилившіеся между тѣмъ и размножившіеся Чехи направили свою колонизацію въ запустѣвшую Моравію и восполнили убыль населенія. Чешскій элементъ сталъ крѣпнуть и умножаться здѣсь вмѣстѣ съ этимъ общимъ усиленіемъ чешской народности и политическимъ ея возвышеніемъ и мало по малу чехизовалъ страну, которая впослѣдствіи является въ исторіи обновленною, уже въ нераздѣльной связи съ Чехіей и съ населеніемъ— одноплеменнымъ Чехамъ. Въ сѣверовосточную Угрію приливъ Чеховъ былъ гораздо слабѣе, и потому нынѣшніе Словаки, хотя и примыкаютъ теперь уже также (по языку и другимъ признакамъ) къ вѣтви чешско-славянской, всетаки не слились съ ней окончательно и успѣли сохранить въ своемъ языкѣ кое-что, сближающее его съ нарѣчіемъ нынѣшнихъ Словинцевъ (Хорутанъ), да и сами называютъ его *словенскимъ*. — Таковъ взглядъ Дюмлера. Въ пользу его онъ приводитъ рядъ историческихъ соображеній и доводовъ, изъ которыхъ мы упомянемъ важнѣйшіе. Указывается на то, что Моравія и Чехія съ самаго начала являются въ политическомъ отношеніи существенно разнящимися другъ отъ друга: въ то время, какъ менѣе огражденная природой, но объединенная подъ единой княжескою властью Моравія достигаетъ значительной силы и независимости и внушаетъ страхъ восточно-франкскимъ королямъ, Чехія, поставленная природой въ лучшія условія, остается не объединенною, повинуется многимъ князькамъ и не пріобрѣтаетъ почти никакого политическаго значенія. Указывается далѣе, что прочнаго и продолжительнаго союза и соединенія между тою и другою никогда не было, несмотря на общую опасность отъ общаго врага. При Святополкѣ длился нѣсколько долѣе союзъ между ними, но зато тотчасъ по его смерти Чехія перешла на сторону враговъ Моравіи. Одновременно съ паденіемъ послѣдней, Чехія напротивъ достигла небывалаго возвышенія, объединилась и стала страшна для своихъ сосѣдей; она вступила въ союзъ съ Уграми, вмѣстѣ предпринимала походы на западъ, наконецъ съ ними подѣлила и террито-

рію Моравіи. Однако всѣ эти различія въ судьбѣ той и другой страны еще не представляются намъ говорящими сколько-нибудь убѣдительно въ пользу положенія Дюмлера. Вѣдь если между ними не замѣтно тѣсной связи и сходства, то точно такъ-же мы не замѣчаемъ подобной связи, особенной близости и единенія сѣверо-дунайской Моравіи со Славянами Панноніи, Восточной марки и Карантаніи, чтó непремѣнно должно было бы быть, по понятіямъ Дюмлера, если бы Мораване принадлежали также къ словинскому племени. Между тѣмъ мы и здѣсь видимъ съ одной стороны различіе въ судьбахъ, съ другой — не добровольное сліяніе, а только политическое присоединеніе нижней Панноніи къ собственной Моравіи, обусловленное силой и завоевательными стремленіями моравскаго князя, а вовсе не особенными взаимными симпатіями и единомысліемъ населенія. Затѣмъ одною изъ главныхъ точекъ опоры служитъ Дюмлеру въ его взглядѣ— «полный разгромъ и переворотъ въ Моравіи», причиненный Уграми и повлекшій за собой потерю всякой племенной самобытности Моравaнами, послѣ чего по его мнѣнію произошло и обновленіе въ населеніи вслѣдствіе сильной колонизаціи Чеховъ. Для насъ однако и это соображеніе имѣетъ весьма мало силы, такъ какъ въ немъ выражается слишкомъ преувеличенное (какъ мы ниже увидимъ) представленіе о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождалось паденіе Моравіи въ политическомъ отношеніи. Дюмлеръ считаетъ вѣскимъ доказательствомъ въ пользу своего взгляда то обстоятельство, что воспоминаніе о Святополкѣ и Меѳодіи чрезвычайно слабо сохранилось въ преданіяхъ нынѣшнихъ Моравaнъ, чтò только и можетъ быть объяснено, по его мнѣнію, этническимъ переворотомъ, т. е. чехизаціей, которой подверглась Моравія послѣ своего паденія: у Чеховъ не могло быть живого преданія о Кириллѣ и Меѳодіи, такъ какъ ихъ христіанское просвѣщеніе имѣло другой (западный) источникъ; почитаніе святыхъ апостоловъ славянства возникло у нихъ *искуственно* только въ XIV вѣкѣ. Мы согласны, что это соображеніе болѣе другихъ могло бы служить подтвержденіемъ разсматриваемой теоріи, но

только въ томъ отношеніи, что оно дѣйствительно говоритъ о томъ большомъ разстояніи, которое раздѣляетъ нынѣшнихъ Морававъ отъ ихъ предковъ и о томъ, что въ судьбѣ ихъ въ самомъ дѣлѣ произошло что-то, заставившее ихъ въ значительной мѣрѣ позабыть свои старыя народныя преданія. Однакожъ этотъ фактъ нисколько не доказываетъ главнаго положенія Дюмлера, что древніе Мораване были *словинской* народности. Мы сами далеки отъ того, чтобы совершенно отрицать всякое этническое обновленіе, и именно чехизацію (въ тѣсномъ смыслѣ) Моравіи въ теченіе вѣковъ, и считать нынѣшнихъ Морававъ за несмѣшанныхъ потомковъ древнихъ. Такого процесса этническаго обновленія положительно нельзя не допустить, но онъ совершался медленнѣе и болѣе постепенно, чѣмъ представляютъ себѣ приверженцы той теоріи. Древнихъ же Морававъ мы однако не считаемъ возможнымъ причислить къ словинскому племени, а скорѣе склоняемся къ предположенію, что они составляли одно племя съ нынѣшними *Словаками* и принадлежали такимъ образомъ къ восточному развѣтвленію чехо-словенской вѣтви, въ пользу чего довольно убѣдительно говоритъ даже объемъ собственно древне-моравенскаго княжества, обнимавшаго собою большую часть территоріи нынѣшнихъ Словаковъ. О другихъ второстепенныхъ соображеніяхъ Дюмлера, еще, менѣе убѣдительныхъ, чѣмъ приведенныя, было бы излишне распространяться[1]). Теорію Дюмлера раздѣляетъ Миклошичъ, отстаивая ее съ точки зрѣнія языка. Его *паннонизмъ* въ вопросѣ о языкѣ древняго перевода священныхъ книгъ, нуждаясь въ опорѣ со стороны исторіи, не могъ не схватиться за мысль о распространеніи словинскаго языка и на сѣверъ отъ Дуная — въ древней Моравіи[2]). Если же будетъ доказана несостоятельность

[1]) Таковы указанія на предполагаемую болгарскую область *Мораву*, на *Великую Моравію* Константина Багрянороднаго, на *моравское происхожденіе* Прибины, основателя Паннонскаго княжества. Всѣ они ничего не доказываютъ

[2]) Miklosich, Altsloven. Formenlehre in Paradigmen, Wien, 1874. Einleitung, S. III—IV: «Ich bin nämlich jetzt der Ansicht, dass der Slovenische Volks-

этой мысли, то и теорія паннонизма потеряетъ подъ собою въ значительной мѣрѣ историческую почву [1]). Наконецъ Дюмлеръ, кажется намъ, уклонился отъ разсмотрѣнія весьма важнаго пункта въ вопросѣ о народности Мораванъ, а именно не высказалъ своего мнѣнія о томъ, *когда* и *какъ* территорія древней Моравіи могла быть заселена *словинскимъ* племенемъ, а ограничился замѣчаніемъ, что мы не имѣемъ извѣстій о томъ, когда Чехи и Мораване поселились на своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ жительства [2]). Правда, такихъ извѣстій мы дѣйствительно не имѣемъ, но нѣкоторое понятіе о времени и о путяхъ, которыми шло разселеніе славянскихъ племенъ въ средней Европѣ и на Дунаѣ, мы всетаки имѣемъ, и можемъ прійти въ этомъ вопросѣ кое къ какимъ соображеніямъ, которыя едва-ли не повліяли бы и на выводы Дюмлера, если бы были приняты имъ въ расчетъ. Признавая, согласно общепринятому взгляду на ходъ славянскихъ переселеній, болѣе раннимъ разселеніе сѣверозападнаго отдѣла славянскихъ народовъ, чѣмъ югозападнаго, мы не можемъ не признать, что въ частности и чешско-словенская вѣтвь разселилась въ ту же болѣе раннюю пору (приблизительно въ концѣ V-го и началѣ VI-го в.) и что одновременно, съ той же сѣверовосточной стороны, былъ занятъ Славянами и весь сѣверный карпатскій край до центральной дунайской равнины и до средняго Дуная. Могла ли Моравія избѣгнуть тогда славянскаго наводненія? если нѣтъ — а другого отвѣта быть не можетъ, — то естественно, что и она была занята племенемъ того же сѣверозападнаго отдѣла и, какъ страна сосѣдняя съ Чехіей, той же *чехо-словенской* вѣтви. Между тѣмъ

stamm nicht nur auf dem rechten, sondern auch auf dem linken Ufer der Donau wohnte, freilich ohne über den Umfang seiner Wohnsitze im Norden der Donau auch nur eine Vermutung aussprechen zu können etc.»

[1]) И. В. Ягичъ, полемизируя съ Миклошичемъ въ вопросѣ о паннонизмѣ, также высказывается рѣшительно противъ мнѣнія о распространѣніи *словинскаго* племени на сѣверѣ отъ Дуная. См. Archiv für slav. Philol., herausgeg. v. Jagić I B., 3 Hft. (1876) въ рецензіи на сочиненія Миклошича, стр. 444—445 и слѣд.

[2]) Dümmler, ibid., S. 174.

разселеніе югозападнаго, *словинскаго* племени, шедшее совершенно иными путями, прямо съ востока — вверхъ по Дунаю, совершилось для западныхъ краевъ (Панноніи, нынѣшней Штиріи и Каринтіи) сравнительно нѣсколько позднѣе (въ концѣ VI вѣка). Такимъ образомъ *Словенцы* (или Словинцы) распространились по правому берегу средняго Дуная тогда, когда его лѣвый берегъ (на сѣверѣ) былъ уже заселенъ Славянами чешской вѣтви. Какъ же Словенцы могли бы попасть въ Моравію? Очевидно только вытѣсненіемъ оттуда прежняго славянскаго населенія. Но ни о какомъ подобномъ вытѣсненіи, какъ извѣстно, исторія не знаетъ. Напротивъ, есть полное основаніе думать, что послѣ разгрома аварской державы и происшедшей вслѣдствіе того убыли населенія на югѣ отъ Дуная, туда направилась въ нѣкоторой степени колонизація съ сѣвера, т. е. изъ среды чешскихъ Славянъ, и такимъ образомъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Панноніи тоже оказался элементъ чешско-словенскій. Итакъ не только доводы Дюмлера не примиряютъ насъ съ его теоріей, но и другія соображенія, имъ не затронутыя, заставляютъ еще рѣшительнѣе отказаться отъ нея и признать въ древнихъ Моравахъ чешско-словенскую народность и притомъ, кажется, въ ея *словацкой* (словенской) разновидности.

Намъ уже выше пришлось упоминать о причинахъ, способствовавшихъ успѣшному политическому объединенію моравскихъ Славянъ въ IX вѣкѣ. Помимо причинъ внутреннихъ, т. е. достиженія этими Славянами той ступени общинно-бытового развитія, когда становится возможнымъ объединеніе отдѣльныхъ общинъ подъ одною княжескою властью въ государственный союзъ, и помимо особенно благопріятныхъ внутреннихъ условій жизни тутъ имѣли несомнѣнное и даже первенствующее вліяніе тѣ внѣшнія причины, которыя дали толчокъ проявленію національныхъ силъ и таившихся въ народѣ задатковъ политическаго развитія. Такими внѣшними причинами были съ одной стороны близкое сосѣдство могущественной Франкской державы и ея стремленіе къ распространенію своего политическаго господства надъ восточ-

ными сосѣдями, съ другой стороны—вліяніе, которое оказывали Германцы своей государственной организаціей и извѣстнымъ культурнымъ превосходствомъ, и которому невольно и безсознательно не могли не поддаваться Славяне.

Въ началѣ IX вѣка дунайскіе Славяне могли насчитывать уже нѣсколько столѣтій своего пребыванія въ новыхъ жилищахъ. Въ этомъ отношеніи Славяне чешско-словенской вѣтви могли ставить себя впереди другихъ, такъ какъ повидимому ранѣе прочихъ дунайскихъ Славянъ стали обладателями той территоріи, которой владѣли въ IX вѣкѣ и удержаніе которой имъ стоило такихъ усилій и такой борьбы. Въ эти нѣсколько столѣтій, несмотря на всѣ невзгоды и бѣдствія, которыми особенно ознаменовался періодъ аварскаго владычества, дунайскіе Славяне успѣли привязаться къ своей землѣ, окрѣпнуть на ней и выработать у себя опредѣленныя формы общественнаго устройства. Процессъ развитія этихъ формъ представляется намъ, въ общихъ чертахъ—въ слѣдующемъ видѣ. Родовая организація, основанная на узахъ семейнаго родства, какъ форма патріархальнаго быта, со временемъ мало по малу уступила мѣсто другимъ порядкамъ. Общее владѣніе и пользованіе землей создало новыя отношенія—*земскія*, и общинное устройство, *община* замѣнила собою прежній родъ, хотя впрочемъ и въ ней отразилось родовое начало. Община—это было соединеніе нѣсколькихъ или даже многихъ семействъ, которыя жили въ одномъ мѣстѣ, сообща владѣли бо́льшимъ или ме́ньшимъ участкомъ земли (недвижимое имущество общины — *дѣдина*, первоначально *родовое* имущество) и сообща его воздѣлывали. Ими управлялъ избранный старшина (староста, владыка — старшій по происхожденію или наиболѣе уважаемый), являвшійся представителемъ и блюстителемъ интересовъ своей общины. Остальные члены общины были совершенно равноправны и имѣли одинаковыя права на общинное имущество. Отдѣльныя мелкія общины при извѣстныхъ условіяхъ находили выгоднымъ соединеніе въ болѣе значительный союзъ, и такимъ образомъ возникала община болѣе обширныхъ размѣровъ (у однихъ Славянъ—

жупа, у другихъ—*волость*). Какъ маленькія общины до образованія общаго союза имѣли своими представителями—старшинъ, такъ и цѣлый союзъ общинъ выбиралъ своего главу *(жупана* или *князя)*, возвышавшагося изъ наиболѣе знатнаго и вліятельнаго рода. Такъ было по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ уже было утрачено племенное единство, и гдѣ слѣдовательно не могло быть и князя, какъ *племенного* вождя. Мы не имѣемъ извѣстій о томъ, какого происхожденія была княжеская власть у моравскихъ Славянъ; очень можетъ быть, тѣ первые князья, съ которыми знакомитъ насъ исторія, были именно князья *племенные*, но для такого утвержденія у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Мы имѣемъ столько же права предполагать, что они были изъ рода князей, возвысившихся изъ старшинъ при объединеніи общинъ въ болѣе значительные союзы. Каждый союзъ общинъ, или жупа, имѣлъ свое средоточіе—*градъ*, служившій мѣстопребываніемъ жупана или князя и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпленнымъ мѣстомъ обороны. Съ этою послѣднею цѣлію города сооружались въ неприступныхъ мѣстностяхъ (напр. на горѣ, на островѣ, среди болотъ). Кромѣ военнаго, города соединяли въ себѣ и политическое, и религіозное значеніе. Городъ привлекалъ своими удобствами сожительства многихъ поселянъ изъ окрестностей; расширяясь такимъ образомъ и развиваясь, онъ становился и средоточіемъ торговли. Рядомъ съ главнымъ центромъ возникали мало по малу и другіе—меньшіе. Въ Моравскомъ княжествѣ намъ извѣстно нѣсколько выдающихся центровъ и вмѣстѣ укрѣпленныхъ городовъ. Таковы были столица *Велеградъ*, мѣстоположеніе котораго до сихъ поръ остается не выясненнымъ [1]), сильная пограничная крѣпость *Дѣ-*

[1]) Согласно народному преданію и весьма распространенному мнѣнію нынѣшній городъ *Угорское Градище* въ юговосточномъ углу Моравіи, на рѣкѣ Моравѣ съ близь-лежащимъ посадомъ *Велеградомъ* — расположены въ мѣстности древней моравской столицы. Нынѣшній Велеградъ почитается народомъ, какъ священное мѣсто, и привлекаетъ въ свои стѣны въ день праздника Кирилла и Меѳодія, массы народа со всѣмъ концовъ Моравіи. Однако никакихъ положительныхъ историческихъ и документальныхъ основаній для пріуроченья древняго Велеграда къ этой именно мѣстности—не имѣется. Преданія,

винъ[1]) и *Нитра* (нын. Neutra), первоначально центръ особаго маленькаго племени или союза общинъ, силою присоединеннаго княземъ Мойміромъ къ своимъ владѣніямъ.

сообщающія историческое значеніе вынѣшнему Угорскому Градищу и Велеграду, возникаютъ лишь въ XIV вѣкѣ. До тѣхъ поръ нѣтъ никакихъ слѣдовъ исторической связи этихъ мѣстечекъ съ древней лѣтописной столицей Моравіи. Относительно мѣстоположенія древняго Велеграда и его пріуроченья къ нынѣшнему высказали свои сомнѣнія еще Добнеръ и Добровскій. Однако *въ пользу* такого пріуроченья рѣшительно высказались Шафарикъ (Сл. Др. II, кн. 2, стр. 297, прим. 37) Палацкій (Dejiny Nar. Česk. 1862, стр. 141, пр. 87) и Герм. Иречекъ (Slov. pravo v Č. i na M. 1863, p. 61). Первый ученый въ новѣйшее время, отнесшійся съ полнымъ недовѣріемъ къ этому мнѣнію, былъ Дудикъ (Gesch. Mähr. I, 147, 193, 194). За такое отрицаніе многіе сочли его чуть не измѣнникомъ и обвиняли въ желаніи поколебать народную вѣру и уваженіе къ современному Велеграду. По этому поводу завязалась у него оживленная полемика съ извѣстнымъ моравскимъ ученымъ Брандлемъ, который первый началъ ее своей брошюрой «Welehrad» Widerlegung der gegen dasselbe von Dr. Dudik im I B. sein. Mähr. Gesch. erhobenen Zweifel, Brünn, 1860. Въ этой брошюрѣ Брандль общимъ разборомъ I тома исторіи Дудика и указаніемъ многихъ противорѣчій старался подорвать авторитетъ послѣдняго, выставивъ несостоятельность его научной критики; онъ указывалъ, что доводы Дудика въ пользу его взгляда на Велеградъ слишкомъ слабы и не даютъ ему права разрушать установившееся мнѣніе, освященное народными преданіями и вѣрованіями. Самъ Брандль не могъ однако представить убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Дудикъ отвѣчалъ на это пространной и рѣзкой статьей: «Antwort auf Brandl's Welehrad», Br., 1860, въ которой старался по пунктамъ разбить противника. Брандль снова отвѣчалъ ему (Entgegnung auf Dr. Dudik's «Antwort». Br. 1860) и привелъ на это возраженіе нѣсколько довольно дѣльныхъ соображеній о территоріальныхъ особенностяхъ мѣстности около Угорскаго Градища, которыя должны были благопріятствовать образованію здѣсь центра тяготѣнія древнѣйшихъ поселеній. Въ 1862 г. онъ снова развилъ свою мысль въ брошюрѣ, посвященной Палацкому, «Poloha starého Velehradu», historické pojednání, v Brně, 1862. Въ концѣ концовъ, хотя мѣстоположеніе древняго Велеграда въ окрестностяхъ или на мѣстѣ нынѣшняго Уг. Градища и осталось недоказаннымъ исторически и документально, пріуроченье это можетъ все-таки считаться весьма правдоподобнымъ.

[1]) Нѣкоторые ошибочно смѣшивали и отождествляли *Дѣвинъ* съ Велеградомъ. Дѣвинъ былъ сильнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Моравіи—близь нѣмецкой границы; онъ названъ Dovina — однажды, въ лѣтописи подъ 864 г. (Ann. Fuld.); но безъ сомнѣнія его же надо разумѣть подъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, упоминаемымъ подъ 855, 869, 871 гг. Вопросъ о его мѣстоположеніи также спорный. О нахожденіи его гдѣ-то около Велеграда, какъ нѣкогда думали (Шафарикъ), не можетъ быть рѣчи. Въ настоящее время одни (Палацкій, Перцъ) отождествляли его съ нынѣшнимъ *Theben* — не

Объединеніе отдѣльныхъ общинъ и образованіе государственныхъ союзовъ зависѣло отъ многихъ условій. Тамъ, гдѣ земля была заселена слабо и гдѣ отдѣльныя общины жили разрозненно, не замѣчается такого стремленія къ объединенію, какъ въ земляхъ, населенныхъ болѣе густо. Въ послѣднихъ возникавшіе союзы общинъ или отдѣльныя племена (если еще существовала племенная раздѣльность) приходили въ столкновеніе другъ съ другомъ, — одно стремилось къ преобладанію надъ другими, къ подчиненію себѣ остальныхъ, что̀ въ концѣ концовъ и удавалось. Впрочемъ на образованіе государственныхъ союзовъ имѣли вліяніе, какъ мы уже замѣтили, и внѣшнія обстоятельства. Сильные и опасные сосѣди-иноземцы всего чаще оказывали могущественное вліяніе на политическое объединеніе славянскихъ общинъ. Такъ было и у дунайскихъ Славянъ. Моравія и затѣмъ Чехія обязаны были своимъ объединеніемъ въ IX—X в. не только сравнительной густотѣ своего населенія и благопріятнымъ географическимъ условіямъ, но и — въ значительной мѣрѣ — опасному сосѣдству завоевательныхъ Германцевъ. Въ Моравіи этотъ процессъ объединенія произошелъ быстрѣе, какъ намъ кажется, именно благодаря тому, что она несравненно менѣе Чехіи была защищена естественными преградами отъ внѣшнихъ враговъ. Природой болѣе защищенные и потому чувствовавшіе менѣе потребности къ сплоченію Чехи гораздо позже образовали общій союзъ съ единымъ княземъ во главѣ[1]). Между тѣмъ въ Панноніи и въ восточно-альпійскомъ краѣ, гдѣ славянскія поселенія были малочи-

далеко отъ Пресбурга при впаденіи Моравы въ Дунай; по мнѣнію другихъ (Герм. Иречекъ) и притомъ, кажется, болѣе основательному, онъ находился гдѣ-то на пограничной рѣкѣ Дыѣ, гдѣ и позднѣе упоминается гор. *Podivin* (у Козьмы Пражскаго). См. Jireček, Slov. Pravo. 1863, S. 59—60. Успенскій, Слав. Мон., стр. 41—43, прим.; срв. Fäulhammer, Die Beziehungen Ludw. d. Deut. zum Gr.-Mähr. R., Czernowitz, 1862, S. 27.

[1]) Княжескій родъ Премысла становится исторически извѣстнымъ не ранѣе начала X в. До того времени въ Чехіи властвовало множество мелкихъ владыкъ или князей. Ann. Mettens. 805, Ann. Fuld. 845, 857, 871, 872 etc. Dümmler, Ueber die National. d. alt. Mährer, Arch. f. Kunde Oest. Geschsquell. B. XIII, S. 175.

сленны и весьма разрозненны, самостоятельно не возникло союза отдѣльныхъ общинъ, и лишь совершенно искуственнымъ образомъ, по волѣ могущественнаго завоевателя этого края, слѣдовательно по инициативѣ извнѣ, было создано такъ называемое Паннонское княжество, которое вслѣдствіе того не могло быть ни прочно, ни долговѣчно.

Первыя историческія извѣстія о Мораванахъ и Моравіи (822 г.) застаютъ у этого народа нѣсколько княжествъ съ князьями во главѣ (были ли это объединившіеся союзы общинъ, или племена, сохранившія свою раздѣльность и самостоятельную организацію — рѣшить трудно). Въ то время происходила внутренняя борьба, вызванная стремленіемъ болѣе сильнаго князя къ дальнѣйшему объединенію. Этому объединенію несомнѣнно былъ данъ толчокъ успѣхами Карла Великаго надъ Аварами и его возраставшимъ могуществомъ. Однако Мораване не могли себя чувствовать достаточно сильными для сопротивленія грознымъ завоевателямъ, а на союзъ съ другими племенами нельзя было расчитывать, и вотъ почему они, повидимому добровольно, одновременно съ Чехами признали верховную власть Франковъ еще при Карлѣ Великомъ. Эта зависимость состояла, кажется, въ уплатѣ опредѣленной ежегодной дани, да еще въ доставленномъ Германцамъ правѣ свободной проповѣди христіанства на территоріи этихъ Славянъ. Такимъ образомъ открытъ былъ къ послѣднимъ широкій путь нѣмецкому вліянію, какъ политическому, такъ и нравственному.

Мы знаемъ, какова была та сила, отъ которой Мораване поставили себя въ зависимость. На сторонѣ ея были политическія и матеріальныя преимущества, а въ извѣстномъ отношеніи и культурное превосходство, связанное съ историческимъ старшинствомъ германской расы. Первыя выражались въ лучшей, болѣе усовершенствованной военной организаціи, въ выработанной уже и твердой системѣ управленія, наконецъ вообще въ бóльшихъ матеріальныхъ средствахъ, второе — въ просвѣщеніи христіанствомъ и высшей степени образованности. Славяне и въ томъ, и въ другомъ

отношеніи въ ту пору не могли съ ними соперничать. Ко всему этому присоединялось еще и различіе въ характерѣ и наклонностяхъ того и другого племени, вслѣдствіе котораго опять таки успѣхъ въ осуществленіи политическихъ стремленій и задачъ могъ скорѣе быть достигнутъ Нѣмцами—насчетъ Славянъ, чѣмъ наоборотъ. Воинственный духъ Германцевъ, ихъ упорство и неразборчивость въ средствахъ при преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей — достаточно извѣстны. Мы знаемъ, что Славяне напротивъ никогда не отличались подобными свойствами.

Сильнѣйшая сторона съ самаго начала стала въ положеніе наступательное и притомъ съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства [1]), слабѣйшей оставалось только положеніе оборонительное, которое она и приняла, сдѣлавъ на первыхъ же порахъ уступку (признаніе верховной власти Франкскаго короля), подъ страхомъ очутиться еще въ худшемъ положеніи. Каковы бы ни были промахи стороны сильнѣйшей, какъ бы искусно ими ни пользовалась противная сторона, какъ бы ни баловала послѣднюю судьба временными и случайными успѣхами, окончательный и естественный исходъ борьбы оттого не могъ бы измѣниться. Но обратимся къ фактамъ.

Славянское племя, носившее въ средніе вѣка имя Мораванъ (отъ рѣки Моравы), занимало въ IX вѣкѣ конечно не одну только ту территорію, какую занимаютъ нынѣшніе Моравапе. Хотя и нѣтъ возможности точно опредѣлить эту древне-моравскую территорію, можно по крайней мѣрѣ принять за вѣрное, что Мораване IX вѣка населяли кромѣ нынѣшней Моравіи—часть Нижней Австріи (на сѣверъ отъ Дуная) и всю сѣверозападную часть Угріи между Дунаемъ и рѣкою Грономъ, а вѣроятно простирались и восточнѣе (въ предѣлахъ этнографической черты Сло-

[1]) Вспомнимъ слова нѣмецкаго духовенства въ извѣстномъ посланіи къ папѣ 900 года (съ жалобою на моравскую церковную организацію), что «Мораване—хотятъ или не хотятъ—а будутъ покорены нѣмецкой державой» (. . . et sive velint, sive nolint, regno nostro subacti erunt, Erben, Regesta B. et M. стр. 23). Тутъ мы видимъ не столько хвастовство, сколько дѣйствительное сознаніе превосходства своихъ силъ.

ваковъ). Кромѣ того поселенія ихъ были распространены въ небольшомъ количествѣ, кажется, и на сѣверную окрайну Паннонiи, гдѣ сливались съ поселеніями Словенцевъ. Однако политическія границы Моравіи, или вѣрнѣе моравскаго союза не совпадали съ этнографическими. Въ теченіе кратковременнаго существованія этого союза онѣ мѣнялись нѣсколько разъ и наибольшаго протяженія достигли къ концу княженія Святополка († 894 г.). Объ этихъ политическихъ границахъ (насколько возможно ихъ приблизительно прослѣдить) будетъ еще рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Первымъ извѣстнымъ намъ княземъ Мораванъ является *Моймiръ*, котораго мы около 830 г. находимъ въ борьбѣ съ другимъ (племеннымъ?) княземъ *Прибиной*, княжившимъ въ Нитранской области, между Дунаемъ и Грономъ. Столицей его была Нитра. Моймiръ, будучи сильнѣе, стремился присоединить къ себѣ землю сосѣда, что̀ ему дѣйствительно скоро и удалось. Онъ изгналъ Прибину и объединилъ Моравію[1]). Прибина бѣжалъ къ маркграфу Восточной марки Ратбоду, ища у него покровительства и защиты. Это обращеніе совершенно понятно, такъ какъ управителю Восточной марки, какъ мы знаемъ, было поручено охранять интересы Франко-германской державы на Дунаѣ и съ этою цѣлью зорко слѣдить за всѣмъ, что происходило у сосѣднихъ Славянъ. Прибина, какъ и слѣдовало ожидать, былъ дружелюбно принятъ Ратбодомъ и, хотя потомъ между ними и была временная размолвка, все-таки Прибинѣ со стороны франкскихъ властей не только было оказано покровительство, но и дарована совершенно особенная, дотолѣ неслыханная милость: онъ получилъ сначала (около 840 г.) въ ленъ, а затѣмъ (ок. 849 г.) въ полную собственность отъ короля Людовика Нѣмецкаго значительный участокъ земли въ Нижней Паннонiи на р. Салѣ, въ окрестностяхъ Блатенскаго озера. Эта милость, оказанная Прибинѣ, была первымъ исторически извѣстнымъ намъ враждебнымъ дѣйствіемъ Германской державы

[1]) Такимъ же способомъ было вѣроятно ранѣе поступлено и съ другими мѣстными народными князьями, но извѣстій объ этомъ не сохранила намъ исторія.

въ отношеніи къ Моравскому князю (изгнавшему Прибину), первымъ актомъ обычной съ сосѣдями-чужеземцами нѣмецкой политики, примѣненной къ Мораванамъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно политическіе виды, желаніе раздѣлить силы враговъ, руководили Людовикомъ въ этомъ дѣлѣ, и потому никакъ нельзя назвать его поступка «измѣной традиціямъ каролингской политики» [1]). Другой вопросъ — остороженъ ли былъ этотъ шагъ. Паннонское княжество, какъ новый центръ славянской политической и культурной жизни, оказало въ свое время большую услугу дунайскому славянству въ его политическомъ объединеніи и особенно въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія, но въ роли оплота противъ Нѣмцевъ, оно, будучи искуственно создано, могло только на короткое время задержать успѣхи Нѣмцевъ на завоевательномъ поприщѣ и германизацію. Оно не имѣло прочнаго основанія, а потому не могло имѣть и будущности.

Покровительство, оказанное Людовикомъ Прибинѣ, должно было стать если не прямымъ, то косвеннымъ поводомъ къ послѣдующимъ столкновеніямъ нѣмецкихъ интересовъ съ моравскими и взаимному вмѣшательству одной стороны въ дѣла другой. Мойміръ и его объединительная дѣятельность стали внушать опасенія Людовику. Въ 846 году онъ предпринялъ походъ въ Моравію, свергъ Мойміра и посадилъ на его мѣсто его племянника *Ростислава* [2]), надѣясь такимъ образомъ держать въ повиновеніи Моравскаго князя. Весьма вѣроятно, что дѣло было заранѣе условлено съ Ростиславомъ [3]) и что послѣдній получилъ престолъ цѣною какихъ-либо уступокъ. Та легкость, съ которой повидимому былъ произведенъ Людовикомъ переворотъ въ Моравіи, уже свидѣтельствуетъ о силѣ Франковъ и о степени ихъ вліянія у Мораванъ. Однакожъ со вступленіемъ на престолъ Ростислава

[1]) Kaemmel, Anf. deutsch. Leb. in Oesterr. S. 217.

[2]) Ruodolf. Fuld. Ann., 846.

[3]) Dudik, Mähr. Allgem. Gesch. I Bd., S. 130. Впрочемъ это только догадка. Fäulhammer, Die Beziehungen Ludwigs des Deutschen zum Grossmähr. Reiche (Viert. Jähresbericht der griech.-oriental. Ober-Realschule in Czernowitz, 1862), S. 19.

зависимость отъ Франковъ, вопреки надеждамъ послѣднихъ, не только не увеличилась, но еще уменьшилась на дѣлѣ [1]). Славянское княжество мало по мало совершенно вышло изъ-подъ опеки Франкской державы, и этимъ оно обязано съ одной стороны особенно благопріятно сложившимся обстоятельствамъ и условіямъ внутренней жизни, съ другой стороны личнымъ качествамъ своего умнаго и энергическаго правителя, сумѣвшаго освободить свою страну отъ тяжелой зависимости въ церковномъ отношеніи и создать самостоятельную, народную церковь. Надежды, которыя питалъ Людовикъ, возводя на престолъ новаго князя, нисколько не оправдались: въ лицѣ послѣдняго Франки сами себѣ приготовили рѣшительнаго противника и мужественнаго борца за свободу и интересы своего народа. Въ 848 г. Людовикъ подарилъ Прибинѣ землю, данную ему въ ленъ [2]). Очевидно этотъ князь умѣлъ снискать довѣріе германскаго короля. Княжество Прибины простиралось на югъ до Дравы, на сѣверъ до рѣки Раба, восточною границею былъ Дунай; западную опредѣлить съ точностью всего труднѣе: здѣсь владѣнія Прибины простирались до предѣловъ «Карантаніи» [3]). Такимъ образомъ вся нижняя Паннонія на сѣверъ отъ Дравы принадлежала славянскому князю [4]). Столицей его былъ Мосбургъ (Mosaburk) или Блатно, укрѣпленный городъ, построенный Прибиной на рѣкѣ Салѣ (впадающей въ Блатенское озеро), кажется, по близости нынѣшняго Салавара (Szalavár) [5]).

Милость, оказанная Прибинѣ, во всякомъ случаѣ давала ему извѣстную самостоятельность, но ошибочно было бы думать, что Прибина сталъ совершенно независимъ. Вѣрнѣе кажется взглядъ, что повышеніе имѣло болѣе формальный характеръ и

1) Dudik, ibid., S. 149, 150.

2) Conversio Bagoar., Mon. Boic. XI, 119 (Pertz, M. G. XI, p. 13).

3) Dümmler, Südöstl., Marken, S. 34. Havelka, O Privinovi a Kocelovi etc. Program C.K. vyššího Gymnasia Slovanského v Olomouci, 1872), S. 9—10. Kaemmel, ibid., S. 218.

4) Житье св. Климента (Vita st. Clementis, c. 4) называетъ Коцела властителемъ даже *всей* Панноніи, но ошибочно.

5) Hunfalvy, Ethnogr. v. Ung., S. 114—115.

что зависимость отъ нѣмецкаго короля въ сущности продолжалась, можетъ быть только въ меньшей степени [1]).

Между тѣмъ моравскій князь Ростиславъ не замедлилъ обнаружить свои отношенія къ Нѣмцамъ и тѣ національныя цѣли, къ которымъ онъ стремился. Его сношенія съ Болгарами (853) и другими сосѣдями явно доказывали, что онъ ищетъ себѣ союзниковъ, и Людовику Нѣмецкому не трудно было понять, къ чему онъ готовится. Поэтому Людовикъ въ 855 году самъ предпринялъ походъ въ Моравію. Оказалось, что Ростиславъ приготовлялся не даромъ. Предпріятіе Людовика было неудачно: онъ долженъ былъ очень скоро вернуться. Моравскій князь его преслѣдовалъ и произвелъ опустошенія на правомъ берегу Дуная [2]). Этимъ счастливымъ исходомъ войны достигнута была независимость Моравіи. Первый значительный успѣхъ Моравапъ имѣлъ важное значеніе для дальнѣйшей судьбы ихъ княжества; онъ былъ причиною того, что за послѣднимъ была признана нѣкоторая политическая сила, которою Нѣмцы расчитывали пользоваться для собственныхъ цѣлей, и что такимъ образомъ Моравія была втянута во внутреннія дѣла своихъ могущественныхъ сосѣдей, и не могла съ тѣхъ поръ не имѣть на нихъ вліянія. Такова была дѣйствительно часто ея роль въ послѣдующія десятилѣтія, хотя въ періоды внутренняго согласія Германія не забывала своей главной задачи — политическаго подчиненія дунайскихъ Славянъ и возможно большаго распространенія своего господства на востокъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ Моравіи не разъ удавалось пользоваться своимъ положеніемъ и внушать не малыя опасенія Нѣмцамъ. Эти опасенія особенно увеличились съ освобожденіемъ Моравіи и Паннонiи въ церковномъ отношеніи.

Первый, задумавшій воспользоваться силою моравскаго князя

[1]) Есть даже свидѣтельство, подтверждающее это предположеніе: изъ одного источника видно, что Прибина и послѣ того не могъ дарить имѣній церквамъ и монастырямъ безъ предварительнаго на то согласія короля. Monum. Boica XI, 119; см. Havelka, ibid. стр. 12.

[2]) Ruod. Fuld. ann., 855; Lamberti ann. etc.

для своихъ честолюбивыхъ замысловъ, былъ старшій сынъ Людовика Нѣмецкаго Карломанъ, который въ 856 году былъ сдѣланъ управителемъ всей Восточной марки (въ обширномъ смыслѣ), послѣ того какъ былъ смѣщенъ заподозрѣнный въ измѣнѣ Ратбодъ. Людовикъ, заинтересованный въ то время дѣлами западной половины Франкской державы, считалъ цѣлесообразнымъ ввѣрить управленіе всѣми восточными областями (такъ назыв. Ostland) одному лицу и избралъ для этого своего старшаго сына Карломана. Однако вскорѣ оказалось, что эта мѣра, имѣвшая цѣлью обезпеченье внѣшней безопасности Германіи, была гибельною для ея внутренняго спокойствія.

Пока Людовикъ, отложивъ войну съ Моравіей, былъ увлеченъ предпріятіемъ на западѣ и мечталъ о западно-франкской коронѣ, противъ него собирались тучи на востокѣ. Ростиславъ имѣлъ время еще усилиться и кажется успѣлъ привлечь къ своему союзу сосѣднихъ Славянъ — чешскихъ[1]) и полабскихъ, съ которыми Людовикъ долженъ былъ вести войну въ 856 и 857 годахъ[2]), а Карломанъ между тѣмъ возымѣлъ честолюбивый замыселъ добиться баварской короны[3]) и съ этою цѣлью заключилъ союзъ съ Ростиславомъ. Моравское княжество пріобрѣтало этимъ новую силу. Однимъ изъ послѣдствій, кажется, было то, что Карломанъ выдалъ Ростиславу Прибину (этого давнишняго врага моравскаго князя), который и былъ умерщвленъ вѣроятно уже въ 860 году или въ началѣ 861 года[4]).

Мы не станемъ разсматривать исторію возстанія Карломана противъ отца и всей этой междоусобной борьбы. Началась она въ 861 г. и кончилась тѣмъ, что Карломанъ послѣ вторичнаго примиренія съ отцомъ былъ на нѣкоторое время лишенъ управленія

[1]) Не даромъ чешскій князёкъ Sclauitag (Славитагъ), изгнанный изъ своего владѣнія баварскимъ войскомъ, бѣжалъ въ Моравію къ Ростиславу. Ann. Fuld, 857. ср. Fäulhammer, ibid, S. 21.

[2]) Fuld. ann. 856, 857.

[3]) Очень можетъ быть, что на него подѣйствовалъ примѣръ отца, поднявшаго оружіе противъ брата (Карла Лысаго).

[4]) Havelka, ibid, str. 15.

марками, но затѣмъ въ 864 г., тайно убѣжавъ въ свои прежнія владѣнія, былъ возстановленъ въ своемъ достоинствѣ и правахъ. Важно то, что Ростиславъ въ этой распрѣ не оказалъ поддержки своему союзнику. По всей вѣроятности онъ не надѣялся на успѣхъ карломанова предпріятія и не хотѣлъ еще подавать поводъ къ возобновленію борьбы съ Людовикомъ. Однако этого новаго столкновенія онъ не могъ избѣжать, такъ какъ Людовикъ, усмиривъ сына, рѣшился энергично поднять наконецъ оружіе противъ моравскаго князя, не только вышедшаго совершенно изъ повиновенія и мечтавшаго о полной независимости, между прочимъ и церковной [1]), но и служившаго опорой для возмутившагося противъ него сына и вообще всѣхъ недовольныхъ и непокорныхъ ему приближенныхъ.

Въ 864 году Людовикъ, заключивъ предварительно союзъ съ Болгарами (который потомъ не прекращался до конца столѣтія) [2]), съ большимъ войскомъ пошелъ противъ Ростислава, окружилъ его въ укрѣпленномъ городѣ Дѣвинѣ (въ лѣтоп. Dovina) и принудилъ къ подчиненію [3]). Ростиславъ поклялся въ вѣрности и снова обѣщалъ платить дань. Однако обстоятельства не надолго оставили его въ покоѣ. Внутреннія смуты въ Германіи стали для него новымъ соблазномъ къ отпаденію. Младшій сынъ короля, тоже Людовикъ по имени, будучи недоволенъ предварительнымъ раздѣломъ земель, по которому Карломану была предоставлена Баварія, возсталъ противъ отца (866) въ сообществѣ съ нѣсколькими недовольными графами (лишенными своихъ владѣній за невѣрность). Онъ не замедлилъ втянуть въ эту смуту и Ростислава, который произвелъ нѣсколько опустошеній въ Восточной маркѣ, но во-время былъ остановленъ Карломаномъ [4]). Послѣ примиренія своего съ младшимъ сыномъ Людовикъ естественно опять

[1]) Въ то время уже были призваны къ дѣятельности въ Моравію Кириллъ и Меѳодій.

[2]) О немъ упоминается въ Hincmari ann. a. 866 (Pertz, SS. I, 474).

[3]) Fuld. ann. 864; Hildesheim. ann. 864.

[4]) Fuld. ann. 866. Hincmari ann. 866.

былъ сильно озабоченъ Моравіей, которая постоянно являлась пособницей бунтовщиковъ противъ его власти, соблазняла, а можетъ быть и подстрекала послѣднихъ, и такимъ образомъ была причиной внутреннихъ смутъ въ Германской державѣ. Въ 868 году возобновилась борьба между Людовикомъ и Ростиславомъ[1]). Началъ ее на этотъ разъ кажется моравскій князь, который успѣлъ не только самъ приготовиться, но и подговорить къ возстанію Славянъ чешскихъ и полабскихъ. Людовикъ не успѣлъ сдѣлать нужныхъ приготовленій и въ этомъ году имѣлъ повидимому рѣшительную неудачу, такъ какъ въ слѣдующемъ 869 году дѣятельно приготовляется къ большому походу. Предводительствовали войсками на этотъ разъ всѣ три его сына: Карломанъ, Людовикъ и Карлъ. Надъ Сорбами и Чехами Нѣмцамъ удалось торжествовать, но не такъ легко было справиться съ Моравами, которые придерживались обычнаго образа войны, т. е. засѣли въ крѣпостяхъ, предоставляя непріятелю опустошать страну, пока недостатокъ въ продовольствіи не принудитъ его къ отступленію. Такъ было и теперь. Карломанъ и Карлъ значительно опустошили Моравію, но затѣмъ отступили и вошли въ переговоры съ Ростиславомъ. Каждая сторона могла себѣ приписывать побѣду. Въ томъ же году былъ заключенъ миръ, которымъ повидимому особенно дорожилъ Людовикъ. Такимъ образомъ послѣдній еще не достигъ своей цѣли — окончательнаго униженія Ростислава, хотя и моравскому князю нельзя приписывать полнаго торжества, какъ дѣлаютъ нѣкоторые[2]). На это указываютъ и дальнѣйшія событія.

[1]) О столкновеніяхъ этого года упоминается очень кратко въ Hincmari ann. 869 (Pertz, SS. I, p. 482).

[2]) Свидѣтельства объ исходѣ этой войны расходятся. Фульденскіе анналы (Ann. Fulden. 869) изображаютъ походы сыновей Людовика побѣдоносными, между тѣмъ какъ Гинкмаръ (Ann. Bertin., 869) представляетъ дѣло болѣе выгоднымъ для Ростислава (на немъ основывается и Палацкій, Dějiny, 2 изд. стр. 141—142, См. Fäulhammer. ibid. S. 31). Что касается сравнительной достовѣрности извѣстій той и другой лѣтописи, то нельзя не признать, что и Фульденскій лѣтописецъ и архіеписк. Реймскій Гинкмаръ — оба могли имѣть вѣрныя свѣдѣнія о походахъ сыновей Людовика: первый по своему положенію оффиціаль-

Взглянемъ теперь на обстоятельства внутренней жизни моравскаго народа, на условія его просвѣщенія христіанствомъ, безъ чего исторія возвышенія княжества была-бы далеко не полна и не ясна. Кромѣ внѣшнихъ условій этого возвышенія, было и нѣчто другое, что сообщило новый смыслъ борьбѣ Моравaнъ съ Нѣмцами, придало имъ новыя силы для этой борьбы и повліяло такимъ образомъ на укрѣпленіе славянскаго политическаго союза и на развитіе національнаго самосознанія. Обстоятельства эти заключались въ церковномъ отдѣленіи Моравіи отъ нѣмецкой державы и въ борьбѣ за сохраненіе этой церковной самостоятельности. Дѣятельность славянскихъ просвѣтителей имѣетъ глубокое значеніе не въ одномъ только религіозномъ и національномъ отношеніяхъ; съ нею же неразрывно связано и временное политическое возвышеніе Моравіи. Появленіемъ этой новой силы дунайское славянство обязано тому же энергическому князю моравскому Ростиславу [1]). Онъ желалъ по видимому устра-

наго лѣтописца и по близости къ двору, второй—какъ вообще свѣдующій современникъ и притомъ высокопоставленное лицо, располагавшее безъ сомнѣнія достаточно вѣрными источниками. Но дѣло однакожъ въ томъ, что оба они могли смотрѣть на событія съ разныхъ точекъ зрѣнія, руководствуясь различными симпатіями, и вслѣдствіе того передавать факты въ томъ или другомъ желательномъ для нихъ освѣщеніи, пристрастно. Если Фульденскій лѣтописецъ, по зависимости своего положенія и придворнымъ связямъ, долженъ былъ часто слѣдовать внушеніямъ свыше и угождать королю, изображая его дѣла и предпріятія въ возможно благопріятномъ для государства свѣтѣ, то съ другой стороны Гинкмаръ, хотя и былъ вполнѣ независимъ въ этомъ смыслѣ, можетъ быть заподозрѣнъ въ другомъ отношеніи: онъ смотрѣлъ на событія, совершавшіяся на востокѣ, съ своей западно-франкской точки зрѣнія, а потому также пристрастно, впадая лишь въ противоположную крайность. Вотъ почему мы не можемъ вполнѣ вѣрить и его свидѣтельству о рѣшительномъ торжествѣ Ростислава въ 869 г. и приходимъ къ выводу, что истина должна быть по серединѣ, что побѣда осталась нерѣшенною, и что обѣ стороны приписывали ее себѣ.

[1]) Рѣшительно утверждать (какъ Dudik, M. A. G., 157, 158), что и Коцелъ участвовалъ въ призывѣ Кирилла и Меѳодія изъ Византіи (согласно свидѣтельству Нестора) мы не можемъ. Противъ это нѣсколько говоритъ то, что еще въ 865 г. Коцелъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ зальцбургскимъ архіепископомъ (Адальвиномъ), посѣтившимъ его княжество. Срв. Havelka, ibid. S. 17. Однако и настаивать на противномъ также нельзя, ибо близкія отношенія Коцела къ еп. Адальвину могли имѣть лишь формальный характеръ и вовсе не быть искренни.

нить пагубное нѣмецкое вліяніе, проникавшее къ Славянамъ путемъ религіозной пропаганды, и для этого обратился въ 862 году въ Византію съ просьбою прислать проповѣдниковъ, вооруженныхъ знаніемъ славянскаго языка [1]). Какъ извѣстно, онъ имѣлъ въ виду и то соображеніе, что проповѣдь христіанства нѣмецкими миссіонерами была сильно затруднена ихъ незнаніемъ славянскаго языка и отсутствіемъ стремленія изучать его [2]). Что касается церковнаго положенія Моравіи до Кирилла и Меѳодія, то достовѣрно, что нѣмецкіе проповѣдники уже за долго до того занимались обращеніемъ Моравіи и что епархія, къ которой они относились по своему положенію, была Пассовская. Но была ли Моравія формально включена въ эту діоцезу, и слѣдовательно организована въ церковномъ отношеніи — это вопросъ, который, какъ кажется, долженъ быть рѣшенъ отрицательно. По всей вѣроятности полномочія пассовскаго духовенства ограничивались только *правомъ* проповѣдывать въ Моравіи [3]), правомъ, которое было признано Мойміромъ одновременно съ признаніемъ верховной власти Франкскаго короля.

Кириллъ и Меѳодій прибыли въ Моравію въ 863 году и оставались здѣсь до своего путешествія въ Римъ въ 867 году. Появленіе ихъ не замедлило произвести свое дѣйствіе на баварское духовенство, которое поняло грозившую нѣмецкимъ интересамъ опасность. Началась борьба, и орудіемъ ея со стороны Нѣмцевъ явились всевозможныя интриги и клеветы, направленныя противъ славянскихъ апостоловъ. Заступникомъ и покровителемъ послѣднихъ сталъ римскій папа, интересы котораго очевидно тре-

[1]) Можетъ быть обращеніе къ Византіи было не чуждо и политическаго значенія. Византія и Моравія имѣли общихъ враговъ—Франкскую державу и Болгаръ. Поэтому понятна готовность Михаила услужить Ростиславу.

[2]) Эту причину обращенія въ Византію высказали послы кн. Ростислава Императору Михаилу, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и Паннонскія житья «Учителя не имамъ такова, иже бы ны въ свои языкъ истую вѣру христіанскую сказалъ»... Паннон. житье Констант. Философа (изд. Бодянскаго въ «Чтеніяхъ Общ. И. и Д. Росс., 1863, кн. 2, стр. 23).

[3]) Срв. Fäulhammer, ibid., S. 13.

бовали въ то время содѣйствія Славянамъ въ ихъ стремленіи къ самостоятельной церкви. Послѣ смерти Кирилла въ Римѣ (869) дѣятельность Меѳодія была перенесена изъ Моравіи въ Паннонію. Причина для насъ понятна: именно тогда (869) Моравія была вся поглощена войною съ Нѣмцами; время было вовсе не благопріятное для организаціи церкви и христіанской проповѣди. Напротивъ въ Паннонскомъ княжествѣ Меѳодій могъ вполнѣ развернуть свою дѣятельность; онъ встрѣтилъ тутъ полное сочувствіе не только въ народѣ, но и въ князѣ Коцелѣ. Послѣ Прибины († 860 г.) княземъ Нижней Панноніи сталъ его сынъ Коцелъ [1]). Онъ познакомился съ славянскими учителями на пути ихъ въ Римъ; впечатлѣніе, произведенное на него ими, было настолько сильно, что побудило его порвать всякія (даже оффиціальныя) сношенія съ зальцбургскимъ архіепископомъ. Коцелъ радѣлъ объ утвержденіи христіанства въ своемъ народѣ не менѣе отца, и славянское богослуженіе было для него истинной находкой. Онъ обратился съ просьбою къ папѣ (Адріану II) прислать ему Меѳодія для продолженія христіанской проповѣди. Папа дѣйствительно внялъ его просьбѣ и въ 870 году Меѳодій, сочтя неудобнымъ по политическимъ обстоятельствамъ возвратиться въ Моравію, водворился въ Панноніи, гдѣ его ожидало обширное поприще дѣятельности. Вскорѣ, по просьбѣ Коцела и согласно съ собственными желаніями и интересами папы, Меѳодій былъ сдѣланъ архіепископомъ Моравіи и Панноніи. Безъ этого назначенія дѣятельность его была бы парализована правами зальцбургской церкви въ Панноніи. Но эта рѣшительная мѣра, которой впрочемъ со стороны папы было придано законное основаніе [2]), была уже самымъ чувствительнымъ ударомъ

[1]) Коцелъ сдѣлался княземъ не непосредственно послѣ смерти отца. Онъ въ 861 г. былъ въ Регенсбургѣ, гдѣ искалъ защиты, и вернулся въ Паннонію, кажется, только въ 892 г. Havelka, стр. 15.

[2]) Папа ссылался на то, что назначеніемъ Меѳодія возстановляется только прежнее епископство города Сирміума (Срема), переставшаго существовать въ 582 г., благодаря неблагопріятнымъ историческимъ обстоятельствамъ, т. е. нашествію языческихъ народовъ. См. Dudik S. 187—90; Fäulhammer, S. 49.

нѣмецкимъ интересамъ и притязаніямъ зальцбургскаго архіепископства. Оно вступило въ открытую войну противъ Меѳодія и, ссылаясь на нарушеніе своихъ правъ, потребовало Меѳодія къ отвѣту на соборъ нѣмецкаго духовенства. Разумѣется результатъ этого суда не могъ быть благопріятенъ для Меѳодія: онъ подвергся заключенію на $2^1/_2$ или даже на 3 года и былъ отпущенъ послѣ настоятельнаго требованія папы Іоанна VIII (874 г.) [1]) (вслѣдствіе благопріятныхъ для Моравіи политическихъ обстоятельствъ), послѣ чего его дѣятельность опять сосредоточивается въ Моравіи.

Въ Моравіи произошли между тѣмъ событія первостепенной важности, которыя, разразившись гибелью для самого Ростислава, чуть было не разрушили всего его дѣла. У Ростислава былъ племянникъ Святополкъ, которому было поручено управленіе въ Нитрѣ. Этотъ Святополкъ во время войны 869 года вступилъ въ тайныя сношенія съ Карломаномъ, и они вмѣстѣ составили заговоръ противъ Ростислава съ тѣмъ, чтобы его свергнуть, и на его мѣсто сѣсть ему, Святополку (которому зато надо было оставаться, конечно, въ зависимости отъ Нѣмцевъ).

[1]) Любопытныя подробности о тѣхъ испытаніяхъ, которыя вынесъ Меѳодій во время своего заключенія у Нѣмцевъ и о настоятельныхъ требованіяхъ папы Іоанна VIII, предъявленныхъ баварскимъ епископамъ, освободить Меѳодія и оправдаться въ Римѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя *папскія инструкціи и письма* въ новомъ собраніи ихъ, открытомъ недавно въ Лондонѣ и отчасти обнародованномъ Эвальдомъ въ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde V. B. d. 2 Hf. Hannov., 1880, S. 277 — 414. Перепечат. Миклошичемъ и Рачкимъ въ Starine, kn. XII, u Zagr., 1880, p. 206—223. Меѳодія касаются письма папы Іоанна VIII № 19 — 22 (ср. 301 — 304). Именно: 1) Письмо къ архіепископу зальцбургскому Адальвину съ требованіемъ возстановленія Меѳодія въ его архіепископскомъ санѣ. 2) Инструкція папскому легату, епископу Павлу Анконскому. 3) Письмо къ пассовскому епископу Германриху, вызывающее его для оправданія и 4) Такое же рѣзкое письмо къ епископу фрейзингскому Ганнону, принимавшему участіе въ судѣ надъ Меѳодіемъ. Содержаніе этихъ писемъ недавно обстоятельно изложено и разъяснено въ статьѣ о. Мартынова въ Revue des Questions historiques, Oct. 1880: «Saint Méthode apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes, conservées au british Museum (отд. оттискъ, Paris, 1880).

Неизвѣстно, кому принадлежалъ починъ въ этомъ предпріятіи, но очень вѣроятно, что Карломану, ибо Нѣмцамъ давно хотѣлось подкопаться подъ Ростислава, — и вотъ, когда имъ не удалось укратить его открытою силою, они рѣшились прибѣгнуть къ другимъ, тайнымъ, но болѣе надёжнымъ средствамъ. Ростиславъ узналъ о замыслѣ и хотѣлъ предупредить Святополка, приказавъ схватить его. Но было уже поздно, — Ростиславъ самъ попался въ руки племянника и былъ выданъ Нѣмцамъ, которые подвергли его суду, ослѣпленію и заточенію [1]).

Святополкъ въ 870 году вступилъ на моравскій престолъ. Онъ добровольно призналъ верховную власть Франковъ отчасти потому, что достигъ престола не безъ содѣйствія послѣднихъ, отчасти изъ осторожности и убѣжденія, что Моравія не довольно сильна, чтобы на перекоръ всему домогаться независимости. Она была вѣроятно уже истощена предшествующею войною и нуждалась въ отдыхѣ. Оттого-то Святополкъ и заботился о мирѣ; но обстоятельства повернулись иначе. Святополкъ былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ, именно въ сношеніяхъ съ двумя младшими сыновьями Людовика Нѣмецкаго, которые въ то время (871 г.) оказались непокорными въ отношеніи къ отцу [2]), схваченъ Карломаномъ и отосланъ на судъ къ Людовику въ Регенсбургъ. Моравію постигла горькая участь: Карломанъ вступилъ въ нее и, какъ въ завоеванной странѣ, сталъ вводить новые порядки. Онъ занялъ всѣ укрѣпленные города, а управленіе ввѣрилъ маркграфамъ (Вильгельму и Энгильскальку), такъ что Моравія сразу обратилась въ нѣмецкую провинцію [3]). Казалось, цѣль Нѣмцевъ была достигнута: славянское княжество, причинявшее имъ столько заботъ, очутилось въ ихъ рукахъ и въ ихъ полномъ распоряженіи; единственный законный претендентъ на моравскій престолъ былъ коварно устраненъ и находился у нихъ въ плѣну; еслибы народъ и произвелъ возстаніе, то не трудно было бы его усмирить съ

[1]) Ann. Fuld. a. 870; Hincmari ann., 870; Ann. Alam., 870; Regino, 860.

[2]) Dudik, S. 200--201.

[3]) Ann. Fuld. 871.

помощію сильнаго войска, которымъ всегда располагалъ нѣмецкій король. На что могли еще расчитывать Мораване?

Но судьбой видно еще не было опредѣлено паденіе Моравскаго княжества. Славянамъ еще разъ удалось воспользоваться ошибкой Нѣмцевъ и опять достигнуть такого положенія, которое внушало опасенія ихъ могущественнымъ сосѣдямъ и заставляло послѣднихъ употреблять новыя, еще большія усилія для обузданія непокорной народности. Мораване дѣйствительно произвели возстаніе подъ предводительствомъ Славоміра (Sclagamar), происходившаго изъ княжескаго рода, и одержали верхъ надъ нѣмецкими властями. Что же въ такую критическую минуту предприняли Нѣмцы? Они оправдали Святополка[1]) и рѣшились его употребить орудіемъ противъ возставшихъ. Съ непонятнымъ легкомысліемъ Людовикъ Нѣмецкій поставилъ его во главѣ многочисленнаго войска и поручилъ подавить возстаніе, вѣроятно въ полной увѣренности, что Святополкъ, если и сдѣлается потомъ княземъ, останется ему вѣренъ и по прежнему будетъ платить дань. Но Людовикъ жестоко обманулся въ своемъ расчетѣ. Святополкъ воспользовался оказаннымъ ему довѣріемъ, соединился съ своими возставшими соотечественниками и истребилъ почти все нѣмецкое войско, причемъ погибли и вышеназванные маркграфы (871 г.)[2]). Такимъ образомъ не только Моравское княжество было возстановлено, но благодаря энергіи и храбрости новаго князя оно еще успѣло на нѣкоторое время достигнуть такой силы и такого объёма, какихъ до сихъ поръ еще не достигало. Подъёму національныхъ силъ въ Моравіи способствовало и то, что съ возвращеніемъ къ дѣятельности Меѳодія, сдѣлало большія успѣхи христіанское просвѣщеніе и получила лучшую организацію самостоятельная моравская церковь. Однако прежде окончательнаго торжества, Святополку, послѣ его измѣнническаго поступка, пришлось еще помѣриться силами съ Людо-

[1]) Ann. Fuld. 871: cum nullus crimina quae ei obiecta fuerunt probare potuisset....

[2]) Ann. Fuld., ibid. (Ann. Xantens., 872); Ann. Hincmari, 871.

викомъ и въ двухлѣтней войнѣ (872—873) отстоять и упрочить свое положеніе. Тутъ опять, какъ и прежде, ему помогли обстоятельства и отсутствіе единодушія у враговъ. Людовикъ хотѣлъ отомстить ему, но его задача усложнилась вслѣдствіе того, что моравскому князю удалось поднять Чеховъ и Славянъ полабскихъ. Къ тому же въ королевскомъ семействѣ были опять несогласія. Младшіе братья (Людовикъ и Карлъ) были въ распрѣ съ старшимъ Карломаномъ изъ-за невыгоднаго для нихъ дѣлежа земель, и не оказывали повиновенія отцу. Когда Людовикъ велѣлъ имъ собираться въ походъ противъ Славянъ, они отказались повиноваться, такъ что Саксы и Тюринги остались безъ высшаго начальства[1]). Все это не могло способствовать къ ободренію Людовика. Карломанъ въ 872 г., увлекшись опустошеніемъ и первыми успѣхами[2]), и неосторожно углубившись въ страну, былъ разбитъ на голову[3]). Это придало мужества Святополку; въ 873 г. онъ самъ перешелъ Дунай и опустошилъ Восточную марку. На сѣверѣ, въ войнѣ съ полабскими Славянами, Нѣмцы были также несчастливы. При такомъ положеніи дѣлъ Людовикъ охотно началъ переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ въ 874 г. въ *Форхгеймѣ*. Мы не знаемъ въ точности условій этого мира. Извѣстіе лѣтописца Фульдскаго (едва-ли безпристрастное), что выгода этого мира была на сторонѣ Людовика и что Святополкъ поклялся въ вѣрности и обѣщалъ платить ежегодную дань, не можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ[4]). Въ виду исхода войны условія мира во всякомъ случаѣ не могли быть особенно выгодны для Нѣмцевъ[5]), но полагать, что эти условія предписывалъ Святополкъ и что Людовикъ долженъ былъ на все согласиться, также нѣтъ никакого основанія[6]). Если извѣстіе Фульдской лѣтописи и обнаруживаетъ

[1]) Ann. Fuld., 872. Dudik, S. 207—208 и дал.

[2]) Ann. Xantens. 872 (SS. II, 234).

[3]) Ann. Fuld. 872. Только противъ Чеховъ предпріятіе Нѣмцевъ было удачнѣе, ibid.

[4]) Ann. Fuld. 874.

[5]) Это видно изъ извѣстія Гинкмара: Hincmari ann. 873: per missos suos Winidos sub diversis principibus constitutos modo quo potuit sibi reconsiliavit.

[6]) Такого взгляда держится Палацкій. Dějiny, (2-ое изд.) str. 149.

пристрастіе и преувеличиваетъ выгоды Нѣмцевъ, то все-же въ немъ по всей вѣроятности есть доля правды. Уступки были безъ сомнѣнія сдѣланы съ обѣихъ сторонъ и могли быть приняты взаимныя обязательства. Моравія тогда болѣе чѣмъ когда-либо нуждалась въ мирѣ, ибо продолжительными войнами была сильно истощена. Война, благодаря способу ея веденія, всегда наносила большой ущербъ ея матеріальному благосостоянію и продолжать ее было бы очень рисковано. Святополкъ хорошо понималъ это, и потому самъ хлопоталъ о мирѣ [1]). Очень возможно, что онъ сдѣлалъ уступку въ родѣ обѣщанія платить какую-либо ничтожную дань. Въ сущности же Моравія оставалась все-таки почти независимой и сила ея была признана. Одною изъ уступокъ со стороны Нѣмцевъ было, какъ кажется, возвращеніе Меѳодія въ Моравію (874) и признаніе Людовикомъ правъ римскаго папы на паннонское архіепископство. Въ этихъ переговорахъ участвовалъ вѣроятно и самъ папа (Іоаннъ VIII) [2]). Такимъ образомъ не помогли протесты и жалобы нѣмецкаго духовенства на Меѳодія, равно какъ осталась безъ послѣдствій и нарочно составленная зальцбургскимъ духовенствомъ, кажется для короля Людовика, извѣстная *Записка о правахъ Зальцбурга на Паннонію* (Conversio Bagoariorum et Carantanorum) 872 — 873 г.) [3]). Меѳодій, по требованію папы, а вѣроятно и Святополка, былъ отпущенъ и вернулся къ своей паствѣ. Дѣятельность свою онъ опять перенесъ въ Моравію, ибо въ Панноніи обстоятельства приняли неблагопріятный оборотъ; къ тому же самъ папа направилъ его къ Святополку [4]), который можетъ быть ходатайствовалъ передъ

[1]) Срв. Fäulhammer, ibid. S 40, также Wimpeller: Stósunki państva Wielko-Moravskieho z Niemcami (Sprawozdanie dyrekciji C. K. Gymnazyum w Tarnowie, 1874) str. 22, Dudik, S 226—227.

[2]) Dudik, S. 213.

[3]) Сначала она была издана Копитаромъ, въ Gagolita Clozianus. Новѣйшее изданіе Ваттенбаха въ Monum. Germ. SS. XI, 3. См. о ней и о времени ея составленія Dümmler, Gesch. d. Ostfr. R. I, S. 214 — 217

[4]) Это видно изъ инструкцій, данныхъ епископу Павлу Анконскому папой (Іоанномъ VIII). См. вышеупомянутую коллекцію папскихъ писемъ у Эвальда № 20, стр. 303.

нимъ объ этомъ. Около этого времени (именно въ 874 г.) умеръ князь Коцелъ [1]). Трудно сказать съ достовѣрностью, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился послѣднее время къ нѣмецкому королю. Во всякомъ случаѣ эти отношенія были нѣсколько двусмысленны. Коцелъ безъ сомнѣнія оставался въ нѣкоторой зависимости отъ Людовика; онъ дорожилъ миромъ съ Нѣмцами и этимъ, можетъ быть, объясняется его какъ-будто нѣсколько равнодушное отношеніе къ судьбѣ Меѳодія, но едва-ли онъ помогалъ Людовику и Карломану въ войнѣ съ Святополкомъ, какъ полагаютъ нѣкоторые [2]). Этого не могли допустить общіе церковные и національные интересы обоихъ княжествъ. По смерти Коцела, не имѣвшаго, повидимому, наслѣдника, который могъ бы быть его преемникомъ, Паннонское княжество возвратилось подъ власть Нѣмцевъ, а именно Карломана [3]). Послѣдній отдалъ его своему незаконному сыну Арнульфу. Съ этихъ поръ нѣмецкій элементъ пріобрѣлъ здѣсь новую силу. Славянское населеніе было недостаточно многочисленно и сплочено, чтобы отстаивать интересы своей народности. Княжество Прибины и Коцела было, какъ мы уже выше говорили, созданіемъ искуственнымъ, безъ необходимой основы для самостоятельнаго развитія, а потому и безъ будущности. Оно никакъ не могло само по себѣ стать центромъ славянскаго объединенія, а могло только примкнуть при благопріятныхъ обстоятельствахъ къ другому, болѣе сильному центру. Такъ дѣйствительно и случилось на нѣкоторое время, когда Святополкъ въ послѣднее десятилѣтіе своего княженія удачными войнами расширилъ предѣлы своихъ владѣній. Но до тѣхъ поръ, т. е.

[1]) Dudik, S. 212; Dümmler, Südöstl. Mark. S. 41 — 42.

[2]) Havelka, ibid. 22.

[3]) Часть его, прилегавшая къ Карантаніи, была отдѣлена, какъ особое графство, подъ именемъ Dudleipa. Dümmler, ibid. S. 41. Названіе Dudleipa, какъ извѣстно, отождествляется обыкновенно съ славянскимъ племеннымъ названіемъ Дулѣбы (*Шафар*. Сл. Др.). Однакожъ Копитаръ высказался противъ этого; онъ считалъ это имя чисто нѣмецкимъ и сближалъ его съ нын. Dudelsdorf въ Эйзенбург. комитатѣ. См. «Ursprung d. Slav. Liturgie in Pannonien» Chmel, Oesterr. Geschichtsforscher, I B. 3 Hf; Wien, 1838.

до 884 г., Нижняя Паннонія была въ рукахъ Нѣмцевъ, которые не замедлили направить туда свою колонизацію.

Послѣ Форхгеймскаго мира почти 10 лѣтъ не было столкновеній между Моравскимъ княжествомъ и Нѣмцами. Причиной тому было сперва увлеченіе Людовика другими предпріятіями, а затѣмъ смутное время въ Восточно-франкской державѣ, обусловленное частой смѣной правителей, соперничествомъ и несогласіями въ распадавшемся и вымиравшемъ домѣ Каролинговъ [1]). За это время Моравія опять успѣла оправиться и окрѣпнуть, а когда она наконецъ была втянута въ междоусобную распрю сосѣдей, храбрый князь ея пріобрѣлъ настолько силы и политическаго значенія, что съ большимъ успѣхомъ могъ воспользоваться представившимся случаемъ и своимъ выгоднымъ положеніемъ для расширенія своихъ владѣній и политическаго вліянія насчетъ сосѣдей. Однако будущность Моравіи не могла быть обезпечена одними внѣшними случайными успѣхами. Для развитія ея внутренней жизни нужна была мощная поддержка той силы, которая заключалась въ самостоятельной національной церкви и которая, просвѣщая Моравaнъ христіанскимъ ученіемъ, могла хоть въ нѣкоторой степени охранять вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ народную самобытность и не давать проникать въ страну пагубному чужеземному вліянію. Однимъ словомъ, нужна была поддержка Меѳодію и его просвѣтительному дѣлу. Къ сожалѣнію однако, Святополкъ не только не оказывалъ этой поддержки, а дѣйствовалъ въ совершенно противномъ духѣ и тѣмъ помогъ врагамъ нанести смертельный ударъ созданію славянскихъ просвѣтителей; но объ этомъ еще рѣчь впереди.

Въ 876 году умеръ Людовикъ Нѣмецкій. Сыновья его подѣлили между собою земли, и Карломанъ получилъ Баварію, Каринтію, Восточную марку, Паннонію и верховную власть надъ Моравіей и Чехіей [2]). Въ Каринтіи и Панноніи онъ поручилъ

[1]) См. Dümmler, Gesch. I, S. 821 etc., и нач. II т.; Ueber die Südöstl. Mark, S. 47 — 48.

[2]) Regino, 876 (Pertz. SS. I, 589). Это одно изъ доказательствъ, что *фор-*

управленіе своему сыну Арнульфу, который затѣмъ уже не разставался съ этими областями. Въ 877 году Карломанъ сдѣлалъ его герцогомъ въ нихъ, когда со смертью въ этомъ году Карла Лысаго самъ явился претендентомъ на Италію и предпринялъ туда походъ. Возвратившись съ этого неудачнаго похода и заболѣвъ, Карломанъ передалъ управленіе Баваріей своему брату Людовику Младшему, и въ скорѣ затѣмъ, въ 880 году умеръ [1]). Земли его наслѣдовалъ Людовикъ Младшій; Арнульфу же пришлось довольствоваться все тѣми же двумя областями. Когда умеръ Людовикъ Младшій въ 882 г., вся Восточно-франкская держава (исключая владѣнія Арнульфа) досталась младшему брату Карлу Толстому, который въ 884 году соединилъ подъ своею властью всѣ земли Карла Великаго. Арнульфъ все оставался при своей Каринтіи и Панноніи, пока въ 887 г. самъ не былъ выбранъ въ преемники ничтожнаго Карла Толстаго.

Святополкъ былъ вовлеченъ въ новую войну, на этотъ разъ съ Арнульфомъ—по поводу смутъ и междоусобія, происходившаго изъ-за владѣнія Восточною маркою. По смерти графовъ Вильгельма и Энгильскалька, о которыхъ уже была однажды рѣчь, Восточная марка (вслѣдствіе малолѣтства ихъ сыновей) перешла въ руки Арибо. Но сыновья вышеназванныхъ графовъ (именно Энгильскалька), достигнувъ совершеннолѣтія, потребовали, не имѣя на то право, возвращенія отцовскаго владѣнія, на что разумѣется Арибо не былъ согласенъ [2]). Послѣдній опирался на законную власть, его дѣло было правое, и Карлу Толстому слѣдовательно естественно было вступиться за него противъ новыхъ претендентовъ. Между тѣмъ Арнульфъ не только враждебно настроенный противъ Карла Толстаго, но уже мечтавшій самъ о коронѣ, сталъ открыто на сторону сыновей графовъ, какъ болѣе для себя выгодныхъ сосѣдей. Опасность, грозившая графу Ари-

мально Моравія по форхгеймскому договору осталась въ нѣкоторой зависимости отъ Франковъ, см. Dudik. S. 226—227.

[1]) Dümmler, Gesch. II, S. 139—140.

[2]) Ann. Fuld., 884.

бо, заставила его искать союзника, такъ какъ онъ не слишкомъ расчитывалъ на слабаго короля; такого союзника онъ нашелъ въ Святополкѣ [1]), котораго мы застаемъ въ это время въ хорошихъ отношеніяхъ съ Карломъ [2]). Послѣдній самъ дорожилъ этими отношеніями, такъ какъ не довѣрялъ Арнульфу и даже боялся его. Итакъ Арибо сошелся съ Святополкомъ; это было естественной причиной разрыва между послѣднимъ и Арнульфомъ, бывшими до тѣхъ поръ между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. Однако сыновья Энгильскалька дѣйствовали такъ энергично, что имъ удалось въ 882 году изгнать Арибо и занять его мѣсто. Тогда Карлъ и Святополкъ въ свою очередь принялись дѣйствовать. Первый формально утвердилъ Арибо графомъ Восточной марки, а послѣдній въ началѣ 883 года предпринялъ походъ съ цѣлью водворить изгнаннаго въ его владѣніяхъ. Встрѣтивъ еще на лѣвомъ берегу Дуная непріятельское войско, онъ разбилъ его, причемъ захватилъ въ плѣнъ и подвергъ истязаніямъ графовъ Верингара (Werinhar) и Везило (Vezzilo), а затѣмъ опустошилъ Восточную марку. Побѣжденные искали убѣжища и просили помощи у Арнульфа, который и взялъ ихъ подъ свое покровительство. Тогда Святополкъ уже обратился къ Арнульфу, требуя у него выдачи враговъ и спрашивая объясненій относительно его поведенія передъ тѣмъ [3]). Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, Святополкъ вторгся еще въ 883 г. въ Паннонію, во владѣнія Арнульфа, и сильно опустошилъ ее. Въ слѣдующемъ 884 г. онъ повторилъ свой опустошительный набѣгъ и подвергъ страну еще большему разоренію и бѣдствіямъ. При этомъ послѣ проигранной битвы погибли оба старшіе сына Энгильскалька—Мегингозъ (Megingoz) и Пабо (Pabo) [4]). Мы не

[1]) Не забудемъ, что Святополкъ имѣлъ причины относиться враждебно къ соперникамъ Арибо: извѣстна роль ихъ отцовъ въ отношеніи къ Моравіи.

[2]) Dudik, S. 253—254.

[3]) Святополкъ подозрѣвалъ Арнульфа, и вѣроятно основательно, въ томъ, что онъ содѣйствовалъ Болгарамъ въ ихъ вторженіи въ Моравію въ 882 г. Dudik, 256.

[4]) Ann. Fuld., 884.

видимъ, чтобы Арнульфъ защищался противъ моравскаго князя. По всей вѣроятности онъ не чувствовалъ себя довольно сильнымъ и предпочиталъ выжидать въ какомъ-нибудь укрѣпленномъ мѣстѣ. Наконецъ Карлъ Толстый, уже тогда императоръ, явился въ Восточную марку (884) и пригласилъ Святополка для переговоровъ въ *Кенигштеттенъ* [1]): Арнульфъ подвергся уже достаточному униженію и надо было позаботиться о возстановленіи мира. Святополкъ воевалъ не столько за себя, сколько за законное право и интересы своего друга Арибо, а слѣдовательно и нѣмецкаго короля, и Карлу нельзя было не вознаградить его за оказанныя услуги. Не удивительно поэтому, что Кенигштеттенскій миръ долженъ былъ быть выгоденъ для Святополка. Хоть и нѣтъ о томъ прямого извѣстія, но многое заставляетъ предположить, что Нижняя Паннонія (за исключеніемъ графства Dudleipa) была отдана Святополку [2]), за что повидимому онъ обѣщалъ Карлу не вторгаться болѣе въ нѣмецкія области [3]). Арибо было возвращено управленіе Восточной маркой. Арнульфъ призналъ этотъ миръ только въ 885 году. Съ тѣхъ поръ опять замѣчается сближеніе между нимъ и моравскимъ княземъ и даже усиленіе нѣмецкаго вліянія въ Моравіи (въ дѣлѣ Меѳодія). Это сближеніе было очень выгодно для Арнульфа, который не оставлялъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ и основательно расчитывалъ на помощь Святополка; но для Моравіи это сближеніе и услуга Арнульфу не только не приносили никакихъ выгодъ, но напротивъ имѣли весьма вредныя и печальныя послѣдствія. Сближаясь съ Нѣмцами и помогая Арнульфу, моравскій князь съ одной стороны способствовалъ возвышенію злѣйшаго врага славянскаго княжества, а съ другой стороны содѣйствовалъ разрушенію того дѣла, которое одно еще могло

[1]) Ann. Fuld., 884.

[2]) Въ пользу этого говорятъ особенно два обстоятельства: во 1) въ 892 послы Арнульфа, шедшіе въ Болгарію, миновали Паннонію, изъ страха передъ Святополкомъ; во 2) Константинъ Багрянородный опредѣляетъ южную границу Великой Моравіи Сремомъ на Дунаѣ (De Adm. imp., c. 40). Срв. Dudik, S. 260.

[3]) Ann. Fuld., a. 884.

нѣсколько укрѣпить и поддержать народныя силы, предохранить страну отъ внѣшнихъ разлагающихъ вліяній и хоть сколько-нибудь обезпечить ея національную и политическую самостоятельность.

Вторичное водвореніе Меѳодія въ Моравіи относится къ 875 году. Нѣмецкое духовенство, которому не удалось отстоять свои притязанія на Паннонію и лишить Меѳодія возможности продолжать свою дѣятельность, упорно преслѣдовало свою цѣль и измышляло новыя интриги и клеветы противъ него. Мы не будемъ подробно разсказывать исторію этой борьбы и этихъ злостныхъ преслѣдованій; для насъ достаточно отмѣтить главные факты. Нѣмцы сумѣли вкрасться въ довѣріе къ Святополку и образовали при его дворѣ сильную партію, которая всячески интриговала противъ моравскаго архіепископа и возстановляла противъ него Святополка. Она служила орудіемъ баварскаго духовенства, которое съ своей стороны открыто нападало на Меѳодія и жаловалось на него папѣ. Святополкъ былъ настолько слабъ, что далъ себя убѣдить Нѣмцамъ (которые потакали его слабостямъ [1]) и обратился самъ къ папѣ (Іоанну VIII) съ запросами относительно Меѳодія. Враги послѣдняго обвиняли его на этотъ разъ не только въ ослушаніи и совершеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ, но и въ ереси (при чтеніи символа вѣры). Слѣдствіемъ этого обвиненія было вторичное путешествіе Меѳодія въ Римъ въ 879 году. Папа, оставаясь вѣренъ своей политикѣ, совершенно оправдалъ Меѳодія и успокоилъ на его счетъ моравскаго князя; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придумалъ нововведеніе, оказавшееся однако роковымъ для моравской церкви: чтобы облегчить трудъ Меѳодію, было рѣшено назначить ему въ помощь двухъ епископовъ. Пока былъ назначенъ только одинъ [2]). На

[1]) Такъ напр. они не вооружались противъ многоженства, къ которому имѣлъ слабость Святополкъ, тогда какъ Меѳодій сильно ратовалъ противъ того.

[2]) Избрать другого папа предоставлялъ Святополку—съ согласія архіепископа Меѳодія.

эту должность, а именно епископомъ Нитры[1]), былъ избранъ нѣкто Викингъ, родомъ алеманнъ, котораго Святополкъ кажется самъ отрекомендовалъ папѣ, отправивъ его въ Римъ вмѣстѣ съ Меѳодіемъ. Этому Викингу суждено было играть самую дѣятельную роль въ разрушеніи великаго дѣла славянскихъ апостоловъ, а тѣмъ самымъ и въ политическомъ ослабленіи Моравскаго княжества. Это былъ самый близкій человѣкъ къ Арнульфу (вѣроятно имъ и выдвинутый) и глава нѣмецкой партіи въ Моравіи. Трудно сказать, что̀ побудило папу согласиться на назначеніе Викинга въ епископы, о направленіи и симпатіяхъ котораго ему едва-ли могло быть неизвѣстно. Это была явная уступка Нѣмцамъ. Здѣсь кроются можетъ быть какіе-нибудь политическіе расчеты, которыхъ никогда не упускалъ изъ виду папа Іоаннъ VIII въ своихъ дѣйствіяхъ. Но, назначая Меѳодію помощника (суффрагана), папа безусловно подчинилъ ему послѣдняго. Онъ можетъ быть надѣялся, что такимъ образомъ враждебныя дѣйствія и интриги Викинга будутъ парализованы. Однако расчетъ оказался ошибоченъ. Получивъ постъ епископа (880 г.), Викингъ могъ гораздо удобнѣе преслѣдовать свои цѣли и тормозить дѣятельность Меѳодія. Онъ имѣлъ могущественную поддержку въ пассовскомъ и зальцбургскомъ духовенствѣ и въ Арнульфѣ. Меѳодій же не имѣлъ никакой, такъ какъ Святополкъ, сбитый съ толку Нѣмцами и вѣроятно дѣйствовавшій болѣе изъ личныхъ соображеній, нисколько не оказывалъ ему содѣйствія и не заступался за него, оставляя его на произволъ судьбы и его враговъ. Такимъ образомъ положеніе Меѳодія по возвращеніи изъ Рима было очень тяжелое. Викингъ всячески клеветалъ на Меѳодія и распускалъ слухи о какихъ-то данныхъ ему самому папой тайныхъ полномочіяхъ. Меѳодій былъ принужденъ снова обратиться къ папѣ за разъясненіями (881 г.), на что послѣдовалъ самый успокоительный отвѣтъ, — выражалось полное довѣріе къ нему

[1]) Нитра была избрана, какъ старинный церковный центръ (здѣсь была очень рано освящена церковь архіеп. Адальрамомъ Зальцбургскимъ) См. Dudik, S. 247.

и негодованіе противъ Викинга [1]). Къ сожалѣнію папа, поглощенный въ то время итальянскими дѣлами и опасностью отъ Сарацинъ, не могъ (а можетъ быть и не хотѣлъ) энергически вмѣшаться въ борьбу Меѳодія съ Викингомъ и оказать первому дѣятельную поддержку. Въ 882 году онъ умеръ насильственною смертью, и Меѳодій потерялъ въ немъ своего единственнаго покровителя. Впрочемъ въ то время политическія обстоятельства повернулись благопріятнымъ образомъ для Меѳодія, и онъ провелъ послѣдніе годы жизни сравнительно спокойнѣе, усердно работая для блага своей церкви и паствы. Въ 882 году произошелъ, какъ мы видѣли, разрывъ между Святополкомъ и Арнульфомъ изъ-за претендентовъ на Восточную марку, и нѣмецкая партія въ Моравіи на время потеряла свою силу. Викингъ не могъ открыто дѣйствовать противъ Меѳодія и долженъ былъ выжидать болѣе благопріятнаго времени. Но не долго пришлось Меѳодію спокойно потрудиться для своей церкви. Онъ умеръ, по свидѣтельству своего «Житія», въ 885 г., по мнѣнію иныхъ ученыхъ нѣсколько позже [2]), указавъ на своего уче-

[1]) Erben, Regesta Boh. et Mor. № 44.

[2]) Опредѣленно означенный въ «Паннон. житьѣ» срокъ смерти Меѳодія, 6 апрѣля 885 г., заподозрѣвался многими учеными на томъ основаніи, что въ извѣстномъ письмѣ (признанномъ теперь подлиннымъ) папы Стефана VI къ Святополку говорится будто-бы о Меѳодіи, какъ о *живомъ*. Однако, какъ справедливо доказываетъ о. Мартыновъ (Saint Methode apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes, P. 1880, p. 23—25), все свидѣтельствуетъ напротивъ о томъ, что письмо предполагаетъ Меѳодія умершимъ, и написано оно по всей вѣроятности въ концѣ 885 года, такъ какъ папа Стефанъ только въ августѣ или сентябрѣ сталъ папой. Очень вѣроятно, что Викингъ тотчасъ по смерти Меѳодія отправился въ Римъ и успѣлъ настроить новаго папу въ свою пользу и противъ учениковъ Меѳодія. Точно также и *Commonitorium* папы Стефана (инструкція папскимъ легатамъ), очень близкое къ письму, написано по смерти Меѳодія, вѣроятно приблизительно въ то же время, какъ и письмо. Такимъ образомъ едва-ли есть основаніе заподозрѣвать 885 годъ, какъ срокъ смерти Меѳодія. Эвальдъ (Papstbriefe, S. 408, Anm. 5) дѣлаетъ, кажется, натяжку, стараясь установить другую хронологію. Отдѣлять *Commonitorium* отъ письма по времени едва-ли возможно, и потому нѣтъ достаточной причины помѣщать смерть Меѳодія между составленіемъ того и другого, и относить её къ 887—8 году.

ника Горазда—какъ на лицо, достойное быть его преемникомъ[1]). Смерть Меѳодія избавила его, можетъ быть, отъ новыхъ преслѣдованій и клеветъ со стороны нѣмецкой партіи, такъ какъ послѣ кенигштеттенскаго мира (884) сближеніе Святополка съ Анульфомъ дало снова силу и вліяніе этой партіи и Викингу, но для славянской церкви въ Моравіи эта потеря была конечно роковымъ событіемъ. Еще до смерти Меѳодія Викингъ старался и, какъ видно, не безуспѣшно оклеветать его передъ новымъ папой Стефаномъ VI. Тогда же онъ домогался утвержденія себя въ правахъ паннонскаго архіепископа. Съ этой цѣлью онъ, кажется, самъ былъ въ Римѣ (если только помѣщать это путешествіе до смерти Меѳодія). Во всякомъ случаѣ еще въ 885 году онъ явился къ Святополку съ дѣйствительнымъ, а не подложнымъ, какъ до сихъ поръ полагали[2]), письмомъ папы Стефана, въ которомъ выставлялось его, Викинга, правовѣріе, подвергалась строгому осужденію ересь и вообще вся дѣятельность Меѳодія, обращалось на него самого проклятіе, произнесенное имъ надъ Викингомъ, и послѣднему развязывались даже руки для дальнѣйшаго преслѣдованія ненавистнаго Нѣмцамъ славянскаго духовенства[3]). Святополкъ, и прежде оставлявшій Меѳодія безъ защиты, теперь менѣе, чѣмъ когда либо, былъ расположенъ отстаивать интере-

[1]) Къ послѣднимъ годамъ его жизни относятъ путешествіе въ Византію (весь вопросъ однако въ томъ, имѣетъ-ли это извѣстіе историческую достовѣрность). Успенскій, тамъ же, стр. 89.

[2]) Оно издано было Ваттенбахомъ (въ Beiträge zur Geschichte der Kristl. Kirche in Mähren, S. 43—47), который уже не отрицалъ возможности подделки его Викингомъ (S. 29). Сочли его подложнымъ потомъ и Эрбенъ (Regesta B. et M., I, 21), Büdinger (Oesterr. Gesch. I, S. 189), Ginzel (Gesch. d. Slavenapostel, S. 9), Dümmler (Gesch. d. Ostfr. R. II, S. 257) и другіе.

[3]) Подлинность этого письма теперь окончательно подтверждается новымъ документомъ въ лондонской коллекціи папскихъ писемъ, извлеченіе изъ которыхъ обнародовано Эвальдомъ. (Ewald, № 31, S. 408—410). Это *Communitorium Dominico episcopo*, *Johanni et Stephano presbiteris euntibus ad Sclavitos (Sclavos)*. Здѣсь въ инструкціяхъ, данныхъ этимъ легатамъ папою Стефаномъ, въ cap. XIII (p. 410) есть ссылка на это письмо Стефана къ Святополку. См. вышеприведенную статью о. Мартынова: Saint Méthode apôtre des Slaves etc. Paris, 1880 p. 20—25.

сы моравской церкви, такъ какъ политическія обстоятельства сблизили его съ Арнульфомъ и такимъ образомъ поставили опять подъ сильное вліяніе Нѣмцевъ. Между тѣмъ смерть Меѳодія дала рѣшительный и окончательный перевѣсъ противной сторонѣ. Викингъ и его партія, съ разрѣшенія Святополка, предприняли настоящее гоненіе на учениковъ и послѣдователей Меѳодія и вообще на все славянское духовенство. Они поставили себѣ цѣлію сломить во что бы то ни стало національную славянскую церковь, истребить всѣ слѣды дѣятельности славянскихъ апостоловъ — и снова подчинить Моравію нѣмецкой церкви. Это удалось имъ очень скоро, такъ какъ моравскій князь предоставилъ имъ полную свободу дѣйствія. Въ 886 году ученики Меѳодія: Горараздъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларій, Савва и Лаврентій, пробывъ нѣкоторое время въ заключеніи, были изгнаны изъ предѣловъ Моравіи и нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и сосѣднихъ земляхъ [1]).

Такимъ образомъ стараніями Нѣмцевъ и при содѣйствіи самого представителя моравскаго народа была дѣйствительно сломлена та сила, безъ которой дальнѣйшее національное, самостоятельное развитіе и политическій ростъ славянскаго княжества были совершенно немыслимы. И такъ уже, въ зависимости отъ римской церкви, почерпавшей все-таки отъ запада свою силу и политическое значеніе, не могло быть особенно прочно то зданіе, которое удалось построить Святополку и его предшественникамъ, благодаря счастливымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Можно даже считать вопросомъ, устояло ли бы Моравское княжество *и при своей славянской церкви* — въ виду всѣхъ тѣхъ отнюдь не благопріятныхъ для ея самостоятельности условій, которыя вытекали изъ ея отношеній къ Риму. Но по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ дѣло было еще далеко не испорчено. Теперь же, съ торжествомъ нѣмецкаго духовенства въ Моравіи, отнималась у Славянъ послѣдняя опора. Можетъ быть рука силь-

[1]) Vita S. Clementis, c. XIII, XIV.

наго, энергическаго и умнаго князя была бы еще способна нѣкоторое время поддерживать это зданіе, во всякомъ случаѣ еще не достроенное и уже расшатанное. Но и этого не случилось: событія приняли совершенно иной оборотъ, на этотъ разъ роковой для Моравскаго княжества. Исходъ ихъ могъ стать гибельнымъ и для самого моравскаго народа, для его національнаго бытія, и не только для него, но и для другихъ сосѣднихъ славянскихъ народностей (Чеховъ, Словенцевъ и др.)... Однако, какъ увидимъ вскорѣ, новыя неожиданныя событія, если и не предотвратили несчастія, т. е. паденія Моравскаго союза, то все же значительно ослабили его послѣдствія для всѣхъ дунайскихъ Славянъ.

Установившіяся послѣ 885 года добрыя отношенія между Арнульфомъ и Святополкомъ привели къ тому, что моравскій князь помогъ Арнульфу въ 887 году достигнуть королевской власти. По крайней мѣрѣ славянское вспомогательное войско, доставившее ему престолъ, едва-ли могло исходить отъ кого-либо иного, кромѣ Святополка [1]). Не менѣе вѣроятно и то, что послѣдній дѣлалъ это не безкорыстно (что тутъ было добровольное соглашеніе — несомнѣнно). Въ виду всего этого заслуживаетъ полнаго вниманія предположеніе, что Арнульфъ получилъ помощь Святополка цѣною уступки ему верховныхъ правъ на Чехію, что тогда именно Чехія, бывшая до тѣхъ поръ въ данническихъ отношеніяхъ къ Германіи, присоединилась къ Моравскому политическому союзу [2]). Тогда именно послѣдній достигъ своего наибольшаго расширенія. Сколько-нибудь точно опредѣлить его границы въ то время нѣтъ возможности. Несомнѣнно однако, что кромѣ Чехіи на западѣ, Паннонія на югѣ, къ нему добровольно примкнули или же были присоединены многія небольшія славянскія племена и земли на сѣверѣ (по Эльбѣ и Одеру) и на сѣверовостокѣ, въ сторону тогдашней Бѣлохорватіи (Константина Багря-

[1]) Ann. Fuld., a. 887.

[2]) Dudik, S. 290, 291; срав. Wimpeller, ibid., стр. 32.

нороднаго) и нынѣшней Галиціи. Возможно, что верховную власть моравскаго князя признавали тогда Славяне въ нынѣшнихъ Лужицахъ Силезіи и даже Поляки западной Галиціи[1]). На востокѣ въ предѣлы Моравіи входила земля нынѣшнихъ Словаковъ, но на центральную равнину между Дунаемъ и Тиссой, повидимому, не простиралась ни власть Мораванъ, ни Болгаръ.

Однако дружественныя отношенія между нѣмецкимъ королемъ и моравскимъ княземъ не могли быть прочны и искренни. Арнульфъ уже достигъ той цѣли, для которой ему необходимо было соединеніе съ Святополкомъ. Это ему стоило довольно дорого, такъ какъ имѣло результатомъ политическое усиленіе его естественнаго врага. Отнынѣ политика его должна была измѣниться: ему слѣдовало или окончательно забрать въ руки Святополка (въ чемъ ему до сихъ поръ помогалъ Викингъ), или вступить съ нимъ въ открытую борьбу. Первое было труднѣе, такъ какъ Святополкъ начиналъ понимать, къ чему можетъ повести дальнѣйшее сближеніе съ Нѣмцами, и сталъ болѣе чуждаться ихъ партіи въ Моравіи; притомъ же расширеніе его власти возбуждало его къ независимости и придавало болѣе силы и мужества. Такимъ образомъ разрывъ между нимъ и Арнульфомъ былъ неминуемъ. Нуженъ былъ только поводъ къ нему, и онъ не замедлилъ явиться, какъ скоро взаимное недовѣріе обѣихъ сторонъ достигло крайняго напряженія. Мирныя и даже наружно дружественныя отношенія между ними существовали еще въ 890 году, на съѣздѣ въ *Омунтесбергѣ* (въ Панноніи), гдѣ велись какіе-то переговоры [2]), о сущности которыхъ, къ сожалѣнію, мы почти не имѣемъ свѣдѣній. Очень можетъ быть, что Анульфъ еще старался поддержать миръ съ безпокойнымъ сосѣдомъ, въ виду той внѣшней опасности, которая съ другихъ

[1]) О зависимости сѣверныхъ *полабскихъ* Славянъ отъ Мораванъ говоритъ позднѣйшій лѣтописецъ Титмаръ Мерзебургскій (Pertz, SS. III, VI, 60): Boemii (т. е. Мораване) regnante Suetepulco duce quondam fuere principes nostri. Palacky, Dějiny (1862), 155. Вообще о предѣлахъ моравскаго союза см. Dudik, S. 311—317.

[2]) Ann. Fuld. 890.

сторонъ угрожала Германской державѣ. Это были съ одной стороны Норманны, частыя вторженія которыхъ требовали рѣшительныхъ мѣръ, съ другой — успѣвшіе уже проявить свою силу новые невѣдомые пришельцы съ востока, *Угры*, — обстоятельство, которое также заставляло призадуматься [1]). Вѣроятно Омунтесбергскіе переговоры Арнульфа и были вызваны между прочимъ этими обстоятельствами и имѣли цѣлью обезпечить себя со стороны Моравіи. Впрочемъ мы не беремся рѣшить, въ чемъ именно состояли эти переговоры [2]); достовѣрно лишь то, что съ тѣхъ поръ начались уже недоразумѣнія между Арнульфомъ и Святополкомъ, которыя первый старался всячески уладить, однако тщетно [3]). Въ 892 году Арнульфъ, возвратившись съ удачнаго похода противъ Норманновъ, пригласилъ моравскаго князя на свиданіе въ Восточную марку, вѣроятно желая еще испытать его миролюбивое настроеніе. Святополкъ обѣщалъ, но не явился. Такой дерзкій въ глазахъ Нѣмцевъ поступокъ не могъ остаться безъ отмщенія: онъ сталъ поводомъ къ рѣшительному разрыву. Арнульфъ началъ готовиться къ войнѣ и искать себѣ союзниковъ [4]).

Онъ заключилъ союзъ съ Брацлавомъ (Брячиславомъ), княземъ такъ называемой Савіи (посавской Хорватіи), и кромѣ того успѣлъ подговорить къ одновременному вторженію въ Моравію прославившихся тогда въ войнѣ съ Болгарами Угровъ, имя которыхъ впервые встрѣчается по этому случаю въ западно-европейскихъ анналахъ [5]). Слухъ о ихъ грозной силѣ не могъ конечно не возбудить нѣкоторыхъ опасеній и въ Арнульфѣ—за себя и за свою страну: эти опасенія могли занимать его, какъ справедливо предпо-

[1]) Dudik, S. 295.

[2]) Извѣстно только (Ann. Fuld. 890), что Святополкъ, исполняя просьбу папы Стефана, уговаривалъ Арнульфа предпринять походъ въ Италію, чтобы защитить ее отъ внѣшнихъ враговъ, чего Арнульфъ однакожъ не нашелъ возможнымъ исполнить. Dudik, S. 295.

[3]) Ann. Fuld. 891.

[4]) Ann. Fuld. 892.

[5]) Ann. Fuld. 892.

лагаютъ, уже на Омунтесбергскомъ съѣздѣ въ 890 году, т. е. вскорѣ послѣ начала угро-болгарской войны; но очевидно онъ еще далеко не сознавалъ настоящей опасности и считалъ болѣе необходимымъ и важнымъ обезпечить себя со стороны моравскаго князя и по возможности справиться съ этимъ врагомъ, успѣвшимъ черезъ-чуръ усилиться, благодаря счастливымъ для него обстоятельствамъ. Для этой цѣли Угры могли быть очень полезны, и соединеніе съ ними могло—такъ вѣроятно расчитывалъ Арнульфъ—предотвратить ихъ нападеніе на его собственныя земли.

Въ 892 году произошло одновременное вторженіе союзниковъ въ Моравію. Святополкъ, по обычаю, заперся въ укрѣпленіяхъ, предоставивъ часть страны разграбленію. Этимъ разграбленіемъ и ограничились успѣхи Арнульфа [1]). Онъ однако не оставилъ своего предпріятія. Въ томъ же году заключилъ союзъ съ Болгарами съ тѣмъ, чтобы они не снабжали Моравію солью [2]), и затѣмъ снова вторгся въ ея предѣлы, однако и на этотъ разъ не съ бóльшимъ успѣхомъ (893 г.) [3]). Мы видимъ изъ этого, что Святополкъ еще могъ сопротивляться. Въ этомъ Моравія была исключительно обязана военной тактикѣ и личной твердости своего

[1]) Разсказъ о неудачахъ Угровъ въ этомъ предпріятіи, о которыхъ говорятъ нѣкоторые ученые (Шафарикъ. Сл. Д. II, к. 2, стр. 305, срв. J. Záborský, Maďari pred opanovaním terajšej vlasti, Letopis Matice Slovenskej, Ročn. XI, Sv. 1, Turč. Sv. Martin, 1879, str. 54), есть слѣдствіе неправильнаго истолкованія лѣтописнаго извѣстія.

[2]) Ann. Fuld. 892. Это извѣстіе о соли само по себѣ очень любопытно. Обыкновенный и самый естественный источникъ снабженія солью Моравіи была несомнѣнно область нынѣшняго Зальцбурга и вообще баварскія соляныя копи. Это видно изъ извѣстнаго *Рафельштеттенскаго* торговаго договора, относящагося приблизительно къ 904 году. Этотъ соляной источникъ однако закрывался для нея, какъ скоро возникали враждебныя отношенія или открытая война Мораванъ съ Нѣмцами. Тогда Мораване, какъ видно изъ нашего извѣстія, обращались за солью (морской) въ Болгарію. Чтобы поставить ихъ въ еще большее затрудненіе, Арнульфъ въ 892 г. уговорилъ и Болгаръ не снабжать ихъ солью. Изъ того факта, что Моравія доставала соль изъ Болгаріи, можно придти между прочимъ къ тому заключенію, что трансильванскія соляныя копи, которыя разработывались еще въ римское время, и сѣверныя карпатскія не были извѣстны въ IX вѣкѣ; иначе Мораване конечно первые пользовались бы ими. Срав. Hunfalvy, ibid. S. 124—125.

[3]) Ann. Fuld. 893.

князя. Только эти благопріятныя условія и вообще твердое единовластіе могли еще спасти въ неравной борьбѣ моравское княжество, глубоко потрясенное разрушеніемъ національнаго дѣла Меѳодія, которое болѣе всего способно было пробуждать народное самосознаніе и духъ единенія. Святополкъ послѣдними годами своего княженія хотѣлъ какъ-бы загладить свои прежніе грѣхи. Во время его борьбы съ Арнульфомъ Нѣмцы, до тѣхъ поръ окружавшіе его, совсѣмъ повидимому притихли; Викингъ оставилъ Моравію и въ 893 году былъ сдѣланъ канцлеромъ Арнульфа. Но приближался моментъ, когда Моравія должна была лишиться своей послѣдней надежды, послѣдняго условія, при которомъ еще возможно было отстоять независимое политическое существованіе. Въ 894 году, послѣ 24-хлѣтняго княженія, умеръ Святополкъ[1]), оставивъ трехъ (по другимъ 2-хъ) сыновей и подѣливъ между ними власть,—на гибель страны своей. Соперничество, мелкая взаимная вражда и сравнительное ничтожество этихъ наслѣдниковъ неминуемо должно было привести княжество къ окончательному паденію и полному разложенію, а народъ моравскій подвергнуть всѣмъ послѣдствіямъ германскаго вліянія и связанной съ нимъ германизаціи. Какого еще сопротивленія и стойкости можно было ожидать отъ княжества безъ единой власти, волнуемаго распрею братьевъ за престолъ, доступнаго, вслѣдствіе того, болѣе чѣмъ когда-либо козням и интригамъ враговъ, лишеннаго уже той внутренней опоры, которую оно находило прежде въ самостоятельной церкви, однимъ словомъ политически и нравственно обезсиленнаго? Моравскій политическій союзъ былъ уже по всѣмъ признакамъ обреченъ на разрушеніе: оно было только вопросомъ времени. Какая затѣмъ участь ожидала моравскій народъ, представить себѣ довольно легко:

[1]) Ann. Fuld. 894. Фульдскій лѣтописецъ съ явной враждой и желчно отзывается о немъ: «Zuentibaldus, dux Maravorum, et vagina tocius perfidiae, cum omnes regiones sibi affines dolo et astucia perturbando, humanum sanguinem siciens circumiret, ultimum portando suos, ne pacis amatores, sed pocius inimici domesticis persisterent, diem ultimum clausit infeliciter». Регинонъ (894) называетъ его: «vir inter suos prudentissimus et ingenio callidissimus».

историческій опытъ въ этомъ отношеніи достаточно поучителенъ [1]), а потому было бы излишне пускаться въ подробное разъясненіе нашей мысли. Къ счастію однако для Мораванъ и другихъ славянскихъ народностей нынѣшней Австріи, естественное теченіе событій было нарушено. Нарушила его именно та сила, которую привлекли и направили Германцы противъ непокорныхъ имъ Славянъ и которой суждено было нанести послѣдній ударъ Моравскому княжеству. Сила эта, обрушившись затѣмъ на западную Европу, остановила надолго напоръ Нѣмцевъ на востокъ по Дунаю и тѣмъ самымъ оказала не маловажную услугу дунайскому и вообще юго-западному славянству, хотя несомнѣнно въ свою очередь причинила ему много бѣдствій и существенныхъ потерь. Силою этого была хищная *мадьярская орда*—новый неожиданный гость въ Европѣ и съ конца IX вѣка новый обитатель средне-дунайской территоріи. Глубокій переворотъ, произведенный Мадьярами въ этническомъ состояніи и судьбѣ дунайскихъ странъ, представляетъ собою одно изъ любопытнѣйшихъ явленій средневѣковой исторіи германской и славянской Европы, истинный смыслъ котораго, по нашему убѣжденію, донынѣ еще не былъ въ достаточной мѣрѣ разъясненъ, достаточно безпристрастно и вѣрно понятъ исторической критикой, по крайней мѣрѣ большинствомъ историковъ западнаго славянства.

4.

Чтобы обрисовать картину политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ къ концу IX вѣка по возможности полнѣе и вѣрнѣе, мы должны имѣть въ виду не одни успѣхи германскаго оружія и германской внѣшней политики, но и успѣхи той *мирной*, но по-

[1]) Довольно вспомнить о судьбѣ тѣхъ нѣкогда славянскихъ земель, въ которыхъ Нѣмцамъ, путемъ упорной и безпощадной войны и угнетенія непокорныхъ туземцевъ, удалось окончательно утвердить свое господство и онѣмечить населеніе, — о судьбѣ Славянъ *полабскихъ*, *балтійскихъ*, *восточно-альпійскихъ* и другихъ.

слѣдовательной дѣятельности Нѣмцевъ, которая вела къ тѣмъ же политическимъ цѣлямъ и состояла въ распространеніи ихъ культурнаго вліянія всѣми возможными путями (напр. религіозной пропагандой, подавленіемъ славянскаго населенія и отнятіемъ у него земли, дѣятельной колонизацией и проч.). Результатомъ этой дѣятельности была съ одной стороны постепенная германизація Славянъ, жившихъ разрозненно и одиноко посреди нѣмецкихъ владѣній, съ другой—сѣянье смуты и несогласій и даже образованіе сильной нѣмецкой партіи у сосѣднихъ, политически самостоятельныхъ Славянъ, какъ это было, напримѣръ, при дворѣ князя Святополка, гдѣ мы находимъ въ Викингѣ самаго яраго и преданнаго своимъ политическимъ цѣлямъ дѣятеля на этомъ поприщѣ.

Мы уже видѣли результаты этой политики въ исторіи постепеннаго разложенія и упадка Моравскаго княжества, — намъ остается взглянуть на то, чего достигла нѣмецкая культурная дѣятельность *въ теченіе IX вѣка* на территоріи Славянъ восточноальпійскихъ и паннонскихъ. Единственный источникъ, представляющій нѣкоторыя данныя для заключеній по этому вопросу, суть немногочисленныя, впрочемъ, грамоты и документы IX вѣка, по которымъ можно кое-какъ прослѣдить постепенный ходъ нѣмецкой колонизаціи въ этихъ земляхъ. Разумѣется при этомъ нельзя расчитывать на точность выводовъ: они могутъ дать только приблизительное понятіе о дѣйствительномъ положеніи вещей къ концу IX вѣка. Эти приблизительные выводы, для которыхъ матеріалъ до извѣстной степени уже собранъ, мы и намѣрены изложить здѣсь вкратцѣ [1]).

Едва Франки стали твердой ногой во вновь завоеванномъ краѣ, какъ уже началось въ немъ значительное колонизаціонное движеніе нѣмецкаго (преимущественно баварскаго) племени; оно

[1]) Мы основываемся на изслѣдованіяхъ г. Кеммеля, который въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Die Anfänge deutsch. Lebens in Oesterreich», Leipz. 1879, обстоятельно разобралъ этотъ вопросъ. S. 244—278. См. нашу рецензію на это сочиненіе, Ж. М. Н. Пр. 1880 г. апрѣль.

все усиливалось по мѣрѣ того, какъ земля переходила въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, церквей и монастырей, которыхъ первымъ дѣломъ было привлеченіе своихъ колонистовъ не только въ не обработанные и не населенные еще края, но и въ такіе, гдѣ земля была въ рукахъ славянскихъ поселенцевъ. Впрочемъ, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ, территоріальныхъ условій и случайныхъ причинъ, нѣмецкая колонизація распредѣлялась крайне неравномѣрно. Въ большинствѣ случаевъ она устремлялась первоначально на почву уже воздѣланную, часто располагалась въ старыхъ культурныхъ центрахъ, примыкая то къ остаткамъ древняго романскаго населенія, то къ славянскимъ поселенцамъ, и уже затѣмъ распространялась въ мѣстности менѣе воздѣланныя и запущенныя, гдѣ предстояла не малая борьба съ природой. Во всѣхъ областяхъ новой нѣмецкой территоріи, въ Восточной маркѣ, такъ называемой Карантаніи и Панноніи, нѣмецкая колонизація имѣла свой особый характеръ и зависѣла отъ мѣстныхъ этническихъ и историческихъ условій.

Въ *Восточной маркѣ* она достигла самыхъ значительныхъ и быстрыхъ результатовъ, благодаря тому, что эта страна, будучи сравнительно мало заселена Славянами, представляла широкій просторъ колонизаціонному движенію; къ тому же въ ней было не мало остатковъ старинныхъ римскихъ центровъ, которые привлекали къ себѣ новыхъ поселенцевъ и на которыхъ въ свою очередь возникали средоточія нѣмецкой культурной жизни, политическаго и церковнаго управленія. Очень много нѣмецкихъ поселеній возникло здѣсь уже въ первой половинѣ IX вѣка (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ [1]). Такимъ образомъ германизація Вос-

[1]) На р. Ипсѣ—*Ipusa*, упом. впервые въ 837 г. (соотвѣтствуетъ римской колоніи: ad pontem Ises); здѣсь очень рано возникли нѣмецкія поселенія на королевскихъ земляхъ. Архіеп. Адальрамъ (821—836) уже построилъ здѣсь церковь. На р. Эрлафѣ—*Herilungoburch* (837) и *Herilungeveld* (853), гдѣ очень раннія нѣмецкія поселенія смѣнились славянскими и гдѣ потомъ опять, съ переходомъ земли къ Регенсбургу, водворились Нѣмцы. Рано Нѣмцы расположились при устьѣ р. *Bielach*. Затѣмъ на Дунаѣ встрѣчается мѣстечко *Hollenburg*, далѣе въ мѣстности *Tullner-Feld* (Traismauer), на сѣв. отъ Дуная (Puchenau 811, Kestinberg 827) и проч. Kaemmel, ibid., S. 245—252, 253 и слѣд.

точной марки не могла потребовать особенныхъ усилій, и надо полагать, что къ концу IX вѣка нѣмецкій элементъ въ ней значительно преобладалъ надъ всѣми другими. Въ ея топографической номенклатурѣ мы видимъ уже въ ту эпоху весьма замѣтное преобладаніе нѣмецкихъ названій [1]), возникшихъ не на мѣстѣ прежнихъ славянскихъ и романскихъ (которыя обыкновенно передавались новымъ поселенцамъ), а совершенно самостоятельно, при разработкѣ и колонизаціи еще вовсе невоздѣланныхъ территорій.

Среди иныхъ условій происходило нѣмецкое колонизаціонное движеніе въ *Карантаніи* (нынѣшней Штиріи и Каринтіи). Здѣсь славянскія поселенія были гораздо многочисленнѣе, а потому и земля была большею частію обработана. Тѣмъ не менѣе и сюда направилась значительная колонизація, такъ какъ разумѣется среди славянскихъ поселеній было еще много свободнаго мѣста. Новымъ колонистамъ—Нѣмцамъ приходилось такимъ образомъ располагаться въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Славянами, причемъ конечно крупные землевладѣльцы, призывавшіе ихъ на свои новыя помѣстья, устраивали ихъ наивыгоднѣйшимъ образомъ — насчетъ угнетаемыхъ ими туземцевъ. Мѣстныя славянскія названія, по мѣрѣ возобладанія нѣмецкаго элемента, не исчезали, но принимали нѣмецкую форму, вслѣдствіе чего чисто-нѣмецкихъ названій здѣсь было несравненно менѣе. Что касается распредѣленія нѣмецкихъ поселеній въ Карантаніи, то оно и здѣсь, какъ и повсюду, отличалось большою неравномѣрностью: въ нынѣшней Штиріи нѣмецкая колонизація была вообще слабѣе, чѣмъ въ Каринтіи, особенно въ долинѣ рѣки Энжи. Въ Каринтіи ея средоточіемъ была мѣстность около Клагенфурта; на югъ, за рѣку Драву она почти вовсе не простиралась: тамъ уже начинался аквилейскій церковный округъ [2]). Къ концу IX вѣка германизація этихъ областей была такъ-же, какъ и въ Вос-

[1]) Kaemmel, ibid., S. 277.

[2]) Ibid., S. 260—269, 277.

точной маркѣ, въ полномъ ходу. Со стороны туземнаго славянства нельзя было ждать сопротивленія этой возраставшей силѣ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ довольно отличномъ отъ другихъ областей положеніи была *Паннонія* относительно нѣмецкой колонизаціи. Только въ нѣкоторой части этой страны (въ Верхней Панноніи) она шла своимъ естественнымъ и постепеннымъ ходомъ. Въ Нижней Панноніи, судьба которой сложилась въ IX вѣкѣ совершенно исключительнымъ образомъ, и колонизаціонная дѣятельность Нѣмцевъ должна была имѣть исключительный характеръ. Образованіе славянскаго княжества Прибины и Коцела не могло не задержать поступательнаго движенія Нѣмцевъ на востокъ (хотя оба эти князя, въ особенности первый, относились довольно сочувственно къ нѣмецкимъ колонистамъ), а развитіе самостоятельной славянской церкви и дѣятельность Меѳодія нанесли еще болѣе чувствительный ударъ германскимъ интересамъ въ Панноніи. Нужны были упорство и послѣдовательность Нѣмцевъ съ одной стороны, уступчивость и пристрастіе Славянъ къ чужеземному — съ другой, чтобы, несмотря на возникавшія препятствія, могли быть достигнуты тѣ результаты, которые замѣчаются здѣсь къ концу вѣка. Еще Прибина, находясь въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Людовику Нѣмецкому, нашелъ полезнымъ привлечь къ себѣ, въ окрестности Блатенскаго озера нѣмецкихъ колонистовъ. Эти колонисты водворялись большею частію вокругъ церквей, о размноженіи которыхъ Нѣмцы особенно заботились, и притомъ на земляхъ, которыя пріобрѣтали баварскіе монастыри и епископы. Такія колоніи служили большой опорой нѣмецкому вліянію въ Панноніи и распространенію нѣмецкой культуры. Дѣятельность Меѳодія и церковное обособленіе Паннонскаго княжества могли только временно задержать развитіе нѣмецкой колонизаціи. Въ 874 г. (по смерти Коцела) Нижняя Паннонія опять отошла въ руки Нѣмцевъ и, какъ мы знаемъ, оставалась подъ ихъ властью въ теченіе 10 лѣтъ, до 884 года, когда была уступлена Святополку. Эти десять лѣтъ прошли разумѣется не даромъ для антиславянскихъ

интересовъ. Нѣмцы успѣли еще болѣе укорениться въ странѣ, и въ эпоху паденія Моравскаго княжества германизаціи всего края было повидимому уже положено прочное основаніе [1]). Между тѣмъ въ Верхней Панноніи постепенная колонизація происходила безъ особенныхъ препятствій, и въ концѣ вѣка, до опустошительныхъ вторженій въ нее Святополка моравскаго (883—884), край этотъ былъ сравнительно въ цвѣтущемъ положеніи. Нѣмецкія поселенія были болѣе многочисленны въ отрогахъ Штирійскихъ горъ, гдѣ они примыкали къ романскимъ остаткамъ, и по верхнему теченію Рааба. На самомъ Дунаѣ они были гораздо рѣже [2]). Въ своемъ движеніи на востокъ, въ сѣверной Панноніи Нѣмцы успѣли однако дойти приблизительно только до рѣки Рааба; на востокъ отъ нея они почти не проникали: тамъ по крайней мѣрѣ не оказывается въ ту эпоху никакихъ нѣмецкихъ топографическихъ названій. Съ ослабленіемъ моравскаго политическаго союза послѣ смерти Святополка можно было ожидать, конечно, только болѣе быстраго и успѣшнаго движенія нѣмецкой колонизаціи на среднемъ Дунаѣ и въ восточно-альпійскихъ областяхъ. Славянское населеніе было почти повсемѣстно въ служебномъ, а въ очень многихъ мѣстахъ даже въ крѣпостномъ состояніи у крупныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, на которыхъ оно принуждено было работать. Нѣмецкіе управители отъ высшихъ до низшихъ во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ жизни естественно покровительствовали своимъ колонистамъ и угнетали туземцевъ. Нѣмецкая церковь и духовенство пользовались своимъ нравственнымъ вліяніемъ, чтобы всѣми средствами прививать грубымъ славянскимъ земледѣльцамъ германскую культуру, отучая ихъ отъ всего своего, національнаго, и пріучая къ нѣмецкому образу жизни, нра-

[1]) Въ грамотахъ того времени находятся въ Нижней Панноніи 21 нѣмецкихъ мѣстныхъ названій и 8 славянскихъ. Kaemmel, S. 295. Если на основаніи этихъ данныхъ позволительно судить объ отношеніи національностей, то такое сопоставленіе весьма краснорѣчиво.

[2]) Kaemmel, S. 277, 278.

вамъ, понятіямъ, языку, ко всему домашнему и общественному быту Нѣмцевъ, однимъ словомъ всѣми силами ихъ онѣмечивая. Въ концѣ IX вѣка, правда, территорію западной части Панноніи, Восточной марки и Карантаніи въ этническомъ отношеніи еще нельзя было назвать нѣмецкою; славянскій элементъ населенія былъ, разумѣется, для этого еще слишкомъ значителенъ, но при безпрепятственномъ продолженіи того процесса, который былъ тогда уже въ полномъ ходу, неминуемо должно было настать, и притомъ не въ столь отдаленномъ будущемъ, время, когда ничто болѣе не мѣшало бы Нѣмцамъ называть эти области *своими* во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. въ политическомъ, культурномъ и наконецъ этническомъ. Всю Паннонію несомнѣнно ожидала такая же участь. Но что же затѣмъ способно было удержать Нѣмцевъ отъ дальнѣйшаго движенія на востокъ? Существовала ли по ту сторону средняго Дуная (по направленію къ Тиссѣ) сила, которая была бы въ состояніи оказать надлежащій отпоръ завоевательно-колонизаціоннымъ сремленіямъ Германцевъ? Центральная угорская низменность по обѣ стороны р. Тиссы была населена чрезвычайно слабо: только на восточныхъ и сѣверныхъ ея окрайнахъ можно предполагать, какъ мы видѣли, болѣе значительныя славянскія поселенія, а на ея пустынныхъ равнинахъ держались развѣ только немногочисленные остатки Аваровъ. Между Дунаемъ и Тиссою владѣнія Болгаръ съ одной стороны и Моравскаго княжества—съ другой едва-ли гдѣ либо соприкасались. Было бы неосновательно думать, что силы этихъ двухъ народностей могли задержать германское завоевательное движеніе. Мы знаемъ, въ какое безпомощное положеніе пришла Моравія послѣ смерти Святополка; намъ извѣстно также, что политическіе интересы Болгаръ были далеки отъ славяно-германской распри на среднемъ Дунаѣ,—они были сосредоточены на Балканскомъ полуостровѣ и были направлены совершенно въ противоположную сторону, да и во всякомъ случаѣ Болгарское княжество не было довольно могущественно, чтобы защищать свои далекія задунайскія владѣнія отъ сколько-нибудь рѣшительнаго враждебнаго

натиска. Наконецъ между Моравами и Болгарами никогда не было искренно дружественныхъ отношеній въ дѣлахъ политическихъ, и Нѣмцы, какъ извѣстно, почти всегда успѣвали привлекать Болгаръ въ союзъ противъ Моравянъ. Такимъ образомъ все это утверждаетъ насъ въ мысли, что до появленія новой силы на дунайской равнинѣ ничто не могло положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію (вмѣстѣ съ колонизаціей) политическаго господства Нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, и что только внезапное *вторженіе Мадьяръ* въ дунайскую равнину и ихъ поселеніе на самомъ пути германскихъ завоеваній способно было остановить это послѣдовательное движеніе германства внизъ по Дунаю со всѣми его роковыми для западныхъ Славянъ послѣдствіями.

Оцѣнить мадьярскій погромъ съ этой, кажется, вполнѣ естественной, точки зрѣнія—требуетъ справедливость и безпристрастіе. А при такой постановкѣ вопроса для каждаго должно быть ясно, можно ли дѣйствительно, не жертвуя правдою, приписывать этому историческому явленію въ исторіи западнаго славянства то исключительно, безусловно пагубное для Славянъ значеніе, какое въ немъ привыкло усматривать большинство и славянскихъ и чужихъ историковъ.

III.

МАДЬЯРЫ: ИХЪ ВЫСЕЛЕНІЕ И СТРАНСТВОВАНІЕ ДО ВОДВОРЕНІЯ НА СРЕДНЕМЪ ДУНАѢ.

1. Народность Мадьяръ. 2. Ихъ первоначальная родина. 3. Выселеніе и пребываніе въ южныхъ степяхъ Россіи. 4. Переселеніе на нижній Дунай, въ нынѣшнюю Бессарабію и Молдавію («Ателькузу»). 5. Союзъ съ ними Грековъ и Угро-болгарская война.

Въ то время, какъ борьба Моравскаго княжества съ Нѣмцами принимала все болѣе угрожающій и опасный для дунайскихъ Славянъ характеръ, не смотря на ихъ временные и иногда довольно значительные успѣхи, на обширныхъ равнинахъ восточной Европы совершались событія, которыя своими послѣдствіями должны были оказать самое рѣшительное вліяніе на судьбу придунайскихъ странъ и на конечный результатъ происходившей тамъ международной распри. Выступалъ на историческое поприще новый, дотолѣ невѣдомый народъ, которому суждено было играть первостепенную роль въ исторіи западнаго славянства, да и вообще всей западной Европы. Это была, по любимому выраженію нѣмецкихъ историковъ, «послѣдняя волна великаго переселенія народовъ», надѣлавшая столько шуму въ Европѣ и произведшая въ этнологическихъ и политическихъ отношеніяхъ придунайскихъ народовъ величайшій по своему значенію переворотъ.

Мадьяры занимаютъ насъ, конечно, прежде всего по своему положенію въ славянскомъ мірѣ, но и сами по себѣ они представляютъ явленіе настолько любопытное и исключительное въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ, что заслуживаютъ съ научной стороны самаго внимательнаго изученія и у насъ, несравненно бóльшаго, чѣмъ имъ удѣляли до сихъ поръ вообще славянскіе и въ частности — русскіе ученые.

Несмотря на все, что уже сдѣлано наукой въ области мадьярскихъ древностей, послѣднія представляютъ еще бездну темнаго и загадочнаго, такъ что исторіи въ союзѣ съ лингвистикою и археологіею предстоитъ еще много спеціальныхъ трудовъ, чтобы достигнуть окончательныхъ и точныхъ результатовъ, даже по такимъ основнымъ вопросамъ, каковы вопросы: о происхожденіи Мадьяръ, ихъ первоначальной родинѣ, путяхъ переселенія въ новыя жилища, о ихъ характерныхъ народныхъ особенностяхъ на первобытной ступени культурнаго развитія и проч. Все это предметы, которыхъ не можемъ обойти и мы, повѣствуя о водвореніи Мадьяръ на Дунаѣ, но конечно для насъ не всѣ они имѣютъ одинако-важное значеніе, нѣкоторые отступаютъ на второй планъ, а потому мы въ правѣ коснуться ихъ лишь настолько, насколько того требуетъ полнота изложенія нашего главнаго предмета.

1. Народность Мадьяръ.

До сихъ поръ нѣтъ возможности опредѣлить съ нѣкоторою точностью, когда Марьяры или Угры стали извѣстны культурному европейскому міру подъ этими именами. Всѣ сближенія послѣднихъ съ разными народными именами, передаваемыми древними латинскими и греческими писателями, суть не болѣе какъ догадки, часто остроумныя, но всегда довольно сомнительныя. Въ этомъ отношеніи намъ не даютъ достаточной опоры для вполнѣ достовѣрныхъ заключеній ни *Унугуры* (Hunugari, Hunuguri)

Іорнанда (VI в.), ни *Огуры* (Угуры) или *Огоры* Өеофилакта Симокатты (VII в.), ни различныя другія еще гораздо ранѣе встрѣчающіяся названія, въ которыхъ искали и ищутъ слѣдовъ имени Угровъ [1]).

Изъ всѣхъ этихъ предполагаемыхъ предковъ Мадьяръ *Унугуры* Іорнанда до послѣдняго времени обращали на себя особенное вниманіе ученыхъ, хотя уже мадьярскій историкъ Фесслеръ въ началѣ нынѣшняго столѣтія замѣтилъ, что въ этомъ народѣ нельзя видѣть Угровъ, а скорѣе либо Гунновъ, либо Аваровъ, такъ какъ о Мадьярахъ Іорнандъ не могъ-де еще ничего знать [2]). Извѣстный мадьярскій этнографъ Гунфальви, усматривая имя Угровъ въ Унугурахъ, находитъ возможнымъ предположить при этомъ, на основаніи состава этого послѣдняго слова (Hunugur)— если только вполнѣ довѣрять тексту, что Іорнандъ сближалъ съ этимъ народомъ и Гунновъ, т. е. какъ-будто причислялъ Гунновъ тоже къ Санграмъ [3]). Наконецъ сравнительно-филологическія изслѣдованія привели въ наше время одного финскаго ученаго къ толкованію именъ Унугуровъ и нѣкоторыхъ другихъ, повидимому, однородныхъ племенъ, какъ напр. Утигуровъ, Кутригуровъ, Куціагуровъ, Сарагуровъ и др. звуками уральскихъ нарѣ-

1) Такихъ слѣдовъ искалъ напр. Фейеръ (Fejér) въ показаніяхъ Геродота (Aborigines et incunabula Magyarorum etc., Budae, 1840, p. 85); другіе приводятъ свидѣтельства Приска (ed Bonn. p. 158, 161) о Сарагурахъ (Σαράγουροι), Урогахъ (Οὔρωγοι) и Оногурахъ Ὀνόγουροι), которыхъ вытѣснили изъ ихъ мѣстожительства Сабиры. Срв. Czoenig, Ethnographie der Oesterr. Monarchie, Wien, 1855, B. II, S. 46—47. Сюда относится еще свидѣтельство старой хроники гор. Дербента объ основаніи въ VI в. какимъ-то племенемъ Монгольской орды города *Мадшара* (Маджара) на сѣверъ отъ Кавказскаго хребта, близь р. Кумы. Однако сближеніе этого города съ именемъ Мадьяръ не имѣетъ другого основанія, какъ только подобіе звуковъ. Подобіе же это слѣдуетъ считать совершенно случайнымъ, и ни о какомъ дѣйствительномъ соотношеніи между Мадьярами и г. Маджаромъ не можетъ быть рѣчи — уже потому, что самое названіе этого города—имя несобственное, и значитъ (на татарск. языкѣ) «развалины»: Маджаръ былъ разрушенъ Тамерланомъ; остатки его и до нынѣ еще можно видѣть около р. Кумы.

2) Fessler. Die Gesch. d. Ungern u. ihrer Landsassen, T. I, Leipz. 1815, S. 174.

3) Hunfalvy, Etnogr. v. Ung., S. 172 (Срв. еще Rösler, Rom. St., S. 260).

чій финно-угорской группы [1]). Но всѣ эти и подобныя сопоставленія остаются пока въ области однихъ лишь гаданій, и потому не могутъ имѣть особенно важнаго значенія.

Первыя *несомнѣнныя* извѣстія объ Уграхъ, хотя и безъ обозначенія ихъ собственнаго народнаго имени, относятся только къ концу IX и къ началу X в., т. е. къ тому времени, когда они уже выступили на сцену историческихъ событій въ восточной Европѣ и вошли въ столкновеніе съ другими ея народами. Между византійцами первый, писавшій о Мадьярахъ и назвавшій ихъ «Турками» (Τοῦρκοι), былъ, сколько намъ извѣстно, имп. Левъ VI Мудрый (886—912), заключившій съ ними союзъ противъ Болгаръ[2]). Имя *Угры* (кромѣ западн. лѣтописей съ конца IX в.) находимъ нѣсколько позднѣе у двухъ византійцевъ: Продолжателя хроники Георгія Амартола и Льва Грамматика (Οὔγγροι, въ болг. редакц. хр. Сим. Логоѳета Вѫгры) [3]), называющихъ Мадьяръ еще и «Турками» и «Гуннами», какъ ихъ называли византійцы и послѣ [4]).

Изъ славянскихъ источниковъ объ *Уграхъ* упоминаетъ, кажется, впервые Панн. Житіе Константина Философа (относимое къ перв. пол. X в.), подвергшагося, какъ извѣстно, нападенію Угровъ въ Крыму, на своемъ пути къ Хозарамъ[5]). Слѣды же имени «Мадьяръ» встрѣчаются въ первый разъ у Константина Багрянороднаго въ названіи одного изъ мадьярскихъ племенъ «Мегера» (Μεγέρη)[6]) и у арабскихъ писателей, напр. у Ибнъ-Дасты (н. X в.), который имя Мадьяръ передаетъ въ формѣ «Моджгаръ» [7]).

[1]) Европеусъ въ Suomi, 1868, журналѣ общества финск. литературы въ Гельзингф.; въ ст. «Къ вопросу о народахъ обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія туда Славянъ» Ж. М. Н. Пр., іюль 1868, стр. 66. Его же «Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средн. и сѣв. Россіи etc. Спб. 1874, стр. 3, 4.

[2]) Imp. Leonis Tactica (ed. Meursius) c. 18, p. 289—292.

[3]) Объ отношеніи этихъ хроникъ другъ къ другу см. ниже.

[4]) Georg. Amart. изд. Муральта, p. 725 (Οὔγγροι, Οὖννοι); Leo Grammat. Ed. Bonn, p. 232. У византійцевъ заимствовалъ названіе «Турковъ» и западный лѣтописецъ Ліудпрандъ.

[5]) Бодянскаго: Собраніе памятниковъ; Кириллъ и Меѳодій, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р. 1863, кн. 2, стр. 12.—Vita Constantini, c. VIII.

[6]) De Admin. Imp., c. 40, p. 172. Встрѣчающееся у Конст. имя Μάζαροι— явная ошибка вм. Χάζαροι.

[7]) Хвольсонъ. Извѣстія о Хозарахъ и пр. Ибнъ-Дасты, стр. 25, 103 и др.

Что касается употребленія того и другого имени, то *Мадьярами* (Magyar) издавна называлъ себя самъ народъ, а Уграми (ѫгри, оугри, польск. ф. Венгры) прозывали ихъ, кажется, искони Славяне (русскіе), отъ которыхъ уже затѣмъ заимствовали это имя и западные народы. Латинскій и германскій западъ сталъ называть ихъ Ungri, Ungari, Hungari, Onogari и т. п. (по недоразумѣнію даже однажды Agareni), а Византійцы — Τοῦρκοι [2]), рядомъ съ гораздо менѣе употребительнымъ Οὖγγροι (также Οὖννοι).

То, что было сказано нами о шаткости догадокъ при отыcканіи слѣдовъ имени Угровъ-Мадьяръ въ древнихъ писаніяхъ, въ той же мѣрѣ примѣнимо къ большей части сдѣланныхъ попытокъ истолковать эти имена, найти ихъ корень и первоначальное значеніе. Было бы совершенно излишне приводить здѣсь всѣ когда-либо предложенныя разнообразныя и часто весьма замысловатыя толкованія ихъ, такъ какъ большинство рѣшительно не выдерживаетъ критики[3]). Болѣе правдоподобны (такъ какъ построены на дѣйствительно научныхъ основаніяхъ) новѣйшія объясненія, къ которымъ мы еще вернемся. Во всякомъ случаѣ корня имени «Мадьяръ» всего естественнѣе, кажется, искать или въ самомъ мадьярскомъ языкѣ (Томашекъ)[4]), или въ другихъ родственныхъ уральскихъ нарѣчіяхъ финскаго языка [5]).

Что же касается имени *Угры*, то несомнѣнно только то, что оно находится въ непосредственномъ родствѣ съ нашею «Югрою» и «Югричами» русскихъ лѣтописей, съ именемъ народа, къ которому принадлежали предки нашихъ Вогуловъ, Остяковъ и ихъ

[2]) У Льва Мудраго, Константина Багрянороднаго, Өеофана Продолжателя, Кедрина, Зонары и др. (изъ западныхъ лѣтописцевъ у Ліудпранда).

[3]) Заслуживаютъ упоминанія толкованіе Фесслера имени Мадьяръ отъ Mag, зерно, или Magas, высокій («высокіе люди»), а *Угры* отъ Ugor, Ogur, Oegur, тоже «высокій» (остяцкій яз.) Fessler, Gesch., S. 174. Цейсъ (Die Deutschen, 748) предполагалъ, что корень им. Мадьяръ имѣлъ когда-то значеніе «разсказывать, объяснять» (нын. глаголъ magyarazni): аналогія съ им. *Славянъ* и *Нѣмцевъ* (Deutsche). См. еще объясненія у Czörnig (Ethnogr., S. 49, пр.); Sayous, Les Origines de l'histoire des Hongrois, Paris, 1874, p. 5, 6.

[4]) Tomašek (рец. на кн. Рёслера), Zeitschr. für Oesterr. Gymn. B. XXIII S. 151.

[5]) Roesler, Rom. Stud., S. 158, 159.

родичей [1]), и что оно имѣетъ также прямую связь съ нѣкоторыми географическими названіями въ предѣлахъ Россіи (напр. р. Угра, р. Угринъ въ *Кн. Б. Ч.*). Предоставляя себѣ ниже еще вернуться къ имени Угровъ, переходимъ къ вопросу о народности послѣднихъ.

Сравнительно-лингвистическими изслѣдованіями наука пришла уже довольно давно къ признанію *финскаго*, или болѣе точно *восточно-финскаго* (финно-уральскаго) происхожденія Мадьяръ. Это положеніе стало съ нѣкоторыхъ поръ уже общепризнаннымъ и окончательнымъ ея достояніемъ.

Дознано ближайшее родство мадьярскаго языка съ языками пріуральскихъ Вогуловъ и Остяковъ, современныхъ представителей нѣкогда обширнаго финно-угорскаго племени, дознано вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе въ этомъ языкѣ (кромѣ другихъ разнородныхъ элементовъ) значительныхъ элементовъ языка *турецкихъ* [2]) народностей, въ близкомъ сосѣдствѣ и подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ которыхъ когда-то очевидно жили Угры. Эти турецко-татарскія черты въ языкѣ, исторіи и нѣкоторыхъ сторонахъ жизни Мадьяръ сказываются настолько сильно, что есть ученые, считающіе Мадьяръ, ихъ языкъ и древнюю культуру просто результатомъ смѣшенія финно-угорскихъ элементовъ съ турецко-татарскими (Вамбери [3]).

[1]) Извѣстно, что нынѣшнихъ Вогуловъ и Остяковъ Зыряне (и Вотяки) называютъ до сихъ поръ Jögra, мн. ч. Jögrajass. см. Roesler, ibid., S. 156, пр. 2; Европеусъ, Объ угор. народѣ, стр. 1.

[2]) Принимаемъ терминъ «турецкій» вмѣсто ничѣмъ не оправдываемаго, изчуже безъ надобности заимствованнаго и странно звучащаго слова «*тюркскій*».

[3]) Vámbéry. Die primitive Cultur des türko-tatar. Volkes auf Gr. sprachl. Forschungen. Leipz. 1879. По нѣсколько отличному отъ другихъ мнѣнію ак. Куника первобытные *Магары* (Magyar — Мадьяръ) — *торкское* (т. е. турецкое) или можетъ быть хозаро-торкское племя (бывшее когда-то подъ вліяніемъ какого-то иранскаго племени), которое, подчинивъ себѣ многочисленное *финское* племя, впослѣдствіи сохранилось только въ знати и господствующей династіи и приняло языкъ финскій (Ученые Зап. Ак. Н. т. III, 1855, стр. 728—729). Однако наши историческія данныя даютъ, какъ увидимъ, нѣсколько иное освѣщеніе отношенію турецкой стихіи къ финскому племени въ перво-

Понятно, что въ такомъ случаѣ для опредѣленія народности Мадьяръ всего пригоднѣе былъ бы терминъ «турецко-финскаго» народа (въ смыслѣ смѣшенія, а не родства этихъ элементовъ).

Вопросъ о народности Мадьяръ съ давняго времени былъ предметомъ оживленныхъ споровъ и старательныхъ, неутомимыхъ изысканій. Мадьяры съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ семью европейскихъ народовъ, представлялись взорамъ простыхъ наблюдателей и людей науки—въ высшей степени любопытнымъ явленіемъ. Въ среду стародавнихъ обитателей Европы явился народъ, съ одной стороны успѣвшій скоро развиться въ довольно значительную народность и завоевавшій себѣ видную роль въ системѣ европейскихъ государствъ, а съ другой стороны—совершенно своеобразный по языку и типу, чуждый всѣмъ своимъ сосѣдямъ и вообще всѣмъ народамъ Европы, непомнящій своего происхожденія и родины, однимъ словомъ, казавшійся «безъ роду и племени».

Естественно, съ возрастаніемъ живого интереса къ мадьярской народности, росло и стремленіе къ разрѣшенію этой этнологической загадки. Какъ національные мадьярскіе, такъ и иноземные ученые занимались ею, но разумѣется самихъ Мадьяръ этотъ вопросъ занималъ по преимуществу. Путешествія съ цѣлью отысканія слѣдовъ родины и родичей Угровъ начались очень рано (уже въ XIII в.) [1]) и продолжались до позднѣй-

бытную эпоху исторіи Мадьяръ. Мы не находимъ основанія къ предположенію именно *покоренія* Финновъ торкскимъ или хозаро-торкскимъ племенемъ, какъ полагаетъ г. Куникъ.

[1]) См. извѣстное сочиненіе мон. Рихарда: De facto Ungariae Magnae a fratre Richardo etc. (Endlicher, Mon. Arp. p. 248) XIII в., гдѣ разсказывается, что Доминиканскіе монахи, узнавъ изъ мадьярскихъ хроникъ о существованіи еще *Великой Угріи*, откуда вышли семь мадьярскихъ вождей со своимъ народомъ, послали путешественниковъ отыскивать на востокѣ своихъ языческихъ родичей. Когда это предпріятіе не удалось, кор. Бѣла IV снарядилъ другихъ монаховъ и направилъ ихъ черезъ Константинополь. Изъ нихъ только одинъ монахъ Юліанъ достигъ извѣстныхъ результатовъ: побывалъ въ Волжской Болгаріи и нашелъ народъ, говорившій на языкѣ, понятномъ для Мадьяръ (Endlicher, ibid., p. 252).

шаго времени [1]). Благодаря имъ, мадьярскіе ученые давно пришли къ предположенію своего родства съ нѣкоторыми финноуральскими племенами. Но долго это мнѣніе встрѣчало съ разныхъ сторонъ отпоръ и горячо оспаривалось очень многими, такъ что временно имѣли преобладаніе различные другіе взгляды, въ которыхъ однако, вслѣдствіе недостатка твердыхъ научныхъ основаній у ихъ защитниковъ, господствовали произволъ и фантазія. Лишь съ тѣхъ поръ, какъ ученые изслѣдователи перешли на почву положительнаго филологическаго анализа мадьярскаго языка, этотъ вопросъ вступилъ въ новый фазисъ и такимъ образомъ, слѣдуя этимъ вѣрнымъ путемъ, мало по малу достигъ своего нынѣшняго удовлетворительнаго состоянія, въ которомъ прежнія гаданія и вполнѣ произвольныя предположенія смѣнились добытыми строгимъ изслѣдованіемъ наблюденіями и данными сравнительнаго языкознанія и основанными на нихъ научными выводами. Мы позволимъ себѣ вкратцѣ изложить существовавшіе вообще до сихъ поръ взгляды на народность Мадьяръ.

Долго держалось среди Мадьяръ, да и теперь еще не совсѣмъ исчезло убѣжденіе, что они прямые потомки Гунновъ Аттилы [2]) и что на этомъ основано ихъ право на Угрію, какъ

[1]) Такъ, кромѣ извѣстнаго путешествія Антона Регули, въ 40-хъ годахъ (1844—5) было совершено также путешествіе на востокъ (по Россіи) для изслѣдованія мадьярскихъ первобытныхъ жилищъ Ернеемъ: Jerney, Keleti utazása a'magyarok' őshelyeinek kinyomozása végett. 1844—1845, Пештъ 1851, 2 тома. Еще передъ этимъ совершилъ путешествіе въ Азію (въ Тибетъ и къ самымъ границамъ Китая) молодой мадьярскій ученый Чома (Körösi Csoma), секлеръ по происхожденію, проникнутый мыслью о гунскомъ происхожденіи Мадьяръ и искавшій поэтому ихъ родины совершенно въ иныхъ мѣстахъ, чѣмъ Регули. Его постигла несчастная участь. Долго проработавъ въ монастыряхъ Тибета надъ изученіемъ тибетскаго языка, онъ принужденъ былъ совершенно разочароваться въ мысли найти въ немъ указанія на происхожденіе Мадьяръ. Предпринявъ послѣ этого еще путешествіе къ границамъ Китая, онъ въ 1841 г. умеръ въ дали отъ родины, ничего ровно не достигнувъ и не открывъ. — Въ послѣднее время пріобрѣлъ большую извѣстность своими путешествіями на востокъ Вамбери (Vámbéry), спеціалистъ турецко-татарскихъ языковъ.

[2]) Племя *Секлеровъ* (въ юговосточномъ углу Трансильваніи) до сихъ поръ глубоко убѣждено, что оно происходитъ отъ Гунновъ Аттилы; это мнѣніе держалось и въ наукѣ, и подтвержденіе ему видѣли въ какихъ-то яко-бы *гунно-*

на гуннское наслѣдіе. Эту сказку съ подобающими прикрасами передали между прочимъ въ своихъ фантастическихъ повѣствованіяхъ средневѣковые мадьярскіе хронисты (Анонимъ, Симонъ Кеза, Турочъ), и она такъ полюбилась ихъ соотечественникамъ, что и до сихъ поръ многимъ изъ нихъ не легко съ нею разстаться [1]). Были ученые, которые даже тратили много времени и труда на отысканіе для нея основаній въ исторіи и на сообщеніе ей научной подкладки [2]). Однако о существованіи какого-бы то ни было историческаго основанія для такого взгляда не можетъ быть рѣчи [3]). Насъ можетъ интересовать лишь вопросъ о томъ, какъ возникла эта сказка, и какъ она попала въ мадьярскія хроники: родилась-ли она среди самихъ Мадьяръ или была откуда-нибудь заимствована ими? Если допустить первое, то оно могло произойти конечно только на почвѣ Угріи, гдѣ смутные воспоминанія о Гуннахъ и Аттилѣ еще пожалуй могли жить кое-гдѣ въ эпоху мадьярскаго погрома, однако и это послѣднее подлежитъ еще большому сомнѣнію. Гораздо правдоподобнѣе мнѣніе Гунфальви, который, обстоятельно разобравъ этотъ вопросъ, пришелъ къ убѣжденію, что это гунно-мадьярское сказаніе могло быть только заимствовано извнѣ, и притомъ ни откуда болѣе, какъ изъ *нѣмецкихъ* источниковъ, а

секлерскихъ надписяхъ, видѣнныхъ въ XVII в. мадьярскими учеными въ нѣкоторыхъ церквахъ Трансильваніи, см. Sayous, ibid., p. 29; Rambaud, L'Empire Grec, p. 347; Toldy, Culturzustände der Ungern vor d. Annahme des Christenthums, Sitzgsber. d. Wien. Akad. d. W., V Bd. 1850, S. 14 — 15. Опроверженіе гуннскаго происх. Секлеровъ у Hunfalvy, ibid. S. 200—203, и въ спеціальной его статьѣ «Секлеры. Отвѣтъ на скиѳо-гуннское происхожденіе Секлеровъ», Budapest, 1880.

[1]) Такъ, еще недавно явилось на французск. яз. сочиненіе мадьярскаго автора—о происхожденіи Гунновъ, въ которой родство Мадьяръ съ Гуннами признается фактомъ, неподлежащимъ никакому сомнѣнію: Földváry, Les ancêtres d'Attila, étude historique sur les races scytiques, Paris, 1875.

[2]) За родство Мадьяръ съ Гуннами стояли: Pray, Katona, Kornides, Engel, Dankowski, потом. Fessler, Toldy и др. См. Czörnig. Ethnogr., S. 45 Cassel. Magyar. Alterthüm. Berl. 1848, S. 1—70. Sayous, p. 28, 29 etc.

[3]) Уже 30 лѣтъ тому назадъ противъ гуннскаго происхожденія Мадьяръ рѣшительно возсталъ Кассель (Mag. Alt.) (послѣ Шлёцера).

никакъ не изъ греческихъ или латинскихъ. Онъ полагаетъ, что *нѣмецкое духовенство* во время распространенія западнаго христіанства у Мадьяръ — первое познакомило ихъ съ Аттилой и Гуннами, такъ какъ только у Нѣмцевъ были въ большомъ ходу сказанія о Гуннахъ [1]). Помимо своей научной несостоятельности, сближеніе Мадьяръ съ Гуннами, съ цѣлью опредѣленія народности первыхъ, не можетъ ни къ чему повести уже потому, что происхожденіе самихъ Гунновъ представляетъ пока неразрѣшимую загадку — вслѣдствіе абсолютнаго отсутствія какимъ-бы то ни было положительныхъ данныхъ для ея рѣшенія (напр. остатковъ языка) [2]). Мы можемъ только предполагать, что гуннская орда была сбродомъ разныхъ кочевыхъ элементовъ какъ монгольскаго и турецкаго, такъ вѣроятно и финскаго племенъ.

Изъ другихъ многочисленныхъ взглядовъ прошлаго времени и начала нынѣшняго столѣтія любопытны сближенія мадьярскаго языка со славянскимъ (Bochart), съ еврейскимъ (Töppelt, Otrokocsi (к. XVII в.) [3]), съ нѣмецкимъ (Benkö), наконецъ съ турецко-татарскими (Pray, Kollar, Gebhardi, Schott, Fessler); были даже ученые, производившіе Мадьяръ отъ Мидянъ (Valentin Kiss) и отъ Парѳянъ (Fejér) [4]). Среди всѣхъ этихъ мнѣній конечно наибольшаго вниманія заслуживаетъ предположеніе о *турецкомъ* происхожденіи Мадьяръ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка Фесслеръ [5]) выступилъ рѣшительнымъ его защитникомъ, страстно нападая на финскую теорію, число сторонниковъ которой постепенно увеличивалось. Дѣля всю турецкую группу народовъ на

[1]) Hunfalvy, Ethn v. Ung. S. 129—200.

[2]) Hunfalvy, S. 252, 253.

[3]) Мнѣніе о родствѣ мадьярскаго языка съ *еврейскимъ* было долго господствующимъ въ средѣ прежнихъ мадьярскихъ филологовъ, начиная съ автора первой мадьярской грамматики Іоан. Сильвестра (Pannonius): Grammatica Hungaro-Latina, 1539. О старѣйшихъ мадьярскихъ грамматическихъ трудахъ см. подробно въ статьѣ Гунфальви «Die Ungarishe Sprachwissenschaft». Liter. Berichte aus Ungarn, I B., I H. (1877) S. 75 и слѣд.

[4]) Cassel, S. 74—75. Срв. Czörnig, ibid. S. 47 — 48.

[5]) Fessler, Gesch. S. 134 и слѣд.

двѣ вѣтви — *восточную* и *западную,* онъ причислялъ къ послѣдней Мадьяръ вмѣстѣ съ Печенѣгами и Узами. Въ своемъ мнѣніи онъ между прочимъ опирался на то, что византійцы называли Мадьяръ «Турками». Разумѣется, такое основаніе, въ виду отсутствія другихъ—болѣе существенныхъ, не можетъ имѣть силы. Старанія Фесслера доказать турецкое происхожденіе Мадьяръ не имѣли успѣха, и мнѣніе большинства все также склонялось въ пользу *финно-угорской* теоріи [1]).

Не болѣе (если еще не менѣе) успѣха имѣлъ въ 40-хъ годахъ извѣстный изслѣдователь мадьярскихъ древностей Кассель, который тоже вооружился противъ финской теоріи, хотя уже не рѣшился отвергать значительнаго сходства языковъ мадьярскаго и нѣкоторыхъ финскихъ. Онъ исходилъ изъ той мысли, что всѣ предшествовавшія ему работы, посвященныя доказательствамъ ближайшаго родства этихъ языковъ, не имѣютъ достаточно научнаго характера (что̀ впрочемъ тогда и было справедливо) и что въ основаніи ихъ лежитъ въ большинствѣ случаевъ *предвзятая* мысль. Кассель съ своей стороны пытается (но весьма неудачно) на основаніи разбора матеріала, представляемаго мадьярскимъ словаремъ, доказать родство первоначальнаго мадьярскаго языка съ индогерманскими; при этомъ въ своихъ этимологическихъ сопоставленіяхъ онъ пользуется для сравненія языками латинскимъ и греческимъ, но присоединяетъ къ нимъ еще и еврейскій, никакими научными соображеніями не мотивируя однако этого выбора. Онъ оговаривается впрочемъ, что отнюдь не думаетъ отказывать мадьярскому языку въ собственныхъ своеобразныхъ элементахъ, но что его задача —отыскать въ немъ «черты родства съ великими типами языковъ всего міра» [2]). Понятно, что взглядъ Касселя не могъ найти себѣ отголоска въ ученомъ мірѣ, такъ какъ онъ ужъ вовсе не былъ

[1]) Сильно вооружался противъ этого взгляда, между прочимъ, даровитый, но рано умершій ученый Auguste de Gérando въ своемъ сочиненіи De l'origine des Hongrois (Paris, 1844); въ немъ впрочемъ слышенъ отголосокъ мадьярскихъ предубѣжденій.

[2]) Sel. Cassel, S. 85.

построенъ на твердой и дѣйствительно научной почвѣ, хотя самъ этотъ ученый, сознавая всю трудность вопроса [1]), старался отнестись къ нему съ подобающею осторожностью и строгостью. Послѣ него финская теорія продолжала по прежнему привлекать къ себѣ все болѣе и болѣе послѣдователей.

Выше уже было упомянуто, что мысль о родствѣ мадьярскаго языка съ языками *финскаго* племени возникла очень рано. Уже въ XIII в. путешественники-миссіонеры натолкнулись на нѣкоторыя пріуральскія финскія племена за Волгой и за Камой, говорившія на нарѣчіяхъ, близкихъ и понятныхъ для мадьяра [2]). Отсюда и ведутъ свое начало догадки о башкиро-угорскомъ и финскомъ происхожденіи Мадьяръ [3]).

Не удивительно, что сначала на это открытіе не было обращено должнаго вниманія: наука еще долго не была въ состояніи оцѣнить его. Только въ XVI в. было серіозно пущено въ ходъ мнѣніе о финскомъ происхожденіи Мадьяръ. Въ XVII в. первый, обратившій вниманіе на сходство *языковъ мадьярскаго и финскаго*, былъ, сколько извѣстно, знаменитый славянинъ-педагогъ Амосъ

[1]) Ibid. S. 81, 82 и слѣд.

[2]) Эти путешественники были: Доминикан. монахъ Юліанъ, отправленный съ другими монахами при кор. Белѣ IV для отысканія на дальнемъ востокѣ «Великой Венгріи» (ок. 1237 г.); затѣмъ монахи Плано-Карпини, посланный къ Татарамъ папой Иннокентіемъ IV (1246) и Рубруквисъ (Ruïsbroeck), посланный туда же французскимъ королемъ Людовикомъ IX (въ 1252 г.). Разсказъ о путешествіи монаха Юліана былъ найденъ піаристомъ Дезериціемъ (Descricius) въ 1745 г. въ ватиканской библіотекѣ въ Римѣ, и извѣстіе о немъ появилось въ его большомъ сочиненіи «De Initiis ac Majoribus Hungarorum», изданномъ его другомъ (Martin Biró) въ Офенѣ въ 1748, 1753 гг. Впрочемъ самого автора открытіе это не навело на путь истины; онъ ведетъ своихъ соотечественниковъ по той же избитой дорожкѣ—отъ Гунновъ, и не допускаетъ ихъ родства съ Финнами. (См. упомянутую статью «Die ungar. Sprachwissenschaft», S. 84).

[3]) Въ XV в. молва о существованіи на сѣверовостокѣ Россіи племени, говорящаго на языкѣ, сходномъ съ мадьярскимъ, была сильна въ Угріи при Матвѣѣ Корвинѣ, который собирался даже отправить людей для собранія свѣдѣній объ этомъ племени. Въ XVI в. нѣмецкій посолъ и извѣстный путешественникъ по Россіи Герберштейнъ въ своемъ описаніи Россіи (Rerum Moscovitarum Commentarii, 1556) сообщаетъ о землѣ «Югаріи», изъ которой де происходятъ Угры и гдѣ говорятъ на языкѣ, понятномъ для Мадьяръ.

Коменскій [1]. Однако современное ему языкознаніе не воспользовалось этимъ наблюденіемъ. Тѣмъ не менѣе мнѣніе о родствѣ Мадьяръ съ Финнами стало повторяться съ тѣхъ поръ уже чаще, и къ началу слѣдующаго (XVIII) вѣка оно является уже довольно распространеннымъ [2]. Въ теченіе XVIII в. оно получило новое подкрѣпленіе вслѣдствіе путешествія на дальній сѣверъ (для наблюденія за прохожденіемъ Венеры въ 1769 г.) двухъ іезуитовъ-астрономовъ (Maximilian Hell и Ioh. Sajnovicz), которые въ языкѣ Лапландцевъ нашли много сходнаго съ мадьярскимъ [3], а затѣмъ было возведено Шлёцеромъ и другими учеными [4] на

[1]) Амосъ Коменскій имѣлъ случай познакомиться съ финскимъ языкомъ въ Швеціи, куда былъ приглашенъ для организаціи школьнаго дѣла. Мадьярскій языкъ онъ узналъ позднѣе въ г. Шарошъ-Патакѣ (Sáros-Patak), гдѣ онъ преподавалъ (до 1657) по приглашенію Сигм. Ракоци (Rácóczi). Такимъ образомъ знаніе того и другого языка привело его къ наблюденію ихъ сходства. См. упом. ст. Гунфальви, въ Liter. Ber. aus Ung. I B, S. 80; срв. Mailáth. Gesch. d. Magyaren, I B. Regensb. 1852, S. 1.

[2]) Его держались Olav Rudbeck въ Specimen usus linguae Gothicae etc; addita analogia linguae Gothicae cum Sinica, nec non Finnicae cum Ungarica, Upsal. 1717; Matthias Bél «De veteri literatura hunno-scythica exercitatio», Leipz. 1718; Strahlenberg» Das Nord- und östliche Theil von Europa und Asia etc., Stockholm, 1730 и проч.

[3]) Сочиненіе второго (Сайновича) появилось подъ заглавіемъ: «Demonstratio, idioma Ungarorum et Lapporum idem esse», Hafniae, 1771. Еще до этого путешествія нашъ геніальный Ломоносовъ (въ 60-хъ годахъ) прямо и рѣшительно высказался въ пользу этого мнѣнія. «Сильная земля Венгерская, говоритъ онъ, хотя отъ здѣшнихъ Чудскихъ областей отдѣлена великими Славянскими государствами, т. е. Россіею и Польшею; однако не должно сомнѣваться *о единоплеменствѣ ея жителей съ Чудью, разсудивъ одно только сходство ихъ языка съ Чудскими діалектами.* Что подкрѣпляется еще ихъ выходомъ изъ сторонъ, гдѣ и по нынѣ Чудскія поколѣнія обитаютъ, ихъ остатки». См. Древняя Россійская Исторія, Сочин. Ломоносова, т. III, изд. 2, Спб. 1850, стр. 112. срв. В. И. Ламанскаго, Столѣтняя память М. В. Ломоносову, Спб. 1865, (2 изд.) стр. 57.

[4]) Schlözer, Allgem. nordische Geschichte (Halle, 1771), S. 306. Шлёцеръ, по собственному свидѣтельству, воспользовался въ своемъ трудѣ между прочимъ сборникомъ словъ, собранныхъ ак. Фишеромъ у инородцевъ въ Сибири. Фишеръ совершилъ большое путешествіе по Сибири, и въ 1768 г. была издана его «Sibirische Geschichte», въ которой онъ воспользовался матеріаломъ, въ свою очередь собраннымъ ак. Мюллеромъ въ Сибири (см. Исторія Импер. Академіи Наукъ Пекарскаго, т. I (1570), стр. 630—632). О родствѣ мадьярскаго языка съ финскимъ ак. Фишеръ высказался въ ст. «De origine Ungro-

степень почти несомнѣннаго положенія. Наконецъ съ половины нашего столѣтія [1]), послѣ богатаго результатами путешествія мадьярскаго ученаго Антона Регули къ Финнамъ, въ Швецію, сѣверную Россію и на Уралъ [2]), послѣ изслѣдованій финскаго ученаго путешественника Кастрена [3]) и особенно въ послѣд-

rum» въ его Quaestiones petropolitanae, изд. Шлёцеромъ въ 1770 г. въ Гёттингенѣ.—Pray. Dissertationes historico-criticae in Annales veteres Hunnorum, Avarorum et Hungarorum, Vindob. 1774; Müller. Sammlung russisch. Gesch. (1732 — 1765) B. III; Hager, Neue Beweise der Verwandschaft d. Ungarn mit den Lappländern, Wien, 1794. Наконецъ особенно тщательно, впервые съ грамматической точки зрѣнія, вопросъ былъ разобранъ мадьярскимъ ученымъ Sam. Gyarmathi: Affinitas linguae Hungaricae cum linguis Finnicae originis grammatice demonstrata, Göttingae. 1799. Также Révai, авторъ мадьярск. грамматики (1803, 1806).

[1]) Еще въ 1837 году, впрочемъ, проницательный нѣмецкій изслѣдователь Цейсъ высказался уже совершенно опредѣленно и рѣшительно по этому вопросу: «Die Sprache der Ungern ist, wenn sie in ihren Formenbildungen auch viel Eigenthümliches zeigt, und hierin sich als besonderer Zweig ihres Stammes verräth, ihrem Stoffe nach finnisch, und die finnische Abstammung der Ungern ist dadurch ausser Zweifel gesetzt». Zeuss, Die Deutschen etc, S. 746. У насъ въ то же время О. И. Сенковскій говорилъ о несомнѣнно финскомъ происхожденіи Мадьяръ и о ихъ ближайшемъ родствѣ съ Вогулами. См. въ экциклопедич. слов. Плюшара подъ словомъ «Венгры», Спб. 1837, т. IX, стр. 344—345; 359—360.

[2]) Впрочемъ Регули, признавая ближайшія связи языка мадьярскаго съ финскими (особенно вогульскимъ и остяцкимъ), отводилъ ему всетаки самостоятельное мѣсто въ семьѣ *урало-алтайскихъ* языковъ, подраздѣляемой имъ на вѣтви: манжурскую, монгольскую, турко-татарскую, самоѣдскую, финскую и мадьярскую. См. замѣтку о трудахъ Регули, «Географ. Извѣстія». Спб. 1850, стр. 432—436. Путешествіе Регули, совершенное при содѣйствіи С.-Пет. Имп. Ак. Н., продолжалось отъ 1839 до 1846. Особенное вниманіе онъ посвятилъ Вогуламъ и Остякамъ, но также дѣлалъ свои наблюденія и у Мордвы, Черемисовъ и Чувашей. Онъ составилъ также карту сѣверной части Урала, которую предложилъ вниманію Русск. Географ. Общества. Замѣчанія его на эту карту въ его письмѣ къ акад. Кеппену. См. Записки Русс. Географ. Общ., Спб. 1849 г. кн. III, стр. 159—175. Обработка и изданіе богатаго матеріала, собраннаго Регули, (по случаю его ранней смерти) была поручена Венгерской Академіей Наукъ двумъ ученымъ Гунфальви и Буденцу, которые (нач. съ 1864 г.) издали рядъ монографій, — первый преимущественно въ области языка и этнографіи Вогуловъ и Остяковъ, а второй — Чувашей, Черемисовъ и Мордвы.

[3]) Кастренъ, соединявшій съ глубокими познаніями и филологическими способностями изумительную энергію и постоянство въ стремленіяхъ, оказалъ неисчислимыя услуги наукѣ своими изслѣдованіями на сѣверѣ Россіи и въ Сибири—надъ этнографіей и языками финскихъ племенъ. Ради неутоми-

нія десятилѣтія финская теорія окончательно одержала верхъ надъ всѣми остальными, конечно, прежде всего, благодаря успѣхамъ сравнительно-лингвистическихъ изслѣдованій и строгому примѣненію послѣднихъ къ опредѣленію состава и строя мадьярскаго языка [1]).

Итакъ если Мадьяры, по языку своему, принадлежатъ къ *финской* группѣ народовъ, то — само собой разумѣется — они при-

маго преслѣдованія научныхъ цѣлей онъ поплатился здоровьемъ и очень рано (38-ми лѣтъ) кончилъ свою трудовую и страдальческую жизнь. Изъ сочиненій его особенно заслуживаютъ упоминанія: Nordische Reisen und Forschungen, куда вошли многія его изслѣдованія: Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss v. Al. Castrén, S.-Petrsb. 1849; диссертація его: «De affixis personalibus linguarum altaicarum», Helsingf. 1850 и друг. О финскомъ происхожденіи мадьярскаго языка—см. его *Предисловіе* къ названной Остяцкой Грамматикѣ, гдѣ онъ говоритъ, что его изслѣдованія «довольно подтверждаютъ мнѣніе о близости языковъ вогульскаго и остяцкаго съ мадьярскимъ»; также см. его Ethnolog. Vorlesungen, S.-Pburg, 1857, S. 129. Переводъ *Путешествій Кастрена* въ «Магаз. землевѣдѣнія и путеш.», т. VI, кн. 2 (М. 1860). О Кастренѣ см. Вѣстникъ Импер. Русск Геогр. Общ. 1853, ч. VII, стр. 100—133.

[1]) Кромѣ упомянутыхъ уже сочиненій, еще Klaproth, Asia Polyglotta, Paris, 1823, p. 190; Donner (Vergleichendes Wörterbuch der finnischugrischen Sprache, Helsingfors, 1874). Budenz (Magyar-Ugor összehasonlító szótár, Pesth, 1873); Hunfalvy, Die Herkunft der Magyaren (Pesth-Ofener Revue, 1864, XIX). Оба послѣдніе ученые издавали матеріалы, собранные путешественникомъ Регули. Изъ финскихъ ученыхъ способствовали своими трудами филологической разработкѣ финскихъ нарѣчій и финской этнографіи, кромѣ Кастрена, еще ак. Шегренъ, см. Sjögrén's Gesammte Schriften, B. I. Historisch-ethnograph. Abhandlungen über den finn.-russ. Norden, S.-Petb. 1861. (См. перечень его сочиненій, Учен. Зап. Ак. Н., т. III, стр. 569. О немъ въ Жур. М. Н. Пр. ч. LXXXVI, отд. V, 1—8), а въ новѣйшее время особенно Альквистъ, совершившій два путешествія по сѣверной Россіи и западной Сибири (у Вогуловъ и Остяковъ въ 1854—1858 г., и въ 1877). Его описаніе путешествія издано на финск. яз. въ Гельзингф. въ 1859 г. (краткія извѣстія въ бюллетеняхъ Академіи Наукъ); далѣе: Ethnographische Schilderung der Wogulen, S.-Petb. 1858; Versuch einer Mokcha—Mordwinischen Grammatik, S.-Petb., 1861.; еще важны его труды: «Die Kulturwörter der Westfinnisch. Sprachen, v. Aug. Ahlquist, Helsingf., 1875 (см. рецензію Л. Н. Майкова, Ж. М. Н. Пр. 1877, іюнь, іюль, декабрь); Ueber die Sprache des Nord-Ostjaken, Abth. I, Hels., 1880 г. Въ области изслѣдованій надъ географ. номенклатурой сѣверной Россіи много потрудился Европеусъ (въ указан. уже монографіяхъ). Въ историческомъ отношеніи важно соч. гельзингф. професс. Koskinen (псевдон. Форсмана) «Finnische Geschichte von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart», Leipzig, 1874.

надлежатъ къ ней и по происхожденію, равно какъ и по первоначальному своему типу и по первобытной культурѣ. Это достовѣрно; но не слѣдуетъ однако забывать, что мадьярскій языкъ, какъ доказываетъ его научная разработка, заключаетъ въ себѣ много и такихъ элементовъ, которые съ финской основой не имѣютъ ничего общаго и очевидно привнесены въ него извнѣ. Это обстоятельство было главною причиной появленія въ разное время столь различныхъ мнѣній о происхожденіи мадьярскаго языка. Помимо элементовъ славянскаго, нѣмецкаго и другихъ индо-европейскихъ, существованіе которыхъ для каждаго вполнѣ ясно, какъ результатъ достовѣрныхъ историческихъ фактовъ (международнаго общенія), есть въ немъ и еще значительный посторонній элементъ. Это — элементъ *турецкій*, который во всѣхъ вопросахъ, касающихся мадьярскихъ древностей, имѣетъ первостепенное значеніе, такъ какъ онъ, по многимъ соображеніямъ, могъ въ значительной мѣрѣ проникнуть въ мадьярскій языкъ уже въ древнѣйшій періодъ жизни Мадьяръ, на мѣстѣ ихъ первоначальной родины [1]); а это естественно ведетъ насъ къ заключенію, что турецкій элементъ долженъ былъ играть не послѣднюю роль въ образованіи мадьярскаго народнаго типа и характера (посредствомъ кровнаго смѣшенія), въ древнѣйшихъ судьбахъ и первобытной культурѣ Мадьяръ. Преувеличивая этотъ элементъ, нѣкоторые ученые находили даже возможнымъ считать Мадьяръ *въ корнѣ* народомъ турецко-татарскимъ, подвергшимся когда-то сильному вліянію жившихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ финскихъ племенъ. Мы видѣли однакоже, что этотъ взглядъ не могъ выдержать научной критики. Итакъ теперь уже окончательно установилось единственно истинное мнѣніе, что Мадьяры или Угры представляютъ собою отрасль *финскаго* (или по новѣйшему болѣе общему термину — *фенскаго*) семейства народовъ (въ свою очередь составляющаго часть великой туранской семьи) и принадлежатъ къ его *восточной*, такъ называемой *угорской* вѣт-

[1]) Срв. Fessler-Klein, Gesch. v. Ung. Leipz., 1867, S. 40.

ви, занимавшей нѣкогда большія пространства сѣверовосточной Россіи и сопредѣльную азіатскую территорію; ихъ ближайшіе родичи суть нынѣшніе представители этой вѣтви, остатки древней «Югры»: прежде всего *Вогулы* и *Остяки*, а затѣмъ на второмъ планѣ—Пермяки, Зыряне и Вотяки; наконецъ Черемисы и Мордва [1]).

Здѣсь кстати будетъ еще вернуться къ вопросу объ именахъ «Мадьяры» и «Угры».

И то и другое имя уже нашло себѣ толкованіе посредствомъ звуковъ финскихъ нарѣчій. Въ новѣйшее время было сдѣлано наблюденіе, что имена большинства финно-алтайскихъ народовъ дѣлятся на двѣ группы: одни называютъ себя «людьми земли» (какъ-бы «туземцами»), другіе—«людьми воды», причемъ во многихъ случаяхъ это обозначеніе *воды* стало собственнымъ именемъ рѣки, на которой живетъ то или другое племя [2]). Имя *Мадьяръ*, по мнѣнію Рёслера, относится къ первой категоріи [3]). Оно тождественно съ Мегерой (Μεγέρη) Константина Багрянороднаго и съ средневѣковою форм. Mogeri, а въ этихъ формахъ еще можно узнать «людей земли», ma-ger, ибо *kär* значитъ по вогульски *человѣкъ* (срв. мад. gyer-m-ek, дитя, такъ что ma-gyermek значило бы по-мадьярски «дитя *земли*» [4]), а *ma* — весьма распространенное у Финновъ обозначеніе *земли*. Рёслеръ, который приводитъ это объясненіе, высказываетъ предположеніе, что и

[1]) Такъ смотрятъ нынѣ на свою народность и всѣ лучшіе новѣйшіе мадьярскіе ученые; особенно потрудился въ этой области Гунфальви, извѣстный знатокъ мадьярскаго языка и этнографіи. Его сочиненія: A Vogul Föld ès nép (Земля и народъ Вогуловъ), Pest, 1864 (матеріалъ почерпнутъ изъ путешестія Ант. Регули); Die Herkunft der Magyaren, 1864 (Budapesti Szemle); A Kondai-Vogul Nyelv (языкъ Конда-Вогуловъ), 1872; Az északi osztják nyelv (языкъ сѣверныхъ Остяковъ); затѣмъ Ридль (Riedl, Magyar. Gramm. W. 1858), Буденцъ и друг.

[2]) Къ первому разряду относятся названія: Mamies (Эсты), Ma-Kum (Вогулы), Mur-ma (Мурома), въ которыхъ *ma*=земля. Ко второму: Wut-mort (Вотяки), Mord-wa (Мордвины) и друг., гдѣ *wa*, *wu*=вода. См. Roesler, R. S., 158—9.

[3]) Roesler, S. 158—9.

[4]) Срв. Fessler-Klein, S. 45.

«Угры» есть, можетъ быть, также мадьярское названіе, въ которомъ скрывается тотъ же корень *gar* (человѣкъ [1]), и притомъ первоначальное (общее) для всего народа, тогда какъ «Мегера» называлось только одно изъ семи мадьярскихъ племенъ [2]). Томашекъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ объяснять имя Мадьяръ изъ самого мадьярскаго языка и указываетъ на слова *magas*, высокій, *meg*, спина, хребетъ (въ родствѣ съ уйгур. *mag'u*, возвышеніе, самоѣд. maha, mogo, mak, спина), такъ что для Мадьяръ получается значеніе «горцевъ» (жителей Уральскаго хребта [3]). Г. Куникъ, не отрицая возможности финскаго производства слова «Мадьяръ», предпочитаетъ однако объясненіе, что первоначально «Magar» было только турецкимъ, спеціально-династическимъ названіемъ [4]). Далѣе, относительно имени Мадьяръ существуетъ предположеніе о его родствѣ съ именемъ *Башкиръ*. Дѣло въ томъ, что средневѣковые мусульманскіе писатели, употребляющіе довольно рѣдко имя Мадьяръ въ формѣ «Моджгаръ» и еще рѣже въ формѣ «Унгаръ» (Хункаръ), въ большинствѣ случаевъ называютъ Мадьяръ *Башкирами*. Имя послѣднихъ встрѣчается у нихъ въ довольно разнообразныхъ формахъ: у Масуди — Баджгардъ [5]), у Эль-Балхи — Башджардъ, у Якута—Бâшгирдъ, Бâшджердъ, у Казвини—Бâшгартъ и т. д. [6]).

[1]) Во всякомъ случаѣ эта этимологія болѣе удачна, чѣмъ та, которая производитъ имя Угровъ изъ славян. яз. и сближаетъ его съ корн. *гор.* (гора), такъ что *Угры* значило-бы «обитатели горъ», гораки, верховинцы.

[2]) По мнѣнію Рёслера, изъ этого племени *Мегера*—произошелъ Арпадъ со своей династіей, и благодаря особенному уваженію, которымъ поэтому пользовалось это племя, имя его было перенесено на всю народность. Roesler, S. 159.

[3]) Tomašek, Zeitschr. für Oesterr. Gymn. B. XXIII, S. 151.

[4]) По его мнѣнію, династія Мадьяръ была первоначально *турецкая*, почему и византійцы называютъ Мадьяръ «Турками». См. Извѣстія Ал-Бекри и друг. авторовъ о Руси и Славянахъ, т. I, Спб. 1878, стр. 109 (также въ «Учен. Зап. И. А. Н.», III т. стр. 728).

[5]) У Масуди есть еще имя одного племени «Yadjni», въ которомъ нѣкоторые (Френъ) думали видѣть Мадьяръ. См. Брунъ, Черноморье, II, стр. 328.

[6]) Хвольсонъ, Извѣстія о Хозарахъ и пр. Ибн-Даста, Спб. 1869, стр. 103—107. Срв. еще: Dorn, Auszüge aus vierzehn morgenländ. Schriftstellern, Bulletin de l'Academie Impériale des S. d. S.-Petersb., T. XVIII, p. 303.

Сопоставленіе этихъ формъ съ формами имени «Мадьяръ» у арабскихъ писателей (Моджгаръ, Мадшаръ) привело нѣкоторыхъ ученыхъ, правда, къ довольно смѣлому предположенію объ *общемъ происхожденіи* этихъ названій, но не совсѣмъ невѣроятному, если имѣть въ виду близость Мадьяръ къ древнимъ Башкирамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ уже вышеупомянутые путешественники XIII в. Въ этомъ смыслѣ впервые высказался Клапротъ [1]); изъ нашихъ ученыхъ такого мнѣнія держится также г. Хвольсонъ, по словамъ котораго [2]) наиболѣе древняя (намъ извѣстная) форма имени Башкиръ—«*Баджгардъ*» (по Масуди) измѣнилась двоякимъ образомъ: на востокѣ она обратилась черезъ посредствующія формы Башгардъ, Башкардъ, Башкартъ и т. д. въ *Башкиръ*, а на западѣ—вслѣдствіе возможнаго перехода *б* въ *м*, и отпаденія конечнаго *д*, образовалась форма Маджгаръ, потомъ Маджаръ и Мадьяръ [3]). Наконецъ есть и еще объясненіе: Гунфальви пытался отождествлять кор. *mog* съ кор. ouig, jog, являющимся въ имени Уйгуры, Угры, и заключающемъ въ себѣ понятіе «союза», «общины»; такое объясненіе признаетъ слѣдовательно и тождественность именъ Мадьяры и Угры [4]). Однако намъ такое толкованіе кажется натянутымъ.

2. **Первонечальная родина Мадьяръ.**

Одинъ изъ темнѣйшихъ вопросовъ мадьярскихъ древностей есть безъ сомнѣнія вопросъ о первоначальныхъ жилищахъ Мадьяръ [5]). Мы разумѣемъ при этомъ не первобытную ихъ колыбель

[1]) Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, p. 275; Asia polyglotta, S. 189. Также ак. Фишеръ «Sibirische Geschichte, I T. Einleitung, S. 127; Castrén, Ethnolog. Vorlesungen über die Altaisch. Völker, S. Petersb.. 1857, S. 131.

[2]) Хвольсонъ, тамъ же, стр. 114 и предыд.

[3]) Такое объясненіе допускаетъ и Рёслеръ. Rom. Stud., S. 159.

[4]) См Sayous, Les origines etc. p. 6. Съ Гунфальви согласенъ и Ujfalvy въ соч. «Les migrations des peuples» etc., Paris, 1873.

[5]) Неудивительно, что 100 лѣтъ тому назадъ извѣстный датскій историкъ Сумъ могъ сказать: «Отысканіе древнѣйшаго мѣстопребыванія Мадьяръ есть,

въ Азіи, стоящую конечно за предѣлами нашего историческаго кругозора, а мѣста жительства Мадьяръ непосредственно передъ достовѣрнымъ выступленіемъ ихъ на историческое поприще, ту страну, которую они оставили, какъ кажется, въ началѣ IX в., вынужденные безъ сомнѣнія обстоятельствами искать счастья и новой родины на западѣ.

Мѣстоположеніе этой страны едва-ли было бы вообще опредѣлимо, еслибъ пришлось основываться лишь на скудныхъ намёкахъ о ней исторіи, на фантастическихъ и сбивчивыхъ о ней сказкахъ у средневѣковыхъ мадьярскихъ хронистовъ. Но къ счастью, сравнительное языкознаніе, давшее возможность рѣшить вопросъ о происхожденіи Мадьяръ, приходитъ на помощь и въ настоящемъ случаѣ. Признаніе финно-угорскаго происхожденія Мадьяръ бросаетъ значительный свѣтъ на древнія ихъ жилища, на ихъ прародину (если не считать ихъ колыбели — центральной Азіи, вѣроятно, Пріалтайскихъ краевъ). Изъ нашего предыдущаго разсмотрѣнія вопроса о народности Мадьяръ уже достаточно ясно, гдѣ *приблизительно* слѣдуетъ искать древнѣйшія ихъ жилища. Мадьяры входили въ составъ восточной, угорской вѣтви финскаго племени, слѣдовательно они и жили нѣкогда въ географическихъ предѣлахъ этой вѣтви, а именно гдѣ-то на сѣверовостокѣ Россіи, по обѣимъ сторонамъ сѣвернаго Уральскаго хребта, гдѣ жила наша древняя, несомнѣнно съ ними тождественная по имени и происхожденію Югра[1]), и гдѣ теперь живутъ ихъ бли-

можетъ быть, одна изъ труднѣйшихъ задачъ во всей исторіи среднихъ вѣковъ, о которой теперь я еще не осмѣливаюсь сказать чего-либо рѣшительнаго». «Историческое разсужденіе о Пацинакахъ или Печенѣгахъ» Сума, перев. съ датск. Сабинина. Чтенія въ Общ. Ист. и Др., М. 1846, № 1.

[1]) О мѣстахъ жительства Югры см. Барсовъ, Географія Начальной Лѣтописи (Варш., 1873), стр. 52—54; также А. Б ъ (Бушенъ), Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ. Вѣстникъ Императорскаго Русск. Географич. Общ. 1855, ч. XIV, Спб., стр. 167—186. Здѣсь авторъ проводитъ историческую связь (въ его время еще не всѣми окончательно дознанную) между Уграми (Мадьярами) и Югрою или Угрою Нестора, стараясь опредѣлить путь Угровъ съ Урала на Дунай. Неясность и сбивчивость извѣстій, еще не провѣренныхъ строгою критикой, не могли не отразиться на этой попыткѣ.

жайшіе родичи — Вогулы, Остяки и прочіе остатки когда-то многочисленнаго угорскаго народа. Когда и какимъ путемъ Мадьяры со своими одноплеменниками пришли сюда — мы сказать не можемъ, да намъ здѣсь и неумѣстно было бы останавливаться на этихъ пока неразрѣшимыхъ вопросахъ [1]). Достовѣрно одно: до своего вторичнаго странствованія на западъ Угры составляли часть многочисленныхъ и широко распространившихся финскихъ обитателей сѣверовосточной Европы и смежныхъ азіатскихъ странъ.

Изученіе слѣдовъ финскаго населенія въ разныхъ краяхъ сѣверной Россіи и мѣстныхъ нерусскихъ географическихъ названій уже давно доказало, что бо́льшая часть сѣверной половины Россіи, т. е. не однѣ только сѣверныя, но и нѣкоторыя среднія губерніи (Владимірская, Московская и др.) были нѣкогда, въ глубокую древность, заселены финскимъ народомъ (*Чудью* въ общемъ знач.), который впослѣдствіи, съ наплывомъ славянскаго населенія, частью былъ оттѣсненъ далѣе на сѣверъ и востокъ, частью же обрусѣлъ. Въ новѣйшее время дознано, что этотъ финскій или *фенскій* народъ (какъ его нѣкоторые называютъ въ отличіе отъ финскаго въ тѣсномъ смыслѣ), уже въ ту отдаленную пору, о которой идетъ рѣчь, какъ и теперь, дѣлился на двѣ большія группы: *западную* или собственно *финскую* и *восточную* или *угорскую*.

[1]) Нѣкоторые ученые полагали, что Угры были увлечены изъ глубины Азіи общимъ потокомъ великаго переселенія народовъ, сначала прямо на западъ, къ берегамъ Каспійскаго моря (откуда будто-бы частица ихъ проникла на сѣверъ отъ Кавказск. горъ, на р. Куму: мнимое существованіе здѣсь Мадьяръ!), а затѣмъ всею массою двинулись на сѣверъ, вдоль Урала и Волги. Вѣроятность такого движенія Мадьяръ представлялось особенно тѣмъ писателямъ, которые стояли за ихъ турецкое происхожденіе. См. Fessler, S. 184—228; также Horvath; S. 4, Szalay (срв. Czörnig, Ethnogr. d. Oesterr. Mon., S. 42—52). Разъ мы однако признали ихъ Финнами, для насъ не можетъ уже быть сомнѣнія, что они вмѣстѣ съ остальными своими родичами были выдвинуты на западъ изъ азіятской своей колыбели въ несравненно болѣе древнюю эпоху, и такимъ образомъ являются на сѣверовостокѣ Россіи народомъ *стародавнимъ*, въ пользу чего достаточно свидѣтельствуетъ первоначальная финно-угорская географическая номенклатура этихъ странъ.

Къ западной принадлежатъ нынѣшнія племена: собственные Финны или Суоми, Эсты, Карелы, Ливы и нѣкоторыя другія; къ восточной—Пермяки, Зыряне и Вотяки; Вогулы и Остяки; Черемисы и Мордва. Середину же между ними (по языку) составляютъ Лопари (Лапландцы) [1]). Мадьяры, какъ было выше разъяснено, принадлежатъ ко второй группѣ и стоятъ всего ближе (опять-таки по языку) къ Вогуламъ и Остякамъ. Такое дѣленіе опирается и на новѣйшія изслѣдованія нерусскихъ топографическихъ названій сѣверной Россіи; оно повидимому оправдывается и археологическими раскопками. [2]) Было бы весьма важно опредѣлить, гдѣ соприкасались границы собственно-финскихъ и угорскихъ племенъ, и слѣдовательно до какихъ предѣловъ къ западу простирались эти послѣднія. Г. Европеусъ, которому принадлежитъ заслуга спеціальныхъ разысканій по этому вопросу надъ топографической номенклатурой сѣверной Россіи [3]), отстаиваетъ чисто вогуло-угорское происхожденіе нерусскихъ названій мѣстъ въ большей части всего пространства, занятого когда-то финскимъ племенемъ. По его мнѣнію, древніе Угры занимали земли отъ южныхъ предѣловъ бассейна сѣв. Двины до Ледовитаго моря и отъ предѣловъ Вислы и Балтійскаго моря до Урала. На западѣ ихъ поселенія были разбросаны, какъ онъ полагаетъ, даже въ Финляндіи и сѣверной Швеціи. Собственно же финскому нлемени онъ удѣляетъ мѣстности по Балтійскому морю, Ладожскому и Онеж-

1) Hunfalvy, S. 146, 147.

2) Въ разныхъ мѣстностяхъ этого пространства отыскиваютъ *длинноголовые* черепа, приписываемые угорскимъ племенамъ, между прочимъ на томъ основаніи, что нынѣ единственные народы длинноголоваго типа на сѣверѣ суть Вогулы и Остяки (мнѣніе Бэра). То обстоятельство, что Мадьяры въ настоящее время уже не длинноголоваго типа, объясняется тѣмъ, что, по переселеніи въ Паннонію, они сильно стали смѣшиваться съ сосѣдними народами индоевропейскаго типа вслѣдствіе недостатка одноплеменныхъ женщинъ, и такимъ образомъ скоро утратили свой первоначальный финскій типъ. См. Европеусъ, Объ угорскомъ народѣ, стр. 16.

3) Его изслѣдованія помѣщены въ журн. финск. литер. общ. «Suomi», Helsingfors, 1868. Статьи въ Ж. М. Пр. 1868, іюль и особ. статья объ Угорскомъ народѣ etc., Спб. 1874.

скому озерамъ [1]). Не считая себя, конечно, компетентными въ этомъ вопросѣ, мы не беремся судить о степени вѣроятности этого разграниченія; но еслибъ оно и оказалось не вполнѣ вѣрнымъ и не точнымъ [2]), всетаки фактъ мѣстопребыванія угорскихъ племенъ въ восточной части намѣченнаго пространства (по р. Печорѣ, Камѣ и средней Волгѣ, гдѣ нынѣ разбросаны поселенія Зарянъ, Пермяковъ, Вотяковъ, Черемисовъ и Мордвы) остается несомнѣннымъ, точно такъ же какъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что поселенія угорскаго народа въ древнѣйшія времена простирались и на востокъ отъ Уральскаго хребта, въ областяхъ рѣкъ: Оби, нижн. Иртыша и верхняго Урала (Яика), гдѣ нынѣ живутъ Вогулы, Остяки и нѣкоторые турецко-татарскія племена. Дальнѣйшія изслѣдованія, безъ сомнѣнія, подвинутъ и далѣе вопросъ о первоначальныхъ границахъ обще-угорской территоріи, а въ частности тщательный и разносторонній анализъ мадьярскаго языка, надо надѣяться, будетъ способствовать со временемъ точнѣйшему опредѣленію собственно той страны, изъ которой вышли Мадьяры.

Уже ближайшее родство мадьярскаго языка съ вогульскимъ и остяцкимъ даетъ право заключать, что Мадьяры составляли когда-то нѣчто цѣльное и нераздѣльное съ этими племенами, а слѣдовательно жили гдѣ-то въ ихъ сосѣдствѣ [3]). Но и помимо этого въ языкѣ Мадьяръ подмѣчены уже нѣкоторые факты, могущіе также служить точками опоры при рѣшеніи вопроса.

[1]) Около Онежскаго озера, какъ полагаютъ, были первоначальныя жилища собственныхъ Финновъ, ибо тутъ не встрѣчается никакихъ *до-финскихъ* мѣстныхъ названій. Европеусъ, Ж. М. П. 1868, іюль, стр. 59.

[2]) Срв. Огородниковъ, Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей и ихъ притоковъ по книгѣ Больш. Чертежа, Зап. Имп. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи, т. VII, Спб. 1877, стр. 20.

[3]) Изъ этого нельзя однако заключать, что Мадьяры жили *непремѣнно* только на востокѣ отъ Уральскаго хребта, потому уже, что у нын. Вогуловъ и Остяковъ сохранилось преданіе, что они нѣкогда жили на западъ отъ Урала. Вогулы разсказывали одному шведу-путешественнику (Шенстрему), что они жили когда-то на р. Двинѣ и Югѣ, и назывались тогда «Югрою» отъ р. Югъ. См. Müller, Ugr. Volkst., S. 163, 302. Впрочемъ нѣкоторые сомнѣваются въ вѣрности этого преданія. См. Огородниковъ, тамъ же, стр. 35.

Присутствіе въ немъ въ значительной мѣрѣ турецко-татарскихъ элементовъ, какъ выше упомянуто, должно быть приписано не только позднѣйшему сообществу и сближенію ихъ съ турецкими племенами (Хозарами, потомъ Печенѣгами и Куманами, наконецъ и Турками-Османами), но и стародавнему сосѣдству и общенію съ ними въ прародинѣ, а это могло быть только въ южныхъ предѣлахъ вышеуказанныхъ странъ, гдѣ угорскія племена дѣйствительно соприкасались съ турецкими [1]). Есть еще соображеніе, заставляющее искать мадьярскую родину также въ южныхъ частяхъ финно-угорскихъ земель; оно заключается въ томъ, что у Мадьяръ нѣтъ финно-угорскаго слова для обозначенія *моря*, тогда какъ таковое есть, и притомъ общее у всѣхъ другихъ родственныхъ племенъ: Остяковъ, Вогуловъ, Пермяковъ и Вотяковъ [2]). Это обстоятельство даетъ намъ право къ заключенію объ отдаленности мадьярскихъ жилищъ отъ сѣвернаго моря, чтó только и могло быть причиной несуществованія у нихъ собственнаго слова для этого понятія, и заимствованія его у Турковъ (tenger-dengiz) [3]). Итакъ подобными лингвистическими данными подтверждается предположеніе, что Мадьяры жили гдѣ-то въ южныхъ предѣлахъ пространной сѣверной угорской территоріи, и этимъ оправдываются какъ вышеупомянутыя свидѣтельства средневѣковыхъ путешественниковъ о «Великой Угріи», такъ и нѣкоторые историческіе намеки и указанія [4]).

[1]) Срв. Zeuss, Die Deutschen, S. 747.

[2]) Остяковъ море—s'aras, у Вогуловъ—saris, у Пермяковъ — sarič или saridj, у Вотяковъ zariz или zaridz. Hunfalvy, S. 174.

[3]) Это заимствованіе можетъ также считаться однимъ изъ доказательствъ, что Мадьяры и до столкновенія съ Хозарами находились въ общеніи съ турецкими племенами. Живя рядомъ съ Хозарами, они уже находились подъ сильнымъ вліяніемъ окружавшихъ ихъ Славянъ (съ которыми торговали) и вѣроятно приняли бы названіе *моря* у послѣднихъ, а не у Хозаръ. Hunfalvy, ibid.

[4]) Здѣсь я имѣю въ виду отрывочныя показанія *мусульманскихъ* писателей (о Маджгарахъ-Баджгардахъ) относительно первоначальныхъ жилищъ Мадьяръ, показанія, которыя въ общемъ сходятся съ полученными выводами. См. Хвольсонъ, Извѣстія Ибн-Дасты, стр. 104—111.

Историческія упоминанія о сѣверныхъ жилищахъ угорскаго народа, объ этой сѣверной «Угріи» (или Югріи) восходятъ не далѣе X вѣка. Такъ, изъ этой эпохи имѣется свидѣтельство хозарскаго царя Іосифа (ок. 957—961), который въ своемъ извѣстномъ отвѣтномъ письмѣ (ок. 960 г.) арабскому министру, раввину Хасдаю (Khasdaï) Ибнъ-Шапруту говоритъ о землѣ Угріи (или Югріи) (ha-jigra-im), простирающейся на сѣверъ отъ его владѣній [1]). Нѣсколько позднѣе (XI в.) эта Угрія или «Югра», благодаря торговымъ сношеніямъ съ ней Русскихъ, и въ особенности Новгорода, становится все болѣе извѣстною. Очевидно, о той же заволжской и пріуральской Угріи идетъ рѣчь въ разсказахъ путешественниковъ и миссіонеровъ XIII вѣка, утверждающихъ, что племена, тамъ живущія, говорятъ языкомъ, понятнымъ для Мадьяра и что тамъ и была первоначальная родина Угровъ [2]). Наконецъ, уже въ XVI вѣкѣ Герберштейнъ говоритъ о Югрѣ, какъ о странѣ, изъ которой когда-то вышли Мадьяры [3]). Но есть и еще источникъ, изъ котораго можно бы, повидимому, почерпнуть кое-какія свѣдѣнія о мадьярской прародинѣ. Мы разумѣемъ средневѣковыхъ мадьярскихъ хронистовъ, начиная съ извѣстнаго Анонима Нотарія кор. Бѣлы. У нихъ можно найти не мало разсказовъ о

[1]) См. Cassel, M. Alt., S. 182—219, особ. стр. 215, примѣч. 5. Также у Бѣлёвскаго, Monum. Hist. Polon. I, 51—83; русскій переводъ письма Хасдая К. А. Коссовича въ «Ист. Сборн.» Валуева, стр. 185—189; у Гаркави «Сказанія еврейскихъ писателей о Хозарахъ, Спб. 1874, вып. I, стр. 78; 140. Письмо Іосифа въ «Еврейской Библіотекѣ», т. VII. См. статью Гаркави «Русь и русское въ средневѣк. еврейск. литературѣ» въ журн. *Восходъ*, 1880 г. Срв. Hunfalvy, S. 137, 172. У мусульм. писателей Югра упоминается въ ф. Jura (земля, прилегающ. къ сѣв. морю). См. D'Ohsson, Les peuples de Cacause, Paris, 1828, p. 82—83, 219.

[2]) Путешествіе мон. Юліана (Ricardus: de inventa Ungaria Magna, Endlicher, Mon. Arpad., p. 248). Plano-Carpini (1246) («Bascardos, qui sunt antiqui Ungari»), Rubruquis (1852). Плано-Карпини изданъ (съ русск. переводомъ) въ «Собраніи Путешествій къ Татарамъ» Языкова, Спб. 1825. См. Zeuss, S. 748; Fessler-Klein, S. 44—45.

[3]) «Rutheni pro aspirationem Iuhra proferunt (вм. Iugra) et populos Iuhrici vocant. Haec est Iuharia, ex qua olim Hungari progressi Pannoniam occuparunt... Ajunt Jugaros in hunc diem eodem cum Hungaris idiomate uti, quod an verum sit, nescio». Rerum Moscovit. Comment., p. 89.

томъ, откуда и какъ пришли Мадьяры въ Паннонію. Однако мы не прибѣгаемъ къ нимъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, они не имѣютъ цѣны историческихъ источниковъ, хоть сколько-нибудь заслуживающихъ довѣрія... Невозможность пользоваться Анонимомъ, какъ такимъ источникомъ, теперь, послѣ критическихъ работъ Рёслера[1]) и въ особенности Марцали[2]), окончательно дознана, о чемъ еще будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Въ отношеніи къ исторической достовѣрности не далеки отъ Анонима и прочіе средневѣковые мадьярскіе хронисты (Симонъ Кеза, Турочъ и пр.). Отсутствіе дѣйствительной исторической основы, вымыселъ и фантастическая поддѣлка исторіи по шаблону нѣкоторыхъ излюбленныхъ средневѣковыхъ сказаній классическаго содержанія, часто съ буквальными заимствованіями изъ нихъ, — все это обнаружено блестящимъ образомъ въ повѣствованіяхъ этихъ авторовъ (по крайней мѣрѣ пока Анонима) о пути Мадьяръ изъ первоначальныхъ жилищъ на средній Дунай, завоеваніи новой родины и борьбѣ съ сосѣдними народами и государствами. Безъ сомнѣнія, такой же фантазіи и такимъ же источникамъ, главнымъ образомъ обязано, своимъ происхожденіемъ и то, что̀ они разсказываютъ о прародинѣ Мадьяръ, которую послѣдніе должны были оставить будто-бы «вслѣдствіе недостатка земли». Однако въ этомъ случаѣ намъ кажется возможнымъ предположить еще и другой элементъ. Какъ напр. объяснить относящіяся къ этой прародинѣ названія: «Dentumoger» или Dentia и Mogeria[3]), рѣка Togata, земля Joria и

[1]) Сначала въ статьѣ: «Zur Kritik älterer Ungarisch. Geschichte», v. Roesler. Programm des Kais. K. Ober-Gymnasium zu Troppau. 1860. Потомъ въ Romänische Studien, гл. IV: Die Anfänge d. Ungarn und Anonyme Notar, S. 149 — 230. (1871).

[2]) H. Marczali, Ueber die Gesta Hungarorum des Anonymus Belae regis notarius, въ «Forschungen zur Deutsch. Gesch.» XVII Bd., Göttingen, 1877, S. 623 — 638.

[3]) Гунфальви (Ethn., S. 192) не считаетъ возможнымъ читать вм. Dentumoger — Dontö-magyar и видѣть тутъ *донскихъ* Мадьяръ (какъ Mailath, Gesch. d. M., S. 3). По мнѣнію Куника это имя требуетъ еще подробнаго анализа. Онъ приводитъ отъ себя, ради сходства звуковъ, названіе горы въ Воронеж. губ. «Дентумъ», о которой въ XVII в. упоминаетъ Книга Больш. Чертежу, см. «*Извѣстія Аль-Бекри*», г. Куника и Розена, стр. 109.

проч.? Слѣдовъ ихъ заимствованія изъ какихъ-нибудь средневѣковыхъ источниковъ, или поводовъ для ихъ сочиненія мы пока, по крайней мѣрѣ, не находимъ. А между тѣмъ сближеніе р. «Togata» съ названіемъ р. Иртыша у Остяковъ «Tangat», земли «Joria» съ нашею Югрою (*Hunfalvy*, Ethn. v. Ung. S. 192) едва-ли можетъ быть названо произвольнымъ. Но какъ могли эти дѣйствительныя мѣстныя имена, принадлежащія мадьярской прародинѣ, дойти до слуха мадьярскихъ историковъ? О сохраненіи ихъ народнымъ преданіемъ у Мадьяръ не можетъ быть рѣчи. Надо искать другого пути. Вспомнимъ, что въ XIII в. и позже, когда жили и писали эти историки, вопросъ о мадьярской прародинѣ занималъ уже многихъ пытливыхъ Мадьяръ, и уже съ первой половины XIII вѣка, какъ мы видѣли, начались путешествія съ цѣлью отысканія ея. Доминиканскій монахъ Юліанъ былъ за Волгой въ первой половинѣ XIII вѣка. Довольно правдоподобно, что именно этимъ или подобнымъ путемъ доходили до мадьярскихъ писателей свѣдѣнія о заволжскихъ странахъ, какъ первоначальной родинѣ Угровъ, свѣдѣнія, которыя они и вплетали въ свои большею частью баснословные и вымышленные разсказы. Эту же мысль о возможности знакомства мадьярскихъ хронистовъ съ странами востока черезъ путешественниковъ XIII вѣка мы нашли также высказанною у Томашека [1]). Послѣ частыхъ путешествій на востокъ миссіонеровъ («fratres praedicatores») въ земли Хозаръ, Аланъ, Татаръ и въ «Великую Угрію» — понятно, по мнѣнію Томашека, что свѣдѣнія о приволжскихъ странахъ стали общераспространенными; Анонимъ могъ поэтому сказать: homines qui Scythiam habitant Dentu-moger dicuntur usque in hodiernum diem. Кеза имѣлъ вообще порядочныя свѣдѣнія о востокѣ. Итакъ, если у средневѣковыхъ мадьярскихъ писателей мы находимъ извѣстное представленіе о заволжской родинѣ Мадьяръ, то это конечно не болѣе, какъ отголосокъ со-

[1]) Tomašek, Zeitschr. f. Oesterr. Gymn. XXIII B., S. 152 — 153. (Рец. на соч. Рёслера).

временныхъ имъ мнѣній и предположеній, явившихся результатомъ наблюденій и открытій первыхъ мадьярскихъ путешественниковъ на дальнемъ востокѣ Европы.

Къ сожалѣнію, болѣе точное опредѣленіе мѣстоположенія первоначальныхъ жилищъ Угровъ пока не возможно [1]). Не увлекаясь безплодными догадками, надо довольствоваться тѣмъ, что есть возможность хоть приблизительно намѣтить эти древнія жилища Мадьяръ въ *юговосточныхъ частяхъ древней финно-угорской территоріи, гдѣ-нибудь въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Пермской, Вятской, а можетъ быть и Тобольской (южной части)*.

Вопросъ о *культурномъ состояніи* и *образѣ жизни* Мадьяръ въ ихъ прародинѣ нѣсколько освѣщается также данными языка, за неимѣніемъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. По всему видно, что *охота* и *рыболовство* были ихъ почти исключительными занятіями и средствомъ жизни, что̀ конечно обусловливалось самою природою лѣсистыхъ и вообще дикихъ мѣстностей, какими въ старину были сѣверныя и среднія полосы Россіи. Извѣстно, что и въ новую свою родину Угры явились по преимуществу охотниками и рыболовами.

Вообще надо замѣтить, что всему финно-угорскому племени и въ старину и до нынѣшняго времени — всегда былъ всего болѣе свойственъ именно этотъ образъ жизни [2]); орудія

[1]) Нельзя не считать совершенно произвольнымъ мнѣніе г. Европеуса, безъ колебанія выводящаго Мадьяръ, на основаніи сказочнаго описанія пути ихъ у Анонима, «съ береговъ Сѣверной Двины или лучше сказать изъ окрестностей Юга рѣки». (О народѣ средн. и сѣв. Россіи. Ж. М. Пр. 1868, стр. 68—69). Въ томъ обстоятельствѣ, что въ этой мѣстности «встрѣчается необыкновенное множество мѣстныхъ названій чисто угорскаго происхожденія», онъ видитъ подтвержденіе того сказанія (у Анонима), что Мадьяры рѣшились покинуть родину по причинѣ чрезмѣрнаго размноженія населенія. Очевидно однако, что заключеніе г. Европеуса построено на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ. Срв. Огородниковъ, тамъ-же, стр. 20, 21.

[2]) Главное занятіе нын. Вогуловъ — обитателей страны, прилегающей къ горамъ Урала, — звѣриная ловля; напротивъ Остяки, жители долины р. Оби, по преимуществу рыболовы. Müller, D.Ugrische Volkstamm, I B. Berlin, 1837,

охоты и рыбной ловли носятъ у него общія финно-угорскія названія [1]). Въ исторіи языка Мадьяръ, какъ и въ ихъ историческихъ судьбахъ, различаются обыкновенно три главные періода: 1) *генетическій* (образованіе мадьярской народной индивидуальности) 2) періодъ *турецкаго* вліянія и 3) періодъ *славянскаго* вліянія. Въ генетическомъ періодѣ можно также отмѣтить двѣ эпохи: общую финно-угорскую и собственно-угорскую. Пребываніе Мадьяръ въ сѣверной родинѣ соотвѣтствуетъ первому періоду (т. е. генетическому) и большей части второго (т. е. турецкаго). *Турецкому* вліянію и въ языкѣ и въ жизни Мадьяры подверглись, повидимому, очень рано; турецко-татарскіе элементы въ мадьярской языкѣ не только бросаютъ нѣкоторый свѣтъ (какъ было выше замѣчено) на мѣстоположеніе мадьярской прародины, но и освѣщаютъ нѣкоторыя стороны ихъ первоначальнаго быта; по крайней мѣрѣ на основаніи словъ, заимствованныхъ у племенъ турецкаго происхожденія, можно судить о томъ, съ какими предметами и понятіями Мадьяры не были знакомы до своихъ сношеній съ этими племенами [2]). Такимъ образомъ позволительно думать, что знаніе *скотоводства* и даже первыя понятія о *земледѣліи* Мадьяры заимствовали у Турко-татаръ [3]). Черезъ нихъ же они впер-

S. 164, 300. Мордва еще во времена Герберштейна славилась своею мѣткою стрѣльбою изъ лука. Срв. Ламанскій. Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра. Спб. 1871, стр. 312. Здѣсь (стр. 311—314) читатель найдетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о финно-угорскихъ племенахъ въ средн. и сѣверн. Россіи въ древнія времена, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о русскихъ поселеніяхъ между ними и т. д.

[1]) Вообще основной лексикальный составъ мадьярскаго языка, т. е. слова собственно *угро-финскіе* соотвѣтствуютъ лишь самымъ обыденнымъ понятіямъ народа *кочевого*, и притомъ кочевавшаго на сѣверѣ (эти главныя понятія суть: ледъ и огонь; вода озеръ и рѣкъ; ночь, вечеръ, зима; рыба, жиръ, мозгъ, кровь, кора, листья, лукъ, стрѣла, ножъ и пр.) срв. Sayous, ibid., p. 44—45.

[2]) Аналогическія заключенія могутъ быть выводимы конечно и на основаніи *славянскихъ* элементовъ въ мадьярскомъ языкѣ.

[3]) Впослѣдствіи и въ томъ, и въ другомъ ихъ учителями были по преимуществу *Славяне*, какъ доказываетъ множество словъ славянскаго корня, относящихся и къ скотоводству и къ земледѣлію. Большую часть домашнихъ животныхъ Финны (а съ ними и Мадьяры) узнали отъ сосѣднихъ арійскихъ народовъ. Такъ напр. названія животныхъ овечьей породы у Мадьяръ—*славянскаго*

вые познакомились со многими (по преимуществу южными) плодами и виномъ, съ разными хозяйственными орудіями и домашнею утварью, наконецъ у Турковъ же они взяли слова для выраженія нѣкоторыхъ нравственныхъ представленій и отношеній [1]). Что же касается того, были ли Мадьяры уже у себя дома *наѣздниками* [2]) или сдѣлались ими только подъ вліяніемъ кочевыхъ турецкихъ племенъ, какъ думаетъ г. Куникъ [3]), то по нашему убѣжденію рѣшительно не можетъ быть сомнѣнія въ послѣднемъ: это должно быть ясно для каждаго, кто знакомъ съ племеннымъ типомъ финно-угорскихъ народовъ, съ ихъ характеромъ, условіями жизни и бытомъ.

Относительно собственно *турецкихъ* элементовъ въ мадьярскомъ языкѣ любопытно было бы точнѣе опредѣлить источникъ ихъ заимствованья, рѣшить, какому или какимъ именно изъ турецкихъ племенъ они принадлежатъ. Мусульманскіе писатели называютъ Мадьяръ большею частью Башкирами. Путешественники XIII в. говорятъ о странѣ Башкиріи (Pascatir, Bascardia), гдѣ-то на сѣверовостокъ отъ волжскихъ Болгаръ (при сліяніи рѣкъ Волги и Камы), странѣ, жители которой говорятъ на языкѣ поразительно сходномъ съ мадьярскимъ. А между тѣмъ нынѣшніе Башкиры— чисто турецко-татарское племя, и мнѣніе нѣкоторыхъ, что Башкиры могли быть первоначально финно-угорскимъ племенемъ и лишь впослѣдствіи отуречились, должно быть рѣшительно отвергнуто [4]). Какъ же согласить эти противорѣчивые факты? Ка-

происхожденія, что́ доказываетъ, что они *не знали овцеводства*, пока не познакомились со Славянами, (juh, ягненокъ; kos, баранъ, bárány, барашекъ). См. ст. «О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ языка» Л. М. Майкова (разборъ извѣстнаго сочин. Альквиста), Ж. М. Н. Пр., 1877, іюнь, стр. 275.

[1]) Hunfalvy, ibid. 174—178.

[2]) Мнѣніе г. Гунфальви, тамъ же.

[3]) «Извѣстія Аль-Бекри и т. д.», стр. 125.

[4]) См. Cassel. M. Alt., S. 153, 154, 158. Fessler-Klein полагалъ, что Башкиры происходятъ отъ незначительныхъ остатковъ Мадьяръ, слившихся съ поселившимися среди нихъ Турками и принявшихъ ихъ языкъ, стр. 42. Срв. Kastrén (Ethnolog. Vorles., 1857, S. 131), который также полагалъ возможнымъ

жется, противорѣчіе можетъ быть всего лучше устранено предположеніемъ ближайшаго сосѣдства и тѣсныхъ связей Мадьяръ въ ихъ прародинѣ между прочимъ съ турецкимъ племенемъ Башкиръ, подавшихъ поводъ съ одной стороны мусульманскимъ писателямъ называть ихъ общимъ именемъ Башкиръ, принадлежавшимъ собственно только Туркамъ, вмѣсто имени «Мадьяръ», встрѣчающагося у нихъ изрѣдка въ ф. Моджгаръ [1]),—съ другой стороны — средневѣковымъ путешественникамъ также смѣшивать эти названія и часто приписывать одному племени черты другого [2]).

Но кромѣ Башкиръ не были ли Мадьяры въ своихъ сѣверныхъ жилищахъ въ общеніи еще съ какимъ-нибудь турецкимъ племенемъ? На это отвѣчаетъ анализъ мадьярскаго языка, въ которомъ оказывается много словъ, общихъ съ языкомъ нынѣшнихъ *Чувашей* [3]) — турецко-татарскаго племени, обратившаго на себя въ послѣднее время особенное вниманіе науки. Одинъ изъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ [4]) пришелъ къ убѣжденію, что въ Чувашахъ слѣдуетъ видѣть «если не остатки такъ называемыхъ Бѣлыхъ (Камскихъ) Болгаръ, то все-же одну изъ тюркскихъ отраслей, къ которой принадлежали и жители болгарскаго ханства на среднемъ Поволжьѣ». Такимъ образомъ есть основаніе предположить, что рядомъ съ Башкирами ближайшими

считать Башкиръ потомками Угровъ.—Представленіе объ этническомъ превращеніи Башкиръ изъ финскаго въ турецко-татарское племя могло возникнуть именно благодаря тому отчасти, что территорія, занятая Башкирами, нѣкогда была также занята финскимъ народомъ (средневѣковая Magna Ungaria), предѣлы распространенія котораго заходили тогда несравненно далѣе на югъ. См. Hunfalvy, въ Liter. Ber. aus Ung. I B., 1 H., S. 84.

[1]) Если же отождествлять, какъ мы выше видѣли, имена Мадьяръ и Башкиръ (Хвольсонъ и др.), то пришлось-бы согласиться съ мнѣніемъ, что имя Мадьяръ принадлежитъ турецкому языку.

[2]) О возможности такого смѣшенія говоритъ также Цейсъ, Die Deutsch. S. 748. Срв. Бестужевъ Рюминъ, Русск. Истр., I, 1872, стр. 69.

[3]) Hunfalvy, ibid., S. 174—5.

[4]) А. А. Куникъ — въ вышеназванномъ изслѣдованіи «Извѣстія Аль-Бекри»: Разысканіе I: «О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашами», стр. 118—161. (Приложеніе къ XXXII т. Зап. И. Акад. Наукъ).

турецкими сосѣдями Мадьяръ въ пріуральскихъ краяхъ, оказавшими на нихъ сильное вліяніе, были предки нынѣшнихъ Чувашей, вѣроятно отрасль Болгаръ Камскихъ и Волжскихъ. Это заключеніе вполнѣ согласуется съ вышеприведеннымъ приблизительнымъ опредѣленіемъ мѣстоположенія мадьярской прародины.

3. Выселеніе Угровъ и пребываніе въ южныхъ степяхъ Россіи.

Чтобы попасть изъ пріуральскихъ сѣверныхъ странъ, съ береговъ Камы и Волги, на нижній Дунай, Угры должны были пройти черезъ среднюю и южную полосы Россіи, по обширнымъ равнинамъ Великой Россіи и Малороссіи, по направленію съ сѣверовостока на югозападъ. Какимъ именно путемъ они слѣдовали, гдѣ останавливались на болѣе продолжительный срокъ, сколько времени положили на это странствованіе, наконецъ какими событіями, встрѣчами, столкновеніями и вліяніями сопровождалось это движеніе, — все это вопросы величайшаго интереса и значенія. Нельзя не сожалѣть поэтому, что историческія извѣстія не даютъ достаточно твердой опоры для ихъ полнаго рѣшенія и могутъ привести лишь къ самымъ общимъ, довольно неяснымъ и неточнымъ представленіямъ объ этомъ угорскомъ переселеніи. А между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ свидѣтельства исторіи составляютъ почти единственный нашъ источникъ. Данныя лингвистическія и археологическія, значительно освѣтившія вопросъ о мадьярской прародинѣ, могутъ оказать здѣсь сравнительно небольшую помощь, такъ какъ пребываніе Угровъ въ южной Россіи, на пути отъ Волги до Дуная, не было особенно продолжительно [1]), а потому слѣды ихъ жизни тутъ (если таковые и остались послѣ ихъ ухода, въ незначительномъ коли-

[1]) Въ общей сложности это странствованіе по Россіи длилось едва-ли болѣе шести, семи десятковъ лѣтъ.

чествѣ) давно могли быть стёрты послѣдующими вѣками и народами, послѣ нихъ занимавшими и окончательно населившими эти страны. Главные писатели, если не современные, то по крайней мѣрѣ ближайшіе къ событіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и сообщающіе то немногое, что мы знаемъ о движеніи Угровъ и пребываніи ихъ въ южнорусскихъ степяхъ, суть: изъ византійцевъ—Константинъ Багрянородный (X в.), а изъ арабскихъ писателей—Ибнъ-Даста (нач. X в.), и къ нимъ еще примыкаетъ нашъ лѣтописецъ Несторъ (XI в.), котораго немногія строки объ Уграхъ имѣютъ для насъ всетаки первостепенное значеніе. Правда, о пути Мадьяръ изъ прародины, какъ извѣстно, разсказываютъ еще національные мадьярскіе писатели, и прежде всего Анонимъ, но его баснословные разсказы, которымъ теперь уже отведено безпристрастной критикой подобающее имъ мѣсто тенденціозной и фантастической поддѣлки исторіи, не только не могутъ быть поставлены рядомъ съ названными источниками, но должны быть вообще навсегда совершенно исключены изъ категоріи заслуживающихъ серіознаго вниманія извѣстій по древней исторіи Мадьяръ, оставаясь лишь при своемъ значеніи любопытныхъ и характерныхъ литературныхъ памятниковъ своего времени [1]). Зато заслуживаютъ внимательнаго раз-

[1]) Такой взглядъ на Анонима былъ впервые опредѣленно высказанъ Шлёцеромъ («Несторъ», пер. Языкова, ч. II, стр. 360—363 и слѣд.), и съ тѣхъ поръ находилъ себѣ усердныхъ приверженцевъ въ такихъ ученыхъ, какъ Бюдингеръ, Рёслеръ, Дюмлеръ (De Arnulfo, Fr. rege., Berol. 1852), Гунфальви (Ethnogr. v. Ung). и др. Послѣ Рёслера, которому первому принадлежитъ особенная заслуга спеціальнаго, тщательнаго разбора Анонима и совершенное устраненіе его, какъ историческаго источника (Zur Kritik älterer ungarischer Geschichte, Programm d. Kaiser. K. Ober-Gymn. zu Troppau, 1860; Romän. Studien, Leipz. 1871, S. 192—230), окончательный, можно сказать, смертельный ударъ послѣднему нанесъ г. Марцали (Marczali) въ своемъ блистательномъ разборѣ Анонима «Ueber die Gesta Hungarorum des Anonymus B. r. Not., помѣщенномъ въ Forschungen zur deutsch. Gesch., B. 17, Götting. 1877, S. 622 — 638. Марцали удалось добраться до настоящихъ источниковъ Анонима и такимъ образомъ разоблачить его въ полномъ смыслѣ слова. Если вопросъ объ этихъ источникахъ и не исчерпанъ еще окончательно, то всетаки главное уже найдено, и Анонимъ навѣки потерялъ свое значеніе и цѣну для историка. Кромѣ опредѣленія главныхъ *со-*

смотрѣнія отдѣльныя и случайныя извѣстія о томъ же предметѣ у нѣкоторыхъ восточныхъ (мусульманскихъ) и западныхъ писателей, современныхъ Константину Багрянородному и Нестору.

Всѣ названныя извѣстія, не считая мадьярскихъ хроникъ, отрывочны, часто неопредѣленны, иногда сбивчивы и заключаютъ въ себѣ не мало противорѣчій. Какъ всегда бываетъ, такого рода свидѣтельства представляютъ изслѣдователямъ широкое поле для догадокъ и часто произвольныхъ выводовъ, и въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи привести къ прочнымъ резуль-

ставныхъ элементовъ хроники Анонима, Марцали съ помощью весьма остроумныхъ и основательныхъ соображеній установилъ съ возможною точностью *время* ея составленія и наконецъ сдѣлалъ новую, повидимому, также наиболѣе удачную догадку объ ея *авторѣ*. Такимъ образомъ изслѣдованіе Марцали есть послѣдній выводъ исторической критики о пресловутомъ Нотаріи и его произведеніи. Анонимъ оказывается тенденціознымъ поддѣльщикомъ исторіи, которую строитъ между прочимъ на этимологическихъ толкованіяхъ мѣстныхъ названій, безсовѣстнымъ компиляторомъ изъ книжекъ, не имѣющихъ никакой исторической цѣны и никакого отношенія къ его предмету, наконецъ безграничнымъ фантазёромъ. Въ этомъ отношеніи приговоръ о немъ Марцали кажется намъ даже слишкомъ мягкимъ и снисходителльнымъ. Онъ полагаетъ (стр. 635), что Анонима невѣрно называютъ *поддѣлывателемъ*, сочиняющимъ исторіи ради своихъ тенденцій. «Его живая фантазія, говоритъ нашъ критикъ, схватываетъ содержаніе его познаній и переноситъ это содержаніе въ область прошедшаго, подобно тому, какъ живописцы его времени изображаютъ Бога въ епископской одеждѣ, и какъ каждая нація одѣвала святыхъ по своей временной модѣ.....» Въ такомъ заключеніи проглядываетъ явное снисхожденіе къ Анониму, котораго онъ едва-ли заслуживаетъ. Онъ во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду написать *исторію*, и притомъ основанную «не на лживыхъ басняхъ поселянъ, или на болтливыхъ пѣсняхъ народныхъ музыкантовъ, но на опредѣленномъ истолкованіи письменныхъ памятниковъ», какъ самъ выражается въ *прологѣ*,—а потому его пріемы и выборъ источниковъ ничѣмъ не могутъ быть оправданы. Къ тому же извѣстную тенденцію признаетъ у него и самъ Марцали. Она, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что только потомки Альма должны властвовать надъ Уграми, и объясняется положеніемъ дѣлъ по вопросу о престолонаслѣдіи въ Угріи послѣ Владислава IV, въ концѣ XIII в., когда Карлъ Анжуйскій явился претендентомъ на престолъ. Анонимъ принадлежалъ къ національной партіи, выставлявшей своимъ кандидатомъ единственнаго мужескаго потомка Арпада, *Андрея*, и можетъ быть считалъ нужнымъ *на почвѣ исторіи* вступиться за права дома Арпада. Въ этомъ-де и заключается его главная тенденція. Какъ-бы то ни было, тенденціозность Анонима неоспорима, и въ этомъ отношеніи такъ и бьётъ въ глаза его чрезмѣрное національное пристрастіе, подъ вліяніемъ котораго онъ

татамъ; ибо распутать, согласить и удовлетворительно разъяснить подобныя показанія является дѣломъ въ высшей степени труднымъ, а иногда просто невозможнымъ.

Сравнительно болѣе полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о мадьярскомъ движеніи сообщаетъ имп. *Константинъ Богрянородный* (пис. 948 - 953 гг.). Этотъ прилежный писатель пользовался вообще довольно надёжными и достовѣрными источниками, особенно по вопросамъ, близко касавшимся византійскихъ дѣлъ и отношеній, но конечно ожидать отъ него пріемовъ осторожной

до крайности раздуваетъ и ставитъ на ходули дѣйствительныя и мнимыя дѣла и подвиги Угровъ и ихъ историческихъ дѣятелей, приписывая послѣднимъ необыкновенную доблесть, мужество и геройство и окружая ихъ ореоломъ недосягаемой славы и величія. Самые главные выводы Марцали объ источникахъ Анонима сводятся къ слѣдующему. Изъ *латинскихъ* писателей можно доказать пользованіе Юстиномъ, и притомъ непосредственно, а не только черезъ Регинона, изъ котораго Анонимъ черпалъ кромѣ того. Есть слѣды заимствованія изъ «Polyhistor»'а Солина. Вліяніе Исидора въ страсти къ этимологизированью и къ построенію исторіи на этой основѣ замѣтно на каждомъ шагу. Но однимъ изъ главныхъ источниковъ Анонима было столь распространенное въ средніе вѣка *сказаніе объ Александрѣ Великомъ* «Alexandri Magni liber de preliis», переведенное съ греческаго Псевдокалисѳена итальянскимъ попомъ Львомъ въ пол. X в. Весь планъ повѣствованія напоминаетъ скорѣе это сказаніе, чѣмъ книгу Іисуса Навина, какъ думалъ Рёслеръ. Это подтверждается массой сходныхъ мѣстъ и почти буквальныхъ повтореній и заимствованій. Слѣды занятій автора *Троянской сагой* (о чемъ онъ говоритъ въ Прологѣ) также не остались безъ вліянія на его компиляцію, хотя и не въ той степени, какъ Александрида. Независимо отъ Дареса Ѳригіуса, можно прослѣдить заимствованіе Анонима у Guido de Columpna, хотя объ отождествленіи его съ этимъ лицомъ (какъ хотѣли Белёвскій и Пилатъ) не можетъ быть и рѣчи. Таковы разнообразные источники мадьярскаго хрониста. Однако это еще не все. Самый любопытный и неожиданный результатъ изслѣдованія Марцали — есть отысканіе еще одной основы у Анонима, и притомъ исторической, но къ сожалѣнію не настоящей.... Эта основа — *нашествіе Монголовъ на Угрію* въ XIII в., живыми свѣдѣніями о которомъ и воспользовался мадьярскій историкъ для изображенія переселенія Мадьяръ въ Угрію. Большинство подробностей этого переселенія прямо перенесено съ Татаръ на Угровъ. Достаточно упомянуть здѣсь путь Угровъ по Россіи, города Суздаль и Кіевъ, битву съ русскими князьями и Половцами—Куманами подъ Кіевомъ, побѣдоносное шествіе черезъ Галицію, переходъ черезъ сѣверо-восточные Карпаты и т. д. Этотъ источникъ даетъ лучшую точку опоры и для рѣшенія вопроса о *времени* составленія хроники. Какъ это обстоятельство такъ и вообще содержаніе всего произведенія не оставляютъ болѣе и тѣни

исторической критики—невозможно: онъ сообщаетъ слышанные или найденные имъ въ источникахъ факты безъ надлежащей провѣрки и строгой системы, часто повторяясь и путаясь, и такимъ образомъ задаетъ своимъ читателямъ не легкую работу тщательнаго критическаго анализа, распутыванья и приведенія въ порядокъ своихъ сбивчивыхъ разсказовъ. Мы не знаемъ въ точности, откуда собственно черпалъ Константинъ свои извѣстія о пребываніи Мадьяръ въ южной Россіи, но происхожденіе ихъ очевидно *современно* тѣмъ событіямъ, коихъ они касаются. Надо

сомнѣнія, что оно относится къ концу XIII в. Марцали приводитъ кромѣ того рядъ основательныхъ соображеній по этому вопросу. Обнаруженіе вышеупомянутой тенденціи автора, т. е. желанія защитить права Арпадова потомства, даетъ ему точку опоры для возможно точнаго установленія времени написанія труда Нотарія, именно промежутокъ времени *между 1278 и 1282 г.* Въ 1278 г. Карлъ Анжуйскій принимаетъ титулъ короля Угорскаго, и противъ его партіи сильно вооружается народная партія. Послѣ 1282 г. сочиненіе Анонима не могло быть написано потому, что въ этомъ году произошло возстаніе Кумановъ и разрывъ между ними и народомъ, а Нотарій относится къ нимъ очень сочувственно, такъ какъ они были опорой національной партіи до своего возстанія. — Отражающееся у Анонима политическое и внутреннее состояніе Угріи также какъ нельзя болѣе подходитъ къ означенной эпохѣ — послѣдней четверти XIII в. Что касается личности Анонима, то Марцали останавливается на нѣкомъ магистрѣ Pous, котораго Бѣла IV (1235—1270) называетъ: «aulae nostrae notarius», и имя котораго встрѣчается въ трехъ грамотахъ (1266, 1267, 1275). Онъ пережилъ Бѣлу IV, и потому могъ его называть «quondam gloriosissimus rex». Его нерѣдко употребляли посломъ отъ короля, и этому онъ вѣроятно обязанъ своими значительными литературными и географическими познаніями. Такъ какъ въ «Прологѣ» хроники авторъ ея означенъ буквой *P. dictus Magister* etc. и время его дѣятельности совпадаетъ съ принятымъ временемъ написанія труда, то гипотеза Марцали представляется очень вѣроятною.—Впрочемъ противъ Марцали и его опредѣленія времени жизни Анонима возсталъ недавно другой мадьярскій ученый Florian Mátyás, отстаивающій мнѣніе, что хроника эта написана въ концѣ XII или нач. XIII в. и что авторъ ея былъ Нотаріемъ короля Бѣлы III (1173—1196). Онъ основывается между прочимъ на внѣшней характеристикѣ Анонимомъ Кумановъ (брѣющихъ голову), не подходящей будто-бы къ концу XIII в., на невозможности допустить, чтобы Анонимъ былъ современникомъ Сим. Кезы (послѣ 1282), въ виду разности ихъ хроникъ въ исходныхъ точкахъ и проч., наконецъ на нѣкоторыхъ чертахъ рукописи, будто-бы не соотвѣтствующихъ эпохѣ. См. «Literarische Berichte aus Ungarn», B. III, H. 2, Budapest, 1879; Sitzungsber., S. 331. Однакожъ всѣ доводы противника Марцали кажутся намъ мало убѣдительными въ сравненіи съ его вѣскими доказательствами.

слѣдовательно предположить у вѣнценоснаго историка какой-нибудь *письменный* источникъ. Никакихъ современныхъ той эпохѣ византійскихъ писателей, писавшихъ о Мадьярахъ, мы не знаемъ; но что въ Византіи IX вѣка хорошо знали о появленіи и движеніяхъ Мадьяръ на сѣверѣ отъ Понта и о ихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ народамъ,— въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ византійцы могли почерпать главнымъ образомъ путемъ довольно оживленныхъ сношеній съ Хозарами, съ которыми Византія находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ, а Хозары въ свою очередь были въ тѣсныхъ связяхъ съ Мадьярами во время кочевокъ сихъ послѣднихъ въ южныхъ степяхъ Россіи. Византійскіе послы, возвращавшіеся изъ Хозаріи, сообщали императорскому правительству конечно все, что узнавали и на что наталкивались во время своего пути и пребыванія у варваровъ. Впрочемъ свидѣтельства Константина о Мадьярахъ обличаютъ также и *славянскій* источникъ его свѣдѣній, и дѣйствительно былъ безъ сомнѣнія и подобный источникъ. Вспомнимъ только, что Мадьяры сбывали своихъ славянскихъ (русскихъ) плѣнныхъ Грекамъ: конечно, изъ устъ этихъ плѣнниковъ могли доходить разсказы о Мадьярахъ до византійскаго правительства и до императора. Всѣ эти свѣдѣнія были безъ сомнѣнія тщательно записываемы, вѣроятно официальнымъ образомъ (изъ политическихъ видовъ), и хранились въ византійскомъ архивѣ, гдѣ ими въ свое время и могъ пользоваться императоръ Константинъ Багрянородный.

Что касается *нашего лѣтописца*, упоминающаго въ самыхъ краткихъ словахъ о движеніи Угровъ мимо Кіева, то его показаніе несомнѣнно имѣетъ для насъ важное значеніе, тѣмъ болѣе, что, повидимому, нѣсколько отзывается мѣстнымъ преданіемъ. Заслуживаетъ ли однако безусловнаго довѣрія рѣшительно все, что сообщаетъ Несторъ, и особенно срокъ, къ которому онъ пріурочиваетъ это событіе, — другой вопросъ, который будетъ разобранъ нами въ своемъ мѣстѣ. Много попытокъ сдѣлано было учеными, чтобы добиться яснаго пониманія всѣхъ сохранившихся

свидѣтельствъ, но до сихъ поръ, надо признаться, результаты далеко не соотвѣтствуютъ массѣ потраченнаго труда [1]). Относительно главныхъ вопросовъ пришли, правда, къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ и заключеніямъ, которыя уже пріобрѣли почти общее признаніе, но несмотря на то, положеніе дѣла не можетъ удовлетворить пытливаго изслѣдователя. Существующія извѣстія и данныя даютъ поводъ ко многимъ весьма, повидимому, правдоподобнымъ догадкамъ и предположеніямъ, но подтвердить или опровергнуть ихъ могли бы только какіе-нибудь вновь найденные источники. Во всякомъ случаѣ всякая новая провѣрка добытыхъ результатовъ не безполезна и можетъ не пропасть безслѣдно для дальнѣйшихъ изысканій.

Никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о времени выступленія Мадьяръ изъ ихъ первоначальной сѣверной родины не имѣется [2]), а потому приходится довольствоваться приблизительнымъ заключеніемъ изъ извѣстныхъ намъ фактовъ и данныхъ. Многія соображенія, основанныя, какъ увидимъ, на общей связи и послѣдовательности событій (какими они являются въ нашихъ источникахъ), побуждаютъ насъ отнести выходъ Мадьяръ изъ прародины не позже (да кажется и не ранѣе), какъ къ началу IX вѣка.

Причины этого событія безъ сомнѣнія были сходны съ тѣми, что̀ въ разное время побуждали и другія восточныя племена и орды оставлять свои азіатскія кочевья и переселяться на западъ, въ сосѣдство культурныхъ народовъ Европы, подобно магниту

[1]) Надъ разъясненіемъ извѣстій Константина Багрянороднаго особенно потрудился Кассель (Magyarische Alterthümer), но и его попытка должна быть признана вообще мало удачною.

[2]) Анонимъ-Нотарій кор. Бѣлы разсказываетъ, будто «семь мадьярскихъ вождей (Hetumoger) выступили изъ земли скиѳской въ 884 году, какъ показано въ анналахъ» (Anon. Gesta Hungar. Monum. Arpad. Endlicher, p. 8); добиться, откуда онъ почерпнулъ это хронологическое указаніе, нѣтъ возможности, да и нѣтъ впрочемъ особенной надобности, ибо, зная цѣну этому писателю, мы рѣшительно не можемъ серіозно относиться къ его свидѣтельствамъ,— еслибъ даже нѣкоторыя изъ нихъ и казались правдоподобными....

всегда притягивавшихъ къ себѣ все новыя и новыя массы восточныхъ варваровъ. Въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ привлекательнымъ богатствамъ запада и юга одна какая-нибудь азіятская орда ставила на ноги множество другихъ кочевыхъ ордъ и племенъ, производила всеобщее движеніе и волненіе, и послѣдовательно двигалась впередъ, увлекая за собою волею или неволею полчища сосѣднихъ и на пути встрѣчавшихся племенъ, такимъ образомъ все возрастая въ своемъ количествѣ, разнообразясь въ своемъ составѣ. Такими разноплеменными массами были въ періодъ великаго переселенія орда страшныхъ Гунновъ, а за ними не менѣе страшные для запада Авары. Конечно, первый толчокъ ко всѣмъ подобнымъ движеніямъ исходилъ постоянно изъ среды предпріимчивой и подвижной турецко-татарской расы, а уже эти воинственные кочевники частью подстрекали къ соединенію съ собой, частью силою увлекали болѣе пассивныя и менѣе подвижные элементы финской расы. Впрочемъ въ тѣсномъ сообществѣ и затѣмъ кровномъ смѣшеніи съ Турками, подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ, и эти финскіе элементы усвоивали себѣ довольно быстро черты турецкаго характера, а иногда даже мало по малу совершенно перерождались.

Есть полное основаніе предполагать, что въ полчищахъ Гунновъ и Аваровъ, особенно въ первыхъ, финскій элементъ игралъ не послѣднюю роль, но слѣдовъ этого явленія въ свидѣтельствахъ западныхъ лѣтописцевъ мы не можемъ искать уже потому, что въ эпоху столкновенія этихъ ордъ съ культурными народами западной и южной Европы финскій элементъ долженъ былъ уже настолько слиться съ преобладавшимъ турецко-татарскимъ, не только во внѣшности, но и въ характерѣ, нравахъ и обычаяхъ, что племенное различіе не могло болѣе бросаться въ глаза.

Итакъ, если мы признаемъ, что починъ въ народныхъ переселеніяхъ на западъ принадлежалъ всегда, согласно справедливому наблюденію ученыхъ, племенамъ турецко-татарскимъ, то что же сказать о выселеніи и вторженіи въ западную Европу

Мадьяръ, принадлежащихъ, какъ мы видѣли, по происхожденію къ вообще пассивнымъ и мало предпріимчивымъ финно-угорскимъ племенамъ? Составляютъ ли они, Мадьяры, поразительное и совершенно необъяснимое исключеніе изъ общаго правила, или и въ ихъ переселеніи кроется что-то такое, въ чемъ видно только повтореніе одного изъ обычныхъ явленій исторіи народныхъ движеній съ азіятскаго востока на европейскій западъ? Конечно, здравый смыслъ заставляетъ принять скорѣе послѣднее объясненіе. Авторъ исторіи Мадьяръ, Фесслеръ, стоявшій за турецкое ихъ происхожденіе, опирался между прочимъ на тотъ доводъ, что «будь Мадьяры Финнами, они вѣроятно и нынѣ жили бы со своими родичами въ сѣверовосточной Россіи, съ Черемисами, Вотяками, Зырянами, Пермяками и Вогулами, не уступая имъ въ грубости, тупоуміи, лѣни и нищетѣ» [1]). Этотъ доводъ дѣйствительно могъ бы имѣть силу, еслибъ финское происхожденіе Угровъ не было окончательно и безповоротно доказано еще болѣе сильными доводами сравнительнаго языкознанія и еслибъ намъ не были извѣстны нѣкоторыя данныя, касающіяся жизни Мадьяръ въ прародинѣ, данныя, которыми можно объяснить выселеніе Мадьяръ и безъ предположенія ихъ турецкаго происхожденія. Дѣло въ томъ, что это финно-угорское племя, какъ было уже нами разъяснено, находилось, благодаря своему географическому положенію, въ довольно исключительныхъ условіяхъ, и потому не можетъ быть вполнѣ приравнено къ прочимъ финскимъ племенамъ: оно жило на юго-восточной окраинѣ первоначальной финно-угорской территоріи въ Россіи, гдѣ-то въ южныхъ предѣлахъ Югры нашихъ лѣтописей, и издавна сосѣдило съ разными турецкими племенами, каковы Башкиры, Камскіе Болгары, предки нынѣшнихъ Чувашей и проч. Объ этомъ исконномъ сосѣдствѣ и взаимномъ общеніи съ турецкими племенами достаточно свидѣтельствуютъ данныя мадьярскаго языка. Итакъ вотъ въ этомъ-то непосредственномъ

[1]) Fessler, Gesch. d. Ung. (1815), S. 228.

соприкосновеніи и первобытномъ вліяніи Турковъ на Мадьяръ и кроется, по нашему мнѣнію, тайна оставленія Уграми ихъ родины, стремленія на западъ и появленія на границахъ культурнаго Европейскаго міра, какъ хищной, кочевой и воинственной орды со всѣми типическими чертами прежнихъ полчищъ восточныхъ варваровъ, громившихъ Европу, въ родѣ Гунновъ, Болгаръ и Аваровъ. Мадьяры уже въ первоначальныхъ своихъ жилищахъ должны были, подъ вліяніемъ постояннаго общенія и смѣшенія съ Турками, утратить нѣсколько свою природную финскую апатію и непредпріимчивость. Не слѣдуетъ также забывать, что всякій полукочевой, не земледѣльческій народъ, какимъ были Угры въ прародинѣ, даже пассивнаго характера, отличается сравнительною подвижностью, безъ особеннаго труда перемѣщается съ мѣста на мѣсто (чему всегда способствуетъ малонаселенность земель) и вообще довольно легокъ на подъёмъ. Такимъ образомъ и въ мадьярскомъ племени существовали всѣ данныя, при которыхъ становилось возможнымъ предпріятіе, подобное общему переселенію въ другія страны [1]). Для осуществленія его необходимъ былъ только ближайшій поводъ, какой-нибудь внѣшній толчокъ, напоръ другого народа или что-либо подобное. Очевидно, что такой поводъ или толчокъ наконецъ явился и, увлекши Мадьяръ въ круговоротъ народныхъ движеній, происходившихъ на великомъ южномъ пути изъ Азіи въ Европу, выдвинулъ ихъ на историческое поприще и предопредѣлилъ имъ важную роль въ судьбахъ западной Европы и ея народовъ. Къ сожалѣнію, исторія не оставила намъ никакихъ положительныхъ извѣстій о томъ, что́ было именно поводомъ или ближайшей причиной выселенія Мадьяръ, такъ что мы должны ограничиться болѣе или менѣе произвольными предположеніями и догадками. Но во всякомъ случаѣ всего правдоподобнѣе кажется намъ предположить какой-нибудь внѣшній толчокъ, напр. напоръ

[1]) Тѣмъ не менѣе финское происхожденіе Мадьяръ всетаки сказалось въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ, между прочимъ тѣмъ, что они постоянно оказывались слабѣе Печенѣговъ-Турковъ, и принуждены были отступать передъ ними. Чисто-турецкое племя всегда брало верхъ надъ турецко-финскимъ.

съ востока турецкихъ племенъ, который въ свою очередь могъ быть вызванъ болѣе общимъ движеніемъ азіятскихъ ордъ въ самой Азіи. Очень можетъ быть, что непосредственными утѣснителями Мадьяръ были уже тогда Печенѣги, кочевавшіе въ степяхъ между Волгой и Яикомъ. По крайней мѣрѣ при дальнѣйшемъ своемъ движеніи на западъ Мадьяры постоянно находились подъ давленіемъ Печенѣговъ, которымъ принуждены были уступать свои мѣстожительства. Объ этомъ есть прямыя извѣстія у имп. Константина Багрянороднаго [1]). Онъ же въ одномъ мѣстѣ, говоря вообще объ отношеніяхъ Мадьяръ къ Печенѣгамъ, замѣчаетъ, что «Турки (Мадьяры) сильно боятся Печенѣговъ вслѣдствіе того, что бывали часто побѣждены ими и чуть не истреблены окончательно; оттого Печенѣги считаются страшными для Турокъ и сдерживаютъ ихъ» [2]). По вопросу о выселеніи Мадьяръ было еще выражено мнѣніе, которое кажется намъ не менѣе правдоподобнымъ. В. И. Ламанскимъ была высказана мысль, что выселеніе Мадьяръ могло произойти и вслѣдствіе какого-нибудь неизвѣстнаго намъ движенія или давленія русскихъ Славянъ на Финновъ [3]). Дѣйствительно, въ то время можно предположить и подобное давленіе съ запада на Угровъ, которое впрочемъ конечно не исключаетъ возможности и толчка съ востока. Тѣснимымъ съ разныхъ сторонъ Мадьярамъ не оставалось ничего болѣе, какъ или покориться внѣшней силѣ, или выселиться и искать новыхъ жилищъ. Они предпочли послѣднее. Это рѣшеніе они приняли по всей вѣроятности подъ вліяніемъ сосѣднихъ турецкихъ элементовъ, которые, находясь въ такомъ же положеніи тѣснимыхъ, могли даже показать примѣръ и увлечь за собой менѣе предпріимчивыхъ сосѣдей. Гораздо менѣе правдоподобно предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что Мадьярами просто овладѣло стремленіе къ странствованію (Wandertrieb), стремленіе, нерѣдко проявляющееся у народовъ

[1] De Adm. Imp, c. 37, 38.

[2]) Ibid., c. 3, p. 70.

[3]) Ламанскій, Объ ист. изуч. Греко-Слав. міра. Спб. 1871, стр. 313.

на первоначальной ступени развитія и вызывающее у нихъ соединеніе племенъ и военную организацію [1]). Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводится примѣръ не далѣе, какъ изъ прошлаго вѣка (1770), когда одно Калмыцкое племя *Торготовъ*, побуждаемое подобнымъ же стремленіемъ, оставило свои мирныя жилища въ степяхъ между Дономъ и Волгой и въ числѣ 50,000 слишкомъ семействъ направилось на востокъ, дабы вернуться въ предѣлы Китая, откуда оно будто-бы выселилось. Ничто, говорятъ, не могло измѣнить рѣшенія этихъ переселенцевъ: они ввели у себя военный порядокъ и со всѣхъ сторонъ окружили себя военными отрядами. Несмотря на то, что имъ приходилось переходить по пустыннымъ мѣстностямъ и среди враждебныхъ народовъ, бóльшая часть ихъ совершила весь далекій путь въ 8 мѣсяцевъ [2]). Это—во всякомъ случаѣ весьма характеристичное явленіе, но для насъ оно не представляетъ подходящей аналогіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выселеніемъ изъ первоначальной родины, а тамъ (у Калмыковъ) напротивъ съ стремленіемъ возвратиться на родину, къ тому же и не съ финскимъ племенемъ; да и тутъ нельзя всетаки не предположить какой-нибудь достаточно важной побудительной причины, напр. недовольства своими кочевьями, зависимымъ положеніемъ и т. п. Наконецъ ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что—разъ мы допустили возможность участія финскаго элемента въ гуннскихъ, а можетъ быть и аварскихъ полчищахъ,—для насъ уже не можетъ казаться чѣмъ-то совершенно загадочнымъ движеніе на западъ цѣлаго финно-угорскаго племени, особенно когда это движеніе можетъ быть поставлено въ связь съ весьма естественными историческими явленіями и причинами [3]).

[1]) Büdinger, Oesterr. Gesch., I B. 1858, S. 214.

[2]) Ibid. См. описаніе этого выселенія Волжскихъ Калмыковъ у Палласа: Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, durch P. S. Pallas, I T. St.-Petersb., 1776., S. 90—96.

[3]) Увѣреніе Анонима (Endlicher, Gesta Hungar., p. 5), будто Мадьяры принуждены были выселиться изъ-за чрезмѣрнаго наращенія населенія, которое не могло ни помѣститься, ни прокормиться на своей родинѣ, заключаетъ въ

Итакъ Мадьяры, кажется, въ нач. IX в. оставили свою родину за Волгой и Камой и пустились искать счастья въ иныхъ странахъ, слухъ о богатствахъ и благоденствіи которыхъ давно конечно проникъ въ ихъ суровыя сѣверныя жилища. Путь ихъ шелъ въ югозападномъ направленіи. Мы не знаемъ, выступило ли все мадьярское племя, или часть его осталась въ родной странѣ. Это для насъ не такъ важно. Важнѣе для насъ другое: не можетъ быть, на нашъ взглядъ, никакого сомнѣнія въ томъ, что съ Мадьярами соединились значительныя толпы сосѣднихъ и близкихъ къ нимъ турецкихъ кочевниковъ (напр. Башкировъ), склонныхъ къ странствованью и къ хищническимъ набѣгамъ [1]).

Дошедшія до насъ свидѣтельства исторіи застаютъ Мадьяръ уже въ южныхъ степяхъ Россіи, въ сосѣдствѣ и близкомъ общеніи съ Хозарами, потомъ около днѣпровской Руси, на берегахъ Чернаго моря и еще далѣе на югозападъ. Ради ясности и удобства дальнѣйшаго изложенія мы приведемъ сначала подърядъ всѣ эти свидѣтельства. Начнемъ съ Константина Багрянороднаго, какъ главнаго нашего источника.

Въ *37-й гл.* (Ed. Bonn., p. 164 сочиненія «De Adm. Imp.») Константинъ разсказываетъ, что Печенѣги жили прежде на р. Ателѣ (Волгѣ) и Геэхѣ (Γεήχ, Яикъ) въ сосѣдствѣ съ Мазарами (явная ошибка писца вм. «Хазарами») [2]) и Узами. Хозары соеди-

себѣ такъ мало правдоподобнаго, что искать въ немъ какого-либо историческаго основанія было бы совершенно напрасно. Въ сообщеніи Рихарда о путешествіи миссіонеровъ и объ отысканіи монах. Юліаномъ «Великой Угріи» выставлена *та же причина* выселенія Мадьяръ (De facto Ung. Magnae, ibid. p. 248: eo quod terra ipsorum multitudinem inhabitantium sustinere non posset) Конечно это—догадка самого ученаго монаха. Не отсюда ли заимствовалъ ее и Анонимъ (писавшій позже, въ к. XIII в)?

[1]) Разумѣется, при дальнѣйшемъ слѣдованіи мадьярская орда увеличилась еще многими другими выходцами. Въ этомъ случаѣ есть правда и въ словахъ Анонима говорящаго, что Альмусъ выступилъ: «nec non cum multitudine magna populorum non numerata foederatorum». Endlicher, p. 8. Срв. Fessler, Gesch., S. 232; Zeuss, S. 753—755.

[2]) Видѣть въ «Мазарахъ» — Мадьяръ нѣтъ никакого основанія; тутъ ошибка очевидна, какъ это уже признали Fessler, S. 225, Zeuss, S. 747—8 (прим.) и Cassel, S. 125.

нились съ Узами противъ Печенѣговъ и изгнали ихъ изъ ихъ жилищъ, которыя заняли Узы. Изгнанные Печенѣги искали себѣ новыхъ жилищъ; «прибывъ въ землю, которую нынѣ населяютъ, и найдя живущихъ въ ней Турковъ (т. е. Мадьяръ), они пошли противъ нихъ войною, побѣдили и вытѣснили оттуда, поселились тамъ сами и до сихъ поръ занимаютъ эту страну, какъ говорятъ, въ теченіе 55 лѣтъ».

Въ слѣдующей *38-й главѣ* (p. 168), исключительно посвященной Мадьярамъ, Константинъ разсказываетъ:

«Народъ Турковъ обиталъ нѣкогда близь Хозаріи, въ мѣстности *Лебедіи* (Λεβεδία), называемой такъ по имени перваго ихъ воеводы, котораго звали по имени *Лебедіасомъ* (Λεβεδίας), а по достоинству *воеводой* (βοέβοδος), какъ и его преемниковъ. Въ этой вышеназванной мѣстности Лебедіи была рѣка Χιδμάς, называемая также Χιγγυλούς. Въ то время они не назывались Турками, а по какой-то причинѣ Σαβαρτοιάσφαλοι. Этихъ Турковъ было семь племенъ, никогда они не имѣли царя (ἄρχων), ни своего, ни чужого, но были у нихъ какіе-то воеводы, изъ которыхъ первымъ былъ вышеупомянутый воевода Лебедіасъ. Съ Хозарами они жили вмѣстѣ три года, участвуя во всѣхъ ихъ войнахъ. Хаганъ-царь хозарскій за храбрость и содѣйствіе Турковъ далъ въ жены ихъ первому воеводѣ Лебедію — хозарку знатнаго происхожденія, чтобы онъ имѣлъ отъ нея потомство. Случилось однако, что Лебедіасъ дѣтей отъ этой хозарки не имѣлъ. — Печенѣги, нѣкогда назывꙗвшіеся Κάγγαρ (что означаетъ у нихъ благородство и доблесть), побѣжденные въ войнѣ съ Хозарами, принуждены были оставить свою землю и занять землю Турковъ. Въ возникшей между тѣми и другими войнѣ Турки (τὸ τῶν Τούρκων φοσσάτον) были разбиты и раздѣлились на двѣ части. Одна часть, направившись на востокъ, заселила часть Персіи (и до сихъ поръ она сохранила прежнее названіе Турковъ Σαβαρτοιάσφαλοι); другая же часть, направившись къ за-

паду, поселилась вмѣстѣ съ своимъ воеводой и вождемъ Лебедіасомъ, въ странѣ, называемой *Ателькузу* (Ἀτελκούζου), гдѣ живутъ нынѣ Печенѣги. Черезъ нѣсколько времени хаганъ-царь хозарскій просилъ Турковъ прислать къ нему «хеландію» (χελάνδια) съ ихъ первымъ воеводой. Лебедіасъ, прибывъ въ хагану хозарскому, спросилъ немедленно о причинѣ, побудившей послать за нимъ. Хаганъ отвѣчалъ, что мы де призвали тебя для того, чтобы сдѣлать тебя—человѣка знатнаго происхожденія, разумнаго и энергичнаго, считающагося первымъ у Турковъ — *царемъ* твоего народа, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ты былъ подчиненъ и подвластенъ намъ. Лебедіасъ отвѣчалъ хагану, что онъ высоко цѣнитъ его расположеніе, уважаетъ его желаніе и изъявляетъ ему свою великую благодарность; но, сказалъ онъ затѣмъ, «такъ какъ я неспособенъ къ такой власти, то не могу согласиться принять ее, а есть кромѣ меня еще воевода, по имени Σαλμούτζης, у котораго есть сынъ *Арпадъ* (Ἀρπαδῆς). Пусть лучше изъ нихъ станетъ царемъ Салмуцъ или его сынъ Арпадъ и будетъ подвластенъ тебѣ». Эти слова понравились хагану, и онъ послалъ съ нимъ своихъ людей къ Туркамъ. Когда они переговорили объ этомъ, Турки рѣшили, что лучше быть царемъ Арпаду, чѣмъ его отцу Салмуцу, такъ какъ онъ болѣе достоинъ, замѣчателенъ умомъ, совѣтомъ и мужествомъ и способнѣе къ такой власти. И они сдѣлали его царемъ, по обычаю и закону Хозаръ [1]), поднявъ его на щитѣ. До этого Арпада Турки никогда никого не имѣли царемъ; изъ рода же Арпада и донынѣ происходитъ царь Туркіи. Черезъ нѣсколько времени Печенѣги, напавъ на Турковъ, преслѣдовали ихъ съ вождемъ ихъ Арпадомъ. Турки же, будучи побѣждены, въ бѣгствѣ и ища земли для поселенія, прибыли въ Великую Моравію и, прогнавъ жителей ея, расположились въ этой

[1]) С. 38, р. 170: κατὰ τὸ τῶν Χαζάρων ἔθος καὶ ζάκονον.

землѣ; въ ней и до сихъ поръ живутъ Турки. Съ той поры Турки не воевали болѣе съ Печенѣгами. Съ тѣми же вышеупомянутыми Турками, расположившимися на востокѣ въ краяхъ Персіи, до сей поры сносятся западные Турки, заботятся о нихъ и часто получаютъ отъ нихъ отвѣтныя посланія.

«Земля Печенѣговъ, въ которой когда-то жили Турки, называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ. Рѣки же эти слѣдующія: первая такъ называемая *Барухъ* (Βαρούχ), вторая т. н. *Кубу* (Κουβοῦ), третья — *Труллъ* (Τροῦλλος), четвертая—*Брутъ* (Βροῦτος), пятая—*Серетъ* (Σέρετος)».

39-ая глава посвящена племени *Кабаровъ* (р. 171):

«Такъ называемые Кабары происходятъ изъ рода Хозаръ. Когда же между ними произошло столкновеніе изъ-за власти и началась междоусобная война, то первая власть (πρῶτη ἀρχὴ) у нихъ одержала верхъ. Изъ другихъ часть была истреблена, часть бѣжала и поселилась съ Турками въ нынѣшней землѣ Печенѣговъ: они подружились между собой и тѣ были прозваны Кабарами. Такимъ образомъ они научили и Турковъ языку Хозаръ, и имъ самимъ до сихъ поръ знакомъ этотъ языкъ, но есть у нихъ и другой — языкъ Турковъ. Такъ какъ они превосходили силою и храбростью остальныя восемь племенъ, и превосходили ихъ въ войнѣ, то и заняли первое мѣсто среди прочихъ племенъ. Вождь у нихъ одинъ, т. е. у всѣхъ трехъ племенъ Кабаровъ. Таковой существуетъ и до сихъ поръ».

Арабскій писатель *Ибнъ-Даста* [1]), свидѣтельства котораго мы сейчасъ приведемъ, писалъ въ началѣ X в. (кажется не позже 913 г.) [2]); однако извѣстія его о Мадьярахъ относятся очевидно

[1]) Или собственно Ибн-Дустехъ (Ibn-Dusteh, Ibn-Dosteh), имя, которое считаютъ нѣкоторые искаженнымъ изъ *Ibn-Rosteh*. См. Ал-Бекри, Куника и Розена, 1878 (Прил. къ XXXII т. Запис. Акад. Н.), стр. 65 — 66.

[2]) Хвольсонъ, «Извѣстія Ибнъ-Даста о Хазарахъ, Буртасахъ и проч.». Спб. 1869. Введеніе, стр. 4. По предположенію Куника, авторъ источника,

еще къ тому времени, когда послѣдніе кочевали въ равнинахъ, примыкающихъ къ Черному морю, въ «Лебедіи» или «Ателькузу»: гдѣ именно, это — вопросъ, по которому намъ предстоитъ еще высказаться. Ибнъ-Даста разсказываетъ:

«Между землею Печенѣговъ и землею Болгарскихъ «Эсегель» лежитъ первый изъ краевъ (предѣловъ) Мадьярскихъ. Мадьяры эти — тюркское племя. Глава ихъ выступаетъ въ походъ съ 20,000 всадниковъ и называется Кендеһ. Это титулъ царя ихъ, потому что собственное имя человѣка, который царемъ у нихъ — *Джыла*. Всѣ Мадьяры повинуются приказаніямъ, которыя даетъ имъ глава ихъ по имени Джыла, прикажетъ ли онъ на врага итти, или врага отражать, или что другое. Живутъ они въ шатрахъ и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая кормовыя травы и удобныя пастбища. Земля ихъ обширна; одною окрайной своею она прилегаетъ къ Румскому морю (Черному морю), въ которое впадаютъ двѣ рѣки; одна изъ нихъ больше Джейгуна (Аму-Дарьи); между этими-то двумя рѣками и находится мѣстопребываніе Мадьяръ. Съ наступленіемъ зимняго времени, кто изъ нихъ къ какой рѣкѣ ближе, къ той рѣкѣ и прикочевываетъ и остается тамъ въ продолженіе зимы, занимаясь рыболовствомъ. Жить имъ зимой у тѣхъ рѣкъ удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Земля Мадьяръ богата лѣсами и водами; а почва тамъ сыра. Много у нихъ также и хлѣбопахотныхъ полей.—Мадьяры господствуютъ надъ всѣми сосѣдними Славянами, налагаютъ на нихъ тяжелые оброки и обращаются съ ними, какъ съ военно-плѣнными. Вѣра Мадьяръ огнепоклонническая. Воюя Славянъ и добывши отъ нихъ плѣнниковъ, отводятъ они этихъ плѣнниковъ берегомъ моря къ одной изъ пристаней

которымъ пользовался Ибнъ-Даста, могъ жить (и писать) въ концѣ IX в. Тогда было бы понятно, почему извѣстія Ибнъ-Дасты относятся именно къ послѣднему десятилѣтію IX вѣка. См. Извѣстія Ал-Бекри, Куника и Розена, тамъ-же, стр. 66.

Румской земли, которая зовется *Кархъ*. — Сказываютъ, что въ прежнія времена Хозаре, опасаясь Мадьяръ и другихъ сосѣднихъ съ землей своей народовъ, окапывались противъ нихъ рвами. А какъ дойдутъ Мадьяры съ плѣнными своими до Карха, Греки выходятъ къ нимъ на встрѣчу. Мадьяры заводятъ торгъ съ ними, отдаютъ имъ плѣнниковъ своихъ и въ замѣнъ ихъ получаютъ греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другіе греческіе товары» [1]).

Лѣтопись Нестора (какъ уже принято называть нашу начальную лѣтопись конца XI-го и нач. XII в.) сообщаетъ объ Уграхъ нѣсколько краткихъ, отрывочныхъ извѣстій, касающихся ихъ прохожденія мимо Кіева, слѣдовательно землею русскихъ Славянъ. Въ началѣ лѣтописи, послѣ разсказа о разселеніи славянскихъ племенъ, о пути изъ Варягъ въ Греки, о Кіи и его братьяхъ, о различныхъ русскихъ и финскихъ племенахъ и проч., лѣтописецъ, возвращаясь къ народамъ, господствовавшимъ надъ Славянами, говоритъ между прочимъ о *Бѣлыхъ Уграхъ*, подъ которыми—кстати сказать—до сихъ поръ обыкновенно разумѣли Хозаръ (См. Лѣтопись по Лаврент. сп., изд. Археограф. Комм. Спб. 1872 г. стр. 10).

[1]) Хвольсонъ, тамъ же, стр. 25—27 (срв. перев. у Рёслера Rom., St., S 362—363). Ал-Бекри (пис. XI в.) въ своихъ извѣстіяхъ о Мадьярахъ извлекаетъ кое-что изъ Ибнъ-Дасты, кое-что самъ прибавляетъ, но его показанія очень неточны и невѣрны въ географическомъ отношеніи, а потому для насъ имѣютъ мало значенія (Хвольсонъ, стр. 105 — 106). Ради полноты впрочемъ приводимъ ихъ здѣсь по изданію гг. Куника и Розена. (Извѣстія Ал-Бекри etc. ч. I, Спб. 1878, стр. 63): «Маджгарія между странами Печенѣговъ и странами Ашкл изъ Болгаръ. Маджгарія—идолопоклонники и титулъ ихъ царя Кнда. Они—народъ обитающій въ шатрахъ и слѣдящій за мѣстами, гдѣ выпалъ дождь и имѣется кормъ. И ширина ихъ страны 100 фарсаховъ и длина ея столько же. И одна изъ ея границъ соприкасается съ странами Рӯм-овъ, а въ концѣ ея границъ, по направленію къ пустынѣ, находится гора, на которой живетъ народъ, называемый А..йн и владѣющій лошадьми, скотомъ и пашнями. Ниже этой горы, на берегу моря живетъ народъ по имени Авгвна. Это христіане; они граничатъ съ мусульманскими странами, причисляемыми къ странамъ Тифлиса, гдѣ начинается граница Арменіи. И эта гора тянется до страны Бâл-ал абвâба, и доходитъ до страны Хазаръ».

> «Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии Болгаре, (и) сѣдоша по Дунаеви, (и) населници Словѣномъ быша. Посемь придоша Угри Бѣлии, (и) наслѣдиша землю Словѣньску; [прогнавши волохы иже бѣша преже приали землю словеньску, въ *сп. АР.*], си бо Угри начаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перьскаго».

Нѣсколько далѣе, послѣ разсказа объ Обрахъ (Аварахъ), лѣтописецъ замѣчаетъ (стр. 11): «По сихъ же (т. е. Аваръ) придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Чернии мимо Кіевъ, послѣже при Олзѣ».

Главное извѣстіе Нестора о проходѣ Угровъ мимо Кіева помѣщено подъ 6406 (т. е. 898-мъ) годомъ и читается такъ:

> «Идоша Угри мимо Киевъ горою (нѣтъ въ *РА сп.*), еже ся зоветь нынѣ Угорьское, (и) пришедъше къ Днѣпру сташа вежами; бѣша бо ходяще аки се Половци. Пришедше отъ въстока и устремишася чересъ горы великия (*ТРА сп:* яже прозвашася горы Угорьскиа), и почаша воевати на живущая ту Волохи (*Л*: волхі) и Словѣни. Сѣдяху бо (*РА* убо) ту преже Словѣни, и Волохове прияша землю Словеньску; посемъ же Угри погнаша Волъхи, и наслѣдиша землю (ту), и сѣдоша съ Словѣны (*РА:* словѣньми), покоривше (*Т*: и покорше) я подъ ся (*Т*: подъ ся прочее) (и) оттоле (оттуду) прозвася земля Угорьска. . . .» (тамъ же, стр. 24—25).

Ранѣе подъ 882 г. (6390) Несторъ въ двухъ мѣстахъ упоминаетъ какое-то мѣсто подъ Кіевомъ по имени «*Угорьское*».

Разсказывая объ Аскольдѣ и Дирѣ, онъ говоритъ, какъ Олегъ прибылъ къ горамъ Кіевскимъ, спрятавъ воиновъ въ ладьяхъ: «и приплу подъ Угорьское (*Т*: приплы подъ угорьская), похоронивъ вои своя, и посла къ Асколду и Дирови и т. д.». И далѣе, послѣ разсказа объ убіеніи Аскольда и Дира по приказанію Олега: «И убиша Асколда и Дира, (и) несоша на гору, и погребоша ѝ на горѣ (нѣтъ въ *РА сп.*), еже ся ныне зоветъ Угорь-

ское, где ныне Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ церковь святаго Николу...» (тамъ же, стр. 22—23).

Нельзя не упомянуть здѣсь еще, что въ *Воскресенскомъ* спискѣ лѣтописи Олегъ называетъ себя «гостемъ подугорскимъ»: «яко гость есмь *подугорской*... да придѣте къ намъ къ родомъ своимъ» [1]).

Къ эпохѣ пребыванія Угровъ въ южныхъ степяхъ Россіи относится еще извѣстіе о нихъ въ *Паннонскомъ Житіи Константина Философа.* Изъ этого источника мы узнаемъ, что какая-то шайка Угровъ совершила нападеніе на славянскаго апостола на пути его къ Хозарамъ. Вотъ что именно разсказываетъ объ этомъ Житіе. Какой-то христіанскій городъ былъ осажденъ хозарскимъ воеводою. Константинъ Философъ отправился къ этому воеводѣ, и проповѣдь его такъ подѣйствовала на послѣдняго, что онъ обѣщалъ креститься и оставилъ осаду города. Послѣ этого, продолжаетъ Житіе, Философъ пустился въ обратный путь, и въ первый часъ, когда онъ творилъ молитву, на него напали Угры съ воемъ, подобнымъ волчьему, и хотѣли убить его. Онъ же не устрашился и не оставилъ своей молитвы, а взывалъ только: «Господи помилуй», такъ какъ уже оканчивалъ службу. Они же, увидѣвъ это, по Божьему велѣнію, стали кротки и начали кланяться ему; услышавъ же изъ устъ его слово учительское, они отпустили его со всею дружиною» [2]).

Намъ остается еще привести извѣстіе *византійцевъ* о первомъ появленіи Угровъ на Дунаѣ, повидимому, относящемся ко второй четверти IX вѣка. Его сообщаютъ Продолжатель *Геор-*

[1]) О правдоподобности этого чтенія будетъ сказано ниже.

[2]) **Възвратив же се философь въ свои поуть, и въ прьвыи час, матвоу творещоу емоу, нападоше на нь оугри, ако влъчьскы выюще, хотеще оубити его· он же не оужасе се, ни остави своюе матвы, гн помлоуи тъкмо зовыи. бѣ бо оконуаль юже слоужьбоу. они же, оузрѣвше и, по бжїю повелѣнїю, оукротише се и наueше кланяти се емоу, и слышавше оуuителнаа словеса ѿ оусть его, ѿпоустише и съ вьсею дроужиною.** См. Паннонское житье Кирилла, изд. Бодянскимъ въ «Собраніи Памятниковъ» въ Чтеніяхъ Моск. Общ. И. и Д. 1863, № 2, стр. 12; 1873, кн. I, стр. 409. (См. также стр. 443—444, 477, 507—508). Срв. Dümmler, Süd.-Ö. M.), S. 53.

гія Амартола (писавшій не ранѣе второй полов. X в.) и авторъ хроники, дошедшей съ именемъ *Льва Грамматика* [1]). Мы приведемъ здѣсь извѣстіе Георгія Амартола (по изд. Муральта) и укажемъ (въ выноскахъ), въ чемъ разнится съ нимъ другое, Боннское изданіе Георгія и хроника (принадлежащая собственно Сим. Логоѳету) съ именемъ *Льва Грамматика*.

Въ исторіи царствованія имп. Михаила III и Ѳеодоры, въ главѣ «о воспитаніи Василія Македонянина» (Περὶ τῆς Μακέδονος Βασιλείου ἀνατροφῆς, Ed. Mur., p. 724), послѣ разсказа о взятіи Крумомъ Адріанополя и захватѣ въ плѣнъ 12 тысячъ человѣкъ

1) Вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ хроникъ (Георгія Амарт. и Льва Грамм.) другъ къ другу рѣшался донынѣ различно; преобладало мнѣніе (Муральта), что вся хроника Льва Грамм. есть заимствованье изъ Георгія. Въ новѣйшее время Гиршъ (Hirsch, Byzantin. Studien, 1876), тщательно изслѣдовавъ ту и другую хронику, пришелъ къ выводу, что оба автора въ большинствѣ случаевъ имѣли общіе источники и только въ позднѣйшей части Левъ Граммат. сдѣлалъ просто извлеченіе изъ Георгія (S. 47; 89—101). Однако и это мнѣніе оказалось не выдерживающимъ критики послѣ того, какъ проф. В. Г. Васильевскій, по поводу одной славянской редакціи *хроники Симеона Метафраста и Логоѳета*, пришелъ къ новому, неожиданному рѣшенію этого вопроса, тѣсно связаннаго съ вопросомъ о составѣ хроники Георгія Амартола и его Продолжателя. По мнѣнію Гирша (S. 51—54, 87—8), въ основу Продолжателя Георгія А. (842—948) легла хроника неизвѣстнаго Логоѳета (именемъ котораго и помѣчены многія рукописи), послужившая, какъ кажется, источникомъ также для распространенной (2-й) редакціи самого Амартола. Что *Логоѳетъ* писалъ самостоятельно свою хронику также и до 842 г., доказывается тѣмъ, что у Продолжателя Георгія въ занимающемъ насъ мѣстѣ (о Кордилѣ) есть фраза «какъ выше было разсказано», тогда какъ у Георгія въ исторіи Имп. Ѳеофила ничего объ этомъ нѣтъ. Вышеупомянутая славянская редакція съ именемъ Сим. Метафраста и Логоѳета оказалась, по изслѣдованію В. Г. Васильевскаго, именно той хроникой Логоѳета (имя Метафраста вошло вѣроятно ошибкою), которою воспользовался Продолжатель Амартола и авторъ 2-й редакціи хроники самого Георгія; такимъ образомъ предположеніе Гирша подтвердилось. Что же касается *хроники Льва Грамматика*, то проф. Васильевскій, по сличеніи ея съ хроникою Логоѳета, вполнѣ убѣдился, что это ничто иное, какъ та же самая хроника Логоѳета, что такимъ образомъ особой хроники, которой авторъ былъ бы Левъ Грамматикъ, вовсе не существуетъ, и исторія, извѣстная подъ его именемъ, оказывается не заимствованьемъ изъ Георгія Амартола, какъ полагали до сихъ поръ, а напротивъ прямымъ *источникомъ* Продолженія Амартола и распространенной его редакціи. Сообщеніе объ этомъ было сдѣлано проф. Васильевскимъ въ засѣданіи Филолог. Общ. при С.-Петерб. Универс. 3 апр. 1881 г. и въ печати еще не явилось.

(кромѣ женщинъ), которые были переселены затѣмъ въ Болгарію на сѣверъ (ἐκεῖθεν) отъ Дуная, Георгій продолжаетъ:

«Во времена императора Θеофила былъ въ Македоніи воинскій начальникъ по имени Кордилъ (Κορδύλης). Онъ имѣлъ взрослаго сына Барду, котораго онъ оставилъ вмѣсто себя управлять Македонянами, жившими за Дунаемъ (т. е. на сѣверъ). Онъ же съ нѣкоторою хитростью умѣлъ подступить къ Θеофилу [1]). Послѣдній принялъ его съ радостью и узнавъ, чего онъ желаетъ, послалъ суда, чтобы взять тѣхъ (т. е. Македонянъ) и привезти въ городъ (Византію). А княземъ Болгаріи былъ Владиміръ (ὁ Βαλδίμερ), потомокъ (или внукъ, ἔγγονος) Крума, отецъ Симеона, царствовавшаго послѣ [2]).

«Населеніе (т. е. греческое, на лѣвомъ берегу Дуная) приняло рѣшеніе уйти съ женами и дѣтьми въ Романію (т. е. на родину). Когда Михаилъ Болгарскій отправился въ г. Θессалонику (ἐξελθόντος δὲ τοῦ Μιχαὴλ Βουλγάρου ἐν Θεσσαλονίκῃ [3]), они стали переправляться собственными средствами. Узнавъ объ этомъ, начальникъ (болгарскій, κόμης) переправился имъ на встрѣчу и началъ военныя дѣйствія. Македоняне же, отчаяваясь, выбрали вождями Цанцеса (Τζάντζην) и Кордила и, принявъ сраженіе, убили многихъ, а нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ. Болгары же, не имѣвшіе возможности переправиться, обратились къ *Települ* (τοῖς Οὔγγροις [4]) и разсказали имъ обстоятельства, въ какихъ

[1]) Αὐτὸς δὲ μετὰ μηχανῆς τινος εἰσῆλθεν εἰς Θεόφιλον. Ed. Muralt., p. 724; здѣсь именно и вставлена фраза «καθὼς ἐκεῖσε προεγράφη», о которой рѣчь въ предыдущемъ примѣчаніи.

[2]) Georg. Ed. Mur. (p. 725): πατὴρ Συμεὼν τοῦ μετὰ ταῦτα κρατήσαντος; а Leo Gramm. (Ed. Bonn., p. 231): πατὴρ Συμεῶνος—просто; пояснительная фраза—очевидно позднѣйшее прибавленіе.

[3]) Въ Бонн. изд. Георгія, p. 217—219 читаемъ ἐξελθόντες — вслѣдствіе описки?

[4]) Ed. Bonn.: «Они же, не могши переправиться въ Болгарію, обратились...» οἱ δὲ μὴ δυνηθέντες περᾶσαι Βουλγαρίαν προσερρύησαν τοῖς Οὔγγροις. Муральтъ предлагаетъ читать здѣсь Οὔννοις вм. Οὔγγροις, но безъ достаточнаго основанія.

находились Македоняне. Прибыли и суда императора, посланныя для перевоза ихъ въ городъ (Византію). Между тѣмъ показались и *Унны* (Οὖννοι) въ несмѣтномъ числѣ; а тѣ, увидѣвъ ихъ, со слезами воскликнули: «о Боже св. Адріана, помоги намъ!» и стали въ боевой порядокъ. *Турки* же сказали имъ: «отдайте все ваше имущество и тогда убирайтесь съ Богомъ, куда хотите». Но тѣ не согласились, а въ теченіе трехъ дней стояли готовые къ бою; на четвертый же начали садиться на суда. Замѣтивъ это, Турки завязали бой, длившійся отъ 4-хъ часовъ дня до вечера. Ихъ отрядъ показалъ наконецъ тылъ и былъ преслѣдуемъ Македонянами. На слѣдующій день, когда они начали собираться (въ путь), Унны опять появились и напали на нихъ. Сопрѣтивленіе оказалъ однако молодой Македонянинъ (ἀναστὰς δὲ Μακεδὼν νεώτερος [1]) по имени Левъ, изъ рода Гомостовъ (τῶν Γομοστῶν), сдѣлавшійся впослѣдствіи ἑταιρειάρχης, и другіе знатные изъ Македонянъ обратили ихъ въ бѣгство и преслѣдовали. Вернувшись, они сѣли на корабли и благополучно прибыли къ императору, и бывъ имъ милостиво приняты, вернулись въ Македонію, въ родную свою страну. Василій (будущій императоръ) былъ молодымъ человѣкомъ, когда вернулся изъ плѣна, продолжавшагося при Львѣ и Михаилѣ Аморіи, и кончившагося при императорѣ Θеофилѣ, такъ что ему было тогда 25 лѣтъ....» [2]).

Итакъ весь этотъ эпизодъ разсказанъ ради Василія Македонянина, который ребенкомъ съ родителями былъ въ числѣ плѣнныхъ, переселенныхъ за Дунай, и вернулся изъ плѣна при Θеофилѣ, уже 25-ти лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ.

[1]) Ed. Bonn. Georg. Mon.: Μακεδόνων νεώτερος, Leo Gramm. (E. B. p. 232): Μακεδόνων ἕτερος.

[2]) Хроногр. Георг. Амартола изд. Муральта, Спб. 1859, стр. 724—726. (Учен. Зап. II Отд. Имп. Ак. Н., кн. VI, 1861). Въ Бонн. изд. Georg. Monach. о Василіи сказано всего: ἦν δὲ τότε Βασίλειος ὡς εἶναι τὰ ἔτη αὐτοῦ κε΄.

Разсказъ объ этомъ возвращеніи плѣнныхъ Грековъ изъ-за Дуная, но безъ эпизода объ Уграхъ, и вообще въ иномъ видѣ, передаютъ еще *Константинъ Багрянородный* въ «Vita Basilii» (Ed. Bonn. Theophanes Contin. l. V, c. 4, 5, p. 216—218) и *Кедринъ* (Cedren, Ed. B., p. 184—186); оба относятъ это событіе къ царствованію въ Болгаріи князя Мортагона [1]).

[1]) Есть еще упоминаніе о томъ же, но безъ всякихъ подробностей, у Constant. Manasses, ed. Bonn. p. 222, v. 5190 и слѣд.—Читатель уже знаетъ, почему мы не даемъ мѣста на ряду со всѣми этими свидѣтельствами разсказу *Анонима Нотарія кор. Бѣлы* о пути Угровъ черезъ Россію: разсказъ этотъ вымышленъ, подобно другимъ баснямъ этого писателя, и никакого отношенія къ исторической дѣйствительности не имѣетъ. Мы уже выше указали, что основаніемъ ему послужило нашествіе Татаръ на Угрію въ XIII в., подробности коего перенесены авторомъ цѣликомъ на Мадьяръ и ихъ переселеніе. Чтобы дать понятіе объ этомъ заимствованіи, мы сообщимъ лишь сущность этого повѣствованія: Въ 884 г. семь мадьярскихъ вождей (Hetumoger), между которыми былъ и Альмусъ (Almus) съ семействомъ, вышли изъ Скиѳской земли (о ней ранѣе, Mon. Arp., p. 3) къ западу, въ сопровожденіи безчисленнаго множества союзныхъ народовъ. Послѣ многодневнаго пути по пустымъ мѣстностямъ, они переплыли черезъ р. Этиль (Etyl, Волга) на кожаныхъ «торбахъ» (super tulbou sedentes) и, нигдѣ не встрѣчая ни дорогъ, ни селеній, прибыли наконецъ въ Россію, въ Суздаль (in Rusciam, que Susudal vocatur), а оттуда по землѣ Руссовъ безъ сопротивленія достигли Кіева (Kyeu). Здѣсь они имѣли столкновеніе съ князьями Руссовъ, которые не хотѣли имъ покоряться и призвали себѣ на помощь семь Куманскихъ вождей, имъ дружественныхъ. Произошла битва, передъ которой Альмусъ воинственною рѣчью возбуждалъ Мадьяръ къ мужеству. Мадьяры остались побѣдителями и загнали Руссовъ въ Кіевъ. Когда затѣмъ Альмусъ приступилъ къ осадѣ города, Руссы и Куманы вошли въ переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ на довольно тяжелыхъ для нихъ условіяхъ (ежегодная дань и проч.). Князья Руссовъ убѣждали Альмуса отправиться на западъ въ землю Паннонію, которою прежде владѣлъ Аттила и которую они очень восхваляли. Альмусъ обѣщалъ исполнить ихъ просьбу. Тогда и вожди Куманскіе, увидя милость его, добровольно покорились ему, говоря: «отнынѣ мы выбираемъ тебя господиномъ и вождемъ своимъ до послѣдняго колѣна и послѣдуемъ за тобой, куда только направитъ тебя судьба твоя». Такимъ образомъ Куманы присоединились къ Мадьярамъ, а равно примкнули къ нимъ и многіе изъ Руссовъ и вмѣстѣ отправились въ Паннонію По указанію Руссовъ, Альмусъ со всѣмъ народомъ пустился въ путь черезъ гор. Владиміръ (Lodomer), Галицію и черезъ горы Карпатскія въ нын. Угрію (см. Anonymi Gesta Hungar., Endlicher, Mon. Arpad., p. 8—13). — Мы видимъ здѣсь знакомыя черты движенія *Татаръ* по Россіи и отъ Кіева далѣе на западъ. Анонимъ ведетъ своихъ Угровъ въ дунайскую равнину съ сѣверо-востока, т. е. тѣмъ путемъ, которымъ шли Татары, причемъ для подтвержденія

Какъ ни коротки и ни отрывочны всѣ эти извѣстія, они все-таки даютъ возможность установить нѣсколько положительныхъ данныхъ, достовѣрность коихъ стоитъ внѣ сомнѣнія и на основаніи которыхъ можно придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ, немаловажнымъ для древней мадьярской исторіи. Съ другой стороны конечно, эти свидѣтельства открываютъ широкое поле и для всякихъ догадокъ и предположеній, болѣе или менѣе существенныхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ. Однако на этой скользкой почвѣ нельзя не быть особенно осторожнымъ и осмотрительнымъ.

Мы выше замѣтили, что выселеніе Мадьяръ изъ сѣверо-восточной Россіи должно было произойти никакъ *не позже* начала IX вѣка. Къ этому заключенію насъ въ особенности приводитъ то, что по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ Мадьяры около половины IX в. уже появляются на берегахъ Понта и простираютъ свои набѣги даже до нижняго Дуная: тамъ они нападаютъ на славянскаго апостола Кирилла на его пути къ Хозарамъ, здѣсь они оказываютъ помощь Болгарамъ противъ непослушныхъ имъ греческихъ военно-плѣнныхъ. Но и *гораздо ранѣе* этого срока, т. е. начала IX в., выселеніе Мадьяръ также не могло совершиться. Дѣло въ томъ, что мы не имѣемъ никакого основанія предполагать пребыванье Угровъ въ южныхъ степяхъ Россіи *продолжительнымъ*. Нельзя, конечно, положиться на показаніе Константина Багрянороднаго, что Угры про-

своего показанія пользуется еще этимологіей нѣкоторыхъ мѣстныхъ именъ, напр. *Унгвара* и *Мункача*. Подобно Татарамъ—Угры у него проходятъ черезъ Суздаль и Кіевъ, ихъ встрѣчаютъ русскіе князья въ союзѣ съ Куманами-Половцами и дарятъ ихъ тѣмъ же способомъ, какъ Татаръ; они продолжаютъ свое побѣдное шествіе, какъ и Татары, черезъ Галичъ и Владиміръ, гдѣ князья имъ даютъ клятву въ вѣрности (извѣстно, что Даніилъ IV Галицкій былъ вассаломъ кор. Бѣлы IV). Князь Галицкій, одаривъ ихъ, провожаетъ и указываетъ имъ дорогу въ Угрію. Подобныя же подробности о Татарахъ намъ извѣстны изъ *Ѳомы Архидіакона Сплѣтскаго*, у котораго между прочимъ есть упоминаніе и о г. Суздалѣ (Thomas. Histor. Sal., c. 37), см. Marczali, Forschungen z. deut. Gesch., S. 633. — Разсказы другихъ позднѣйшихъ мадьярскихъ хронистовъ (Сим. Кезы, Туроча) заключаютъ въ себѣ столько же вымышленнаго и фантастическаго.

жили съ Хозарами, т. е. въ ихъ сосѣдствѣ, всего *три* года (эта цифра могла быть искажена переписчикомъ); это совершенно невѣроятно и не согласуется съ другими нашими извѣстіями; но еще менѣе правы тѣ, кто находитъ возможнымъ предполагать, что *три* года написано де по ошибкѣ вмѣсто *203 лѣтъ*[1]). Почему же предполагать именно такую ошибку, а не какую-нибудь другую? Для этой послѣдней цифры лѣтъ (203) нѣтъ ровно никакихъ историческихъ основаній; къ тому же самое простое соображеніе говоритъ противъ такой догадки. Еслибъ Мадьяры дѣйствительно такъ долго (болѣе 2-хъ столѣтій) жили на югѣ нашей родины, спрашивается, не оставили ли бы они тамъ гораздо болѣе ясныхъ слѣдовъ своего пребыванія, а главное могли ли бы быть такъ скудны свидѣтельства о томъ исторіи? Неужели нашъ лѣтописецъ, такъ обстоятельно знакомый съ этнографіей сѣверной и южной Россіи въ IX в., не сообщилъ бы намъ о долговременномъ пребываніи цѣлаго довольно многочисленнаго народа въ южно-русскихъ степяхъ, бокъ о бокъ съ днѣпровскими Славянами и Хозарами, народа, съ которымъ (какъ съ кочевымъ и хищнымъ) должны были слѣдовательно считаться сосѣди и который въ преданіяхъ славянской древности долженъ бы былъ занимать не послѣднее мѣсто на ряду съ другими восточными народами, каковы Хозары, Печенѣги и Половцы. Точно также не умолчали бы объ этомъ и другіе свидѣтели, арабскіе и византійскіе писатели.

Извѣстіе Нестора о *прохожденіи* Угровъ мимо Кіева въ отношеніи къ вопросу о продолжительности пребыванія ихъ въ южныхъ степяхъ также не лишено значенія. Оно доказываетъ, что Угры оставили по себѣ у днѣпровской Руси впечатлѣніе и воспоминаніе какой-то странствующей орды, прослѣдовавшей мимо и только *временно* располагавшейся кочевьями въ ея со-

[1]) Предположеніе это сдѣлалъ Тунманнъ (Untersuchungen etc., Leipz. 1774, S. 105—107, 141) и его приняли многіе другіе. Однако уже Фесслеръ (Gesch., S. 243—4) справедливо возражалъ противъ этого. Срв. Cassel, Mad. Alterth., S. 136—7; Büdinger, Oesterr. Gesch., S. 214, Anm. 3.

сѣдствѣ. Конечно, это понятіе «временно» очень относительно и въ настоящемъ случаѣ вполнѣ примѣнимо къ тѣмъ нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ, которыми слѣдуетъ, кажется, опредѣлить продолжительность движенія Угровъ изъ-за Волги до нижняго Дуная.

Итакъ и *много ранѣе* начала IX в. Угры не могли оставить своей заволжской прародины. Земля, въ которой они расположились, въ сосѣдствѣ съ Хозарами, носитъ у Константина Багрянороднаго очевидно славянское имя «*Лебедіи*». Эту страну *Лебедію*, по общепризнанному взгляду, съ которымъ нѣтъ основанія не согласиться, помѣщаютъ на сѣверъ отъ Чернаго моря, гдѣ-то между Днѣпромъ и Дономъ. Ниже мы еще подробнѣе коснемся мѣстоположенія этой страны, а теперь остановимся нѣсколько на вопросѣ, *какимъ путемъ* Угры прикочевали въ эту Лебедію.

Для этого не лишнее — воспроизвести общую географическую картину Руси того времени, чтобы принять въ расчетъ характеръ и природныя особенности тѣхъ мѣстностей, которыя лежали на пути нашихъ переселенцевъ.

Вся сѣверная и отчасти средняя полоса Европейской Россіи до верхняго теченія Оки и другихъ волжскихъ притоковъ, однимъ словомъ до полосы чернозема, рѣзко отличалась отъ южной половины Руси характеромъ своей природы. Въ то время, какъ на сѣверѣ преобладали обширные и дикіе лѣса, которые придавали особый, такъ сказать «лѣсной» характеръ и самимъ жителямъ сѣвера и ихъ жизни и быту, на югѣ преобладали поля и стѣпныя пространства съ ихъ благопріятными условіями для земледѣлія — съ одной стороны и для привольной, подвижной жизни кочевниковъ—съ другой. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ лѣса попадались рѣже и наконецъ мѣстность обращалась въ совершенную степь [1]), которую пересѣкли многочисленныя рѣки на-

[1]) Вопросъ о томъ, были ли наши южныя степи въ древности покрыты лѣсами (уничтоженными потомъ номадами) или нѣтъ, можетъ, кажется намъ, считаться теперь уже рѣшеннымъ въ послѣднемъ смыслѣ. Дознано, что суще-

шего юга, прежде чѣмъ впасть въ Черное море [1]). Вся жизнь и промышленность этихъ степныхъ странъ сосредоточивалась на рѣкахъ, которыя привлекали къ себѣ все осѣдлое и болѣе развитое населеніе; въ широкихъ степяхъ располагались пришлые кочевники, которые, стремясь на западъ и постоянно смѣняя одни другихъ, почти не переводились въ этомъ краѣ и своими опустошительными набѣгами держали въ страхѣ сосѣднее осѣдлое населеніе. Эти степные кочевники со своими стадами перекочевывали съ мѣста на мѣсто, легко подымая съ собою все свое несложное имущество, и единственными слѣдами ихъ пребыванія оставались разбросанные по степи голые и одинокіе курганы — могилы, которые они имѣли обычай воздвигать надъ своими покойниками.

Въ IX вѣкѣ, т. е. въ ту эпоху, которая насъ занимаетъ, и еще ранѣе описываемый край представлялъ въ *этнографическомъ* отношеніи слѣдующую картину.

На сѣверъ отъ Каспійскаго моря и на востокъ отъ нижней Волги, въ степяхъ, примыкавшихъ къ необозримымъ равнинамъ средней Азіи кочевали и уже готовы были устремиться на западъ различные народы турецкаго племени, какъ напр. *Печенѣги*, *Половцы*, *Узы* и др. На сѣверъ отъ нихъ простирались жилища *восточныхъ Финновъ*, на окрайнахъ въ пере-

ствованію лѣсовъ въ этой полосѣ препятствовали климатическія условія (продолжительныя засухи) и недостатокъ влаги, такъ какъ собственно составъ почвы (черноземъ) самъ по себѣ, конечно, не можетъ быть препятствіемъ произростанію лѣсовъ. Въ пользу того же вывода о *несуществованіи* лѣсовъ — свидѣтельствуетъ и исторія. См. сообщеніе объ этомъ вопросѣ Щуровскаго въ засѣданіи «Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи» 15 окт. 1880. Краткій отчетъ о немъ въ Ж. М. Пр. ноябрь, 1880, стр. 24—25 (Современ. Лѣтоп.), а также обстоятельный разборъ и рѣшеніе вопроса въ томъ же смыслѣ на основаніи выводовъ науки естествознанія и историческихъ данныхъ — въ рецензіи Л. Майкова на книгу Барсова «Географія начальн. лѣтописи», Варшава, 1873 г. въ Ж. М. Н. П. 1874 г. авг., стр. 259—276.

[1]) Нашъ даровитый знатокъ русской бытовой старины, г. Забѣлинъ въ своемъ описаніи природы русской земли характеризуетъ мѣткими и живыми чертами особенности нашей южной и сѣверной природы и различія въ бытѣ и характерѣ населенія здѣсь и тамъ. Истор. Русс. Жизни, I, стр. 1—36.

мѣшку съ турецкими кочевниками (напр. Башкирами), далѣе же къ сѣверу составлявшихъ сплошную массу. На средней Волгѣ и нижней Камѣ жили на довольно далекомъ протяженіи Волжскіе и Камскіе *Болгары*, въ державѣ которыхъ были элементы и финскіе, а можетъ быть даже отчасти и славянскіе.

На западъ отъ Печенѣговъ, по сѣверовосточному берегу Каспійскаго моря, по нижней Волгѣ и на сѣверъ отъ Кавказа и Азовскаго моря, по всему теченію Дона и его притоковъ, на сѣверъ до Оки, на югозападъ до устьевъ Днѣпра и наконецъ на Крымскомъ полуостровѣ господствовали *Хозары*, полуосѣдлый народъ, достигшій уже въ ту пору извѣстной степени государственнаго и гражданскаго развитія. Въ VIII в. и въ первой половинѣ IX-го они находились во всемъ блескѣ своего могущества и силы [1]). Множество сосѣднихъ племенъ различныхъ народностей, въ числѣ коихъ было не мало и Славянъ [2]), а по всей вѣроятности были и Финны, входили въ составъ ихъ обширной державы и платили имъ дань или служили ихъ воинственнымъ цѣлямъ. Сѣверными сосѣдями хозарскихъ владѣній, тамъ, гдѣ уже начиналась полоса лѣсовъ и бассейнъ р. Волги, отдѣленный отъ южныхъ степей незначительною возвышенностью (которая тянулась съ запада на востокъ и оканчивалась Самарскою лукою на Волгѣ) [3]), были угрюмые *Финны*, вѣроятно предки нынѣшнихъ Мещеряковъ и Мордвы; они населяли южные предѣлы обширной финно-угорской родины, занимавшей весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи. Наконецъ на западъ и сѣверозападъ отъ Хозаръ, и еще въ предѣлахъ ихъ владѣній простирались не менѣе обширныя жилища *русскихъ Славянъ*;

[1]) Срв. В. Григорьевъ, «Обзоръ политической исторіи Хазаровъ» въ его сборникѣ «Россія и Азія», Спб. 1876, стр. 57—59.

[2]) О многочисленныхъ Славянахъ въ предѣлахъ Хозарской державы говорятъ между прочимъ арабскіе писатели: Аль-Баладури IX в. и Масуди X в. См. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ (Спб. 1870), стр. 38 и 129—130. Срв. Барсовъ, Географія начальной лѣтописи, (Варш. 1873), стр. 129—130.

[3]) См. Забѣлинъ, тамъ же, I, стр. 24.

ихъ географическое распредѣленіе по племенамъ извѣстно намъ изъ лѣтописи. Первенствующая роль между этими племенами принадлежала тѣмъ, которыя жили по теченію Днѣпра, а на сѣверѣ вокругъ озера Ильменя, однимъ словомъ на знаменитомъ торговомъ пути «изъ Варягъ въ Греки», а именно Полянамъ, Древлянамъ, Кривичамъ, Словенамъ и проч. Вѣтви этихъ русскихъ Славянъ простирались довольно далеко на югозападъ и западъ, шли по рѣкамъ нижнему Днѣпру, Бугу и Днѣстру до нижняго Дуная [1]), населяли нынѣшнюю Молдавію и Буковину, а затѣмъ тянулись и далѣе на западъ, за горы Карпатскія, въ Трансильванію и сѣверную Угрію, примыкая здѣсь къ своимъ западнымъ соплеменникамъ (Словакамъ). Наконецъ на сѣверозападъ отъ русскихъ Славянъ къ Балтійскому морю прилегали племена *Литовскія*.

Сѣверовосточный край Европейской Россіи по р. Камѣ, между сѣверной Двиной и Уральскимъ хребтомъ былъ въ древности извѣстенъ на сѣверѣ подъ именемъ *Біарміи*, первое историческое упоминаніе о которой относится къ IX в. [2]). Уже съ незапамят-

[1]) По всему Черноморью, отъ нижняго Днѣпра до нижняго Дуная, были распространены русскіе Славяне, принадлежавшіе (какъ свидѣтельствуетъ Несторъ) двумъ многочисленнымъ племенамъ, *Ульцамъ* (Уличамъ) и *Тиверцамъ*; средоточія ихъ были на р. Бугѣ и Днѣстрѣ. По Бугу жили Уличи, по Днѣстру—Тиверцы, имя которыхъ производятъ отъ древняго названія Днѣстра — *Тирасъ*. Предполагаютъ, что восточная вѣтвь Ульцевъ, жившая въ «углу», образуемомъ Днѣпромъ и окаймленномъ съ запада р. Ингульцемъ, носила частное названіе *Угличей*; въ такомъ случаѣ нельзя смѣшивать эти два схожія названія. Таково по крайней мѣрѣ наиболѣе правдоподобное рѣшеніе запутаннаго вопроса объ этихъ племенахъ у г. *Ламбина* («Славяне въ сѣверн. Черноморьѣ», Ж. М. Пр. 1877, май). Эти черноморскіе Славяне (Уличи и Тиверцы) были оттѣснены отсюда на сѣверъ кочевниками, т. е. главнымъ образомъ Печенѣгами. Съ тѣхъ поръ (съ нач. X в.) ихъ жилища находились по верхнему теченію Буга и Днѣстра. Уличи жили между этими двумя рѣками, какъ доказывалъ *Ламбинъ* (тамъ же, 1877, іюнь) и какъ подтвердилось затѣмъ чтеніемъ загадочнаго мѣста о нихъ въ *Новгород. лѣтоп.* («межи Богъ и Днѣстръ»), отысканнымъ акад. А. Ѳ. Бычковымъ (Отчетъ о XIV присужд. Увар. нагр., 1872); срв. Васильевскій, рец. на Бруна: *Черноморье*, I. въ Ж. М. Пр. 1879, ноябрь, стр. 103.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ Русск. Исторія (Спб. 1872), стр. 71.

ныхъ временъ край этотъ, особенно его восточная часть, прилегавшая къ горамъ Урала (гдѣ были горные промыслы), славилась повсюду своими природными богатствами и достигла важнаго торговаго значенія. Слѣды этой эпохи и донынѣ отыскиваются въ Пермской губерніи. И близкіе сосѣди (Камскіе и Волжскіе Болгары), и народы дальнихъ странъ вступали съ обитателями Біарміи въ торговыя сношенія. Уже Геродотъ приводитъ баснословные разсказы объ этой странѣ. Торговля ея съ югомъ, особенно съ прикаспійскими землями, шедшая самымъ естественнымъ рѣчнымъ путемъ по Камѣ и Волгѣ, началась очень рано: этимъ путемъ находили себѣ между прочимъ сбытъ и богатства средней Азіи. Но и Греки изъ своихъ черноморскихъ колоній рано познакомились и завели сношенія съ жителями Біарміи. Такимъ образомъ богатый греческій міръ нашего Черноморья долженъ былъ быть издавна соединенъ торговыми путями съ дальнимъ сѣверовостокомъ, съ Біарміей, и знакомъ съ ея обитателями, *Югрою* [1]). Такихъ путей по всей вѣроятности было нѣсколько, и конечно они шли не иначе, какъ по рѣкамъ, т. е. по главнымъ воднымъ сообщеніямъ. *Западный* путь шелъ (изъ греческой колоніи Ольвіи) по Днѣпру и по Деснѣ, затѣмъ Окою въ Волгу и Каму. *Восточный* направлялся изъ Босфора и Азовскаго моря по Дону до его поворота на западъ, затѣмъ переходилъ на Волгу и при устьѣ Камы сходился съ первымъ. Однако едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что между этими путями существовалъ еще третій—*средній,* который шелъ вверхъ по Дону и съ него переваломъ въ рѣчную систему Волги, т. е. Рязанскою областью въ Оку (вѣроятно, ея притокомъ Проней) и опять въ Волгу и Каму [2]).

Съ первыхъ вѣковъ по Р. Х. страну на сѣверъ отъ Каспійскаго моря и Кавказа, по нижней Волгѣ и Яику занималъ, какъ мы видѣли, многочисленный народъ турецкаго происхожденія—

[1]) Уже позднѣе проникли съ торговыми цѣлями въ Біармію русскіе Славяне и Норманны. Послѣдніе только въ IX в. Срв. Бестужевъ-Рюминъ, тамъ же.

[2]) Срв. Забѣлина, тамъ же, стр. 34, 35.

Хозары. Съ ними-то издавна находились въ торговыхъ сношеніяхъ какъ Камскіе и Волжскіе Болгары, такъ безъ сомнѣнія и сѣверовосточныя финно-угорскія племена Югры (въ Біарміи). Такимъ образомъ эти послѣдніе и Хозары могли очень рано познакомиться и сблизиться другъ съ другомъ. Едва-ли мы ошибемся, предположивъ что и предки *Угровъ* (Мадьяръ) еще въ прародинѣ своей мѣнялись товарами съ хозарскими купцами, а въ такомъ случаѣ знакомство ихъ съ Хозарами относится къ очень древнему времени.

Къ VII и VIII в., какъ кажется, относится нѣкоторое распространеніе жилищъ и господства Хозаръ къ западу. Вслѣдствіе напора турецкихъ кочевыхъ ордъ (Печенѣговъ и Узовъ), они принуждены были податься на западъ и утвердиться также на территоріи къ сѣверу отъ Азовскаго моря. Съ этимъ вмѣстѣ на берега Дона перемѣстились отчасти съ береговъ Каспійскаго моря (гдѣ при устьяхъ Волги процвѣтала ихъ столица *Итиль*) ихъ внутренніе экономическіе и политическіе интересы. Тогда-то, въ VIII в. и еще въ IX-мъ, они находились на вершинѣ своего могущества. Разумѣется, въ эту эпоху ихъ торговыя связи съ сѣверомъ, съ угро-уральскимъ краемъ не только не ослабѣли, но напротивъ должны были усилиться. Только въ торговыхъ путяхъ сообщенія, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, могла произойти перемѣна. Путь по Волгѣ уже не былъ болѣе достаточно безопасенъ для ихъ торговыхъ экспедицій вслѣдствіе близости кочевыхъ хищныхъ Печенѣговъ и Узовъ, которые безпрестанно рыскали по берегамъ Волги. Имъ поэтому оставалось избрать именно тотъ *средній путь вверхъ по Дону на перевалъ въ Оку*, о которомъ мы упомянули выше. Для донскихъ жителей такой путь былъ самый естественный и удобный. Очень можетъ быть, что именно для обезпеченья этого торговаго пути по Дону была построена Хозарами (приблизительно на крутомъ поворотѣ его на югозападъ)[1]), при помощи греческихъ

[1]) О спорѣ ученыхъ относительно мѣстоположенія Саркела, срв. В. Григорьевъ, Обзоръ политической исторіи Хазаровъ, сб. «Россія и Азія», стр. 59—60, прим. 44.

инженеровъ (въ 835 г.), крѣпость *Саркелъ*[1]) — противъ набѣговъ Печенѣговъ, которые заходили также за Волгу и могли легко являться даже на Дону, тамъ, гдѣ онъ подходитъ на самое близкое разстояніе къ Волгѣ. Этотъ путь, которымъ хозарскіе купцы ѣздили въ Югру и на сѣверный Уралъ, не могъ быть безызвѣстенъ и тому населенію, съ которымъ они торговали, т. е. финно-угорскимъ племенамъ, а слѣдовательно по всей вѣроятности и предкамъ нынѣшнихъ Угровъ. Скажемъ болѣе: предпріимчивые люди изъ племенъ восточныхъ Финновъ сами могли ходить этимъ путемъ въ Хозарію.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что, когда Мадьяры, по выше разъясненнымъ причинамъ, рѣшились покинуть свою родину и искать новыхъ жилищъ, они не могли избрать иного пути, какъ по Камѣ и Волгѣ на Оку, и вверхъ по Окѣ — къ верховьямъ Дона (т. е. давно знакомый имъ торговый путь къ Хозарамъ). На Окѣ имъ впрочемъ предстоялъ выборъ, ибо путь раздваивался: одинъ шелъ переваломъ на Донъ къ Хозарамъ, другой—на Десну и Десною въ Днѣпръ къ днѣпровскимъ Славянамъ. Мадьяры, какъ увидимъ сейчасъ, предпочли первый изъ нихъ[2]).

О самомъ переходѣ Мадьяръ въ Лебедію нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій. Свидѣтельства Константина Багрянороднаго уже застаютъ ихъ въ этой странѣ[3]). Что касается органи-

[1]) Саркелъ, имя котораго объясняется изъ *чувашскаго* языка, гдѣ *шора* (=сари) значитъ *бѣлый*, а *киль—домъ*, означаетъ слѣдовательно «бѣлый домъ» и тождественъ съ *Бѣлой Вѣжой* Нестора; чувашскій языкъ (особ. древній), какъ языкъ турецкаго корня, былъ вѣроятно близокъ къ хозарскому. Срв. Куникъ, Уч. Зап. И. Ак. Наукъ, III, 1855, стр. 727—728; также Извѣстія *Ал-Бекри* о Руси и Славянахъ (Спб. 1878), 1-е розысканіе Куника (стр. 125); срв. еще Hunfalvy, S. 257.

[2]) Второй путь съ Оки—ея притоками (Угрою или Жиздрою) на Десну, даже не могъ быть, кажется, доступенъ Миграмъ, ибо именно здѣсь, на водораздѣлѣ рѣкъ Десны и Оки тянулись въ старину обширные дремучіе лѣса, извѣстные въ народныхъ преданіяхъ подъ именемъ *Брынскихъ* (рец. Л. Н. Майкова на книгу Барсова, Ж. М. Пр. 1874, авг., стр. 269),—лѣса, которые не могли не служить препятствіемъ движенію конныхъ Угровъ.

[3]) На сколько заслуживаетъ вѣры разсказъ *Анонима*, было разсмотрено выше. Все, что до сихъ поръ на немъ основывали, остается безъ почвы.

заціи мадьярскихъ полчищъ при переселеніи, то, если вѣрить извѣстіямъ, они состояли изъ *семи* племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего вождя; по крайней мѣрѣ о такомъ подраздѣленіи разсказываетъ Константинъ Багрянородный [1]) (и Анонимъ). Общаго царя или вождя не было [2]). По всей вѣроятности для большаго удобства и порядка при передвиженіи, каждое племя было раздѣлено своимъ главою еще на болѣе мелкіе отряды и для каждаго выбранъ особый начальникъ. Вообще на время пути Мадьяры и ихъ турецкіе сотоварищи безъ сомнѣнія ввели у себя какую-нибудь *военную* организацію, въ родѣ той, какая въ новѣйшее время была введена (какъ было выше упомянуто) у калмыцкаго племени *Торготовъ*, предпринявшаго въ прошломъ вѣкѣ далекое странствованіе съ береговъ Волги къ предѣламъ Китая [3]). Средствомъ пропитанія ихъ на пути были, разумѣется, все тѣ же охота и рыболовство, т. е. занятія, которыми они существовали и на родинѣ. Въ этомъ отношеніи ихъ путь по большимъ рѣкамъ представлялъ особенныя удобства. Само собою разумѣется, что движеніе мадьярской орды сопровождалось грабежомъ и набѣгами на мирное осѣдлое населеніе, встрѣчавшееся на пути. Въ этомъ случаѣ впереди Мадьяръ отличались конечно турецкіе элементы, увлекавшіе за собой и послѣднихъ.

Въ продолженіе своего пути Мадьяры, по всей вѣроятности, нѣсколько разъ останавливались на болѣе значительное время. Такъ, есть основаніе думать, что подобной стоянкой была мѣстность на Окѣ въ нынѣшней Калужской губерніи. На это предположеніе наводитъ насъ рѣка *Угра* (притокъ Оки), обязанная повидимому этому обстоятельству (т. е. прохожденію здѣсь Угровъ)

Срв. напр. выводы Европеуса, «О народахъ средн. и сѣв. Россіи», Ж. М. П. 1868, № 7, стр. 69—70. Опроверженіе у Огородникова, Зап. Им. Геогр. Общ. по этнографіи, т. VII, ср. 21—22.

[1]) De Adm. Imp., c. 38. Впослѣдствіи Кабары (частица Хозаръ) присоединилась къ Мадьярамъ, какъ 8-е племя. De Adm. I. c. 40, p. 172.

[2]) Fessler, S. 233.

[3]) Pallas, Sammlungen histor. Nachrichten üb. die Mongol. Völkerschaften, I T. S.-Petersb., 1776, S. 90—96.

своимъ названіемъ. Прозвали ее такъ безъ сомнѣнія не сами Угры, а сосѣдніе Славяне.

Перейдя съ Оки (вѣроятнѣе всего—р. Упою) на Донъ и продолжая свой путь по Дону, Мадьяры въ то же время вступили въ хозарскія владѣнія. Хозары вѣроятно сами назначили имъ мѣстности для кочевьевъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, который почерпалъ свои свѣдѣнія (какъ выше замѣчено) между прочимъ и изъ славянскихъ источниковъ, эта страна, занятая Уграми, называлась *Лебедіей* (Λεβεδία). Остается опредѣлить ея мѣстоположеніе.

По словамъ Константина, «Лебедіей» называлась эта страна по имени перваго воеводы Мадьяръ Лебедіаса. Въ ней протекаетъ рѣка Χιδμάς, или иначе Χιγγυλοῦς; она находилась по близости отъ земли Хозаръ. Никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній мы о ней не имѣемъ. Впослѣдствіи изъ этой страны Мадьяры, вытѣсненные Печенѣгами, переселились въ страну «Ателькузу», гдѣ во времена Багрянороднаго жили Печенѣги.

Имена «Лебедія» и «Лебедіасъ», славянское происхожденіе которыхъ очевидно, не могутъ не напоминать намъ однородныхъ географическихъ названій въ Россіи: *Лебедянь* (на Дону) въ Тамбовской губерніи, гор. *Лебединъ* въ Харьковской губерніи, *Лебединъ лѣсъ* (нынѣ Черный лѣсъ) въ Екатеринославской губерніи и проч. Но есть ли какая-нибудь непосредственная связь между этими названіями и именами земли и вождя у Константина Багрянороднаго, это—вопросъ, для рѣшенія котораго къ сожалѣнію нѣтъ положительныхъ данныхъ. Большая часть ученыхъ, имѣя въ виду гор. Лебединъ Харьковской губерніи и Лебединъ лѣсъ Екатеринославкой губерніи, помѣщали и *Лебедію* Константина въ эти мѣстности [1]). При этомъ принималась въ расчетъ и упо-

[1]) Thunmann., Untersuch., 142; Fessler, 236—237. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., I стр. 77, прим. 302; Zeuss, S. 750. Срв. Юргевичъ, Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др., т. VI, 71, который, какъ извѣстно, объясняетъ *русскія* имена Днѣпровскихъ пороговъ изъ *мадьярскаго* языка и второе названіе Кіева у Константина Б. Σαμβατάς считаетъ тоже мадьярскимъ.

мянутая Багрянороднымъ р. Χιδμάς или Χιγγυλούς, тождественная, кажется, съ упомянутой въ другомъ мѣстѣ (с. 42, р. 179) рѣкой Σιγγούλ, въ которой нельзя не узнать р. Ингула (или Ингульца). Итакъ, согласно съ этимъ, Лебедія должна была простираться между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, въ Харьковской губ., на юго-западъ по направленію къ порогамъ Днѣпровскимъ и за Днѣпръ, въ область рѣкъ Ингульца и Ингула. Съ другой стороны нѣкоторые изслѣдователи, имѣя въ виду не Лебединъ Харьковской губ., а Лебедянь Тамбовской, помѣщали мадьярскую Лебедію по верхнему теченію Дона, въ западный уголъ Тамбовской губ. и въ смежныя мѣстности [1]). Однако мы не считаемъ возможнымъ на основаніи однихъ этихъ гадательныхъ сопоставленій съ увѣренностью опредѣлить мѣстоположеніе Лебедіи въ той или другой изъ означенныхъ странъ. Вообще, существовалъ ли дѣйствительно *цѣлый край* (вмѣстившій всю орду мадьярскую) по имени *Лебедія*, и затѣмъ въ какомъ отношеніи стоитъ это географическое названіе къ личному имени вождя Лебедіаса у нашего писателя, это вопросы, для рѣшенія которыхъ показанія одного Константина Багрянороднаго не достаточны. Въ свидѣтельствахъ послѣдняго для насъ всего важнѣе то, что у него съ пребываніемъ Мадьяръ въ южныхъ степяхъ Россіи, по сосѣдству съ Хозарами, связаны имена чисто-славянскаго происхожденія. Изъ этого факта мы, кажется, имѣемъ полное право сдѣлать выводъ, что Мадьяры, прибывъ по верхнему Дону въ южно-русскую степную страну и расположившись рядомъ съ Хозарами, вошли тотчасъ же въ самое близкое соприкосновеніе со Славянами (русскими), поселенія которыхъ простирались тогда уже на востокъ по лѣвымъ притокамъ Днѣпра, верхнему теченію Оки и даже вѣроятно по верхнему и отчасти среднему Дону. Самое же имя «Лебедія» доказываетъ только древность и

[1]) Шафарикъ, Сл. Др. II, 1 кн., стр. 390; Fessler-Klein, S. 49. срв. Cassel, M. Alt., S. 128. (Послѣдній вообще скорѣе еще болѣе запуталъ, чѣмъ разъяснилъ показанія К. Багр. своими толкованіями).

распространенность топографическихъ названій этого корня на Руси: и до сихъ поръ они въ значительномъ числѣ разбросаны по разнымъ концамъ Россіи [1]). Гор. Лебединъ Харьковской губ. дѣйствительно заслуживаетъ въ данномъ вопросѣ нашего особеннаго вниманія, но лишь потому, что на ту же мѣстность, какъ на мѣсто угорскихъ кочевьевъ, наводитъ насъ другое соображеніе, еще гораздо болѣе убѣдительное. Именно въ Книгѣ Большаго Чертежа означена рѣчка *Угринъ* въ нынѣшней Харьковской губ., впадающая въ р. Уды, притокъ Донца [2]). Въ этомъ названіи «Угринъ» (какъ и въ р. Угрѣ) дѣйствительно нельзя опять не видѣть слѣда Угровъ, которые въ теченіе нѣкотораго (не слишкомъ незначительнаго) времени кочевали въ этой мѣстности. И это названіе безъ сомнѣнія было дано Славянами, которые слѣдовательно въ ту эпоху уже жили въ этихъ краяхъ [3]).

Что касается упоминанія Константиномъ рѣки Χιγγυλοῦς (гдѣ, безъ сомнѣнія, разумѣется Ингулъ или Ингулецъ), протекающей въ Лебедіи, то оно никакъ не даетъ еще права отыскивать эту страну по ту (правую) сторону Днѣпра, а свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, лишь о томъ, что Мадьяры, пріютившись во владѣніяхъ хозарскихъ, не ограничили своихъ скитаній и хищническихъ предпріятій какою-нибудь опредѣленною мѣстностью; напротивъ, отдѣльные ихъ отряды, вскорѣ по прибытіи въ придонскую степь, продолжали движеніе на югъ и югозападъ, рас-

[1]) Кромѣ упомянутыхъ г. Лебедина и Лебедяни: *Лебедино озеро* (Новогород. губ.), *Лебедино* (деревня Каз. губ.), *Лебединцы* (село Кіев. губ.), *Лебединъ* (село Кіев. губ.), *Лебедь* (р. Томск. губ.) и проч. См. Географич. Словарь П. Семенова, т. III, стр. 18—20.

[2]) Въ *Кн. Больш. Черт.* читаемъ: «А отъ рѣчки отъ Удъ на лѣвой сторонѣ Муравской дороги рѣчка *Угринъ* да Лопань; а рѣчка Угринъ пала въ Уды, а Лопань пала въ Харькову, а Харьковъ впала въ Удъ и проч.». См. Географ. Словарь, Москва, 1808 г., ч. 6—7, стр. 540.

[3]) Мы замѣтили выше (стр. 174), что *Книга Больш. Черт.* упоминаетъ о горѣ «Дентумъ» въ нынѣшней Воронежской губ., слѣдовательно приблизительно въ тѣхъ же странахъ. Г. Куникъ сближаетъ съ этимъ именемъ названіе мадьярской родины по Анониму «Dentumoger». Не беремся судить, насколько основательно это сближеніе (Извѣстія Аль-Бекри, Куника и Розена, стр. 109).

полагаясь своими «вежами» то тутъ, то тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства и природныя условія, и совершая въ то же время грабительскіе набѣги въ разныя стороны. Оттого-то они такъ рано (въ перв. полов. IX в.) появляются уже на нижнемъ Дунаѣ и затѣмъ на Крымскомъ полуостровѣ.

По словамъ Константина, Мадьяры въ то время (т. е. въ Лебедіи) назывались не Турками, а «Σαβαρτοιάσφαλοι». Всѣ попытки ученыхъ объяснить это названіе не привели пока къ удовлетворительному результату. Довольно остроумно объясненіе Цейса, производившаго это слово изъ Swartias-phali, гдѣ первая часть соотвѣтствуетъ-де нѣмецк. *schwarz*, а вторая есть имя народа: такъ будто-бы прозвали Мадьяръ Варяги-Норманны, переводя русское названіе «Черные Угры» [1]). Другіе ученые пытаются объяснить это слово то языкомъ *мадьярскимъ* [2]), то *персидскимъ* [3]), то *греческимъ* [4]) и т. д. Во всякомъ случаѣ оно, какъ справедливо замѣтилъ г. Клейнъ, очевидно носитъ слѣды греческой передѣлки [5]), а потому и объясненіе этого имени въ высшей степени затруднительно.

О Мадьярахъ въ періодъ ихъ сожительства съ Хозарами Константинъ Багрянородный разсказываетъ еще, что ихъ было семь племенъ; что они никогда не имѣли царя (ἄρχων), ни своего, ни чужого, но что были у нихъ какіе-то воеводы, изъ которыхъ первымъ былъ упомянутый Лебедіасъ. Живя рядомъ съ Хозара-

[1]) Zeuss, S. 749. Это объясненіе одобряетъ и Roesler, S. 150; Брунъ (Черноморье II, стр. 328) производитъ это слово изъ: Svart и Spali и думаетъ, что это имя было заимствовано Херсонскими или Воспорскими Греками у *готскихъ* ихъ сосѣдей.

[2]) Fessler, S. 238 (Szabados, свободный; feles, равный).

[3]) Cassel, S. 136 (Suvar, всадникъ; esp, лошадь).

[4]) Σάβαρ, τούτεστι ἄσφαλοι, см. Fessler, S. 238. Нѣкоторые читаютъ это имя такъ: Σάβαρ ἤτοι ἄσφαλοι, т. е. Мадьяры будто-бы назывались *Саваръ*, т. е. безопасные (или твердые, храбрые), Fessler, ibid., срв. Гильфердингъ, Соч. I т.. стр. 87. Наконецъ были ученые, которые сближали это имя съ *Сабирами* (Pray); но все это — одни догадки, которымъ недостаетъ сколько-нибудь твердыхъ основаній.

[5]) Fessler-Klein, S. 48.

ми, они участвовали во всѣхъ ихъ войнахъ. Хаганъ хозарскій за ихъ храбрость и содѣйствіе далъ въ жены ихъ первому воеводѣ Лебедіасу хозарку знатнаго происхожденія, отъ которой однакожъ послѣдній дѣтей не имѣлъ.

Итакъ Угры первоначально не имѣли общаго главы, т. е. царя или князя, а управлялись племенными начальниками, которыхъ Константинъ называетъ *воеводами*. Это показаніе носитъ на себѣ, можетъ быть, отпечатокъ источника, изъ котораго почерпнуто. Называли ли такъ сами Мадьяры своихъ племенныхъ вождей — мы не знаемъ; скорѣе примѣненіе къ нимъ этого титула принадлежитъ Славянамъ, находившимся въ сношеніяхъ съ Мадьярами и служившимъ источникомъ свѣдѣній о нихъ для византійцевъ [1]). Вопросъ объ имени мадьярскаго вождя Лебедіаса или Лебеда остается темнымъ и послѣ всѣхъ высказанныхъ до сихъ поръ догадокъ [2]).

Въ вышеприведенныхъ строкахъ Константинъ характеризуетъ отношенія Мадьяръ къ Хозарамъ. Совершенно естественно, что Хозары, допустивъ Мадьяръ расположиться въ своихъ владѣніяхъ, должны были разсчитывать на ихъ помощь въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ. И дѣйствительно, мы видимъ Мадьяръ за все время ихъ пребыванія въ «Лебедіи» въ союзѣ съ Хозарами, которыхъ высшій авторитетъ они признавали надъ собою [3]). Со стороны хозарскаго хагана была попытка, какъ

[1]) Срв. Zeuss, S. 750.

[2]) Есть мнѣніе, сближающее имя Лебеда съ *Eleud*'омъ (Elöd) собственно мадьярской генеологіи (Anonymi G. H., p. 8). Zeuss, ibid.; Fessler-Klein, S. 49. Szabó, Biborban Született (Записки Венг. Акад. Н., т. I, Пештъ, 1865, стр. 107) у Sayous, p. 11.

[3]) Въ противорѣчіи съ этими извѣстіями о дружественныхъ отношеніяхъ Мадьяръ къ Хозарамъ находится одно мѣсто въ свидѣтельствахъ Ибнъ-Дасты. У него въ разсказъ о войнахъ Мадьяръ съ русскими Славянами вставлено извѣстіе, не имѣющее прямого отношенія къ разсказу: «Сказываютъ, что въ прежнія времена Хозаре, опасаясь Мадьяръ и другихъ сосѣднихъ съ землею своею народовъ, окапывались противъ нихъ рвами». По формѣ своей это извѣстіе, правда, имѣетъ характеръ достовѣрности, но поскольку оно касается Мадьяръ, оно возбуждаетъ въ насъ сомнѣніе. Понятно конечно, что

оказывается изъ Константина, еще болѣе укрѣпитъ связь мадьярскаго племени съ Хозарами, а именно бракомъ ихъ вождя съ знатной хозаркой. Бракъ дѣйствительно состоялся, но во первыхъ этотъ союзъ оказался безплоденъ, во вторыхъ дальнѣйшія обстоятельства разрушили планы тѣснѣйшаго сближенія этихъ двухъ народовъ. Впрочемъ Хозары успѣли оказать довольно сильное вліяніе на многія стороны жизни и народнаго характера Мадьяръ, проведшихъ въ тѣсномъ общеніи съ ними во всякомъ случаѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Не говоря уже о томъ, что воинственный и предпріимчивый характеръ Турковъ-Хозаръ не могъ остаться безъ вліянія на Мадьяръ, послѣдніе, какъ мы видѣли, испытали вліяніе ихъ и на своей политической организаціи, вліяніе, сказавшееся въ выборѣ ими одного общаго народнаго вождя. Бытъ и нравы Мадьяръ безъ сомнѣнія также не остались внѣ этого вліянія. Не слѣдуетъ вообще забывать, что къ воспріятію всякихъ вліяній со стороны Хозаръ Угры были подготовлены уже въ прародинѣ — раннимъ сообществомъ и смѣшеніемъ съ Турками.

Но рядомъ съ вліяніемъ хозарскимъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и другого, которое въ своемъ родѣ должно было быть не менѣе сильно, и которое для насъ представляетъ особенную важность и интересъ. Мы разумѣемъ вліяніе *славянское.* Угры расположились въ странѣ, въ которой были разбросаны значительныя славянскія поселенія и которая съ одной стороны примыкала къ чисто-славянскому (приднѣпровскому) краю. Слѣдовательно первою народностью, съ которою Угры, по прибытіи въ южныя степи, должны были имѣть дѣло, завязать тѣ или другія сношенія, не считая Хозаръ, были *русскіе Славяне.* Если Хозары,

Хозары окапывались рвами противъ враговъ. Слѣды ихъ (валы) можно видѣть и нынѣ въ Харьковской и Воронежской губ. Однакожъ врагами Хозаръ были Печенѣги, мож. б. Болгаре, русск. Славяне, но едва-ли Мадьяры. См. Хвольсонъ, стр. 121—122, который полагаетъ, что эта фраза «можетъ быть только примѣчаніе читателя, попавшее, вслѣдствіе ошибки переписчика, въ текстъ, и очевидно, на невѣрное мѣсто».

какъ сосѣди и какъ-бы верховные покровители Угровъ, оказали на нихъ столь замѣтное, въ нѣкоторомъ отношеніи воспитательное вліяніе, то съ другой стороны и мирные поселенцы—Славяне, среди которыхъ кочевали Мадьяры и трудами которыхъ они отчасти питались, должны были также имѣть на нихъ вліяніе, конечно не въ томъ же родѣ, какъ Хозары, но во всякомъ случаѣ не менѣе прочное.

Здѣсь, въ южныхъ степяхъ Россіи, въ этой Лебедіи Константина Багрянороднаго Мадьяры впервые ближе познакомились съ тѣмъ племенемъ, отъ котораго имъ позднѣе пришлось еще столько заимствовать и въ государственномъ и въ домашнемъ быту, и въ правахъ, и въ языкѣ. Кое-что изъ этой славянской стихіи навѣрно привилось къ нимъ уже въ эпоху ихъ общенія съ русскими Славянами между Днѣпромъ и Дономъ (а затѣмъ и въ «Ателькузу»). Это первоначальное славянское вліяніе—въ противоположность хозарскому — происходило исключительно въ сферѣ внутренняго, домашняго и семейнаго быта, вседневныхъ житейскихъ отношеній, а тѣмъ самымъ должно было уже тогда отчасти проникнуть и въ языкъ. Среди русскихъ Славянъ Мадьяры познакомились впервые ближе съ осѣдлою земледѣльческою жизнью, съ ея трудами, занятіями и обстановкой [1]).

Что касается первоначальныхъ отношеній Мадьяръ къ Славянамъ, то кромѣ намёковъ на нихъ въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, есть нѣсколько свѣдѣній объ этихъ отношеніяхъ въ свидѣтельствахъ арабскаго писателя Ибнъ-Дасты.

[1]) Ибнъ-Даста разсказываетъ (см. Хвольсонъ), что «въ странѣ Мадьярской, прилегающей къ Черному морю, много хлѣбопахотныхъ полей». Хоть эти поля и обрабатывались не Мадьярами, а Славянами, все-же это свидѣтельство доказываетъ, что Мадьярамъ было, гдѣ поучиться хлѣбопашеству и что они дѣйствительно уже тутъ приглядѣлись къ нему. Впрочемъ, по нѣкоторымъ даннымъ мадьярскаго языка можно думать, что они получили первыя понятія о земледѣліи еще отъ Турковъ. См. Hunfalvy, S. 175. Исчисленіе названій предметовъ, относящихся къ земледѣлію и заимствованныхъ Мадьярами у Славянъ см. Šulek, Pogled iz biljarstva u praviek Slavenah etc., Rad, XXXIX, 1877, стр. 252.

Трудно окончательно рѣшить, какую именно обширную страну имѣетъ въ виду этотъ писатель, говоря о жилищахъ Мадьяръ, «прилегающихъ одною окрайною къ румскому (т. е. Черному) морю». Судя по описанію, здѣсь скорѣе надо разумѣть «Ателькузу»,[1]) т. е. позднѣйшее мѣстожительство Угровъ, тѣмъ болѣе, что пребываніе ихъ тамъ и по времени ближе къ эпохѣ, въ которой жилъ и писалъ Ибнъ-Даста[2]). Но во всякомъ случаѣ его свидѣтельства, хотя и относятся къ иному, нѣсколько болѣе позднему времени, чѣмъ свидѣтельство Константина о Лебедіи, всетаки не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ извѣстному, строго опредѣленному времени или мѣсту, а обрисовываютъ отношенія и жизнь Мадьяръ вообще во время ихъ кочевокъ по сосѣдству съ Хозарами, по обширнымъ пространствамъ южной Руси и по берегамъ Чернаго моря. Ибнъ-Даста изображаетъ Мадьяръ—повелителями и даже притѣснителями Славянъ. Этому показанію нельзя не вѣрить: таковы и должны были быть ихъ первоначальныя отношенія къ туземцамъ. «Мадьяры, говоритъ Ибнъ-Даста, господствуя надъ всѣми сосѣдними Славянами, налагаютъ на нихъ тяжелые оброки и обращаются съ ними, какъ съ военноплѣнными»[3]).

Затѣмъ тотъ же источникъ разсказываетъ, какъ Угры поступали съ своими славянскими плѣнниками (которыхъ они добывали главнымъ образомъ во время своихъ набѣговъ на сосѣднія славянскія земли): они отводили ихъ берегомъ моря къ одной изъ

[1]) Хвольсонъ, стр. 118—119; Гунфальви (S. 132—133) ошибается, относя эти извѣстія къ Лебедіи.

[2]) Ибнъ-Даста писалъ свое сочиненіе, по соображеніямъ ученыхъ, не позже 913 года. См. Хвольсонъ, Введеніе, стр. 4.

[3]) Тутъ Ибнъ-Даста прибавляетъ еще, что «вѣра Мадьяръ огнепоклонническая». Другихъ свидѣтельствъ о первоначальной религіи Мадьяръ мы не имѣемъ. Будучи языческою, она можетъ быть и имѣла особенный характеръ *огнепочитанія*, которое было распространено у племенъ, сродныхъ съ Мадьярами. У Аль-Бекри повторено это мѣсто Ибнъ-Дасты, но вмѣсто огнепоклонниковъ они названы «идолопоклонниками». Хвольсонъ, тамъ же, стр. 120, 121. Съ хозарскими элементами проникли вѣроятно къ Мадьярамъ въ нѣкоторой степени и магометанство и іудейство.

пристаней румской земли, по имени Кархъ. Здѣсь Греки выходили къ нимъ на встрѣчу [1]). Мадьяры заводили съ ними торгъ, отдавали имъ плѣнниковъ своихъ, а взамѣнъ ихъ получали греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другіе греческіе товары [2]). Это извѣстіе, характеризующее воинственную дѣятельность Мадьяръ на равнинахъ южной Руси, ихъ отношенія къ сосѣднимъ Славянамъ и торговыя сношенія съ Греками, само по себѣ весьма важное, любопытно для насъ и потому, что показанія этихъ плѣнниковъ, какъ мы выше замѣтили, и были по всей вѣроятности тѣмъ славянскимъ источникомъ, изъ котораго между прочимъ черпали свои свѣдѣнія о Мадьярахъ византійцы.

Что касается греческой пристани «*Кархъ*», то мы не беремся рѣшить, какой именно греческій городъ здѣсь разумѣется. Довольно правдоподобно предположеніе г. Хвольсона, отождествляющее его съ городомъ Каркинитомъ или Каркиной, упоминаемымъ еще Геродотомъ и другими древними писателями и находившимся «на южномъ скиѳскомъ берегу, по сю сторону Таврическаго полуострова» [3]).

О Мадьярахъ и ихъ внутреннихъ отношеніяхъ въ ту же

[1]) Греки вѣроятно сами побаивались Мадьяръ и не рѣшались пускать ихъ въ стѣны своего города. См. Хвольсонъ (тамъ же, стр. 122, прим. 58), который замѣчаетъ, что подобную же предосторожность принимали и Генуэзскіе колонисты въ Каѳѣ.

[2]) По словамъ г. Хвольсона (стр. 122), «Масуди говоритъ о четырехъ турецкихъ народахъ, къ которымъ принадлежали и Мадьяры, что они обыкновенно мѣняли взятыхъ ими въ плѣнъ женщинъ и дѣтей на матеріи и платья шелковыя и парчевыя». Персидскій писатель XV вѣка Шукръ-Аллахъ такъ передаетъ извѣстіе Ибнъ-Дасты объ отношеніяхъ Мадьяръ къ Славянамъ: «Мадьяры съ одной стороны, а Славяне и Руссы съ другой стороны, постоянно воюютъ другъ съ другомъ. Первые побѣждаютъ послѣднихъ, берутъ ихъ въ плѣнъ, приводятъ въ Византійское государство и продаютъ ихъ тамъ». Упомянутый изслѣдователь (стр. 123), у котораго мы заимствуемъ это извѣстіе, приводитъ его въ примѣръ обращенія позднѣйшихъ авторовъ съ древними источниками, извѣстія которыхъ они часто передѣлывали или извращали.

[3]) Хвольсонъ, стр. 121. Противъ мнѣнія Хвольсона высказался Брунъ, видѣвшій въ Кархѣ—городъ *Корчевъ*, подъ которымъ уже былъ будто-бы въ X вѣкѣ извѣстенъ Русскимъ гор. Пантикапея (Конст. Багрянор. Таматарху) т. е. Керчъ, См. «Черноморье», II, стр. 320.

эпоху странствованія на сѣверъ отъ Чернаго моря Ибнъ-Даста разсказываетъ еще, что «глава Мадьяръ, которому они всѣ безусловно повинуются, выступаетъ въ походъ съ 20,000 всадниковъ; глава этотъ или царь носитъ титулъ *Кендеh*, а собственное имя его *Джыла*. Очевидно это извѣстіе относится уже къ тому времени, когда Угры, подъ вліяніемъ Хозаръ, избрали себѣ одного общаго вождя, о чемъ подробно разсказываетъ Константинъ Багрянородный.

Что касается приводимыхъ именъ *Кендеh* и *Джыла*, то къ нимъ нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ; очень возможно, что они искажены. По мнѣнію г. Хвольсона, надо принимать наоборотъ: «Джыла» за *титулъ* (напоминающій мадьярскій титулъ Gylas (γυλᾶς) у Константина Багрянороднаго)[1], а Кендеh—за *собственное имя*[2]. Это послѣднее онъ съ помощью уже слишкомъ смѣлой догадки отождествляетъ съ *Лебедомъ* Константина Багрянороднаго и дѣлаетъ такимъ образомъ очевидную натяжку[3]. Впрочемъ есть возможность объяснить имена Ибнъ-Дасты и въ томъ видѣ, какъ они расположены у него, т. е. не переставляя ихъ: *Джыла* напоминаетъ собственное имя *Gyula*, встрѣчающееся въ мадьярской хроникѣ (Нот. Бѣлы, гл. 6), а *Кендеh*—титулъ перваго хозарскаго вельможи послѣ Пеха, *Кендеръ-хакана*[4]).

Далѣе Ибнъ-Даста разсказываетъ о кочевомъ образѣ жизни Мадьяръ, что они «живутъ въ шатрахъ и перекочевываютъ съ

[1]) Const. Porph. De Adm. Imp., C. 40, p. 174: ἰστέον ὅτι ὁ γυλᾶς καὶ ὁ καρχᾶν οὐκ ἔστιν ὀνόματα κύρια ἀλλὰ ἀξιώματα. Эти названія γυλᾶς и džila отождествляетъ и Томашекъ въ упомянутой рецензіи на Реслера, стр. 151. По мнѣнію этого ученаго, званіе *гиласа* заимствовано Мадьярами у турковъ-Хозаръ; съ уничтоженіемъ званія исчезло и слово, ибо *gyülés*, *собраніе*, ничего общаго съ нимъ не имѣетъ (см. Roesler, ibid, S. 163).

[2]) Тамъ же, стр. 115—117.

[3]) Срв. разборъ кн. Хвольсона — Готвальдомъ. Отчетъ о XIII Присужденіи Уваровск. Премій, Спб. 1872, стр. 383.

[4]) Хвольсонъ, тамъ же, стр. 115, 117; Hunfalvy (S. 142) сопоставляетъ Kendeh съ мад. слов. *Kend*, употребляемымъ Мадьярами въ сельскомъ просторѣчіи въ смыслѣ «Вы» при обращеніи.

мѣста на мѣсто, отыскивая кормовыя травы и удобныя пастбища [1]).... Съ наступленіемъ зимняго времени, кто изъ нихъ къ какой рѣкѣ ближе, къ той рѣкѣ прикочевываетъ и остается тамъ въ продолженіе зимы, занимаясь рыболовствомъ. Жить имъ зимой у тѣхъ рѣкъ удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Земля Мадьяръ богата лѣсами и водами и почва тамъ сыра. Много у нихъ также и хлѣбопахотныхъ полей». Это послѣднее описаніе свойства земли, обиліе воды и лѣсовъ и сырость почвы, по справедливому замѣчанію г. Хвольсона, [2]) скорѣе всего относится къ странѣ между Днѣстромъ и Дунаемъ, т. е. къ нынѣшней *Бессарабіи*.

Ибнъ-Даста, подобно Константину Багрянородному и Масуди [3]), называетъ Мадьяръ *турецкимъ* племенемъ. Это показаніе византійцевъ и арабовъ, хотя въ сущности и ошибочное, все-же имѣетъ нѣкоторое значеніе, ибо можетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ силенъ былъ среди Мадьяръ турецкій элементъ и насколько они сами усвоили себѣ турецкій характеръ кочевой жизни и военныхъ пріемовъ, всѣ характерныя черты степныхъ кочевниковъ къ тому времени, когда въ цивилизованный міръ проникли первые слухи о ихъ появленіи на берегахъ Понта и приближеніи къ границамъ Восточной имперіи. Причисленію Мадьяръ къ Туркамъ много способствовало и то, что они предстали передъ Греками и вообще передъ всѣмъ западомъ въ видѣ конныхъ полчищъ, какими постоянно являлись орды кочевыхъ турковъ-азіятовъ.

[1]) Соотвѣтствующее этому показаніе находится у позднѣйшаго арабскаго писателя Абульфеды (XIV в.): Этотъ народъ (т. е. Мадьяры) имѣетъ палатки и шатры и отыскиваетъ мѣстности, оплодотворяемыя дождемъ и мѣста травянистыя. Хвольсонъ, тамъ же, стр. 118.

[2]) Тамъ же, стр. 119.

[3]) Масуди говоритъ о Черномъ морѣ: «по показаніямъ астрономовъ и древнихъ ученыхъ объ этомъ морѣ выходитъ, что море Болгаръ, Руссовъ, Нагайцевъ, Печенѣговъ и Баджгардовъ (т. е. Мадьяръ) — *послѣдніе три народа турки* — не что иное, какъ Черное». Въ другомъ мѣстѣ Масуди говоритъ о четырехъ *кочующихъ турецкихъ племенахъ*, живущихъ къ западу отъ Хозаръ и часто воюющихъ съ Византійцами. Къ этимъ племенамъ причисляетъ онъ Печенѣговъ и *Бадгжардовъ*; конечно подъ послѣдними только и можно разумѣть Мадьяръ. См. Хвольсонъ, тамъ же, стр. 104.

Быстрый конь былъ самою необходимою принадлежностью восточнаго степняка-воина; онъ служилъ ему равно вѣрно и въ походахъ, и въ домашнемъ быту, для нападеній и для защиты, для спасенія отъ погони; безъ этого неизмѣннаго друга онъ не могъ существовать [1]). Естественно, что и конныхъ Мадьяръ Арабы и Греки отнесли къ тому же типу турецкихъ выходцевъ съ востока, къ которому они причисляли и Хозаръ, а позднѣе Печенѣговъ, Узовъ и другихъ [2]).

Мы сказали выше, что Мадьяры, кочуя между Дономъ и Днѣпромъ, не ограничивались опредѣленною мѣстностью, но предпринимали болѣе отдаленные походы и набѣги, и притомъ часто независимо отъ Хозаръ. Весьма возможно даже, что нѣкоторые ихъ отряды, отдѣлившись отъ главной массы, очень рано проникли вдоль берега Чернаго моря, къ нижнему Дунаю, и рыскали на сѣверѣ отъ него, въ нынѣшней Бессарабіи и южной Молдавіи. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить на основаніи перваго извѣстія у византійцевъ объ Уграхъ и объ ихъ невольномъ, впрочемъ, вмѣшательствѣ въ греко-болгарскія отношенія.

Это первое византійское свидѣтельство объ Уграхъ, относящее повидимому ихъ первое появленіе на Дунаѣ еще къ 30-мъ годамъ IX вѣка, весьма любопытно, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно требуетъ особенно внимательнаго разсмотрѣнія, такъ какъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько такихъ сбивчивыхъ данныхъ, которыя весьма затрудняютъ рѣшеніе вопроса о времени разсказаннаго въ немъ эпизода.

Эпизодъ этотъ передается *Георгіемъ Амартоломъ* или вѣрнѣе

[1]) См. характеристику значенія коня въ жизни степняка у Забѣлина, Ист. Русск. Жизни, I, стр. 15.

[2]) Наконецъ наименованіе Мадьяръ «Турками» у византійцевъ зависѣло въ значительной мѣрѣ и отъ того, что послѣдніе считали Мадьяръ очень близскими къ Хозарамъ, которыхъ они также часто называли «Турками» (Георг. Амарт.). Г. Куникъ полагаетъ, что византійцы, называя Мадьяръ Турками, имѣли въ виду лишь господствующую у Мадьяръ династію, бывшую по его мнѣнію *турецкою*. Уч. Зап. А. Н., III, 1855, стр. 729.

его *Продолжателемъ*[1]), по поводу разсказа о дѣтскихъ годахъ императора Василія Македонянина, и находится также (съ нѣкоторыми варьянтами) въ хроникѣ *Льва Грамматика* (т. е. собственно Сим. Логоѳета, послужившаго источникомъ Продолжателю Амартала, см. стр. 200). Разсказъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Болгарскій князь Крумъ, взявъ во время войны съ Византіей Адріанополь, переселилъ массу плѣнныхъ (12,000 безъ женщинъ) въ задунайскую (сѣверную) Болгарію (πέραν τοῦ Δανουβίου)[2]). Въ числѣ ихъ находился и ребенокъ Василій (будущій императоръ) со своими родителями. Въ царствованіе императора Ѳеофила (829—842) эти греческіе переселенцы возымѣли намѣреніе силою вернуться на родину. Хлопотавшій объ этомъ македонскій воинскій начальникъ Кордилъ побудилъ Ѳеофила послать на Дунай необходимое число судовъ, чтобы доставить переселенцевъ въ Византію. Княземъ болгарскимъ былъ тогда будто-бы Владиміръ, внукъ Крума и отецъ Симеона.

Между тѣмъ Македоняне, не дожидаясь помощи, собрались переправляться черезъ Дунай *въ то время, какъ Михаилъ Болгарскій пошелъ на Солунь*. Но Болгары (бывшіе на другой сторонѣ рѣки), замѣтивъ намѣреніе Македонянъ, переправились сами, однако въ послѣдовавшемъ за тѣмъ сраженіи потерпѣли неудачу. Вотъ тутъ-то, находясь въ критическомъ положеніи, они и обратились за помощью къ *練Уграмъ*.

Ясно слѣдовательно, что Угры въ то время находились гдѣ-то очень близко отъ Дуная, такъ сказать подъ рукой у Болгаръ, ибо

[1]) Георгій Амартолъ писалъ свою хронику въ царствованіе Михаила и Ѳеодоры (кончилъ ее кажется въ 866 г.), но самъ довелъ ее только до 842 г., т. е. до смерти Ѳеофила. Продолженіе же писано другимъ авторомъ и относится къ болѣе позднему времени, ко 2-й пол. X в. (Hirsch, Byz. St., 2, 3; 5—6; 52—53). Такимъ образомъ и нашъ эпизодъ, помѣщенный уже въ главѣ о царствованіи Михаила и Ѳеодоры, былъ вписанъ вѣроятно гораздо позже. Доказательство находимъ въ немъ самомъ. Говорить о «*Владимірѣ*, какъ отцѣ (?) Симеона, царствовавшаго послѣ», возможно было во всякомъ случаѣ не ранѣе половины X вѣка.

[2]) Въ хроникѣ Льва Грамматика (Ed. Bonn. p. 231): μέχρι τοῦ Δανουβίου.

въ противномъ случаѣ послѣдніе врядъ-ли успѣли бы прибѣгнуть къ ихъ содѣйствію: имъ нужна была самая быстрая помощь. Но спрашивается, откуда взялись здѣсь Угры? Всего вѣроятнѣе, что появленіе ихъ при этомъ обстоятельствѣ было совершенно случайное и внезапное. Еслибъ ихъ кочевья уже были ранѣе расположены въ этой мѣстности [1]), то конечно сами македонскіе переселенцы не преминули бы воспользоваться ихъ помощью противъ Болгаръ. Это былъ безъ сомнѣнія, вопреки показанію Георгія, *небольшой* отрядъ, совершавшій одинъ изъ хищническихъ своихъ набѣговъ и зашедшій довольно далеко на югозападъ. Только допустивъ его сравнительную малочисленность, можно объяснить то обстоятельство, что онъ такъ легко былъ два раза обращенъ въ бѣгство греческими переселенцами. Греческій лѣтописецъ говоритъ о «несмѣтномъ числѣ Угровъ» очевидно лишь дня возвеличенія подвига своихъ соотечественниковъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Угры называются то *Уннами*, то *Турками*. Можно думать, что въ ту эпоху, когда это было писано, за ними не установилось еще окончательно это послѣднее имя, т. е. «Турки».

Итакъ на выручку къ Болгарамъ явились Угры въ то самое время, когда съ другой стороны прибыли изъ Византіи суда для перевоза Македонянъ. Угры, вѣрные своимъ хищнымъ инстинктамъ и вмѣшавшіеся въ дѣло, конечно, скорѣе въ надеждѣ самимъ поживиться, чѣмъ ради Болгаръ, обратились къ переселенцамъ съ требованіемъ отдать имъ все имущество и затѣмъ убираться хоть на всѣ четыре стороны. Греки конечно не пошли на это и ожидали, что̀ будетъ. Когда они черезъ 3 дня сдѣлали попытку сѣсть на суда, Угры напали на нихъ, но въ происшедшей битвѣ потерпѣли пораженіе. То же самое повторилось и на слѣдующій день: Угры были вторично разбиты и подверглись преслѣдованію. Послѣ этого Македонянамъ удалось сѣсть на ожидавшія ихъ суда и благополучно прибыть въ Византію, откуда они уже сухимъ путемъ вернулись на родину. Въ числѣ ихъ былъ и будущій импе-

[1]) Такъ безъ достаточнаго основанія полагаетъ Тунманнъ, стр. 137.

раторъ Василій—въ то время 25 лѣтній молодой человѣкъ[1]). Любопытно между прочимъ въ этомъ разсказѣ то, что съ появленіемъ на сцену Угровъ совершенно прекращается рѣчь о Болгарахъ: о нихъ далѣе не упоминается ни однимъ словомъ. По всей вѣроятности они были въ такомъ незначительномъ числѣ, что сами не могли оказать достаточнаго сопротивленія переселяющимся; убѣдившись, что и Угры не въ состояніи съ ними справиться, они можетъ быть поспѣшили вернуться во свояси, предоставивъ Македонянъ ихъ судьбѣ.

Такъ какъ этотъ эпизодъ любопытенъ для насъ главнымъ образомъ ради перваго столкновенія Угровъ съ Греками, то важнѣе всего было бы рѣшить вопросъ, къ какому именно времени относится это первое извѣстное намъ вмѣшательство Мадьяръ во взаимныя отношенія Восточной имперіи и ея сосѣдей. Къ сожалѣнію данныя, которыя мы находимъ въ разсказахъ византійцевъ, настолько противорѣчивы и сбивчивы, что отвѣчать на поставленный вопросъ можно во всякомъ случаѣ только предположительно, не произнося послѣдняго слова.

Данныя эти состоятъ въ слѣдующемъ: по Продолжателю Георгія Амартола и Льву Грамматику пребываніе македонскихъ жителей въ плѣну (за Дунаемъ)[2]) продолжалось съ 813 или 814 г. при Львѣ Армянинѣ (813—820) и Михаилѣ II Бальбѣ (820—829), а возвращеніе ихъ состоялось при Өеофилѣ (829—842).

[1]) У Константина Багрянороднаго въ Vita Basilii (см. Theoph. Contin. Ed. Bonn. l. V, c. 4—5, p. 216—218) и затѣмъ у Кедрина (Cedren., p. 184—186) возвращеніе плѣнныхъ въ Македонію разсказано совершенно иначе: Болгары послѣ пораженія, нанесеннаго Грекамъ, сами возвратили греческихъ плѣнныхъ *по договору*. Было это при кн. Мортагонѣ. Подробностей возвращенія и эпизода съ Уграми у этихъ византійцевъ вовсе нѣтъ. У Константина Багрянороднаго (Vita Basilii): ἄρτι δὲ ἐπισκεπτομένου θεοῦ τὸν λαὸν αὐτοῦ καὶ τὴν ἔξοδον αὐτοῖς πρυτανεύοντες (ὁ γὰρ τῶν Βουλγάρων ἄρχων μὴ δυνάμενος ἐπὶ πολὺ πρὸς τὰς Ῥωμαϊκὰς δυνάμεις ἀνταγωνίζεσθαι πάλιν εἰς ὑπόπτωσιν ἔνευεν). У Кедрина: ὁ τῶν Βουλγάρων ἀρχηγός πολλάκις θραυσθεῖς καὶ μὴ δυνάμενος ἐπὶ πλέον πρὸς τὰς Ῥωμαϊκὰς δυνάμεις ἀντικαθίστασθαι εἰρήνην ἀντὶ τῆς μάχης ἀσπάζεται καὶ ἀπολύει τῆς αἰχμαλωσίας τὸν λαόν. Здѣсь Мортагонъ названъ ошибочно Κρυτάγων.

[2]) Вѣроятно въ южной части нынѣшней Валахіи.

Василій (будущій императоръ) былъ груднымъ младенцемъ, когда родители его были уведены въ неволю [1]) (814). При возвращеніи же изъ плѣна ему было 25 лѣтъ. Эти показанія довольно опредѣленны; на основаніи ихъ эпизодъ появленія Угровъ на Дунаѣ приходится отнести къ 838—839 году [2]). Но вопросъ сильно запутывается, какъ скоро пытаешься согласить этотъ выводъ съ другими хронологическими указаніями и намеками того же разсказа, а именно съ именами болгарскихъ князей, упоминаемыхъ при этомъ византійскими историками. Георгій Амарталъ (и Левъ Грамматикъ), разсказавъ о предпріятіи Кордила, замѣчаетъ: «княземъ же Болгаріи былъ Владиміръ (ὁ Βαλδίμερ), внукъ Крума (ἔγγονος Κρούμου), отецъ Симеона, царствовавшаго послѣ». Затѣмъ слѣдуетъ: «населеніе (Македоняне) приняли рѣшеніе съ женами и дѣтьми уйти въ Романію. Когда Михаилъ Болгарскій отправился въ Солунь (ἐξελθόντος δὲ τοῦ Μιχαὴλ Βουλγάρου ἐν Θεσσαλονίκῃ), они (Македоняне) стали переправляться собственными средствами и т. д.» Итакъ здѣсь рядомъ названы два болгарскіе князя, княженіе и дѣятельность которыхъ относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ къ 30-мъ годамъ IX вѣка, если только не разумѣть здѣсь никого другого, какъ Михаила-Бориса (843—885) и его сына Владиміра (ок. 885 — 888). Наконецъ другіе источники (Константинъ Багрянородный и Кедринъ) относятъ это событіе, какъ мы видѣли, къ князю Мортагону, царствовавшему отъ 814 года до начала 30-хъ годовъ, т. е. ранѣе предположеннаго выше срока (838).

Есть ли возможность какъ-нибудь примирить эти противорѣчивыя показанія или хоть разъяснить ихъ происхожденіе? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что извѣстіе о Владимірѣ заключаетъ въ себѣ двѣ существенныя ошибки. Владиміръ не былъ, какъ извѣстно, ни внукомъ Крума, ни отцомъ Симеона, а былъ братомъ по-

[1]) Συνέβη μετὰ τῶν ἄλλων καὶ τοὺς τοῦ Βασιλείου γεννήτορας, ὑπομάξιον αὐτὸν ἔτι φέροντα, εἰς τὴν Βουλγάριαν ἀποχθῆναι γῆν.... Cedren., p. 184 (Ed. Bonn.).

[2]) Шафарикъ относитъ его къ 836 г. (II кн. 1, 287), тоже и Гунфальви, стр. 109; Муральтъ (Essai de Chronogr. Byz. I, 1855. p. 417)—къ 837-му г.

слѣдняго, старшимъ сыномъ Бориса. Царствовалъ онъ очень не долго, и за свое распутство и злодѣянія былъ лишенъ престола отцомъ, ослѣпленъ и заключенъ въ монастырь; на его мѣсто былъ возведенъ его младшій братъ Симеонъ (888). Такимъ образомъ упоминаніе Владиміра въ нашемъ разсказѣ совершенно не кстати. Надо предположить, что или имя это стоитъ ошибочно, вмѣсто имени другого князя (Пресьяма?) [1]), или представляетъ можетъ быть позднѣйшую вставку. Вопросъ рѣшить тѣмъ труднѣе, что порядокъ и хронологія болгарскихъ князей за все это время (отъ Крума до Симеона) далеко не установлены и донынѣ мнѣнія ученыхъ на этотъ счетъ расходятся. Наиболѣе правдоподобный порядокъ слѣдующій: *Омортагъ* или *Мортагонъ*, преемникъ и можетъ быть сынъ Крума, умеръ кажется около 835 года, ибо въ 836 году болгарскій престолъ положительно уже занималъ *Пресьямъ*, воевавшій, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, съ сербскимъ княземъ Властиміромъ три года, приблизительно отъ 836—839. Около 843 л. Пресьяму наслѣдовалъ его сынъ *Борисъ-Михаилъ*, царствовавшій кажется до 885 года [2]). Итакъ, согласно съ

[1]) Намъ кажется возможнымъ сдѣлать здѣсь еще и другое предположеніе: не спуталъ ли здѣсь Продолжатель Георгія съ Владиміромъ имя, довольно близкое по звукамъ—Маломіра, бывшаго дѣйствительно, по свидѣтельству архіепископа Θеофилакта (въ Тиверіуп. мучен. въ Патрол. Миня, т. 126, § 31 и слѣд.), внукомъ Крума, младшимъ сыномъ Мортагона и вступившаго будто-бы на престолъ послѣ отца (Голубинскій, Очеркъ Пр. Ц., стр. 6). Еслибъ послѣднее было вѣрно (чему однако противорѣчитъ извѣстіе Константина Багрянороднаго), то не было бы ничего неестественнаго въ упоминаніи его въ 838 г. Наконецъ не былъ ли можетъ быть Маломіръ въ то время княземъ-намѣстникомъ въ сѣверной, задунайской Болгаріи, о которой въ нашемъ разсказѣ именно идетъ рѣчь, если только вообще можно допустить существованіе такихъ князей-намѣстниковъ? (Палаузовъ, Вѣкъ Болг. ц. Симеона, стр. 37).

[2]) Принимая этотъ порядокъ, мы слѣдуемъ Константину Багрянородному. См. Шафарикъ II, 1 к., стр. 287, 288 и слѣд., Dümmler, S.-Ö. M., 82; Иречекъ (пер. Бруна), стр. 182—4. Нѣкоторые (въ томъ числѣ и Иречекъ) относятъ вступленіе на престолъ Бориса къ болѣе позднему времени, а именно къ 852 г.—Θеофилактъ, архіепископъ Охридскій, передаетъ дѣло иначе: у Мортагона было трое сыновей: Энравота (Ἐνραβώτας) или Боинъ (Βοϊνος), Звеница Ζβηνίτζη) и Маломіръ; послѣдній наслѣдовалъ отцу; а преемникомъ его былъ Борисъ-Михаилъ, сынъ Звеницы, а не Пресіама. Этого свидѣтельства держится Голубинскій (тамъ же, стр. 6; 21).

этой хронологіей, если относить занимающій насъ эпизодъ къ 838 году, то болгарскимъ княземъ былъ тогда Пресьямъ. Но въ такомъ случаѣ почему византійцы упоминаютъ тутъ же о Михаилѣ? Княземъ могъ быть только одинъ изъ двухъ. О походѣ кн. Михаила на Солунь въ то время мы ровно никакихъ другихъ извѣстій не имѣемъ. Между тѣмъ очень вѣроятно, что Болгары были отвлечены тогда какимъ-нибудь военнымъ предпріятіемъ, такъ какъ македонскіе переселенцы хотѣли именно воспользоваться отдаленіемъ болгарскихъ силъ. Намъ предстоитъ такимъ образомъ допустить одно изъ двухъ: или вѣренъ 838 годъ,—тогда ошибочно упоминаніе кн. Михаила, не могшаго еще быть княземъ; или это событіе произошло дѣйствительно при Михаилѣ, и тогда придется отнести его не ранѣе, какъ къ 842—43 г., а въ такомъ случаѣ слѣдовательно должно быть невѣрно первое показаніе.

Сопоставивъ и взвѣсивъ эти два предположенія, мы не можемъ не высказаться въ пользу перваго изъ нихъ, которое, въ виду нѣкоторыхъ соображеній, считаемъ гораздо болѣе вѣроятнымъ. Во-первыхъ опредѣленіе времени обстоятельствами жизни Василія имѣетъ для насъ бо́льшую цѣну уже потому, что весь эпизодъ этотъ (о возвращеніи плѣнныхъ Македонянъ) разсказывается по поводу и ради Василія, т. е. описанія его происхожденія и дѣтства [1]), связаннаго съ судьбою македонскихъ плѣнныхъ, а византійскій историкъ долженъ былъ конечно имѣть болѣе вѣрныя извѣстія объ обстоятельствахъ собственно византійскихъ, чѣмъ болгарскихъ, особенно когда они касались судьбы такого императора, каковъ былъ Василій. Далѣе намъ извѣстно, что именно въ то время, т. е. около 838 года, Болгары были заняты войной съ Сербами (походъ Прсьяма); этимъ можетъ быть и воспользо-

[1]) Ἀναγκαῖον δὲ ἡγησάμην διηγήσασθαι περὶ τοῦ αὐτοῦ βασιλέως τήν τε ἀνατροφὴν καὶ ὅθεν ἔστι, μέχρι τῆς τοιαύτης ὑποθέσεως, послѣ чего и слѣдуетъ разсказъ. Georg. Amart. Mur., p. 724. Ed. Bonn., p. 817; Leo Gramm., p. 231. Въ такомъ же отношеніи къ Василію и упоминаніе объ этомъ событіи у Константина Багрянороднаго (Vita Basilii въ Cont. Theoph.) и Кедрина.

вались македонскіе плѣнные [1]), а не какимъ-то вовсе неизвѣстнымъ походомъ Михаила на Солунь [2]), чтобы безпрепятственно осуществить свой планъ возвращенія на родину. Случилось это довольно скоро послѣ смерти Мортагона, такъ что упоминаніе послѣдняго въ разсказахъ Константина Багрянороднаго и Кедрина находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе: впрочемъ свидѣтельства этихъ писателей, какъ болѣе позднихъ, имѣютъ для насъ менѣе значенія.

Но есть еще обстоятельство, которое слѣдуетъ принять въ соображеніе и которое тоже говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Дѣло въ томъ, что въ одномъ современномъ свидѣтельствѣ есть указаніе, что въ то именно время (838—39 г.) полчища какого-то дикаго народа господствовали въ сѣверозападномъ Черноморьѣ, на Нижнемъ Днѣпрѣ и до Дуная, наводя страхъ на сосѣдніе народы и дѣлая опаснымъ путь изъ Греціи въ Кіевскую Русь. Мы разумѣемъ пресловутое извѣстіе *Бертинской лѣтописи*, гдѣ въ извлеченіи изъ письма императора Θеофила къ Людовику говорится о послахъ кіевской Руси, избравшихъ обратный путь въ Кіевъ черезъ Германію и для того присоединившихся къ греческому посольству, отправлявшемуся въ Ингельгеймъ,— по той причинѣ, что *прежній прямой путь, которымъ они пришли въ Византію, находился во власти дикихъ варваровъ* [3]). Мы

[1]) По мнѣнію Сасинка (Dejiny drievn. národ. na území terajšicho Uhorska, v Skalici, 1867, стр. 113) задумано было это предпріятіе дѣйствительно во время Болгаро-сербской войны, но выполнено было лишь въ 840 г., когда будто-бы Михаилъ Борисъ въ началѣ своего княженія выступилъ противъ Солуни. (?)

[2]) Такъ какъ вмѣсто Михаила мы признаемъ княземъ болгарскимъ во время этихъ событій *Пресьяма*, то не разумѣется ли подъ этимъ извѣстіемъ то путешествіе по имперіи, которое предпринялъ, какъ извѣстно, Персьямъ и во время котораго онъ былъ и въ *Солунѣ*? Это было передъ самой войной съ Сербіей, слѣдовательно и по времени близко къ занимающему насъ 838-му году.

[3]) Въ Бертинской лѣтописи подъ 839 г. читаемъ: «Misit cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, chacanus vocabulo, ad se, amicitiae, sicut asserebant, causa direxerant; petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxi-

считаемъ вполнѣ возможнымъ разумѣть здѣсь полчища Угровъ, ибо о другихъ кочевникахъ, напр. Печенѣгахъ, въ этихъ мѣстностяхъ не могло быть еще и рѣчи въ ту пору[1]), а между тѣмъ тутъ очевидно дѣло идетъ о хищныхъ варварахъ, явившихся внезапно, и которыхъ не было еще при путешествіи пословъ въ Византію. Слѣдовательно Угры уже тогда, въ 30-хъ годахъ, простирали свои хищническіе набѣги далеко за Днѣпръ, по берегамъ Чернаго моря и въ нынѣшнюю Бессарабію. Если они именно въ 838 году, по свидѣтельству византійцевъ, появляются на Дунаѣ и нападаютъ на македонскихъ плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, то естественно, что эти послѣдніе распространили о нихъ вѣроятно преувеличенные слухи въ Византіи, и послы Руссовъ, напуганные ими, не рѣшились возвращаться домой прежней дорогой (839 г.). Итакъ всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, кажутся намъ достаточными для подтвержденія того предположенія, что первое извѣстное намъ появленіе Мадьяръ на Дунаѣ, отмѣченное византійскими писателями, случилось около 839 года, въ царствованіе императора Ѳеофила, черезъ 24 года послѣ переселенія Крумомъ за Дунай плѣнныхъ македонскихъ и адріанопольскихъ жителей[2]).

Мадьяры совершали свои опустошительныя предпріятія не только на югозападъ, но и по другимъ направленіямъ. На югѣ они рыскали по берегамъ Чернаго моря и не оставляли въ по-

lium per imperium suum totum habere possent *quoniam itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaros et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit*». Ann. Bertin., ap. Pertz., I, 434.

[1]) Погодинъ совершенно ошибочно думаетъ при этомъ о Печенѣгахъ. См. Гедеоновъ и его система. Зап. И. Ак. Н. т. VI, кн. I, стр. 33. Придя къ нашему заключенію совершенно самостоятельно, мы впослѣдствіи нашли то же предположеніе у г. Иловайскаго (Болгаре и Русь на Азов. Пом., Ж. М. Н. Пр. 1875, янв., стр. 143—144), который впрочемъ кромѣ Мадьяръ, видитъ въ этихъ «дикихъ варварахъ» и Хозаръ (?).

[2]) Этой же хронологіи держится большинство изслѣдователей: Цейсъ (D. Deutschen, S. 749), Бюдингеръ (Oesterr. Gesch., S. 215), Дюммлеръ (S.-Ö. M., S. 53), Рёслеръ (Rom. St., S. 149—151), Гунфальви (Ethn. v. U., S. 109, 129) и др.

кое даже Крымскаго полуострова, на среднемъ Днѣпрѣ они безпокоили русскихъ Славянъ и подходили, повидимому, подъ самый Кіевъ.

Житіе славянскаго просвѣтителя Константина (Кирилла) Философа сохранило намъ любопытное извѣстіе о набѣгѣ Мадьяръ на Крымскій полуостровъ, относящемся къ половинѣ IX вѣка. Константинъ Философъ былъ въ то время въ Корсунѣ, гдѣ остановился по пути къ Хозарамъ, изучилъ еврейскій языкъ и обрѣлъ мощи св. Климента. Какой-то христіанскій городъ (греческій?) былъ въ ту пору осажденъ Хозарами. Житіе разсказываетъ, какъ Константинъ отправился къ хозарскому воеводѣ и старался на него подѣйствовать христіанскою проповѣдью. Онъ успѣлъ въ этомъ вполнѣ. Воевода обѣщалъ креститься и снялъ осаду съ города. Когда Философъ снова пустился въ путь и въ первый часъ творилъ молитву, на него напали Угры съ криками, подобными вою волковъ, и хотѣли убить его. Онъ же нисколько не испугался, а продолжалъ молиться, возглашая только «Господи, помилуй», такъ какъ уже оканчивалъ службу. Угры, видя это, по Божьему внушенію, присмирѣли и стали кланяться ему; услышавъ же изъ устъ его учительскія увѣщанія, они отпустили его со всѣми спутниками[1]). Хотя Угры въ настоящемъ случаѣ являются шайкою, повидимому независимой отъ Хозаръ, однако то, что мы знаемъ о полузависимыхъ отношеніяхъ ихъ къ послѣднимъ, даетъ поводъ предположить, что и этотъ набѣгъ ихъ былъ въ связи съ предпріятіемъ Хозаръ: пока эти осаждали городъ, Угры рыскали въ его окрестностяхъ, вѣроятно съ цѣлью предупредить всякую по-

[1]) Паннонское житье Кирилла, у Бодянскаго, Кириллъ и Меѳодій. Чтенія въ М. О. И. и Д. 1863, кн. 2, стр. 12; 1873 г. к. I, 409. Славянскій текстъ приведенъ нами выше, стр. 199. Vita Constantini, c. VIII (Dümmler, S.-Ö. M., S. 53): cum vero philosophus ad iter suum revertus prima hora preces dicebat, irruerunt in eum Ungri luporum more ululantes, ut eum acciderent. Ille autem non perterritus est, neque orare cessavit, Domine miserere tantum clamans, finiverat enim jam officium. Illi vero conspicati eum et jussu divino mansuefacti coeperunt venerari eum et verbis admonitionis ab ore, ejus auditis dimiserunt eum cum sociis».

пытку посылки помощи городу извнѣ и нападенія на Хозаръ съ тылу. Дѣло происходило по всей вѣроятности гдѣ-нибудь въ сѣверныхъ, степныхъ частяхъ Крыма, благопріятныхъ для хищническихъ цѣлей конныхъ Угровъ [1]). Крымскій полуостровъ былъ слѣдовательно въ ту эпоху доступенъ для набѣговъ кочевниковъ, что̀ было не всегда. Въ древности, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго [2]), Перекопскій перешеекъ былъ пересѣченъ огромнымъ рвомъ (и валомъ), который долженъ былъ конечно служить защитою для полуострова противъ нападеній степныхъ кочевниковъ, и былъ устроенъ вѣроятно въ эпоху Воспорскаго царства [3]). Но съ теченіемъ времени, по словамъ Константина, онъ былъ засыпанъ землею и заросъ лѣсомъ, такъ что въ его время давно уже не существовалъ. Занимающее насъ извѣстіе о набѣгѣ Угровъ на Крымъ служитъ доказательствомъ, что его уже не было и въ половинѣ IX вѣка. Что касается времени этого эпизода, то оно естественно опредѣляется временемъ путешествія Константина къ Хозарамъ и должно быть отнесено къ 50-мъ годамъ IX вѣка (приблизительно къ 856 году [4]).

Въ ту же эпоху своихъ скитаній по степямъ южной Руси Угры, безъ сомнѣнія, не оставляли въ покоѣ и днѣпровскихъ Славянъ. Это мнѣніе подтверждается какъ вышеупомянутымъ извѣстіемъ Ибнъ-Дасты о военно-плѣнныхъ Славянахъ, которыхъ Угры сбывали Грекамъ, такъ и извѣстіями *нашего Лѣтописца*. Мы привели выше три упоминанія Нестора о движе-

[1]) Кочевники умѣли совершать свои нападенія совершенно неожиданно. Часто этому благопріятствовала мѣстность. «Въ степи иной разъ встрѣчается цѣлая система широкихъ и отлогихъ овраговъ, по которымъ тайно и невидимо съ уровня степи можно проходить изъ одной далекой мѣстности въ другую, чѣмъ и пользовались кочевники и потомъ казаки, появляясь въ иныхъ случаяхъ внезапно передъ лицемъ непріятеля». Забѣлинъ, Ист. Р. Ж. I, стр. 13.

[2]) De Adm. Imp., c. 42, p. 180.

[3]) Срв. В. Г. Васильевскій, въ разборѣ сочиненія Бруна. Ж. М. Н. Пр. ноябрь, 1879 г. стр. 102.

[4]) Büdinger, Oesterr. Gesch., S. 216; Dümmler, S.-Ö. M., S. 53, Röesler, S. 151, 152; срв. Hunfalvy, S. 116.

ніи Угровъ. Послѣднее (записанное въ самой лѣтописи подъ 898 годомъ) заключаетъ въ себѣ главное извѣстіе о передвиженіи всей мадьярской орды на западъ — по вытѣсненіи ея изъ «Лебедіи» Печенѣгами. Первыя два извѣстія о *Бѣлыхъ* и *Черныхъ* Уграхъ, встрѣчающіяся не въ самой лѣтописи, а во вступительномъ къ ней разсказѣ, не совсѣмъ ясны и возбуждаютъ нѣкоторыя недоумѣнія. Не смотря на то, важность ихъ несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что одно изъ нихъ, какъ его толкуютъ иные, заключаетъ въ себѣ указаніе на неоднократное появленіе Угровъ въ землѣ днѣпровскихъ Славянъ, и именно около Кіева. Это указаніе видятъ въ выраженіи: «паки идоша Угри Черннии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ». Итакъ это мѣсто Нестора о Бѣлыхъ и Черныхъ Уграхъ заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія [1]). Повторимъ его здѣсь для ясности:

«Славѣньску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, населници Словѣномъ быша. Посемь придоша Угри Бѣлии, наслѣдиша землю Словѣньску (прогнавши Волохы иже бѣша преже приялн землю словеньску, въ *Радз.* и *Акад. сп.*); си бо Угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перьскаго». Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь объ Аварахъ («Въ си же времяна быша и Обри, ходиша на Ираклия царя» и т. д.), послѣ чего прибавляется: «по сихъ же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Чернии (въ *сп. Р. и А.* нѣтъ Чернии) мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ».

По общепринятому мнѣнію, пущенному въ ходъ еще Шлёцеромъ, здѣсь подъ *Бѣлыми Уграми* слѣдуетъ разумѣть не Угровъ, а *Хозаръ* [2]).

[1]) Важно разъяснить это мѣсто и потому еще, что имъ пользовались для подкрѣпленія ложнаго мнѣнія объ *угорскомъ* (а не турецкомъ) происхожденіи Хозаръ, которыхъ будто-бы Несторъ самъ называетъ здѣсь *Бѣлыми Уграми*. См. напр: Юргевичъ, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., 1867, т. VI, стр. 74; Срв. Hunfalvy, S. 256.

[2] Шлёцеръ, Несторъ, перев. Языкова, II, стр. 402; Куникъ, Учен. Зап. Ак. Н. III (о тюркскихъ Печенѣгахъ), стр. 729.— Г. Иловайскій думаетъ, что

Шлёцеръ относился вообще съ недовѣріемъ къ этой части Несторова вступленія, подозрѣвая въ ней позднѣйшія вставки, произведшія путаницу. Основываясь главнымъ образомъ на словахъ объ Ираклiи, онъ замѣчаетъ, что здѣсь навѣрно рѣчь идетъ объ Хозарахъ. «Какой-то писецъ, говоритъ онъ, ставитъ вмѣсто того *Угровъ* и именно *Бѣлыхъ*: что его къ этому побудило, отгадать мудрено. О настоящихъ Униграхъ или Венграхъ никакъ нельзя здѣсь думать. Они жили тогда еще на Уралѣ [1]), но ежели они и были уже въ «Лебедіасѣ» (?), то какое еще ужасное разстояніе оттуда до Персіи, на которую они напали» и пр. Мнѣніе Шлёцера было принято почти единогласно [2]), а многіе пошли дальше и выражали предположеніе, что Хозары были названы *Бѣлыми Уграми* именно въ противоположность Чернымъ Уграмъ, т. е. собственнымъ Мадьярамъ, жившимъ въ южныхъ степяхъ Россіи, *въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ* (какъ извѣстно, по заимствованному у восточныхъ народовъ взгляду, названіе *Бѣлые* заключаетъ въ себѣ понятіе *свободныхъ*, *независимыхъ* [3]), а *Чер-*

подъ Бѣлыми Уграми можно разумѣть не только Хозаръ, но съ не меньшею вѣроятностью и *Аваръ* (?). Это основывается на его предположеніи, что «Хазары и Авары принадлежали къ тому же черкесскому племени, и что это племя въ соединеніи съ истыми Уграми дѣйствовало въ южной Россіи, и на Дунаѣ...» См. Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ, Ж. М. Пр. 1875, янв., стр. 110. У нѣкоторыхъ западно-славянскихъ ученыхъ существуютъ свои, весьма отличныя отъ господствующаго взгляда, мнѣнія по этому вопросу, но всѣ они по меньшей мѣрѣ произвольны и особеннаго вниманія не заслуживаютъ. Такъ Эрбенъ (пер. Nestorův Letopis ruský, 1867, 320) видѣлъ въ Бѣлыхъ Униграхъ *Гунновъ* (?), а словацкій писатель Sasinek (Roč. Uhor., 174, пр. 3) полагалъ, что Несторъ разумѣлъ подъ ними предковъ нынѣшнихъ Карпатскихъ Словаковъ (которыхъ онъ отождествляетъ съ Бѣлохорватами Константина Багрянороднаго)!!... Срв. Záborský: «Mad'ari pred opanovaním terajšej vlasti». Letopis Matice Slovenskej, ročn. XI, sv. 1, Turč. Sv. Mart. 1874, 40—41.

[1]) Былъ у насъ впрочемъ ученый, считавшій возможнымъ относить первое появленіе Угровъ въ Дунайской землѣ — дѣйствительно къ половинѣ VIII в. (?) См. А. Б....ъ (Бушенъ), Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ., 1855, ч. 14, стр. 180.

[2]) См. Roesler, R. St., S. 82, прим. 1. Противъ Шлецера рѣшительно высказался, сколько намъ извѣстно, только Фесслеръ (Gesch. Ung., S. 47), утверждая, что Несторъ слишкомъ хорошо различалъ народныя имена Угровъ, Хозаръ, Аваровъ, чтобы ихъ ступать.

[3]) См. Вѣстникъ Имп. Р. Геогр. Общ. 1855, тамъ же, стр. 182.

ные—напротивъ, означаетъ *подчиненныхъ*, *зависимыхъ*)[1]). Однако, что̀ бы ни думали ученые, рѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ пониманія подъ Бѣлыми Уграми—Хозаръ нуждается въ самой внимательной провѣркѣ[2]).

Приписывать самому Нестору или кому бы то ни было (т. е. позднѣйшему переписчику) сознательное наименованіе Хозаръ Бѣлыми Уграми совершенно немыслимо. Лѣтопись наша знаетъ и вездѣ точно различаетъ Хозаръ (Козаръ) отъ прочихъ чуждыхъ народовъ: Болгаръ, Аваровъ (Обровъ), Угровъ и проч. Въ разбираемомъ мѣстѣ о нихъ также упоминается двумя строками раньше, чѣмъ о Бѣлыхъ Уграхъ. Послѣднее названіе встрѣчается всего одинъ разъ, что̀ едва-ли было бы возможно, еслибъ оно было въ употребленіи, какъ второе прозвище Хозаръ; къ тому же въ этомъ случаѣ была бы конечно сдѣлана оговорка. Болѣе правдоподобія на первый взглядъ представляетъ догадка, что названіе «Бѣлые Угры» попало сюда какъ-нибудь по ошибкѣ или по какому-нибудь недоразумѣнію, вмѣсто имени Хозаръ, о которыхъ тутъ будто-бы идетъ рѣчь. Такъ думалъ именно Шлёцеръ, основываясь, какъ мы видѣли, на отношеніи, въ какое здѣсь поставлены Угры къ имп. *Ираклію* и къ его походу на Персовъ. Однако, вникнувъ ближе въ это извѣстіе и въ текстъ Нестора, мы убѣждаемся, что удовлетвориться такимъ объясненіемъ рѣшительно невозможно. Намъ кажется, мы можемъ напротивъ привести достаточно вѣскія доказательства въ пользу того, что подъ Бѣлыми Уграми разумѣются именно *Мадьяры*, а отнюдь не Хозары, точно также, какъ Мадьяры разумѣются и подъ упоминаемыми вслѣдъ за тѣмъ Черными Уграми. Въ приведенномъ отрывкѣ очевидно идетъ рѣчь о Славянахъ, разселившихся на Дунаѣ: «Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ . . . Болгаре»

[1]) Zeuss, Die Deutschen, S. 745; Cassel, M. A., S. 144; Büdinger, Oesterr. Gesch., S. 212, etc; также Брунъ, Черноморье, II, стр. 319; Hunfalvy, S. 228.

[2]) *Черныхъ Угровъ* всѣ единогласно признаютъ за настоящихъ Угровъ-Мадьяръ.

и т. д. Лѣтописецъ говоритъ, что этихъ дунайскихъ Славянъ покорили пришедшіе съ востока, изъ сосѣдней съ Хозарами земли (отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ), Болгаре, а что за симъ пришли Бѣлые Угры и наслѣдовали землю славянскую (т. е. опять-таки на Дунаѣ [1]), «прогнавши Волохы, иже бѣша преже прияли землю словеньску», какъ прибавлено въ двухъ спискахъ лѣтописи (*Радзив.* и *Акад.*). Уже изъ того, что здѣсь говорится о занятіи земли дунайскихъ Славянъ, ясно, что тутъ не можетъ быть рѣчи о Хозарахъ. Но это станетъ уже совершенно очевиднымъ, если мы разсмотримъ это мѣсто въ связи съ остальнымъ текстомъ вступительной части и если обратимъ вниманіе на вставленныя здѣсь Несторомъ слова: «якоже рекохомъ». Эти слова явно относятся къ извѣстному классическому мѣсту лѣтописи о первоначальномъ разселеніи славянскихъ племенъ на Дунаѣ, которое начинается такъ: «По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, *гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска....*» Разсказавъ о разселеніи всѣхъ славянскихъ племенъ, лѣтописецъ переходитъ къ племенамъ собственно русскимъ, увлекается разсказомъ о нихъ, о пути Варягъ въ Греки, объ апостолѣ Андреѣ, о Полянахъ, объ основаніи тремя братьями Кіева, наконецъ о другихъ русскихъ племенахъ и населяющихъ сѣверную Русь Финнахъ. За этимъ уже слѣдуетъ занимающее насъ мѣсто о приходѣ *Болгаръ* и потомъ *Бѣлыхъ Угровъ* въ земли дунайскихъ Славянъ, причемъ авторъ словами «якоже рекохомъ» ссылается на выше начатый и прерванный разсказъ о разселеніи Славянъ на Дунаѣ. Не можетъ быть кажется ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ этимъ мѣстомъ хочетъ пояснить, какъ возникли на территоріи дунайскихъ Славянъ современная ему «*Угорска земля и Болгарска*», т. е. отвѣчать на вопросъ, когда и откуда явились эти новые народы, Болгаре и Угры. «Словѣньску же языку, говоритъ онъ, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша

[1]) И къ нимъ можетъ быть относятся слова: «отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ», что особенно примѣнимо къ Мадьярамъ.

отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии Болгаре.... Посемь придоша Угри Бѣлии, наслѣдиша землю Словѣньску»... Итакъ очевидно здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствительныхъ Уграхъ, а не о Хозарахъ [1]). Но доказавъ это, намъ остается разъяснить и устранить то, что собственно послужило главнымъ поводомъ къ заблужденію. Такимъ поводомъ (вызвавшимъ, какъ мы видѣли, мнѣніе Шлёцера) послужили слова, которыми лѣтописецъ какъ-бы поясняетъ хронологически свое извѣстіе о Бѣлыхъ Уграхъ: «*Си бо Угри*, замѣчаетъ онъ, *почаша бытии при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перьскаго*». Дѣйствительно, такое показаніе могло заставить думать о Хозарахъ, которые, какъ извѣстно, были союзниками императора Ираклія въ войнѣ его противъ Персовъ (Хозроя II) [2]). О Мадьярахъ при Иракліи—такъ разсуждали ученые—не могло быть и рѣчи: они тогда спокойно жили еще на своей далекой сѣверной родинѣ и появляются на сцену только въ началѣ IX вѣка; слѣдовательно, заключали они, подъ Бѣлыми Уграми только и можно разумѣть Хозаръ. Но всмотримся внимательнѣе въ это несторово извѣстіе, и тогда дѣло объяснится иначе. Ясно прежде всего, что это извѣстіе почерпнуто изъ *византійскаго* источника, ибо конечно неоткуда болѣе было узнать Нестору объ Иракліи и о его войнѣ съ Персидскимъ царемъ Хозроемъ. Лѣтописцу очевидно хотѣлось опредѣлить время, когда Угры впервые становятся извѣстны («Угры почаша бытии»), и вотъ онъ обращается за справкою къ византійцамъ. Ему извѣстно конечно, что византійцы называютъ Угровъ «Турками»,

[1]) Слѣдующая затѣмъ въ 2-хъ спискахъ (*Радз.* и *Акад.*) фраза «прогнавши Волохы, иже бѣша преже прияли землю Словеньску», конечно, также подтверждаетъ наше мнѣніе, что здѣсь разумѣются Угры, и согласуется съ извѣстіемъ Нестора о движеніи Угровъ подъ 898 г., гдѣ повторяется то же свидѣтельство о Волохахъ: «Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волохове прияша землю Словеньску; посемъ же Угри погнаша Волъхи, и наслѣдиша землю» и т. д. (Лѣт. по Лав. сп., стр. 24—25). Совсѣмъ выбрасывать ту фразу изъ текста только на томъ основаніи, что ея нѣтъ въ другихъ спискахъ, мы не въ правѣ.

[2]) См. Fessler - Klein, S. 47.

но онъ упускаетъ изъ виду или не знаетъ, что то же самое названіе «Турки» византійцы примѣняютъ иногда и къ Хозарамъ, хотя знаютъ ихъ и подъ этимъ послѣднимъ именемъ [1]). *Турками* названы Хозары именно въ разсказѣ византійцевъ о войнѣ Ираклія въ союзѣ съ ними противъ Персовъ. Подробный разсказъ объ этой войнѣ (622—628) и о союзѣ Ираклія съ «Турками» (Хозарами) находится у патріарха Константинопольскаго Никифора [2]). Кратко упоминаетъ объ этой помощи и Георгій Амартолъ [3]), которымъ безъ сомнѣнія въ данномъ случаѣ воспользовался и Несторъ. Найдя имя Τοῦρκοι, встрѣчающееся у Амартола впервые именно по этому случаю въ главѣ о царствованіи Ираклія, онъ представилъ себѣ, что рѣчь идетъ объ Уграхъ и поспѣшилъ отмѣтить въ своей лѣтописи, что Угры «начали быть» при Иракліи царѣ, прибавивъ для поясненія: «иже находиша на Хоздроя царя Перьскаго». Это такъ естественно, что не нуждается кажется въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ [4]).

[1]) «Турками» называютъ Хозаръ и византійцы и арабы. Первые называютъ ихъ иногда въ отличіе отъ Мадьяръ «Восточными Турками». Такъ Ѳеофанъ (I, p. 485), разсказывая объ этой помощи, прямо выражается; τοὺς Τούρκους ἀπὸ τῆς ἑώας, οἵς Χαζάρους ὀνομάζουσιν, εἰς συμμαχίαν προσεκαλέσατο.

[2]) S. Nicephor. Cpolit., Ed. Bonn., p. 17, 18.

[3]) Хроногр. Георг. Амарт. изд. Муральта, Спб. 1859, стр. 567, 12. «Καὶ δὴ (προσκαλεσάμενος τὸν Τοῦρκον εἰς συμμαχίαν κατὰ πάραδον ἐξ οὗ και φύλαρχον καὶ... Vind.) πλῆθος Τούρκων ἄρας, ἐξώρμησε κατὰ Περσῶν ἐν δυνάμει βαρείᾳ σφόδρα διὰ τοῦ Εὐξείνου πόντου. Срв. у позднѣйшихъ писателей, Theophanes, I, ed. Bonn. 485, 486 и слѣд.

[4]) Здѣсь слѣдуетъ впрочемъ сдѣлать еще одну маленькую поправку въ чтеніи текста, еще болѣе способствовавшемъ заблужденію. Слова «иже находиша на Хоздроя царя Перьскаго» заключаютъ въ себѣ, повидимому, искаженіе первоначальнаго текста; надо читать вмѣсто «иже *находиша* на» — «иже *находи* на Хоздроя», ибо слова эти очевидно относятся не къ Yграмъ, а къ царю Ираклію, чего требуетъ и смыслъ и конструкція всей фразы. Дѣло въ томъ, что въ Лаврентіевскомъ спискѣ это мѣсто написано такъ: иженаходиша(на)хоздроꙗ. (Повѣсть Времен. лѣтъ по Лаврен. Сп., Изд. Археограф. Комм. Спб. 1872, стр. 8). Очень вѣроятно, что переписчикъ прочелъ вмѣсто находи на, какъ было въ первоначальномъ текстѣ, находиша (что̀ по начертанію довольно сходно и возможно въ синтаксическомъ отношеніи), а затѣмъ самъ или кто-нибудь послѣ него, сочтя предлогъ *на* пропущеннымъ, приписалъ его сверху.

Отъ Угровъ, «начавшихъ быти» при царѣ Иракліи, лѣтописецъ въ разбираемомъ мѣстѣ непосредственно переходитъ къ *Аварамъ*: «Въ си же времена быша и Обри (иже) ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» и т. д. Этотъ переходъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ наше предположеніе объ источникѣ, къ которому обратился Несторъ за хронологической справкой объ Униахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ свѣтъ на пріемы его работы. У Георгія Амартола (равно какъ у патріарха Никифора) [1]) непосредственно передъ разсказомъ о войнѣ Ираклія съ Хозроемъ и о помощи Турковъ и послѣ него рѣчь идетъ объ Аварахъ и о ихъ войнѣ съ Ираклiемъ, причемъ разсказывается извѣстный эпизодъ, когда императоръ едва не попался въ руки Аваровъ и съ трудомъ, переодѣтый, ускакалъ въ Византію [2]). Нестору, заговорившему въ своей лѣтописи объ Уграхъ, было кстати это извѣстіе объ Аварахъ, о которыхъ онъ очевидно и безъ того зналъ и собирался сказать, какъ о народѣ, господствовавшемъ надъ Славянами. Извѣстіе, найденное о нихъ у византійца, рядомъ съ разсказомъ о Туркахъ, дало ему поводъ прицѣпить къ своему разсказу объ Уграхъ и то, что онъ самъ зналъ объ Аварахъ: «въ си же времена, продолжаетъ онъ, быша и Обри, ходиша на Ираклия царя и мало его не яша», и затѣмъ сообщаетъ объ отношеніяхъ Обровъ къ Славянамъ, о ихъ войнѣ, о жестокости Обровъ, о мученіяхъ, испытанныхъ отъ нихъ Дулѣбами, о гибели всѣхъ Обровъ и о существующей о нихъ на Руси поговоркѣ. Откуда онъ взялъ все это, мы сказать не можемъ, но если въ его время ходила въ народѣ поговорка, связанная съ воспоминаніями объ Обрахъ [3]), то нѣтъ ничего удивитель-

[1]) Геогр. Амар., тамъ же стр. 565—6; 567—8; Niceph. Cpolit., p. 15—16; 20 etc.

[2]) Георг. Амар. стр. 566: «μόλις εἰς τὸ Βυζάντιον διαλαθὼν ἔφυγεν... Niceph. p. 15: ἀγεννῶς παραχρῆμα εἰς φυγὴν ἐτράπετο, καὶ μόλις πρὸς τὸ Βυζάντιον διεσώζετο.

[3]) Г. **Гедеоновъ** думалъ, что эта поговорка или притча взята Несторомъ отъ Грековъ, которымъ она была извѣстна еще за два вѣка до Нестора; при этомъ Гедеоновъ ссылается на письмо патріарха Николая Мистика, въ которомъ говорится словами библіи о гибели Аваровъ — всѣхъ безъ остатка: οὐδὲ

наго, что могло существовать и какое-нибудь преданіе о нихъ по отношенію къ Дулѣбамъ, которымъ и воспользовался Несторъ.

Свой отрывокъ о хищныхъ народахъ, проходившихъ съ востока и производившихъ насилія надъ Славянами, лѣтописецъ заканчиваетъ упоминаніемъ о *Печенѣгахъ* и вторичнымъ упоминаніемъ объ Уграхъ (на этотъ разъ *Черныхъ*): «по сихъ же придоша Печенѣзи, паки идоша Угри Черниі (нѣтъ въ *Радз.* и *Акад. сп.*) мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ». Здѣсь лѣтописецъ еще разъ возвращается къ Уграмъ, чтобы отмѣтить ихъ движеніе мимо Кіева при Олегѣ, о которомъ онъ сообщаетъ далѣе въ самой лѣтописи, такъ какъ передъ этимъ онъ упомянулъ только о томъ, когда они «начали быть». Нѣкоторый анахронизмъ, состоящій въ упоминаніи въ этомъ случаѣ имени Печенѣговъ ранѣе Угровъ, объясняется просто тѣмъ, что въ этомъ предварительномъ этнографическомъ очеркѣ авторъ не имѣлъ въ виду строгой хронологической послѣдовательности. Что подъ Уграми здѣсь разумѣется тотъ же народъ, о которомъ рѣчь шла нѣсколько выше, причемъ названіе «Черниі» означаетъ лишь *видовое* различіе, это достаточно доказывается выраженіемъ: «*паки* идоша Угри»... Очевидно лѣтописецъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета о переселеніи Угровъ на западъ и, отнеся ошибочно, по недоразумѣнію, ихъ первое появленіе уже ко времени Ираклія, составилъ себѣ представленіе о *разновременномъ*, *двукратномъ* прохожденіи Угровъ черезъ южную Русь и мимо Кіева. Съ этимъ его представленіемъ безъ сомнѣнія связано и различеніе имъ *Бѣлыхъ* и *Черныхъ* Угровъ, какъ двухъ отдѣловъ того же народа, лишь

λείψανον τοῦ γένους ὑφίσταται (Варяги и Русь, ч. II, стр. 451). Г. Ламбинъ отрицаетъ существованіе такой притчи объ Аварахъ у Грековъ. Однако его собственное предположеніе не отличается бо̀льшимъ правдоподобіемъ. По его словамъ «книжникъ, сообщившій этой притчѣ письменную редакцію, вѣроятно при византійской миссіи въ Кіевѣ въ X в., прибавилъ къ ней безъ всякой надобности библейскую фразу, ту самую, которая читается у патріарха Николая: «ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка». См. «Славяне въ сѣв. Черноморьѣ», III, Ж. М. П. 1879, Декабрь, стр. 143.

въ разное время прикочевавшихъ въ Европу. Остается рѣшить вопросъ: *откуда* взяты имъ эти наименованія и имѣютъ ли они какое-нибудь отношеніе къ дѣйствительности? Разумѣется, гораздо правдоподобнѣе, что они, если на самомъ дѣлѣ когда-либо примѣнялись къУграмъ, принадлежатъ эпохѣ самого Нестора, чѣмъ эпохѣ переселенія Угровъ, представлявшихъ тогда одну нераздѣльную, всей своей массой передвигавшуюся орду. И дѣйствительно, такое предположеніе находитъ себѣ достаточное оправданіе въ исторіи, а именно прежде всего въ одномъ западномъ источникѣ XI вѣка, правда вообще не особенно достовѣрномъ и довольно безтолковомъ [1]), но въ настоящемъ случаѣ заслуживающимъ, кажется, довѣрія. Источникъ этотъ есть *хроника* (Historiarum libri III) *монаха Адемара* († 1030 г.), въ которой (вѣрнѣе въ позднѣйшей интерполяціи, XII в.) между прочимъ по поводу крещенія Угровъ сообщаются біографическія свѣдѣнія о св. Брунонѣ. Встрѣчающіяся при этомъ случаѣ названія *Бѣлой* и *Черной Угріи* [2]) по всей вѣроятности были въ употребленіи въ то время и притомъ въ значеніи территоріальномъ или даже политическомъ, но навѣрно не племенномъ. Хотя и нѣтъ тамъ прямыхъ поясненій того и другого названія, можно всетаки догадываться о ихъ значеніи.

Бѣлой Угріей называлась повидимому собственная Угрія, первоначальныя владѣнія Стефана Святаго (т. е. средне-дунайская равнина), а *Черной*, какъ кажется, Трансильванія [3]), которой часть и нынѣ населена Awграми-Секлерами, или вообще покоренныя Стефаномъ Святымъ восточныя части (средневѣковой)

[1]) Срв. Wattenbach, Deutsche Geschichtsquellen, II B. (1874), S. 148.

[2]) Ademar, L. III, c. 31 (Pertz., SS., IV, p. 129): Abiit (Bruno) in provinciam Ungriam, quae dicitur *Alba Ungaria*, ad differenciam alteri *Ungrie nigre*....

[3]) На Трансильванію указываетъ встрѣчающаяся тамъ же (въ отрывкѣ Адемара) фраза: «Sanctus autem Brunus convertit ad fidem Ungriam provintiam, aliam, quae vocatur Russia» (Pertz, ib., p. 129). «Другая Угорская провинція» очевидно соотвѣтствуетъ ранѣе упомянутой *Черной Угріи*. «Руссіей» же могла быть названа только Трансильванія и сѣверовосточная Угрія, гдѣ преобладающимъ населеніемъ были русскіе Славяне.

Угріи[1]). Если это дѣйствительно такъ, то для насъ становятся вполнѣ понятными и самыя названія этихъ территорій (Бѣлая и Черная Угріи). По всей вѣроятности Трансильванія и юговосточная Угрія назывались «Черной Угріей» потому, что, хотя и составляли какъ-бы нѣчто отдѣльное, все-же были подвластны Угріи свободной, т. е. Бѣлой[2]). Имя *Черныхъ Угровъ* встрѣчается и еще въ одномъ современномъ источникѣ, а именно въ *посланіи* проповѣдника *Брунона* (Бонифація) къ королю Генриху II, относящемся къ началу XI вѣка (1007 г.) и написанномъ во время пребыванія его при дворѣ кор. польскаго Болеслава. Тамъ мы между прочимъ читаемъ: «Audivi enim de *nigris Ungris*, ad quos que numquam frustra vadit, sancti Petri prima legatio venit, quamvis nostri cum magno peccato aliquo cecarentur; qui conversi onmes facti sunt christiani[3]). Здѣсь очевидно идетъ рѣчь о какой-нибудь части Угріи, *покоренной* (и потому Черной) и затѣмъ обращенной въ христіанство Стефаномъ Святымъ, по всей вѣроятности, о Трансильваніи[4]). Соображая время, можно впро-

[1]) Stephanus etiam rex Ungrie bello appetens *Ungriam nigram*, tam vi, quam timore et amore ad fidem veritatis totam illam terram couvertere meruit. Ibid., Pertz B. IV, p. 131.

[2]) Срв. Záborský, Mad'ari pred opanovaním terajšej vlasti. Letop. Mat. Slov. (XI, sv. 1), стр. 41. Адемаръ наивно замѣчаетъ, что Черная Угрія называлась такъ «pro eo quod populus est colore fusco velut Etiopes.» Ibid, p. 129. Насколько подобныя названія были тогда употребительны, доказывается существованіемъ современныхъ Бѣлой и Черной Куманіи (о нихъ и Сим. Кеза), Черной Болгаріи, Черныхъ и Бѣлыхъ Хозаръ. Съ этими эпитетами можно сопоставить эпитетъ «бѣлаго» въ названіяхъ главныхъ городовъ и центровъ: Бѣлградъ (Weissenburg, Fejér-vár), Sarkel (Бѣлая Вѣжа), Stuhlweissenburg, etc. (срв. Hunfalvy, S. 228).

[3]) Письмо это издано было впервые Гильфердингомъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 г., кн. 1, стр. 8, 18, потомъ Миклошичемъ и Фидлеромъ въ Slav. Bibliotħ. II, S. 307; также см. Giesebrecht, 3 изд. II, S. 667—670; Bielowski, Mon. P. I, p. 223—238. Гильфердингъ представлялъ себѣ, что подъ *Черными Уграми* должно разумѣть ту часть орды, которая будто-бы при вытѣсненіи всѣхъ Угровъ изъ Лебедіи Печенѣгами, бѣжала отъ нихъ на востокъ, въ предѣлы Персіи (Р. Бесѣда, тамъ же, стр. 18). Однако такое предположеніе не имѣетъ никакого основанія.

[4]) Такое же объясненіе этого мѣста о «Черныхъ Уграхъ» Брунона мы встрѣтили и у Гунфальви (Ethnogr. v. Ung., стр. 417, прим. 370), который за-

чемъ, по справедливому замѣчанію Бюдингера, отнести это извѣстіе и къ княжеству *Ахтума* (т. наз. *Csanad*), покоренному, какъ кажется, вскорѣ послѣ отъѣзда Брунона изъ Угріи [1]). Такимъ образомъ Черными Заграми могли бы здѣсь называться жители восточной или юговосточной части Угріи.

Итакъ, если дѣйствительно слѣдуетъ разумѣть *главную и центральную Угрію* подъ *Бѣлой Угріей* интерполятора исторіи Адемара и *восточныя, позже къ ней присоединенныя части Угріи* подъ *Черной Угріей* того же писателя и подъ *Черными Уграми* Брунона, то очень правдоподобно, что и Несторъ подъ своими Бѣлыми и Черными Уграми разумѣлъ приблизительно то же самое, и, имѣя фальшивое представленіе о двукратномъ прохожденіи Угровъ черезъ южную Россію, употребилъ разъ названіе *Бѣлыхъ*, говоря о главной ордѣ, а другой разъ названіе *Черныхъ*, говоря о той ея части, которая, по его понятіямъ, прикочевала послѣ и расположилась въ Трансильваніи и вообще восточныхъ окрайнахъ Угріи [2]). Вотъ все, что мы можемъ сказать по вопросу о несторовыхъ Бѣлыхъ и Черныхъ Уграхъ. Для насъ стало ясно по крайней мѣрѣ происхожденіе этого извѣстія. Оно во всякомъ случаѣ очень любопытно, но выводить изъ него заключеніе о неоднократномъ появленіи Угровъ подъ Кіевомъ, какъ могъ убѣдиться читатель, положительно нѣтъ разумнаго основанія. Да въ такомъ выводѣ намъ нѣтъ и надобности, ибо и безъ такого подтвержденія имѣетъ полную вѣроятность предположеніе, что Угры, кочуя въ южныхъ степяхъ Россіи и участвуя въ хозарскихъ военныхъ предпріятіяхъ, не разъ заходили въ землю днѣпровскихъ Славянъ и подвергали ее опустошеніямъ.

мѣчаетъ, что Брунонъ вѣроятно узналъ кое-что о Черной Угріи у Печенѣговъ, т. е. въ нын. Молдавіи, и что тутъ очевидно разумѣется *Трансильванія*, которую, какъ страну мало извѣстную, этотъ проповѣдникъ миновалъ, отправляясь изъ собственной Угріи—къ Руссамъ и Печенѣгамъ.

[1]) Büdinger, Oesterr. Gesch., S. 404, прим. 3.

[2]) Къ послѣднимъ должно быть по преимуществу примѣнено извѣстіе Нестора о вытѣсненіи Уграми *Волоховъ*, подъ которыми нельзя не разумѣть *романскихъ жителей* Трансильванскихъ горъ.

Послѣ этого маленькаго отступленія возвращаемся еще къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ объ Уграхъ, чтобы въ заключеніе упомянуть объ одномъ, которое относится по времени къ той же эпохѣ пребыванія Угровъ на югѣ Россіи.

Въ одинъ рядъ съ извѣстіями византійцевъ, Житія Константина и русскаго лѣтописца ставятъ обыкновенно показаніе *Бертинскихъ лѣтописей*, именно Гинкмара (Hinkmar)[1]), который подъ 862 годомъ разсказываетъ, что невѣдомый дотолѣ народъ Угровъ совершилъ опустошительный набѣгъ во владѣнія Людовика Нѣмецкаго [2]). Судя по этому извѣстію, Угры уже въ 862 году, т. е. въ эпоху своего кочеванія между Дономъ и Днѣпромъ и по берегамъ Чернаго моря, совершили далекій набѣгъ на западъ, къ предѣламъ восточно-франкскаго государства и переступивъ его границы (гдѣ-нибудь близь Дуная или на сѣверѣ, у Лабы?), произвели тамъ опустошеніе. У царствовавшаго тогда Людовика Нѣмецкаго шла въ то время упорная борьба съ моравскимъ княземъ Ростиславомъ, и военное счастіе было не на его сторонѣ. Ученые предполагаютъ будто-бы и Угры предприняли набѣгъ въ Германію по наущенію и убѣжденію того же Ростислава моравскаго [3]). Однако самое это извѣстіе Бертинской хроники не заслуживаетъ довѣрія. Совершенно невѣроятно, чтобъ Угры, даже въ самомъ незначительномъ числѣ, могли изъ южныхъ степей Россіи, повидимому никѣмъ не замѣченные, перенестись внезапно къ границамъ франкскаго государства. Гдѣ и какъ они могли бы такъ безпрепятственно и легко совершить столь дальній путь въ невѣдомыя имъ страны? Наконецъ извѣстіе Гинкмара стоитъ совсѣмъ одиноко, не подтверждаясь никакими другими свидѣтельствами (его повторяютъ лишь Ann. Alam.

[1]) Его лѣтопись, составляя продолженіе Пруденція, начинается 861-мъ годомъ и доходитъ до 882 г., т. е. года его смерти. Wattenbach, Deutsch. Geschichtsquellen; I B, 1873, S. 156, 219.

[2]) Hinkmar, 862: «hostes antea illis populis inexperti, qui Ungri vocantur, regnum ejusdem (Hludovici) populantur».

[3]) Thunmann, Unters., S. 137—138; Dümmler, Gesch., II. B, S. 439—440; Roesler, S. 152.

Sangall. major., 863), а могли ли западные лѣтописцы оставить не отмѣченнымъ столь важное событіе, какъ первое враждебное появленіе какихъ-то еще невѣдомыхъ западу хищныхъ кочевниковъ, которыхъ нельзя было не принять за передовой лишь отрядъ новой грозной орды, надвигавшейся съ востока? Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отвергнуть показаніе Гинкмара, признавъ его ошибочно попавшимъ въ его лѣтопись, т. е. по всей вѣроятности *позднѣйшею вставкой* несвѣдущаго грамотея.

4. **Переселеніе на нижній Дунай, въ нынѣшнюю Бессарабію и Молдавію («Ателькузу»).**

Исчерпавъ все, сохраненное намъ исторіей о пребываніи Мадьяръ въ южныхъ степяхъ Россіи, мы перейдемъ теперь къ извѣстіямъ о дальнѣйшемъ странствованіи ихъ изъ Лебедіи въ такъ называемую страну *Ателькузу* и на Дунай.

Причиной выселенія Мадьяръ изъ Лебедіи былъ, какъ намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, напоръ Печенѣговъ, превосходившихъ ихъ и численностью и воинственнымъ духомъ [1]). Этотъ хищный азіятскій народъ, кочевавшій въ степяхъ за Волгой, тѣснимый съ юга (отъ нижней Волги) Хозарами, а съ востока Узами и другими турецкими племенами, долженъ былъ поневолѣ пробить себѣ путь на западъ. Перейдя Волгу и Донъ въ его верхнемъ теченіи, въ предѣлахъ сѣверныхъ владѣній Хозаръ, Печенѣги всею массою своею обрушились на Угровъ, которые не могли выдержать ихъ натиска и принуждены были въ свою очередь двинуться далѣе и искать

[1]) Объ этомъ превосходствѣ Печенѣговъ надъ Мадьярами числомъ и силою имѣются прямыя свидѣтельства у Константина Багрянороднаго. De adm. imp. c. 3, p. 70; c. 8, p. 74. Тоже у Кедрина: Cedren (Ed. B.), II., p. 581: «Τὸ ἔθνος τῶν Πατζινάκων Σκυθικὸν ὑπάρχον, ἀπὸ τῶν λεγομένων βασιλείων Σκυθῶν, μέγα τε ἐστι καὶ πολυάνθρωπον πρὸς ὃ οὐδὲ ἓν αὐτὸ καθ᾿ἑαυτὸ Σκυθικὸν γένον ἀντιστῆναι δύναται». Срв. Regino, ann., a. 889: Печенѣги, замѣчаетъ онъ, прогнали Мадьяръ «eo, quod numero et virtute praestarent».

новыхъ жилищъ. О совмѣстномъ давленіи на Печенѣговъ Хозаръ и Узовъ говоритъ Константинъ Багрянородный въ приведенномъ уже нами мѣстѣ (37 гл.): «Печенѣги жили прежде на рѣкѣ Ателѣ и Геэхѣ (Волгѣ и Яикѣ), въ сосѣдствѣ съ Мазарами (т. е. Хозарами) и Узами 50 лѣтъ тому назадъ. Хозары соединились съ Узами противъ Печенѣговъ и изгнали ихъ изъ ихъ жилищъ, которыя (въ свою очередь) заняли Узы. Изгнанные Печенѣги искали себѣ новыхъ жилищъ; прибывъ въ землю, которую нынѣ населяютъ, и найдя живущихъ въ ней Турковъ (Мадьяръ), они вступили съ ними въ борьбу, побѣдили и вытѣснили оттуда, поселились тамъ сами и до сихъ поръ занимаютъ эту страну, какъ говорятъ 55 лѣтъ» (c. 37, p. 164). О томъ же Константинъ говоритъ далѣе въ 38 гл.: «Печенѣги, нѣкогда называвшіеся Καγγάρ (что̀ означаетъ у нихъ благородство и доблесть), побѣжденные въ войнѣ съ Хозарами, принуждены были оставить свою землю и занять землю Турковъ» и т. д. (c. 38 p. 169). Только *время* этого событія опредѣляется у Константина ошибочно [1]). Онъ самъ, по обыкновенію, путается въ своихъ хронологическихъ показаніяхъ [2]). Изъ его словъ слѣдуетъ, что Угры были вытѣснены изъ сѣвернаго Черноморья Печенѣгами, которые поселились на ихъ мѣстѣ, лѣтъ 50 — 55 до того времени, какъ онъ писалъ свое сочиненіе, т. е. въ самыхъ послѣднихъ годахъ IX вѣка (894 — 899); между тѣмъ это передвиженіе Мадьяръ и Печенѣговъ было по крайней мѣрѣ десяткомъ лѣтъ ранѣе, такъ какъ около 890 г. извѣстія застаютъ Мадьяръ уже на сѣверѣ отъ нижняго Дуная, совершающихъ оттуда набѣги на западъ и оказывающихъ помощь Грекамъ противъ болгарскаго царя Симеона. Впрочемъ, такъ какъ Мадьяры впослѣдствіи были вытѣснены изъ «Ателькузу» Пече-

[1]) Въ хронологіи ошибается и Несторъ, относя движеніе Угровъ мимо Кіева къ 898 году. Объ этомъ еще ниже.

[2]) Узы съ Хозарами, по его словамъ, изгнали Печенѣговъ *за 50 лѣтъ* передъ тѣмъ, какъ онъ писалъ, а нѣсколько строкъ спустя онъ уже противорѣчитъ себѣ, говоря, что Печенѣги занимаютъ страну, изъ которой вытѣснили Мадьяръ, *уже 55 лѣтъ*! De adm. imp., c. 37, p. 164; срв. Fessler, S. 245—246, прим.

нѣгами же, которые распространились тогда до самаго Дуная, и это было именно въ 90-хъ годахъ, то очень возможно, что относительно времени Порфирородный спуталъ оба движенія Мадьяръ подъ напоромъ Печенѣговъ. Говоря въ 37-ой главѣ о томъ, что Печенѣги въ продолженіе 55 лѣтъ занимаютъ страну, изъ которой вытѣснили Мадьяръ, онъ очевидно имѣетъ въ виду не первыя мѣста жительства Мадьяръ на сѣверъ отъ Чернаго моря, а послѣдующія — на сѣверъ отъ нижняго Дуная (Ателькузу), куда Печенѣги дѣйствительно распространились не ранѣе, какъ около 895 г.

Итакъ переселеніе Угровъ въ страну, называемую Константиномъ Ἀτελκούζου, должно быть отнесено, по нашему мнѣнію, къ 80-мъ годамъ IX вѣка. Для болѣе точнаго опредѣленія времени рѣшительно нѣтъ данныхъ [1]). Нельзя при этомъ случаѣ не упомянуть о свидѣтельствѣ западнаго лѣтописца Регинона, которое несомнѣнно имѣетъ для насъ нѣкоторое значеніе. У Регинона оттѣсненіе Мадьяръ Печенѣгами отъ Дона (изъ Лебедіи) отмѣчено подъ 889 г. [2]). Намъ однако положительно извѣстно, что въ этомъ году Угры уже были на новыхъ кочевьяхъ (на нижнемъ Дунаѣ), такъ что выселеніе ихъ должно было произойти во всякомъ случаѣ ранѣе. Показаніе же Регинона объясняется тѣмъ, что въ 889 г. вѣроятно пронесся на западѣ первый грозный слухъ о Мадьярахъ, когда они были вовлечены въ болгаро-греческую войну. Показаніе Нестора о 898 годѣ, какъ годѣ прохожденія Угровъ мимо Кіева, оказывается такимъ образомъ совершенно невѣрнымъ: мы еще вернемся къ нему ниже.

Когда Печенѣги напали на Угровъ (жившихъ въ Лебедіи), то, по словамъ Константина, въ возникшей между ними войнѣ Турки (τὸ τῶν Τούρκων φοσσάτον) были разбиты и раздѣлились

[1]) Срв. Дриновъ «Южные Славяне и Византія въ X в.», стр. 7, который относитъ это переселеніе къ 885 году.

[2]) Regino, ann., a. 889: ex supradictis igitur locis (т. е. отъ Дона) gens memorata a finitimis sibi populis, qui Pecinaci vocantur, a propriis sedibus expulsa est, eo quod numero et virtute praestarent.

на двѣ части: одна часть, направившись на востокъ, заселила часть Персіи (и до сихъ поръ она сохранила прежнее названіе Турковъ Σαβαρτοιάσφαλοι); другая же часть, направившись къ западу, поселилась вмѣстѣ съ своимъ воеводой и вождемъ Лебедіасомъ въ странѣ, называемой Ἀτελκούζου, гдѣ живутъ нынѣ Печенѣги [1]). Сущность этого извѣстія заключается въ томъ, что не всѣ Угры, вслѣдствіе погрома печенѣжскаго, устремились на западъ. Часть ихъ была, кажется, вынуждена избрать иной путь: по словамъ Константина, эти Мадьяры ушли по направленію къ востоку и «поселились въ предѣлахъ Персіи». Это послѣднее показаніе невольно возбуждаетъ сомнѣніе: какимъ образомъ и къ чему Мадьярамъ было бы переселяться такъ далеко на востокъ? Предположеніе Цейса, что въ этомъ извѣстіи Константинъ смѣшалъ «Турковъ»-Мадьяръ съ настоящими Турками (восточными), обитавшими дѣйствительно по сосѣдству съ Персіей, кажется намъ довольно правдоподобнымъ [2]). Если же свидѣтельство о раздѣленіи мадьярской орды на двѣ части вообще имѣетъ какое-нибудь историческое основаніе, то всего проще его понимать въ томъ смыслѣ, что часть Угровъ, можетъ быть самими Печенѣгами отброшенная къ сѣверу и такимъ образомъ отдѣленная отъ остальной массы, была поставлена въ необходимость уйти куда-либо отъ враговъ своихъ и въ такомъ случаѣ весьма вѣроятно вернулась прежнимъ знакомымъ путемъ къ своимъ финскимъ родичамъ [3]).

[1]) De adm. imp., c. 38, p. 169.

[2]) Zeuss, Die Deutschen, S. 749.

[3]) Лербергъ предполагалъ (Lehrberg, Untersuch., S. 398), будто еще нѣкоторая часть Мадьяръ осталась жить на прежнихъ мѣстахъ съ Печенѣгами, на что будто-бы ясно намекаютъ домашнія лѣтописи; но мы, признаемся, не знаемъ, что здѣсь разумѣлъ этотъ ученый. Подобный же взглядъ о сохраненіи остатка Мадьяръ въ Россіи высказалъ покойный Брунъ (Черноморье, II, § VIII, стр. 320—321), совершенно неосновательно предполагая, что подъ Мадьярами, о которыхъ говоритъ Ибнъ-Даста (что они торгуютъ славянскими плѣнниками), слѣдуетъ разумѣть остатокъ этой орды, удержавшійся въ южныхъ степяхъ Россіи. По очевидному недоразумѣнію, Брунъ при этомъ ссылается на А. А. Куника (примѣч. къ «Каспію» Дорна, стр. 386) и примѣняетъ къ Мадьярамъ его выраженіе «остатокъ этой нѣкогда значительной азовской тюркской орды», тогда какъ оно на самомъ дѣлѣ, если только вни-

Съ этими-то вернувшимися на родину соплеменниками западные Мадьяры не прекращали, по замѣчанію того же историка, и послѣ переселенія сношеній и заботились о нихъ [1]). Мадьяры, изгнанные изъ Лебедіи Печенѣгами, переселились въ страну, называемую Константиномъ «Ателькузу». О томъ, какимъ путемъ они шли туда, мы скажемъ послѣ, а теперь остановимся на этомъ названіи и на вопросѣ о томъ, какія именно мѣстности должны быть здѣсь понимаемы.

Самъ Константинъ называетъ именемъ Ἀτελκούζου страну, въ которой въ его время жили Печенѣги. Въ концѣ 38 главы онъ ближе опредѣляетъ ее слѣдующими словами: «Земля Печенѣговъ, въ которой когда-то жили Турки, называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ. Рѣки эти слѣдующія: первая такъ называемая Βαρούχ, вторая такъ называемая Κουβοῦ, третья — Τροῦλλος, четвертая Βροῦτος, пятая Σέρετος». Наконецъ въ 40-й главѣ, разсказывая о дальнѣйшемъ переселеніи Мадьяръ въ равнину средняго Дуная, Константинъ замѣчаетъ кстати: «земля, въ которой прежде жили Турки, называется по имени протекающей тамъ рѣки Ἐτὲλ καὶ Κουζού, гдѣ нынѣ живутъ Печенѣги» [2]). Вопросъ объ этомъ пресловутомъ «Ателькузу», бывшій предметомъ столькихъ разсужденій и споровъ, имѣетъ двѣ стороны: понять, какую собственно землю разумѣлъ нашъ авторъ и даже опредѣлить приблизительно ея границы представляется намъ гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ разгадать ея названіе и еще нѣкоторыя имена, сообщаемыя Багрянороднымъ. Относительно мѣстоположенія этихъ новыхъ жилищъ Угровъ въ общихъ чертахъ

мательно прочесть слова г. Куника, относится къ Азовскимъ Туркамъ — въ совокупности, о коихъ было говорено нѣсколько выше. Съ своей стороны мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы не всѣ Мадьяры выселились изъ Лебедіи.

[1]) μέχρι τοῦ νῦν πραγματευτὰς ἀποστέλλουσιν...... καὶ βλέπουσιν αὐτούς, καὶ ἀποκρίσεις παρ' αὐτῶν πρὸς αὐτοὺς πολλάκις ἀποκομίζουσιν. Cap. 38, p. 171.

[2]) Cap. 40, p. 173. ὁ δὲ τόπος ἐν ᾧ πρότερον οἱ Τοῦρκοι ὑπῆρχον, ὀνομάζεται κατὰ τὴν ἐπωνυμίαν τοῦ ἐκεῖσε διερχομένου ποταμοῦ, Ἐτὲλ καὶ Κουξού, ἐν ᾧ ἀρτίως οἱ Πατζινακῖται κατοικοῦσιν.

всѣ изслѣдователи (начиная съ Тунманна и Фесслера), за исключеніемъ двухъ-трехъ, неосновательно хотѣвшихъ во что-бы то ни стало видѣть въ имени Ателькузу — указаніе на Волгу, и такимъ образомъ приходившихъ къ невѣроятному заключенію о расположеніи этой страны на Волгѣ [1]), всѣ излѣдователи, говоримъ, болѣе или менѣе согласны въ своихъ мнѣніяхъ. Это объясняется во-первыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что жилища Печенѣговъ, занимавшихъ при Константинѣ Багрянородномъ эту самую страну, намъ извѣстны изъ разсказовъ того же писателя, а вовторыхъ существованіемъ нѣкоторыхъ согласныхъ показаній другихъ авторовъ; наконецъ къ одинаковому рѣшенію этого вопроса клонятся и всѣ соображенія о дальнѣйшей судьбѣ Мадьяръ и ихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ народамъ. Общее мнѣніе состоитъ въ томъ, что Угры, вытѣсненные Печенѣгами изъ «Лебедіи», ушли на югозападъ по направленію къ Дунаю и расположились въ земляхъ, лежащихъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, гдѣ позднѣе жили Печенѣги. Вопросъ только, гдѣ именно? Тутъ уже начинаются разногласія у изслѣдователей, старающихся основать свои выводы на различныхъ толкованіяхъ загадочнаго имени «Ателькузу». Въ опредѣленіи западной границы рѣкою Серетомъ сходятся почти всѣ, опираясь на перечисленіе Константиномъ рѣкъ, протекающихъ по странѣ Мадьяръ, но относительно восточной границы существуетъ значительное разногласіе. Въ то время, какъ одни раздвигаютъ предѣлы страны Ателькузу до самаго Днѣпра [2]), другіе опредѣляютъ эту границу Бугомъ [3]) и даже Днѣстромъ [4]). Есть еще мнѣніе, что такъ называлась первоначально собственно только земля между Бугомъ (*Атель* = вообще большая рѣка) и Днѣпромъ (= *Узу* у Турокъ и Татаръ), но что

[1]) Cassel, Mag. Alterth., S. 139 и слѣд., затѣмъ Hunfalvy, S. 140; также Klaproth., S. 280.

[2]) Thunmann, S. 145; Czörnig, S. 54, Mailath, S. 3; Roesler, S. 154; Брунъ, Черноморье (ч. I, 1879) стр. 23; Sayous, p. 14—15.

[3]) Klaproth, S. 280, Fessler-Klein, S. 49.

[4]) Хвольсонъ, тамъ же, стр. 118—120; Horvath, S. 5—6.

впослѣдствіи имя это перенесено на всю страну до Серета [1]). Однако никакого вѣскаго основанія это послѣднее предположеніе не имѣетъ. Всѣ эти мнѣнія основываются на различныхъ объясненіяхъ какъ составныхъ частей этого имени, т. е. словъ *Ател* и *Кузу* или *Узу* (ибо нѣкоторые читаютъ Ateluzu, нѣкоторые же Atelk-uzu), такъ и названій перечисленныхъ Константиномъ рѣкъ. Изъ нихъ для насъ вполнѣ ясны только два: Βροῦτος и Σέρετος, т. е. Прутъ и Серетъ. Въ третьемъ Τροῦλλος всѣ ученые безъ исключенія согласны видѣть Днѣстръ, который и нынѣ слыветъ у Турокъ подъ именемъ *Турлу*. Камень преткновенія составляютъ два остальныя имени: Βαρούχ и Κουβοῦ. На нихъ, какъ и на «Ателькузу», ученые безконечно изощряли свое остроуміе, предложили массу толкованій, но, не смотря на всѣ ихъ усилія, вопросъ и нынѣ остается открытымъ. Можно сказать, что каждое изъ предложенныхъ объясненій имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятности, свои pro и contra, такъ что *безусловно* принять какое-нибудь одно изъ нихъ и отвергнуть всѣ остальныя — нѣтъ достаточнаго повода. Тѣмъ не менѣе можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предпочитать одно другимъ. Въ виду всего этого въ ближайшемъ опредѣленіи жилищъ Мадьяръ на сѣверѣ отъ нижняго Дуная мы не считаемъ цѣлесообразнымъ слишкомъ опираться на объясненія темныхъ именъ, переданныхъ Константиномъ, можетъ быть въ очень искаженномъ видѣ. Для насъ въ этомъ случаѣ имѣетъ болѣе значенія другое историческое извѣстіе, на которомъ мы остановимся прежде, чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію мнѣній о вышеупомянутыхъ именахъ.

Цитованный нами выше арабскій писатель Ибнъ-Даста, извѣстія котораго, какъ мы видѣли, по всѣмъ признакамъ относятся къ той же странѣ, которую Константинъ называетъ Ателькузу, даетъ слѣдующія показанія, опредѣляющія ея мѣстоположеніе: «между землею Печенѣговъ и болгарскихъ Эсегель («Асгл»), говоритъ онъ, лежитъ первый изъ краевъ мадьярскихъ», за-

[1]) Roesler, S. 154.

тѣмъ нѣсколько далѣе: «земля ихъ обширна; одною окрайною своею прилегаетъ она къ Румскому морю (Черному м.), въ которое впадаютъ двѣ рѣки; одна изъ нихъ больше Джейгуна (Аму-Дарьи); между этими-то двумя рѣками и находится мѣстопребываніе Мадьяръ». О той же странѣ онъ замѣчаетъ еще: «земля Мадьяръ богата лѣсами и водами, а почва тамъ сыра» [1]). Хотя и эти свидѣтельства не особенно ясны и точны, они всетаки даютъ нѣкоторыя важныя указанія. Первое изъ этихъ свидѣтельствъ о расположеніи «перваго мадьярскаго края» между Печенѣгами и болгарскимъ племенемъ *Эсегель* не имѣетъ для насъ впрочемъ особенно важнаго значенія, такъ какъ мы пока не можемъ опредѣлить, что̀ собственно арабскій писатель разумѣлъ подъ племенемъ Эсегель [2]). Мы знаемъ и безъ этого, что Мадьяры въ Ателькузу граничили на востокѣ съ Печенѣгами, а на югѣ и западѣ съ Болгарами и областью Карпатскихъ горъ. Для насъ вопросъ состоитъ лишь въ болѣе точномъ опредѣленіи границъ Ателькузу, а для этого имѣютъ болѣе значенія другія показанія Ибнъ-Даста. По его словамъ, жилища Мадьяръ находятся между двумя рѣками, изъ которыхъ одна больше Джейгуна, т. е. Оксуса (Аму-Дарьи) [3]). Названія этихъ рѣкъ вѣроятно какъ-нибудь случайно исчезли изъ текста [4]). Намъ кажется, не можетъ быть со-

[1]) Хвольсонъ, стр. 25—27.

[2]) Трудно согласиться съ мнѣніемъ г. Хвольсона, что имя *Эсегель* тождественно съ именемъ нынѣшнихъ Мадьяръ-Секловъ или Секлеровъ: это предположеніе (высказанное уже прежде г. Дефремри, Fragments de géogr. et d'hist. arabes, p. 22) построено на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ, и доводы г. Хвольсона въ пользу него кажутся намъ вообще мало убѣдительными. Тамъ же, стр. 95—98; срв. Roesler, Rom. St. S. 335—337. У Арабовъ это имя одного изъ болгарскихъ племенъ на Волгѣ встрѣчается въ такихъ формахъ: «Асгл», «Аскл», Ашкл, Алскл и проч. Еще менѣе вѣроятно предположеніе Бруна (Черноморье, II, стр. 321), что подъ Эсегель Ибнъ-Даста могъ разумѣть обитателей 9 хозарскихъ климатовъ.

[3]) *Ибнъ-Даста* очевидно хорошо зналъ эту послѣднюю рѣку: онъ былъ, какъ извѣстно, Персіяниномъ родомъ и вѣроятно именно изъ сѣверной части Персіи.

[4]) Это видно изъ другихъ Арабскихъ писателей. У Шукръ-Аллаха (повторяющаго это мѣсто) читаемъ: одна изъ этихъ рѣкъ называется *Вафою*, а другая *Итилемъ*, и обѣ онѣ больше Джейкуна». У Мухамета-Эль-Катиба первая названа *Вакою*; у Ходжи Халфа онѣ названы Волгою и Дономъ (Хволь-

мнѣнія, что подъ большой рѣкой Ибнъ-Даста разумѣлъ *Дунай*, такъ какъ только послѣдній превосходитъ величиною Аму-Дарью (Днѣпръ меньше ея); что же касается другой рѣки, то подъ ней, по отсутствію болѣе точнаго опредѣленія, можно бы конечно разумѣть и Днѣстръ и Бугъ и даже пожалуй Днѣпръ, но другія соображенія и прежде всего то, что̀ замѣчаетъ вслѣдъ затѣмъ тотъ же писатель, заставляютъ насъ признать наибольшую долю вѣроятности за *Днѣстромъ*. Днѣстръ послѣ Дуная по порядку первая большая рѣка, впадающая въ Черное море; еслибъ жилища Мадьяръ простирались и далѣе къ востоку до Буга или до Днѣпра, то Ибнъ-Даста врядъ-ли упомянулъ бы только о *двухъ рѣкахъ*, между которыми живутъ Угры. Онъ же говоритъ далѣе, что ихъ страна *лѣсиста* и *сыра*; эта характеристика, по справедливому замѣчанію г. Хвольсона, прилична именно мѣстностямъ, расположеннымъ между Днѣстромъ и Дунаемъ, т. е. нынѣшней *Бессарабіи*, сѣверная часть которой до сихъ поръ еще изобилуетъ лѣсами[1]). Къ тому же есть основаніе думать, что Печенѣги, занявшіе между прочимъ и приднѣпровскія степи, утвердились по обѣ стороны нижняго Днѣпра и довольно далеко на западъ, такъ какъ были гораздо многочисленнѣе Мадьяръ, на мѣстѣ которыхъ они расположились.

Посмотримъ же теперь, не противорѣчатъ ли этому выводу свидѣтельства Константина и имя Ἀτελκούζου?

Излишне было бы перечислять здѣсь отдѣльно всѣ мнѣнія ученыхъ о происхожденіи и значеніи этого имени. Мы приведемъ главнѣйшія и, надѣемся, изъ сопоставленія ихъ выяснится, которое изъ нихъ болѣе правдоподобно и болѣе согласно съ другими соображеніями. Существуетъ множество догадокъ и предположеній относительно обѣихъ составныхъ частей слова. Рѣшить за-

сонъ, стр. 119—120). Очевидно, при такой разности показаній, трудно положиться на нихъ. Шукръ-Аллахъ заслуживалъ-бы большей вѣры, но никакой рѣки съ именемъ Вафа (или Вака) мы не знаемъ. Подъ Итилемъ разумѣется *Дунай*, а не Днѣпръ, какъ думалъ Рёслеръ (Rom. St., S. 155, Anm. 3).

[1]) Хвольсонъ, тамъ же, стр. 119.

дачу было бы нѣсколько легче, еслибъ знать, какому народу обязана эта страна такимъ наименованіемъ, Мадьярамъ или же Печенѣгамъ; но отсутствіе необходимыхъ данныхъ не позволяетъ положительно отвѣтить на этотъ вопросъ[1]. Что касается первой половины слова «Ател» (Etel), то въ то время, какъ одни старались пріурочить это названіе къ какой-либо одной извѣстной рѣкѣ, которая могла быть названа такъ Мадьярами по воспоминанію о Волгѣ, напр. то къ *Дунаю*[2]), то къ *Бугу*[3]), то къ *Днѣпру*[4]), другіе видѣли въ немъ просто общее названіе для рѣки (или воды)[5]) у финно-уральскихъ народовъ. Точно также и вторая часть—«Кузу» толкуется двояко: одни и здѣсь ищутъ спеціальнаго имени какой-нибудь рѣки, причемъ нѣкоторые читаютъ даже *Узу* вмѣсто Кузу, такъ какъ Узу есть древнее названіе *Днѣпра* у Турковъ и Татаръ[6]); для иныхъ Кузу — *Бугъ*[7]); третьи предполагаютъ въ «кузу» мадьярское слово *köz* (közep), означающее промежутокъ, середину, пространство между двумя предметами, такъ что *Atelköz* на этомъ основаніи значило бы *междурѣчье*, страна между рѣками (конечно если только въ Ателѣ видѣть обозначеніе рѣки вообще); приводятся и аналогическіе примѣры мадьярскихъ названій: Bodrog-köz, Mura-köz, потомъ Csallo-köz и др. За это толкованіе слова Κούζου, которое у Константина въ одномъ мѣстѣ стоитъ и особо (Ἐτὲλ καὶ Κουζού), высказались многіе авторитетные ученые, каковы напр. Фесслеръ, Цейсъ и Томашекъ[8]); его же придерживаются и но-

[1]) Мнѣніе Тунманна (Untersuch., S. 145), что это названіе исходитъ отъ Печенѣговъ, повидимому совершенно голословно.

[2]) Fessler, S. 247; Horvath, S. 5, 6.

[3]) Roesler, S. 154.

[4]) Брунъ, Черноморье, I, стр. 24.

[5]) Thunmann, S. 145; Mailath, S. 3; Мад. уч. Jerney, см. Sayous, p. 14 (также Klaproth).

[6]) Roesler, ibid.; Брунъ, тамъ же; противъ этого В. Г. Васильевскій, см. Ж. М. Н. Пр. 1879, ноябрь, стр. 93—94.

[7]) Klaproth, Tableaux historiques, p. 281.

[8]) Fessler, S 247; Zeuss, S. 751; Томашекъ въ рецензіи на книгу Рёслера (Zeitschr. für österr. Gymnasien, B. XXIII, 1872, S. 151), высказываясь

вѣйшіе мадьярскіе изслѣдователи[1]). Съ своей стороны мы должны сказать, что также не можемъ не склониться въ пользу мнѣнія тѣхъ, которые придаютъ имени Ателькузу *общее значеніе* и переводятъ его выраженіемъ «междурѣчья» (какъ-бы *месопотаміи*). Ибо навязывая названія *Атель* и *Кузу* спеціально тѣмъ или другимъ рѣкамъ и на этомъ основаніи заключая о томъ, какой странѣ принадлежитъ это имя, ученые во-первыхъ поступаютъ всегда слишкомъ произвольно, чему доказательствомъ служитъ ихъ разногласіе въ выводахъ, во-вторыхъ они не довольно вникаютъ въ смыслъ текста Константина Багрянороднаго. У него сказано, что земля эта «называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ», а затѣмъ тотчасъ же поименованы всѣ эти рѣки и между ними мы не встрѣчаемъ ни Ἀτέλ, ни Κουζού[2]). Слѣдовательно приведенную только-что фразу Константина можно, кажется, понимать только въ томъ общемъ смыслѣ, что названіе страны «Ателькузу» происходитъ отъ ея расположенія посреди нѣсколькихъ (почти паралельно текущихъ) рѣкъ. Во всякомъ случаѣ объясненіе имени Ἀτελκούζου, какъ общаго обозначенія страны, расположенной *между рѣками*, нисколько не противорѣчитъ принятому нами опредѣленію жилищъ Мадьяръ между Дунаемъ и Днѣстромъ и совершенно согласуется съ показаніемъ Ибнъ-Даста о положеніи мадьярской страны «между двумя рѣками, впадающими въ Черное море».

Что же касается до переименованныхъ Константиномъ рѣкъ, то названія трехъ изъ нихъ, какъ уже упомянуто выше, вполнѣ ясны для насъ: это—Βρούτος, Σέρετος и Τρούλλος, т. е. Прутъ,

противъ чтенія Рёслера Ateluzû, приводитъ въ подтвержденіе своего взгляда то важное соображеніе, что Финны Ud-murt называютъ свою землю, расположенную на р. Вяткѣ и Камѣ, Kam-Kuzyp, т. е. водная середина (Wasser-mitte).

[1]) Напр. Jerney (Keleti utazása etc.), см. Sayous, op. cit. p. 14.

[2]) Рёслеръ (стр. 154) высказалъ предположеніе, что р. Κουβοῦ стоитъ можетъ быть по ошибкѣ вмѣсто Κουζού, но это только произвольная догадка, по нашему мнѣнію, мало даже помогающая разъясненію дѣла съ точки зрѣнія Рёслера.

Сереть и Днѣстръ (*Турлу* у Турокъ). Остаются еще двѣ: Βαρούχ и Κουβοῦ. Имена этихъ рѣкъ, какъ и названіе «Ателькузу», служили ученымъ не менѣе важнымъ основаніемъ для опредѣленія восточной границы мадьярскихъ жилищъ. Имѣя въ виду порядокъ ихъ поименованія у Константина, они по извѣстнымъ имъ рѣкамъ — Днѣстру, Пруту и Серету (расположеннымъ въ порядкѣ) заключали о систематическомъ распредѣленіи ихъ всѣхъ Константиномъ съ востока на западъ, и вслѣдствіе того пріурочивали названія Κουβοῦ и Βαρούχ къ рѣкамъ на востокъ отъ Днѣстра, а именно къ Бугу и Днѣпру. Хотя и въ этомъ пріуроченіи были значительныя разногласія, но по болѣе распространенному мнѣнію—подъ Κουβοῦ разумѣлся *Бугъ* (древній Куфисъ), а подъ Βαρούχ — *Днѣпръ*, древній Бориѳенъ (Бюрю-юзенъ) [1]. Однако на нашъ взглядъ подобныя заключенія не имѣютъ подъ собой достаточно твердой почвы и отличаются не меньшимъ произволомъ, чѣмъ вышеприведенныя догадки о рѣкахъ *Атель* и *Кузу*. Дѣло въ томъ, что мы никакъ не находимъ возможнымъ, на основаніи извѣстнаго порядка именъ двухъ-трехъ рѣкъ у Константина, дѣлать рѣшительное заключеніе объ общемъ распорядкѣ поименованія имъ всѣхъ рѣкъ. Это, кажется намъ, было бы слишкомъ смѣло. Врядъ-ли Константину можно приписать въ этомъ случаѣ такую преднамѣренную точность и систематичность. Порядокъ, въ какомъ у него стоятъ Днѣстръ, Прутъ и Сереть, могъ бы быть совершенно случайнымъ, и мы, кажется, съ не меньшимъ правомъ можемъ искать рѣкъ Βαρούχ и Κουβοῦ — на западѣ или даже между Днѣстромъ, Прутомъ и Серетомъ, чѣмъ на востокѣ. Впрочемъ, еслибъ даже и удалось до-

[1]) Такъ Thunmann, S. 145; Mailath, S. 3; Брунъ, Черном., I, стр. 23; Sayous, p. 14—15; Tomašek (въ упомянутой рецензіи: Κουβοῦ—*Бугъ* по печенѣжскому произношенію; Βαρούχ = *Днѣпръ*, изъ гунск. обознач. *var* и *uχ* (koman. oχus=ügüz—рѣка, ügi=вода) (?). Другого мнѣнія былъ Фесслеръ, по которому Βαρούχ=Бугъ, Κουβοῦ=Kugalnik или Kunduk; того же мнѣнія объ имени Βαρούχ Дюмлеръ (Gesch., II, S. 440); по Чёрнигу (Czörnig) Baruch = Днѣпръ, а Κουβοῦ = Kabolta и проч.

казать, что рѣки Κούβου и Βαρούχ суть именно *Бугъ* и *Днѣпръ*, то это еще не значило бы, что и жилища Мадьяръ непремѣнно простирались на области этихъ рѣкъ. Константинъ опредѣляетъ ими собственно страну Печенѣговъ, а не Мадьяръ. Онъ говоритъ: «земля Печенѣговъ, *въ которой когда-то жили Турки,* называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ; рѣки эти слѣдующія» и т. д. Мадьяры, по своей сравнительной численности, могли и даже должны были занимать только часть той страны, которую послѣ всю заняли Печенѣги. А такъ какъ о ихъ жилищахъ на сѣверъ отъ нижняго Дуная, въ нынѣшней Бессарабіи и части Молдавіи, мы достовѣрно знаемъ изъ историческихъ данныхъ, то полагаемъ поэтому, что едва-ли эти жилища простирались на востокъ много *далѣе* Днѣстра.

Вопросъ о *пути* Мадьяръ изъ Лебедіи въ Ателькузу освѣщается только однимъ историческимъ указаніемъ, именно краткимъ свидѣтельствомъ нашего лѣтописца о движеніи Угровъ мимо Кіева, записаннымъ имъ подъ 898 годомъ. Изъ этого свидѣтельства мы, кажется намъ, имѣемъ право заключить, что Мадьяры, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ихъ, на своемъ пути къ Дунаю были подъ Кіевомъ, и стояли нѣкоторое время «вежами» неподалеку отъ него. По всей вѣроятности главная ихъ масса проходила черезъ Днѣпръ южнѣе, а отдѣльные отряды, предпринимая набѣги въ стороны, подходили и къ Кіеву. Для насъ имѣетъ значеніе только этотъ фактъ и мы не имѣемъ причины подвергать сомнѣнію сущности несторова извѣстія, хотя и должны признать несостоятельность нѣкоторыхъ сторонъ его, т. е. прежде всего пріуроченія этого событія къ 898 году и затѣмъ его разсказа о дальнѣйшемъ странствованіи Угровъ «черезъ горы великія», т. е. черезъ Карпаты.

Несторъ такъ разсказываетъ объ этомъ: «идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, пришедъше къ Днѣпру сташа вежами; бѣша бо ходяще аки се Половци. Пришедше отъ въстока и устремишася чересъ горы великия (яже

прозвашася горы Угорьскиа: *Т. Р. А. сп.*) и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни» и т. д...

Въ этомъ извѣстіи есть еще указаніе, подтверждающее фактъ прохожденія Угровъ вблизи Кіева. Мы разумѣемъ названіе какой-то горы (или скорѣе холма) [1]) подъ Кіевомъ — *Угорьское*. Объ этой горѣ или мѣстѣ «Угорьскомъ» Несторъ упоминаетъ еще въ разсказѣ о смерти Аскольда и Дира подъ 882 (6390) годомъ. Олегъ прибылъ «къ горамъ Кіевскимъ», спрятавъ воиновъ въ ладьяхъ: «И приплу подъ *Угорьское*, похоронивъ вои своя, и посла ко Асколду и Дирови»..., далѣе объ убійствѣ Аскольда и Дира: «и убиша Асколда и Дира, несоша на гору и погребоша ѝ *на горѣ, еже ся ныне зоветъ Угорьское*, где ныне Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ церковь святому Николу» и т. д. Ясно такимъ образомъ, что Угры оставили слѣдъ своего прохожденія мимо Кіева въ имени того мѣста, гдѣ они мимоходомъ располагались «вежами» [2]); весьма вѣроятно также, что съ этимъ именемъ связано было мѣстное преданіе объУграхъ и ихъ временныхъ кочевьяхъ по сосѣдству съ Кіевомъ, преданіе, которымъ и воспользовался Несторъ. Но какъ же поступилъ онъ съ этимъ преданіемъ? Онъ не могъ его провѣрить никакими историческими свидѣтельствами, такъ какъ нельзя было найти таковыхъ у византійцевъ; между тѣмъ, занося его въ лѣтопись, онъ долженъ былъ пріурочить его къ извѣстному времени и дать ему какое-либо поясненіе, чтобъ оно не представлялось совершенно голымъ, ни съ чѣмъ не связаннымъ фактомъ. Лѣтописецъ сдѣлалъ и то и другое: пріурочилъ это событіе къ извѣстному году (898)

[1]) Здѣсь впрочемъ нѣтъ надобности разумѣть именно *гору*. «Горою» въ древности назывался также *берегъ* (нагорный), а также береговой путь, вообще сухопутье. См. Барсовъ, Географія начальн. лѣтописи (1873), стр. 15.

[2]) Г. Иловайскій во II ч. «Исторіи Россіи» рѣшительно отвергаетъ связь этого мѣста съ именемъ Угровъ и держится мнѣнія (высказаннаго уже Шлёцеромъ въ его «Несторѣ» II, стр. 236, но положительно не выдерживающаго критики), что оно происходитъ отъ «горы»: *Угорье*. Онъ полагаетъ, что Угры не могли быть вовсе подъ Кіевомъ (но почему? Печенѣги и Половцы подходили же). См. Иловайскій, II ч., стр. 514—515.

и постарался разъяснить его указаніемъ на дальнѣйшее движеніе Мадьяръ; но въ обоихъ случаяхъ сдѣлалъ промахи: совершенно неосновательно приписалъ Мадьярамъ путь въ Угрію *черезъ горы великія* (Карпаты), тогда какъ всѣ историческія и этнографическія данныя наши и соображенія говорятъ противъ этого, и невѣрно отнесъ ихъ движеніе мимо Кіева *къ 898 году*, тогда какъ оно, какъ мы видѣли, должно быть отнесено уже къ 80-мъ годамъ IX вѣка [1]). Впрочемъ происхожденіе и той и другой ошибки не представляетъ для насъ загадки. Нестору, не имѣвшему подъ рукой никакихъ историческихъ извѣстій о пути Мадьяръ на новую родину, было простительно думать, что послѣдніе переселились въ свои закарпатскія земли не иначе, какъ переваливъ черезъ лежавшія имъ на пути Карпатскія горы. Для него, знавшаго Мадьяръ уже народомъ осѣдлымъ, успѣвшимъ утратить характерныя черты кочевниковъ, въ этомъ, повидимому, естественномъ и простомъ явленіи не было ничего страннаго или неправдоподобнаго. Тотъ же взглядъ на угорское переселеніе высказали позднѣе въ своихъ баснословныхъ разсказахъ и національные мадьярскіе хронисты, которые впрочемъ сообщали небылицы, какъ мы знаемъ, не всегда по невѣденію.

Что касается несторова опредѣленія года, то ошибочность его еще очевиднѣе и можетъ быть также довольно легко объяснена. Источникомъ его могло быть только какое-нибудь показаніе византійцевъ, само по себѣ невѣрное или же ложно понятое и перетолкованное лѣтописцемъ. Любопытно, что указанная нами выше хронологическая ошибка Константина Багрянороднаго въ опредѣленіи времени выселенія Мадьяръ изъ Лебедіи поразительно совпадаетъ съ ошибочнымъ свидѣтельствомъ Нестора. Константинъ говоритъ, что Печенѣги, вытѣснивъ Мадьяръ изъ Лебедіи, живутъ тамъ 55 лѣтъ. Допустивъ, что это было напи-

[1]) Можно пожалуй разумѣть, что лѣтописецъ нашъ относитъ это событіе неопредѣленно—къ цѣлому десятку лѣтъ, ибо ставитъ его противъ цѣлаго ряда годовъ (отъ 888—898), только выставленныхъ и не отмѣченныхъ никакимъ другимъ событіемъ.

сано Константиномъ въ 953 году (время написанія соч. De Adm. Imp.) и сдѣлавъ вычетъ 55 лѣтъ, мы получимъ именно 898 годъ, т. е. тотъ самый, къ которому Несторъ относитъ прохожденіе Угровъ мимо Кіева. Едва-ли это совпаденіе случайно. Не естественно ли предположить, что оба историка воспользовались въ этомъ случаѣ какимъ-нибудь общимъ источникомъ, который или самъ не отличался точностью, или былъ неправильно понятъ. Ошибку Нестора въ этомъ опредѣленіи года не могли не признать, разумѣется, большинство изслѣдователей[1]). Однако она отчасти подала поводъ нѣкоторымъ ученымъ дѣлать совершенно невѣроятный и странный домыселъ, что Мадьяры, вытѣсненные изъ «Ателькузу» Печенѣгами въ союзѣ съ Болгарами, принуждены были избрать единственный будто-бы остававшійся имъ путь на сѣверовостокъ, а затѣмъ уже повернули на западъ и пришли въ Угрію сѣверовосточными проходами Карпатскихъ горъ. Къ этому-то ихъ пути относится будто-бы упоминаніе Нестора о ихъ появленіи около Кіева [2]). Это предположеніе настолько произвольно и лишено всякаго разумнаго основанія, что не требуетъ и опроверженія.

Здѣсь кстати сказать о другой не менѣе произвольной догадкѣ, основанной на разночтеніи списковъ лѣтописи. Въ *Воскресенскомъ* спискѣ (и нѣкоторыхъ другихъ, напр. Архангельскомъ, Никоновскомъ) читается объ Олегѣ, пришедшемъ къ Аскольду и Диру: «яко гость есмь подъугорской... да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ». На основаніи этого мѣста была построена гипотеза (впервые Эверсомъ) [3]) о томъ, что Аскольдъ и Диръ были Угры и что Олегъ, называя себя «гостемъ подугорскимъ», хотѣлъ обмануть ихъ. А между тѣмъ это чтеніе «гость

[1]) Ее замѣтилъ уже Клапротъ, op. cit., p. 277, см. Roesler, S. 159. У Нестора встрѣчается не одна подобная хронологическая ошибка, см. «Хронологическія ошибки Нестора» А. А. Куника (его Замѣчанія на Гедеонова) Зап. Ак. Наукъ, т. VI, кн. I, стр. 64.

[2]) Fessler-Klein, S. 53; Sayous, p. 21—22.

[3]) Evers, Vom Ursprung d. Russ. Staats, S. 202.

подъугорскій», повидимому, есть просто результатъ ошибки въ текстѣ, сдѣланной по недоразумѣнію переписчикомъ [1]). Въ послѣднее время рѣшительнымъ защитникомъ мнѣнія о мадьярскомъ присхожденіи Аскольда и Дира выступилъ г. Гедеоновъ [2]). Между прочимъ онъ считалъ и мѣстное названіе «Угорьское» происшедшимъ не отъ прохода Угровъ этою мѣстностью при Олегѣ (какъ справедливо принимали Кругъ и Погодинъ), а отъ погребенія на томъ мѣстѣ Аскольда и Дира. Въ пользу мадьярскаго же происходенія Аскольда и Дира приводилось еще молчаніе лѣтописи о ихъ борьбѣ съ Хозарами (такъ какъ вѣдь съ послѣдними въ союзѣ были также Угры) и будто-бы мадьярское названіе *Олъма* (Олъминъ дворъ), встрѣчающееся въ лѣтописномъ разсказѣ о погребеніи Аскольда [3]).

Однако всѣ доводы Гедеонова и его предшественниковъ не могутъ считаться вѣскими и убѣдительными; Погодинъ вполнѣ основательно опровергъ ихъ взглядъ [4]). Дѣйствительно, ни въ лѣ-

[1]) Довольно удачно объясняетъ эту ошибку г. Ламбинъ. Онъ полагаетъ, что въ выраженіи, относящемся къ Олегу: «и приплу подъ Угорьское»—слова «подъ Угорьское» принадлежатъ не лѣтописцу, а представляютъ чью-либо позднѣйшую приписку, вѣроятно, на полѣ, внесенную потомъ въ текстъ переписчиками, изъ которыхъ иные, не понимая — куда это слово должно быть отнесено, поставили его, измѣнивъ окончаніе, послѣ «яко гость есмь», такъ что и вышло: «яко гость есмь подъугорскій...» (подъ угорьскою). «Такое нелѣпое чтеніе не могло бы возникнуть, если бы «подъ Угорьское» было написано самимъ Несторомъ прямо въ текстѣ послѣ «приплу», какъ въ древнихъ спискахъ». См. Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси, Ж. М. Пр., 1874, іюль, стр. 57.

[2]) «О Варяжскомъ вопросѣ». Зап. Ак. Н., т. III, кн. 1, стр. 244—246.

[3]) Юргевичъ, тамъ же, стр. 115; срв. Морошкинъ, Аскольдъ и Диръ (Сынъ Отеч. 1842, VIII). Въ пользу этого мнѣнія высказался и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Истор. Р., стр. 70. Самыя имена *Аскольдъ* и *Диръ* пытались объяснить также мадьярскимъ языкомъ, Юргевичъ, тамъ же, стр. 114—15. Г. Европеусъ идетъ еще дальше. Ставя движеніе Мадьяръ черезъ Кіевъ въ Паннонію—въ связь съ завоеваніемъ Кіева Олегомъ, онъ не видитъ въ несторовомъ *Олъмъ* никого болѣе, какъ извѣстнаго вождя Мадьяръ, родоначальника ихъ первой династіи — *Альма* (или Альмуса). См. статью его «Die Magyaren als die vozüglichsten Mithelfer bei der Schöpfung der Grossmacht Russlands», St. Petersburg. Herold, № 159, 1881, 8 Juni.

[4]) Гедеоновъ и его система, Зап. А. Н. т. VI, кн. 1, стр. 18—22. Срв. тоже «Замѣчанія А. А. Куника». З. А. Н. т. II, кн. 2, стр. 210.

тописи Нестора, ни въ извѣстныхъ намъ историческихъ фактахъ и данныхъ нельзя безъ большихъ натяжекъ найти что-либо говорящее въ пользу предположенія о мадьярскомъ происхожденіи Аскольда и Дира. Противъ этого говоритъ уже то простое соображеніе, что еслибы Аскольдъ и Диръ были Угры, то въ Кіевъ и въ окрестныя мѣстности долженъ былъ прибыть съ ними и тамъ поселиться значительный мадьярскій элементъ, безъ котораго появленіе тамъ двухъ вождей (или князей) — мадьяръ было бы необъяснимой загадкой. А такой выдающійся фактъ не могъ бы не быть извѣстенъ свѣдущему въ исторіи днѣпровской Руси Нестору; у послѣдняго однако нѣтъ на него и намёка.

Приверженцы этого взгляда находятъ обыкновенно подтвержденіе ему также и въ извѣстномъ имени Кіева у Константина Багрянороднаго Σαμβατάς[1]), которое объясняютъ изъ мадьярскаго языка, сближая его съ мадьярскимъ словомъ *Szombat*, употребляемымъ для означенія городовъ-крѣпостей[2]): и теперь въ Венгріи есть нѣсколько городовъ съ такимъ названіемъ[3]). Но во-первыхъ это сближеніе именъ Σαμβατάς и Szombat сильно поколеблено уже тѣмъ соображеніемъ, что мадьярское слово Szombat, приложенное къ именамъ многихъ городовъ и собственно означающее «субботу» (Sabbath), относится по своему происхожденію къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ Σαμβατάς Константина Багрянороднаго[4]), и заимствовано Мадьярами можетъ быть

[1]) De adm. imp., c. 9, p. 75: τὸ κάστρον τὸ Κιόβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς.

[2]) Другія объясненія имени Σαμβατάς: Добровскій — «Самботъ», т. е. сборное мѣсто лодокъ; Карамзину (I, пр. 72) слышались въ немъ звуки «сама мать» (Кіевъ—мать городовъ русскихъ); Ламбину (Ж. М. Н. П., іюль, 1874) — «ся есть мать»; Томсенъ (ор. с., р. 72) — древн. скандинавское Sandh'akki (мель) или Sandbakka-áss (возвышенность мели). Брунъ считаетъ это имя тождественнымъ съ армянскимъ именемъ Самватесъ или Симбатесъ, какъ звали сына Императора Льва Арменина. См. Брунъ, Черноморье, ч. II, 1880, стр. 287—288.

[3]) Гедеоновъ, О Варяж. вопр., Зап. Ак. Н. т. I, кн. 2, стр. 107; Юргевичъ, стр. 112—113; съ этимъ соглашается отчасти и ак. Куникъ (см. Брунъ, тамъ же.).

[4]) Roesler, R.S. 134.—Thomsen, The Relations between Russia and Scandinavia etc , 1877, Additions, p. 145—146.

у дунайскихъ Славянъ [1]); а во-вторыхъ, еслибы это тождество и было доказано, то оно, по нашему мнѣнію, вовсе не можетъ служить подтвержденіемъ мадьярскаго происхожденія Аскольда и Дира: Мадьяры, жившіе нѣсколько десятковъ лѣтъ въ «Лебедіи» и часто имѣвшіе столкновеніе съ днѣпровскими Славянами, могли дать Кіеву свое особое названіе, которое могло черезъ нихъ же стать извѣстнымъ Византійскому императору [2]).

Что касается разсказа Анонима о движеніи Мадьяръ мимо Кіева, которому до сихъ поръ обыкновенно придавали большое значеніе (благодаря существовавшему относительно его заблужденію), то въ немъ заслуживаютъ вниманія развѣ только нѣкоторыя черты, отражающія современныя его автору отношенія. Такова роль, отведенная *Куманамъ* рядомъ съ Мадьярами. Анонимъ разсказываетъ, что къ Мадьярамъ на ихъ дальнѣйшемъ пути въ Угрію присоединились между прочимъ Куманы. О Куманахъ въ эпоху мадьярскаго переселенія еще не можетъ быть рѣчи, конечно. Они, какъ извѣстно, выступаютъ на сцену только въ XI вѣкѣ (1060—61) [3]). Попали Куманы въ разсказъ Анонима конечно по аналогіи, — замѣнивъ собою тѣхъ *Половцевъ*, которые помогали русскимъ князьямъ противъ Татаръ. Союзъ же ихъ съ Уграми, въ чемъ выразилось также сочувствіе къ нимъ автора хроники, обусловливается современными отношеніями Мадьяръ и Куманъ. До монгольскаго погрома Куманы не были союзниками угорскихъ королей. Напротивъ, въ концѣ XIII вѣка Куманы являются опорой національной партіи въ Угріи, къ которой принадлежалъ и Анонимъ [4]).

[1]) Срв. Первольфъ, рецензія на книгу Гедеонова, Ж. М. Н. Пр. 1877 г. іюль, стр. 67, прим.

[2]) Въ послѣднее время В. Г. Васильевскій указалъ на возможность искать объясненія этого названія Кіева въ географической номенклатурѣ отреченныхъ книгъ. «Русско-Византійскіе отрывки», ст. V., Ж. М. Н. Пр. 1877 февраль, стр. 185.

[3]) Лѣтоп. по Лаврент. списку, стр. 159: «Въ лѣто 6569 придоша Половци первое на Русьскую землю воевать».

[4]) См. *Marczali*, о. с., S. 633—4, 636.

Совершенно независимо отъ разсказа Анонима о Куманахъ, можно предположить, что къ Мадьярамъ примкнули на пути въ Угрію шайки такихъ же, какъ они, кочевниковъ, но по всей вѣроятности *турецкаго* племени. Константинъ Багрянородный, какъ увидимъ нѣсколько ниже, говоритъ о присоединеніи къ Мадьярамъ *Кабаровъ*. Г. Клейнъ предлагаетъ догадку, что Кабары тождественны съ *Палочами* (Palócz) и можетъ быть носили уже тогда это послѣднее имя, а Анонимъ и его современники, по созвучію, смѣшали ихъ съ Половцами или Куманами [1]).

О преобладавшемъ до сихъ поръ въ наукѣ взглядѣ о пути Угровъ въ новую родину *черезъ Карпаты* надо сказать, что онъ почти исключительно былъ основанъ на вымышленномъ разсказѣ Анонима, которому такъ долго и простодушно вѣрили столь многіе ученые. Съ разоблаченіемъ историческихъ пріемовъ и источниковъ этого автора само собой должно рушиться и неправдоподобное мнѣніе о сѣверовосточномъ пути Мадьяръ въ дунайскую равнину через Карпаты, противъ котораго достаточно убѣдительно говорятъ и здравый смыслъ и всѣ наши соображенія. Главныя изъ нихъ слѣдующія: 1) пребываніе Мадьяръ, по переселеніи изъ Лебедіи, въ Ателькузу, т. е. на сѣверѣ отъ Нижняго Дуная въ нынѣшней Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, откуда имъ лежала естественно дорога вверхъ по Дунаю; 2) извѣстные ихъ походы оттуда по Дунаю на западъ и ознакомленіе съ равниной дунайской—именно съ этой южной стороны; 3) представленіе западнаго лѣтописца (Регинона) о первоначальныхъ опустошительныхъ предпріятіяхъ Мадьяръ въ равнинѣ тиссо-дунайской, въ Панноніи и затѣмъ уже въ болѣе сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ предѣлахъ [2]); 4) невѣроятность явленія, чтобы кочевая, конная орда, всегда

[1]) См. Fessler-Klein, S. 54—55. О Кобарахъ ниже, стр. 271.

[2]) Regino, a. 889: Et *primo* quidam Pannoniorum et Avarorum solitudines pererrantes,.... deinde Carantanorum, Marahensium et Vulgarum fines crebris incursionum infestationibus irrumpunt. etc. Срв. Roesler, Zur Kritik älter. Ungar. Gesch. (Program. K. K. Ober-Gymn. zu Troppau, 1860) S. 21—22. Вообще Рёслеръ первый рѣшительно высказался противъ взгляда о проходѣ Угровъ черезъ Карпаты.

грозная и сильная на равнинѣ и въ степи, безпомощная и безсильная въ лѣсистыхъ и гористыхъ мѣстностяхъ, чтобы такая орда (а таковою уже стали тогда Мадьяры, руководимые своими чисто-турецкими спутниками) избрала себѣ путь черезъ лѣсистыя и удобныя для всякой обороны и засады Карпатскія горы. Здѣсь, въ горахъ жили остатки дако-романскаго населенія и Славяне, и Мадьяры были слишкомъ осторожны, чтобы рискнуть на столь затруднительный и необычный для нихъ походъ въ горы Карпатскія, въ страну имъ невѣдомую и неизвѣстно (для нихъ) кѣмъ населенную. Впрочемъ двигаясь постоянно вдоль большихъ рѣкъ по ихъ равнинамъ, они не могли и попасть въ отроги сѣверовосточныхъ Карпатовъ; 5) краснорѣчиво говоритъ въ томъ же смыслѣ и географическое распредѣленіе народностей въ восточной Угріи. Сѣверовосточный ея уголъ, прилегающій къ Карпатамъ, т. е. тотъ именно край, который, согласно разбираемому взгляду, первый долженъ бы былъ подвергнуться угорскому нашествію, издавна сплошь занятъ славянскимъ населеніемъ, тогда какъ самое коренное и первобытное мадьярское населеніе сосредоточено въ югозападной части Угріи, между Тиссой и Дунаемъ [1]). Такое явленіе было бы совершенно немыслимо, еслибы исходнымъ пунктомъ распространенія мадьярской народности былъ сѣверовосточный уголъ Угріи (приблизительно около Дуклянскаго прохода). Коренное славянское населеніе не могло бы здѣсь удержаться.

Мадьяры въ своемъ движеніи на западъ не могли идти иначе, какъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, восточныхъ степныхъ кочевниковъ, каковы были Гунны, Болгаре и Авары: и тѣ, и другіе, и третьи изъ южныхъ степей нашей Руси направлялись къ устьямъ Дуная и, двигаясь вдоль этой рѣки, у такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ» проникали въ великую равнину дунайскую. Такъ несомнѣнно прошли и Угры.

Возвратимся же теперь къ переселенію Мадьяръ въ «Атель-

[1]) Срв. Krones, Handbuch der Gesch. Oesterr., L. VII, S. 578.

кузу». Тѣснимые Печенѣгами, они поневолѣ должны были разстаться со своими ближайшими сосѣдями и покровителями Хозарами, съ которыми они были въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ во все время своего пребыванія въ «Лебедіи». Порвались ли сразу эти связи и отношенія, или они сказались еще и тогда, когда судьба навсегда разлучила оба народа?

На это отвѣчаетъ Константинъ Багрянородный — и именно въ послѣднемъ смыслѣ—своимъ разсказомъ о починѣ Хозаръ въ дѣлѣ избранія *одного общаго вождя* мадьярскаго, съ цѣлію бòльшаго сплоченія Мадьяръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ усиленія въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ. Константинъ Багрянородный относитъ эту перемѣну въ мадьярской политической организаціи къ тому времени, когда Мадьяры уже жили въ Ателькузу, испытавъ уже на опытѣ вредныя послѣдствія своей племенной разрозненности—въ совершенно неудачномъ сопротивленіи при встрѣчахъ съ Печенѣгами.

Такъ какъ съ этимъ избраніемъ общаго народнаго вождя было соединено условіе подчиненія Мадьяръ верховной власти Хозаръ, то этому показанію Константина можно повѣрить скорѣе, чѣмъ мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, что избраніе общаго главы народа произошло еще въ «Лебедіи», когда Мадьяры, находясь уже и безъ того въ нѣкоторой зависимости отъ Хозаръ, составляли съ ними какъ-бы одно цѣлое. Какъ-бы то ни было, подробный и обстоятельный разсказъ Константина не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Мадьяры этою мудрою и своевременною мѣрою обязаны Хозарамъ, которые слѣдовательно, хотя и заботились о поддержаніи своего авторитета и власти у Мадьяръ, все-же очевидно желали имъ блага и пользы. Константинъ разсказываетъ, какъ хаганъ хозарскій просилъ Мадьяръ прислать къ нему ихъ старѣйшаго воеводу. Вслѣдствіе того Лебедіасъ отправился къ хагану, который и объявилъ ему, что хочетъ провозгласить его вождемъ мадьярскаго народа, такъ какъ онъ почитается старѣйшимъ въ народѣ, человѣкомъ знатнаго происхожденія, разумнымъ и энергичнымъ,—съ тѣмъ однако усло-

віемъ, чтобы онъ подчинился верховной власти его, хагана хозарскаго. Лебедіасъ благодарилъ, однако самъ уклонился отъ избранія, сославшись на преклонность лѣтъ, и предложилъ на свое мѣсто другого, вѣроятно старѣйшаго послѣ себя вождя *Салмуцеса* (Σαλμούτζης) или его сына *Арпада*. Хаганъ согласился и послалъ къ Мадьярамъ для окончательныхъ переговоровъ своихъ пословъ. По совѣщаніи съ ними, и совершилось избраніе Арпада, какъ замѣчательнаго умомъ и мужествомъ и вообще наиболѣе достойнаго, причемъ, по обычаю своему, Мадьяры подняли его на щитѣ [1]). «Изъ рода Арпада, прибавляетъ Константинъ, и до сихъ поръ происходятъ цари Туркіи».

Итакъ здѣсь Константинъ упоминаетъ имена трехъ вождей мадьярскихъ. О *Лебедіасѣ* и загадочности для насъ этого имени мы уже говорили выше [2]). *Арпадъ* уже вполнѣ историческое и извѣстное лицо. А имя его отца Σαλμούτζης, по общему признанію [3]), съ которымъ нельзя не согласиться, есть хорошо намъ извѣстное изъ мадьярскихъ хроникъ имя *Almus*, искаженное ошибочно прибавкою σ (которою кончается предыдущее слово — λεγόμενος Σαλμούτζης); слѣдуетъ поэтому читать Ἀλμούτζης, имя, несомнѣнно тождественное съ Альмусомъ и съ встрѣчающимся у Никиты Хонскаго именемъ Ἀλμούζης [4]). Избранный мадьярскій вождь не имѣлъ однакожъ въ настоящемъ смыслѣ царскихъ (самодержавныхъ) правъ и значенія; его власть была по преимуществу *военная*; вожди отдѣльныхъ племенъ еще продолжали и при немъ сохранять свое значеніе.

Къ переселенію Мадьяръ на Дунай относится еще одно из-

[1]) Cap. 38, p. 170: «ὃν καὶ ἄρχοντα κατὰ τὸ τῶν Χαζάρων ἔθος καὶ ζάκανον πεποιήκασι, σηκώσαντες αὐτὸν εἰς σκουτάριον».

[2]) См. стр. 218. — Константинъ (De A. I., c. 40, p. 172) называетъ еще сына Арпада Λιούτινα, имя, которое отождествляютъ съ встрѣчающимся у Мадьяръ нерѣдко позднѣе Lewenta (Roesler, S. 160), но сближать его съ Лебедіасомъ едва-ли возможно.

[3]) Zeuss, S. 750; Büdinger, S. 214; Dümmler, Gesch., II, S. 438; Roesler, S. 166.

[4]) Nicet. Choniat. (Ed. Bonn.), Joannes Comnenus, c. 5, p. 24.

вѣстіе Багрянороднаго, на которое намъ осталось обратить вниманіе. Мы разумѣемъ свидѣтельство его о какихъ-то *Кабарахъ*, хозарскомъ племени, переселившемся вмѣстѣ съ Мадьярами въ ихъ новыя жилища[1]). Константинъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее (с. 39, р. 171). «Такъ называемые Кабары (Κάβαροι) происходятъ изъ рода Хозаръ. Когда же между ними (т. е. Хозарами) произошло столкновеніе изъ-за власти и началась междоусобная война, то первая (верховная) власть (πρώτη ἀρχή) одержала верхъ. Изъ другихъ часть была истреблена, часть бѣжала и поселилась съ Турками въ землѣ Печенѣговъ: между ними утвердилась взаимная дружба, и пришельцы были прозваны *Кабарами*. Такимъ образомъ они научили и Турковъ языку Хозаръ и имъ самимъ до сихъ поръ знакомъ этотъ діалектъ, но и другой имъ извѣстенъ—языкъ Турковъ. Такъ какъ они превосходили военною доблестью и храбростью другія семь племенъ, и шли впереди ихъ на войнѣ, то и заняли первое мѣсто среди всѣхъ племенъ. Вождь у нихъ одинъ, т. е. у всѣхъ трехъ племенъ Кабаровъ; онъ существуетъ и до сихъ поръ»[2]).

Еслибы мы и не имѣли этого свидѣтельства Константина, то были бы всетаки въ правѣ предположить, что Мадьяры, вытѣсненные изъ земли своей Печенѣгами, легко могли увлечь съ со-

[1]) Особенное толкованіе извѣстія Константина о Кабарахъ было предложено г. Иловайскимъ въ его статьѣ «Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморьѣ» (Ж. М. Пр.;, 1875, янв., стр. 108—109). Мы упоминаемъ о немъ лишь ради его оригинальности, такъ какъ правдоподобнымъ оно намъ не представляется. По мнѣнію г. Иловайскаго, Константинъ Багрянородный, говоря о Кабарахъ, «вспоминаетъ въ сущности о тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ говорятъ Менардръ и Θеофилактъ по отношенію къ *Аварамъ*, т. е. что часть ихъ ушла изъ Хазаріи, спасаясь отъ ига пришлыхъ Турокъ». «Авары и Кавары или Кабары суть одинъ и тотъ же народъ, принадлежавшій къ хазарскому или черкесскому семейству». Догадка—весьма смѣлая, но, кажется намъ, слишкомъ произвольная.

[2]) Въ cap. 40 (р. 172) онъ уже говоритъ о Кабарахъ, какъ объ особомъ (8-мъ) племени Мадьяръ, занявшемъ 1-е мѣсто: Πρώτη ἡ παρὰ τῶν Χαζάρων ἀποσπασθεῖσα αὕτη ἡ προρρηθεῖσα Καβάρων γενεά, δευτέρα τοῦ Νέκη, τρίτη τοῦ Μεγέρη, τετάρτη τοῦ Κουρτυγερμάτου, πέμπτη τοῦ Ταριάνου, ἕκτη Γενάχ, ἑβδόμη Καρή, ὀγδόη Κασή, καὶ οὕτως ἀλλήλοις συναφθέντες μετὰ τῶν Τούρκων οἱ Κάβαροι εἰς τὴν τῶν Πατζινακιτῶν κατῴκησαν γῆν.

бою нѣкоторую часть своихъ ближайшихъ союзниковъ и сотоварищей на полѣ брани — Хозаровъ. Теперь же, при показаніи Константина, это предположеніе обращается въ несомнѣнный фактъ. При всемъ томъ мы не считаемъ возможнымъ понимать въ узкомъ смыслѣ слова нашего историка, т. е. считать Кабаровъ, какъ многіе это дѣлаютъ[1]), особымъ хозарскимъ племенемъ, возмутившимся противъ верховной власти, побѣжденнымъ въ возникшей междоусобной войнѣ и вслѣдствіе того удалившимся на западъ для присоединенія къ Мадьярамъ. Самъ Константинъ вовсе не говоритъ о Кабарахъ, какъ объ особомъ хозарскомъ племени; изъ его словъ можно скорѣе заключить, что имя это было дано хозарскимъ выселенцамъ уже послѣ ихъ соединенія съ Мадьярами и, кажется, именно этими послѣдними. Свидѣтельство Константина слѣдуетъ, какъ намъ думается, понимать въ томъ смыслѣ, что къ Мадьярамъ присоединились тѣ хозарскіе элементы, которые или жили до тѣхъ поръ къ нимъ всего ближе, въ непосредственномъ общеніи съ ними, или были чѣмъ-нибудь недовольны и терпѣли притѣсненія въ своей родинѣ. Среди Мадьяръ они должны были занять видное мѣсто, такъ какъ принадлежали къ народу, политически и нравственно господствовавшему надъ Мадьярами. Это и подтверждается свидѣтельствомъ Константина, который отводитъ Кабарамъ передовое мѣсто въ числѣ племенъ мадьярскихъ[2]) (которыхъ такимъ образомъ изъ прежнихъ семи стало восемь). Они, будучи чисто-турецкаго происхожденія, должны были дѣйствительно превосходить Мадьяръ и военною удалью, и подвижностью, и другими боевыми качествами (о которыхъ говоритъ Константинъ), что̀ въ свою очередь опредѣляло ихъ роль передовой дружины. Изъ разсказа Константина не довольно ясно, когда часть Хозаровъ присоединилась къ Awграмъ: ушла ли она одновременно и вмѣстѣ съ ними, или при-

[1]) Fessler, S. 244—245; Zeuss, S. 754; Hunfalvy, S. 256—257.
[2]) De adm. imp., c. 39, p. 172.

мкнула къ нимъ уже позднѣе, въ «Ателькузу». Первое, по нашему мнѣнію, болѣе вѣроятно, такъ какъ во второмъ случаѣ Кабарамъ пришлось бы пробиваться черезъ землю, уже занятую Печенѣгами, едва-ли имъ дружественными.

Что касается вопроса объ имени Кабаровъ (Κάβαροι), то ничего достовѣрнаго о его происхожденіи сказать нельзя[1]. Очень можетъ быть, что такъ прозвали хозарскихъ выходцевъ сами Мадьяры; въ такомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія сближеніе этого имени съ мадьярскимъ словомъ *kóbor*, означающимъ нынѣ *бродягу*, *скитальца*[2]; такимъ образомъ по значенію своего имени Кабары Константина не могутъ не напомнить намъ нашихъ (лѣтописныхъ) *Бродниковъ*, если только производить это названіе отъ слова *бродить* или *бродня*[3]. Нѣсколько соображеній по этому поводу представляетъ г. Брунъ (въ своемъ «Черноморьѣ»[4]). Допустивъ возможность того обстоятельства, что часть Кабаровъ осталась въ русскихъ степяхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, г. Брунъ приводитъ ихъ въ связь съ позднѣйшими Черкасами и Черкесами, сближая имя Кабаровъ съ «Кабардою», какъ до сихъ поръ называется земля кавказскихъ Черкесовъ: по мнѣнію Бруна, предки Черкесовъ могли быть просто однимъ изъ племенъ хозарскихъ. Такъ какъ Константинъ не опредѣляетъ мѣстности, изъ которой выселились Кабары, то Брунъ полагаетъ, что они именно вышли или изъ Кабарды на Кавказѣ, или изъ Крыма (съ бере-

[1]) Объяснить его было не мало попытокъ. Кассель (Mag. Alt., S. 170) предложилъ не невѣроятное толкованіе изъ еврейскаго языка, на которомъ это слово значитъ «товарищъ», «спутникъ».

[2]) Sayous, p. 19 (kobors, *vagabonds*). Въ древности это слово могло не имѣть еще этого оттѣнка (бродяги), а значило можетъ быть просто «переселенецъ».

[3]) По мнѣнію г. Васильевскаго, вѣрность такого производства не вполнѣ очевидна, въ виду существованія напр. германскаго народца Броднинговъ (вѣтвь Геруловъ), имя котораго очень близко по звукамъ къ Бродникамъ. См. Рецензію на кн. Успенскаго (Образов. второго Болг. царства). Ж. М. Пр. 1879, авг., стр. 334.

[4]) Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, въ статьѣ: «Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море», стр. 114—120.

говъ р. Кабарды). Однако, по справедливому замѣчанію г. Васильевскаго, соображенія г. Бруна имѣютъ слишкомъ проблематическій характеръ, чтобы строить на нихъ какія-нибудь рѣшительныя заключенія [1]). Они не представляютъ достаточныхъ данныхъ и для рѣшенія занимающаго насъ вопроса объ имени Кабаровъ [2]).

Весьма любопытный фактъ представляетъ сообщеніе Константина (въ вышеприведенномъ разсказѣ) о сохраненіи Кабарами и на новой родинѣ *своего хозарскаго языка*, которому они научили и Мадьяръ и объ усвоеніи ими также языка послѣднихъ [3]). Въ немъ мы имѣемъ явное указаніе на одинъ изъ источниковъ, изъ которыхъ мадьярскій языкъ почерпалъ свои разнородные элементы. Усвоеніе Мадьярами турецкаго языка Хозаръ (Кабаровъ) должно быть понимаемо конечно не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ значительныхъ заимствованій Мадьярами въ свой языкъ элементовъ хозарскихъ, т. е. турецкихъ. Впослѣдствіи

[1]) См. рецензію его на книгу Бруна, Ж. М. Пр. 1879, ноябрь, стр. 104.

[2]) Къ вопросу объ имени *Кабаровъ* слѣдуетъ замѣтить еще одно: Въ одномъ русскомъ литературн. памятникѣ (XII в.), а именно одной редакціи извѣстнаго *Слова Даніила Заточника* (обнародованной Ундольскимъ въ «Русск. Бес». 1856, кн. 2, и коментированной Безсоновымъ въ «Москвитян.» 1856, № 7 и 8) есть неясный отрывокъ съ описаніемъ какихъ-то игръ, въ которомъ встрѣчается не мало иностранныхъ словъ (искаженныхъ переписчикомъ). Мѣсто это начинается такъ: «Королязи бо и *Ковари* офорозѣ, рытиры (риторы?), магистрове, duксове и т. д.». А. А. Куникъ, которому мы обязаны указаніемъ этого мѣста, сближаетъ имя *Ковари* съ *Кабарами* (Καβαροί) Константина Багрянороднаго. Онъ предполагаетъ, не означаютъ ли *Ковари* — *Евреевъ* вообще (такъ какъ *кабаръ* по еврейски товарищъ), въ противоположность *Королязямъ*, т. е. Франкамъ или вообще западнымъ христіанамъ. Если это сближеніе вѣрно (а ему во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ правдоподобіи, то *Кабары* Константина Багрянороднаго дѣйствительно могли значить то же, что́ *товарищи, спутники*. Не надо забывать, что въ Хозарской державѣ было много Евреевъ, и потому употребленіе еврейскаго слова не представляетъ ничего страннаго или загадочнаго.

[3]) Кассель (Mag. Alt., S. 166—167) справедливо признаетъ важность этого свидѣтельства, но толкуетъ его въ пользу своего превратнаго взгляда на происхожденія языковъ мадьярскаго и хозарскаго. Гунфальви (S. 256—257), признающій Кабаровъ за особую часть Хозаръ, полагаетъ, что и языкъ ихъ былъ особый, не общехозарскій. Онъ считаетъ кабарское нарѣчіе турецкимъ, и притомъ наиболѣе близкимъ къ *чувашскому*.

Кабары слились съ Мадьярами, мало по малу забыли свой коренной языкъ и приняли мадьярскій, сильно испытавшій на своемъ вѣку турецкое вліяніе, какъ еще въ первоначальной родинѣ Мадьяръ, такъ и въ эпоху сближенія послѣднихъ съ Хозарами, а по отдаленіи отъ нихъ — черезъ Кабаровъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ *этническомъ состояніи* новыхъ жилищъ Мадьяръ на Нижнемъ Дунаѣ и на сѣверозападномъ побережьѣ Чернаго моря, о томъ, какое населеніе застали они въ «Ателькузу». Это важно для насъ и въ томъ отношеніи, что и здѣсь Угры, несмотря на свое кратковременное пребываніе, не могли остаться совершенно внѣ вліянія того болѣе культурнаго, осѣдлаго населенія, которое было ими здѣсь покорено. Что большая часть черноморской равнины отъ Днѣпра до нижняго Дуная была населена въ IX вѣкѣ (хотя и не густо, конечно) *русскими Славянами*—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Объ этомъ Несторъ говоритъ достаточно опредѣленно. Но несравненно труднѣе прійти къ какому-либо рѣшительному заключенію относительно того, *какія* именно русскія племена населяли эту равнину, насколько они простирались на западъ и какъ распредѣлялись. Извѣстія нашей Лѣтописи обо всемъ этомъ въ высшей степени скудны, встрѣчаются даже не во всѣхъ ея спискахъ и притомъ настолько искажены, что требуются большія усилія, чтобы ихъ возстановить, распутать и согласить между собою.

Племена, которымъ Лѣтопись отводитъ мѣсто на сѣверовосточныхъ берегахъ Чернаго моря, суть пресловутые *Ульцы (Уличи)* и *Тиверцы* (которые «сѣдяху по Бугу и по Днѣстру, и присѣдяху къ Дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и Днѣстру оли до моря» и т. д. . .), независимо отъ которыхъ Несторъ упоминаетъ еще въ другихъ мѣстахъ объ *Угличахъ*, сидѣвшихъ «по Днѣпру внизъ». Не вдаваясь здѣсь въ темный и запутанный вопросъ объ этихъ Угличахъ, Ульцахъ и Тиверцахъ, о тождествѣ или нетождествѣ первыхъ двухъ и о ихъ первоначальныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ, вопросъ, надъ которымъ ломали голову столь многіе ученые, мы сообщимъ только выводъ,

къ которому въ послѣднее время пришла историческая критика (въ лицѣ г. Ламбина) послѣ спеціальнаго и весьма тщательнаго разбора лѣтописныхъ извѣстій.

По мнѣнію Ламбина, предпринявшаго такой спеціальный разборъ, Ульцы и Тиверцы были два близкія другъ къ другу и довольно многочисленныя племени, населявшія всю черноморскую равнину на западъ отъ Днѣпра (гдѣ онъ образуетъ тупой уголъ) до самаго нижняго Дуная; средоточіе ихъ жилищъ было на Бугѣ и Днѣстрѣ, причемъ *Ульцы* жили по Бугу до самаго моря [1]), а *Тиверцы* (имя коихъ въ связи съ древнимъ названіемъ Днѣстра, Тирасъ) по Днѣстру до моря и на югозападъ до самаго Дуная. Восточную вѣтвь Ульцевъ составляли Угличи, имя которыхъ такимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ именемъ цѣлаго племени, къ которому они принадлежали [2]). Эти Угличи (отъ «уголъ»?), о коихъ сказано въ Лѣтописи, что они «бѣша сѣдяще по Днѣпру внизъ», населяли восточный уголъ той же черноморской равнины, образуемый Днѣпромъ, когда онъ у пороговъ поворачиваетъ сперва на югъ, потомъ на югозападъ. Западной границей земли Угличей была рѣка Ингулецъ [3]). Итакъ здѣсь жили эти племена до начала X вѣка, когда ихъ, какъ полагаютъ ученые (основываясь на Лѣтописи) вытѣснили изъ этихъ жилищъ на сѣверъ Печенѣги, такъ что и Ульцы и Тиверцы очутились на сѣверъ отъ Печенѣговъ, въ сосѣдствѣ Древлянъ и Хорватовъ, по верхнему

[1]) Ульцевъ или Уличей, какъ многочисленный народъ, знаетъ Анонимъ-Баварскій Географъ (876—890), называющій ихъ «Unlizi, populus multus, civitates CCCXVIII». См. у Шафарика, Сл. Др. II, Прил. XIX, стр. 70.

[2]) Это предположеніе о принадлежности Угличей, по племенному происхожденію, къ Ульцамъ, кажется впрочемъ мало убѣдительнымъ академику А. Ѳ. Бычкову, рецензенту соч. Ламбина; см. Отчетъ о XIV Присужд. Увар. Нагр., 1872 г.

[3]) Надеждинъ, допускавшій существованіе однихъ только Угличей (а не Уличей), помѣщалъ ихъ въ мѣстности между Днѣстромъ и Дунаемъ, извѣстной уже въ VII в. (по византійцамъ) на языкѣ туземцевъ Ὄγγλος, Oglus, т. е. Уголъ (ѫгълъ), а впослѣдствіи у Татаръ, въ переводѣ на ихъ языкъ *Буджакъ* (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. I, стр. 252), см. Ламбинъ Ж. М. Н. Пр. 1877 г. май, стр. 52.

теченію Днѣстра и южнаго Буга (въ Подоліи), гдѣ ихъ знаетъ въ половинѣ X вѣка Константинъ Багрянородный [1]). Въ смыслѣ этого оттѣсненія на сѣверъ, въ землю верхняго Буга и Днѣстра, должна быть понята извѣстная лѣтописная фраза (съ трудомъ разгаданная) объ Угличахъ: «по семъ придоша (Угличи) межи Богъ и Днѣстръ» [2]). Самый фактъ оттѣсненія на сѣверъ русскихъ племенъ (Ульцевъ и Тиверцевъ) кочевниками, нахлынувшими въ черноморскія степи, не подлежитъ сомнѣнію. Труднѣе сказать, когда именно и кѣмъ былъ произведенъ этотъ переворотъ. Мнѣніе, что это произошло только въ началѣ X вѣка (около 913 г.) вслѣдствіе напора Печенѣговъ, не можетъ считаться вѣрнымъ уже потому, что появленіе Печенѣговъ на Руси отнесено лѣтописью къ слишкомъ позднему времени, именно къ 914 (915 г.) году, тогда какъ мы знаемъ, что переселеніе Мадьяръ изъ Лебедіи было вынуждено напоромъ Печенѣговъ и что слѣдовательно появленіе послѣднихъ на нижнемъ Днѣпрѣ относится уже къ 80 годамъ IX вѣка. Итакъ, если дѣйствительно Печенѣги принудили черноморскихъ Славянъ бѣжать на сѣверъ и искать себѣ тамъ новыхъ жилищъ, то это должно было произойти не позже конца IX вѣка (въ 90-хъ г.), когда Печенѣги вытѣснили Мадьяръ и изъ «Ателькузу». Въ этомъ вопросѣ для насъ имѣетъ нѣкоторое значеніе извѣстіе Нестора о войнѣ Олега съ черноморскими Славянами въ 884 году. Мы знаемъ, что въ этомъ году Олегъ, покоривъ ранѣе Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, пошелъ еще войною («имяше рать») противъ Ульцевъ и Тиверцевъ. Объ исходѣ этой войны Лѣтопись ничего не сообщаетъ, и затѣмъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ (до 906 г.) объ Олегѣ и его дальнѣйшей дѣятельности почти нѣтъ упоминанія. Г. Ламбинъ, от-

[1]) De adm. imp. c. 37, p. 166 (Οὐλτῖνοι; Тиверцы=τε Βερβιάνοι? c. 9., p. 79) срв. Ламбинъ, Ж. М. Пр. 1877, іюнь, стр. 249.

[2]) Ламбинъ, Славяне на сѣверн. Черноморьѣ. Ж. М. Пр. 1877, май и іюнь; 1879, дек. Такое чтеніе «межи Богъ и Днѣстръ» было впервые предложено г. Ламбинымъ и потомъ блистательно подтвердилось найденнымъ акад. Бычковымъ варіантомъ въ Новогород. лѣтоп. (Отчетъ о XIV Присужд. Уваров. премій, 1872, стр. 98).

мѣчая этотъ фактъ, нисколько не сомнѣвается, что начатое Олегомъ покореніе племенъ славянскихъ (въ Черноморьѣ) продолжалось безостановочно и что оно было имъ благополучно окончено [1]). Мы однако позволяемъ себѣ быть иного мнѣнія, ибо невѣроятно, чтобы лѣтописецъ не отмѣтилъ подобнаго важнаго результата, если бы онъ дѣйствительно былъ достигнутъ.

Если же мы сопоставимъ этотъ фактъ съ тѣмъ, что знаемъ о происходившемъ въ то время движеніи мадьярской орды на югозападъ, то для насъ вполнѣ объяснится умолчаніе Лѣтописи о результатахъ военнаго предпріятія Олега противъ Славянъ черноморскихъ. Именно около 885 года, какъ выше было показано, совершилось переселеніе Мадьяръ подъ давленіемъ Печенѣговъ изъ Лебедіи въ «Ателькузу». Этотъ напоръ кочевниковъ заставилъ, безъ сомнѣнія, Олега оставить неконченнымъ начатое дѣло — покореніе Ульцевъ и Тиверцевъ, вернуться во свояси и на время отложить всякія предпріятія на югѣ. Угры, перейдя черезъ Днѣпръ и направляясь на югозападъ, вступили въ предѣлы Ульцевъ и Тиверцевъ; расположились они въ «Ателькузу» въ землѣ между Днѣстромъ и Дунаемъ, слѣдовательно заняли только часть территоріи этихъ племенъ. Безъ сомнѣнія и они должны были произвести смятеніе и движеніе между послѣдними; но однако далеко не такое, какое вслѣдъ за ними произвели болѣе многочисленные и еще болѣе хищные Печенѣги. Причина бѣгства черноморскихъ Славянъ на сѣверъ, на верхній Бугъ и Днѣстръ, не должна быть приписана никому болѣе, какъ Печенѣгамъ, занявшимъ большое пространство южно-русскихъ степей на востокъ отъ Угровъ, по обѣ стороны нижняго Днѣпра, по Ингульцу, нижнему Бугу, почти до Днѣстра; и это оттѣсненіе Ульцевъ и Тиверцевъ Печенѣгами произошло именно въ 80-хъ и 90-хъ годахъ IX вѣка (а не около 913 года, какъ ошибочно выводилъ г. Ламбинъ изъ показанія Нестора).

Что же сталось, спрашивается, съ русскими Славянами (Ти-

[1]) Тамъ же, Ж. М. Пр. 1877, май, стр. 71 — 72.

верцами?), которыхъ Мадьяры застали въ «Ателькузу»? Мы полагаемъ, что они (равно какъ сосѣди ихъ въ Валахіи, одноплеменные Славянамъ болгарскимъ) могли еще кое-какъ оставаться здѣсь при Мадьярахъ (поработившихъ, но не истребившихъ ихъ), но навѣрно были частью истреблены, частью вытѣснены отсюда Печенѣгами, такъ что русскихъ поселеній на нижнемъ Дунаѣ послѣ этого не было до XI вѣка, когда являются здѣсь снова несомнѣнные слѣды ихъ существованія [1]).

Итакъ Мадьяры и на нижнемъ Дунаѣ (въ Ателькузу) поневолѣ должны были войти въ близкое сношеніе съ Славянами, какъ это было въ Лебедіи и какъ впослѣдствіи это случилось въ ихъ новой родинѣ на среднемъ Дунаѣ.

Мы перебрали и разсмотрѣли, сколько намъ извѣстно, все, что только сохранилась путемъ историческихъ свидѣтельствъ о переселеніи Мадьяръ изъ первоначальной сѣверной родины на нижній Дунай, гдѣ они въ концѣ IX вѣка являются новою грозною силою, привлекшею на себя всеобщее вниманіе и возбудившею страхъ не только Восточной имперіи, но вскорѣ и всего франко-германскаго запада. Если и послѣ нашего изложенія и разбора всѣхъ имѣющихся извѣстій—представленія читателя о пути Мадьяръ, обстоятельствахъ ихъ переселенія и судьбахъ ихъ въ эту эпоху странствованій по степямъ южной Руси останутся не довольно ясны и не довольно опредѣленны, то по всей справедливости, смѣемъ думать, главную вину въ этомъ придется сложить на свойство самихъ извѣстій, ихъ чрезвычайную скудость, сбивчивость и неопредѣленность...

Подводя общій итогъ всему предыдущему разбору, мы приходимъ къ слѣдующимъ лишь болѣе или менѣе достовѣрнымъ общимъ выводамъ:

Мадьяры выступили въ началѣ IX вѣка изъ своей сѣверной родины (подъ давленіемъ сосѣднихъ турецкихъ племенъ, а

[1]) См. Васильевскій, «Византія и Печенѣги». Прилож. 2-ое: «Русскіе на Дунаѣ въ XI в.» Ж. М. Н. Пр. 1872 г., декабрь, стр. 299. Срв. Успенскаго, Образованіе втораго Болгарскаго царства. Прилож. V, стр. 31—39. См. еще Píč, Die Abstamm. d. Rumänen, S. 105—107.

можетъ быть отчасти и русскихъ Славянъ), съ цѣлью искать новыхъ жилищъ, вѣроятно въ сопровожденіи значительныхъ турецкихъ шаекъ, оказавшихъ несомнѣнное вліяніе на Угровъ своимъ предпріимчивымъ, воинственнымъ и смѣлымъ характеромъ.

Они двинулись по направленію къ владѣніямъ Хозаръ на Дону, съ которыми уже были, кажется, знакомы, благодаря торговымъ сношеніямъ Хозаръ съ сѣверовосточнымъ угро-финскимъ угломъ Россіи (Біарміей-Югрою), и избрали знакомый вѣроятно всему сѣверовостоку рѣчной путь: Камой, Волгой, Окой и переваломъ на Донъ.

Съ разрѣшенія Хозаръ Мадьяры поселились въ предѣлахъ ихъ владѣній, въ такъ называемой «*Лебедіи*» Багрянороднаго, т. е. въ странѣ между Дономъ и Днѣпромъ (приблизительно въ губерніяхъ Воронежской, Харьковской, Курской), уже населенной тогда отчасти Славянами, и признали надъ собой верховную власть Хозаръ.

Ведя кочевую жизнь, предпринимая въ сосѣднія земли хищническіе набѣги и служа воинственнымъ цѣлямъ Хозаръ, они не ограничивались опредѣленною мѣстностью, а отдѣльными полчищами заходили далеко на югъ и западъ и мало по малу распространяли свои кочевья и за Днѣпръ, и по берегамъ Чернаго моря.

Такимъ образомъ у насъ имѣются историческія извѣстія, свидѣтельствующія о ихъ появленіи то въ землѣ днѣпровскихъ Славянъ (въ окрестностяхъ Кіева), то на нижнемъ Дунаѣ (въ 30-хъ годахъ IX в.), то на Крымскомъ полуостровѣ (въ 50-хъ годахъ).

Мадьяры прожили въ Лебедіи нѣсколько (отъ 6 до 7) десятковъ лѣтъ (точнѣе опредѣлить невозможно) и въ этотъ періодъ времени должны были подвергнуться значительному вліянію народовъ, съ которыми были въ тѣсномъ общеніи: съ одной стороны *Хозаръ*, которые усилили въ нихъ турецкую стихію и повліяли на ихъ политическую организацію (убѣдивъ ихъ избрать одного общаго вождя), съ другой стороны *славянскаго* населенія

занятой ими территоріи, которое естественно, какъ болѣе культурное, не могло не оставить слѣдовъ въ ихъ домашнемъ бытѣ, нравахъ и языкѣ.

Вслѣдствіе неожиданнаго напора *Печенѣговъ* (со стороны верхняго Дона), Мадьяры, уступая имъ въ силѣ и численности, принуждены были покинуть Лебедію, разстаться съ Хозарами и броситься на западъ, ища тамъ новаго пристанища[1]).

Перейдя Днѣпръ гдѣ-то ниже Кіева, потомъ Бугъ и Днѣстръ, Мадьяры остановились въ области рѣкъ Днѣстра, Прута и Серета въ странѣ, называемой Константиномъ Багрянороднымъ «*Ателькузу*» (въ нынѣшней Бессарабіи и Молдавіи), населенной тогда русскими Славянами (Ульцами и Тиверцами?), а затѣмъ по нижнему Дунаю распространились и нѣсколько далѣе.

Это вытѣсненіе Мадьяръ изъ Лебедіи произошло въ 80-хъ годахъ IX в. (приблизительно отъ 885 — 888 г.), такъ какъ въ 889 году Мадьяры, какъ позволяютъ заключать достовѣрныя историческія извѣстія, уже положительно кочевали по сѣверному берегу нижняго Дуная.

Къ Мадьярамъ при этомъ бѣгствѣ изъ Лебедіи присоединился значительный отрядъ Хозаръ, расчитывавшихъ вѣроятно найти для себя лучшія жилища на западѣ; эти хозарскіе выселенцы были прозваны *Кабарами*.

Ближайшимъ послѣдствіемъ появленія Мадьяръ на правомъ берегу нижняго Дуная было вовлеченіе ихъ въ политическія отношенія и соперничество сосѣднихъ государствъ и народовъ. Едва они успѣли осмотрѣться въ новыхъ мѣстностяхъ, какъ уже должны были стать орудіемъ политики своихъ новыхъ могущественныхъ сосѣдей и были вовлечены почти одновременно— на югѣ (на Балканскомъ полуостровѣ) въ ожесточенную войну Византіи съ Болгарами, на западѣ въ не менѣе упорную и про-

[1]) Отдѣленная отъ главной массы натискомъ Печенѣговъ часть ихъ вернулась, кажется, на родину: такъ мы по крайней мѣрѣ понимаемъ извѣстное свидѣтельство Багрянороднаго—объ отдѣленіи части Мадьяръ и переселеніи ея въ предѣлы Персіи (?).

должительную борьбу стремившихся на востокъ германскихъ завоевательныхъ силъ (въ лицѣ Арнульфа) съ дунайскимъ Славянствомъ (въ лицѣ Святополка Моравскаго).

Не долго однакожь пришлось Мадьярамъ играть роль слѣпого орудія чужихъ цѣлей и замысловъ. Обстоятельства сложились такъ, что тѣ государства, которыя, желая отвлечь отъ себя Мадьяръ, употребляли ихъ орудіемъ противъ своихъ враговъ, въ концѣ концовъ не только не могли воспрепятствовать развитію ихъ могущества и значенія и пріобрѣтенію ими политической самостоятельности, но сами должны были стать жертвами своей политики и на себѣ испытать всю тяжесть ударовъ, которые они до тѣхъ поръ искусно умѣли направлять на враговъ своихъ...

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разбору и оцѣнкѣ тѣхъ событій и явленій, которыя совершились въ самомъ исходѣ IX вѣка на среднемъ Дунаѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Австро-Венгріи, и которыя закончились вторженіемъ и поселеніемъ Мадьяръ на ихъ новой родинѣ (въ великой равнинѣ дунайской), мы должны остановить еще наше вниманіе на союзѣ Византіи съ Мадьярами и на *мадьяро-болгарской войнѣ*, въ которой Угры впервые на глазахъ цивилизованнаго міра выказали свои боевыя силы въ столкновеніи съ организованными военными силами осѣдлыхъ народовъ.

5. Союзъ Грековъ съ Мадьярами и угро-болгарская война.

Въ то время, какъ Мадьяры, спасаясь отъ Печенѣговъ, расположились на сѣверѣ отъ нижняго Дуная (въ Ателькузу), императоромъ Византійскимъ былъ вступившій незадолго передъ тѣмъ на престолъ Левъ Мудрый (886 — 912). Болгарскій царь Симеонъ, противъ котораго послѣдній вооружилъ Мадьяръ, началъ царствовать по однимъ съ 888 г., по другимъ только съ 892 г. Вопросъ о времени перехода престола отъ Бориса къ Владиміру и вскорѣ затѣмъ къ Симеону весьма тёменъ и составляетъ до

сихъ поръ предметъ ученой полемики[1]). Слѣдствіемъ такого разногласія является естественно и разногласіе во мнѣніяхъ о времени угро-болгарской войны, которая началась очень скоро по вступленіи Симеона на престолъ и которую поэтому относятъ то къ 889-му, то къ 893-му году. И до сихъ поръ этотъ вопросъ остается открытымъ и окончательно не выясненнымъ, несмотря на то, что въ послѣднее время нѣкоторымъ нѣмецкимъ ученымъ и хотѣлось считать его безповоротно рѣшеннымъ въ пользу послѣдняго срока, т. е. 893 года[2]). Прежде чѣмъ заняться ближайшимъ разсмотрѣніемъ этого вопроса, мы приведемъ дошедшія до насъ историческія свидѣтельства о событіяхъ этой войны и ея причинахъ, т. е. о призваніи Угровъ императоромъ Львомъ себѣ на помощь противъ смѣло и рѣшительно выступившаго въ защиту своихъ правъ болгарскаго народа.

У византійскихъ писателей существуетъ два разсказа объ этой войнѣ, значительно другъ отъ друга разнящіеся. Одинъ принадлежитъ *Георгію Амартолу* (т. е. собственно его Продолжателю) и повторенъ затѣмъ въ томъ же видѣ или съ незначительными варіантами Львомъ Грамматикомъ, Ѳеофановымъ Продолжателемъ, Кедринымъ и Зонарою; другой—*Константину Багрянородному*. Кромѣ того извѣстія объ этой войнѣ находимъ еще у *Симеона Магистра* и наконецъ у самого *императора Льва VI* въ его «Тактикѣ». Изъ западныхъ лѣтописей упоминаютъ о ней *Фульденскіе анналы* и ее же разумѣютъ, по общераспространенному мнѣнію, анналы *Гильдесгеймскіе* (а по нимъ Ламбертъ). Наконецъ и нашъ *Несторъ* заноситъ въ свою лѣтопись извѣстіе объ этой войнѣ, заимствуя его очевидно изъ Георгія Амартола.

Мы начнемъ съ разсказа этого византійца (Георгія), послужившаго по всей вѣроятности источникомъ для другихъ (кромѣ Льва Мудраго, свидѣтельство котораго самое раннее), и укажемъ

[1]) См. выше, стр. 230.

[2]) Dümmler, Gesch. d. Ostfr. R., II, S. 442—444; Südöstl. M., S. 54; Büdinger, Oesterr. Gesch., S. 217; Roesler, S. 160 — 162.

(въ выноскахъ) главные варіанты, встрѣчающіеся у послѣдующихъ писателей.

Война Симеона съ Греками, по разсказу Амартола, началась по поводу нанесеннаго Болгарамъ ущерба въ ихъ торговыхъ дѣлахъ. Два ловкіе Грека (Ставракій и Козьма) съ помощью интригъ при дворѣ императора Льва добились того, что посредствующимъ пунктомъ византійской торговли сталъ г. Солунь, куда былъ перенесенъ торговый рынокъ изъ Константинополя, а путь черезъ Болгарію по Дунаю былъ заброшенъ. Разумѣется, эта перемѣна была въ высшей степени чувствительна для болгарскихъ купцовъ, которыхъ прижимали въ г. Солуни большими пошлинами, и вообще для интересовъ Болгаріи.

Жалобы и ходатайства Симеона передъ византійскимъ правительствомъ остались неудовлетворенными. Тогда Симеонъ собралъ войско и началъ войну. Левъ VI послалъ противъ него магистра Кринита. Греки въ происшедшей битвѣ (въ Македоніи) были разбиты и обращены въ бѣгство, причемъ Кринитъ и другіе начальники потеряли жизнь. Съ плѣнными Хозарами (служившими въ войскѣ Грековъ) было поступлено очень жестоко: они были изуродованы (отрѣзаньемъ носовъ) и отправлены въ Византію.

> «Увидавъ ихъ, продолжаетъ Георгій, разгнѣванный императоръ послалъ Никиту, по прозванію Склира, съ триремами на Дунай, съ тѣмъ, чтобы передать подарки *Туркамъ* (т. е. Униграмъ) и возбудить ихъ къ войнѣ противъ Симеона [1]). Никита, отправившись и переговоривъ съ ихъ вождями Арпадомъ и Курсаномъ (Κουρσάνη) [2]), взялъ съ нихъ обѣщаніе начать войну и, получивъ заложниковъ, возвратился къ императору [3]). Тогда этотъ послалъ моремъ

[1]) Cedren (Ed. Bonn.), p. 255... διὰ τοῦ Ἴστρου πρὸς Τούρκους τοὺς Οὔγγρους καλουμένους ἀπέστειλεν.

[2]) Въ изд. Муральта, стр. 772: Κουρσάνη; у Theoph. Contin. (Ed. Bonn.) p. 358—нѣтъ вовсе именъ: τούτοις συντυχὼν καὶ πείσας κατὰ Σιμεὼν ὅπλα ἄρασθαι.

[3]) Здѣсь у Theophan. Contin. (p. 358) прибавлено: Императоръ рѣшилъ воевать съ Болгарами и на морѣ, и на сушѣ.

патриція и друнгарія флота Евстаѳія, а патриція и доместика Никифора Фоку съ войсками сушею, и послѣдній дошелъ до самой Болгаріи (μέχρι Βουλγάρων, Muralt: μέχρι Βουλγαρίας [1]). Императоръ при всемъ томъ, будучи склоненъ къ миру, послалъ къ Симеону квестора Константиніака для переговоровъ о мирѣ [2]). Симеонъ же, узнавъ о томъ, что̀ противъ него предпринято и на морѣ, и на сушѣ, заключилъ въ темницу квестора, какъ пришедшаго съ коварною цѣлью».

«Турки, перейдя Дунай въ то время, какъ Симеонъ имѣлъ дѣло съ войскомъ Фоки, полонили (Theoph. Cont: опустошили, ἐληΐσαντο) всю Болгарію. Узнавъ объ этомъ, Симеонъ обратился противъ Турковъ, которые въ свою очередь пошли ему на встрѣчу и вступили въ бой съ Болгарами. Симеонъ былъ обращенъ въ бѣгство и едва спасся въ г. Дистрѣ (Δίστρα) [3]). Турки же просили императора, чтобы онъ послалъ кого-нибудь для выкупа у нихъ изъ плѣна Болгаръ. Императоръ такъ и сдѣлалъ и послалъ гражданъ, чтобы выкупили ихъ».

(13) «Симеонъ черезъ друнгарія Евстаѳія просилъ о мирѣ. Императоръ изъявилъ согласіе и послалъ для его заключенія Льва хойросфакта (τὸν χοιροσφάκτην). Никифору же съ войскомъ и друнгарію флота Евстаѳію было приказано возвратиться. Симеонъ и словомъ неудостоилъ Льва и заключилъ его въ темницу. Выступивъ затѣмъ въ походъ противъ Турковъ, когда они не имѣли болѣе помощи отъ Грековъ и непредусмотрительно были брошены на произволъ судьбы, онъ (Симеонъ) перебилъ ихъ

[1]) У Theophan. Cont. (ibid) это относится къ обоимъ вождямъ: ὧν μέχρι Βουλγαρίας καταλαβόντων.

[2]) Theoph. Cont. (ibid), кажется вѣрнѣе: «будто бы ища мира и какъ-бы желая заключить съ нимъ союзъ».

[3]) Cedren, p. 255: μόλις τοῦ Σιμεὼν ἐν Δοροστόλῳ σωθέντος, ὃ καὶ Δρίστα καλεῖται.

всѣхъ[1]), что̀ сдѣлало его еще болѣе высокомѣрнымъ. Вернувшись, онъ нашелъ Льва (хойросфакта) въ Мудагрѣ (ἐν τῇ Μουδάγρᾳ[2]) и сказалъ ему: «я не заключу мира, пока не получу всѣхъ плѣнныхъ»[3]). Императоръ рѣшилъ выдать ихъ, и съ Львомъ прибылъ Болгаринъ[4]), домашній человѣкъ Симеона, и получилъ ихъ. (*Georg. Monach.*, De Leone Basilii f., Ed. Bonn., c. 12 и 13, p. 853—855 и въ изд. Муральта, стр. 772—774).

Константинъ Багрянородный разсказываетъ о тѣхъ же событіяхъ въ *40 гл.* своего сочиненія De Adm. Imp. (Ed. Bonn. p. 172—173). Сказавъ о присоединеніи къ Мадьярамъ Кабаровъ и перечисливъ остальныя мадьярскія колѣна, онъ продолжаетъ:

«Послѣ того призванные хистолюбивымъ и славнымъ императоромъ Львомъ Турки переправились (черезъ Дунай) и, начавъ войну съ Симеономъ, совершенно разбили его и, преслѣдуя, дошли до Преславы (μέχρι τῆς Πρεσθλάβου) и заперевъ его въ городѣ, называемомъ Мундрага (Μουνδράγα), вернулись въ свою землю. Вождемъ (архонтомъ) они имѣли тогда Ліунтина (τὸν Λιούντινα), сына Арпада. Послѣ того какъ Симеонъ опять заключилъ миръ съ греческимъ императоромъ и пріобрѣлъ увѣренность въ безопасности (λαβεῖν ἄδειαν), онъ послалъ пословъ къ Печенѣгамъ и заключилъ съ ними союзъ съ цѣлью начать войну съ Турками и уничтожить ихъ. И когда Турки ушли въ походъ, Печенѣги и Симеонъ пошли противъ нихъ, истребили совер-

[1]) Cedren, p. 256: «Такъ какъ императоръ вслѣдствіе внезапности и неожиданности не могъ имъ подать помощи, онъ ихъ разбилъ и опустошилъ всю ихъ землю».

[2]) У Муральда Μουνδάγρᾳ, у Leo Gramm. (p. 268) Μουλδάγρᾳ, у Const. Porph. Μουνδράγα, у Θеофан. Продолж. и Кедрина совсѣмъ нѣтъ этого имени.

[3]) Кедринъ (Cedren, p. 256) говоритъ о письмѣ Симеона къ императору: γαυριῶν δ᾽ἐπὶ τῇ νίκῃ καὶ φρυαττόμενος ἔγραφε πρὸς τὸν βασιλέα μὴ πρότερον ποιῆσαι εἰρήνην... etc.

[4]) У Льва Граммат., Θеофан. Продолж. и Кедрина онъ названъ *Θеодоромъ* (Θεόδωρος).

шенно ихъ семейства и позорно прогнали оттуда тѣхъ Турковъ, которые оставались охранять свою землю. А Турки, вернувшись и найдя такимъ образомъ свою землю пустою и разграбленною, расположились на жительство въ той странѣ, въ которой и нынѣ живутъ, въ странѣ, называвшейся, какъ выше было сказано, по имени рѣкъ. . .» [1]) Здѣсь повторяется показаніе о названіи Ἐτὲλ καὶ Κουζοὺ, принадлежащемъ землѣ, въ которой ранѣе жили Турки, а потомъ Печенѣги.

Въ *51 главѣ* (p. 238—239) Константинъ разсказываетъ эпизодъ, случившійся при переправѣ Мадьяръ черезъ Дунай, по поводу упоминанія о главномъ дѣйствующемъ лицѣ этого эпизода:

«Михаилъ, по прозванію Баркаласъ (Βαρκαλᾶς), былъ «протелатомъ» (πρωτελάτης) во флотѣ при друнгаріи и патриціи Евстаѳіи, когда этотъ переправлялъ Турковъ и воевалъ съ Симеономъ болгарскимъ. Симеонъ, князь Болгаръ, узнавъ о прибытіи на Дунай флота, намѣревающагося переправить Турковъ на другую сторону, употребилъ въ дѣло крѣпкіе и толстые канаты или цѣпи, чтобы помѣшать переправѣ Турковъ черезъ рѣку. Выше названный Баркаласъ съ двумя другими моряками, взявъ щиты и мечи мужественно и храбро выскочили изъ хеландіи, перерубили канаты и открыли переправу Туркамъ». За этотъ подвигъ Баркаласъ былъ награжденъ.

Краткое упоминаніе объ угро-болгарской войнѣ находимъ у *Симеона Магистра* — съ указаніемъ на годъ (*Sym. Mag.* de Leone Bas. f., c. 3, см. ed. Bonn: Theoph. Contin, p. 701):

«Въ третій годъ царствованія Льва Самосъ подвергся нападенію Арабовъ. . . . Симеонъ, болгарскій князь, вторгся

[1]) Это мѣсто не совсѣмъ ясно, и Константинъ Багрянородный повидимому нѣсколько путается здѣсь въ своихъ словахъ. Кассель (p. 167—177) пытается распутать его слѣдующимъ исправленіемъ текста (именно вставкою слова: καταλείψαντες): «. . . «κατεσκήνωσαν εἰς τὴν γῆν εἰς ἣν καὶ σήμερον κατοικοῦσι (καταλείψαντες?) τὴν ἐπονομαζομένην κατὰ τὴν ἀνωτέρω, ὡς εἴρεται, τῶν ποταμῶν ἐπωνυμίαν». (c. 40, p. 173).

во владѣнія Грековъ и былъ побѣжденъ выступившими противъ него Турками, а всѣ плѣнные (Болгары) были перекуплены императоромъ. Послѣ того онъ (Симеонъ) опять обратился противъ Турковъ и вслѣдствіе требованія получилъ обратно плѣнныхъ и заключилъ миръ». Къ тому же году отнесена Симеономъ Магистромъ смерть патріарха Стефана и назначеніе на его мѣсто Антонія (по прозванію Καυλέας).

Наконецъ самъ *императоръ Левъ VI*, разсказывая въ «Тактикѣ» о своемъ союзѣ съ Турками, замѣчаетъ, что Мадьяры были ему посланы свыше, что ихъ вооружилъ Божественный Промыселъ для спасенія Имперіи (Τούρκους ἡ θεῖα πρόνοια ἀντὶ Ρωμαίων κατὰ Βουλγάρων ἐστράτευσεν...). Затѣмъ онъ говоритъ о *трехъ* битвахъ, въ которыхъ Симеонъ былъ разбитъ Уграми (τρισὶ μάχαις κατὰ κράτος νενικηκότας) (c. 18, p. 287, ed. Meursii)[1]).

У византійцевъ, а именно — надо предполагать — у Георгія Амартола почерпнулъ свое извѣстіе и *нашъ лѣтописецъ*. Вотъ, что онъ записалъ подъ 6410 (902) годомъ:

> «Леонъ царь ная Угры на Болгары, Угре же, нашедше, всю землю Болгарьску плѣноваху (*Т.*: — поплѣниша); Семионъ же, увѣдѣвъ (увидѣвъ), на Угры възвратися, и Угри противу поидоша и побѣдиша Болгары, яко одва Семионъ въ Деръстръ убѣжа (*Т.*: — семіонъ царь въ градъ дерестовъ бѣжа)» (см. Лѣтоп. по Лаврент. сп., Спб. 1872, стр. 28).

[1]) Leonis Imp. Tactica, ed. Meursii, cap. 18, p. 287—288... οἷς ἡ δίκη ἐπεξελθοῦσα, τε εἰς Χριστὸν τὸν θεὸν παρορκίας τῶν ὅλων τὸν βασιλέα τάχος ἔφθασεν επιθῆναι τὴν τιμωρίαν καὶ γὰρ τῶν ἡμετέρων δυνάμεων κατὰ Σαρακηνῶν ἀχολουμένων Τούρκους ἡ θεῖα πρόνοια ἀντὶ Ρωμαίων κατὰ Βουλγάρων ἐστράτευσεν πλωΐμου στόλου τῆς ἡμῶν βασιλείας αὐτοὺς διαπεράσαντός τε καὶ συμμαχήσαντος καὶ τὸν κακῶς κατὰ χριστιανῶν ὁπλισθέντα Βουλγάρων στρατὸν τρισὶ μάχαις κατὰ κράτος νενικηκότας ὡς ἄν εἰ δημίους ἐξαποστείλας κατὰ αὐτῶν, ἵνα μὴ ἕκοντες Ῥωμαῖοι χριστιανοὶ χριστιανῶν Βουλγάρων αἵμασι χραίνοντο».

Въ опредѣленіи времени этого событія у Нестора очевидно грубая ошибка [1]).

Намъ остается наконецъ привести свидѣтельства западныхъ лѣтописцевъ, которыя, хотя и очень скудны, все-же важны, заключая въ себѣ подтвержденіе другихъ извѣстій.

Главное свидѣтельство объ этихъ событіяхъ находится въ *Фульденской* лѣтописи (подъ 895 и 896 годами).

895 г.: «Авары (такъ назыв. Угры), вторгнувшись въ предѣлы Болгаръ, были предупреждены ими, и большая часть ихъ войска истреблена» [2]).

896 г. [3]): «Греки заключаютъ миръ съ Аварами, иначе Уграми, что̀ принимается въ дурную сторону согражданами (concives, т. е. сосѣдями) Грековъ, Болгарами: они возстаютъ на нихъ войною и преслѣдуютъ ихъ, разоряя всю ихъ землю до воротъ Константинополя. Въ отмщеніе Греки, съ свойственнымъ имъ коварствомъ, отправляютъ свои корабли къ Аварамъ (Уграмъ) и перевозятъ ихъ черезъ Дунай въ царство Болгарское. Перевезенные въ великой силѣ, они губятъ народъ болгарскій. Болгары, находящіеся въ походѣ, спѣшатъ назадъ въ отечество, сражаются съ непріятелями, разбиты. И во второй битвѣ побѣда остается

[1]) Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что и тутъ онъ ошибается совершенно на такое же число лѣтъ (13), какъ въ опредѣленіи времени прохода Угровъ мимо Кіева (885—898; 889—902).

[2]) Ann. Fuld. 895: Avari terminos Bulgarorum invadentes ab ipsis praeventi sunt et magna pars eorum excercitus interfecta est.

[3]) Кругъ (Byz. Chr., S. 25—26) объяснялъ эту хронологическую ошибку (на цѣлыхъ 7—8 л.) неразличеніемъ разныхъ эръ у византійцевъ, вслѣдствіе чего западный лѣтописецъ всѣ показанія лѣтъ отъ сотворенія міра, которыя находилъ въ разныхъ источникахъ, вычислялъ одинаковымъ способомъ. Лѣтописецъ к. XI и нач. XII в. Sigebert изъ Gembloux, поступавшій также (какъ и многіе другіе), дѣлаетъ тоже хронологическія ошибки на 7—8 лѣтъ. Ниже мы коснемся еще одного важнаго соображенія для объясненія этого пріуроченья: на западѣ узнали подробности этой войны именно въ 896 г., когда византійскій посолъ (Лазарь) былъ у Арнульфа и разсказывалъ объ Уграхъ. Очень можетъ быть, что благодаря этому и извѣстіе объ этой войнѣ попало въ Фульд. лѣтопись подъ тотъ же 896 годъ.

не за ними. Не зная, какъ помочь бѣдѣ, они всѣ прибѣгаютъ къ стопамъ (старичка, vetuli) царя ихъ Михаила, виновника ихъ обращенія къ истинѣ, спрашиваютъ его совѣта. Михаилъ назначаетъ имъ трехдневный постъ, велитъ покаяться въ нанесенной христіанамъ обидѣ (т. е. въ войнѣ съ Греками), молить Бога о помощи. Совершивъ сіе, они вступаютъ въ жестокій бой съ врагами. Обѣ стороны сражаются упорно и наконецъ побѣда, хотя кровопролитная, достается христіанамъ. Кто возможетъ исчислить потери язычниковъ Аваровъ (Угровъ), когда на сторонѣ Болгаръ, одержавшихъ побѣду, оказалось павшими до 20,000 всадниковъ» [1]).

Кромѣ этого извѣстія Фульденской лѣтописи, у западныхъ хронистовъ нѣтъ болѣе прямого и яснаго свидѣтельства объ этой войнѣ, но къ ней обыкновенно относятъ (Дюмлеръ [2]) слѣдующее извѣстіе *Гильдесгеймскихъ* анналовъ (ann. Hildesheim.) подъ 893 г.: «Factum est bellum magnum inter Bawarios et Ungarios». Здѣсь предлагается читать вмѣсто будто-бы ошибочнаго Bawarios — *Bulgarios*, такъ какъ о войнѣ Угровъ съ Баварцами не могло-де тогда быть рѣчи. То же извѣстіе повторено и Ламбертомъ (Lambert von Hersfeld, писавшимъ въ концѣ XI в.), но подъ 892 годомъ [3]). Однако съ своей стороны мы не находимъ возможнымъ относить это извѣстіе къ войнѣ съ Болгарами, такъ какъ упомянутая догадка кажется намъ очень мало вѣроятной. Войну Угровъ съ Болгарами, мало интересовавшую дальній западъ, анналы Гильдесгеймскіе едва-ли стали бы заносить на свои страницы. Нѣтъ почти сомнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о войнѣ, веденной Нѣмцами (Баварцами). Мы бы предложили скорѣе разумѣть здѣсь войну

[1]) Переводъ Гильфердинга, Соч., т. I, стр. 88—89 («Quis enim gentilium Avarorum strages tantis congressionibus enumerando possit exponere? cum Bulgarorum, ad quos victoria concessit, numero 20 milia caesa inveniuntur». Ann. Fuld. Pertz, SS. I, p. 412—13.

[2]) Dümmler, Gesch., II, S. 443—4; Südöstl. M., S. 54.

[3]) Lamberti annales, a. 892 (M. G., SS., in usum scholarum, Hannov., 1878, p. 16): Proelium magnum factum est inter Baioarios et Ungarios.

Арнульфа съ Моравіей, такъ какъ къ этому 893 году дѣйствительно относится походъ туда Арнульфа, изъ котораго онъ съ трудомъ вернулся. Угры попали сюда ошибочно вмѣсто Мораванъ.

Вотъ всѣ извѣстія о первомъ выступленіи Мадьяръ на боевое поприще на глазахъ Европы въ союзѣ съ однимъ изъ самыхъ культурныхъ ея народовъ. Всѣ три главные разсказа историковъ объ этомъ (Георгія Амартола и заимствовавшихъ у него, Константина Багрянороднаго и Фульденскихъ анналовъ) значительно разнятся другъ отъ друга въ частностяхъ описанія, въ опредѣленіи времени самой войны, времени и послѣдовательности отдѣльныхъ ея эпизодовъ, но всѣ они сходятся въ изображеніи главныхъ моментовъ и общихъ четръ событій. Мадьяры, призванные императоромъ Львомъ, вторглись въ Болгарію, жестоко опустошили ее и на голову разбили (въ нѣсколько пріемовъ) Симеона, который самъ едва спасся. Но затѣмъ Симеонъ, оправившись и обезпечивъ себя со стороны Грековъ, отомстилъ Уграмъ, опустошивъ въ свою очередь ихъ страну, для чего воспользовался помощью Печенѣговъ и отсутствіемъ главныхъ боевыхъ силъ Мадьяръ.

Главнѣйшіе вопросы, которые подлежатъ здѣсь разбору и рѣшенію, состоятъ въ слѣдующемъ: во 1-хъ, когда началась греко-болгарская и угро-болгарская война (вопросъ, связанный съ другимъ: о времени вступленія Симеона на престолъ), т. е. въ 889-мъ ли году, или только въ 893-мъ произошло вторженіе Мадьяръ въ Болгарію? и во 2-хъ, совершилась ли месть Симеона непосредственно вслѣдъ за пораженіемъ его Мадьярами и, такимъ образомъ, признавать ли только *одну* угро-болгарскую войну съ двумя главными столкновеніями: въ такомъ случаѣ — какъ она была продолжительна? или были *двѣ* войны, раздѣленныя извѣстнымъ промежуткомъ времени, одна несчастная для Симеона, другая для него побѣдоносная: въ такомъ случаѣ — къ какимъ годамъ слѣдуетъ отнести ту и другую?

Несмотря на то, что еще въ прошломъ вѣкѣ нѣкоторые кри-

тики (Риттеръ и Паги)[1]), отвергая прямое свидѣтельство Симеона Магистра, относящаго начало этой войны къ 3-му году царствованія Льва, т. е. къ 888 году, старались доказать, что она была въ 893 г. (къ которому они относили смерть патріарха Стефана), т. е. происходила послѣ извѣстнаго похода Мадьяръ на западъ, гдѣ ими была оказана помощь Арнульфу противъ Моравaнъ (892), — несмотря на это, большинство изслѣдователей, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ числѣ которыхъ стоятъ имена Круга, Фесслера, Цейса, Шафарика, Салая, Клейна, Гильфердинга, Дринова и Иречка, не колеблясь, относятъ вмѣшательство Мадьяръ въ греко-болгарскую войну къ 889-му или 890-му году, признавая тѣмъ самымъ всѣ другія опредѣленія, основанныя, какъ увидимъ, лишь на ложномъ представленіи о царствованіи Болгарскаго князя Владиміра до 892 г. (почерпутомъ изъ Фульд. лѣтописи) — несостоятельными.

Дѣйствительно, только это послѣднее предположеніе о годѣ вступленія на престолъ Симеона могло бы подвергнуть сомнѣнію правильно вычисленный изъ свидѣтельства византійцевъ годъ угро-болгарской войны, ибо нельзя же ссылаться на другія явно ошибочныя показанія года, каковыми мы считаемъ, не говоря уже о Несторѣ, и показанія Фульденскихъ анналовъ. Если же и это предположеніе окажется безъ достаточно твердой почвы, а потому неосновательнымъ, то очевидно останется только присоединиться къ общепринятому до сихъ поръ мнѣнію, вопреки взгляду новѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, именно Дюмлера и Рёслера. Мы уже выше имѣли случай говорить о запутанности хронологіи княженія Болгарскихъ князей за это время. Хотя у византійцевъ и не имѣется прямыхъ свидѣтельствъ о началѣ царствованія Симеона, однако, въ виду всѣхъ соображеній и имѣющихся у насъ свѣдѣній, есть достаточное основаніе отнести его къ 888 году, или ужъ—

[1]) Ritter, Allgemeine Weltgeschichte. Th. V, B. I, Leipz. 1768, S. 496, Pagi, Critica Historico-chronologica in Annales ecclesiasticos Caesaris Cardinalis Baronii, Antverp. 1727, T. III, p. 750,758. Срв. Krug, Byzant. Chron., S. 20—24.

крайній срокъ—къ 889 году. Борисъ отказался отъ престола года за три передъ этимъ, а царствованіе его старшаго сына Владиміра продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ. Этому вычисленію противорѣчитъ только одно показаніе Фульденской лѣтописи, гдѣ подъ 892 годомъ говорится, что Арнульфъ возобновилъ (Тульнскій) договоръ съ Болгарскимъ княземъ Владиміромъ (Laodomer). Но зная вообще довольно частыя ошибки западныхъ хроникъ въ разсказахъ о дѣлахъ восточныхъ, мы рѣшительно не можемъ придавать важнаго значеніе этому показанію. По нашему мнѣнію, изслѣдователь только тогда вступитъ на болѣе надежный путь, когда въ рѣшеніи этихъ вопросовъ будетъ отправляться отъ болѣе извѣстнаго и опредѣленнаго къ менѣе извѣстному и тёмному, а не наоборотъ, т. е. въ опредѣленіи года угро-болгарской войны не будетъ руководствоваться безплоднымъ гаданіемъ о времени царствованія Болгарскихъ князей, а скорѣе возметъ въ основаніе своихъ расчетовъ эту самую болгарскую войну, начало которой опредѣлить при имѣющихся извѣстіяхъ во всякомъ случаѣ легче и сподручнѣе.

Симеонъ Магистръ помѣщаетъ рядомъ съ извѣстіемъ объ угро-болгарской войнѣ подъ тѣмъ же 3-мъ годомъ правленія Льва VI извѣстіе о смерти патріарха Стефана и назначеніе его преемника (Антонія). Если правда, что это событіе ошибочно отнесено къ 888 году, какъ утверждаетъ Дюмлеръ, согласно съ мнѣніемъ Паги, и должно быть отнесено къ 893 году, то мы еще не видимъ причины пріурочивать также и болгарскую войну къ тому же году, какъ поступаетъ названный изслѣдователь. Одно можетъ быть невѣрно, другое вѣрно. Никакой связи между этими двумя фактами, насколько намъ извѣстно, не было, да и не могло быть. Впрочемъ Кругъ не допускалъ и пріуроченья смерти патріарха Стефана къ 893 году, а помѣщалъ ее въ маѣ 889 года[1]). Итакъ и это основаніе нѣмецкаго критика оказывается шаткимъ. Ссылка на Гильдесгеймскіе анналы, которые, во всякомъ слу-

[1]) Krug, Byzant. Chronol., S. 23.

чаѣ только по совершенно произвольной догадкѣ ученыхъ, говорятъ будто-бы о той же войнѣ подъ 893 годомъ, тоже оказывается несостоятельною, слѣдовательно еще менѣе дѣйствительна для защиты разбираемаго положенія. Если же, такимъ образомъ, не выдерживаютъ критики доказательства, приводимыя въ пользу хронологіи Паги, Дюмлера и Рёслера и ихъ послѣдователей, то уже рѣшительно противъ нихъ говорятъ историческая логика событій, ихъ связь и послѣдовательность, каковыми онѣ должны представляться всякому безпристрастному изыскателю.

Во-первыхъ трудно предположить, чтобы Угры, эти хищные кочевники, выказавшіе свою воинственность уже въ южной Руси (въ «Лебедіи»), отъ времени своего прибытія въ Ателькузу (885) до 893 года мирно сидѣли на Дунаѣ и не предпринимали набѣговъ въ богатыя задунайскія области. Далѣе, что Угры въ 892 году оказали содѣйствіе Арнульфу—это несомнѣнно, а что Арнульфъ самъ и вполнѣ сознательно призвалъ ихъ полчища себѣ на помощь съ цѣлью тѣмъ вѣрнѣе сломить стойкость моравскихъ Славянъ, въ этомъ тоже врядъ-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, вопреки всяческимъ стараніямъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ отстранить отъ Арнульфа эту роль. Но если послѣдній рѣшился на такой шагъ, то онъ очевидно долженъ былъ уже имѣть вѣрныя свѣдѣнія о Мадьярахъ и о ихъ пригодности для той цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду; онъ дѣйствовалъ безъ сомнѣнія на основаніи слуховъ о военной силѣ Угровъ, а такіе слухи не могли возникнуть даромъ. Мадьярская орда должна была уже заявить себя чѣмъ-либо до 892 года, и эту-то извѣстность она стяжала не иначе, какъ въ болгарской войнѣ 889 года [1]). Однимъ словомъ намъ кажется совершенно яснымъ, что угро-болгарская война, т. е. собственно пораженіе Симеона предшествовало вовлеченію Мадьяръ въ борьбу Славянъ и Нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ.

[1]) Съ другой стороны Левъ VI долженъ былъ узнать о Мадьярахъ, какъ только они расположились близь Дуная, а отъ союза съ ними онъ не могъ ожидать ничего кромѣ выгоды (срв. Rambaud, o. c., p. 354—6): оттого онъ, не задумываясь, и не медля призвалъ ихъ на помощь противъ Болгаръ.

Арнульфъ, прослышавъ о грозной силѣ Мадьяръ и нанимая ихъ полчища, имѣлъ въ виду по всей вѣроятности и то соображеніе, что воспользоваться новымъ опаснымъ сосѣдомъ для собственныхъ цѣлей и задобрить его дарами было вѣрнѣе, чѣмъ ждать, чтобъ онъ обрушился на самые предѣлы германскихъ владѣній. Расчетъ его, какъ показали событія, оказался не совсѣмъ вѣрнымъ, хотя впрочемъ врядъ-ли и другая политика относительно Мадьяръ была бы въ состояніи удержать дальнѣйшее ихъ движеніе на западъ. Затѣмъ надо принять во вниманіе, что въ 894 году, какъ мы знаемъ изъ Фульденской лѣтописи, былъ произведенъ Мадьярами набѣгъ на Моравію и Паннонію. Могло ли бы это быть, еслибъ въ 893 году началась угро-болгарская война? Едва-ли. Въ 894 году Мадьяры должны были бы быть слишкомъ заняты этой войной и не стали бы разъединять своихъ силъ. Наконецъ еще одно соображеніе. Въ Византіи не могли не быть извѣстны дружественныя отношенія Франковъ къ Болгарамъ. Въ 892 году эти отношенія выразились въ договорѣ противъ Моравіи. Могъ ли императоръ Левъ VI въ 893 году явно вооружить Угровъ противъ Болгаръ, не подвергаясь опасности вооружить въ свою очередь противъ себя Франковъ. Это не было въ духѣ осторожной византійской политики [1]).

Итакъ если принять, что греко-болгарская война, изъ-за притѣсненія Болгаръ въ торговыхъ дѣлахъ, началась въ 888 году, что всего вѣроятнѣе, то вторженіе Мадьяръ въ Болгарію и побѣда надъ Симеономъ должны были произойти въ слѣдующемъ, т. е. 889 году [2]). Нѣкоторымъ подтвержденіемъ

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется еще возвратиться къ этому вопросу и привести еще кое-какіе доводы въ пользу нашего опредѣленія.

[2]) Ошибочно относитъ угро-болгарскую войну уже къ 888 г. мадьярскій ученый Szabó въ своей монографіи объ этой войнѣ (Neues Ungar. Museum, 2 T. IX, 515); см. хорватскій переводъ ея, снабженный поправками и дополнительными примѣчаніями: «Bulgarsko-magyarski rat godine 888», preveo iz magyarskoga B. V. s opazkami uredničtva, помѣщенъ у Кукулевича въ «Arkiv za povjest jugoslov.», kn. IX, Zagreb, 1868. Вѣрное опредѣленіе года (889) мы на-

этого можетъ служить упомянутое нами выше извѣстіе Регинона, который, хотя и умалчиваетъ объ этой войнѣ, но подъ тѣмъ же 889 годомъ говоритъ о переселеніи Угровъ изъ ихъ донскихъ жилищъ, и этимъ какъ-бы подтверждаетъ, что первая молва о нихъ въ западной Европѣ разнеслась въ этомъ году.

Мадьяры, какъ кочевой народъ, искавшій только случая пограбить и поживиться на чужой счётъ, не могли не принять съ радостью предложенія Грековъ, тѣмъ болѣе, что оно еще сопровождалось вѣроятно щедрыми подарками. Пока Симеонъ находился въ походѣ противъ сухопутнаго греческаго войска, отправленнаго Львомъ подъ начальствомъ Никифора Ѳоки, греческое судно переправило Мадьяръ черезъ Дунай[1]). Императоръ Константинъ Багрянородный (De A. I., c. 52) не упустилъ случая сообщить разсказъ о подвигѣ одного грека Баркаласа при этой переправѣ, совершенномъ на глазахъ варваровъ Мадьяръ, разсказъ, который не могъ не льстить греческому самолюбію. Мадьярами предводительствовали въ этомъ предпріятіи по Георгію Амартолу— Арпадъ и Курсанъ (Κουρσάνη), по Константину Багрянородному— Ліунтинъ, сынъ Арпада. Мы не беремся рѣшать этого вопроса о предводительствѣ, такъ какъ для того нѣтъ никакихъ твердыхъ точекъ опоры[2]). Можно предположить, что Арпадъ самъ повелъ Мадьяръ въ это первое предпріятіе изъ вновь занятой страны. Охранять послѣднюю на это время онъ поручилъ можетъ быть своему сыну (Ліунтину?).

Переправившись черезъ Дунай, Угры, разумѣется, предались грабежу и насиліямъ надъ мирнымъ населеніемъ. Какъ

ходимъ у Цейса (стр. 752), Муральта (Chronogr., p. 470—1), Шафарика (II, 1 кн., стр. 307—308), Салая (Gesch., S. 5—6), Иречка (пер. Бруна, стр. 202—203) и у друг.

[1]) Мадьярскій ученый Jerney (Keleti utazása, t. I, p. 16) полагаетъ, что слѣдъ этой переправы Мадьяръ находится въ имени мѣстечка (деревушки) близъ Галаца—Vad-Ungar, которое означаетъ именно *Угорскій бродъ, переправу*. См. ст. Szabó, ibid., стр. 38, прим.; Sayous, p. 20.

[2]) См. соображенія г. *Сабо* по этому поводу (тамъ-же), не приводящія однако ни къ какому рѣшительному выводу.

только слухъ объ этомъ бѣдствіи дошелъ до Симеона, онъ, оставивъ вѣроятно часть войска для сопротивленія Никифору Ѳокѣ, бросился на встрѣчу нежданнымъ врагамъ, которые въ свою очередь приготовились къ столкновенію. Симеонъ въ этихъ сраженіяхъ (по разсказамъ императора Льва) былъ разбитъ и долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ: онъ едва успѣлъ скрыться и запереться въ крѣпость города Доростола или Дистры (Дристы), какъ его называютъ византійцы (нын. Силистрія)[1]). Константинъ Багрянородный вмѣсто Доростола называетъ городъ *Мундрагу*, какъ мѣсто спасенія Симеона. О положеніи этой Мундраги мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. Одни полагаютъ, что это совершенно другой городъ, въ который Симеонъ принужденъ былъ бѣжать изъ Доростола, вторично спасаясь отъ Угровъ[2]), другіе — что Мундрага (у Георгія Ам. Μουδάγρα, у Льва Грамм. Μουλδάγρα) есть только другое названіе той же крѣпости Дристы[3]). Первое предположеніе кажется намъ правдоподобнѣе. Во всякомъ случаѣ ясно, что Симеонъ былъ на голову разбитъ, войско его разсѣяно и что онъ пока могъ только думать о собственномъ спасеніи. Мадьяры же безпрепятственно опустошили Болгарію, по свидѣтельству Константина, до самой Преславы (Πρεσθλάβου)[4]), а затѣмъ вернулись въ свой «Ателькузу» съ громадной добычей и массою плѣнныхъ, которыхъ потомъ выгодно продали Грекамъ. Этимъ и кончился первый актъ угро-болгарской войны.

Что Симеонъ, и передъ тѣмъ и впослѣдствіи столь счастливый въ войнахъ съ Византіей, не могъ устоять противъ Угровъ, этихъ безпорядочныхъ полчищъ кочевниковъ, совершенно естественно. Здѣсь повторилось только общее явленіе, что войско осѣд-

[1]) Шафарикъ, II, 1 кн., стр. 360.

[2]) Fessler, S. 252—253; Иречекъ, (пер. Бруна), стр. 202.

[3]) Thunmann, S. 150; Szabó, тамъ же, стр. 40, прим.

[4]) Вѣроятно здѣсь разумѣется такъ называемая *Великая Преслава*, столица Болгаріи, находившаяся на мѣстѣ древняго Марціанополиса. Срв. Шафарикъ, II, 1 кн., стр. 359.

лаго народа, руководимое даже самымъ опытнымъ вождемъ, обыкновенно не выдерживаетъ въ своей странѣ стремительнаго набѣга воинственныхъ кочевниковъ, которые постоянно имѣютъ успѣхъ и достигаютъ своихъ хищническихъ цѣлей, несмотря на нестройность своихъ полчищъ и свое сравнительно плохое вооруженіе. Причины такого явленія совершенно понятны; что же касается Симеона, то его пораженіе тѣмъ понятнѣе, что военныя силы его были весьма ограничены, такъ какъ часть ихъ была занята на югѣ.

По удаленіи Мадьяръ Симеонъ началъ переговоры о мирѣ съ Византійскимъ императоромъ. Но съ этого момента оба разсказа византійцевъ значительно расходятся.

По словамъ Георгія Амартола, Льва Грамматика и прочихъ, Симеонъ, затянувъ переговоры съ Греками и даже засадивъ въ темницу ихъ посла, немедленно рѣшился отомстить Миграмъ, оставшимся безъ греческой помощи, и дѣйствительно, предпринявъ противъ нихъ походъ, произвелъ у нихъ страшную рѣзню («почти всѣхъ ихъ истребилъ» [1]). Гордый своей побѣдой, онъ потребовалъ у императора своихъ плѣнныхъ и, только получивъ ихъ, заключилъ миръ.

Разсказъ Константина Багрянороднаго о мести Симеона нѣсколько иной: на основаніи его словъ можно предположить нѣкоторый промежутокъ времени, перерывъ можетъ быть въ одинъ или два года между несчастной для Симеона войной и его жестокой расправой надъ беззащитными Миграми въ ихъ собственной странѣ. По Константину, Симеонъ обезпечилъ себя сначала со стороны Грековъ, т. е. заключилъ съ ними миръ, затѣмъ уже собравшись съ силами, на что всетаки нужно было время, пошелъ учинить расправу надъ своими задунайскими врагами; но и тутъ онъ поступилъ очень осмотрительно и принялъ всѣ мѣры, чтобы успѣхъ былъ вѣрнѣе: во 1-хъ, слѣдуя византійской политикѣ, онъ подговорилъ, вѣроятно тоже съ помощью подарковъ, Печенѣговъ, этихъ исконныхъ злыхъ враговъ Ма-

[1]) Во всякомъ случаѣ этотъ результатъ сильно преувеличенъ.

дьяръ, одновременно съ нимъ вторгнуться въ ихъ землю, а во 2-хъ для осуществленія своего плана онъ дождался того момента, когда Угры, т. е. ихъ боевые отряды, вѣроятно успокоенные разгромомъ болгарскихъ силъ, предприняли какой-то другой походъ. Вторгнувшись вмѣстѣ съ Печенѣгами въ землю Мадьяръ, онъ учинилъ кровавую, безпощадную расправу надъ ихъ беззащитными семействами и оставшимся дома мужскимъ населеніемъ: часть поплатилась при этомъ жизнью[1]), а часть нашла кое-какъ спасеніе въ бѣгствѣ.

Сравненіе этихъ двухъ разсказовъ положительно заставляетъ признать бо́льшую степень правдоподобія и логичности за вторымъ. Трудно предположить, чтобы Симеонъ, разбитый и самъ едва спасшійся, не обезпечивъ себя миромъ съ Греками, а напротивъ коварно обманувъ ихъ и засадивъ ихъ посла, не успѣвъ оправиться отъ полнаго разгрома, рѣшился немедленно возобновить борьбу съ Уграми и такъ легко отомстилъ имъ. Съ другой стороны—все, что разсказываетъ Багрянородный о дѣйствіяхъ Симеона, совершенно естественно и понятно, а потому нельзя не отдать предпочтенія его повѣствованію.

Что касается времени вторженія Симеона въ Ателькузу, то дѣло вѣроятно было такъ: къ концу 889 года Мадьяры вернулись изъ Болгаріи. Слѣдующіе два года (890—891) были употреблены Симеономъ на переговоры и миръ съ Греками, на подготовленіе къ отомщенію Works Уграмъ, на сношенія съ Печенѣгами. Наконецъ въ 892 году представился благопріятный случай и планъ Симеона могъ осуществиться. Сопоставляя извѣстіе Константина Багрянороднаго о какомъ-то предпріятіи Угровъ, которымъ воспользовался Симеонъ (οἱ Τοῦρκοι πρὸς ταξείδιον ἀπῆλθον), съ свидѣтельствомъ западныхъ лѣтописцевъ объ участіи ихъ въ походѣ Арнульфа противъ Мораванъ въ 892 г., многіе ученые при-

[1]) По мнѣнію нѣкоторыхъ, охрана страны была поручена Арпадомъ своему сыну Ліунтину (Λιούντινα, о которомъ упоминаетъ Константинъ Багрянородный, De A. I., c. 40, p. 172), который былъ-де также убитъ ожесточенными мстителями. Срв. Horvath, S. 6.

шли къ заключенію, что тутъ по всей вѣроятности рѣчь идетъ о томъ же самомъ походѣ Мадьяръ на западъ; дѣйствительно, такое заключеніе должно быть признано вполнѣ основательнымъ и вѣроятнымъ, а въ такомъ случаѣ и опустошеніе мадьярской земли Болгарами и Печенѣгами остается только отнести къ 892 году, а не къ 894-му, какъ это дѣлаютъ критики, относящіе начало угро-болгарской войны къ 893 году [1]).

Мы видѣли, что свидѣтельства византійцевъ подтверждаются еще одною западною лѣтописью, именно Фульденскими анналами; этотъ третій разсказъ объ угро-болгарской войнѣ близокъ къ остальнымъ двумъ, нами разобраннымъ, хотя и заключаетъ въ себѣ кое-что свое, оригинальное. Всѣ столкновенія Угровъ съ Болгарами представляются здѣсь непосредственно другъ за другомъ слѣдующими: Симеонъ въ двухъ сраженіяхъ терпитъ пораженіе; прежде чѣмъ продолжать войну, Болгаре обращаются за совѣтомъ къ старцу Михаилу, бывшему своему царю и «виновнику ихъ обращенія къ истинѣ». Очистивъ себя, по его совѣту, постомъ, покаяніемъ и молитвою, они снова вступаютъ въ борьбу съ Мадьярами, послѣ упорной и кровопролитной битвы они осиливаютъ наконецъ врага; но побѣда имъ достается дорогою цѣной: по словамъ лѣтописца, «на сторонѣ Болгаръ, одержавшихъ побѣду, оказалось павшими до 20,000 всадниковъ». Это послѣднее извѣстіе для насъ не совсѣмъ ясно. Если тутъ идетъ рѣчь о той же окончательной расправѣ Симеона съ Мадьярами, о которой говорятъ византійцы, то извѣстію о потерѣ 20,000 всадниковъ, т. е. вообще о столь большой потерѣ со стороны Болгаръ весьма трудно повѣрить. Скорѣе нельзя ли предположить, что здѣсь разумѣется третья стычка Симеона съ Уграми 889 года, въ которой побѣда досталась всетаки Мадьярамъ, хотя можетъ быть не рѣшительная, а потому могла быть приписана Болгарами себѣ? Любопытна одна черта въ этомъ разсказѣ — обращеніе Болгаръ за совѣ-

[1]) Dümmler, Südöstl. M., S. 55, и другіе.

томъ къ своему бывшему князю (въ то время уже монаху), Михаилу.

Разобравъ всѣ имѣющіяся свидѣтельства о первомъ вмѣшательствѣ мадьярской орды въ европейскія международныя отношенія, повторимъ вкратцѣ наши выводы, отвѣчая на поставленные выше два вопроса:

1) Война Симеона съ Греками началась въ 888 году, вѣроятно очень скоро по вступленіи Симеона на болгарскій престолъ, а вторженіе Угровъ въ Болгарію, по призыву императора Льва VI, и троекратная побѣда надъ Симеономъ произошла въ 889 году, (а не въ 893-мъ, какъ старались доказать вышеназванные нѣмецкіе ученые).

2) Слѣдуетъ признать не одну угро-болгарскую войну, а скорѣе *двѣ*, или по крайней мѣрѣ *два различныхъ акта* въ сущности той же самой борьбы, но возобновленной послѣ 2-хъ лѣтняго перерыва. Первый ея актъ начался и окончился въ 889 году и былъ несчастливъ для Болгаръ, второй совершился въ 892 году и былъ ихъ торжествомъ. Хотя онъ разразился великимъ бѣдствіемъ для Мадьяръ, однако вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ближайшимъ поводомъ ихъ переселенія на новую родину, гдѣ судьба готовила имъ столь блестящую будущность [1]).

Толпы Угровъ, уцѣлѣвшихъ и бѣжавшихъ отъ кровавой расправы Симеона и Печенѣговъ, по соединеніи съ остальными мадьярскими полчищами, отпущенными Арнульфомъ послѣ моравскаго похода, были увлечены общимъ движеніемъ, съ цѣлью перекочевать въ привлекавшую ихъ среднедунайскую равнину.

Есть впрочемъ предположеніе, что небольшая часть этихъ спасшихся Угровъ была отброшена болгаро-печенѣжскимъ погромомъ на сѣверъ и укрылась въ горахъ Карпатскихъ. Размно-

[1]) Мы видѣли, что извѣстіе объ угро-болгарской войнѣ въ Фульденской лѣтописи (895, 896) относится къ той же войнѣ (889—892 г.) и заключаетъ въ себѣ только хронологическую ошибку (о ней еще рѣчь впереди), а потому нѣтъ никакого основанія говорить объ *особомъ* столкновеніи Угровъ съ Болгарами въ эти годы, какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки (Roesler, R. St., S. 161).

жившіеся потомки этихъ Мадьяръ распространились будто-бы впослѣдствіи на весь юговосточный уголъ Трасильваніи. Такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ многіе происхожденіе мадьярскаго племени *Секлеровъ* [1]). Кстати нѣсколько словъ объ этихъ послѣднихъ. О нихъ очень долго держалось нелѣпое мнѣніе, возникшее еще въ средніе вѣка и особенно распространенное среди самихъ Секлеровъ, что они происходятъ отъ Гунновъ, удержавшихся въ горахъ Трансильваніи [2])? Наиболѣе вѣроятное рѣшеніе вопроса о Секлерахъ, о происхожденіи которыхъ высказано не мало предположеній [3]), состоитъ въ томъ, что они представляютъ просто вышедшую впослѣдствіи изъ Угріи мадьярскую колонію, безъ сомнѣнія съ цѣлью защиты восточной границы отъ внѣшнихъ непріятелей (Кумановъ, Татаръ), на что нѣсколько наме-

[1]) Энгель (Engel, Gesch. d. Ung. Reiches, I, S. 61) считаетъ Секлеровъ— мадьярскими «бѣглецами» (szökevény отъ szökni, преслѣдовать). Такое же происхожденіе приписывалъ имъ сначала и Дюмлеръ въ Südöstl. Mark., S. 55; Szalay, Gesch. Ung. I, S. 11, Anm.; Fessler-Klein, 1867, I, S. 25.

[2]) Такой взглядъ, высказанный впервые у Анонима (Mon. Arp. Endlicher, p. 46: et omnes Siculi, qui primo erant populi Athile regis...) повторяется послѣдующими мадьярскими историками, Симономъ Кезой (Endlicher, p. 100) и Турочемъ (Thworcz., см. Schwandtner, p. 78). Такимъ образомъ онъ существовалъ уже въ XIII в. Къ вопросу о происхожденіи этого взгляда Марцали приводитъ слѣдующее соображеніе: Въ сочиненіи польск. истор. Богухвала (серед. XIII в.) говорится, что по хроникѣ Мартина Гунны пришли изъ горъ *Сициліи* въ Паннонію и назвали тамошнихъ жителей Уграми. Хроника Мартина была очень распространена въ XIII вѣкѣ; однако въ ней читаемъ мы *Scicia* вм. Сициліи. Это названіе Scicia приняли за Sicilia и жителей Сикульскихъ горъ отождествляли съ прибывшими Гуннами Аттилы. См. Marczali, o. c., S. 634—5. Противъ гуннскаго происхожденія Секлеровъ, въ отвѣтъ на брошюру «о скиѳо-гуннскомъ происхожденіи С.» (Ioh. Nagy, Klausenb., 1879) написалъ недавно статью Гунфальви: «Székelyek. Felelet a Székelyek Scytha-hun eredetüségére», Budapest, 1880, въ которой онъ разъясняетъ вообще происхожденія гуннской сказки и останавливается на языкѣ Секлеровъ, свидѣтельствующемъ о сравнительно позднемъ отдѣленіи ихъ отъ Мадьяръ собственной Угріи. См. объ этой статьѣ Literarische Berichte aus Ungarn, изд. Гунфальви, IV B., 2 H., 1880, Literatur, S. 315—320.

[3]) Шафарикъ (Сл. Древн., II, кн. 1, стр. 339, 369) высказываетъ предположеніе о происхожденіи имени *Секеловъ* (т. е. Секлеровъ) отъ славянскаго племени Сакулатовъ, которые омадьярились. Однако такое сближеніе не можетъ выдержать строгой критики.

каетъ и самое имя ихъ [1]). Въ пользу такого мнѣнія свидѣтельствуетъ почти полнѣйшее тождество языка Секлеровъ и Мадьяръ, что̀ едва-ли было бы возможно, еслибъ ихъ раздѣленіе произошло уже въ концѣ IX вѣка, въ эпоху ихъ еще совершенно некультурнаго состоянія. Сближеніе Секлеровъ съ именемъ страны *Эсегель* у Ибнъ-Дасты и у позднѣйшаго географа Абульфеды, сдѣланное Дефремри и Хвольсономъ, какъ мы уже видѣли выше, нельзя назвать удачнымъ [1]).

Итакъ послѣ катастрофы 892 года переселеніе Мадьяръ въ ихъ нынѣшнюю родину было дѣломъ уже ничѣмъ не отвратимымъ и неизбѣжнымъ. Это вторженіе чуждой и хищной восточной орды въ земли средняго Дуная конечно не могло не произвести глубокаго переворота въ судьбѣ жившихъ здѣсь народовъ. Сущность же его должна была опредѣлиться этническими

[1]) Roesler, Romän. Stud. S. 335, который рѣшительно отвергаетъ предыдущее мнѣніе; Tomašek въ рецензіи на него (Zeitschr. f. österr. Gymn., B. XXIII, S. 148); Гунфальви (S. 213) относитъ это переселеніе ко времени не ранѣе Владислава Святаго.—Имя Секлеровъ (Székely) производятъ отъ мадьярскаго слова *szék* (поселеніе, владѣніе); székely=szék—elv, szék—elö значитъ собственно «по ту сторону владѣнія», т. е. *марка*, граница, подобно тому, какъ имя Трансильваніи по мадьярски *Erdély*=erdö—elv значитъ «за лѣсомъ, по ту сторону лѣса» (Transsilvania); или еще Szék—elyi значитъ *житель марки*, граничаръ. Подтвержденіемъ такого производства служитъ то обстоятельство, что въ старину существовали Секлеры (граничары) и на западной границѣ Угріи, въ комитатахъ Эденбургѣ, Пресбургѣ и Нитрѣ (особенно были извѣстны Секлеры мѣстечка Vág'а въ Эденбургскомъ комитатѣ). Такимъ образомъ имя Секлеровъ не есть собственно имя народности, а означаетъ просто *пограничную стражу*, *граничаръ*; см. Hunfalvy, Etnogr., S. 201—202. Шлёцеръ видѣлъ въ Секлерахъ тоже «пограничныхъ стражей», а по національности считалъ ихъ за мадьяризованныхъ *Куманов*ъ (Gesch. der Deutschen in Siebenbürgen, S. 208), но противъ этого говоритъ ихъ языкъ, совершенно тождественный съ языкомъ прочихъ Мадьяръ. Шлёцеру послѣдовалъ въ этомъ вопросѣ и Дюмлеръ въ своей Gesch. d. Ostfr. R. II, S. 444, хотя онъ же ранѣе (Südöstl. Mark., S. 55) высказался въ пользу мнѣнія Энгеля. Срв. еще Krones, Handbuch der Gesch. Oesterr., 6 Liefer., S. 563—564.

[1]) Defrémery, Fragments de géographes et d'historiens arabes etc. Paris, 1847, p. 22. Хвольсонъ, Извѣстія о Хазарахъ и т. д. Спб. 1869, стр. 95—97. Его основательно опровергаетъ Рёслеръ, R. St., S. 335—337; Куникъ, въ Прилож. къ Извѣстіямъ Ал-Бекри, изд. Розеномъ, стр. 156.

и политическими отношеніями, существовавшими въ тотъ моментъ между этими народами, отношеніями, о которыхъ была уже рѣчь въ первыхъ главахъ нашего изслѣдованія и къ которымъ мы теперь возвратимся.

IV.

ПОСЕЛЕНІЕ МАДЬЯРЪ НА СРЕДНЕМЪ ДУНАѢ И ТИССѢ И ИХЪ ТОРЖЕСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ МОРАВІЕЙ И ВОСТОЧНО-ФРАНКСКОЙ ДЕРЖАВОЙ.

1.

Угры перекочевываютъ изъ «Ателькузу» въ тиссо-дунайскую равнину (893—894 г.). Ихъ новыя жилища. Впечатлѣніе, ими произведенное на западѣ. Роль Арнульфа въ ихъ переселеніи.

Тотъ историческій моментъ, на которомъ мы остановились въ прошлой главѣ, въ изложеніи мадьярскаго переселенія, былъ тяжелымъ и вмѣстѣ рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи Мадьяръ. Испытавъ жестокій ударъ отъ своихъ исконныхъ враговъ Печенѣговъ и новыхъ, Болгаръ, имъ оставалось одно изъ двухъ: или остаться въ прежнихъ жилищахъ, еще пока не занятыхъ Печенѣгами, и, ожидая новаго столкновенія съ болѣе сильнымъ врагомъ, защищаться до послѣдней крайности и разумѣется обречь себя такимъ образомъ окончательному разгрому и почти вѣрной гибели, или искать счастія и новаго пристанища да-

лѣе, на другой сторонѣ, гдѣ-нибудь на западѣ, куда имъ отчасти уже была знакома дорога [1]).

Инстинктъ самосохраненія и другіе, хищные инстинкты полудикаго и кочевого племени не дали разумѣется Мадьярамъ колебаться въ этомъ случаѣ. Къ тому же ихъ полчища, помогавшія Арнульфу громить Моравію, уже успѣли присмотрѣться къ странѣ, которая своей природой и выгоднымъ географическимъ положеніемъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала ихъ вкусамъ и желаніямъ, которая должна была привлекать ихъ своимъ характеромъ, столь имъ роднымъ и знакомымъ.

Страна эта, широкая, степная и низменная равнина средняго Дуная и Тиссы, почти вовсе не населенная, въ которой лишь кое-гдѣ скрывались ничтожные, разрозненные остатки аварской орды, была у нихъ подъ рукой и завладѣть ею, какъ они предвидѣли, имъ не стоило бы большихъ усилій. Туда-то Мадьяры и рѣшились перекочевать изъ ставшаго опаснымъ для нихъ «Ателькузу» съ остатками своихъ семействъ, своихъ стадъ и прочаго подвижного имущества.

Когда именно, т. е. въ какомъ году совершилось это переселеніе, опредѣлить довольно трудно, такъ какъ ни у византійцевъ, ни у западныхъ лѣтописцевъ не сохранилось объ этомъ прямого извѣстія или хоть сколько-нибудь яснаго указанія. Большинство историковъ ставитъ это переселеніе въ непосредственную связь съ болгаро-печенѣжской расправой въ Ателькузу, а такъ какъ это событіе относятъ обыкновенно къ 894—895 г., то и переселеніе пріурочивается къ этимъ же годамъ [2]). Такое вычисленіе не предполагаетъ слѣдовательно никакого промежутка времени ме-

[1]) Послѣ всего нами уже высказаннаго объ извѣстіяхъ Нотарія кор. Бѣлы и о мнимомъ пути Мадьяръ черезъ Карпаты, мы считаемъ излишнимъ опять возвращаться къ этому вопросу, признавая разсказы мадьярскихъ хронистовъ недобросовѣстной выдумкой, не заслуживающей болѣе подробнаго разсмотрѣнія, особенно въ виду всѣхъ тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя свидѣтельствуютъ въ пользу противоположнаго мнѣнія.

[2]) Dümmler, Südöst. Mark., S. 55; 895 г. вычисленъ еще Катоной (Histor. critica primor. ducum Hungariae, p. 163).

жду этими двумя дѣйствительно тѣсно связанными другъ съ другомъ фактами. Однако есть ли необходимость предполагать, что Мадьяры, узнавъ о постигшемъ ихъ страну бѣдствіи, немедленно всею ордою устремились въ тиссо-дунайскую равнину? Въ дошедшихъ до насъ скудныхъ извѣстіяхъ мы не находимъ основанія для такого заключенія.

Печенѣги, опустошивъ вмѣстѣ съ Болгарами жилища Мадьяръ, не заняли ихъ тотчасъ же, а вернулись къ себѣ. Константинъ Багрянородный разсказываетъ, что Мадьяры нашли свою страну «пустою и разграбленною» [1]), слѣдовательно Печенѣги еще не расположились тамъ. Это и понятно, потому что не вся орда, а только часть вооруженныхъ силъ Печенѣговъ приходила Болгарамъ на помощь. Ничто не мѣшало Мадьярамъ еще на нѣкоторое время остаться на нижнемъ Дунаѣ, чтобы дать возможность собраться разбѣжавшимся въ разныя стороны остаткамъ потерпѣвшей части орды и сообща рѣшить, чтò предпринять при такихъ обстоятельствахъ. Вѣроятнѣе впрочемъ, что они тогда же подвинулись на западъ и расположились на время за р. Алутой (Ольтой), въ нынѣшней Малой Валахіи [2]).

Мы признали выше, что болгаро-печенѣжское предпріятіе въ Ателькузу должно быть отнесено къ 892 г. (а не 894—5 г., какъ принимаютъ другіе). Имѣя въ виду временную стоянку Мадьяръ въ западной части Валахіи, можно предположить, что не ранѣе исхода 893 г. было принято окончательное рѣшеніе перекочевать вдоль по Дунаю, у такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ» въ средне-дунайскую равнину [3]). А къ началу 894 г. слѣдуетъ отнести

[1]) Const. P. De adm. imp., cap. 40 p. 175: οἱ δὲ Τοῦρκοι ὑποστρέψαντες, καὶ τὴς χώραν αὐτῶν εὑρόντες ἔρημον καὶ κατηφανισμένην....

[2]) Roesler, Rom. Stud., S. 161.

[3]) Такъ какъ здѣсь, у такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ», гдѣ Дунай стѣсненъ высокими гористыми берегами, Угры вѣроятно не могли пройти непосредственно вдоль рѣки по ея берегу, то надо предположить, что они проникли въ тисскую равнину горными долинами на сѣверъ отъ Желѣзныхъ Воротъ, ибо край этотъ сравнительно довольно доступенъ и особенныхъ препятствій для прохода конной орды представить не могъ.

осуществленіе этого предпріятія. Такой расчетъ совершенно согласуется съ тѣмъ, что Мадьяры повидимому еще 894 г., перейдя черезъ Дунай, совершили опустошительный набѣгъ въ предѣлы Панноніи [1]). Мы видѣли, что этотъ 894-ый или слѣдующій 895-ый годъ обыкновенно признается и другими изслѣдователями годомъ поселенія Мадьяръ въ новой родинѣ. Но пріурочивая и мщеніе Болгаръ къ тому же сроку, они принуждены скучивать всѣ эти событія въ промежутокъ времени, очевидно слишкомъ для нихъ краткій [2]).

Новая территорія досталась Мадьярамъ повидимому безъ борьбы и безъ особенныхъ потерь. Здѣсь не было политической силы, которая могла бы оказать имъ сопротивленіе и хоть сколько-нибудь задержать ихъ движеніе. Болгаре уже со времени прихода Угровъ на нижній Дунай предоставили свой сѣверо-дунайскій край на произволъ судьбы и перестали о немъ заботиться, считая его и безъ того для себя потеряннымъ. Другіе западные сосѣди, т. е. Восточно-франкская держава и Моравія достаточно не сознавали еще опасности отъ новыхъ пришельцевъ и притомъ были до того поглощены борьбой и ослѣплены взаимной враждой, что забывали все остальное и во́-время не обратили должнаго вниманія на надвигавшуюся съ востока грозу. Они опомнились только тогда, когда ихъ общій врагъ уже расположился у нихъ подъ бокомъ и сталъ безпощадно свирѣпствовать въ ихъ владѣніяхъ. О мѣстности первоначальныхъ кочевьевъ Мадьяръ мы не имѣемъ прямыхъ историческихъ извѣстій, но можемъ съ полнымъ вѣроятіемъ судить о ней, имѣя въ виду съ одной стороны природный характеръ нынѣшней угорской территоріи, съ другой—племенной характеръ и наклонности мадьярской орды въ ту еще первобытную эпоху ея жизни. Мадьяры безъ сомнѣнія заняли

[1]) Ann. Fuld., 894: Avari, qui dicuntur Ungari, in his temporibus ultra Danubium peragrantes... totam Pannoniam usque ad internecionem deleverunt.

[2]) Нѣкоторое время было потрачено Мадьярами безъ сомнѣнія на развѣдки, безъ которыхъ они, будучи вообще очень осторожны, едва-ли рѣшились бы подняться и двинуться всею ордою.

прежде всего ближайшую къ ихъ прежнимъ жилищамъ равнину по обѣ стороны Тиссы и затѣмъ пространство между Тиссой и Дунаемъ [1]), гдѣ некому было у нихъ оспаривать землю и гдѣ было привольно и безопасно какъ имъ самимъ, такъ и многочисленнымъ стадамъ ихъ. Широкія и тучныя пастбища, обильныя водой и рыбой рѣки, мѣстности, удобныя для охоты на птицъ и звѣрей, повсюду просторъ и необозримая равнина, — чего еще лучшаго было желать кочевой ордѣ переселенцевъ съ востока?

Единственными обитателями этого пустыннаго края могли быть крайне немногочисленные остатки Аваровъ, нѣкогда бѣжавшихъ сюда отъ неумолимаго меча Франковъ; [2]) но эти коегдѣ разбросанныя аварскія поселенія не могли быть помѣхой Мадьярамъ: Авары конечно безъ сопротивленія отдались во власть послѣднихъ и вѣроятно приняли участіе въ ихъ походахъ на западъ [3]).

Однако Мадьяры очень недолго довольствовались первоначально занятымъ пространствомъ. Изъ центральной тиссо-дунайской равнины они не замедлили раздвинуть предѣлы своихъ владѣній на сѣверъ и востокъ и мало по малу распространить свою власть до отроговъ Карпатскихъ на сѣверъ, до горъ трансильванскихъ на востокъ. Только одна природа могла положить предѣлъ расширенію ихъ господства.

Славянское населеніе, которое начиналось въ болѣе возвышенной полосѣ и становилось гуще по мѣрѣ приближенія къ горамъ, было отчасти покорено办 Уграми, отчасти бѣжало и находило вѣрное убѣжище въ горахъ. Въ то же время Угры подвигались и на западъ. Послѣ первыхъ походовъ за Дунай они стали распространяться въ старой Панноніи: въ моравскихъ

[1]) Въ этихъ мѣстностяхъ и понынѣ мадьярское населеніе сохранилось всего чище, безъ примѣси другихъ національностей.

[2]) Остатки Гепидовъ едва-ли могли еще держаться тогда въ дунайской равнинѣ.

[3]) Можетъ быть этимъ объясняется наименованіе Мадьяръ *Аварами* въ нѣкоторыхъ западныхъ источникахъ.

владѣніяхъ (бывшемъ княжествѣ Коцела), а впослѣдствіи перешли и на франкскую территорію. Не особенно многочисленные Славяне Панноніи были также частью покорены, частью оттѣснены въ горы нынѣшней Штиріи и Каринтіи.

Константинъ Багрянородный, говоря о переселеніи Мадьяръ изъ «Ателькузу» въ новую родину, опредѣляетъ мѣстоположеніе послѣдней (въ его время) пятью рѣками [1]). Хотя это опредѣленіе и не отличается особенной точностію, тѣмъ не менѣе въ немъ нельзя не видѣть яснаго подтвержденія взгляда на первоначальное расположеніе Мадьяръ по Тиссѣ — на западъ отъ нея до Дуная и на востокъ по ея притокамъ. Названія этихъ рѣкъ, упоминаемыя Константиномъ, слѣдующія: 1) Τιμήσης, т. е. нын. Темешъ (Temes), древ. Tibiscus, 2) Τούτης, въ немъ видятъ нын. р. Бегу (Альтъ-Бега), 3) Μορήσης, т. е. Марошъ (Maros), 4) Κρίσος, т. е. Кэрэшъ (Körös) и наконецъ 5) Τίτζα— Тисса. Расположеніе рѣки Темеша и 3-хъ названныхъ притоковъ Тиссы совершенно соотвѣтствуетъ нашему представленію о первоначальномъ мѣстѣ кочевьевъ Мадьяръ на великой тиссо-дунайской равнинѣ [2]). Итакъ Мадьяры захватили вскорѣ въ свое распоряженіе весьма значительную по объёму территорію. Было бы однако неосновательно заключать изъ этого о ихъ многочисленности. Мадьяры, какъ и другія до нихъ приходившія съ востока орды кочевниковъ, вовсе не были такъ многочисленны, какъ ихъ

[1]) De A. I., cap. 40, p. 173—174: οἱ δε Τοῦρκοι....κατεσκήνωσαν εἰς τὴν γῆν εἰς ἣν καὶ σήμερον κατοικοῦσι τὴν ἐπονομαζομένην κατὰ τὴν ἀνωτέρω, ὡς εἴρηται, τῶν ποταμῶν ἐπωνυμίαν......; p. 174: οἱ δὲ ποταμοί εἰσιν οὗτοι, ποταμὸς πρῶτος ὁ Τιμήσης, ποταμὸς δεύτερος Τούτης, ποταμὸς τρίτος ὁ Μορήσης, τέταρτος ὁ Κρίσος, καὶ πάλιν ἕτερος ποταμὸς ἡ Τίτζα.

[2]) Константинъ Багрянородный дѣлаетъ еще нѣсколько указаній для опредѣленія жилищъ мадьярскихъ. Слѣдуя по Дунаю вверхъ, онъ отмѣчаетъ *мостъ Трояновъ*, г. Бѣлградъ и Сремъ. Но всего важнѣе его показаніе, что за этой мѣстностью начинается Великая Моравія Святополка. Здѣсь конечно разумѣется Нижняя Паннонія, принадлежавшая Моравіи. De A. I. c. 40, p. 173: καὶ πάλιν κατὰ τὴν τοῦ ποταμοῦ ἐκδρομὴν ἐστιν τὸ Σέρμιον ἐκεῖνο τὸ λεγόμενον, ἀπὸ τῆς Βελεγράδας ὁδὸν ἔχον ἡμερῶν δύο καὶ ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε ἡ μεγάλη Μοραβία ἡ ἀβάπτιστος, ἣν καὶ ἐξήλειψαν οἱ Τοῦρκοι, ἧς ἦρχε τὸ πρότερον ὁ Σφενδοπλόκος.

обыкновенно изображаютъ византійскіе и западные историки подъ вліяніемъ страха и въ оправданіе понесенныхъ ихъ соотечественниками пораженій. Успѣхи и побѣды, которыя постоянно одерживались кочевыми полчищами надъ войсками осѣдлыхъ народовъ, обусловливаются вовсе не сравнительною многочисленностью первыхъ (хотя современные имъ историки и очень любятъ примѣнять къ нимъ выраженіе «безчисленное множество»), а конечно ихъ военными пріемами и характеромъ ихъ дико-стремительныхъ набѣговъ [1]). Нѣтъ причинъ думать, что Мадьяры значительно превосходили своимъ числомъ полчища своихъ предшественниковъ, Гунновъ или Аваровъ [2]). Нельзя конечно не принять во вниманіе, что и они, подобно послѣднимъ, на пути своемъ изъ первоначальной родины въ дунайскую равнину, по всей вѣроятности, умножились приставшими къ нимъ воинственными шайками изъ населенія тѣхъ странъ, черезъ которыя шелъ ихъ путь; но вѣдь надо взять въ расчетъ и то, что ими были понесены не малыя потери во время частыхъ походовъ и воинъ съ осѣдлыми народами и при столкновеніяхъ съ ихъ постоянными противниками, Печенѣгами. Достаточно вспомнить ихъ послѣднюю потерю въ Ателькузу. Такимъ образомъ собственно *мадьярская* орда не должна была быть многочисленна при своемъ поселеніи въ нынѣшней Угріи [3]). Только позднѣе, благодаря мно-

[1]) Аваровъ было, какъ мы знаемъ, не болѣе 20,000 семей. Срв. выше упомянутую статью В. В. Григорьева: «Кочевые и осѣдлые народы», Ж. М. Н. Пр. 1875, мартъ, стр. 14—15.

[2]) Печенѣги, какъ видно изъ историческихъ свидѣтельствъ, были положительно многочисленнѣе и потому сильнѣе ихъ. De adm. imp., c. 3, p. 70 (Ed. Bonn.). Г. Гунфальви (Ethnogr., S. 265) преувеличиваетъ численную силу Мадьяръ.

[3]) Весьма многочисленною, разумѣется, она является, въ разсказахъ національныхъ мадьярскихъ историковъ, но вѣрить ихъ показаніямъ было бы ужъ черезчуръ наивно. По ихъ расчету выходитъ, что общее число Мадьяръ превосходило 1.000,000 человѣкъ; ибо было 7 племенъ (племя=108 родовъ), а въ каждомъ племени было 30,857 чел. способныхъ носить оружіе, итого однихъ воиновъ 216,000!! Kézai, II, 1; Thúróczy, Chron. Ung. II, 2, см. Fessler-Klein, S. 55—56. Срв. также Елагинъ, Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы, Русск. Бесѣда, М. 1858, I, стр. 140—141.

гимъ благопріятнымъ условіямъ, она постепенно достигла размѣровъ значительной народности. Тотчасъ по переселеніи она была сильна не числомъ своимъ, а всѣмъ тѣмъ, что вообще даетъ перевѣсъ воинственнымъ кочевникамъ въ борьбѣ съ осѣдлыми племенами. Къ тому же въ мадьярскихъ набѣгахъ на западную Европу принимали участіе не одни невольно примкнувшіе къ нимъ остатки Аваровъ, но и другіе туземные элементы, свободно и сознательно вступавшіе въ ихъ ряды (о чемъ еще будетъ рѣчь ниже).

Поселившись на новой территоріи, Мадьяры пріобрѣли и новыхъ сосѣдей. Сосѣдями этими были: на сѣверъ и сѣверовостокъ, вдоль горъ Карпатскихъ — довольно многочисленные *Славяне:* съ одной стороны соплеменные моравскимъ Славянамъ (предки нынѣшнихъ Словаковъ), съ другой — русскимъ [1]); на востокъ — Славяне Трансильваніи, принадлежавшіе также къ русской вѣтви, и затѣмъ, хотя и немногочисленное, но все-же составлявшее важный этническій элементъ, горное *романское* (валашское) населеніе [2]); на юговостокъ, въ прежнихъ мадьярскихъ жилищахъ —

[1]) Бѣлохорватія Константина Багрянороднаго едва-ли соприкосалась непосредственно съ владѣніями Угровъ.

[2]) Вопросъ о *непрерывности* романскаго населенія (въ небольшомъ числѣ) на территоріи Трансильваніи, за которую мы стоимъ, уже былъ нами разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ (стр. 41—55). Съ другой стороны мы указали на необходимость допустить, что приливъ романскихъ элементовъ изъ-за Дуная, съ Балканскаго полуострова въ страны древней Дакіи начался довольно рано, гораздо ранѣе, чѣмъ думаютъ обыкновенно, т. е. вѣроятно уже въ IX в., если еще не ранѣе (стр. 96—97). Такимъ образомъ мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что Мадьяры уже застали на почвѣ Трансильваніи Румыновъ или Валаховъ въ не совсѣмъ ничтожномъ количествѣ. Извѣстно, что фактъ этотъ подтверждается свидѣтельствами Анонима Нотарія Бѣлы (Anonymi Gesta Hungarorum, Endlicher, p. 11, 25) и нашего Нестора, говорящаго также о Валахахъ, которыхъ будто-бы вытѣснили Угры. Извѣстіе Анонима, лживость и фантазёрство котораго дознаны, для насъ не можетъ имѣть большого историческаго значенія, хотя и оно можетъ служить орудіемъ противъ Рёслера (см. рец. Томашка, Zeitschr. f. Oesterr. Gymn. B. XXIII, S. 152), но показаніе Нестора, какъ лѣтописца добросовѣстнаго и основательнаго, притомъ по времени болѣе близкаго къ мадьярскому переселенію, заслуживаетъ полнаго вниманія. Подъ 898 годомъ, гдѣ находится главное свидѣтельство Нестора объ Украхъ и ихъ

Печенѣги, которые впрочемъ сосѣдили съ Мадьярами не непосредственно; на югъ, за Дунаемъ—частью *Болгары*, частью *Хорваты*; на югозападъ и западъ *словенское* населеніе и *нѣмецкія* владѣнія Восточной марки; наконецъ на сѣверо-западъ — *Сла-*

проходѣ мимо Кіева, мы читаемъ: «(Угры) пришедше отъ въстока и устремишася чересъ горы великия. (*Т. Р. А*: яже прозвашася горы Угорьскиа) *и почаша воевати на живущая ту Волохи* (*въ Л. волхі*) *и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волохове прияша землю Словеньску;* посемъ же Угри погнаша Волхи и наслѣдиша землю (*Т. Р. А.*: ту), и сѣдоша съ Словѣны, покоривши я подъ ся; оттоле прозвася земля Угорьска...» Во вступленіи къ лѣтописи, говоря о разселеніи Славянъ на Дунаѣ, лѣтописецъ замѣчаетъ: «*Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ....*»; наконецъ далѣе въ извѣстіи о Бѣлыхъ Украхъ—въ двухъ спискахъ (*Р. А.*) прибавлено: «Угри Бѣлии наслѣдиша землю Словѣньску, *прогнавши волохы, иже бѣша преже прияли землю словеньску*». Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ фраза о Волохахъ считается обыкновенно позднѣйшей вставкой писца. Сущность этихъ показаній Нестора состоитъ въ томъ, что по его представленіямъ Волохи когда-то въ древности пришли и заняли землю Дунайскихъ Славянъ, покоривъ сихъ послѣднихъ. Впослѣдствіи сюда пришли Угры, воевали съ тѣми и другими, прогнали Волоховъ и поработили Славянъ. Первая часть этого разсказа о покореніи Дунайскихъ Славянъ Волохами была предметомъ многихъ соображеній и догадокъ(напр. Шафарика, Сл. Др., т. I, кн. 3, стр. 377, о Кельтахъ, которой слѣдуетъ г. Барсовъ. См. Очерки русск. историч. географіи, Варшава, 1873, стр. 61—63), изъ коихъ уже была нами указана наиболѣе вѣроятная (преданіе о завоеваніи древней Дакіи Римлянами при Троянѣ и происшедшемъ при этомъ нѣкоторомъ движеніи среди дакійскихъ племенъ, между коими могли быть и Славяне. Срезневскій въ рецензіи на книгу Миклошича, Извѣстія Отд. Рус. яз. и Слов. X, 144—146). Вторая половина несторова свидѣтельства о вытѣсненіи Волоховъ Уграми возбуждаетъ также недоумѣніе, такъ какъ нигдѣ не находитъ себѣ подтвержденія. Не представляетъ ли она просто собственнаго заключенія Нестора, поводомъ къ которому только и могло послужить покореніе Уграми при Стефанѣ Св. Трансильваніи, какъ страны, населенной также и Волохами? какъ-бы то ни было, для насъ не столько существенно самое содержаніе извѣстій Нестора, сколько тотъ главный выводъ, который позволительно изъ нихъ сдѣлать. Несторъ во 2-й половинѣ XI в. очевидно зналъ Волоховъ на сѣверѣ отъ Дуная, за горами Карпатскими, и притомъ какъ *племя*, по всему видно, *не совсѣмъ ничтожное*. Это даетъ намъ право заключить, что и полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, т. е. въ концѣ IX в., Волохи уже должны были, хотя и въ незначительномъ числѣ, жить въ горахъ Трансильваніи, ибо цѣлый народъ не могъ явиться здѣсь внезапно, въ сравнительно краткій промежутокъ времени нѣсколькихъ десятилѣтій. А что подъ Волохами разумѣются Романцы, предки нынѣшнихъ Румыновъ и болѣе никого другого здѣсь понимать нельзя, въ этомъ не можетъ быть кажется никакого сомнѣнія. *Влахами* Славяне издавна

вяне Моравскаго княжества [1]). Изъ этого перечня видно, что за немногими исключеніями (*нѣмецкія* поселенія въ Восточной маркѣ и Панноніи, да *романскіе* пастухи въ Трансильваніи) непосредственными сосѣдями Мадьяръ во всѣ стороны были Славяне [2]). Этотъ фактъ самъ по себѣ достаточно говоритъ за себя, чтобы съ перваго взгляда оцѣнить его значеніе и первенствующее вліяніе на историческое развитіе и судьбу мадьярской народности. Чтобы убѣдиться въ этомъ вліяніи, достаточно заглянуть въ политическую и культурную исторію Мадьяръ, въ ихъ государственный и народный бытъ, наконецъ въ языкъ ихъ.... Во всѣхъ этихъ сферахъ и прежде всего въ языкѣ, пропитан-

называли жителей Италіи и Румынскихъ земель и заимствовали эту форму у Нѣмцевъ (Миклошичъ, Die Slav. Elem. im Rumun. Wien, 1861, S. 1; срв. Куникъ, Прилож. къ VI т. Зап. И. Ак. Н. № 2, стр. 54). Рёслеръ, для теоріи котораго о Румунахъ свидѣтельство Нестора о Волохахъ (Романцахъ) служило помѣхой и камнемъ преткновенія, выставилъ домыселъ (который самъ счелъ за непреложную истину), что подъ Волохами нашей лѣтописи слѣдуетъ разумѣть Франковъ Карловингской державы, и что свидѣтельство о вытѣсненіи ихъ Уграми относится къ событіямъ въ Панноніи (Roesler, Rom. St. S. 80—82). Однако онъ не подтвердилъ своего взгляда ни однимъ сколько-нибудь убѣдительнымъ доказательствомъ. Еще въ извѣстіи о вытѣсненіи Волоховъ Уграми кое-какъ можно бы понимать Франковъ, но видѣть ихъ въ Волохахъ, располагающихся въ славянской землѣ на Дунаѣ и вытѣсняющихъ оттуда многихъ Славянъ на Вислу и т. д., ужь очень мудрено! Притомъ Несторъ въ своемъ перечнѣ народовъ рядомъ съ Волохами переименовываетъ другіе западные народы, между которыми мы находимъ и Нѣмцевъ и Франковъ: «Варязи, Свеи, Урмане, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмцы, Корлязи, Веньдици, Фрягове и проч.». Итакъ попыта Рёслера опровергнуть свидѣтельство Нестора о Волохахъ-Румунахъ должна считаться неудавшеюся.

[1]) Константинъ Багрянородный (De A. I. c. 40, p. 174), имѣющій вообще очень неясное представленіе о сѣверодунайскихъ странахъ, упоминаетъ *о сосѣдяхъ* Мадьяръ, но его показанія страдаютъ неполнотой и неточностью. По его словамъ, на востокъ за Дунаемъ съ Мадьярами сосѣдятъ Болгары, на сѣверъ Печенѣги, на западъ—Франки, на югъ—Хорваты.

[2]) Нынѣшнее положеніе Мадьяръ разнится тѣмъ, что на тѣхъ границахъ ихъ территоріи, гдѣ славянское населеніе не было сплошное, а смѣшанное съ другими элементами, оно совершенно исчезло, очиствивъ мѣсто этимъ другимъ элементамъ. Такимъ образомъ на западѣ сосѣдями Мадьяръ стали *Нѣмцы*, на востокѣ—*Румыны*.

номъ славянскими элементами [1]), внимательный наблюдатель наткнется на множество чертъ, которыя объясняются единственно раннимъ вліяніемъ Славянства на Мадьяръ и прямыми заимствованіями у него.

По этому поводу здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ любопытномъ обстоятельствѣ, сопровождавшемъ поселеніе Мадьяръ въ ихъ нынѣшней землѣ. По извѣстному уже намъ разсказу императора-историка, Печенѣги и Болгары, вторгнувшись въ «Ателькузу» въ отсутствіи мадьярскихъ дружинъ, ушедшихъ въ походъ на западъ, истребили ихъ семейства, равно какъ и оставленную для защиты ихъ стражу. Въ этомъ сообщеніи нѣтъ, кажется, ничего невѣроятнаго. Но если даже допустить, что извѣстіе преувеличено, и часть мадьярскихъ семействъ спаслась, то и тогда положеніе Мадьяръ, лишившихся такой массы женщинъ и дѣтей, должно было быть довольно критическое. Надо было такъ или иначе помочь дѣлу, — и конечно не Мадьярамъ было задумываться надъ этимъ. У нихъ, подобно другимъ кочевымъ ордамъ, былъ и безъ того обычай при набѣгахъ въ земли осѣдлыхъ племенъ истреблять по возможности всѣхъ, способныхъ къ сопротивленію, а женщинъ и дѣтей вмѣстѣ съ имуществомъ уводить въ неволю. Теперь надо было скорѣе, чѣмъ когда-либо, воспользоваться этимъ способомъ для восполненія оказавшагося недостатка въ женщинахъ, и Угры конечно не замедлили прибѣгнуть къ нему. Ихъ первый набѣгъ на западъ послѣ перекочеванія въ равнину Тиссы относится къ 894 г. Довольно знаменательно, что именно къ этому году относится разсказъ Фульденской лѣтописи о жестокомъ опустошеніи, произведенномъ Мадьярами въ Паннонiи [2]), причемъ лѣтописецъ считаетъ нужнымъ сообщить объ обращеніи варваровъ съ побѣжденными,

[1]) Miklosich, Die Slavische Elemente im Magyarischen (Denkschift d. Kais. Akad. d. Wiss., B. 21, Wien, 1872). Срв. замѣтку Сасинка «Объ отношеніи Мадьярскаго языка къ языку Славянскому. Ж. М. П. Пр. 1870, CXLX, стр. 312; также Hunfalvy, Ethnogr. v. Ung., S. 182—184.

[2]) Ann. Fuld. 894: totam Pannoniam usque ad internecionem deleverunt.

какъ они убиваютъ мужчинъ и старухъ, а молодыхъ женщинъ уводятъ съ собой для удовлетворенія своего сладострастія [1]). Этотъ разсказъ останавливаетъ на себѣ наше особенное вниманіе. Не для одной указанной лѣтописцемъ цѣли забирали съ собой Мадьяры женщинъ; ихъ безъ сомнѣнія вынуждалъ къ этому большой недостатокъ послѣднихъ у себя дома. Такимъ образомъ масса Славянокъ, уведенныхъ въ неволю, становилась женами Мадьяръ. Черезъ нихъ-то между прочимъ, вмѣстѣ съ славянскою кровью, прививались къ Мадьярамъ многія характерныя особенности славянскаго быта, образа жизни и нравовъ, и неизгладимыми чертами отпечатлѣвались на ихъ еще слагавшемся бытѣ и домашней жизни и въ особенности на ихъ языкѣ. Это былъ первый и живой проводникъ славянскаго вліянія среди Мадьяръ. Впослѣдствіи путемъ постояннаго сближенія съ своими славянскими подданными и съ сосѣдями, тоже Славянами, изъ кочевого и хищнаго племени постепенно вырабатывалась осѣдлая народность съ своимъ своеобразнымъ типомъ, съ своими культурными особенноностями и съ своимъ оригинальнымъ государственнымъ строемъ, въ основу котораго легли многія чисто-славянскія установленія...

Прежде чѣмъ продолжать повѣсть первыхъ столкновеній Мадьяръ съ западными сосѣдями и послѣдовавшаго переворота въ политическихъ отношеніяхъ на среднемъ Дунаѣ, мы должны посвятить нѣсколько словъ сохранившейся у современныхъ лѣтописцевъ *характеристикѣ* Угровъ и впечатлѣнію, произведенному ими на тогдашній культурный міръ. Хотя эта характеристика достаточно извѣстна и мы къ ней не можемъ прибавить никакихъ новыхъ чертъ, мы всетаки не въ правѣ совершенно обойти ее въ нашемъ изложеніи.

Мадьяры явились въ среду европейскихъ народовъ кочевымъ, коннымъ племенемъ, стоявшимъ на той же первоначаль-

[1]) Ann. Fuld., ibid.: Ungari.... multa miserabilia perpetravere, nam homines et vetulas matronas penitus occidendo iuvenculas tantum ut jumenta pro libidine exercenda secum trahentes etc. (срв. Dümmler, Gesch. II, S. 449).

ной ступени развитія, на которой находились и прочія кочевыя орды, до нихъ и послѣ нихъ громившія Европу. Мы видѣли, что Мадьяры принадлежали собственно къ народамъ не турецкаго, а *финскаго* корня; однако еще въ прародинѣ своей и послѣ, по оставленіи ея, они жили подъ такимъ сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ окружавшихъ ихъ и даже слившихся съ ними (болѣе *активныхъ*) турецкихъ элементовъ, что невольно усвоили себѣ постепенно характерныя черты турецкаго типа; а такъ какъ вообще всѣ народы въ эпоху первобытнаго развитія, какъ и люди въ пору дѣтства, и безъ того имѣютъ столько общаго между собой въ характерѣ, образѣ жизни и нравахъ, то понятно, что впечатлѣніе, произведенное Мадьярами на Европейцевъ конца IX и X в., было не только въ общихъ чертахъ, но и во многихъ подробностяхъ тождественно впечатлѣнію, произведенному Гуннами, Аварами, Болгарами и прочими восточными выходцами на ихъ современниковъ. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго, что историки осѣдлыхъ народовъ для характеристики Угровъ не только заимствовали черты и краски изъ описаній подобныхъ же «варваровъ» у своихъ предшественниковъ, но зачастую почти буквально повторяли ихъ характеристики. Такимъ образомъ императоръ *Левъ Мудрый* для этой цѣли повторяетъ *Маврикія*, писавшаго объ Аварахъ, а западный лѣтописецъ *Регинонъ* заимствуетъ свое описаніе Угровъ у *Юстина*, оставившаго характеристику Скиѳовъ. Кромѣ названныхъ писателей, Льва Мудраго [1]) и Регинона [2]), давшихъ намъ сравнительно наиболѣе полное описаніе Угровъ, кое-какія дополняющія его черты мы почерпаемъ у нѣкоторыхъ другихъ современниковъ и позднѣйшихъ писателей, напр. въ анналахъ *Фульденскихъ*, у *Ліудпранда* (X в.), въ хроникѣ *Іоанна Діакона* (Венец.), у *Оттона Фрейзингскаго* (XII в.) и проч. [3]).

[1]) Leonis Tactica (Meursius), c. 18, p. 289—292.

[2]) Regino (Pertz, SS. I, 600), a. 889 etc.

[3]) Liutprandi Antapodosis, l. II; Ann. Fuld. 894 etc.; Iohannis Chron. Venet. (SS., VII, 22); Otto Frisingens. Hist. Friderici (T. I).

Страхъ, который наводили Мадьяры на Европейцевъ своими неожиданными, опустошительными набѣгами и своею дикою жестокостью, соединялся постоянно съ чувствомъ отвращенія, возбуждаемымъ ихъ безобразною и отталкивающею наружностью. Эти малорослые, невзрачные всадники съ уродливыми и смуглыми восточными лицами, небольшими и глубоко впалыми глазами, съ бритыми головами, украшенными тремя косичками, въ одеждѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, съ ихъ варварскою, неблагозвучною рѣчью должны были дѣйствительно поражать и наводить ужасъ своимъ звѣроподобнымъ видомъ. Они производили истинную панику среди незнакомыхъ съ ними европейскихъ войскъ, когда они съ дикимъ боевымъ крикомъ мчались на своихъ быстрыхъ коняхъ, крытыхъ попонами изъ шкуръ, готовые поразить врага своими навѣрняка попадавшими стрѣлами. Образъ жизни и нравы Мадьяръ, сколько они становятся намъ извѣстны изъ дошедшихъ свидѣтельствъ, ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ быта и нравовъ другихъ восточныхъ кочевниковъ. Съ своими большими стадами лошадей и другого скота, въ которыхъ заключалось все ихъ богатство, они перекочевывали съ мѣста на мѣсто, вѣчно верхомъ, тогда какъ семьи ихъ слѣдовали за ними въ кибиткахъ, прикрывавшихся отъ ненастья звѣриными шкурами. Обычными занятіями и вмѣстѣ средствомъ къ существованію у нихъ были скотоводство, охота и рыболовство. Пищей имъ служило полусырое мясо звѣрей, конина, рыба, молоко, наконецъ даже кровь убитыхъ животныхъ. Въ видѣ лѣкарства они, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ лѣтописцевъ, ѣли даже сердца сраженныхъ враговъ [1]). Они не умѣли выдѣлывать никакихъ тканей, и вмѣсто нихъ во всѣхъ случаяхъ употребляли кожу звѣрей [2]).

Ихъ общественное устройство было родовое. Вся орда дѣлилась на племена, роды и семьи. Племенъ было сперва семь,

[1]) Regino, 889 (P. SS., I, 600):.... corda hominum, quos capiunt, particulatim dividentes veluti pro remedio devorant.

[2]) Regino, ibid.

потомъ, по присоединеніи *Кабаровъ*,—восемь. Константинъ Багрянородный сообщаетъ намъ ихъ названія, повидимому принадлежавшія собственно ихъ вождямъ. За достовѣрность ихъ мы, разумѣется, поручиться не можемъ [1]). Каждое племя имѣло своего вождя, а одинъ изъ племенныхъ вождей былъ главою всего народа. Однако у нихъ не было ни неограниченнаго единодержавія (какое мы привыкли встрѣчать у азіатскихъ народовъ турк.-монг. происх.), ни самовластія отдѣльныхъ племенныхъ вождей, т. е. полной самостоятельности племенъ. Ихъ внутреннее политическое устройство имѣло скорѣе федеративный характеръ, причемъ глава народа былъ общимъ вождемъ-полководцемъ, но никакъ не самодержавнымъ правителемъ. Такое устройство характеризуется слѣдующимъ свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго: «Восемь колѣнъ мадьярскихъ не повинуются своимъ домашнимъ князьямъ, но живя по своимъ рѣкамъ, состоятъ во взаимномъ соглашеніи, какъ скоро одна часть подверглась нападенію, сражаться сообща единодушно и усердно» [2]). Въ пользу того же говоритъ то обстоятельство, что византійскіе императоры адресовали свои буллы на имя *вождей* Угровъ, а не одного главнаго народнаго вождя (πρὸς τοὺς ἄρχοντας τῶν Τούρκων—De Cerimon. A. B. II, 48, p. 691). Общимъ народнымъ вождемъ во время переселенія былъ *Арпадъ*, родоначальникъ первой династіи угорскихъ королей. Главный вождь дѣлилъ однако свою власть не только съ вождями отдѣльныхъ племенъ, но и съ двумя поставленными рядомъ съ нимъ сановниками-судьями: *гиласомъ* и *кархановъ*, какъ ихъ называетъ Константинъ Багрянородный [3]), прибавляя, что

[1]) Const. Porph. De A. I., c. 40, p. 172: Πρώτη.... τῶν Καβάρων γενεά, δευτέρα τοῦ Νέκη, τρίτη τοῦ Μεγέρη, τετάρτη τοῦ Κουρτυγερμάτου, πέμπτη τοῦ Ταριάνου, ἕκτη Γέναχ, ἑβδόμη Καρή, ὀγδοή Κασή.

[2]) Ibid., p. 174: αἱ δὲ ὀκτὼ γενεαὶ τῶν Τούρκων αὗται πρὸς τοὺς οἰκείους ἄρχοντας οὐχ ὑπηκούουσιν, ἀλλ' ὁμόνοιαν ἔχουσιν εἰς τοὺς ποταμούς, εἰς οἷον μέρος προβάλλει πόλεμος, συναγωνίζεσθαι μετὰ πάσης φροντίδος τε καὶ σπουδῆς.

[3]) Ibid., c. 40, p. 174: ἔχουσι δὲ κεφαλὴν πρώτην τὸν ἄρχοντα ἀπὸ τῆς γενεᾶς τοῦ Αρπαδὴ κατὰ ἀκολουθίαν, καὶ δύο ἑτέρους, τόν τε γυλᾶν καὶ τὸν καρχᾶν, οἵτινες ἔχουσι τάξιν κριτοῦ· ἔχει δὲ ἑκάστη γενεὰ ἄρχοντα.—'Ιστέον ὅτι ὁ γυλᾶς καὶ ο

это не собственныя имена, а названія должностей. Всего болѣе историки (и прежде всего императоръ Левъ) распространяются о способѣ веденія войны Мадьярами, о ихъ военныхъ пріемахъ и тактикѣ. Естественно, это всего болѣе занимало Европейцевъ, съ этимъ они были всего лучше знакомы. Императоръ Левъ Мудрый въ своей «Тактикѣ» оставилъ самый подробный разсказъ объ этомъ предметѣ. Предпринимая военный походъ, Угры оставляли отрядъ для охраны своихъ семействъ и стадъ, а впередъ посылали развѣдчиковъ и шпіоновъ, которые должны были произвести развѣдки и собрать извѣстія о непріятелѣ, его численности, позиціи и т. д. Во время стоянокъ они окружали себя сторожевыми постами; вообще они дѣйствовали очень осторожно и предусмотрительно. При нападеніи на непріятеля, они слѣдовали своей особенной тактикѣ: никогда не нападали всей своей массой, сомкнутыми рядами, и не вступали безъ надобности въ рукопашный бой. Подойдя на извѣстное разстояніе къ врагу, вооруженные мечомъ, копьемъ и главное—лукомъ, въ стрѣльбѣ изъ котораго они были замѣчательные мастера, они осыпали тучей стрѣлъ непріятельское войско и всячески старались произвести въ немъ смятеніе и безпорядокъ. Достигнувъ этого, они на своихъ невзрачныхъ, но быстрыхъ и выносливыхъ лошадяхъ стремительно налетали на него, разъединяли, разсѣевали и приводили въ безпорядочное бѣгство. Когда первое не удавалось сразу, то они прибѣгали къ хитрости: прикидывались побѣжденными, обращались въ мнимое бѣгство и, нарушивъ такимъ образомъ порядокъ непріятеля, бросавшагося какъ попало преслѣдовать ихъ, неожиданно обращались къ нему фронтомъ и въ свою очередь принуждали его искать спасенія въ бѣгствѣ. Войско ихъ было раздѣлено на отдѣльные небольшіе отряды, вслѣдствіе чего пріобрѣтало большую подвижность. Чтобы обезпечить за собой побѣду, они всегда оставляли резервъ, который ждалъ результата сраженія въ засадѣ,

καρχᾶν οὐχ εἰσὶν ὀνόματα κύρια ἀλλὰ ἀξιώματα. Гиласъ былъ старше Кархана: γυλᾶς, ὅ ἐστι μεῖζον τοῦ καρχᾶ. Ibid.

и въ случаѣ его неблагопріятнаго исхода въ критическую минуту неожиданно вступалъ въ бой и одерживалъ побѣду. Преслѣдованіе непріятеля продолжалось до послѣдней крайности — чтобы не дать уйти по возможности ни одному человѣку. Пощады не было никому. Мадьяры убивали не изъ одной жажды крови, но также изъ болѣе отвлеченнаго побужденія: у нихъ существовало повѣрье, что пораженные ихъ мечомъ будутъ въ загробной жизни ихъ рабами. Военно-плѣнныхъ у нихъ бывало не много, и они кажется не держали ихъ у себя, а продавали въ сосѣднія земли. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ извѣстіе, что они такъ дѣлали со Славянами во время своихъ кочевокъ въ южныхъ степяхъ Россіи[1]). Вести правильную осаду укрѣпленныхъ мѣстъ они вовсе не умѣли, а брали городъ или какою-нибудь хитростью или, перерѣзавъ ему всѣ пути сообщенія, голодомъ принуждали жителей къ сдачѣ. Черезъ рѣки они переправлялись по восточному способу, на большихъ звѣриныхъ кожахъ, набитыхъ сѣномъ[2]). Стрѣльба изъ лука, въ которой они упражнялись съ дѣтства, была ихъ главнымъ, почти исключительнымъ орудіемъ при нападеніи. Мечъ и копье имъ служили только въ крайнихъ случаяхъ, преимущественно какъ орудіе защиты. Какъ и кони ихъ, они обладали замѣчательною выносливостью: они равно легко переносили холодъ, жару, всевозможныя лишенія и трудности. На полѣ сраженія соблюдалась строгая дисциплина, и всякое уклоненіе отъ нея наказывалось. По отношенію къ робкимъ также употреблялась сила. Производя набѣги на непріятельскую землю съ цѣлью грабежа, Мадьяры выказывали неимовѣрную жестокость и дикость. Мужское населеніе, способное къ сопротивленію, безпощадно истребляли, молодыхъ женщинъ и дѣтей забирали съ собой вмѣстѣ съ награбленнымъ имуществомъ, а все остальное предавали разоренію и пламени. Отличительною чертою ихъ дѣйствій на

[1]) См. выше, въ предыдущей главѣ, стр. 221—222.

[2]) Johann. Chron. Venet. (SS. II. p. 22): ad Venecias introgressi cum equis atque pelliciis navibus.

войнѣ была хитрость; считая все позволительнымъ для достиженія своихъ цѣлей, они бывали часто и коварны: не задумывались нарушать и клятву.

Таковъ былъ врагъ, съ которымъ пришлось познакомиться не одной восточной, но и западной Европѣ въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ сходства Угровъ съ тѣми грозными ордами кочевниковъ, которыя до нихъ причиняли Европѣ неисчислимыя бѣдствія, западные лѣтописцы то связываютъ, то смѣшиваютъ новыхъ пришельцевъ съ старыми знакомыми, примѣняя къ нимъ имена Гунновъ, Аваровъ и даже Сарацинъ (Agareni, ann. Sangall., можетъ быть, просто вслѣдствіе описки). Послѣдніе впрочемъ, какъ тогдашній бичъ южныхъ и западныхъ окраинъ Европы, должны были быть ей хорошо извѣстны, и уподоблять имъ Мадьяръ можно было развѣ только по отношенію къ жестокости. Въ остальномъ ни Арабы, ни Норманны, эта третья язва той эпохи, не имѣли ничего общаго съ хищнымъ отродьемъ восточныхъ равнинъ, какимъ представлялись Угры. Военные обычаи и пріемы послѣднихъ были во всякомъ случаѣ явленіемъ новымъ для людей конца IX вѣка, имѣвшихъ о нихъ понятіе только по преданіямъ и по лѣтописнымъ разсказамъ, завѣщаннымъ имъ прошлыми вѣками; ничего подобнаго имъ самимъ на своемъ вѣку не приводилось видѣть и испытать [1]). Отсюда тотъ неодолимый страхъ, который дѣлалъ ихъ, обладавшихъ организованными и хорошо вооруженными войсками, совершенно безпомощными и безсильными передъ сравнительно небольшими шайками Мадьяръ и давалъ возможность этимъ послѣднимъ десятки лѣтъ безнаказанно опустошать цвѣтущіе края Германіи, Франціи и Италіи.

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ бѣдствій, нанесенныхъ вторженіями Угровъ, населеніе западной Европы (какъ это обыкновенно

[1]) Имп. Левъ Мудрый (Leon. Tactica, c. 18, p. 288) находитъ, что къ Мадьярамъ нѣсколько приближались только Болгаре своими военными пріемами (срв. Dümmler, Gesch. II, S. 447).

бываетъ) искало лично кому-нибудь приписать вину мадьярскаго погрома, и вотъ такимъ ближайшимъ виновникомъ несчастія единогласно признали имп. Арнульфа, съ именемъ котораго дѣйствительно связано первое появленіе Мадьяръ на среднемъ Дунаѣ въ 892 г. Арнульфа обвиняли въ томъ, что онъ, нанявъ мадьярскій отрядъ для собственной военной цѣли, открылъ такимъ образомъ путь и выпустилъ цѣлую восточную орду на Европу. Западные лѣтописцы, а именно Ліудпрандъ, Видукиндъ, Сан-Гальскіе анналы, прямо высказываются въ этомъ смыслѣ. Въ ихъ представленіи Мадьяры до тѣхъ поръ были заперты и ограждены громадными валами и укрѣпленіями и такимъ образомъ лишены возможности вредить, а теперь Арнульфъ такъ сказать открылъ имъ ворота въ Европу [1]). Представленіе это образовалось вслѣдствіе неясности понятія, откуда и какъ пришли Угры, и смѣшенія ихъ то съ Аварами, которыхъ будто-бы Карлъ Великій заперъ за Дунаемъ, то съ другими полчищами восточныхъ варваровъ, относительно которыхъ существовали смутныя сказанія, подобныя тому напримѣръ, какъ Александръ Македонскій заперъ за воротами Каспія сѣверныхъ дикарей и проч. [2]). Въ противопо-

[1]) *Liudprandi* Antapodos., L. I, 5: Ungariorum gens, cujus omnes poene nationes experte sunt sevitiam.... nobis omnibus tunc temporis habebatur ignota Quibusdam namque difficillimis separata a nobis erat interpositionibus, quas clusas nominat vulgus, ut neque ad meridianam neque ad occidentalem plagam exeundi habuerit facultatem. *Ibid*, 13: Arnulfus interea...., depulsis his, pro dolor, munitissimis interpositionibus, quas vulgo clusas nominari prediximus, Hungariorum gentem cupidam, audacem, omnipotentis dei ignaram, scelerum omnium non insciam, caedis et rapinarum solummodo avidam, in auxilium convocat; si tamen auxilium dici potest, quod paulo post, eo moriente, cum genti suae, tum caeteris in meridie occasuque degentibus nationibus, grave periculum, immo exitium fuit. Quid igitur? Centebaldus vincitur, subjugatur, fit tributarius; sed non solus. O cecam regnandi Arnulfi regis cupiditatem! o infelicem amarumque diem! Unius homuntii deiectio fit totius Europae contricio etc.—*Widukind* (Res gestae Saxon. I; c. 18—19), смѣшивая Угровъ съ Аварами, разсказываетъ, какъ Карлъ Великій отгородилъ послѣднихъ валомъ по ту сторону Дуная и какъ «imperante autem Arnulfo destructum est opus et via eis nocendi patefacta». Въ *Ann. Sangall. Maj.* 892 г. читаемъ: Arnolfus contra Maravenses pergebat et Agarenos (разум. Угры), ubi reclusi erant, dimisit. Наконецъ еще въ *Ann. Ratispon.* 894 (SS. XVII, 582): Arnolfus Ungarios eduxit.

[2]) Срв. Büdinger, Oesterr. Gesch. S. 204.

ложность этому—нѣмецкіе историки въ своемъ стараніи обѣлить и очистить Арнульфа отъ позорнаго пятна, будто-бы омрачающаго его память, дошли даже до того, что хотѣли отрицать всякую связь между предпріятіемъ Арнульфа противъ Моравіи и одновременнымъ набѣгомъ на нее Мадьяръ, предполагая, что послѣдніе сами воспользовались благопріятнымъ случаемъ для опустошительныхъ набѣговъ [1]). Но дѣло въ томъ, что для такого предположенія нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Въ виду яснаго свидѣтельства современниковъ, мы нисколько не сомнѣваемся, что Арнульфъ подговорилъ Мадьяръ къ вторженію въ Моравію. Однако совершенно иной вопросъ для насъ: что изъ этого слѣдуетъ? можно ли на основаніи этого факта считать Арнульфа виновникомъ мадьярскаго погрома и происшедшихъ отъ него европейскихъ бѣдствій? Неужели не призови Арнульфъ Мадьяръ противъ Моравань, они не переселились бы въ равнину Дуная и вся Европа была бы на вѣки избавлена отъ ихъ разрушительныхъ набѣговъ? Очевидно подобныя обвиненія совершенно несправедливы и наивны: они объясняются возбужденнымъ настроеніемъ переживавшаго ту тяжелую эпоху общества и человѣческою склонностью искать всегда виновника въ своихъ страданіяхъ, даже и тогда, когда эти послѣднія очевидно были ничѣмъ не предотвратимы. Ни Арнульфъ, ни какая-либо другая государственная или военная сила конечно не могли помѣшать Мадьярамъ вторгнуться въ тиссо-дунайскую равнину и затѣмъ громить оттуда сосѣднія страны. Это переселеніе было обусловлено ходомъ событій на нижнемъ Дунаѣ, сложившихся такъ несчастливо (или пожалуй вѣрнѣе—счастливо) для Мадьяръ, что они принуждены были искать себѣ новыхъ жилищъ. Если ужъ кто-нибудь виноватъ въ бѣдствіяхъ Европы, такъ это скорѣе Болгары и Печенѣги, общими силами нанесшіе ударъ Мадьярамъ въ «Ателькузу», а особенно Печенѣги, постоянно шедшіе по ихъ пятамъ и тѣснившіе ихъ съ востока. Но не въ

[1]) Dümmler, Südöst. Mark., S. 54. Въ своей Gesch. d. Ostfr. Reich. (II B.) онъ высказывается уже менѣе рѣшительно въ пользу такого предположенія.

этомъ дѣло. Какъ бы то ни было, Мадьяры были вынуждены подвинуться далѣе на западъ. Въ чемъ же тутъ виновенъ Арнульфъ? Столько же несправедливо было бы ставить ему въ вину и то, что онъ показалъ имъ дорогу на среднiй Дунай, въ Паннонiю и Моравiю, а слѣдовательно и далѣе на западъ. И безъ него Мадьяры безъ труда нашли бы эту дорогу. Дунай имъ указывалъ ее. Разъ они уже прошли, вынужденные необходимостью, мимо такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ» горными долинами между Банатомъ и Сербiей (а другой дороги имъ не было)—направленiе ихъ дальнѣйшаго пути сразу опредѣлилось: они не могли идти иначе какъ по Дунаю и по Тиссѣ, не могли избрать себѣ иныхъ жилищъ, какъ широкую степную равнину по Тиссѣ и между этой рѣкой и Дунаемъ. Съ этого момента опредѣлился и путь ихъ послѣдующихъ военныхъ предпрiятiй, ихъ набѣговъ на привлекательный и богатый западъ.

Но если Арнульфъ неповиненъ въ поселенiи Мадьяръ въ ихъ настоящей родинѣ и въ тяжелыхъ для всей Европы послѣдствiяхъ этого поселенiя, то изъ этого конечно еще отнюдь не слѣдуетъ, что его образъ дѣйствiй не имѣлъ никакого значенiя въ исторiи столкновенiя Европы съ мадьярскою ордою. Несомнѣнно отъ его политики и дѣятельности зависѣли отчасти и успѣхи Мадьяръ на первыхъ порахъ по ихъ вторженiи, и тотъ крайне несчастный оборотъ, который приняли дальнѣйшiя отношенiя ихъ къ народамъ запада. Въ этомъ смыслѣ ему принадлежитъ доля отвѣтственности передъ потомствомъ.

Арнульфъ оказался недостаточно дальновиденъ. Можетъ быть причина тому—отчасти чрезмѣрное ослѣпленiе враждою къ ставшему ему поперекъ дороги Моравскому союзу, сломить который было его завѣтною цѣлью, отчасти увлеченiе политикою по отношенiю къ западнымъ сосѣдямъ, и собственными властолюбивыми замыслами. Было бы конечно неосновательно думать, что Арнульфъ вовсе не сознавалъ опасности, угрожавшей и его державѣ со стороны новыхъ непрошенныхъ гостей. Слухъ о ихъ силѣ и воинственномъ характерѣ уже успѣлъ проникнуть на за-

падъ послѣ ихъ первыхъ успѣховъ въ Болгаріи, и, какъ мы видѣли, очень можетъ быть, что объ этой опасности уже была рѣчь въ 890 г. на извѣстномъ съѣздѣ Арнульфа и Святополка въ *Омунтесбергѣ*. Но не будучи еще вовсе знакомъ съ Мадьярами, Арнульфъ не могъ оцѣнить настоящей опасности и слишкомъ надѣялся на свои силы.

Когда около 892 г. произошелъ у него окончательный разрывъ съ Святополкомъ, у него явилась мысль употребить новую неожиданно явившуюся силу противъ стараго ненавистнаго врага: онъ расчитывалъ, что такимъ образомъ можетъ быть отвратить отъ себя тотъ ударъ, который Угры могли нанести и ему въ случаѣ своего движенія на западъ. Можетъ быть онъ надѣялся, что Угры, эта безпорядочная толпа первобытно-вооруженныхъ кочевниковъ, увидѣвъ его организованное и сильное войско и въ добавокъ будучи подкуплены его подарками за оказанную помощь, не захотятъ, да и не посмѣютъ вступить съ нимъ въ состязаніе.

Вѣроятно шайки Мадьяръ около того времени уже бродили вдоль по Дунаю, и вотъ онъ черезъ нихъ пригласилъ себѣ на помощь этихъ хищниковъ, а по окончаніи похода отпустилъ ихъ. Вскорѣ затѣмъ разнесся слухъ о страшной бѣдѣ, постигшей Мадьяръ со стороны Болгаръ и Печенѣговъ. Настоящихъ послѣдствій этого событія Арнульфъ и его современники конечно не могли предвидѣть. Напротивъ, это извѣстіе должно было имѣть успокоительное дѣйствіе. Слава, добытая ихъ прежними успѣхами, нѣсколько померкла, а съ тѣмъ вмѣстѣ улеглись и опасенія, которыя уже были возбуждены ими и начинали смущать умы на западѣ. Такому настроенію способствовало и то, что вскорѣ затѣмъ мало по малу слухи о нихъ замолкли и въ теченіи довольно продолжительнаго времени (около 2-хъ лѣтъ) не было никакихъ особенно тревожныхъ извѣстій. Перекочевка Мадьяръ въ тисскія степи совершилась тихо и, повидимому, не возбудила серіозныхъ опасеній. Арнульфъ пересталъ безпокоиться и послѣ довольно неудачныхъ походовъ въ Моравію занялся вну-

тренними дѣлами и особенно интересовавшими его политическими отношеніями на западѣ.

Изъ событій 893 года, кромѣ поступленія Викинга канцлеромъ къ Арнульфу и затѣмъ второго неудачнаго похода въ Моравію, чуть не кончившагося гибельно для самого Арнульфа[1]), слѣдуетъ отмѣтить еще несчастную участь, постигшую въ началѣ этого года потомковъ извѣстныхъ графовъ Вильгельма Энгильскалька, и рожденіе у Арнульфа сына *Людовика*, по прозванію *Дитяти*. Молодой графъ *Энгильскалькъ*, женатый на побочной дочери Арнульфа (которую онъ похитилъ) и управлявшій частью Восточной марки, былъ за свое самоуправство ослѣпленъ по приговору баварскихъ сановниковъ. Его близкій родственникъ, *Вильгельмъ*, устрашенный такой расправой, вошелъ въ сношенія съ Моравскимъ княземъ. Уличенный въ этомъ, онъ былъ казненъ за измѣну. Наконецъ братъ послѣдняго *Рудпертъ* (графъ Каринтійскій), искавшій также убѣжища въ Моравіи, былъ коварнымъ образомъ со всей своей свитой умерщвленъ — по приказанію Святополка[2]). Земли этихъ графовъ были отданы монастырю Кремсмюнстерскому. Вся эта исторія довольно темна и возбуждаетъ не мало недоумѣній. Связанъ ли съ участью Рудперта походъ Арнульфа въ Моравію лѣтомъ того же 893 года, какъ полагаютъ нѣкоторые, еще вопросъ[3]).

[1]) Святополкъ приготовилъ засаду нѣмецкому войску, въ которую оно и попало. Арнульфъ едва спасся. Ann. Fuld. 893:.... propter insidias positas magna cum difficultate itineris in Baioaria.... reversus est. Онъ приписалъ спасеніе свое заступничеству святого Эммерама и одарилъ всѣ баварскіе монастыри и особенно монастырь св. Эммерама. См. Dümmler, Gesch. d. Ostfr. R. II, S. 361, 362.

[2]) Ann. Fuld. 893; Ann. Alamann. 893.

[3]) Dudik, M. G., I. B., S. 302—305; Dümmler, Gesch., ibid.

2.

Событія съ 894 года до смерти Арнульфа (899). Моравія по смерти Святополка: междоусобія и вмѣшательство Нѣмцевъ.

Наступилъ 894-й годъ. Арнульфъ былъ особенно занятъ въ то время итальянскими дѣлами. Мечтая о возстановленіи Римской имперіи, онъ поставилъ себѣ ближайшею цѣлью распространить свое господство на Италію, гдѣ въ то время соперничали за императорскую корону двое итальянскихъ герцоговъ: *Беренгаръ* (Бернгардъ) Фріульскій и *Гвидонъ* Сполетскій. По убѣдительной просьбѣ папы Формоза придти на выручку Италіи и взять ее подъ свое покровительство, Арнульфъ рѣшилъ вмѣшаться въ итальянскія дѣла. Еще въ 893 году онъ посылалъ туда своего сына (Цвентибальда), а въ началѣ 894 самъ отправился въ походъ черезъ Альпы съ аламанскимъ войскомъ, поручивъ баварскимъ силамъ защиту восточныхъ границъ своей державы. Этотъ походъ, начатый довольно удачно, ничѣмъ однако не кончился, такъ какъ военныя силы Арнульфа были слишкомъ ограничены. Не достигнувъ никакихъ существенныхъ результатовъ, онъ принужденъ былъ вернуться. Вслѣдъ затѣмъ онъ присутствовалъ на сеймѣ въ Вормсѣ, гдѣ обсуждались дѣла Западно-франкскаго государства, а оттуда лѣтомъ 894 г. вернулся въ Регенсбургъ [1]). Здѣсь его ожидало извѣстіе объ очень счастливомъ для него обстоятельствѣ: около этого времени умеръ его ненавистный противникъ Святополкъ, князь Моравскій, передавъ управленіе княжествомъ своимъ сыновьямъ [2]). Нечего и говорить, какую общую радость среди Нѣмцевъ вызвала эта смерть. Святополкъ—это хорошо понимали на западѣ—уносилъ съ собой въ могилу могущество и политическое единство Моравіи, имъ однимъ державшееся. Враги ея чувствовали, что въ соперничествѣ сыновей Святополка лежитъ источникъ всевозможныхъ бѣдствій для ихъ родины, а за-

[1]) Dümmler, Gesch. II, S. 372—388.

[2]) Ann. Fuld. 894; Regino, 894 etc.

тѣмъ постепеннаго разложенія и гибели славянскаго союза—и злорадствовали. Между тѣмъ, еще лѣтомъ 894 г. Угры, успѣвшіе уже тѣмъ временемъ перекочевать въ равнину Тиссы, предприняли (можетъ быть получивъ извѣстіе о смерти Святополка) опустошительный набѣгъ за Дунай въ Паннонію и, какъ кажется, именно въ Моравскія владѣнія. Это вѣроятно побудило сыновей Святополка осенью того же года заключить миръ съ Арнульфомъ [1]), который въ свою очередь охотно принялъ его, отчасти можетъ быть изъ опасенія, чтобы въ случаѣ отказа Мораване не вздумали призвать къ себѣ на помощь Угровъ, отчасти и изъ другихъ побужденій, связанныхъ съ его планами на западѣ. Приблизительно въ то же время Арнульфъ принималъ посла императора Льва Мудраго, *Анастасія* и, по словамъ лѣтописца, въ тотъ же день отпустилъ его [2]).

Къ зимѣ съ 894 и 895 г. относится возвышеніе *Люитпольда*, родственника Арнульфа, который уже до того управлялъ Карантаніей и, кажется, также частью Восточной марки (другая часть была подъ управленіемъ *Арибо*). Ему были отданы владѣнія обвиненнаго въ заговорѣ графа *Энгильдэо*, во власти котораго были Чешская марка и два графства (такъ назыв. Nordgau и на Дунаѣ Sulzgau) [3]). Такимъ образомъ Люитпольдъ пріобрѣлъ обширную территорію и вмѣстѣ съ тѣмъ огромную власть и вліяніе. На немъ съ этой поры очевидно лежала обязанность защищать границы Германіи со стороны Чехіи, Моравіи и Панноніи. Въ Восточной маркѣ его помощникомъ былъ Арибо. Пробывъ нѣкоторое время въ западныхъ предѣлахъ государства, Арнульфъ лѣтомъ 895 г. вернулся въ Баварію и здѣсь принималъ пословъ *Бодричей* и *Чеховъ,* пришедшихъ заявить добровольное подчиненіе своихъ племенъ власти нѣмецкаго короля и дать обѣщаніе въ вѣрности. Этимъ началось отпаденіе отдѣльныхъ частей Моравскаго союза, и Арнульфъ долженъ былъ конечно ра-

[1]) Ann. Fuld. 894:....pax tempore auctumni inter Baioarios et Moravos compacta est.

[2]) Ibid.

[3]) Dümmler, Gesch. II, S. 393.

доваться такимъ благопріятнымъ признакамъ. Онъ не могъ пока желать лучшихъ отношеній къ сосѣднимъ славянскимъ народностямъ, чѣмъ какія существовали въ тотъ моментъ, къ концу 895 г., и успокоенный съ этой стороны, онъ опять обратилъ свои взоры на Италію. Здѣсь обстоятельства также благопріятствовали его планамъ. На мѣстѣ умершаго въ 894 г. имп. Гвидона сидѣлъ неопытный юноша *Ламбертъ*; папа же Формозъ по прежнему возлагалъ свои надежды на Арнульфа и снова снарядилъ къ нему посольство съ просьбою прибыть въ Римъ, взять подъ покровительство Италію и вступиться за папскіе интересы. Арнульфъ рѣшился послѣдовать приглашенію и, поручивъ восточныя марки Люитпольду, еще осенью 895 г. вторично перешелъ черезъ Альпы. На этотъ разъ съ болѣе многочисленнымъ войскомъ Франковъ и Швабовъ предпріятіе ему удалось, хотя ему и пришлось преодолѣвать значительныя трудности въ сѣверной Италіи. Въ февралѣ 896 года онъ достигъ Рима и долженъ былъ взять его приступомъ, такъ какъ городъ оказался запертымъ и обороняемымъ по распоряженію императрицы *Агельтруды*, вдовы Гвидона. Въ апрѣлѣ 896 г. папа Формозъ короновалъ Арнульфа императорской короной, что̀ было завѣтнымъ желаніемъ послѣдняго. Однако главный результатъ—полное торжество надъ врагомъ — еще не былъ достигнутъ. Арнульфъ уже предпринялъ походъ на гор. Сполето, когда внезапно почувствовалъ себя настолько больнымъ, что принужденъ былъ немедленно пуститься въ обратный путь въ Баварію [1]).

Такимъ образомъ главные успѣхи Арнульфа оказались напрасными и были скоро потеряны, ибо Ламбертъ, по его удаленіи, возстановилъ свою власть и подѣлился Италіей съ Беренгаромъ, который снова предъявилъ свои права. Между тѣмъ силы Арнульфа, этого до тѣхъ поръ мощнаго и энергическаго человѣка, были окон-

[1]) Говорили, будто по наущенію его врага, Агельтруды, онъ былъ отравленъ медленнымъ ядомъ, который причинилъ ему продолжительную болѣзнь и наконецъ свелъ его въ могилу. Подробное изложеніе этого похода и сопровождавшихъ его обстоятельствъ см. у Dümmler'a, ibid, S. 412—422.

чательно подкошены. Болѣзнь лишила его возможности продолжать свою неутомимую дѣятельность и осуществлять широко задуманные планы. Онъ ослабѣлъ и физически, и нравственно — именно въ тотъ моментъ, когда ему болѣе чѣмъ когда-либо надо было быть дѣятельнымъ и предпріимчивымъ, въ виду собиравшихся тучъ на востокѣ.

Что же происходило между тѣмъ въ Моравіи?

Выше, въ очеркѣ ей посвященномъ (стр. 97—148), мы охарактеризовали положеніе этого княжества въ послѣдніе годы жизни Святополка. Несмотря на расширеніе владѣній послѣдняго, славянскій политическій союзъ не представлялъ ничего прочнаго и не заключалъ въ себѣ задатковъ самостоятельнаго политическаго развитія. Съ разрушеніемъ великаго дѣла славянскихъ апостоловъ, онъ лишился той внутренней основы и опоры, при которой только и возможно было возникновеніе самостоятельной національной культуры и вообще развитіе народныхъ силъ, способное дать надлежащій отпоръ чужеземному вліянію, отстоять политическую независимость родины и привлечь къ общему союзу соплеменныхъ сосѣдей. Усиленіе Моравіи при Святополкѣ имѣло характеръ случайный и искуственный, обусловливалось временными отношеніями и сдѣлками съ Восточно-франкской державой, страдавшей также отсутствіемъ внутренняго единенія и нуждавшейся часто во внѣшнемъ содѣйствіи, и не имѣло подъ собой никакой твердой почвы. При первомъ дружномъ натискѣ несравненно сильнѣйшаго врага это эѳемерное зданіе должно было рушиться, подвергнувъ свои составныя части печальной участи быть задавленными безпощадною рукою чуждой власти и чуждой національности. Святополкъ самъ, какъ видно изъ его отношеній къ Меѳодію и подчасъ изъ его политики, былъ далекъ отъ пониманія истинныхъ благъ и нуждъ своей родины, и нерѣдко безсознательно помогалъ врагамъ своимъ, умѣвшимъ прикидываться передъ нимъ искренними друзьями. Давно уже при дворѣ Моравскихъ князей гнѣздилась нѣмецкая партія, но никогда она не была такъ сильна, какъ при Святополкѣ. Она сумѣла воспользо-

ваться личными слабостями послѣдняго, чтобы пріобрѣсть сильное вліяніе на его образъ мыслей и дѣятельность. Главою этой партіи былъ, какъ извѣстно, *Викингъ*, ставшій послѣ смерти Меѳодія и изгнанія его учениковъ—архіепископомъ Паннонскимъ и Моравскимъ. Послѣ разрыва и войны 892 г. Святополкъ, какъ кажется, понялъ свои прежнія ошибки, сталъ остерегаться Нѣмцевъ у себя дома и лишилъ ихъ своего довѣрія. Этимъ слѣдуетъ объяснить внезапное оставленіе Викингамъ своего поста въ Моравіи въ 893 г. и поступленіе канцлеромъ къ Арнульфу. Нельзя однако думать, что, оставивъ свою пастырскую дѣятельность въ Моравскомъ княжествѣ, Викингъ прервалъ всякія сношенія со своими тамошними друзьями и сообщниками. Его цѣли и задачи не измѣнились, а слѣдовательно не прекратилась конечно и та скрытая дѣятельность, которая вела его къ этимъ цѣлямъ. Происки и интриги его продолжались по прежнему: онъ перемѣнилъ только свое положеніе и мѣсто, такъ какъ пребываніе при Святополкѣ, послѣ потери личнаго къ нему довѣрія послѣдняго, стало для него менѣе удобнымъ, между тѣмъ какъ постъ канцлера при Арнульфѣ былъ какъ нельзя болѣе кстати. Святополку не суждено было однако продолжать предпринятую борьбу съ Нѣмцами. Онъ умеръ въ 894 г., и съ его смертью изчесло для Моравіи послѣднее условіе нѣкоторой политической силы и самостоятельности, т. е. единство власти, личная энергія и предпріимчивость ея представителя. Съ 894 года наступаетъ для нея періодъ явнаго паденія и разрушенія. Періодъ этотъ въ общемъ характеризуется тѣми же самыми явленіями внѣшней политической и внутренней жизни, какими отличается и вся исторія образованія и возвышенія Моравскаго союза, только съ тою разницею, что въ этомъ послѣднемъ не было уже тогда внутреннихъ условій для успѣшности борьбы за существованіе, а между тѣмъ къ прежнимъ врагамъ прибавился еще новый — хищный и сильный. Явленія эти были съ одной стороны — вмѣшательство во внутреннія дѣла и междоусобія враговъ и податливость на всевозможныя сдѣлки въ явный ущербъ своимъ интересамъ,

съ другой — рознь и междоусобія у себя дома, которыя проявились теперь сильнѣе чѣмъ когда-либо и представляли врагамъ удобный случай интриговать и строить козни. Правда, и въ этомъ періодѣ слѣдуетъ отмѣтить одну дѣйствительно патріотическую попытку со стороны Моравскаго князя снова создать благопріятную почву для борьбы съ чужеземнымъ вліяніемъ и для защиты національныхъ интересовъ. Мы разумѣемъ обращеніе князя Мойміра къ папѣ съ просьбой взять на себя церковную организацію страны—помимо нѣмецкаго духовенства, и дѣйствительное исполненіе этой просьбы папой *Іоанномъ IX*. Однако эта попытка осталась безъ результатовъ по той простой причинѣ, что явилась слишкомъ поздно, когда уже ничто не могло болѣе воскресить Моравіи, сперва окончательно потрясенной отпаденіемъ естественныхъ союзниковъ (Чеховъ и другихъ Славянъ) и послѣдними враждебными предпріятіями западнаго сосѣда, а подъ конецъ смятой натискомъ хищныхъ Угровъ съ востока.

Послѣ Святополка осталось, по одному извѣстію, три, по другимъ два сына [1]). Рѣшить, которое изъ этихъ двухъ различныхъ показаній вѣрнѣе, мы не имѣемъ возможности; но судя по тому, что до насъ дошли имена только двухъ сыновей, Мойміра и Святополка, мы имѣемъ нѣкоторое право предположить, что если и былъ третій сынъ, то онъ, какъ вѣроятно самый младшій, былъ по смерти отца устраненъ своими братьями отъ дѣлежа наслѣдства, такъ что ему не пришлось играть политической роли и оставить по себѣ какую-либо память въ исторіи. Очень возможно, что онъ былъ еще малолѣтнимъ при смерти отца, такъ какъ и Святополкъ II названъ еще юношей въ 899 году (Ann. Fuldens.) [2]).

[1]) Константинъ Багрянородный (De Adm. Imp. c. 41. p. 175—6) говоритъ о *трехъ* сыновьяхъ: ἔσχε δὲ ὁ αὐτὸς Σφενδοπλόκος τρεῖς υἱούς, καὶ τελευτῶν διεῖλεν εἰς τρία μέρη τὴν ἑαυτοῦ χώραν, καὶ τοῖς τρισὶν υἱοῖς αὐτοῦ ἀνὰ μιᾶς μερίδος κατέλιπε, τὸν πρῶτον καταλείψας ἄρχοντα μέγαν, τοὺς δὲ ἑτέρους δύο τοῦ εἶναι ὑπὸ τὸν λόγον τοῦ πρώτου υἱοῦ. Западные анналы, напр. *Фульденскіе* (898 г.) говорятъ только о *двухъ* сыновьяхъ: Моймірѣ и Святополкѣ.

[2]) Дудикъ (Gesch. M., I, S. 319) называетъ третьяго сына *Святобоемъ* (?), но безъ достаточнаго повода (срв. Шафарикъ, II, 2 к., стр. 306). Другіе (Szalay,

Святополкъ, умирая, подѣлилъ Моравію между сыновьями, подчинивъ однако младшихъ (или младшаго) старшему [1]). Это раздѣленіе было именно тѣмъ роковымъ шагомъ, который привелъ къ распаденію и къ окончательной гибели уже расшатанный Моравскій союзъ. Внутренняя смута, начавшаяся между братьями изъ-за первенства [2]), дала возможность врагамъ въ короткое время такъ обезсилить Моравію, что достаточно было еще одного рѣшительнаго удара, чтобы навсегда покончить съ нею [3]). Мы видѣли, что

Gesch. d. Ung., I, S. 17) видятъ въ Zobor'ѣ (Нитр. князѣ, Анонима Нотарія Бѣлы 3-го сына Святополка, однако также разумѣется безъ достаточнаго основанія (Fessler-Klein, S. 59). Въ вопросѣ о семействѣ Святополка имѣетъ нѣкоторое значеніе извѣстная *Чивидальская* Евангельская рукопись (Evangelienhandschrift zu Cividale, изд. въ Archiv der Gesellsch. f. ält. d. Gesch. II B., S. 113), гдѣ между славянскими именами встрѣчаются на 4-мъ листѣ вмѣстѣ (написаны тою же рукою) имена: «*Szuentiepulc*, *Szuentezizna*, *predezlaus*». Ученые (К. Иречекъ и Рачкій) согласны видѣть здѣсь историческаго Святополка Моравскаго, а во 2-мъ имени его жену, что̀ подтверждается сохранившимся въ Зальцбургской братской книгѣ (изд. Karajan'омъ) именемъ послѣдней въ формѣ uu....uizna=(s)uu(ent)ezizna. См. Rački, *Rad*, XLII, 207—208. Кто такое *Предеславъ*—совершенно неизвѣстно. Не былъ-ли это можетъ быть именно тотъ изъ сыновей Святополка (малолѣтній), имя котораго до насъ не дошло инымъ путемъ?

[1]) Const. P., De A. I. c. 41, p. 175. Константинъ разсказываетъ о томъ, какъ Святополкъ внушалъ сыновьямъ жить согласно, и при этомъ аллегорически, посредствомъ опыта надъ связанными прутьями, представилъ слѣдствія ихъ единенія и согласія, и слѣдствія разъединенія и несогласія.

[2]) Было высказано предположеніе, не совсѣмъ невѣроятное, что ссора братьевъ произошла по смерти третьяго брата, часть котораго они другъ у друга оспаривали. См. Sasinek, Dejiny dr. nar., 1867, p. 173.

[3]) У Константина, не могшаго конечно знать подробностей и всѣхъ обстоятельствъ паденія Моравіи, отмѣченъ только вообще самый фактъ разрушенія и его ближайшая причина, т.е. междоусобія сыновей Святополка. Главными дѣятелями этого разрушенія являются у него Угры, дѣйствительно довершившіе то дѣло, къ которому такъ стремились и которое подготовили Нѣмцы. Впрочемъ слѣдствія погрома *собственно для Моравіи* изображены и у К-на преувеличенно, да и гдѣ же ему было вѣрно оцѣнить эти слѣдствія. Вотъ разсказъ Константина (De A. I., 41 c., p. 176): μετὰ δὲ τὴν τελευτὴν τοῦ αὐτοῦ Σφενδοπλόκου ἕνα χρόνον ἐν εἰρήνῃ διατελέσαντες, ἔριδος καὶ στάσεως ἐν αὐτοῖς ἐμπεσούσης, καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐμφύλιον πόλεμον ποιήσαντες, ἐλθόντες οἱ Τοῦρκοι τούτους παντελῶς ἐξωλόθρευσαν, καὶ ἐκράτησαν τὴν αὐτῶν χώραν, εἰς ἣ καὶ ἀρτίως οἰκοῦσι. καὶ οἱ ὑπολειφθένθες τσῦ Λαοῦ διεσκορπίσθησαν προσφυγόντες εἰς τὰ παρακείμενα ἔθνη, εἴς τε τοὺς Βουλγάρους καὶ Τούρκους καὶ Χρωβάτους καὶ εἰς τὰ λοιπὰ ἔϑνη.

сыновья Святополка еще въ 894 г., вѣроятно подъ вліяніемъ угорскаго набѣга, поспѣшили заключить міръ съ Арнульфомъ. На слѣдующій годъ (895) Моравія понесла первую существенную потерю вслѣдствіе отпаденія Чехіи. Чешскіе князья, Спитигнѣвъ и Вратиславъ, сами явились въ Регенсбургъ къ Арнульфу съ изъявленіемъ покорности и клятвою въ вѣрности. Изъ этого факта уже видно, что Моравія, послѣ разъединенія въ ней княжеской власти, утратила свой авторитетъ у племенъ, входившихъ въ ея составъ, и не внушала имъ болѣе никакого страха. Такое безпомощное состояніе ея подтверждается тѣмъ, что сыновья Святополка дѣйствительно должны были въ концѣ концовъ помириться съ совершившимся фактомъ, хотя, какъ увидимъ далѣе, и старались потомъ отомстить Чехамъ, безпокоя ихъ предѣлы. Съ тѣхъ поръ до окончательной гибели Моравіи, Чехи находились постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ къ ней и причиняли ей не мало вреда, помогая ея исконнымъ врагамъ наносить ей послѣдніе рѣшительные удары.

Въ 896 году осенью, по возвращеніи изъ второго итальянскаго похода, Арнульфъ принималъ посла отъ Византійскаго императора Льва, епископа *Лазаря*[1]).

Это посольство имѣетъ для насъ особенно въ одномъ отношеніи немаловажное значеніе. Извѣстію о немъ въ Фульденской лѣтописи непосредственно предшествуетъ разсказъ объ угро-болгарской войнѣ, которую лѣтописецъ относитъ къ тому же году. Историки, опредѣляющіе для этой войны промежутокъ между 893-имъ и 895 г., не упускаютъ при этомъ изъ виду разумѣется и показанія Фульденскихъ анналовъ, для нихъ довольно подходящаго. Однако нѣтъ сомнѣнія, что—въ виду разногласія и сбивчивости существующихъ свидѣтельствъ для опредѣленія времени этой войны — показанія западныхъ лѣтописцевъ сравнительно съ показаніями византійцевъ заслуживаютъ во всякомъ случаѣ меньшаго довѣрія, такъ какъ на далекій западъ извѣстія съ востока

[1]) Ann. Fuldens., a. 896.

проникали вообще неправильно, медленно, и притомъ большею частію случайнымъ путемъ. Съ своей стороны мы, относя угро-болгарскую войну къ 889—892 году, признаемъ этимъ самымъ ошибочность показанія Фульденской лѣтописи; такое отрицаніе его получитъ однако еще большій вѣсъ, если удастся вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить его происхожденіе. Въ этомъ отношеніи мы и считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на вышеупомянутое извѣстіе того же источника о посольствѣ Льва Мудраго къ императору Арнульфу.

Прежде всего это посольство, равно какъ и предыдущее 894 года (въ которомъ посланъ былъ Анастасій), можетъ служить намъ нѣкоторымъ образомъ подтвержденіемъ того, что окончаніе войны Болгаръ съ Уграми относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ къ 895 году. Еслибъ императоръ Левъ пригласилъ Угровъ въ 893 г. напасть на Болгаръ, съ которыми, какъ извѣстно, еще въ 892 г. дружественный имъ Арнульфъ заключилъ договоръ (о неввозѣ соли въ Моравію), то трудно предположить, чтобъ онъ (Византійскій императоръ) во время самой войны (въ 894 г.) и вслѣдъ за ней сталъ отправлять посольство къ нѣмецкому королю, отъ котораго не могла укрыться истинная роль Грековъ въ ней и котораго сочувствія не могли не быть на сторонѣ Болгаріи. Между тѣмъ спустя два и болѣе лѣтъ послѣ войны, какъ выходитъ по нашему исчисленію, фактъ посольства уже перестаетъ быть страннымъ[1]). Затѣмъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ связи второго посольства 896 года съ помѣщеннымъ подъ тѣмъ же годомъ разсказомъ Фульденской лѣтописи о болгаро-угор-

[1]) Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство: 1-ое посольство Льва въ 894 г. было какъ-будто сухо принято Арнульфомъ: «Missus Leonis, imperatoris Graecorum, ad regem urbe Radisbona Anastasius, cum muneribus venit: quem rex audivit, et eodem die absolvit». Ann. Fuld. a. 894; между тѣмъ второе посольство было принято милостивѣе и одарено. Весьма вѣроятно, что въ 894 г. Арнульфъ хотѣлъ показать нѣкоторое неудовольствіе Грекамъ за ихъ образъ дѣйствія относительно Болгаръ. Въ 896 г. воспоминаніе объ этомъ уже изгладилось.

ской распрѣ. Хронологическая ошибка послѣдней очень естественно объясняется тѣмъ, что Фульденскій лѣтописецъ впервые получилъ опредѣленное извѣстіе о событіяхъ на нижнемъ Дунаѣ вслѣдствіе болѣе подробнаго сообщенія о нихъ византійскаго посла Лазаря при дворѣ Арнульфа[1]). Уже Дюмлеръ призналъ этотъ *греческій* источникъ въ фульденскомъ извѣстіи, причемъ справедливо указалъ на то, что̀ въ самомъ извѣстіи наводитъ на такое заключеніе[2]). Коварство Грековъ было достаточно извѣстно на западѣ, и западный лѣтописецъ не упустилъ конечно случая упомянуть о немъ и въ своемъ разсказѣ[3]), но передача имъ самой завязки войны и нѣкоторыхъ подробностей явно свидѣтельствуетъ о своемъ греческомъ происхожденіи и—вѣрнѣе всего—изъ устъ византійскаго посла Лазаря. Извѣстіе начинается такъ: «Греки заключаютъ миръ съ Аварами (иначе Уграми); это принимается въ дурную сторону сосѣдями Грековъ Болгарами: они возстаютъ на нихъ войною и преслѣдуютъ ихъ, разоряя всю ихъ землю до воротъ Константинополя»[4]); только тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, Греки въ отомщеніе призываютъ Угровъ противъ Болгаръ и т. д. Кто другой, кромѣ византійцевъ, могъ такъ истолковать причину угроболгарской войны? Въ этой передачѣ такъ и рисуется Грекъ,

[1]) Составитель послѣдней части Фульденскихъ анналовъ (882—901), по всему видно, былъ очень близокъ ко двору императора Арнульфа и черпалъ свои свѣдѣнія непосредственно изъ придворныхъ сферъ. См. Dümmler, Gesch., II, S. 483—484. Срв. Wattenbach, Deutschl. Geschichtsquellen im Mittelalt. Berl., 1873, I, S. 173.

[2]) По его словамъ, греческій взглядъ виденъ въ томъ, что̀ будто-бы кн. Михаилъ совѣтуетъ Болгарамъ: penitenciam de inlata Christianis injuria, dein auxilium a Deo quaerendum esse praemonuit (Подобный же взглядъ выражаетъ имп. Левъ VI въ Tactica, p. 288); см. Dümmler, de Arnulfo, Francorum rege, Berol. 1852, p. 173 и Gesch. d. Ostfr. R. II, S. 450, Anm.

[3]) Ann. Fuld. 896:... Quod ad ulciscendum Graeci *astucia sua* naves illorum contra Avaros mittunt etc.

[4]) Ann. Fuld. 896 (Pertz, SS. I, p. 412): «pacem ergo Graeci cum eodem anno cum Avaris (qui dicuntur Ungari) facientes; quod eorum (con)cives Bulgari in pravum vertentes, hostili expeditione contra eos insurgunt, et omnem regionem illorum usque portam Constantinopolitanam devastando insecuntur». etc.

разсказывающій Арнульфу о причинахъ и ходѣ этой войны и старающійся оправдать въ ней Византійскаго императора. Послѣдній заключилъ только миръ съУграми, а Болгары приняли это въ дурную сторону (in pravum vertentes) и сами начали войну съ Греками, давъ этимъ поводъ вмѣшать въ дѣло Угровъ. . . . Итакъ для насъ какъ нельзя болѣе ясно, какимъ образомъ извѣстіе о войнѣ угро-болгарской, бывшей отъ 889 до 892 г., могло попасть въ Фульденскую лѣтопись подъ 896 годъ.

Послѣ этого маленькаго отступленія возвращаемся къ событіямъ 896 года. Отъ греческаго посла и изъ другихъ источниковъ Арнульфъ безъ сомнѣнія уже узналъ и подробности о томъ, какъ Мадьяры оставили нижній Дунай и Валахію, узналъ, что они кочуютъ теперъ въ среднедунайской равнинѣ, и слѣдовательно не на шутку угрожаютъ пограничнымъ владѣніямъ Нѣмцевъ. О ихъ набѣгѣ на Моравію 894 г. Арнульфъ конечно зналъ и могъ бы даже радоваться этому, но съ Моравіей граничили его собственныя владѣнія, которыя ничѣмъ не были застрахованы отъ мадьярскихъ набѣговъ. Поэтому-то Арнульфъ поручилъ охрану Нижней Панноніи князю *Браціаву*, вѣрному своему вассалу, владѣвшему землей между Дравой и Савой [1]).

Это обстоятельство, т. е. порученіе именно Блатенской Панноніи (Pannoniam cum urbe paludarum) Браціаву можетъ возбудить нѣкоторое недоумѣніе. Въ послѣднее десятилѣтіе при жизни Святополка (884—894) Нижняя Паннонія—не знаемъ впрочемъ въ точности въ какомъ объемѣ (во всякомъ случаѣ за исключеніемъ такъ называемаго графства «Dudleipa»)—была владѣніемъ Моравскаго князя. Этимъ расширеніемъ Моравіи на югъ объясняется между прочимъ названіе «Великой Моравіи» (ἡ Μεγάλη Μοραβία), данное ей Константиномъ Багрянороднымъ, и свидѣтельство его о ея предѣлахъ. Спрашивается, понимать ли извѣ-

[1]) Ann. Fuld. 896: Stipantibus vero isdem in partibus inter se conflictibus, imperator Pannoniam cum urbe Paludarum tuendam Brazlowoni, duci suo, in id tempus commendavit.

стіе Фульденской лѣтописи въ томъ смыслѣ, что Арнульфъ поручилъ въ 896 г. Брацлаву лишь ту часть Панноніи, которая оставалась еще за нимъ, послѣ уступки большей части Нижней Панноніи Святополку [1]), или же въ томъ смыслѣ, что Брацлаву была поручена *вся* Нижняя Паннонія, изъ чего слѣдуетъ, что она послѣ смерти Моравскаго князя уже успѣла перейти въ руки Арнульфа [2]) (о чемъ однако нѣтъ никакого лѣтописнаго свидѣтельства)? На нашъ взглядъ едва-ли есть надобность принимать непремѣнно одно изъ этихъ двухъ объясненій. Принимая первое изъ нихъ, коего держатся Дудикъ и Дюмлеръ, приходится предположить, что Блатенская Паннонія, которая именно была поручена Брацлаву, не входила въ предѣлы моравскихъ владѣній, чтó совершенно невѣроятно, ибо эта часть была нѣкогда центромъ княжества Коцела, ею дорожилъ всего болѣе Моравскій князь и безъ нея присоединеніе Нижней Панноніи къ его владѣніямъ не могло бы имѣть смысла. Съ другой стороны, нѣтъ никакого основанія и надобности предполагать, что съ 894 г. произошла здѣсь перемѣна, и власть Моравскаго князя въ Нижней Панноніи смѣнилась властью Арнульфа. Дѣло объясняется, какъ намъ кажется, иначе и проще. Арнульфъ, узнавъ о кочевьяхъ мадьярской орды на среднедунайской равнинѣ, долженъ былъ позаботиться о защитѣ своихъ предѣловъ. На самомъ Дунаѣ и со стороны Моравіи достаточно охраняли границы его державы маркграфы, да и собственное его вниманіе было направлено въ эту сторону, гдѣ на первомъ планѣ стояли моравскія отношенія. Между тѣмъ со стороны Нижней Панноніи, гдѣ мѣстность, въ особенности равнина Дравы, представляла Мадьярамъ самый удобный путь для совершенія ихъ набѣговъ, германскія границы были менѣе защищены и подвергались бóльшей опасности. Этотъ нижне-паннонскій край на сѣ-

[1]) Такъ представлялъ себѣ дѣло Dudik, M. G. I, S. 261, 322; также Dümmler, S.-Ö. M., S. 56; Büdinger, S. 205.

[2]) Такого мнѣнія держится г. Успенскій (Сл. Мон.), стр. 97.

веръ отъ Дравы принадлежалъ Мораванамъ, но могъ ли въ то время Арнульфъ расчитывать на защиту его послѣдними? Съ необходимостью предоставить его врагу онъ бы могъ, конечно, легко помириться, но съ этимъ была связана большая опасность для его собственныхъ земель, и надо было принять надежныя мѣры для огражденія себя именно съ этой стороны. Подъ бокомъ у него, въ странѣ сосѣдней съ тѣмъ краемъ, между Дравой и Савой былъ у него вѣрный вассалъ — князь Брацлавъ. Совершенно понятно, что къ нему и обратился Арнульфъ въ трудныхъ обстоятельствахъ и поручилъ ему охрану отъ Мадьяръ всей Нижней Панноніи. Онъ конечно имѣлъ при этомъ въ виду, что съ распаденіемъ и разгромомъ Моравіи, Нижняя Паннонія должна стать его добычей, и потому смотрѣлъ уже на всю Паннонію, какъ на свое достояніе [1]). Въ этомъ-то смыслѣ мы и понимаемъ извѣстіе Фульденской лѣтописи, что «Imperator Pannoniam cum urbe Paludarum tuendam Brazlowoni, duci suo, in id tempus commendavit». Всякое другое объясненіе едва-ли можетъ быть умѣстно.

Однако послѣ извѣстнаго намъ опустошенія Панноніи Уграми въ 894 году въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (до смерти Арнульфа) нѣтъ никакихъ извѣстій о мадьярскихъ набѣгахъ на западъ, въ предѣлы моравскіе и германскіе. Это не мѣшаетъ впрочемъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ предполагать, что и въ этотъ промежутокъ времени происходили набѣги Угровъ — какъ въ Паннонію, такъ особенно въ собственную Моравію [2]). Дѣйствительно трудно допустить, чтобъ за это время Мадьяры вовсе не переходили Дуная и не тревожили Моравіи. Не было можетъ быть большихъ общихъ набѣговъ, но были вѣроятно частныя нападенія отдѣльными небольшими шайками, далеко не

[1]) Въ церковномъ отношеніи и безъ того Нѣмцы по смерти Меѳодія смотрѣли на Паннонію, какъ на свою землю. Такъ духовенство баварское въ пресловутомъ посланіи къ папѣ Іоанну IX въ 900 г. выражается о Панноніи: nostra maxima provincia. Erben, Regesta Boh. et. Mor., p. 24.

[2]) Dümmler, Gesch. II, S. 450—451.

проникавшими, оставшіяся поэтому не занесенными въ лѣтописи. Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что не было значительныхъ предпріятій Мадьяръ на западъ за это время? По нашему мнѣнію, это можетъ быть объяснено нѣсколькими обстоятельствами, и прежде всего тѣмъ, что силы Мадьяръ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ были по преимуществу направлены въ другую сторону.

Расположившись въ незнакомой имъ еще тиссо-дунайской равнинѣ и избравъ ее съ того момента своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ—изъ-за тѣхъ удобствъ и преимуществъ, которыя она дѣйствительно представляла имъ своимъ природнымъ характеромъ, новые поселенцы прежде всего конечно находили нужнымъ осмотрѣться со всѣхъ сторонъ, узнать, въ чьемъ сосѣдствѣ они поселились и не угрожаетъ ли имъ откуда-нибудь опасность; ихъ ближайшая цѣль была внушить страхъ сосѣдямъ, по возможности расширить предѣлы своего господства и тѣмъ обезпечить себя отъ всякихъ случайностей. Пребываніе въ Ателькузу и испытанный погромъ сдѣлали ихъ еще болѣе осторожными. Съ западными сосѣдями, Моравaнами и Нѣмцами, они уже успѣли познакомиться. Безъ сомнѣнія, послѣ похода 894 года они направили свои силы въ другія имъ невѣдомыя стороны — на сѣверъ и сѣверовостокъ. Насколько они распространили здѣсь свою власть, встрѣтили ли они какое-нибудь сопротивленіе въ мѣстномъ населеніи, сопровождались ли ихъ походы сюда такими же опустошеніями, какъ на западѣ,— все это намъ столько же мало извѣстно, сколько вообще темны этнографическія и историческія отношенія и культурное состояніе этихъ сѣверовосточныхъ и восточныхъ странъ нынѣшней Угріи (съ Трансильваніей) въ ту эпоху. Несомнѣнно одно — что Мадьяры не могли встрѣтиться здѣсь ни съ какой политической силой, въ формѣ ли особаго княжества или союза племенъ. Слѣдовательно и никакого организованнаго сопротивленія имъ здѣсь не могло быть оказано. Другой несомнѣнный фактъ— тотъ, что въ этихъ сѣверныхъ и восточныхъ краяхъ ихъ окружало исключительно славянское населеніе. Только въ горахъ Тран-

сильваніи они могли бы натолкнуться на валашскихъ пастуховъ, но на первыхъ порахъ они едва-ли успѣли проникнуть вглубь этой горной страны. Вообще слишкомъ гористыя мѣстности ихъ вездѣ останавливали. Имѣя въ виду ихъ кочевыя привычки и характеръ, мы можемъ съ большою вѣроятностью предположить, что направленіе ихъ первоначальнаго движенія и распространеніе ихъ власти шло по большимъ рѣкамъ: съ одной стороны вверхъ по Тиссѣ и ея притокамъ съ сѣвера, съ другой—по р. Темешу и лѣвымъ притокамъ Тиссы (Марошу, Кэрэшу и др.). Большія, обильныя рыбой рѣки, съ роскошными пастбищами по берегамъ, были ихъ естественными проводниками. Славянское населеніе сѣверныхъ, сѣверовосточныхъ и восточныхъ окраинъ угорской равнины первое (послѣ паннонскихъ Славянъ) подверглось мадьярскому погрому. Оно было вообще рѣдко и безъ труда было покорено. Нѣкоторая его часть по всей вѣроятности успѣла бѣжать и укрыться въ горахъ, населенныхъ соплеменниками [1]). Оставшіеся должны были работать на новыхъ повелителей, т. е. платить имъ дань—конечно, натурой. За предѣлы равнины Мадьяры первоначально еще не распространяли своего господства.

Итакъ въ этой-то сторонѣ, надо полагать, были заняты они въ первые годы по своемъ переселеніи. Другая причина, которою можно объяснить то, что до 899 г. Угры не предпринимали большихъ походовъ на западъ, состоитъ въ отношеніи ихъ къ Арнульфу. По всей вѣроятности имъ всетаки внушалъ страхъ Арнульфъ и его военныя силы, съ которыми они имѣли случай познакомиться еще въ 892 г. Уграмъ, какъ и другимъ кочевникамъ, была страшна всякая организованная, хорошо вооруженная сила, а таковою они справедливо считали нѣмецкое войско съ Арнульфомъ во главѣ. Мы ниже увидимъ, какое впечатлѣніе произвело на нихъ многочисленное и стройное войско Итальян-

[1]) Впрочемъ, когда улеглась буря мадьярскаго налёта и прошелъ первый страхъ, многіе Славяне вѣроятно вернулись изъ горъ въ свои прежнія жилища, куда ихъ привлекали земледѣльческія занятія и привычки къ жизни въ равнинѣ.

цевъ во время ихъ похода въ Италію въ 899 г. Какъ только Арнульфъ умеръ, начались ихъ безпрерывные набѣги на западъ. Этотъ фактъ заслуживаетъ вниманія.

Наконецъ къ объясненію этого явленія можетъ послужить еще одна догадка, едва-ли еще не болѣе правдоподобная. Очень можетъ быть, что Арнульфъ задабривалъ Угровъ деньгами и подарками и такимъ образомъ отвлекалъ ихъ отъ своихъ предѣловъ. Прямое указаніе на это имѣется въ извѣстномъ письмѣ баварскаго духовенства къ папѣ Іоанну IX. Здѣсь Баварцы оправдываютъ себя между прочимъ въ направленныхъ противъ нихъ обвиненіяхъ со стороны Моравань, будто они заключили мирный договоръ съ Уграми и давали имъ денегъ, чтобъ тѣ пошли въ Италію. Отрицая именно это, Баварцы однако сознаются въ томъ, что они для укрощенія дикости Угровъ, безпокоившихъ сосѣднія христіанскія области, давали имъ подарки, но не деньгами, а льняными одеждами [1]). Ужъ если Нѣмцы сами сознаются въ этомъ (въ такомъ проникнутомъ неправдою и фальшью посланіи), то есть основаніе заключить изъ того, что эти подарки были просто систематическимъ подкупомъ, чтобы защитить нѣмецкую территорію, и что скрыть эту мѣру уже нельзя было ни отъ кого.

Формальный миръ между Арнульфомъ и сыновьями Святополка, заключенный въ 894 г., продолжался еще и въ 897 г., но взаимныя отношенія ихъ были, по всему видно, натянуты; Арнульфъ не скрывалъ своей враждебности къ Моравіи и не доставало только рѣшительнаго повода для открытаго столкновенія. Въ самомъ началѣ 897 года или еще въ концѣ 896-го явилось къ Арнульфу посольство отъ Моравань съ ходатайствомъ, чтобъ Нѣмцы, въ виду упроченія мира, не принимали къ себѣ изгнанниковъ и бѣглецовъ изъ Моравіи. Понятно, какъ долженъ былъ

[1]) Quia enim christianis nostris longe a nobis potitis semper imminebant, et persecutione ipsos nimia affligebant, donavimus illis nullius pretiosae pecuniam substantiae, et tantum nostra linea vestimenta, quatenus eorum feritatem aliquatenus molliremus. Erben, Regesta. № 54, p. 23.

отнестись Арнульфъ къ подобнаго рода ходатайству: оно такъ мало согласовалось съ его собственной извѣстной намъ политикой и видами, что о дѣйствительномъ исполненіи имъ этого ходатайства конечно не могло быть и рѣчи. Не желая еще разрыва, онъ можетъ быть и успокоилъ моравскихъ пословъ, но принялъ и отпустилъ ихъ кажется вообще сухо [1]). Въ томъ же году позднѣе, возвращаясь съ запада, Арнульфъ принималъ въ Зальцѣ посольство Сорбовъ, которые явились съ подарками [2]), слѣдовательно какъ-бы съ изъявленіемъ покорности. Объ отношеніяхъ къ нимъ со времени послѣдней войны 880 года [3]) нѣтъ никакихъ извѣстій. Очень вѣроятно, что и они примкнули къ Моравскому союзу во время его усиленія при Святополкѣ, но послѣ его смерти и послѣ отпаденія Чеховъ они конечно не замедлили послѣдовать ихъ примѣру, потерявъ довѣріе къ силамъ распадавшейся Моравіи. Впрочемъ вопросъ о ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ за все это время остается невыясненнымъ [4]). Наконецъ къ 897 г. относится еще одно славянское посольство къ Арнульфу, которое было принято имъ наиболѣе милостиво и имѣло полный успѣхъ въ своемъ ходатайствѣ, — потому конечно, что послѣднее какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало желаніямъ и планамъ нѣмецкаго императора. Посольство это было отъ Чеховъ, которые жаловались на притѣсненія со стороны Мораванъ и просили Арнульфа принять ихъ подъ свою защиту [5]). Было высказано мнѣніе о связи

[1]) Намекъ на такой сухой пріёмъ видятъ даже и въ Фульденской лѣтописи. Ann. Fuld., 897:.... Advenientibus ibidem ad eum Maravorum missis, qui pro pace constituenda, ne exules eorum profugi reciperentur, ab imperatore flagitabant; quos rex ut audivit, absolvit et (*sine nora*) abire permisit.

[2]) Ann. Fuld., ibid:.... advenientibus ibi ad eum cum muneribus Soraborum missis etc.

[3]) Ibid., a. 880.

[4]) Dümmler, Gesch. II, S. 457.

[5]) An. Fuld. 897: His ita expletis, contigit ut gentis Behemicarum duces ad imperatorem Arnulfum, qui tunc Radisbona urbe moratus est, devenerunt, offerentes ei munera regia et sua suorumque fidelium suffragia contra eorum inimicos Marahabitas postulantes, a quibus tum saepe, ut ipsi testificati sunt, durissime comprimebantur.

этого посольства Чеховъ съ предыдущимъ посольствомъ Моравань, разумѣвшихъ будто-бы въ своемъ вышеупомянутомъ ходатайствѣ подъ бѣглецами—отпавшихъ отъ союза Чеховъ и Сорбовъ [1]). Однако это предположеніе не имѣетъ ровно никакого основанія, ибо подъ бѣглецами (exules eorum profugi) очевидно разумѣются отдѣльныя лица; да и слишкомъ наивно было бы со стороны Моравскихъ князей — выражать Арнульфу свою претензію на измѣну Чеховъ и Сорбовъ.

О какихъ претѣсненіяхъ Чеховъ Моравани здѣсь идетъ рѣчь? Достаточно ясно, что тутъ разумѣются вторженія послѣднихъ въ чешскіе предѣлы. Итакъ Мораване не совсѣмъ оставили неотомщеннымъ поступка Чеховъ. Они не имѣли силъ и смѣлости предпринять противъ нихъ что-либо рѣшительное, но довольствовались мелкой войной, опустошительными вторженіями въ ихъ землю. Чехи прибѣгли наконецъ къ помощи Нѣмцевъ. Арнульфъ принялъ ихъ пословъ самымъ радушнымъ образомъ, успокоилъ обѣщаніемъ исполнить ихъ просьбу и, одаривъ, отпустилъ домой. Обѣщаніе не ограничилось одними словами. Арнульфъ считалъ своевременнымъ на дѣлѣ проявить свое враждебное отношеніе къ Моравіи и стать къ ней въ угрожающее положеніе. Онъ всю осень того года простоялъ съ войскомъ на сѣверъ отъ Дуная, близь р. Регена, по сосѣдству съ Чехіей — съ тѣмъ, чтобы придти на помощь Чехамъ, какъ скоро имъ снова будетъ угрожать опасность со стороны Моравань [2]). Однако такого случая повидимому болѣе не представилось. Угроза вѣроятно подѣйствовала: о предпріятіяхъ Моравань противъ Чеховъ мы болѣе ничего не слышимъ. Впрочемъ главной тому причиной были разразившееся въ слѣдующемъ году пагубными междоусобіями сопер-

[1]) Palacky, Gesch. Böhm. I, S. 154.

[2]) Дудикъ (Gesch. M. I, S. 325) объясняетъ явно враждебныя дѣйствія Арнульфа относительно Моравань между прочимъ его сближеніемъ съ Византіей послѣ извѣстнаго посольства Лазаря. Но для насъ подобныя предположенія кажутся совершенно излишними. Дѣйствія Арнульфа были въ духѣ слишкомъ извѣстной намъ традиціонный франко-германской политики по отношенію къ славянскому союзу.

ничество братьевъ Моймiра и Святополка, наведшее на ихъ страну враговъ и повергшее ее въ самое бѣдственное состоянiе. Чехи въ эту пору перемѣнились ролями съ Моравапами и въ союзѣ съ общимъ славянскимъ врагомъ имѣли полную возможность удовлетворить свою жажду мести. Они это, какъ увидимъ, и исполнили.

Въ 898 г. раздоръ между князьями-братьями Моймiромъ и Святополкомъ обратился въ открытое междоусобiе. У каждаго изъ нихъ была конечно своя партiя въ народѣ и въ высшемъ классѣ. Такимъ образомъ эта княжеская распря неизбѣжно должна была сопровождаться общей народной смутой. Арнульфъ, по разсказу Фульденскихъ анналовъ, узнавъ объ этомъ, поручилъ своимъ маркграфамъ Люитпольду и Арибо оказать содѣйствiе и помощь той партiи, которая прибѣгла къ нему съ просьбой о томъ (по всему видно, партiи Святополка). Маркграфы огнемъ и мечомъ разгромили и опустошили землю враговъ[1]). Это вмѣшательство Арнульфа въ дѣла Моравiи для насъ вполнѣ понятно. Пользуясь возникшей смутой, какъ лучшимъ поводомъ для нанесенiя возможно болѣе чувствительныхъ ударовъ Моравскому княжеству, Восточно-франкскiй императоръ оставался вѣрнымъ своей политикѣ и послѣдовательно шелъ къ своей цѣли. Поэтому для насъ кажется съ перваго взгляда нѣсколько страннымъ слѣдующее затѣмъ извѣстiе той же Фульденской лѣтописи. По ея словамъ оказалось, что самъ Арибо, по наущенiю своего сына *Исанриха*, былъ возбудителемъ междоусобiя между Моравскими князьями и вмѣстѣ измѣнникомъ, и какъ таковой, былъ наказанъ лишенiемъ на нѣкоторое время управленiя въ Восточной маркѣ, впрочемъ

[1]) Fuld. ann., 898: Postea vero, anno 898, inter duos fratres gentis Marahensium, Moymirum ac Zuentibaldum, eorumque populum dissensio atque discordia gravissima exorta est; ita etiam, ut, si uterque alterum suis viribus insequi atque comprehendere valeret, capitalem subiret sentenciam. Tunc vero rex imperator ista sciens, marchiones suos, Liutboldum et Arbonem comitem, una cum ceteris fidelibus suis, parti quae ad se spem ac confugium habuit, auxilium ad eorum liberationem protectionemque Baioarios suos primates transmisit. At illi in ore gladii, igneque prout poterant, inimicos suos humiliaverunt et devastando necaverunt.

довольно скоро затѣмъ ему возвращеннаго[1]). Это извѣстіе даетъ поводъ нѣкоторымъ нѣмецкимъ изслѣдователямъ (Дюмлеру, Бюдингеру и др.) утверждать, что Арнульфъ, наказывая Арибо за возбужденіе смуты въ Моравіи и за вовлеченіе въ нее его, императора, будто-бы очевидно не сочувствовалъ этой войнѣ, такъ какъ имѣлъ прежде всего въ виду опасность отъ Угровъ, и что слѣдовательно вовсе не онъ виновникъ войны, а честолюбивые вассалы[2]). Это заключеніе слишкомъ поспѣшно и оказывается положительно неосновательнымъ, когда мы хорошенько вникнемъ въ дѣло. Оно возникло отъ слишкомъ буквальнаго пониманія словъ лѣтописи и отъ неправильнаго взгляда на политику Арнульфа и на тогдашнія обстоятельства. Арнульфъ не только не старался избѣгать разрыва и войны съ Моравіей, но скорѣе искалъ повода къ ней. Мы видѣли, что онъ незадолго передъ тѣмъ былъ готовъ вступиться за Чеховъ и такимъ образомъ нарушить свой формальный миръ съ сыновьями Святополка. Всѣ его интересы въ то время, когда усилившаяся болѣзнь его и слабость не позволяли ему осуществлять широкихъ замысловъ на западѣ, были сосредоточены на рѣшительной борьбѣ съ Моравскимъ княжествомъ, которое онъ надѣялся наконецъ сломить послѣ смерти своего сильнаго соперника Святополка. Настоящей опасности отъ Угровъ онъ еще тогда не сознавалъ, а то бы конечно принялъ противъ нихъ болѣе энергическія мѣры. Ихъ сравнительное спокойствіе съ 894 г. должно было значительно усыпить его бдительность на ихъ счетъ, и онъ обратилъ все свое вниманіе на славянскія, и прежде всего моравскія дѣла. Въ виду этого было бы черезчуръ наивно думать, чтобы онъ сталъ наказывать маркграфа Арибо лишь за то, что тотъ спо-

[1]) Ann. Fuld., ibid: Istius ergo dissensionis et disruptae pacis inter supranominatos fratres Arbo comes, *Isanrico filio suo instigante*, instructor delatorque atque proditor esse convicitur, et ab hanc causam praefectura sua ad tempus caruit, quam non multo post accepit.

[2]) Dümmler, Ueb. d. Südöst. M., S. 56—57; Gesch., II, S. 458—459; Büdinger, S. 206.

собствовалъ возникновенію раздора между князьями и тѣмъ далъ поводъ Нѣмцамъ вмѣшаться въ моравскія дѣла. Несомнѣнно Арнульфъ желалъ войны и былъ радъ представившемуся случаю. По словамъ самого Фульденскаго лѣтописца, онъ, узнавъ о междоусобіи, тотчасъ поручилъ своимъ маркграфамъ помочь одной сторонѣ противъ другой. Если бы онъ былъ рѣшительно противъ войны (какъ полагаютъ Дюмлеръ и др.), кто его заставлялъ въ нее вмѣшиваться? онъ бы могъ спокойно смотрѣть на эту гибельную для его враговъ междоусобицу и — злорадствовать. Наконецъ, если онъ уже разъ увлекся или былъ увлеченъ Арибо противъ своихъ разсчетовъ, кто ему мѣшалъ прекратить войну, какъ скоро онъ узналъ ея настоящую причину? Однако онъ ея не прекратилъ, и походы Баварцевъ въ Моравію повторяются опять въ 898, потомъ 899 году, наконецъ они продолжаются послѣдовательно и послѣ смерти Арнульфа его преемникомъ въ 900 году, несмотря на то, что опять увеличилась опасность отъ Угровъ. Очевидно эта борьба не имѣла вовсе случайнаго характера, а была сознательнымъ и упорнымъ стремленіемъ къ исполненію давно предначертанныхъ плановъ и отличалась особенною страстностью со стороны Нѣмцевъ, не видѣвшихъ въ своемъ ослѣпленіи враждою къ Моравамъ той страшной грозы, которая надвигалась съ другой стороны. Итакъ, намъ кажется, мнѣніе Дюмлера не выдерживаетъ критики. Мы понимаемъ занимающее насъ показаніе Фульденской лѣтописи нѣсколько въ иномъ смыслѣ. Не возбужденіе ссоры между Моравскими князьями было причиной наказанія, которому подвергся Арибо, а та роль, которая ему (можетъ быть и ошибочно) приписывалась въ этомъ дѣлѣ уже тогда, когда ссора возникла. Въ этомъ отношеніи вѣрнѣе смотритъ на этотъ вопросъ Дудикъ [1]), хотя и съ его предположеніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Онъ полагаетъ, что Арибо съ самаго начала, въ стачкѣ съ своимъ сыномъ *Исанрихомъ* и однимъ знатнымъ баварскимъ графомъ (Эримбертомъ), о которомъ тоже говоритъ

[1]) Dudik, I, S. 325—326.

Фульденская лѣтопись, вошелъ въ сношенія съ княземъ Моймiромъ и возбуждалъ его къ присвоенiю себѣ *исключительной* власти въ Моравіи, съ тѣмъ, чтобы онъ (Моймiръ) потомъ помогъ ему (Арибо) достигнуть независимости,—что за это онъ и потерпѣлъ. Тутъ есть, по нашему мнѣнію, доля истины, но намъ дѣло представляется нѣсколько иначе. Интрига извѣстной (оппозиціонной) нѣмецкой партіи съ Моймiромъ противъ Арнульфа по всѣмъ признакамъ дѣйствительно существовала, хотя мы не можемъ опредѣлить, когда она завязалась, но главная, дѣятельная роль въ ней принадлежала, какъ кажется, вовсе не Арибо, а его сыну Исанриху [1]), на что только намекается въ анналахъ (Isanrico filio suo instigante), но что главнымъ образомъ подтверждается послѣдующею дѣятельностью и судьбою этого лица. Очень можетъ быть, что Исанрихъ былъ отчасти и подстрекателемъ Моймiра къ междоусобной войнѣ его съ братомъ, еще совершенно юношей [2]), котораго можно было надѣяться безъ труда устранить отъ всякой власти. Самъ же Исанрихъ расчитывалъ на помощь Моймiра для достиженія своихъ собственныхъ властолюбивыхъ цѣлей. Поступокъ сына не могъ не бросить тѣни на отца (Арибо), который былъ тоже заподозрѣнъ въ измѣнѣ, хотя можетъ быть ни въ чемъ не былъ виновенъ, и такимъ образомъ пострадалъ изъ-за сына своего. Это подтверждается тѣмъ, что ему такъ скоро были возвращены его владѣнія,—вѣроятно вслѣдствіе того, что ему удалось оправдаться. Едва-ли это случилось бы, если бы онъ дѣйствительно (какъ полагаетъ г. Дудикъ) самъ строилъ козни противъ Арнульфа и вступалъ въ сдѣлку съ исконнымъ врагомъ нѣмецкой державы. Фульденскій лѣтописецъ, хотя и стоялъ близко къ Арнульфу, могъ не знать всѣхъ подробностей дѣла и передать его не совсѣмъ точно и не въ томъ свѣтѣ.

[1]) Вѣроятно тотъ самый, который въ 892 г. былъ оставленъ заложникомъ въ Моравіи у Святополка. Онъ долженъ былъ хорошо знать моравскія отношенія и потому неудивительно, что онъ рѣшился ими воспользоваться для своихъ цѣлей.

[2]) Фульденскій лѣтописецъ называетъ его мальчикомъ, Fuld. ann. 899: Zuentibaldum (puerum, filium antiqui ducis Zwentobolchi).

Въ концѣ 898 года въ зимнее время Баварцы предприняли еще опустошительный походъ въ Моравію, натѣшились грабежомъ и разрушеніемъ и съ богатой добычей вернулись домой [1]). Этимъ однако они не могли удовлетвориться: надо было спѣшить пользоваться благопріятнымъ временемъ внутренней смуты въ Моравіи. Дѣйствительно, то же самое повторяется и въ 899 году: баварское войско вторгается и опустошаетъ страну. Между тѣмъ, какъ разъ передъ этимъ (насколько выясняется изъ лѣтописнаго извѣстія) Мойміръ успѣлъ запереть своего брата Святополка въ какомъ-то укрѣпленномъ городѣ и ждалъ повидимому, чтобы тотъ сдался. Въ это самое время явилось на выручку Святополка баварское войско, освободило его и вмѣстѣ съ приверженцами «изъ состраданія» увело его на свою родину, предварительно предавъ пламени этотъ городъ [2]). Болѣе мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о Святополкѣ и его партіи. Приблизительно около того же времени больному Арнульфу пришлось имѣть дѣло съ возмущеніемъ и у себя дома. Исанрихъ, возбуждавшій, какъ мы видѣли, Мойміра противъ своего брата и вовлекшій такимъ образомъ въ моравскую войну Арнульфа, имѣлъ въ виду, какъ кажется, не столько даже содѣйствіе Мойміра, сколько то, чтобы воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ отвлеченія Арнульфа моравскими дѣлами и отсутствія Люитпольда и отца своего изъ ихъ владѣній, чтобы тѣмъ вѣрнѣе осуществить свои замыслы. Ему дѣйствительно и удалось это: въ 899 году онъ овладѣлъ частью Восточной марки (которая тогда была ввѣрена по всей вѣроятности Люитпольду). Разгнѣванный этимъ Арнульфъ самъ, несмотря на свое уже очень болѣзненное состояніе, отправился на кораблѣ по Дунаю—противъ

[1]) Ann. Fuld. 898.

[2]) Ann. Fuld. 899: dein non post multum temporis Baioarii terminos Moravorum confidenter et cruto intrantes, et quaecumque poterant diripiendo populati sunt et Zuentibaldum (puerum, filium antiqui ducis Zwentobolchi) suumque populum, de ergastulo civitatis in quo inclusi morabantur eripuerunt, ipsamque civitatem igni succenderunt, atque in fines patriae suae pro misericordia secum abduxerunt.

Исанриха, и осадилъ его въ крѣпости Маутернъ (Mautern). Черезъ нѣсколько времени городъ былъ взятъ, а виновникъ смуты съ семействомъ и свитой предсталъ передъ императоромъ. Послѣднiй велѣлъ его отвести въ Регенсбургъ. Однако Исанриху, боявшемуся заслуженной кары, удалось бѣжать съ дороги. Онъ укрылся въ Моравiи и затѣмъ при содѣйствiи Моравaнъ опять овладѣлъ прежнею областью [1]). Вскорѣ послѣ этого, вѣроятно, болѣзнь Арнульфа приняла уже роковой для него оборотъ и приковала его къ одру смерти, такъ какъ противъ непокорнаго графа болѣе уже ничего не предпринималось: онъ остался въ захваченной имъ области и только въ 901 году, при Людовикѣ Дитяти, произошло его примиренiе съ верховною властью. Въ концѣ 899 г. Арнульфъ кончилъ свое неутомимое жизненное поприще, къ несчастiю для себя немного не доживъ до окончательнаго разрушенiя Моравскаго княжества, несомнѣнно подготовленнаго въ значительной степени его дѣятельностью и политикой, и не доживъ къ своему счастiю до тѣхъ горестныхъ послѣдствiй, съ которыми былъ связанъ этотъ разгромъ Моравiи для его собственной родины, для германскихъ интересовъ на среднемъ Дунаѣ, наконецъ вообще для всего запада и для его политическихъ видовъ.

3.

Походъ Угровъ въ Италiю 899 года. Угры опустошаютъ Паннонiю. Нѣмцы продолжаютъ борьбу съ Моравiею. Церковныя отношенiя Моравiи. Посланiе Зальцбургскаго духовенства къ папѣ 900 года.

Мы впрочемъ еще не оставляемъ 899 года. Въ теченiе его произошло еще одно важное событiе, а именно первый набѣгъ Угровъ на Италiю, которымъ открывается бѣдственный перiодъ ихъ частыхъ опустошительныхъ походовъ на западъ.

[1]) Ibid. Весь разсказъ объ этомъ читаемъ въ Фульденской лѣтописи:... At ille timens ne puniretur, fugam iniit, et ad Marahenses usque fugit. Quorum itaque adiutorio suffultus, ut prius, partem regni subripuit; eandem secum retinendo obtinuit.

Еще осенью 898 г. толпа Угровъ совершила такъ сказать развѣдочный походъ въ верхнюю Италію до р. Бренты, и убѣдившись въ привлекательности страны и богатствѣ представляющейся добычи, вернулась домой и увлекла своихъ родичей предпринять прежде всего набѣгъ на верхнюю Италію [1]). Набѣгъ этотъ и состоялся въ 899 г. и продолжался еще въ 900 г. Это опредѣленіе времени подтверждается большинствомъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и другихъ извѣстій, и отступить отъ него не даютъ права одно или два очевидно ошибочныхъ показанія иныхъ источниковъ [2]). Путь, которымъ проникли Угры въ Италію, шелъ вѣроятно равниною р. Савы (слѣдовательно черезъ владѣнія Брацлава, не имѣвшаго силы задержать ихъ, а можетъ быть успѣвшаго уже измѣнить Нѣмцамъ), долинами Юлійскихъ Альпъ, на сѣверъ отъ Истріи и черезъ Фріуль въ сѣверную Италію. Этимъ путемъ они сюда и впослѣдствіи совершали набѣги [3]).

[1]) Объ этомъ предварительномъ предпріятіи свидѣтельствуетъ Ліудпрандъ, Liudprandi Antapodos. L. II, c. 7: ...Immenso itaque innumerabilique collecto exercitu miseram petunt Italiam. Cumque juxta fluvium Brentam defixis tentoriolis, immo centonibus, triduo exploratoribus directis, terrae situm gentisque multitudinem seu raritatem conscidérarent, repedantibus nuntiis hujusmodi responsa suscipiunt.... Слѣдуетъ описаніе и характеристика края.

[2]) Подъ 899 г. это событіе находится въ слѣдующихъ анналахъ: *ann. Alamann.*, *Sangallenses*, *Augienses* (Ungari Italiam ingressi multa (mala) fecerunt), *Benevent.* (Hungari in Italiam venerunt), *Laubacenses* (Ungari Italiam ingressi), *Chronic. Nonantulan.* (Tiraboschi storia di Nonantula, II, 6), *Liudprandi Antapodos.*, II, c. 9 (см. Dümmler, Gesch. II, S. 505). *Фульденская лѣтопись* говоритъ объ этомъ въ 900 г., но какъ о событіи, уже начавшемся ранѣе: Interim vero Avari (qui dicuntur Ungari) *tota devastata Italia*, ita ut etc... Ошибочно относятъ этотъ походъ: *Dandolo*, Chronic. Venetum (Muratori, XII, p. 197) къ 906 г., а *Regino* къ 901 г. Относительно 899 г. послѣднія сомнѣнія уничтожаются извѣстнымъ письмомъ Зальцбургскаго архіепископа и другого нѣмецкаго духовенства къ папѣ Іоанну IX съ жалобой на моравскую церковную организацію. Его составленіе относится къ 899—900 году, и въ немъ идетъ рѣчь и о походѣ Угровъ въ Италію.

[3]) Набѣги Угровъ въ сѣверную Италію надолго должны были сильно затруднить сношенія подунайскихъ земель и другихъ болѣе отдаленныхъ странъ съ прибрежными городами Адріатики и вообще съ Италіей, куда постоянно со всѣхъ концовъ стекались путешественники и пилигримы. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, какъ отозвались эти угорскіе набѣги на стеченіе путешественниковъ въ *Аквилею.* Извѣстная *Чивидальская* Евангель-

Здѣсь, на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря одна дорога (около города Pieve di Sacco) въ теченіе долгаго времени сохраняла названіе «*дороги Угровъ*» (Strada Ungarorum). Въ томъ же краю въ мѣстныхъ названіяхъ долго существовали и другіе слѣды прохожденія и стоянки тамъ Угровъ. Такъ на р. Брентѣ (около гор. Bassano) одинъ холмъ назывался «*горою Угровъ*», а близъ гор. Mestre одно поле было извѣстно подъ именемъ «*Campo degli Ungari*» [1]).

Итакъ въ 899 г. (въ исходѣ лѣта) Угры перешли Альпы и устремились въ ломбардскую равнину, опустошая все по дорогѣ и забирая несмѣтную добычу. Они избѣгали укрѣпленныхъ городовъ и дошли до самой Павіи, не встрѣтивъ никакого сопротивленія [2]). Между тѣмъ король Италіи Беренгаръ успѣлъ собрать многочисленное войско въ 15,000 чел. [3]) и пошелъ навстрѣчу

ская рукопись содержитъ въ себѣ массу именъ путешественниковъ, которыя записывались на ней въ Аквилеѣ въ теченіе всего IX в. Это записываніе именъ прекращается или по крайней мѣрѣ становится очень рѣдкимъ именно въ началѣ X в.: очевидно причиной тому были угорскій погромъ и угорскіе набѣги въ Италію. Срв. C. Jireček, «Ueber die Marginalnoten in d. Evangelienhandschr. zu Cividale». См. Sitzungsber. d. Böm. Gesellsch. d. Wissensch. in Prag, Sitzung der Classe f. Philos. etc., 22 Jän. 1877.

[1]) S. Ljubić, Ugri u Mletačkoj (Starine, kn. I. 1869, p. 211—212). Что касается такъ называемой *дороги Угровъ*, то есть грамота кор. Беренгара, относящаяся уже къ 888 году (напечатана Зикелемъ въ «Forschung. z. Deutsch. Gesch. IX, S. 427), гдѣ читаемъ: quicquid haberi videtur nostri juris inter aquas defluentes, hoc est inter Tiliamentum et Liquentiam, et *sicut via Ungarorum* cernitur et paludes maris. Очевидно въ такое раннее время (888) не могло быть еще и рѣчи объ «угорской дорогѣ». Рёслеръ справедливо считаетъ это мѣсто вставленнымъ позже, при перепискѣ грамоты, такъ какъ существующій списокъ относится только къ 1426 г.; при этомъ онъ указываетъ, какъ на любопытный фактъ, что мѣстное пріуроченіе «дороги Угровъ» произошло во Фріулѣ. См. Roesler, Rom. St., S. 169, прим.

[2]) Самый подробный разсказъ объ этомъ походѣ сообщаетъ Liudprand, Antapodos., II c. 9—16; затѣмъ есть кое-какія подробности въ Iohannis Chronic. Venet. (SS. II, 22), въ Chron. Nonantul. (вышеупомянутой), въ Ann. Fuld. 900, наконецъ у Regino, 901.

[3]) Chron. Johann. D. Venet: contra quos Berengarius rex direxit exercitum 15000 hominum, sed pauci ex eis reversi sunt. По Ліудпранду, это войско было втрое сильнѣе угорскаго: «. . . .factus est exercitus triplo Hungariorum validior», l. c., cap. 9.

Уграмъ. Такой встрѣчи послѣдніе вѣроятно не ожидали и, охваченные паническимъ страхомъ, пустились въ обратный путь. Ихъ конечно преслѣдовали. Съ немалой потерей они переплыли р. Адду. Снесшись затѣмъ съ Беренгаромъ, они предложили ему возвратить всю добычу, съ тѣмъ только, чтобы имъ свободно вернуться. Получивъ отказъ, они продолжали бѣгство и въ небольшомъ столкновеніи близь Вероны имѣли даже частный успѣхъ, который впрочемъ не могъ остановить ихъ преслѣдователей. Однако отъ стремительности этого движенія кони ихъ утомились; достигнувъ р. Бренты почти одновременно съ шедшимъ по ихъ пятамъ непріятелемъ, Угры принуждены были наконецъ остановиться. Въ отчаяніи они вторично обратились къ Беренгару съ тою же просьбою принять у нихъ всю добычу, оружіе, лошадей (кромѣ необходимыхъ для обратнаго пути) и предоставить имъ свободный выходъ изъ Италіи. Они кромѣ того предлагали заложниковъ и обѣщали никогда болѣе не вторгаться въ итальянскіе предѣлы. Но Беренгаръ остался непреклоненъ въ своемъ отказѣ и этимъ побудилъ Угровъ къ послѣдней отчаянной попыткѣ выйти изъ затруднительнаго положенія,—къ рѣшенію, которое доставило имъ блестящее торжество, а итальянскому войску и всей сѣверной Италіи рядъ самыхъ жестокихъ бѣдствій и страданій. Угры рѣшились немедленно и неожиданно сдѣлать нападеніе на врага, и съ отчаяннымъ мужествомъ и яростью (внушенною безвыходнымъ положеніемъ) исполнили этотъ планъ 24 сентября 899 года [1]). Устроивъ нѣсколько засадъ, они внезапно ворвались въ лагерь неприготовленныхъ, безпечно занятыхъ ѣдой непріятелей, произвели безпощадную рѣзню, смяли ихъ и нанесли имъ окончательное, страшное пораженіе. Имъ облегчили успѣхъ, по словамъ лѣтописца, несогласія, т. е. вѣроятно отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ непріятеля [2]). Незначительная часть войска спаслась бѣгствомъ, а большинство, и въ томъ числѣ много

[1]) Срв. Dümmler, Gesch. II, S. 505.

[2]) Liudprandi, ibid, II, p. 15: ad augmentum denique perdicionis christianorum parva inter eos erat discordia.

итальянской знати (графовъ и епископовъ) погибло отъ меча хищниковъ [1]). Одержавъ такую побѣду, Угры конечно уже не думали о возвращеніи, и вторично устремились по равнинѣ ломбардской, предаваясь неистовому грабежу, опустошеніямъ и насиліямъ. На западъ они доходили до горы Св. Бернарда (Велик.) [2]), на югъ переходили черезъ р. По и, подвергнувъ разграбленію г. Модену и Реджіо, добрались до самой Піаченцы.

Большая часть этихъ опустошеній должна, по справедливому замѣчанію Дюмлера [3]), быть отнесена уже къ 900 г., такъ какъ послѣ (сентябрскаго) сраженія при Брентѣ для осеннихъ предпріятій оставалось уже не много времени. Наиболѣе важные моменты этого опустошительнаго рысканія Угровъ по сѣверной Италіи суть слѣдующіе: взятіе города Бергамо; сожженіе извѣстнаго Нонантульскаго монастыря (Nonantula), изъ котораго успѣла спастись только часть монаховъ и въ которомъ погибла масса рукописей [4]); разграбленіе г. Модены и Реджіо и сожженіе церкви св. Савина (San Savino) близъ г. Піаченцы [5]); наконецъ убіеніе епископа Ліутварда Верцельскаго (Vercelli), хотѣвшаго спастись бѣгствомъ отъ Угровъ и попавшагося имъ въ руки (въ іюнѣ 900 г.) [6]).

Пока большая часть Угровъ была занята вышеупомянутыми варварскими подвигами, одинъ отрядъ ихъ предпринялъ походъ противъ Венеціи, столь привлекательной своими богатствами. Произведя опустошеніе на берегу, Мадьяры на кожаныхъ лодкахъ

[1]) Ann. Fuld. ibid: ...ita ut occisis episcopis quam plurimis, Italici contra eos debellare molientes in uno proelio una die ceciderunt 22 millia. — Regino, a. 901: cujus (gentis Hungarorum) violentiae a beluino furori cum terrae incolae in unum agmen conglobati resistere conarentur, innumerabilis multitudo ictibus sagittarum periit; quam plurimi episcopi et comites trucidati sunt.

[2]) Johann. Cron. Venet.: Ungri vero pertranseuntes Tarvisium, Patavium, Brixium ceterosque fines, Papiam et Mediolanum venerunt et usque ad montem Iob depopulantes cuncta.

[3]) Dümmler, ibid., S. 506, примѣч. 34.

[4]) Chron. Nonantul. и письмо папы Сергія настоятелю Нонант. монастыря Леопольду. См. Дюмлеръ, тамъ же.

[5]) Dümmler, ibid.

[6]) Regino 901.

переправились на острова Венеціи, произвели грабежъ и предали, что могли, пламени. Когда они собирались уже напасть на острова Malamocco и Rialto, ихъ встрѣтилъ съ морскою силой Венеціанскій дожъ Петръ: въ день Петра и Павла онъ нанесъ имъ пораженіе при мѣстечкѣ Альбіолѣ (Albiola) и обратилъ въ бѣгство [1]). Наши свѣдѣнія объ этомъ угорскомъ набѣгѣ пополняются еще однимъ документомъ 900 года, открытіемъ и обнародованіемъ котораго наука обязана хорватскому ученому Любичу [2]). Этотъ документъ, свидѣтельствуя о взятіе и разрушеніи Мадьярами на берегу Адріатическаго моря города Альтинантіума (Altinantium) [3]) и тамошняго монастыря св. Стефана, представляетъ такимъ образомъ достовѣрное извѣстіе о времени этого похода (900) и прибавляетъ еще одну подробность къ тому, что̀ было до сихъ поръ о немъ извѣстно. Лѣтописное извѣстіе разсказываетъ объ Альтинантской катастрофѣ, что большая шайка Угровъ, разрушивъ многіе города, направилась къ г. Альтинантію, откуда жители успѣли бѣжать и, найдя его опустѣвшимъ, разграбили его, подожгли и вмѣстѣ со стѣнами разрушили [4]).

Найденная Любичемъ дарственная грамота дана была Альтинантскому монастырю св. Стефана именно по поводу угорскаго погрома, во время котораго, какъ изъ нея видно, былъ разрушенъ и этотъ монастырь и разграблено все его имуще-

[1]) Chron. Johann. Diac. Venet.: Ungarorum pagana et crudelissima gens ... ad Venetias ingressi cum equis et bellicis navibus primum civitatem Novam, fugente populo, igne concremaverunt...... littoraque maris depopulaverunt; etiam tentantes Rivoaltum et Melamaucum ingredi per loca, que Albiola vocantur, in die passionis apostolorum sanctorum Petri et Pauli. Tunc dominus Petrus dux, navali exercitu, dei protectus auxilio, praedictos Ungros in fugam vertit. Срв. также Dand. Chron. См. Ljubić, въ упомянутой статьѣ, стр. 211.

[2]) Въ вышеупомянутой статьѣ его (Ugri u Mletačkoj) въ «Starine», 1869, kn. I.

[3]) Объ этомъ городѣ см. Ljubić, ibid, str. 212.

[4]) Chron. Johann. Diac. Venet.: post multarum urbium destructionem cum sevissima Paganorum multitudò ad Altinantium civitatem aciem direxisset in qua, cum ejusdem civitatis indigenis fugatis, neminem reperissent, omnem illam civitatem depredantis, igne succenderunt, muros quoque ac turres funditus subverterunt. Ljubić, ibid., str. 211.

ство [1]). Въ этой грамотѣ между прочимъ читаемъ: «Dum imminentibus nostris peccatis crudelissima gens Ungrorum Italia intrasset, et tam pro suis quamque et in nostris finibus plurimas depredationes atque incendia perpetrasset seu homicidia multa fecisset devastassetque episcopales incendia; immo mensis aprilis die quadam residente in publico placito nos Petro domino protegente imperiali protospatario et Veneciarum duce etc. ecce Ioanici venit abba monasterii Sancti Stephani Altinenatis adveniens, cepit cum gemitis et cordis dolore proferre damna ejusdem zenobii sui, et quomodo possessiones ipsius depopulantes, et coloni pariter interfecti vel efugati ab Ungris [2]).

Вѣроятно вскорѣ послѣ пораженія подъ Венеціей Угры, насытившись грабежомъ и убійствами, рѣшились пуститься въ обратный путь, но однако не даромъ: Беренгаръ принужденъ былъ заплатить имъ за это заложниками и подарками [3]). Съ несмѣтной добычей оставили Угры несчастную Италію и вернулись въ свою дунайскую равнину опять черезъ Паннонію, не упустивъ, конечно, случая пограбить и здѣсь [4]). Судя по тому, что они такъ безпрепятственно проходятъ черезъ паннонскую территорію, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, приходится предположить, что хозяева этой страны, не будучи болѣе въ силахъ защищать ее, уже оставили ее на произволъ судьбы (хотя еще и называли своею) [5]), — что порученіе, данное Арнульфомъ въ 896 г. Брацлаву по отношенію къ ней стало очень скоро затѣмъ неисполнимо. О самомъ Брацлавѣ нѣтъ болѣе никакого упоминанія. Можетъ

[1]) Монастырь св. Стефана былъ возстановленъ потомъ уже не въ гор. Альтинумѣ, а на островѣ *Аміанъ* (Amianum, de Hymanis, de Aimanis, de Imanis) подъ именемъ монастыря св. Феликса и Фортуната, Ljubić, ibid., s. 213.

[2]) Anno Christi 900, Privilegio imperial de S. Felixe di Manj № 32. См. Ljubić, ibid., s. 213.

[3]) Ioh. Chron. Venet.: rex igitur Berengarius datis obsidibus ac donis praedictos Ungros de Italia recedere fecit cum omni preda quam ceperant.

[4]) Ann. Fuld. 900: Ipsi namque eadem via qua intraverunt, Pannoniam ex maxima parte devastantes, regressi sunt.

[5]) Въ письмѣ баварскаго духовенства 900 г. она названа—«nostra maxima provincia».

быть онъ скрывался гдѣ-нибудь въ окрайнахъ своихъ владѣній, если уже не погибъ въ какомъ-нибудь столкновеніи съ Уграми. Но нѣтъ также ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что онъ, увидѣвъ невозможность справиться съ Мадьярами, измѣнилъ Арнульфу и добровольно вошелъ въ сдѣлку съ его врагами [1]). Доказательство, что Паннонія въ то время, въ 900 г., была уже заброшена и варварски опустошена, имѣется еще въ извѣстномъ письмѣ баварскихъ епископовъ, въ которомъ идетъ рѣчь о бѣдственномъ состояніи Панноніи, о томъ, что въ ней не осталось болѣе ни одной церкви [2]). Можетъ быть для того времени это показаніе нѣсколько преувеличено, какъ и все въ этомъ посланіи, что̀ хоть сколько-нибудь справедливо, носитъ характеръ преувеличенія и страстности; но оно всетаки характеризуетъ положеніе дѣлъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что черезъ короткое время Угры являются уже полными и исключительными хозяевами Панноніи.

Прежде чѣмъ продолжать повѣсть угорскихъ набѣговъ, мы должны предварительно обратиться къ тому, что творилось тѣмъ временемъ въ Моравіи и у Нѣмцевъ и что, разумѣется, не могло остаться безъ вліянія на дальнѣйшіе успѣхи Угровъ. Борьба Нѣмцевъ съ Моравами все еще продолжалась. Восточно-франкское государство и по смерти Арнульфа не думало оставить свою задачу —окончательно сломить ненавистнаго врага. Оно все еще какъ-будто не сознавало всей опасности, которой одновременно подвергалось со стороны другого, новаго, несравненно болѣе страшнаго сосѣда,—такъ велика была его вражда къ Славянамъ. Подобно предыдущимъ годамъ Баварцы и лѣтомъ 900 года, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Чехами, вторглись въ Моравію и въ теченіе трехъ недѣль без-

[1]) Срв. Zaborský, Mad'ari pred opanovaním terajšej vlasti. Letopis Matice Slovenskej, ročn. XI, sv. 1. (1874), стр. 59. Срв. также Елагинъ, Мѣсто Венгровъ и т. д. Русская Бесѣда, 1858, I, стр. 149.

[2]) Тамъ читаемъ:.... ita ut in tota Pannonia, nostra maxima provincia, tantum una non appareat ecclesia, prout episcopi a vobis destinati, si fateri velint, enarrare possunt, quantos dies transierunt et totam terram desolatam viderunt. Erben, Regesta, p. 24.

пощадно опустошали ее, послѣ чего благополучно вернулись домой [1]). Между тѣмъ положеніе еще болѣе усложнилось, благодаря тому обороту, который приняли въ томъ же году церковныя отношенія. Продолжительная распря народовъ съ поля брани перешла подъ конецъ снова въ сферу церкви и разразилась письменнымъ походомъ баварскаго духовенства противъ Моравіи, извѣстнымъ посланіемъ его къ папѣ Іоанну IX-му въ 900 году, столь характерно и типично выражающимъ взаимныя отношенія и чувства обѣихъ народностей (нѣмецкой и славянской) въ тотъ критическій моментъ ихъ вѣкового соперничества на Дунаѣ. Посмотримъ, чѣмъ былъ вызванъ этотъ любопытный документъ.

Съ 893 года церковное состояніе Моравіи для насъ совершенно темно; въ этомъ году, какъ мы выше видѣли, извѣстный намъ епископъ Викингъ былъ назначенъ канцлеромъ Арнульфа, и моравская церковь окончательно осиротѣла. О назначеніи другого пастыря мы никакихъ извѣстій не имѣемъ: вѣроятно никто и не былъ назначенъ, ибо Нѣмцы давно стремились къ полному присоединенію Моравіи и Панноніи къ Баварской эпархіи (къ Пассовской и Зальбургской церквамъ), и можетъ быть даже отчасти въ этихъ цѣляхъ было дано Викингу новое назначеніе. Отсутствіе всякаго верховнаго пастыря было во всякомъ случаѣ болѣе благодѣтельно для Моравіи, чѣмъ подчиненіе такому, какимъ былъ Викингъ. Моравія въ церковномъ отношеніи послѣ удаленія Викинга могла дышать свободнѣе, что̀ и выразилось вскорѣ въ сношеніяхъ Мойміра съ папой Іоанномъ IX по вопросу о новой организаціи моравской церкви. О самомъ Викингѣ мы узнаемъ изъ Фульденской лѣтописи, что въ 899 году Арнульфъ назначилъ его епископомъ Пассовскимъ послѣ смерти епископа Энгильмара, надѣясь вѣроятно такимъ образомъ доставить ему бо̀льшее вліяніе на рѣшеніе вопроса о церковныхъ дѣ-

[1]) Ann. Fuld. 900: Baioarii per Boemaniam, ipsis secum assumptis, regnum Moravorum, cuncta incendio per tres ebdomadas devastantes inruperunt, tandem cum omni prosperitate domum reversi sunt.

лахъ Моравіи[1]). Однако Викингъ оставался на этомъ посту очень недолго, такъ какъ его назначеніе было противно церковнымъ установленіямъ: баварское духовенство съ архіепископомъ Зальцбургскимъ Тэотмаромъ во главѣ на особомъ соборѣ въ томъ же 899 г. принудило его сложить съ себя епископское достоинство и назначило на его мѣсто нѣкаго *Рихара*[2]). Съ тѣхъ поръ имя Викинга совсѣмъ исчезаетъ изъ исторіи.

Посланіе баварскаго духовенства было составлено въ первой половинѣ 900 года (къ іюню этого года относится уже смерть папы Іоанна IX) — гдѣ именно, достовѣрно неизвѣстно, но, по предположенію Дюмлера, это могло быть въ Рисбахѣ, гдѣ, какъ видно изъ одной грамоты, именно въ ту пору было собраніе баварскихъ сановниковъ[3]). Посланіе было вызвано тѣмъ, что въ 899 году, вслѣдствіе сношеній князя Мойміра съ папой, послѣднимъ были отправлены въ Моравію архіепископъ Іоаннъ и два епископа, Бенедиктъ и Даніилъ, которымъ было поручено, по соглашенію съ Мойміромъ, организовать моравскую церковь независимо отъ Баварскаго архіепископства. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ только изъ этого документа. Для насъ остается невыясненнымъ вопросъ о возникновеніи и ходѣ этихъ переговоровъ Мойміра съ папой. Иниціатива въ нихъ принадлежала по всей вѣроятности Моравскому князю, на что есть указаніе и въ самомъ посланіи; но несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ былъ не мало заинтересованъ и папа. Съ его стороны было совершенно естественно позаботиться о замѣщеніи давно вакантной Моравопаннонской архіепископской каѳедры, созданной съ такими усиліями и борьбою самимъ папскимъ престоломъ, и притомъ отчасти въ его собственныхъ интересахъ. Со стороны Мойміра это обращеніе къ папѣ съ ходатайствомъ о принятіи моравской церкви подъ свое покровительство было послѣдней попыткой поддержать и оживить разрушавшееся зданіе Моравскаго княжества,

[1]) Срв. Dudik, I, S. 330, 331.
[2]) Ann. Fuld. 899 (SS. I, 414).
[3]) Dümmler, Südöstl. Mark., S. 58.

избавивъ его отъ гибельнаго нѣмецкаго влiянiя, но попыткою къ сожалѣнiю уже слишкомъ запоздавшею, а потому и тщетною...

Посланные папой духовные прелаты успѣли, правда, организовать моравскую церковь, раздѣлили всю страну на четыре округа и посвятили въ нихъ одного архiепископа и трехъ епископовъ-суффргановъ[1]), но этотъ новый порядокъ не имѣлъ времени принести какiе-либо плоды, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ буря мадьярскаго нашествiя произвела и здѣсь такой переворотъ, что не только прекратила политическое существованiе княжества и внесла хаосъ во всѣ его внутреннiя, между прочимъ и церковны дѣла, но и предала на западѣ полному забвенiю самое имя Моравiи, которое съ тѣхъ поръ на долгое время совершенно исчезаетъ изъ историческихъ памятниковъ.

Посланiе баварской церкви, изъ котораго мы почерпаемъ кое-какiя, хотя и чрезвычайно скудныя свѣдѣнiя о нѣкоторыхъ фактахъ и явленiяхъ послѣднихъ лѣтъ политической жизни Моравiи и ея борьбы съ западнымъ сосѣдомъ, заслуживаетъ вниманiя, какъ мы выше сказали, преимущественно для характеристики взаимныхъ отношенiй Славянъ и Нѣмцевъ въ ту пору. Будучи вызвано событiями, во всякомъ случаѣ нарушавшими интересы Нѣмцевъ и въ церковномъ и въ политическомъ отношенiяхъ, оно написано въ самомъ тенденцiозномъ и пристрастномъ къ Славянамъ тонѣ, въ духѣ непримиримой вражды, причемъ явно и безсовѣстно то извращаются, то умалчиваются важныя историческiя событiя и отношенiя, всему придается фальшивый, подходящiй къ цѣлямъ составителей колоритъ и смыслъ, однимъ словомъ истина завѣдомо и дерзко попирается на каждомъ шагу. Не будь у насъ положительныхъ и достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ о дѣйствительномъ ходѣ тѣхъ событiй и истинной сущности и характерѣ тѣхъ отношенiй, о которыхъ идетъ рѣчь въ по-

[1]) Очень можетъ быть, что эти лица были Мораване по происхожденiю и принадлежали даже къ школѣ Меѳодiя, какъ на это указываетъ Дудикъ; такъ что ихъ дѣятельность могла бы быть очень благодѣтельна и плодотворна для моравскаго народа. См. Dudik. I, S. 333—334.

сланіи, мы были бы введены въ величайшее заблужденіе и ошибки, еслибъ отнеслись довѣрчиво къ этому документу. Теперь же мы, располагая достовѣрными, хотя и не обильными лѣтописными извѣстіями, въ состояніи вѣрно судить о немъ, отличить то немногое, что въ немъ заслуживаетъ довѣрія, отъ очевидной лжи, и такимъ образомъ всетаки въ предѣлахъ возможности воспользоваться и этимъ источникомъ.

Мы приведемъ его здѣсь сполна и затѣмъ пояснимъ его необходимыми замѣчаніями. Во вступительныхъ словахъ нѣмецкое духовенство, т. е. архіепископъ Тэотмаръ и его суффраганы поясняютъ мотивъ обращенія къ папѣ: «Указы Вашихъ предшественниковъ—такъ начинаютъ они — и постановленія католическихъ отцовъ церкви научаютъ насъ во всѣхъ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ обращаться къ римскому престолу», радѣющему о поддержаніи въ церкви согласія, порядка и дисциплины. «Мы никакъ не можемъ думать, о чемъ мы ежедневно принуждены слушать, чтобы что-нибудь превратное (несправедливое) могло произойти со стороны св. апостольскаго престола, служащаго для насъ источникомъ нашего священническаго сана и колыбелью христіанской вѣры; мы ждемъ отъ него скорѣе ученія и авторитетнаго слова церковной мудрости.—И тѣмъ не менѣе пришли отъ Васъ, какъ они сами объявили, три епископа, именно архіепископъ Іоаннъ и епископы Бенедиктъ и Даніилъ, въ землю Славянъ, такъ называемыхъ Мораванъ, подвластную нашимъ королямъ, нашему народу и намъ, со всѣми своими жителями, не только въ церковномъ отношеніи, но и податью изъ мірского имущества, ибо отъ насъ исходило ихъ обращеніе, ихъ переходъ изъ язычества къ христіанству [1]). И потому Пассовскій епископъ, къ эпархіи котораго принадлежали жители той страны со времени своего обращенія въ христіанство, являлся

[1]) Sed venerunt, ut ipsi promulgaverunt, de latere vestro tres episcopi, videlicet Ioannes archiepiscopus, Benedictus et Daniel episcopi in terram Schlauorum, qui Moravi dicuntur, quae regibus nostris et populo nostro..... subacta fuerat tam in cultu religionis, quam im tributo substantiae secularis.... etc.

туда, когда хотѣлъ и когда нужно было, не встрѣчая никакого сопротивленія, часто созывалъ синоды съ участіемъ своего и мѣстнаго духовенства, исполнялъ полновластно всѣ свои обязанности, и никто открыто ему не противодѣйствовалъ. Также и пограничные (съ Моравіей) маркграфы наши устраивали тамъ собранія, чинили судъ и расправу, собирали подати, точно также не встрѣчая ни въ комъ противодѣйствія до тѣхъ поръ, пока тѣ (т. е. Мораване) не стали ненавидѣть христіанство, отвращаться отъ правды, подстрекать къ войнѣ и упорно защищаться, такъ что епископу и проповѣдникамъ былъ закрытъ туда путь, и водворился тамъ полнѣйшій произволъ. Нынѣ же въ увеличеніе своего беззаконія они еще хвастаютъ, что они большою суммою денегъ достигли того, что Вы послали имъ тѣхъ епископовъ. Въ епископствѣ Пассовскомъ Вы произвели нѣчто такое, что никогда не исходило отъ апостольскаго престола и чего не допускаютъ церковныя постановленія: Вы дозволили расколъ въ единой церкви; и вотъ одно епископство распалось на пять, ибо упомянутые епископы отъ Вашего имени — по ихъ же собственнымъ словамъ — поставили въ одно и то же епископство одного архіепископа, какъ-будто можетъ быть архіепископъ въ чужомъ епископствѣ, и трехъ епископовъ-суффрагановъ, — и все это безъ вѣдома архіепископа и безъ согласія епископа, въ эпархіи котораго они находились [1]). . . . Вашъ предшественникъ, по настоянію Святополка, посвятилъ епископа Викинга, но послалъ его однако не въ то древнее Пассовское епископство, а къ новокрещенному народу, покоренному въ войнѣ тѣмъ княземъ и обращенному имъ изъ язычества въ христіанство [2]). Когда же Ваши

[1]) Intrantes enim praedicti episcopi in nomine vestro, ut ipsi dixerunt, ordinaverunt in uno eodemque episcopatu unum archiepiscopum, si tamen in alterius episcopatu archiepiscopum esse potest, et tres suffraganeos ejus episcopos, absque scientia archiepiscopi et consentu episcopi in cujus fuere diocesi. — Здѣсь приводится нѣсколько постановленій Африканскаго собора, папы Льва Великаго и Целестина I—въ подтвержденіе высказаннаго обвиненія.

[2]) et nequaquam in illum antiquam Pataviensem episcopatum transmisit, sed in quandam neophytam gentem, quam ipse dux (Zuentibaldus) domuit bello, et paganis christianos ipse paravit.

легаты позволили этимъ Славянамъ войти съ ними въ близкія сношенія, то тѣ обвиняли насъ, старались оклеветать во многомъ, взводили на насъ всевозможныя небылицы, такъ какъ никто не обличалъ ихъ словами правды, утверждая, что мы имѣли непріятность и ссору также и съ Франками и Алеманнами, тогда какъ напротивъ они — наши лучшіе друзья и помощники. И еще они обвиняли насъ, что мы въ отношеніи къ нимъ непримиримы, чего нельзя дѣйствительно не признать, но не мы въ этомъ виноваты, а ихъ собственная строптивость. Ибо когда они начали чуждаться христіанства и въ добавокъ отказались платить должную дань властителямъ, королямъ нашимъ и ихъ управителямъ, стали сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ и безпокоить нашъ народъ, то у нихъ вспыхнулъ мятежъ. И такъ какъ тѣ отстояли ихъ для себя оружіемъ и снова обратили въ рабство, то слѣдовательно по закону должны были и должны имѣть ихъ своими подданными, и они во всякомъ случаѣ будутъ подвластны нашему государству, хотятъ ли того или не хотятъ [1]). Поэтому Вамъ слѣдуетъ быть осмотрительными и предпочитать дѣйствовать въ духѣ умѣренности (т. е. справедливо), чтобы худшая сторона не усиливалась и лучшая не ослабѣвала. Предки нашего свѣтлѣйшаго господина Людовика-императора, короли, произошли отъ христіаннѣйшаго народа Франковъ, а Славяне мойміровы — отъ поганыхъ язычниковъ. Тѣ посредствомъ императорской власти способствовали возвышенію римской республики, эти — вредили ей; тѣ стяжали себѣ славу на весь міръ, эти прятались въ скрытыхъ мѣстахъ и городахъ [2]). Совѣтомъ тѣхъ былъ силенъ апостольскій престолъ, отъ нападеній этихъ страдало христіанство. Во всемъ этомъ нашъ молодой король, не уступающій никому изъ своихъ предшествен-

[1]) orta est seditio inter illos; et quoniam armis sibi eos defenderunt et in servitiam redegerunt, idcirco jure proprio tributarios habere debuerunt et debent et sive velint, sive nolint, regno nostro subacti erunt.

[2]) Здѣсь намекается на систему Славянъ—при вторженіяхъ въ ихъ страну запираться въ укрѣпленныхъ городахъ и предоставлять опустѣвшія мѣстности грабежу непріятеля, вслѣдствіе чего одержать надъ ними полную побѣду было очень нелегко.

никовъ, желаетъ, сообразно ему данной отъ Бога доблести, со всѣми князьями своего государства быть энергическимъ заступникомъ святой римской церкви и Вамъ, высшему церковному пастырю; ибо употреблять данную ему власть на служеніе Богу,— этого онъ (Людовикъ) только и желаетъ, къ этому только и стремится. Вслѣдствіе того онъ такъ дорожитъ миромъ и согласіемъ, и находитъ отраду прибѣгать къ Вамъ, какъ къ отцу своему. Что же касается того, что вышеназванные Славяне обвиняютъ насъ въ томъ, что мы будто-бы съ Уграми оскорбили католическую вѣру и заключили мирный договоръ, причемъ клялись собакою или волкомъ и другими погаными и языческими предметами, и будто дали имъ (Уграмъ) денегъ, чтобы они пошли на Италію [1]), то лживость всего этого обнаружилась бы и наша невинность была бы засвидѣтельствована, еслибъ это дѣло наше подверглось обсужденію передъ лицомъ всевѣдущаго Бога и Васъ, его апостольскаго намѣстника. Такъ какъ однако они постоянно угрожали нашимъ, отдаленнымъ отъ насъ христіанамъ и допекали ихъ жестокими преслѣдованіями, то мы дѣйствительно одарили ихъ, только не денежными суммами, а нашими льняными одеждами, чтобы нѣсколько смягчить ихъ дикость. Итакъ именно все вышеупомянутое измыслили тѣ (т. е. Славяне) въ злобѣ своего сердца и возбудили Вашихъ епископовъ къ несправедливости по отношенію къ намъ, такъ что они въ письмѣ къ намъ, исходящемъ какъбы отъ апостольскаго престола, ставили намъ все то въ вину и между прочимъ утверждали, что мы достойны быть пораженными Божескимъ мечомъ (проклятіемъ).—Между тѣмъ они сами издавна (въ теченіе многихъ лѣтъ) [2]) совершали то преступленіе, которое они намъ несправедливо приписываютъ. Они приняли къ себѣ

[1]) Nos prefati Schlaui criminabantur cum Ungaris fidem catholicam violasse, et per canem, seu lupum, aliasque nefandissimas et ethnicos res sacramenta et pacem egisse, atque ut in Italiam transirent, pecuniam dedisse.

[2]) Ipsi enim crimen, quod nobis falso semel factum imposuerunt, *multis annis* peregerunt. См. Kremper (De Ungarorum demigrat., p. 48) y Dümmler'a, Gesch. II, S. 511.

огромное множество Угровъ, по обычаю послѣднихъ обрили головы своимъ лжехристіанамъ [1]) и не только натравили ихъ (Угровъ) на насъ христіанъ, но и сами къ нимъ присоединились [2]) и однихъ увели въ плѣнъ, другихъ убили, третьихъ уморили голодомъ и жаждою въ темницахъ, безчисленное множество вогнали въ нищету, благородныхъ мужей и честныхъ женщинъ увели въ неволю, сожгли храмы Божьи и разрушили всѣ зданія, такъ что во всей Панноніи, нашей обширнѣйшей провинціи, не увидишь почти ни одной церкви, какъ это могли бы вамъ разсказать назначенные Вами епископы, еслибъ хотѣли сознаться, сколько дней они путешествовали и какъ нашли страну опустошенною. Когда же мы узнали о вторженіи Угровъ въ Италію, то — видитъ Богъ — мы сильно желали помириться со Славянами, причемъ обѣщали простить имъ ради всемогущаго Бога все зло, причиненное намъ и нашимъ, и возвратить имъ все то, что оказалось бы у насъ изъ ихъ имущества, чтобы намъ быть въ безопасности отъ нихъ — по крайней мѣрѣ хоть на то время, пока мы совершили бы походъ въ Лангобардію съ цѣлью защитить владѣнія св. Петра и освободить христіанскій народъ съ Божьей помощью. Но даже и этого мы не могли добиться отъ нихъ. И послѣ такихъ злодѣяній имъ еще оказываются такія благодѣянія! и лживыми обвинителями выступаютъ тѣ, которые были всегда гонителями христіанъ. Если есть кто-нибудь на свѣтѣ, кто рѣшился бы уличить насъ въ несправедливости, пусть онъ явится и Вы убѣдитесь, что онъ обманется, а мы окажемся невинными въ этомъ дѣлѣ. Итакъ мы всѣ умоляемъ Васъ не давать вѣры ничьимъ противъ насъ навѣтамъ, пока не явится случай и ради этого дѣла не будетъ отправленъ посолъ отъ Васъ къ намъ или наоборотъ отъ насъ къ Вамъ. Всеобщая скорбь и страданія постигли

[1]) Угры, какъ извѣстно, брили себѣ головы, оставляя однако для красы — три косички.

[2]) Ipsi multitudinem Ungarorum non modicam ad se sumserunt, et more eorum capita suorum pseudochristianorum penitus detonserunt, et super nos christianos immiserunt, atque ipsi supervenerunt.... etc.

жителей Германіи и Норика изъ-за того, что единство церкви нарушается, ибо одно епископство, какъ мы сказали, раздѣлено на пять. Если поэтому обманъ—лукавствомъ Славянъ причинилъ какой вредъ, пусть справедливость исправитъ это...».

Въ заключеніи упоминается, что доходы папскаго престола въ Баваріи не могли быть до сихъ поръ пересланы въ Римъ — вслѣдствіе неистовствъ язычниковъ, но что теперь, когда дороги опять очистились, это будетъ исполнено при первой окказіи. Посланіе подписано архіепископомъ Зальцбургскимъ Тэотмаромъ и его 5-ю суффраганами-епископами (Вальдо Фрейзингенскій, Эрхенбальдъ Эйхстедтскій, Захарій Себенскій (Тирольскій еп.), Туто Регенсбургскій и Рихаръ Пассовскій).

Прежде чѣмъ отмѣтить въ этомъ характерномъ документѣ то, что имѣетъ для насъ значеніе болѣе или менѣе интересныхъ историческихъ свидѣтельствъ, укажемъ на главные пункты, въ которыхъ посланіе представляетъ явное извращеніе истины. Нечего и говорить, что уже самый его предметъ и цѣль, т. е. жалоба на церковныя мѣры, принятыя въ Моравіи, и требованіе, обращенное къ папѣ, съ точки зрѣнія справедливости не могутъ быть признаны состоятельными. Ссылаться на какія-то соборныя постановленія и папскіе указы V вѣка и совершенно умалчивать о томъ, что сдѣлано и установлено папой лѣтъ 30 тому назадъ, говорить о старомъ, совершенно пересозданномъ порядкѣ вещей—какъ о законномъ и будто-бы продолжающемъ существовать, обобщать на цѣлую эпоху событія и случайныя явленія одного, двухъ лѣтъ, называть язычествомъ и попираніемъ христіанства—отстаиваніе церковной самостоятельности, наконецъ требовать отмѣны мѣръ, только что принятыхъ папой для возобновленія установленнаго порядка, грозя въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ силѣ,—все это объясняется только отчасти существовавшимъ тогда взглядомъ нѣмецкаго духовенства на права и предѣлы власти главы римской церкви; рѣшительный и страстный тонъ посланія долженъ быть приписанъ также и крайнему озлобленію нѣмецкихъ епископовъ, выведенныхъ изъ себя новымъ шагомъ Моравскаго князя:

они уже расчитывали окончательно торжествовать и надѣялись незамѣтно и навсегда забрать въ свои руки потерянныя-было (при Меѳодіи) Моравію и Паннонію [1]), и тутъ-то вдугъ расчеты ихъ оказывались неожиданно разстроенными, имъ приходилось вновь отказаться отъ присвоенныхъ себѣ правъ, вновь мириться съ нарушеніемъ своихъ интересовъ. При такомъ положеніи дѣла нѣмецкіе епископы рѣшились испытать еще одно средство — энергически протестовать передъ папой противъ церковнаго отдѣленія Моравіи, для чего и сочинили пресловутое посланіе, въ которомъ извратили всю исторію Моравскаго княжества и его отношеній къ Восточно-франкской державѣ, расчитывая вѣроятно такимъ отрицаніемъ прошлаго тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на папу.

Моравія является тутъ съ самаго начала совершенно подвластною Франкамъ и въ политическомъ, и въ церковномъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ полное политическое подчиненіе было только въ 870—871 году; нѣмецкіе маркграфы чинятъ въ ней судъ и расправу, чего также никогда не было, за исключеніемъ эпизода 870 года [2]). Пассовскій епископъ безпрепятственно распоряжается и хозяйничаетъ въ Моравіи, тогда какъ извѣстно, что онъ могъ дѣйствовать въ ней никакъ не позже 869 года, когда положеніе Меѳодія было узаконено самимъ папой; назна-

[1]) Зальцбургская церковь успѣла уже кажется возстановить свою власть, по крайней мѣрѣ отчасти, что̀ можно заключить изъ того, что баварское духовенство (съ Зальцбургскимъ архіепископомъ во главѣ) въ своемъ посланіи отстаиваетъ исключительно права *Пассовскаго епископа*, а о правахъ Зальцбурга — нѣтъ ни слова. Срв. Wattenbach, Beiträge zur Gesch. d. Christl. Kirche in Böhmen u. Mähren, Wien, 1849, S. 32.

[2]) Дудикъ (M. A. G., I, S. 336, пр.) замѣчаетъ, что тутъ можетъ быть есть намекъ на обычай, по которому Моравање, жившіе на нѣмецкой границѣ, прибѣгали иногда за судомъ къ нѣмецкимъ маркграфамъ, какъ это видно изъ одной грамоты Арнульфа (898): «Et si forsan de Moravorum regno aliquis causa justitiae supervenerit, si tale quidlibet est, quod ipse Heimo vel advocatus ejus corrigere nequiverit, judicio euisdem comitis (Arbonis) potenter finiatur». (Erben, Regesta, № 53, стр. 22). Едва-ли однако можно обобщить это показаніе, такъ какъ оно относится ко времени разгара смутъ и междоусобій въ Моравіи (898), когда пограничные съ Маркой Моравање были вынуждены искать правосудія на сторонѣ, не находя его у своихъ властей, занятыхъ раздорами.

ченіе Меѳодія Мораво-паннонскимъ архіепископомъ, его плодотворная дѣятельность въ Моравіи, непосредственныя его сношенія съ папой и заступничество послѣдняго за него противъ интригъ Нѣмцевъ,—обо всемъ этомъ завѣдомо умалчивается [1]) и эта знаменательная эпоха отмѣчается въ нѣсколькихъ словахъ—временемъ отступничества отъ христіанства, бунта и всевозможнаго произвола; Моравія представляется принадлежащею къ Пассовской эпархіи, и новое назначеніе туда архіепископа и трехъ епископовъ называется неслыханнымъ дѣломъ, между тѣмъ какъ это дѣло было только замѣщеніемъ довольно долго остававшейся вакантной Мораво-паннонской каѳедры; относительно Викинга, о которомъ ужъ нельзя было умолчать, дѣлается уловка, и онъ оказывается епископомъ, назначеннымъ по просьбѣ Святополка «къ новообращенному народу» (въ Нитру) и такимъ образомъ не имѣющимъ отношенія собственно къ моравской церкви: уловка неудачная, такъ какъ извѣстно, какъ давно Нитра принадлежала Моравіи и что тамъ была освящена церковь еще Зальцбургскимъ архіепископомъ Адальрамомъ (около 836 г.); [2]) затѣмъ повторяется неясное упоминаніе о мнимомъ отчужденіи Моравнъ отъ христіанства, о возмущеніи и враждебныхъ ихъ дѣйствіяхъ противъ Нѣмцевъ и рѣзко высказывается убѣжденіе, что Мораване волей-неволей, а должны будутъ смириться передъ нѣмецкою властью; Мораване изображаются непримиримыми, а Нѣмцы напротивъ — всегда желавшими мира: такъ разсказывается, что послѣдніе, узнавъ о походѣ Угровъ въ Италію, умоляли Моравнъ о заключеніи мира, на что эти будто-бы не соглашались, тогда какъ мы знаемъ, что и тутъ, какъ всегда, непримиримость была напротивъ со стороны Нѣмцевъ и что именно во время угор-

[1]) Нѣмцы могли съ своей точки зрѣнія оправдывать это умолчаніе тѣмъ, что мѣсто Меѳодія оставалось такъ долго не замѣщено и что самая его дѣятельность была, по проискамъ Викинга, очернена и объявлена еретическою самимъ папой Стефаномъ V въ его письмѣ къ Святополку.

[2]) Было бы странно только на основаніи этого мѣста посланія строить какія-нибудь предположенія насчетъ отношенія Нитры къ эпархіи Меѳодія. См. Wattenbach, Beiträge, ibid., S. 32.

скаго предпріятія въ Италію (899—900) Баварцы совершили два опустошительныхъ похода въ Моравію и расположенія къ миру вовсе не обнаруживали. Таковы правда и безпристрастіе въ изложеніи фактовъ нѣмецкимъ духовенствомъ! Особенно характерны здѣсь внушительныя слова, что *Моравaне, хотятъ или не хотятъ, а всетаки сдѣлаются подвластны нѣмецкому государству*. Убѣжденіе, съ которымъ это сказано, доказываетъ въ Нѣмцахъ большую увѣренность въ себѣ и полное сознаніе превосходства своихъ силъ, и едва-ли было бы справедливо видѣть въ этой выходкѣ одно только хвастовство и кичливость. Мы знаемъ, съ какою настойчивостью и даже неразборчивостью въ средствахъ Нѣмцы всегда преслѣдовали свои цѣли, знаемъ, что матеріальныя силы ихъ были очень значительны, знаемъ наконецъ, какихъ результатовъ они достигали въ своемъ политическомъ и культурномъ движеніи на востокъ, и потому имѣемъ право думать, что такія слова въ ихъ устахъ не были одними только пустыми словами, тѣмъ болѣе, что они обращены не къ Славянамъ, а къ папѣ, передъ которымъ не было причинъ хвастаться.

Другую сторону посланія составляетъ отчасти отстраненіе отъ себя разныхъ обвиненій, которымъ Нѣмцы подвергались со стороны Моравaнъ и въ которыхъ они находили необходимымъ оправдаться передъ папой, отчасти обвиненіе самихъ Моравaнъ въ кое-какихъ проступкахъ. Всѣ свидѣтельства этого рода имѣютъ дѣйствительно бо̀льшую или меньшую историческую цѣну и заслуживаютъ гораздо бо̀льшаго вниманія и довѣрія, такъ какъ первыя изъ нихъ являются показаніями противоположной стороны, вторыя же также не могли быть выдуманы и имѣютъ историческія основанія, хотя и исходятъ изъ устъ пристрастно настроенныхъ обвинителей. — Нѣмцы находятъ нужнымъ оправдываться передъ папой по двумъ пунктамъ: во-первыхъ Моравaне, вѣроятно въ доказательство ихъ задора, выставляли на видъ ихъ размолвку и столкновенія съ Франками и Алеманнами. Нѣмецкое духовенство называетъ это небылицей, хотя взаимная вражда между отдѣльными племенами германской народности

не была явленіемъ необыкновеннымъ. Во-вторыхъ Нѣмцы защищаются противъ тяжелаго обвиненія, что они будто-бы подкупили Угровъ большой суммой денегъ предпринять походъ въ Италію, а сами заключили съ ними мирный договоръ, подтвердивъ его клятвой по языческому обычаю, и такимъ образомъ оскорбивъ католическую вѣру. Въ этомъ фактѣ клятвеннаго договора нѣтъ ровно ничего невѣроятнаго, такъ какъ извѣстно, что всегда христіанскому народу при вступленіи въ сдѣлку съ варварами приходилось дѣлать уступку ихъ обычаямъ [1]). Что же касается до обвиненія въ подкупѣ, то, хотя мы и не можемъ сказать утвердительно, что оно справедливо, оно всетаки представляется очень правдоподобнымъ,—въ виду слѣдующаго затѣмъ въ посланіи сознанія Нѣмцевъ, что они давали Უграмъ подарки («не деньгами, а льняными одеждами», чтò въ сущности одно и то же, конечно), чтобы отклонить ихъ опустошительныя набѣги на сосѣднихъ съ ними христіанъ. Притомъ мало вѣроятно, чтобы Мораване сочинили такой фактъ; не объясняется ли этимъ подкупомъ и то нѣсколько странное обстоятельство, что Угры на своемъ походѣ въ Италію не встрѣтили никакого сопротивленія въ Панноніи? Увѣренія самихъ Нѣмцевъ, что они желали итти на помощь итальянскому народу и что Мораване имъ помѣшали въ этомъ, конечно не заслуживаютъ никакой вѣры, какъ явная ложь, такъ какъ въ это самое время Баварцы опустошали Моравію. Скорѣе могло бы говорить противъ подкупа то, что Угры на обратномъ пути изъ Италіи подвергли жестокому опустошенію и самую Паннонію, но и это соображеніе не довольно сильно, чтобъ подорвать вѣроятность обвиненія Нѣмцевъ Морававами [2]). Въ свою очередь нѣмецкое духовенство, оправдывая

[1]) Theophan. Contin. (Lib. I, c. 20, p. 31) свидѣтельствуетъ о подобномъ же договорѣ, заключенномъ по языческому обычаю между императоромъ Львомъ Армениномъ и Болгарами: κύνας μὲν, καὶ οἷς τὰ ἄνομα ἔθνη θύουσιν, ἐχρῆτο μάρτυσι τῶν πραττομένων... etc.

[2]) Во 1-хъ Угры вообще мало соображались съ договорами и нарушали ихъ очень легко; во 2-хъ можетъ быть тутъ подъ Панноніей разумѣются только *моравскія* владѣнія.

своихъ соотечественниковъ, выступаетъ передъ папой съ подобнымъ же обвиненіемъ противъ Моравань. Оно утверждаетъ, что послѣдніе приняли къ себѣ множество Угровъ, *брили себѣ головы по мадьярскому обычаю*, и сами вмѣстѣ съ Уграми, которыхъ подстрекали къ набѣгамъ, совершали опустошительныя вторженія въ предѣлы нѣмецкой державы и производили въ ней жесточайшій грабежъ. Это свидѣтельство очень любопытно, и къ нему нельзя отнестись безъ вниманія. Сообщенная при этомъ подробность относительно бритья головъ придаетъ ему характеръ еще бо́льшей достовѣрности и невольно заставляетъ вѣрить не только тому, что Моравапе призывали къ себѣ на помощь Угровъ, но и обратно—участію Моравань и вообще дунайскихъ Славянъ въ угорскихъ набѣгахъ на западъ. Не будь этой подробности, еще можно было бы предположить тутъ просто желаніе оклеветать Славянъ, но такой фактъ, какъ подражаніе Уграмъ въ способѣ носить волосы на головѣ, явно съ цѣлью не быть узнанными среди мадьярскихъ полчищъ, не могъ быть сочиненъ Нѣмцами: онъ очевидно былъ на лицо и въ немъ они успѣли тогда уже воочію удостовѣриться.

По показанію нѣмецкихъ епископовъ, первою и главною жертвою неистовыхъ набѣговъ Угровъ, съ которыми въ сообществѣ были отчасти и Моравапе [1]), была Паннонія, эта «maxima nostra provincia», какъ они ее называютъ. Въ ней, по ихъ выраженію, не оставалось болѣе почти ни одной церкви, «о чемъ могли бы засвидѣтельствовать посланные папой епископы, убѣдившіеся въ ея запустѣніи во время своихъ странствованій». Мы нисколько не сомнѣваемся, что здѣсь идетъ рѣчь именно о послѣдствіяхъ для Панноніи угорскихъ набѣговъ, а не объ опустошеніи ея Святополкомъ въ 882 и 883 годахъ, какъ утверждаетъ Дюмлеръ и за нимъ повторяютъ другіе [2]). Это послѣднее опустошеніе уже было

[1]) Моравапе руководились при этомъ конечно чувствомъ мести къ Нѣмцамъ, а въ этомъ отношеніи они могли найти исходъ этому чувству и въ разгромѣ Панноніи, гдѣ были уже тогда очень многочисленныя нѣмецкія колоніи.

[2]) Dümmler, Südöstl. Mark., S. 62; срв. Dudik, I, S. 341.

тогда старой исторіей, и въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ, до угорскаго набѣга 894 года, Паннонія имѣла время оправиться и подняться въ отношеніи благосостоянія. Очевидно въ посланіи разумѣются бѣдствія отъ самыхъ послѣднихъ угорскихъ вторженій; притомъ очень возможно, что они и преувеличены. Доводъ Дюмлера, что тутъ не можетъ имѣться въ виду Нижняя Паннонія, такъ какъ папскіе легаты не могли-де направить черезъ нее свой путь изъ-за тѣхъ опасностей, которыя она представляла, не выдерживаетъ критики. Организуя моравскую церковь, эти легаты должны были напротивъ заглянуть и въ паннонскія владѣнія Моравіи и дѣйствительно могли убѣдиться въ ихъ плачевномъ состояніи. Точно также не противорѣчитъ нашему взгляду и выраженіе «nostra maxima provincia», на которое ссылается Дюмлеръ, какъ на доказательство, что тутъ идетъ рѣчь не о Нижней Панноніи, еще принадлежавшей Моравамъ. Дѣло въ томъ, что вѣдь эти слова исходятъ изъ устъ нѣмецкаго духовенства, а оно, какъ мы видѣли, смотритъ въ разбираемомъ посланіи и на Паннонію, и на Моравію, какъ на части своей нѣмецкой державы не въ одномъ только церковномъ отношеніи... Слѣдовательно выраженіе «nostra provincia» въ устахъ Зальцбургскаго архіепископа не даетъ еще права рѣшительно ни къ какимъ заключеніямъ.

Наконецъ есть и еще пунктъ, въ которомъ нѣмецкіе епископы старались набросить тѣнь на Моравanъ и представить ихъ какъ можно болѣе виновными передъ папскимъ престоломъ. По ихъ увѣренію, Мораване хвастали, что достигли посредствомъ большой суммы денегъ присылки папскихъ легатовъ и новой организаціи своей церкви (т. е. попросту подкупили папскій дворъ). Это обвиненіе имѣетъ уже характеръ злостнаго доноса и тяжкаго обличенія самого папы, если въ немъ дѣйствительно есть доля правды. Но въ настоящемъ случаѣ оно можетъ быть также злобной клеветой, съ цѣлью съ одной стороны возстановить папу противъ Моравanъ, съ другой—и главнымъ образомъ—представить ему, что его церковнымъ мѣрамъ въ Моравіи придается весьма неблаговидный и нечистый оттѣнокъ, и такимъ путемъ

побудить его оставить свое предпріятіе: вѣдь это же и было главною цѣлью посланія.

Подкупъ папы Моравскимъ княземъ кажется намъ неправдоподобнымъ, ибо дѣло это (предпринятое имъ въ Моравіи) вполнѣ согласовалось съ папскими интересами и было только продолженіемъ прежней, столь намъ извѣстной политики римскаго престола по отношенію къ моравской церкви. А если не было подкупа, то и хвастовство имъ является невѣроятнымъ и безсмысленнымъ. Съ другой стороны, если бы что-нибудь подобное было, то неужели Моравaне стали бы этимъ хвастаться и такимъ образомъ открыто компрометировать папу и свое дѣло? Это было бы съ ихъ стороны слишкомъ неполитично и наивно. Одно, что могло подать поводъ къ клеветѣ нѣмецкаго духовенства, — это то, что папскіе легаты предприняли путешествіе и пребывали въ Моравіи вѣроятно на счетъ Моравaнъ [1]), но между этимъ обстоятельствомъ и подкупомъ нѣтъ, разумѣется, ничего общаго. Нѣмецкому духовенству надо было во что бы то ни стало очернить Моравaнъ въ глазахъ папы и отвлечь послѣдняго отъ задуманнаго дѣла, и вотъ они придумываютъ наиболѣе вѣрное средство, чтобы задѣть самолюбіе и гордость папы, — пускаютъ въ ходъ мысль о подкупѣ. Такая выходка должна была тѣмъ болѣе подѣйствовать на него, что папская курія вообще не отличалась безкорыстіемъ въ своихъ дѣлахъ и отношеніяхъ и очень радѣла о своихъ матеріальныхъ благахъ установленіемъ различныхъ сборовъ и налоговъ съ христіанъ въ свою пользу; на это есть указаніе и въ настоящемъ посланіи, именно въ извиненіи Зальцбургскаго архіепископа, что онъ изъ-за угорскаго набѣга на Италію вó-время не могъ доставить папѣ приходящихся на его долю сборовъ.

Изо всего этого видно, что есть въ разобранномъ документѣ и такія показанія, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія, освѣщая современныя обстоятельства и отношенія нѣсколько болѣе,

[1]) Dudik, I, S. 332 и 337 (прим.).

чѣмъ то могутъ сдѣлать сухія лѣтописныя свидѣтельства. Это касается по преимуществу отношенія Нѣмцевъ и Моравань къ той новой силѣ, которая, придвинувшись къ самымъ границамъ ихъ владѣній, все ощутительнѣе давала себя знать и чувствовать, все болѣе и болѣе поглощала вниманіе, возбуждала тревогу и опасенія запада. Послѣ итальянскаго разгрома всѣми уже предвидѣлись кровавые расчеты съ Мадьярами, съ той и другой стороны являлись попытки къ смягченію врага (подкупомъ) и къ сдѣлкамъ съ нимъ, послѣ чего слѣдовали взаимныя обвиненія, осужденія, клеветы и проч. Что касается судьбы и результатовъ посланія зальцбургскаго духовенства къ папѣ, то намъ они, къ сожалѣнію, остаются совершенно неизвѣстны. Письмо было написано въ такомъ рѣшительномъ тонѣ и затрогивало такіе жгучіе вопросы, что едва-ли могло бы остаться безъ всякихъ послѣдствій для моравскаго церковнаго вопроса при нормальномъ теченіи дѣлъ [1]); были ли однако въ дѣйствительности какія-либо послѣдствія и въ чемъ они заключались, мы не знаемъ и даже имѣемъ право сомнѣваться въ нихъ на томъ основаніи, что обстоятельства сложились повидимому весьма неблагопріятно для этого дѣла. Посланіе, какъ видно изъ словъ, что Италія уже освободилась тогда отъ Угровъ (quia dei gratia liberata est Italia), было отослано не ранѣе осени 900 года, слѣдовательно оно уже не могло застать въ живыхъ папу Іоанна IX (умершаго въ іюлѣ 900 г.), къ которому было адресовано [2]). Какъ отнесся къ нему его преемникъ — неизвѣстно. Впрочемъ самый вопросъ этотъ теряетъ свое значеніе въ виду того рѣшительнаго

[1]) Надо замѣтить, что существуетъ еще другое одновременное посланіе къ папѣ архіепископа Майнцскаго Гаттона, подтверждающее жалобы и притязанія Зальцбургскаго духовенства и повторяющее его въ главныхъ пунктахъ (см. Erben, Regesta, № 55, стр. 24—25), но такъ какъ на подлинность этой грамоты наброшена тѣнь (Dümmler, Süd.-Ö. M., S. 78—79) и вообще она не представляетъ ничего новаго, то мы и не сочли нужнымъ особенно останавливаться на ней. Дудикъ (I, S. 343) впрочемъ не раздѣляетъ подозрѣній Дюмлера.

[2]) На это обстоятельство указалъ уже Dümmler, Gesch., II, S. 512.

оборота, который приняли вскорѣ затѣмъ политическія событія и международныя отношенія на среднемъ Дунаѣ. И для Мораванъ, и для Нѣмцевъ — церковный вопросъ и церковные интересы естественно отошли на заднiй планъ, когда пришлось думать только о самозащитѣ и напречь всѣ свои силы, чтобы такъ или иначе умѣрить тяжесть ударовъ, которые наконецъ послѣдовательно направила на нихъ мадьярская орда, пользуясь благопріятными политическими условіями.

4.

Угры въ Панноніи. Набѣги Угровъ въ нѣмецкія и моравскія владѣнія 900—904 г. Коварный поступокъ Нѣмцевъ. Общее настроеніе на среднемъ Дунаѣ. Раффельштетенскій торговый договоръ.

Еще въ 900 году Нѣмцамъ пришлось имѣть значительное дѣло съ Уграми. Эти событія разсказываются довольно обстоятельно Фульденскою лѣтописью и въ немногихъ словахъ подтверждаются нѣкоторыми другими анналами (Alamann. 900; Heriman. Augiens. 900; Liudprandi Antapodos.). Вернувшись изъ итальянскаго похода, Угры отправили къ Баварцамъ пословъ какъ-бы съ просьбой о мирѣ, въ сущности же съ цѣлью развѣдокъ и ознакомленія со страною [1]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что посольство Угровъ дѣйствительно имѣло между прочимъ и эту цѣль; такія предварительныя развѣдки были совершенно въ характерѣ и нравахъ Угровъ; возраженіе, что послѣдніе уже и безъ того хорошо знали мѣстности и что имъ нечего было болѣе разузнавать, не выдерживаетъ критики [2]), такъ какъ не Паннонія на этотъ разъ была цѣлью задуманнаго ими военнаго предпріятія, а край, лежащій далѣе на западъ и прежде всего Восточная

[1]) Ann. Fuld. 900: Missos illorum *sub dolo* ad Baioarios pacem optando, regionem illam ad explorandam transmiserunt.

[2]) Gfrörer (Byz. Gesch.), II, S. 395, см. Dudik, I, 347.

марка и окрайны Баваріи, т. е. мѣстности, еще вовсе неизвѣстныя Уграмъ. Но кромѣ этой цѣли есть основаніе предположить и другую. Императоръ Арнульфъ умеръ въ то время, когда полчища Угровъ были въ Италіи. Допустимъ ли мы или нѣтъ его подстрекательство въ этомъ послѣднемъ ихъ походѣ, тѣмъ не менѣе останется фактомъ едва-ли подлежащимъ сомнѣнію, что онъ въ послѣдній годъ находился въ нѣкоторой сдѣлкѣ съ ними и съ помощью денегъ или другихъ подарковъ отвращалъ ихъ вторженіе вглубь своихъ владѣній. А въ такомъ случаѣ естественно, что Угры, узнавъ о смерти Арнульфа, хотѣли провѣдать, какъ къ нимъ относится его преемникъ, и вообще новыя нѣмецкія власти, и нельзя ли и съ нихъ взять побольше денегъ и подарковъ, подъ видомъ новаго мирнаго договора. Изъ послѣдующаго видно, что они ничего не достигли и вернулись съ пустыми руками, ибо немедленно по возвращеніи ихъ былъ рѣшенъ набѣгъ на нѣмецкія владѣнія, въ предѣлы самой Баваріи, и быстро, въ томъ же 900 году, приведенъ въ исполненіе. Не дать врагамъ приготовиться, застать ихъ врасплохъ, вообще не терять ни минуты времени было главнымъ условіемъ успѣшности предпріятія и потому одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ угорскихъ набѣговъ. Съ неимовѣрною быстротою прослѣдовавъ черезъ Восточную марку и достигнувъ р. Энжи, Угры перешли ее и неудержимымъ потокомъ ринулись въ цвѣтущій край Баваріи (Traungau), гдѣ занялись безпощаднымъ грабежомъ и опустошеніемъ. Такое быстрое появленіе ихъ посреди нѣмецкихъ владѣній свидѣтельствуетъ, что ихъ военныя силы находились въ тотъ моментъ уже очень не далеко отъ границъ Марки. Едва-ли мы ошибемся, если предположимъ, что Угры по возвращеніи изъ Италіи избрали главнымъ мѣстомъ пребыванія своихъ военныхъ полчищъ уже окончательно брошенную на произволъ судьбы *Паннонію* (въ ея низменныхъ частяхъ) и что туда къ нимъ перекочевала съ лѣваго берега Дуная и нѣкоторая часть ихъ семействъ. Явнымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить слова все той же Фульденской лѣтописи, что Угры

съ похода въ Баварію вернулись назадъ *«къ своимъ въ Паннонію»* [1]).

Быстрота, съ которою Угры рыскали по баварской территоріи, какъ ее характеризуетъ лѣтописецъ, была такова, что въ одинъ день они успѣвали пробѣгать и опустошать пространство въ 50 римскихъ квадратныхъ миль. Когда же Баварцы собрали войско и готовы были встрѣтить Угровъ, послѣдніе уже успѣли забрать добычу и съ такою же быстротой вернуться въ Паннонію. Баварское войско не могло ихъ настигнуть. Между тѣмъ другая шайка Угровъ совершала опустошительный набѣгъ вдоль лѣваго берега Дуная и тоже проникла довольно далеко вглубь нѣмецкой территоріи. Узнавъ объ этомъ, маркграфъ Люитпольдъ съ другими баварскими военачальниками и въ сопровожденіи епископа Пассовскаго (Рихара) съ праваго берега Дуная, гдѣ уже нечего было дѣлать, переправился на лѣвый и успѣлъ настигнуть (неизвѣстно, гдѣ именно) Угровъ. Въ сраженіи, происшедшемъ здѣсь, перевѣсъ оказался сразу на сторонѣ Нѣмцевъ: имъ удалось разбить взятую вѣроятно врасплохъ мадьярскую шайку, изъ которой 1200 человѣкъ, по свидѣтельству Фульденскихъ анналовъ, погибло отъ меча или утонуло въ Дунаѣ [2]). Радость Нѣмцевъ послѣ этой первой одержанной надъ Уграми побѣды была велика: они торжественно и громко возблагодарили Бога за нее и, вернувшись къ своимъ товарищамъ по оружію, немедленно затѣмъ занялись постройкою сильной пограничной крѣпости на берегу р. Энжи (около стараго мѣстечка Лорха) [3]), извѣстной подъ именемъ *Эннсбурга* (Anesipurch), которая долж-

[1]) Ungari..... redierunt, unde venerunt, *ad sua in Pannoniam*. Ann. Fuld., ibid.

[2]) Ann. Fuld. 900, ibid; также Herimann. Augiens. an. 900: Ungarii Baoariam ingrediuntur et plus mille ex eis occiduntur; Ann. Alamann. 900: Norici cum Ungris pugnaverunt et partem ex eis occiderunt.

[3]) Ann. Fuld. 900: Tandem laeti post tantam victoriam, ad socios unde venerant regressi sunt, et citissime in id ipsum tempus pro tuicione illorum regni validissimam urbem in littore Anesi fluminis muro obposuerunt.

на была отнынѣ служить защитой противъ нашествій восточныхъ варваровъ [1]).

Послѣ дерзкаго и жестокаго набѣга Угровъ въ предѣлы Баваріи сознаніе великой опасности, которой подвергались всѣ земли, сосѣднія съ жилищами новыхъ пришельцевъ, впервые пробудилось серіозно и у Нѣмцевъ, и Мораванъ, все еще до тѣхъ поръ ослѣпленныхъ взаимной враждой. И тѣ и другіе поняли, въ тотъ моментъ по крайней мѣрѣ, свое критическое положеніе, къ выходу изъ котораго могли служить лишь прекращеніе распри и единодушное противодѣйствіе врагу. Такое настроеніе выразилось уже въ началѣ слѣдующаго 901 года въ мирѣ, заключенномъ между Людовикомъ и Моймиромъ—первоначально въ Регенсбургѣ и затѣмъ закрѣпленномъ въ Моравіи. Хотя починъ въ этомъ дѣлѣ шелъ со стороны Мораванъ, можно все-таки полагать, что сознаніе опасности отъ мадьярской грозы руководило при этомъ еще болѣе Германской державой. Не забудемъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ сряду (898, 899 и 900) Моравія подвергалась опустошительнымъ вторженіямъ Нѣмцевъ. Послѣ этого конечно ей, глубоко потрясенной и внутри и извнѣ, было вполнѣ естественно и необходимо просить пощады и мира; гораздо менѣе естественно было согласиться на него Нѣмцамъ, которые уже предвидѣли близкое осуществленіе своей завѣтной мечты, окончательнаго разгрома Моравскаго княжества. Еще нѣсколько энергическихъ и искусно направленныхъ ударовъ,—и по всей вѣроятности оно должно было бы склонить голову и отдаться въ руки несравненно сильнѣйшаго противника. Между тѣмъ этого не случилось; ибо Нѣмцы были очевидно *вынуждены* согласиться на мирныя предложенія Мораванъ, такъ какъ въ виду такого врага, какимъ явились Угры, имъ необходимо было пріобрѣсти союзника въ сосѣдѣ, который въ противномъ случаѣ могъ бы только увеличить силы и безъ того страшнаго врага.

[1]) Этотъ городъ былъ подаренъ въ 901 году имп. Людовикомъ, по ходатайству епископа Рихара и другихъ, *Флоріанскому* монастырю, владѣнія котораго особенно пострадали отъ Угровъ.

Послы Морававъ явились съ просьбой о мирѣ въ началѣ 901 года въ Регенсбургъ, гдѣ въ то время было собраніе высшихъ сановниковъ. По разсказу Фульденской лѣтописи (которая, кстати замѣтить, къ сожалѣнію прекращается на описаніи начала этого именно года), на просьбу Мойміра послѣдовало согласіе, но Нѣмцы не удовольствовались заключеніемъ мирнаго договора въ Регенсбургѣ, и отправили съ тою же цѣлью въ Моравію посольство, состоявшее изъ двухъ сановниковъ — Пассовскаго епископа Рихара и швабскаго графа Удальриха. Передъ ними самъ Моймiръ клятвенно подтвердилъ условія мира [1]). Это вторичное закрѣпленіе мира доказываетъ, въ какой мѣрѣ Нѣмцы имъ дорожили, какъ они искренно желали теперь укрѣпить свои связи съ Моравскимъ княземъ. Не лишено вѣроятія и предположеніе Дудика, что нахожденіе въ посольствѣ епископа Рихара было не даромъ, что мирныя условія должны были коснуться и церковныхъ отношеній [2]), по которымъ еще не могло состояться рѣшенія въ Регенсбургѣ безъ согласія Мойміра. Въ чемъ однако заключалось это рѣшеніе—мы положительно не можемъ сказать, такъ что утвержденіе Дудика, что этимъ миромъ были парализованы папскія распоряженія относительно новой церковной организаціи Моравіи, кажется намъ слишкомъ смѣлымъ [3]). Миссія Рихара могла имѣть цѣлью лишь вынужденное миромъ объясненіе по дѣламъ церкви и улаженіе этихъ церковныхъ отношеній, вѣроятно, не безъ взаимныхъ уступокъ.

На томъ же Регенсбургскомъ собраніи произошло примиреніе императора съ графомъ Исанрихомъ, которому было про-

[1]) Ann. Fuld. 901: Generale placitum Radisbona civitate habitum est; ibi inter alia missi Moravorum pacem optantes pervenerunt. Quod mox ut pecierunt, et juramento firmatum est. Inde ab hoc ipsum Richarius episcopus et Udalricus comes Marahaha missi sunt, qui eodem tempore, ut in Baioaria firmatum fuit, ipsum ducem et omnes primates ejus eandem pacem se servaturos juramento constrinxerunt. Тоже Herimann. Augiens. 901: eodem anno Moymirius dux Marahensium..... cum Ludowico rege pacificati sunt.

[2]) Dudik, I, S. 346.

[3]) Ibid., S. 349.

щено его возмущеніе, вѣроятно вслѣдствіе изъявленія имъ самимъ раскаянія и покорности [1]). Ему дѣйствительно не оставалось ничего болѣе, какъ смириться, когда нельзя было уже расчитывать на Моравію, бывшую ему до сихъ поръ опорою во всѣхъ предпріятіяхъ.

Между тѣмъ, пока Нѣмцы мирились съ Моравами, Угры не оставались въ бездѣйствіи и совершили изъ своей Панноніи опять набѣгъ на западъ, и именно въ предѣлы Карантаніи [2]). Извѣстіе объ этомъ набѣгѣ еще попало въ Фульденскую лѣтопись, но чѣмъ онъ кончился, изъ нея не видно [3]). Изъ одного позднѣйшаго источника мы узнаемъ, что Угры потерпѣли неудачу и были обращены въ бѣгство (11-го апрѣля, въ великую субботу [4]). Въ томъ же 901 году, если вѣрить нѣкоторымъ западнымъ анналамъ, повторился набѣгъ Угровъ на сѣверную Италію [5]), куда дорога имъ уже была хорошо извѣстна съ 899 года и куда они въ послѣдствіи еще не разъ возвращались. О результатѣ его мы ничего не знаемъ. Вообще съ началомъ

[1]) Мы видѣли ранѣе, какъ Исанрихъ, убѣжавъ изъ плѣна, снова съ помощью Моравъ овладѣлъ частью Восточной марки. Со вступленіемъ на престолъ Людовика, онъ кажется здѣсь не удержался и опять укрылся въ Моравіи.. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ извѣстія о его примиреніи: Въ Herimann. Aug. Chron. a. 901 читаемъ: eodem anno Moymirius dux Marahensium et Isanricus Noricus comes, *qui ad ipsum transfugerat*, cum Ludowico rege pacificati sunt. Послѣ этого объ Исанрихѣ нѣтъ болѣе извѣстій.

[2]) Ann. Fuld. 901: Interdum vero Ungari australem partem regni illorum (т. е. очевидно Нѣмцевъ, а не Моравъ) Caruntanum devastando invaserunt. Дудикъ явно ошибается, разумѣя подъ illorum — Моравъ и стараясь поправкой текста объяснить являющуюся отъ такого пониманія несообразность, (что Карантанія выходитъ моравскимъ владѣніемъ). См. B. I, S. 348, прим. Ранѣе, на стр. 260 онъ даже прямо заключаетъ изъ этого извѣстія, что Карантанія составляла часть Моравіи, что уже совсѣмъ непонятно.

[3]) Dümmler (Südöst. M., S. 65) объясняетъ это тѣмъ, что Фульденскіе анналы не доведены до самой пасхи, такъ какъ они кончаются извѣстіемъ, что Людовикъ только отправился въ Алеманнію, чтобы тамъ справить ее.

[4]) Herimann. Aug. 901: Ungarii Carentanum petentes (in sabbato) commissa pugna victi caesique fugerunt.

[5]) Ann. Alamann. 901 (и ann. Laubacenses): Iterum Ungari in Italiam. У Регинона итальянскій походъ тоже подъ 901; но кажется здѣсь слѣдуетъ разумѣть походъ 899 г

X вѣка (именно съ прекращеніемъ Фульденскихъ анналовъ) наши свѣдѣнія о событіяхъ на среднемъ Дунаѣ, о предпріятіяхъ Угровъ и о борьбѣ съ ними Нѣмцевъ и Моравапъ сильно скудѣютъ и сокращаются, такъ что изслѣдователю приходится прибѣгать къ ряду предположеній и догадокъ, чтобы сколько-нибудь уяснить себѣ этотъ темный и однако самый интересный періодъ времени до окончательнаго торжества Угровъ надъ Нѣмцами въ 907 году и сцѣпленіе событій и обстоятельствъ, которыя какъ-то безъ всякаго шума, незамѣтно и безслѣдно прекратили существованіе уже давно надломленнаго Моравскаго княжества и создали на его мѣстѣ новый политическій порядокъ, а отчасти (именно въ Панноніи) и новыя этническія отношенія.

Но хоть и скудны лѣтописныя извѣстія объ этомъ періодѣ мадьярскаго погрома, изъ нихъ можно всетаки заключить съ достовѣрностью, что съ 900 года набѣги Угровъ въ сосѣднія западныя земли слѣдовали безпрерывно, одинъ за другимъ, нерѣдко по нѣскольку разъ въ годъ, предпринимались однако не сообща всѣми силами, а врозь, отдѣльными шайками, такъ что въ первое время бывали даже случаи, что они кончались несовсѣмъ удачно для самихъ Мадьяръ. Этимъ маленькимъ неудачамъ нельзя впрочемъ придавать никакого значенія въ общемъ ходѣ событій, въ которомъ Угры брали все большій и большій перевѣсъ надъ своими противниками, постепенно все ширились на западъ и съ каждымъ годомъ проникали въ своихъ набѣгахъ все глубже и глубже — въ самое сердце западной Европы. Занесенные въ лѣтопись два, три случая, когда перевѣсъ можетъ быть дѣйствительно склонился на сторону Нѣмцевъ или Моравапъ, были конечно разглашены послѣдними, какъ рѣшительныя побѣды; имъ придавалась большая важность, какой они разумѣется вовсе не имѣли, а лѣтописцы спѣшили тщательно занести ихъ на страницы своихъ лѣтописей, чтобы уберечь ихъ отъ забвенія, между тѣмъ какъ многочисленные факты торжества Угровъ надъ Нѣмцами отмѣчались ими не особенно усердно, а нерѣдко и совершенно умалчивались. Не будь этого, мы конечно знали

бы больше объ угро-нѣмецкой и угро-моравской борьбѣ до 907 года.

Главный вопросъ, на которомъ сосредоточивается для насъ весь интересъ этихъ первыхъ годовъ X вѣка, касается, разумѣется, судьбы Моравіи и заключается въ совершенно загадочномъ для насъ окончательномъ разрушеніи княжества, загадочномъ — вслѣдствіе отсутствія всякихъ прямыхъ извѣстій объ этомъ событіи и данныхъ для точнаго опредѣленія его времени. Изслѣдователь принужденъ искать разрѣшенія этого вопроса единственно въ сопоставленіи и разборѣ тѣхъ немногихъ отрывочныхъ и краткихъ показаній западныхъ лѣтописцевъ, которыя имѣются у насъ относительно мадьярскихъ набѣговъ въ періодъ времени отъ 901 до 907 года, т. е. года окончательнаго торжества Угровъ и вмѣстѣ самаго крайняго срока, къ которому считается возможнымъ относить паденіи Моравіи. Поразительное отсутствіе свидѣтельствъ объ этой катастрофѣ, завершившей собою полную смутъ и борьбы жизнь Моравскаго политическаго союза, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что какъ вскорѣ потомъ весь западный міръ, такъ уже тогда нѣмецкіе лѣтописцы, которые одни могли сохранить для потомства хоть краткую повѣсть объ этомъ событіи, были слишкомъ поглощены и озабочены критическимъ положеніемъ отечества и переживаемыми имъ тяжелыми испытаніями, чтобы заниматься еще дѣлами и участью чуждыхъ имъ сосѣдей, несчастія которыхъ представлялись имъ конечно совершенно второстепенными въ сравненіи съ ихъ собственными бѣдствіями. Само собой разумѣется, что гибель Моравіи не прошла бы не отмѣченной ими, еслибъ ихъ самихъ не удручали великое горе о родинѣ и опасеніе еще большихъ бѣдъ впереди.

Мы видѣли, что Нѣмцы впервые пришли къ нѣкоторому сознанію важности положенія, созданнаго поселеніемъ Угровъ въ дунайской равнинѣ, лишь послѣ вторженія послѣднихъ въ Баварію 900 года. Но сознать свою слабость и страхъ передъ безпорядочными толпами какихъ-то варваровъ-язычниковъ — было для

нихъ настолько тяжело и непривычно, что первая малѣйшая удача въ столкновеніи съ этими хищниками естественно не могла не подѣйствовать на ихъ настроеніе и не замѣнить мрачныхъ опасеній близкой бѣды чувствами надежды и новой увѣренности въ своихъ силахъ. Такъ по всей вѣроятности и было, въ особенности послѣ удачнаго отраженія (по лѣтописному извѣстію) еще небольшой мадьярской шайки въ 901 году въ Карантаніи.

Такимъ образомъ и въ слѣдующіе затѣмъ годы Нѣмцы все-таки продолжали быть еще въ заблужденіи относительно истинной опасности и не принимали никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ для приведенія себя въ надежное оборонительное положеніе. Съ своей стороны и Угры все еще продолжали дѣйствовать разрозненно, безпокоили своихъ сосѣдей частными нападеніями небольшими отрядами и не сосредоточивали своихъ силъ. Въ этомъ образѣ дѣйствій впрочемъ сказывалась ихъ осторожность и осмотрительность. Они еще не рѣшались предпринимать слишкомъ дальнихъ походовъ и подвергать явной опасности и себя и своихъ (остававшихся въ Панноніи), не изучивъ напередъ мѣстности и удобныхъ путей и не ознакомившись съ силами и средствами враговъ. Къ болѣе рѣшительнымъ и общимъ предпріятіямъ, они, какъ увидимъ, были вызваны неосторожностью самихъ Нѣмцевъ.

Подъ 902 годомъ мы находимъ въ западныхъ анналахъ два извѣстія о набѣгахъ Угровъ и притомъ на этотъ разъ не въ нѣмецкія владѣнія, а въ Моравію. По одному изъ нихъ, Угры, напавъ на Мораванъ, потерпѣли пораженіе и были обращены въ бѣгство [1]); другое (въ Ann. Alamann.), менѣе опредѣленное и ясное, довольно глухо говоритъ о войнѣ съ Уграми въ Моравіи: «bellum in Maraha cum Ungaris et patria victa» [2]). Послѣднее

[1]) Herimann. Augiens. 902: Ungarii Marahenses petunt pugnaque victi terga verterunt.

[2]) Ann. Alaman. 902 (Pertz., SS., I, 54). Въ Ann. Ratisbonn. (SS. XVII, 583) подъ 902 годомъ есть извѣстіе: interfectio Ungarorum magna, но оно, какъ справедливо полагаютъ, относится къ событію 904 года. См. Dümmler, Gesch. II, S. 527.

выраженіе понимается обыкновенно въ томъ смыслѣ, что Нѣмцы были побѣждены въ Моравіи [1]). Такъ ли это однако — еще вопросъ. Изъ этихъ извѣстій видно только, что въ 902 году цѣлью угорскихъ предпріятій была Моравія, а насколько она отъ нихъ пострадала и дѣйствовали ли заодно съ Морававами Нѣмцы, — это остается неяснымъ. Въ слѣдующемъ 903 году дѣйствія, повидимому, опять были перенесены на нѣмецкую территорію: тѣ же анналы двумя словами отмѣчаютъ «войну Баварцевъ съ Уграми» [2]), но исходъ этого столкновенія остается точно такъ же неизвѣстнымъ.

Къ 904 году относится событіе, которое должно было оказать рѣшительное вліяніе на послѣдующія предпріятія Угровъ. Къ сожалѣнію нѣмецкіе анналы отмѣчаютъ и его только въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ. Событіе это состояло въ томъ, что Баварцы пригласили Угровъ (т. е. ихъ вождей, конечно) къ себѣ на пиръ и тутъ коварнымъ образомъ умертвили главнаго вождя Хуссала и всю его свиту (Ungari in dolo ad convivium a Baugauriis vocati; Chussal dux eorum suique sequaces occisi sunt) [3]). Этотъ жестокій и вѣроломный посту-

[1]) Dümmler, Südöstl. M., S. 66; Gesch., II, S. 527.

[2]) Ann. Alamann. 903: bellum Bauguariorum cum Ungaris.

[3]) Ann. Alamann. (cod. 3.4) 904. Въ двухъ другихъ кодексахъ тѣхъ же анналовъ это извѣстіе въ еще болѣе краткомъ видѣ помѣщено, по ошибкѣ, подъ 902 годомъ: Ungares a Baioariis ad prandium vocati plures occiduntur. Отсюда вѣроятно взято и извѣстіе Ann. Sangallenses Major. тоже подъ 902 г.: Agareni (т. е. Ungari) a Baioariis ad brandium vocati, ubi rex eorum Chussol occisus est, et alii quam plurimi cum eo. Выше замѣчено, что сюда же должно быть отнесено свидѣтельство въ Ann. Ratisbonn. 902 г.: interfectio Ungarorum magna. Въ виду всѣхъ этихъ ясныхъ свидѣтельствъ, попытка (когда-то сдѣланная Прайемъ) истолковать это извѣстіе совершенно иначе, предложивъ чтеніе proelium вм. prandium, теряетъ всякое значеніе. — О вождѣ *Хуссалѣ* мы никакихъ другихъ извѣстій не имѣемъ. Скорѣе всего это былъ одинъ изъ племенныхъ мадьярскихъ вождей; главнымъ вождемъ еще былъ тогда, какъ кажется, *Арпадъ*, хотя утверждать этого нельзя. Отнесеніе смерти Арпада къ 907 г. основано на показаніи Анонима, слѣдовательно за достовѣрное принято быть не можетъ. Константинъ Багрянородный не даетъ хронологическихъ свѣдѣній о первыхъ мадьярскихъ вождяхъ. Зато у него есть довольно подробное сообщеніе о ближайшихъ и современныхъ ему потом-

покъ со стороны Нѣмцевъ не удивляетъ насъ, такъ какъ онъ вполнѣ согласуется съ характеромъ, политикой и взглядами Нѣмцевъ на варваровъ-язычниковъ, по отношенію къ которымъ не было ничего преступнаго, чего бы они не считали для себя позволительнымъ, особенно, если того требовали политическіе цѣли. Есть извѣстіе, что нѣмецкіе вожди прибѣгали къ тѣмъ же безчеловѣчнымъ мѣрамъ и въ войнѣ съ Полабскими Славянами[1]). Гораздо болѣе удивляетъ насъ въ этомъ случаѣ легкомысліе и недальновидность Нѣмцевъ[2]), которые въ свою очередь служатъ прекраснымъ доказательствомъ, что еще и тогда, въ 904 году, Нѣмцы продолжали обольщать себя на счетъ Угровъ и степени представлявшейся отъ нихъ опасности: имъ вѣроятно казалось возможнымъ и самымъ легкимъ — посредствомъ умерщвленія нѣсколькихъ главныхъ мадьярскихъ вождей запугать всю ихъ орду и остановить ея набѣги въ баварскіе предѣлы. Угры же еще не имѣли до тѣхъ поръ случая узнать нѣмецкое коварство, и легко поддались на ловушку, расчитывая вѣроятно опять получить денегъ и подарковъ, какъ они привыкли къ тому при Арнульфѣ. Надо пола-

кахъ Арпада. Въ концѣ 40 гл. De adm. imp. (p. 174—5) онъ говоритъ: «Арпадъ великій царь Туркіи имѣлъ четырехъ сыновей: πρῶτον τὸν Ταρκατζοῦν, δεύτερον τὸν Ἰέλεχ, τρίτον τὸν Ἰουτοτζάν, τέταρτον τὸν Ζαλτάν.— Старшій сынъ Арпада Таркацусъ родилъ сына Τεβέλη, второй Елехъ родилъ Ἐζέλεχ, третій Ютоцасъ родилъ Φαλίτζιν — нынѣшняго царя, четвертый Залтанъ родилъ Ταξίν.—Всѣ сыновья Арпада умерли, но живы его внуки Φαλῆς и Τασῆς и ихъ племянникъ Τάξις.—Тебелесъ умеръ, но есть у него сынъ Τερμαζούς, ὁ ἀρτίως ἀνελθών, φίλος μετὰ τοῦ Βουλτζοῦ τοῦ τρίτου ἄρχοντος καὶ καρχᾶ Τουρκίας. Бульцусъ карханъ — сынъ кархана Καλή, а Καλή есть имя собственное, карханъ же — должность, какъ и гиласъ который больше кархана». Срв. Büdinger, Oesterr. Gesch., S. 394, Anm. 3.

[1]) Widukind, Res gestae Saxon. L. II, c. 20. Здѣсь разсказывается о поступкѣ маркграфа Геро саксонскаго: Ipse (Gero) dolum dolo praeoccupans, convivio claro delibutos ac vino sepultos ad triginta fere principium barbarorum (Slavorum) una nocte extinxit.

[2]) По всей вѣроятности это было совершено безъ вѣдома нѣмецкаго императора, который съ марта 904 г. пребывалъ въ западной части государства. Въ январѣ 905 г. онъ вернулся въ Баварію, а въ февралѣ было большое собраніе баварскихъ сановниковъ въ Регенсбургѣ, по всей вѣроятности, для обсужденія политическихъ дѣлъ.

гать, что это приглашеніе послѣдовало за какимъ-нибудь удачнымъ угорскимъ предпріятіемъ.

Самый фактъ избіенія угорскихъ вождей въ 904 году имѣетъ для насъ значеніе и по отношенію къ вопросу о Моравіи. Онъ намъ даетъ право сказать почти съ увѣренностью, что въ этомъ году Моравія не только еще не была завоевана, но представляла еще нѣкоторую военную силу, на которую расчитывали Нѣмцы. Въ противномъ случаѣ они едва-ли рѣшились бы на такой важный и во всякомъ случаѣ очень рискованый шагъ.

Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести на Угровъ нѣмецкое коварство; разумѣется, оно не только не могло остановить ихъ набѣговъ, но напротивъ должно было возбудить въ нихъ еще бо́льшую отвагу и ярость. Нѣсколько удивительно поэтому, что это обострившееся враждебное настроеніе Мадьяръ проявилось въ отношеніи къ Нѣмцамъ не тотчасъ послѣ катастрофы, а лишь спустя довольно значительный промежутокъ времени. Ниже мы постараемся показать, гдѣ слѣдуетъ искать разгадку этого явленія, а теперь остановимся еще на нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, служащихъ къ характеристикѣ положенія дѣлъ на Дунаѣ въ то время и свидѣтельствующихъ о довольно спокойномъ еще настроеніи нѣмецкаго общества около 904 года.

Такимъ наиболѣе характернымъ свидѣтельствомъ является грамота, составленная на собраніи въ *Раффельштеттенъ*, состоявшемся по волѣ императора Людовика для пересмотра и установленія торговыхъ пошлинъ на Дунаѣ—именно около 904 года. Мы не знаемъ въ точности срока этого собранія, но имѣемъ данныя для приблизительнаго опредѣленія его. До 903 года оно не могло быть, такъ какъ дѣйствующимъ лицомъ является въ немъ епископъ Пассовскій Бурхардъ, смѣнившій Рихара лишь въ концѣ 902 года. Точно также едва-ли оно могло происходить послѣ 904 г., ибо вышеупомянутое избіеніе мадьярскихъ вождей, какъ увидимъ, совершенно измѣнило политическія обстоятельства на Дунаѣ.

Собраніе въ Раффельштеттенѣ [1]) было созвано по поводу жалобъ баварскаго духовенства и графовъ на злоупотребленія при взиманіи пошлинъ съ товаровъ. Маркграфу Арибо и другимъ сановникамъ было поручено въ присутствіи императорскихъ уполномоченныхъ, архіепископа Тэотмара, епископа Пассовскаго Бурхарда и графа Оттокара изслѣдовать дѣло, привести въ ясность прежнія постановленія и сдѣлать ихъ вновь обязательными. Если такимъ образомъ въ то время нѣмецкіе торговые люди хлопотали о своихъ матерьяльныхъ интересахъ и о соблюденіи закономъ установленныхъ порядковъ, а нѣмецкій императоръ и власти нашли нужнымъ устроить особое собраніе для разбора дѣлъ и пресѣченія злоупотребленій на будущее время, то ясно, что положеніе дѣлъ еще не считалось критическимъ и на угорскіе набѣги смотрѣли какъ на временное зло, не представлявшее чрезвычайной опасности, и борьба съ которымъ не должна была отвлекать государственную власть отъ текущихъ внутреннихъ дѣлъ, практическихъ интересовъ и народныхъ нуждъ.

Въ раффельштеттенскомъ документѣ [2]) любопытны для насъ особенно тѣ правила о торговой пошлинѣ, которыя касаются Славянъ, съ одной стороны моравскихъ и чешскихъ, а съ другой — жившихъ въ нѣмецкихъ владѣніяхъ, т. е. въ Восточной маркѣ и Карантаніи. Вообще же эта грамота представляетъ драгоцѣнный источникъ для исторіи торговли и международныхъ торговыхъ отношеній на Дунаѣ въ ту эпоху. Изъ нея выясняется общій характеръ и направленіе мѣстной производительности и торговли. Пошлинныя правила защищали вообще интересы мѣстной торговли въ Восточной маркѣ, не давая слишкомъ боль-

[1]) Мѣстечко гдѣ-то на Дунаѣ, между устьями рѣкъ Энжи и Трауна, см. Pritz, Gesch. d. Land. ob der Enns, I, S. 360.

[2]) Erben, Regesta, подъ № 58; Monumenta Boica, XXVIII, II, p. 203, № 4. См. о ней: Kurz, Oesterreichs Handel in älter. Zeiten, Linz, 1822, S. 5—8; Dümmler, S.-Ö. M., S. 68—69; Gesch, II, S., 529—531; Riezler, Gesch. Baierns. I, S. 273 etc.; Dudik, M. A. G. I, S. 381 — 382; Kaemmel, Anfänge des deutsch. Lebens, Leipz. 1879, S. 286 — 291. Первое критич. и исправное изданіе Меркеля «Leges Portorii» въ Mon. G. Legg. III, 480.

шихъ правъ купцамъ другихъ имперскихъ областей (напр. Баваріи) и въ особенности иностраннымъ. Главная статья, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ документѣ, есть пошлина на соль [1]); въ этомъ отношеніи поощрялась торговля мѣстною солью (изъ обл. Траунгау) и затруднялась конкуренція съ нею привозной (баварской) соли: за послѣднюю платилась ввозная пошлина, тогда какъ соляныя барки изъ Траунгау не платили ничего [2]). Только для собственнаго потребленія, въ чемъ требовалось клятвенное удостовѣреніе, жители Баваріи могли ввозить съ собою нѣкоторое количество соли. Нарушеніе этихъ постановленій наказывалось очень строго, причемъ степень наказанія была разная для свободнаго и для раба. Нѣсколько иначе было съ другими продуктами и въ торговлѣ рабами: ввозъ всего этого изъ Баваріи былъ облегченъ [3]). Затѣмъ поощрялся сбытъ мѣстныхъ продуктовъ (victualia), рабовъ, лошадей и предметовъ домашняго обихода (suppellex) Баварцамъ и тамошнимъ Славянамъ, причемъ пошлина взималась только на рынкахъ. Съ другой стороны раффельштеттенскія постановленія ограждали интересы мѣстныхъ торговыхъ людей въ Восточной маркѣ отъ невыгодной для нихъ конкуренціи съ иностранными купцами изъ земель славянскихъ (Чехіи и Моравіи). Эти славянскіе купцы, желавшіе сбывать

[1]) Зальцбургская и вообще баварская соль играла немаловажную роль не только въ чисто-торговомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Запрещая ея вывозъ къ тѣмъ или другимъ сосѣдямъ, Нѣмцы наносили имъ значительный ущербъ. Поэтому замѣчаніе, что и вліяніе Зальцбургскаго архіепископа отчасти обусловливалось его соляными богатствами, имѣетъ полное основаніе. См. Hunfalvy, Ethn. v. U., S. 125.

[2]) Naves vero quae ab occidentibus partibus, postquam egressae sint silvam Pataviam etc... donent pro theloneo semidragmam; idem scoti, id est, si inferius ire voluerint ad Lintzam, de una navi reddant III semimodos, idem III scafilos de sale.—Carrae autem salinariae, quae per stratam legitimam Anesim fluvium transeunt ad Urulam, tantum unum scafil plenum exsolvant, et nihil amplius exsolvere cogantur. Sed ibi naves, quae de Trungowe sunt, nichil reddant, sed sine censu transeant.

[3]) De mancipiis vero et ceteris aliis rebus ibi nichil solvant, sed postea licentiam sedendi et mercandi habeant usque ad silvam Boemicam ubicunque voluerint.

свои товары по берегамъ Дуная (и на южномъ и на сѣверномъ) должны были напр. отдавать изъ количества воска, составляющаго поклажу вьючнаго животнаго, двѣ мѣрки (massiola), а изъ количества, носимаго однимъ человѣкомъ, — одну мѣрку; продавая рабовъ или лошадей, они платили за рабыню, равно какъ за жеребца, по 4 денарія (1 tremissa), за раба и за кобылу по 1 денарію (1 saiga). Въ то же время Баварцы и туземные Славяне (т. е. нѣмецкіе подданные) торговали въ тѣхъ же мѣстахъ тѣми же товарами — безпошлинно [1]). Наконецъ былъ нѣсколько стѣсненъ вывозъ товаровъ въ Моравію: купецъ, отправлявшійся туда, платилъ извѣстную пошлину, но былъ отъ нея избавленъ при возвращеніи [2]).

Таковы главныя фактическія данныя изъ этого любопытнаго документа [3]). Помимо его важнаго содержанія для исторіи собственно торговаго дѣла и современныхъ культурныхъ отношеній, и вышеупомянутаго значенія его для характеристики общественнаго настроенія того момента, онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе ученыхъ еще одною подробностью: однимъ встрѣчающимся въ немъ загадочнымъ именемъ. Имя это представляетъ спорный географическій вопросъ, который и донынѣ остается нерѣшеннымъ и обойти молчаніемъ который и мы не считаемъ возможнымъ. Въ грамотѣ говорится между прочимъ о Славянахъ «qui *de Rugis* vel de Baemanis mercandi causa exeunt». Первое изъ

[1]) Sclavi vero, qui de Rugis vel de Baemanis mercandi causa exeunt, ubicumque juxta ripam Danubii, vel ubicumque in Rotalariis vel in Reodariis loca mercandi optinuerint, de sagma una de cera duas massiolas, quarum uterque scoti unum valent. De onere unius hominis massiola una ejusdem pretii. Si vero mancipia vel cavallos vendere voluerint, de una ancilla tremissam I, de cavallo masculino similiter, de servo saigam unam, similis de equa. Bawari vero vel Sclavi istius patriae ibi ementes vel vendentes nichil solvere cogantur. О мѣрахъ и деньгахъ, здѣсь упоминаемыхъ, см. Kaemmel, ibid, S. 291.

[2]) Si autem transire voluerint ad mercatum Moravorum...... exsolvat solidum unum denarium et licenter transeat; revertendo autem nichil cogantur exsolvere legitimum mercatorem.

[3]) См. Dümmler, Gesch. II, S. 529 — 530, и особенно Kaemmel, ibid, S. 286—291.

этихъ названій (de Rugis) и представляетъ камень преткновенія для ученыхъ, изъ которыхъ одни находятъ возможность разумѣть здѣсь именно *Руговъ* сѣверныхъ, жившихъ тогда гдѣ-то на берегу Балтійскаго моря, другіе *Моравію*, какъ страну занятую нѣкогда Ругами и будто-бы сохранившую за собою это географическое названіе, третьи наконецъ — *Русскихъ*, ошибочно названныхъ Ругами.

Если для окончательнаго рѣшенія этого вопроса и не имѣется достаточно данныхъ, все-же наши свѣдѣнія и соображенія могутъ установить бóльшую вѣроятность за тѣмъ или другимъ изъ приведенныхъ мнѣній. Что касается перваго изъ нихъ, т. е. предположенія о сѣверныхъ Ругахъ [1]), то оно положительно наименѣе правдоподобно, ибо вообще наши свѣдѣнія и представленія о существованіи въ ту эпоху племени *Руговъ* на сѣверѣ (о жителяхъ остр. Рюгена (Руянахъ — Ранянахъ) здѣсь едва-ли можетъ быть рѣчь) весьма неопредѣлены и смутны; а о какихъ-либо сношеніяхъ подунайскихъ народовъ съ отдаленною страною Руговъ мы не имѣемъ ровно никакихъ извѣстій или даже намёковъ, не говоря уже о томъ, что самый фактъ такихъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній Восточной марки съ жителями Балтійскаго побережья, будь они Руги или Славяне, представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Впрочемъ раффельштеттенскій документъ ясно говоритъ именно о *Славянахъ* купцахъ, приходившихъ «отъ Руговъ и отъ Чеховъ» (Sclavi, qui de Rugis vel de Baemanis exeunt), такъ что *Руги* можетъ быть принято скорѣе какъ чисто *географическое* понятіе, чѣмъ какъ племенное названіе. Изъ двухъ другихъ мнѣній ученые въ послѣднее время рѣшительно склонились къ послѣднему, т. е. видятъ въ выраженіи «de Rugis» *Русь* и *Русскихъ*, имя которыхъ подверглось здѣсь нѣкоторому искаженію [2]). Одно изъ основаній, служащихъ опо-

[1]) Büdinger, Oesterr. Gesch., S. 157.

[2]) Въ пользу этого толкованія высказалась: Giesebrecht, Gesch. I, S. 22; Dümmler, Gesch. II, S. 530; Waitz, IV, S. 61; Riezler, Gesch. Baierns, I, S. 274. Срв. также Погодинъ, Изслѣдов., Замѣч. и Лекція, М. 1846, т. III, стр. 267; Бестужевъ-Рюминъ, Р. И., стр. 261.

рой въ данномъ случаѣ, заключается въ томъ, что Русскіе называются Ругами еще въ одномъ источникѣ X в., именно въ лѣтописи Продолжателя Регинона, гдѣ между прочимъ св. Адальбертъ Пражскій названъ епископомъ Руговъ «Rugis episcopus ordinatus» [1]). Вообще это предположеніе можно назвать довольно правдоподобнымъ, ибо фактъ захожденія русскихъ купцовъ на средній Дунай въ началѣ X в. самъ по себѣ можетъ быть допущенъ, хотя другихъ современныхъ извѣстій о столь отдаленныхъ путешествіяхъ купцовъ изъ Руси и не имѣется. Намъ извѣстно, что на нижній Дунай (въ болгарскій Переяславецъ) русскіе купцы во 2-й пол. X в. являлись торговать (кожей, воскомъ, медомъ и челядью) [2]); по Дунаю же они могли проникать конечно и далѣе; Кіевъ былъ уже и ранѣе этого значительнымъ торговымъ центромъ, а купцы изъ русскихъ Славянъ отличались всегда предпріимчивостью; но дѣло въ томъ, что въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣка путешествія торговыхъ людей вверхъ по Дунаю были очень затруднены и должны были сопровождаться великими опасностями вслѣдствіе безпрерывнаго рысканья хищныхъ угорскихъ шаекъ по берегамъ Дуная. Поэтому купцы изъ Руси едва-ли отважились бы предпринимать въ то время далекія путешествія по Дунаю; если уже допустить, что они доходили до самыхъ границъ Баваріи, то слѣдуетъ предположить, что путь ихъ лежалъ черезъ другія страны, положимъ черезъ Галицію и Карпатскіе проходы въ Моравію, Восточную марку и Чехію [3]).

[1]) Contin. Regin. M. SS. I, 625; тамъ же (624) Руссы называются *gens Rugorum*, а русская княгиня Ольга (Helena) *regina Rugorum*.

[2]) Лѣтоп. Нестора по Лаврент. сп. (Спб., 1872) подъ 969 г.: «Рече Святославъ:... хочю жити въ Переяславци на Дунаи,....... яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, *изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь»*. По словамъ нашего документа, Славяне изъ Чехіи и отъ Руговъ торгуютъ также воскомъ, конями, рабами.

[3]) Объ *угорскихъ Русскихъ* (какъ предполагаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Р. И. стр. 261) тутъ потому не можетъ быть рѣчи, что Славяне русской вѣтви, жившіе на сѣверѣ Угріи и въ Трансильваніи, въ ту эпоху (X в.) во всякомъ случаѣ не могли еще носить имени *Руссовъ*.

И въ этомъ, надо признаться, нѣтъ ничего невѣроятнаго, но, не имѣя основанія положительно отвергать этого объясненія имени Руговъ, мы въ то же время считаемъ заслуживающимъ не меньшаго вниманія еще и другое предположеніе. Мы сказали, что нѣкоторые ученые понимали подъ землей Руговъ *Моравію*, имѣя въ виду, что еще въ ту эпоху могло жить георафическое названіе земли, въ которой нѣкогда обиталъ этотъ народъ, т. е. такъ называемый *Rugiland*. Этого же мнѣнія держался сперва и Дюмлеръ [1]), измѣнившій его однако впослѣдствіи на томъ основаніи, что о Мораванахъ и безъ того говорится въ грамотѣ особо, гдѣ они и названы своимъ именемъ (ad mercatum Moravorum), такъ что невѣроятно, чтобы ихъ страна въ другомъ мѣстѣ была названа другимъ именемъ, въ сущности ей чуждымъ. Такое соображеніе дѣйствительно заслуживаетъ вниманія и нельзя не согласиться, что отождествлять выраженіе de Rugis съ выраженіемъ de Moravis (Marahis) слишкомъ произвольно. Такое отождествленіе невозможно прежде всего потому, что Моравское княжество вовсе не совпадало географически съ старымъ *Ругиландомъ* который, насколько возможно опредѣлить его, только отчасти заключалъ въ себѣ территорію Моравіи. Но отрѣшиться отъ отождествленія земли Руговъ съ Моравіей еще не значитъ отказаться отъ самой мысли ставить въ связь этихъ Руговъ съ извѣстнымъ Ругиландомъ и считать ихъ имя въ данномъ случаѣ *чисто-географическимъ* понятіемъ, которое должно быть пріурочено къ какой-нибудь опредѣленной мѣстности, сохранившей за собой, какъ это иногда бываетъ, названіе своихъ древнихъ обитателей. Вотъ почему мы считаемъ вполнѣ возможнымъ пріурочить этотъ географическій терминъ къ мѣстности между южными пограничными чешскими горами и Дунаемъ, т. е. къ сѣверной части нынѣшняго эрцгерцогства Австрійскаго, приблизительно отъ р. Энжи до р. Моравы, однимъ словомъ къ странѣ,

[1]) Dümmler, Südöstl. M., S. 69, какъ и Dudik, M. G. I, S. 350, 381—382. Также Pritz, I, S. 397.

гдѣ именно было когда-то средоточіе Ругиланда [1]). Это намъ кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что самое упоминаніе имени Руговъ въ нашемъ источникѣ рядомъ съ именемъ Чехіи (de Baemanis) какъ-бы даетъ указаніе на сопредѣльность этихъ странъ. Нѣтъ ничего невозможнаго, что къ вышеупомянутой мѣстности еще примѣнялось иногда въ оффиціальномъ языкѣ географическое названіе *ругской* земли, и притомъ именно въ дѣлѣ торговыхъ сношеній и въ языкѣ торговыхъ актовъ. Къ этой, можетъ быть и нѣсколько смѣлой догадкѣ насъ приводитъ во-первыхъ то обстоятельство, что есть историческое указаніе на торговыя сношенія жителей древнихъ подунайскихъ городовъ (Пассовы) съ Ругами и на оживленную торговую дѣятельность у послѣднихъ [2]), а во-вторыхъ то соображеніе, что составители раффельштеттенскаго акта, какъ мы знаемъ, руководствовались всѣмъ, что было извѣстно о торговыхъ сношеніяхъ и пошлинахъ въ прежнее время. Имя ругской земли еще продолжало можетъ быть жить рядомъ съ преданіями о процвѣтавшей тамъ въ старину торговлѣ. Итакъ на нашъ взглядъ возможность рѣшенія вопроса о Ругахъ въ послѣднемъ смыслѣ — не можетъ быть отвергаема [3]). Окончательное же заключеніе пока еще невозможно.

Возвращаясь къ ходу событій и къ политическому положенію на Дунаѣ около 904 года, намъ остается замѣтить, что кромѣ

[1]) Zeuss, Die Deutschen, S. 485.

[2]) Изъ житья св. *Северина* (написан. Евгиппомъ) мы узнаемъ, что Пассовскіе жители просили святаго мужа ходатайствовать у царя Руговъ о позволеніи имъ торговать въ предѣлахъ нынѣшней Нижней Австріи. Eugippii vita S. Severini (Pez, T. I. p. 79): Interea beatum virum cives oppidi memorati (Battabini) suppliciter audierunt, ut pergeret ad Febanum Rugorum Principem, mercandi eis licentiam postulare. Тамъ же говорится о многихъ рынкахъ въ землѣ Руговъ и о ихъ оживленномъ посѣщеніи: p. 70; cum nundinis frequentibus interesset; p. 72: cuidam praecepit transvadare Danubium et hominem ignatum in nundinis (ярмарка) quaerere barbarorum см. Kurz. Oesterr. Handel, S. 4.

[3]) Предположеніе, что подъ «Rugis» можно понимать еще *Ракусъ* (Ракоусы, Ракусы=Австрія) (Перво льфъ, рец. на Гедеонова и Забѣлина, Ж. М. Пр. 1877 г., іюль, стр. 93, прим. 2) мало правдоподобно.

выше разобраннаго торговаго договора имѣются и другіе кое-какіе признаки еще не выбитой изъ своей колеи общественной жизни и еще не нарушеннаго политическаго порядка въ нѣмецкихъ областяхъ на среднемъ Дунаѣ. Такъ изъ современнаго упоминанія нѣкоторыхъ графовъ съ ихъ владѣніями въ Карантаніи, Восточной маркѣ и даже Верхней Панноніи можно заключить, что эти области принадлежали еще всецѣло нѣмецкому императору. Кромѣ главныхъ управителей Люитпольда и Арибо, упоминаются графы Гюнтеръ (владѣлецъ земли между Энжей и Эрлафомъ) [1]), Валтило, Кадалохъ, Оттокаръ, владѣвшій землей въ сѣверной Карантаніи [2]). Въ то же время, т. е. въ 903—904 г. епископъ Мадальвинъ заключаетъ договоръ съ Пассовскимъ епископомъ Бурхардомъ, по которому уступаетъ Пассовской церкви свою библіотеку (56 книгъ) и нѣкоторыя земли въ графствѣ Арибо (между Энжей и Урломъ) и въ Панноніи, въ замѣнъ чего получаетъ въ полную собственность нѣкоторыя ленныя пассовскія владѣнія въ старо-баварскихъ округахъ. Руководствовался ли онъ при этомъ обмѣнѣ возраставшею опасностью отъ угорскихъ набѣговъ — сказать очень трудно, особенно въ виду того, что два изъ вновь пріобрѣтенныхъ имѣній лежали всетаки по сю сторону Вѣнскаго лѣса [3]).

5.

Моравія въ рукахъ Угровъ. Какъ пало Моравское княжество? Дальнѣйшія предпріятія Угровъ. Торжество надъ Нѣмцами въ битвѣ 907 года и его слѣдствія.

Мы выше замѣтили, что послѣ коварнаго умерщвленія мадьярскаго вождя и его свиты Нѣмцами (904 г.) можно было ожидать немедленнаго мщенія со стороны Угровъ, но что сверхъ

[1]) Mon. Boic. XXVIII, 32.

[2]) Dümmler, S.-Ö. M., S. 67—68; Gesch. II., S. 528.

[3]) Büdinger, S. 221; Dümmler, Gesch., II, ibid.

ожиданія Нѣмцы понесли кару за свое вѣроломство лишь спустя довольно значительный промежутокъ времени (907 г.). Что же было тому причиной, куда были направлены вниманіе и силы Угровъ до рокового 907 года?

Всѣ соображенія и сопоставленія немногихъ имѣющихся объ этомъ времени извѣстій приводятъ изслѣдователя къ заключенію, что къ этому именно промежутку времени, отъ 904 до 907 года, слѣдуетъ отнести окончательное паденіе Моравскаго княжества,—это загадочное по отсутствію прямыхъ извѣстій событіе, оставшееся совершенно не отмѣченнымъ въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ и занесенное только спустя полстолѣтія императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ его замѣчательное сочиненіе «Объ управленіи имперіей», и притомъ въ весьма краткихъ и общихъ выраженіяхъ, на точномъ и буквальномъ пониманіи которыхъ было бы слишкомъ смѣло и неосновательно строить какіе-либо выводы о характерѣ и ближайшихъ результатахъ катастрофы, постигшей Моравію, какъ это дѣлаютъ большинство ученыхъ [1]).

Императоръ-историкъ въ главѣ 41-ой упомянутаго сочиненія, посвященной Моравіи, заключаетъ свой разсказъ о Святополкѣ Моравскомъ и о раздѣленіи имъ власти между сыновьями слѣдующимъ образомъ: «по смерти Святополка послѣ того, какъ одинъ годъ былъ проведенъ въ мирѣ, и когда затѣмъ начался раздоръ и междоусобная война, явились Угры, совершенно истребили ихъ (т. е. сыновей Святополка) и покорили ихъ страну, въ которой и нынѣ живутъ. Оставшіеся изъ народа разсѣялись и убѣжали къ сосѣднимъ народамъ, къ Болгарамъ, Туркамъ (Уграмъ), Хорватамъ и другимъ» [2]). Воспроизводить на основаніи

[1]) Dümmler, S.-Ö. M., S. 67; Gesch., S. 531; Dudik, S. 353; Kaemmel, S. 300.

[2]) De Adm. Imp. c. 41, p. 176: Μετὰ δὲ τὴν τελευτὴν τοῦ αὐτοῦ Σφενδοπλόκου ἕνα χρόνον ἐν εἰρήνῃ διατελέσαντες, ἔριδος καὶ στάσεως ἐν αὐτοῖς ἐμπεσούσης, καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐμφύλιον πόλεμον ποιήσαντες, ἐλθόντες οἱ Τοῦρκοι τούτους παντελῶς ἐξωλόθρευσεν, καὶ ἐκράτησαν τὴν αὐτῶν χώραν, εἰς ἣν καὶ ἀρτίως οἰκοῦσι. καὶ οἱ ὑπολειφθέντες τοῦ Λαοῦ διεσκορπίσθησαν προσφυγόντες εἰς τὰ παρακείμενα ἔθνη, εἴς τε τοὺς Βουλγάρους καὶ Τούρκους καὶ Χρωβάτους καὶ εἰς τὰ Λοιπὰ ἔθνη.

этихъ послѣднихъ словъ картину разгрома Моравскаго княжества, его опустѣнія и бѣгства всего населенія — было бы столь же странно, какъ заключать изъ этого свидѣтельства о заселеніи всей Моравіи Мадьярами!... Какъ наши историческія извѣстія противорѣчатъ мысли о подобномъ заселеніи, такъ точно наши соображенія и критика не позволяютъ намъ принять на вѣру извѣстіе Константина объ участи, постигшей все населеніе Моравіи. Ниже мы еще вернемся къ этому извѣстію, а теперь обратимся къ выясненію изъ современныхъ свидѣтельствъ самаго факта политической смерти Моравіи.

Съ 901 года Мораване находились въ формальномъ мирѣ съ Нѣмцами и наравнѣ съ послѣдними подвергались время отъ времени опустошительнымъ набѣгамъ угорскихъ шаекъ. Судя по дошедшимъ до насъ лѣтописнымъ отмѣткамъ, Моравія, какъ мы видѣли, была цѣлью набѣговъ Угровъ въ особенности въ 902 году. Неожиданность и быстрота, съ которой послѣдніе совершали свои наѣзды, не давали возможности противной сторонѣ сосредоточить свои силы и вó-время оказать имъ надлежащій отпоръ. Тѣмъ менѣе могли Нѣмцы и Мораване соединить свои силы для дружнаго сопротивленія: они не могли знать, куда Мадьярамъ вздумается направить свой ударъ въ слѣдующій разъ, а потому и тѣ, и другіе оставались у себя дома — защищать свою родину, свои семейства, свое имущество. Къ тому же формальное примиреніе Мораванъ съ Нѣмцами, вызванное общею опасностью, не могло же всетаки погасить въ нихъ чувство взаимной вражды и нерасположенія другъ къ другу, и мы едва-ли ошибемся, если предположимъ, что и тѣ, и другіе втайнѣ злорадствовали, когда несчастіе обрушивалось на союзника. Такъ было по крайней мѣрѣ до 904 года, пока набѣги Угровъ имѣли еще характеръ частныхъ предпріятій, сравнительно небольшими отрядами, и далеко еще не повергли въ отчаяніе ни Мораванъ, ни Нѣмцевъ.

Вѣроломный поступокъ Баварцевъ въ 904 году съ угорскимъ вождемъ Хуссаломъ и его свитой долженъ былъ сразу

измѣнить положеніе дѣлъ и дать ему рѣшительный и роковой оборотъ. Думать, что Угры могли не придать этому случаю важнаго значенія, и что онъ могъ остаться безъ особеннаго вліянія на ихъ дальнѣйшія предпріятія — значило бы совершенно не брать въ расчетъ въ высшей степени впечатлительнаго и мстительнаго характера хищныхъ восточныхъ выходцевъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Угры, узнавъ объ участи своихъ начальниковъ, рѣшились во что бы то ни стало отомстить за нихъ и не отложили своего рѣшенія. Если поэтому исторія не отмѣтила ихъ столкновенія съ Нѣмцами ни въ 905, ни въ 906 году, то очевидно, что Угры начали свое разрушительное дѣло не съ баварскихъ владѣній, а съ ближайшей къ нимъ Моравіи; справиться съ нею напередъ имъ казалось необходимымъ, чтобы обезпечить себя съ тылу и такимъ образомъ тѣмъ вѣрнѣе достигнуть успѣховъ въ борьбѣ съ нѣмецкой державой, которая хотя и дорожила союзомъ съ Моравіей, но конечно не стала бы проливать нѣмецкую кровь для ея спасенія. Такая политика совершенно понятна и согласна съ обычнымъ осмотрительнымъ образомъ дѣйствія Угровъ. Были вѣроятно и другія соображенія, которыми они руководились въ этомъ случаѣ. Они понимали, что до глубины потрясенная Моравія не въ состояніи оказать значительнаго сопротивленія и что овладѣть ею не составитъ для нихъ особеннаго труда; имъ не безызвѣстны были также отношенія Моравамъ и вообще Славянъ къ Нѣмцамъ, такъ какъ эти отношенія не разъ уже обнаружились на дѣлѣ участіемъ добровольныхъ славянскихъ отрядовъ въ угорскихъ предпріятіяхъ на западъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нѣмецкое духовенство въ извѣстномъ своемъ посланіи къ папѣ 900 года. Итакъ рѣшивъ покорить Моравію, Угры расчитывали между прочимъ пріобрѣсти въ Моравахъ, если не пособниковъ въ борьбѣ съ западомъ, то по крайней мѣрѣ подвластное населеніе, которое въ тяжеломъ, безвыходномъ положеніи легче примирится съ своей судьбою подъ вліяніемъ чувства ненависти и злобы къ властолюбивому сосѣду-угнетателю. Многое заставляетъ насъ думать, что Угры не ошиблись въ

своемъ расчетѣ и что именно въ этихъ отношеніяхъ Моравань къ Уграмъ послѣ разгрома ихъ княжества и такъ сказать въ общности ихъ интересовъ надо искать объясненія той какой-то таинственности, которая характеризуетъ прекращеніе политической жизни Моравіи и внезапное исчезновеніе самого имени ея изъ современныхъ историческихъ источниковъ.

Дѣйствительно, не предположивъ такого легкаго со стороны Моравань примиренія съ своею участью и полнаго, отчасти какъ-бы добровольнаго подчиненія мадьярской власти, трудно было бы объяснить, какимъ образомъ разрушеніе Моравскаго княжества не оставило въ современныхъ извѣстіяхъ никакихъ слѣдовъ послѣдней его борьбы за существованіе, послѣдняго напряженія силъ для защиты своей свободы. Какъ ни потрясена и ни ослаблена была Моравія, она могла бы еще вѣроятно затянуть борьбу на нѣкоторое время, ибо мы знаемъ, что тактика Славянъ постоянно состояла въ томъ, чтобы укрываться и защищаться въ укрѣпленныхъ городахъ, а Мадьяры были именно слабы въ дѣлѣ осады и взятія укрѣпленій. Но если о подобной борьбѣ съ Моравáнами нѣтъ ровно никакихъ извѣстій, то очевидно остается только предположить, что ея вовсе и не было и что первый дружный и сильный натискъ Мадьяръ рѣшилъ дѣло, убѣдилъ Моравань въ невозможности успѣшнаго сопротивленія и спасенія своей политической самостоятельности и заставилъ ихъ предпочесть свободное подчиненіе дикой силѣ—безполезному отстаиванію своей независимости, не столько въ собственныхъ интересахъ, сколько въ интересахъ нѣмецкаго запада, передъ которымъ пришлось бы всетаки скоро преклонить голову, и невыносимый гнетъ котораго уже былъ достаточно ими испытанъ.

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ паденіе Моравскаго княжества, и на этомъ основаніи мы конечно не можемъ находить въ вышеприведенномъ разсказѣ Константина Багрянороднаго о разгромѣ Моравіи и разсѣяніи ея населенія въ земли сосѣднихъ народовъ вѣрную и правдоподобную картину этого знаменательнаго событія. По нашему мнѣнію, рушился только

тотъ политическій организмъ, который мы называемъ Моравскимъ княжествомъ, а народъ моравскій (въ своемъ цѣломъ) не погибъ и не разбѣжался, а продолжалъ жить на своемъ мѣстѣ, раздѣляя участь другихъ славянскихъ подданныхъ мадьярской орды, выражая свою зависимость платою дани и свободно принимая бóльшее или мéньшее участіе въ послѣдующихъ военныхъ предпріятіяхъ Угровъ на западъ. Извѣстіе же Константина Багрянороднаго, какъ намъ кажется, находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ его смутномъ и неопредѣленномъ представленіи о географическомъ положеніи Моравскаго княжества: поселеніе Мадьяръ въ Нижней Панноніи, нѣкогда части Моравскаго союза, дало ему поводъ сказать, что «Мадьяры покорили страну Мораванъ, въ которой и нынѣ живутъ»[1]), а бѣгство нѣкоторой части подунайскаго населенія, жившаго на пути мадьярскаго движенія отъ самаго нижняго Дуная, въ сосѣднія земли Болгаръ, Хорватовъ и Славянъ сѣверо-угорскихъ было примѣнено имъ къ Моравіи, о дѣйствительныхъ размѣрахъ и границахъ которой онъ не имѣлъ вѣрнаго и опредѣленнаго понятія[2]).

Но въ этомъ темномъ вопросѣ паденія Моравіи есть одинъ наиболѣе темный пунктъ, для рѣшенія котораго уже вовсе не существуетъ данныхъ. Мы разумѣемъ участь Моравскаго князя Мойміра. Палъ ли онъ въ послѣднемъ столкновеніи съ Мадьярами, защищая свою родину, покорился ли имъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ, сложивъ съ себя власть, или наконецъ бѣжалъ къ Нѣмцамъ, надѣясь можетъ быть съ ихъ помощью спасти дѣло

[1]) Такое представленіе о томъ, что Мадьяры поселились въ Моравіи, высказано имъ и въ другихъ мѣстахъ: c. 38, p. 170: ἐλθόντες ἀπεδίωξαν οὗτοι τοὺς τὴν μεγάλην Μοραβίαν κατοικοῦντας, καὶ εἰς τὴνγῆν αὐτῶν κατεσκήνωσαν, εἰς ἣν νῦν οἱ Τοῦρκοι μέχρι τῆς σήμερον κατουκοῦσιν; c. 42, p. 177: καὶ κατοικοῦσιν μὲν οἱ Τοῦρκοι πέραθεν τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ εἰς τὴν τῆς Μοραβίας γῆν.

[2]) Если же Константинъ разумѣлъ и здѣсь подъ Моравіей опять-таки собственно древнюю *Паннонію* (чтò также возможно), то его свидѣтельство о разгромѣ ея и разсѣяніи жителей совершенно справедливо, такъ какъ такова была дѣйствительно участь опустошенной и разоренной Települ Паннонiи.

родины, и затѣмъ палъ (какъ думаютъ нѣкоторые[1]) въ рядахъ Нѣмцевъ въ роковой битвѣ 907 года—отвѣчать на этотъ вопросъ рѣшительно не представляется возможнымъ.

Что касается собственно времени этого политическаго переворота на среднемъ Дунаѣ, то оно можетъ быть приблизительно опредѣлено съ одной стороны (какъ мы видѣли) съ помощью тѣхъ лѣтописныхъ данныхъ, которыя даютъ возможность возстановить общій ходъ событій съ первыхъ годовъ X вѣка, съ другой — путемъ еще нѣкоторыхъ хронологическихъ соображеній. Мы сказали, что отсутствіе всякихъ извѣстій о походахъ Угровъ въ предѣлы нѣмецкой державы вскорѣ послѣ 904 года служитъ намъ основаніемъ для отнесенія къ этому именно сроку, т. е. къ 905 году рѣшительнаго движенія Угровъ на Моравію. Не допуская продолжительной борьбы съ послѣдней, мы такимъ образомъ готовы признать тотъ же 905 годъ—годомъ прекращенія ея политическаго существованія и подчиненія ея новой возникавшей на среднемъ Дунаѣ политической силѣ. Въ пользу такого опредѣленія говорятъ еще и слѣдующія соображенія, справедливо принятыя въ расчетъ уже прежними изслѣдователями[2]). Во-первыхъ у лѣтописца Регинона, закончившаго свою хронику 906 годомъ, записано подъ 894 годомъ, что сыновья Святополка несчастливо управляли княжествомъ *недолгое время*[3]). Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что ни Моймíра, ни вообще кого-либо изъ сыновей Святополка уже не было на моравскомъ престолѣ, когда Регинонъ дописывалъ свою хронику, т. е. въ 906 или 907 году. Другое обстоятельство, указывающее на то же время, состоитъ въ томъ, что въ 906 году, какъ единогласно свидѣтельствуютъ многіе западные анналы, Угры совершили первый набѣгъ въ

[1]) *Pray*, Annal. veter. p. 34—7: Improbalibe non est, eodem pretio, quod illius memoria nuspiam deinceps occurrat, Moymirum quoque occubuisse. Того же мнѣнія Шафарикъ (Сл. Др. т. II, кн. 2, стр. 307) и Палацкій (Dějiny Nár. Česk., 1862, 2 seš., s. 170).

[2]) Dümmler, Südöstl. M., S. 66; Gesch. II, S. 531; Dudik, S. 351—352.

[3]) Regino, 894: Regnum filii ejus (Святополка) *pauco tempore* infeliciter tenuerunt, Ungaris omnia usque ad solum depopulantibus.

землю Саксовъ черезъ землю полабскихъ Сербовъ, будучи призваны съ этою цѣлью однимъ изъ наиболѣе воинственныхъ племенъ послѣднихъ, Гломачами или Далеминцами [1]), какъ ихъ называли Нѣмцы [2]). Проникнуть же въ этотъ отдаленный отъ Панноніи край, къ полабскимъ Сербамъ и въ землю Саксовъ, Угры могли только однимъ путемъ, и именно черезъ Моравію, что̀ разумѣется предполагаетъ совершенно свободный для нихъ проходъ черезъ нее, а слѣдовательно и полную ея покорность. Притомъ же самое обращеніе Полабскихъ Славянъ за помощью къ Уграмъ, если оно дѣйствительно было, свидѣтельствуетъ о томъ, что угорскія шайки по всей вѣроятности появлялись уже въ ту пору въ сѣверныхъ окрайнахъ Моравіи и даже можетъ быть въ Чехіи [3]). Гло̀мачи заявляли себя не разъ успѣшною борьбой съ Нѣмцами и въ то время повидимому стояли во главѣ сосѣднихъ славянскихъ племенъ.

Саксонскій герцогъ Оттонъ, самъ не разъ воевавшій съ ними, послалъ противъ нихъ въ 906 году своего сына Генриха (впослѣдствіи знаменитаго нѣмецкаго короля). Гломачи, боясь одни не выдержать натиска Нѣмцевъ, позвали себѣ на помощь противъ нихъ Угровъ, которые произвели страшное опустошеніе въ Саксоніи и вернулись съ громадной добычей [4]). То, что при-

[1]) Ann. Corbejens. 906: Ungari in Saxoniam venerunt; Hildesheimens. 906; Ottenburani 906; Ann. Saxo 906; Widukindi I, 17, 20; Lamberti Hersfeld. Ann. 906; Ann. Palidens. 906.

[2]) Thietmar I, 2, 3:... provinciam quam nos teutonice Deleminci vocamus Slavi autem Glomaci appellant.

[3]) Есть какое-то смутное извѣстіе о подчиненіи и Чеховъ Euграмъ въ то время. См. Dobner, Annal. III, 397 у Дудика, Gesch., I, S. 352.

[4]) Widukindi, L. I, 17: Pater (Оттонъ).... reliquit ei (filio Heinrico) exercitum et militiam advertus Dalamantiam, contra quos diu ipse militavit. Dalamanci vero impetum illius ferre non valentes conduxerunt adversus eum Avares, quos modo Ungarios vocamus, gentem belli asperrimam, c. 20: Praedictus igitur exercitus Ungariorum a Slavis conductus, multa strage in Saxonia facta, et infinita capta praeda, Dalamantiam reversi etc.; Ann. Palidens. 906: Ungarii fines Saxoniae vastantes multos occidunt, mulierum quoque ingentem turbam nobilium, liberarum et ancillarum per crines veluti loris connexam, nudam et mamillis perforatam secum cum puerulis duxere captivam.

бавляетъ къ этому разсказу саксонскій лѣтописецъ Видукиндъ, будто-бы Угры, вернувшись, встрѣтили другой отрядъ своихъ соплеменниковъ, которые грозили отомстить Славянамъ за то, что они призвали не ихъ, а другихъ Мадьяръ,—будто Саксонія подверглась затѣмъ вторичному набѣгу, между тѣмъ какъ первый отрядъ оставался все время въ землѣ Гломачей и довелъ ея населеніе до величайшей нищеты [1])—все это, хотя и не можетъ считаться достовѣрнымъ въ своихъ подробностяхъ [2]), должно всетаки имѣть какое-нибудь историческое основаніе и можетъ поэтому служить доказательствомъ по крайней мѣрѣ того, что угорская помощь была призвана не издалека, а что шайки Угровъ уже рыскали тогда гдѣ-нибудь по близости.

Для насъ чрезвычайно интересенъ и важенъ самый фактъ призванія Угровъ Полабскими Славянами для борьбы съ Нѣмцами. Онъ бросаетъ свѣтъ на опредѣлявшіяся уже тогда отношенія славянства къ Украмъ, съ варварствомъ которыхъ оно поневолѣ примирялось и въ которыхъ не безъ основанія ожидало найти естественныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ западомъ. Если можно допустить такое сознательное побужденіе у Полабскихъ Славянъ, прибѣгшихъ къ угорской помощи, то тѣмъ болѣе мы имѣемъ право думать, что такимъ взглядомъ на роль Мадьяръ и на послѣдствія союза съ ними должны были проникнуться моравскіе Славяне, которыхъ непосредственными сосѣдями они стали и которые первые могли сдѣлаться жертвою ихъ хищныхъ инстиктовъ и жестокости. Это тѣмъ понятнѣе, что Мадьяры выступили грозною силою на среднемъ Дунаѣ въ самый критическій для Моравіи мо-

¹) Widukindi, ibid., c. 20.

²) Гильфердингъ (Исторія Балтійскихъ Славянъ, Спб. 1874 г. стр. 311—312) справедливо сомнѣвается въ точности этого разсказа. «По всей вѣроятности, замѣчаетъ онъ, мы читаемъ тутъ у лѣтописца народное преданіе Саксовъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что вторженіе Венгровъ въ ихъ землю, хотя совершившееся съ помощью Славянъ, и можетъ быть вызванное ими, обошлось самимъ Славянамъ почти также дорого, какъ ихъ врагамъ». Нѣмцы можетъ быть дѣйствительно утѣшали себя этимъ, но безъ сомнѣнія преувеличивали потери Славянъ.

ментъ, когда борьба приняла уже гибельный для нея оборотъ и когда взаимная народная ненависть достигла крайняго напряженія. Если сначала страхъ, внушенный Уграми, а съ другой стороны надежда спасенія заставила враговъ (Нѣмцевъ и Славянъ) наружно помириться и сблизиться изъ чувства самосохраненія, то это не могло долго продолжаться: какъ только Моравaне убѣдились въ невозможности успѣшнаго сопротивленія и прошелъ первый невольный страхъ, въ нихъ пробудилась съ новой силою вражда къ Нѣмцамъ и они стали смотрѣть на пришлую орду уже иными глазами [1]).

Итакъ покореніе Моравіи Уграми должно быть отнесено къ 905 и отчасти пожалуй къ 906 году. Увлекшись гребежомъ и жаждой добычи, нѣкоторыя шайки послѣднихъ проникли довольно далеко на сѣверъ, чѣмъ и воспользовалось племя Гломачей, чтобы указать имъ путь и направить ихъ въ землю Саксовъ.

Между тѣмъ главныя силы Угровъ, заручившись покорностью моравскихъ Славянъ, не могли не обратить наконецъ своихъ жадныхъ взоровъ на богатыя области нѣмецкой державы. Пришла очередь и Нѣмцевъ поплатиться за свое коварство. Они, не безъ злорадства смотрѣвшіе прежде на бѣдствія Моравaнъ, теперь только, послѣ паденія Моравіи, сознали всю опасность своего собственнаго положенія, сдѣлавшагося рѣшительно критическимъ, когда не стало славянскаго княжества, отчасти служившаго имъ оплотомъ противъ страшныхъ кочевниковъ, отчасти отвлекавшаго силы послѣднихъ. Пришлось серіозно подумать о принятіи энергическихъ мѣръ для защиты своихъ уже значительно пострадавшихъ владѣній, и мы видимъ дѣйствительно, что нѣмецкія власти встрепенулись наконецъ въ 907 году. Они надѣялись сосредоточеніемъ всѣхъ своихъ силъ и рѣшительнымъ, дружнымъ наступленіемъ сразу нанести пораженіе Уграмъ и остановить ихъ набѣги въ свои земли: очевидно они еще не могли

[1]) Справедливыя замѣчанія объ отношеніяхъ Славянъ къ Мадьярамъ и обратно см. у Hunfalvy, Ethnogr., S. 300—301.

разстаться съ слѣпою увѣренностью въ превосходство своихъ силъ. Однако событія не замедлили показать, что они спохватились уже слишкомъ поздно...

Какъ кажется, въ іюнѣ 907 года Нѣмцы выступили въ походъ противъ Угровъ, а въ началѣ іюля [1]) произошло роковое столкновеніе ихъ войска съ Уграми, которые на этотъ разъ встрѣтили ихъ повидимому въ весьма значительномъ числѣ.

Къ сожалѣнію, объ этой великой по своимъ послѣдствіямъ битвѣ исторія не сохранила намъ почти никакихъ достовѣрныхъ и подробныхъ извѣстій. Только самыя краткія лѣтописныя показанія сообщаютъ о рѣшительномъ и жестокомъ пораженіи баварскаго войска и о гибели самого предводителя, многихъ епископовъ и графовъ и массы народа [2]). Гдѣ именно произошла эта несчастная для западной Европы битва, мы также не знаемъ; можно только догадываться, что гдѣ-то въ самыхъ восточныхъ окраинахъ нѣмецкой территоріи, а можетъ быть еще повосточнѣе, внѣ ея предѣловъ, что̀ подтверждается и однимъ выраженіемъ

[1]) Разнорѣчивыя извѣстія о времени этой битвы даютъ нѣкоторыя метрическія книги и некрологіи (Necrolog.: Merseburg., Wizenburg., Salzburg., Frising.; также Frising. Martyrol., см. у Дюмлера). По болѣе древнимъ изъ нихъ и заслуживающимъ большаго довѣрія, эта битва падаетъ на 5 или 6 іюля. Dümmler, Gesch., II, S. 545.

[2]) Ann. Alam. 907 (A): Baiovariorum omnis exercitus ab Ungaris occiditur, (B): Item bellum Baugauriorum cum Ungaris insuperabile, atque Liutbaldus dux et eorum supersticiosa superbia occisa, pauci qui christianorum evaserunt, interemptis multos episcopis comitibusque. (Отсюда и Ann. Laubac.); Ann. Augiens. 907: Baioarii et.... ab Ungariis interficiuntur; Ann. Sangall. Major. (908); Ann. Salisburg. 907: bellum pessimum fuit; S. Emmeram. 907; Contin. Reginonis 907: Bawarii cum Ungariis congressi multa caede prostrati sunt, in qua congressione Liutbaldus dux occisus est; срв. далѣе Ann. Corbejens. (907), Hildesheim. (908), Herimann. Aug. (907), Ann. Admunt. Auct. Garst. 906: Dietmarus Salzburgensis archiepiscopus occiditur ab Ungaris cum Utone et Zacharia aliis duobus episcopis; Ann. Ratispon. 907. См. подробнѣе Dümmler. Gesch., II, S. 544—5. Неправдоподобный разсказъ Авентина объ этой битвѣ (Annales Bojorum, ed. Gundling, p. 449 etc.) былъ подвергнутъ строгой критикѣ и отвергнутъ, какъ основанный на очень сомнительныхъ источникахъ, Дюмлеромъ въ Südöst. Mark., Anhag IV, S. 82—85.

(in Oriente) Фрейзингенскаго мартирологія X вѣка [1]). Мы знаемъ только, что въ этомъ сраженіи погибли маркграфъ Люитпольдъ, въ то время самая крупная и замѣчательная личность въ баварской администраціи, и многія другія сановныя лица Баваріи, свѣтскія и духовныя. Между послѣдними пали самъ архіепископъ Зальцбургскій Тэотмаръ, епископы Уто Фрейзингенскій и Захарій Себенскій (Säben) и другіе [2]).

Понятно, какое ужасное и подавляющее впечатлѣніе должно было произвести это событіе на всю Германію и вообще на весь европейскій западъ, куда не замедлили проникнуть о ней слухи, по всей вѣроятности еще преувеличенные и прикрашенные.

Битва 907 года имѣла несомнѣнно огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, на успѣхи мадьярской орды и на роль, которую Угры вскорѣ затѣмъ пріобрѣли среди европейскихъ народовъ. Ея историческій смыслъ обусловленъ не столько важностью и военнымъ (т. е. стратегическимъ) значеніемъ самой побѣды Угровъ, сколько впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на современниковъ и совершившимся вслѣдствіе того переворотомъ въ настроеніи обѣихъ борющихся сторонъ. Въ нѣмецкомъ обществѣ и въ представителяхъ власти сразу исчезла прежняя самоувѣренность, гордость [3]) и самообольщеніе и уступили мѣсто чувству

[1]) III Non. (Iulii) bellum Baioariorum (cum) Ungariis *in Oriente*. Dümmler, Gesch., II, S. 545.

[2]) У Авентина есть перечень 19 убитыхъ баварскихъ графовъ. Можетъ быть, онъ взятъ изъ достовѣрнаго источника (метрическихъ книгъ), но дознанное фантазёрство этого автора бросаетъ тѣнь и на это свидѣтельство Dümmler S.-Ö. M., S. 85. Было высказано предположеніе, что въ этой битвѣ и Мораване оставили свои лучшія силы (Успенскій, С. М., стр. 103). Можно-бы допустить развѣ только то, что Моравскій князь, бѣжавшій изъ Моравіи при ея разгромѣ, принялъ въ ней участіе. Гораздо вѣроятнѣе, что въ угорскомъ войскѣ были славянскіе добровольцы.

[3]) Аламаннскій лѣтописецъ не даромъ выразился о Баварцахъ, что этою битвою «было сломлено ихъ суевѣрное высокомѣріе»: et eorum supersticiosa superbia (crudeliter) occisa (Ann. Alamann. 907, Pertz, SS. I, 54). Если это выраженіе можетъ быть и не совсѣмъ ясно и точно, то всетаки не трудно понять, что̀ разумѣлъ авторъ, и потому его нельзя назвать *загадочнымъ* и *необъяснимымъ* (räthselhaft und unerklärt), какъ это дѣлаетъ г. Дюмлеръ, Gesch. II, S. 545.

непреодолимаго страха, преувеличеннаго сознанія своего безсилія и даже чувству отчаянія. Напротивъ, въ Украхъ этотъ успѣхъ удвоилъ самоувѣренность, жажду добычи, предпріимчивость и отвагу; они не замедлили воспользоваться выгоднымъ для себя впечатлѣніемъ первой своей большой побѣды и рѣшили безпрерывными, ежегодными набѣгами не давать опомниться западно-европейскому обществу, не дать ему собраться съ силами.

Только такимъ переворотомъ въ общемъ настроеніи воюющихъ народовъ могутъ быть объяснены съ одной стороны та неслыханная дерзость, съ которой Угры въ своихъ опустошительныхъ набѣгахъ проникали все дальше и дальше на западъ, въ самые отдаленные его концы, не щадя ничего на своемъ пути и принося съ собой всюду гибель и разореніе, съ другой стороны — та всеобщая паника и то отчаяніе, которыя господствовали вездѣ, куда-бы ни являлся страшный врагъ, и которыя до того овладѣли народомъ и правительствомъ, что они оказывались совершенно безсильными и безпомощными передъ хищными угорскими шайками и не имѣли мужества противопоставить имъ сколько-нибудь энергическое сопротивленіе.

Итакъ въ 907 году совершился рѣшительный поворотъ въ исторіи международныхъ отношеній на среднемъ Дунаѣ. Мы не скажемъ конечно, что собственно катастрофа 907 года рѣшила дальнѣйшую судьбу Славянъ, Нѣмцевъ и Мадьяръ на Дунаѣ; ихъ судьбу рѣшили событія послѣдующей эпохи грозныхъ предпріятій Мадьяръ на западъ и ихъ дѣятельности у себя дома; но суть въ томъ, что событія этой эпохи являются прямыми послѣдствіями побѣды Мадьяръ въ 907 г. Торжество Угровъ надъ Нѣмцами не только установило въ занимающихъ насъ странахъ новыя политическія отношенія, но неизбѣжно должно было создать совершенно новый порядокъ вещей въ этнографическомъ и культурномъ состояніи всей средне-дунайской территоріи, гдѣ нѣмецкая власть или нѣмецкое вліяніе смѣнились господствомъ хищной мадьярской орды, поставившимъ мѣстное населеніе совершенно въ иныя условія жизни и культурнаго развитія. На-

ступила роковая развязка той борьбы, политической и культурной, которую Германская держава въ теченіе столѣтія такъ настойчиво и послѣдовательно вела въ своихъ дунайскихъ маркахъ изъ-за водворенія своего господства у сосѣднихъ славянскихъ племенъ, изъ-за интересовъ германизаціи.... Угры изъ далекихъ восточныхъ степей принесли съ собой эту развязку и своимъ поселеніемъ на равнинѣ средняго Дуная дали новое направленіе исторіи не однихъ только придунайскихъ земель, но и всей западной Европы. До 907 года германскій міръ еще не отдавалъ себѣ отчета въ совершившемся переворотѣ. Только битва 907 года со своими бѣдственными послѣдствіями обнаружила настоящее положеніе дѣлъ и быстро повела за собой событія къ окончательной развязкѣ.

Здѣсь кстати будетъ привести слова, въ которыхъ одинъ новѣйшій нѣмецкій историкъ формулируетъ результаты мадьярской побѣды 907-го года [1]). «Трудно найти, говоритъ онъ, другое событіе въ древней нѣмецкой исторіи, которое сравнялось бы по своему пагубно-роковому значенію съ этой іюньской (іюльской?) битвой 907 года. Навсегда былъ положенъ конецъ тому первенствующему положенію, которое до тѣхъ поръ удерживала Баварія въ Восточно-франкской державѣ. Потеряно было все, что въ теченіи болѣе 100 лѣтъ пріобрѣли нѣмецкой родинѣ мечъ и плугъ главнымъ образомъ баварскаго племени, потеряны были Восточная марка и Паннонія. Нѣмецкая власть была отброшена назадъ за р. Энжу, даже Карантанія была въ опасности; собственная родная страна предана опустошительнымъ вторженіямъ варварскихъ полчищъ, политическія и церковныя узы съ нѣмецкими насажденіями по ту сторону Энжи разорваны, самыя же эти насажденія уничтожены и обречены на гибель. Никогда эта потеря не была вполнѣ возмѣщена. Только небольшая частица этихъ земель была вновь пріобрѣтена въ X и XI вѣкѣ, но никогда, со времени образова-

[1]) Kaemmel, въ назван. сочин., стр. 301—302.

нія Угорской державы, не удавалось возвратить древнюю Паннонію въ руки нѣмецкой власти и нѣмецкой народности; только отдѣльными небольшими колоніями Нѣмцы проникли туда впослѣдствіи. Еслибъ не вмѣшались Мадьяры и не было битвы 907 года, то по человѣческимъ расчетамъ границы сплошной чисто-нѣмецкой территоріи были бы нынѣ не на верхнемъ Раабѣ, а на нижней Савѣ.....».

Не думаемъ, чтобы кто-нибудь, вникнувъ безпристрастно въ политическое положеніе дѣлъ на среднемъ Дунаѣ въ послѣдней четверти IX и началѣ X вѣка, могъ найти этотъ взглядъ преувеличеннымъ. Читатель знаетъ, насколько этотъ взглядъ согласуется съ результатами нашего изслѣдованія этой эпохи. Мы не только не считаемъ его преувеличеннымъ, но полагаемъ скорѣе, что въ немъ даже еще не въ полной мѣрѣ оцѣнена роль Мадьяръ, какъ оплота западныхъ Славянъ противъ Нѣмцевъ. Въ нижеслѣдующихъ страницахъ мы изложимъ вкратцѣ наши заключенія.

Общія заключенія о переворотѣ произведенномъ Мадьярами на среднемъ Дунаѣ.

Въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка, когда Угры, будущіе обладатели средне-дунайской равнины, находились на порогѣ своей новой родины, территорія средняго Дуная представляла въ общихъ чертахъ въ этническомъ и политическомъ отношеніяхъ приблизительно слѣдующую картину.

Центральная часть степной, нынѣ *угорской равнины* по обѣ стороны р. Тиссы, на востокъ до отроговъ горъ трансильванскихъ, на западъ до средняго Дуная, имѣла видъ почти безлюдной пустыни. Только сѣверныя и восточныя ея окрайны, тамъ, гдѣ низменность начинаетъ терять свой исключительно степной характеръ, разнообразясь холмами, долинами и лѣсами, да равнина верхняго теченія Тиссы были заселены, хотя вѣроятно и не густо, мирными земледѣльцами — Славянами. Въ самую же степь славянскіе поселенцы въ старину никогда не углублялись — съ одной стороны потому, что пустынныя, безлѣсныя, крайне однообразныя мѣстности не могли быть благопріятны для ихъ земледѣльческой жизни, съ другой, и всего чаще, изъ страха передъ хищными кочевниками, которые повидимому до

самаго прихода Мадьяръ не совсѣмъ перевелись на этой незамѣнимой для нихъ почвѣ. Мы видѣли, что остатки аварской орды укрылись сюда отъ грознаго германскаго завоевателя. Здѣсь ихъ никто не преслѣдовалъ и не тревожилъ, и они могли еще довольно долго влачить въ такихъ условіяхъ свое существованіе, перекочевывая съ мѣста на мѣсто и не имѣя болѣе силы серіозно угрожать ближайшему осѣдлому населенію. Такимъ образомъ и къ концу IX вѣка, какъ мы полагаемъ, могли еще сохраниться въ дунайской степи кое-какіе скудные обломки этихъ Аваровъ.

Этническое состояніе центральной тиссо-дунайской равнины обусловливало и ея политическую роль. Владѣніе ею не представляло никакихъ особенныхъ выгодъ, ни политическихъ, ни матерьяльныхъ, а потому мы и не видимъ, чтобы на эту пустынную территорію распространила свою власть одна изъ сосѣднихъ славянскихъ державъ, Болгарская или Моравская; владѣнія ихъ нигдѣ не соприкасались другъ съ другомъ на этомъ пространствѣ: по всей вѣроятности и на сѣверѣ и на югѣ ихъ границы политическія совпадали съ этнографическою чертою славянской народности, за которою (вглубь равнины) уже прекращалось вообще осѣдлое населеніе.

Изъ великой угорской равнины переходимъ на правый берегъ Дуная. Здѣсь въ древней *Панноніи*, и въ верхней и нижней ея частяхъ, населеніе не отличалось густотою: были тутъ вѣроятно значительныя пространства, еще вовсе не воздѣланныя и не колонизованныя. Мѣстность около Блатенскаго озера, центръ нѣкогда процвѣтавшей области князей Прибины и Коцела, была сравнительно болѣе заселена. Однако къ концу IX вѣка процентъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Панноніи долженъ былъ возрасти уже до почтенной цифры. Рука объ руку съ политическимъ господствомъ Нѣмцевъ и съ церковной пропагандой шла усердная колонизаціонная дѣятельность, которой въ Нижней Панноніи было положено основаніе, какъ мы знаемъ, еще при князѣ Прибинѣ. Въ Верхней Панноніи систематическая нѣмецкая колонизація

уже достигла рѣки Рааба. Постепенное ослабленіе Моравскаго союза и его безсиліе отстаивать свои нижне-паннонскія владѣнія, которыя формально числились за Моравіей еще въ исходѣ IX вѣка, обѣщало дальнѣйшій успѣхъ дѣлу германизаціи Панноніи. Чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ естественно возрасталъ въ своемъ количествѣ и силѣ нѣмецкій элементъ населенія, достигая въ Восточной маркѣ уже весьма значительныхъ размѣровъ.

Восточная марка и «Карантанія» въ отношеніи къ составу населенія представляли не одинаковую картину, и это потому, что славянское населеніе распредѣлилось первоначально въ той и другой весьма неравномѣрно и въ различныхъ пропорціяхъ. Въ то время какъ въ Восточной маркѣ, особенно въ сѣверныхъ ея частяхъ, славянская колонизація была вообще довольно слаба, въ Карантаніи, и преимущественно въ нынѣшней Каринтіи, напротивъ, она достигла весьма видныхъ результатовъ. Сообразно съ этимъ и нѣмецкая колонизація, будучи поставлена здѣсь и тамъ въ различныя условія, не могла развиваться въ одинаковой степени, такъ что къ концу IX вѣка каждая изъ этихъ областей въ составѣ своего населенія и во взаимномъ отношеніи составныхъ элементовъ представляла нѣчто особое, оригинальное. Въ Восточной маркѣ нѣмецкія поселенія по численности достигли рѣшительнаго преобладанія, такъ что дѣло германизаціи шло впередъ успѣшнѣе чѣмъ гдѣ-либо; въ Карантаніи, несмотря на сильный притокъ нѣмецкихъ колонистовъ и на энергическую дѣятельность Нѣмцевъ—въ смыслѣ захвата земли въ свои руки и порабощенія Славянъ, эти послѣдніе всетаки своимъ численнымъ перевѣсомъ придавали населенію страны и особенно нѣкоторыхъ ея частей славянскую окраску, хотя во всѣхъ отношеніяхъ были подавлены новыми нѣмецкими порядками. Такимъ образомъ, если въ этническомъ состояніи Карантаніи и Восточной марки въ исходѣ IX вѣка было существенное различіе, то оно стушевывалось тѣми общими политическими и культурными условіями, которыя истекали изъ политическаго господства Нѣмцевъ, и тѣми общими мѣрами, которыя германская

власть неуклонно, со времени завоеванія этой территоріи, принимала по отношеніи къ туземному населенію съ цѣлью его скорѣйшаго онѣмеченія. Въ теченіе цѣлаго столѣтія, съ конца VIII до конца IX вѣка, нѣмецкая администрація, гражданская и церковная, крупные нѣмецкіе землевладѣльцы (свѣтскіе и духовные), наконецъ многочисленные Нѣмцы-колонисты имѣли возможность сильно подвинуть впередъ это дѣло. Оно шло чѣмъ далѣе, тѣмъ успѣшнѣе и быстрѣе, по мѣрѣ того, какъ слабѣла и изнемогала политически Моравія подъ ударами тѣхъ же Нѣмцевъ, лишившись той внутренней опоры, которую для нея представляла самостоятельная національная церковь и единая сильная княжеская власть.

Эта церковная самостоятельность, соединенная съ развитіемъ просвѣщенія и національнаго самосознанія, и эта сильная народнымъ довѣріемъ и любовью, единая княжеская власть были тѣми основами, которымъ Моравія много была обязана своимъ политическимъ возвышеніемъ и разцвѣтомъ. Уничтоженіе этихъ основъ вело къ неминуемому разрушенію державшееся ими зданіе. Мы видѣли, чѣмъ была эта Моравія въ послѣдніе годы IX вѣка. Оставленная сосѣдями-единоплеменниками (Чехами и Полабскими Славянами), своими естественными союзниками, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, потерявшая внутреннее политическое единство раздѣленіемъ княжеской власти, терзаемая раздорами и открытымъ междоусобіемъ князей, она безсильно поддавалась всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ и интригамъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Можно смѣло сказать, что еслибъ послѣдніе дѣйствовали съ бо̀льшимъ единствомъ, и еслибъ у нихъ у самихъ не было дома несогласій и смуты, Моравія была бы осилена уже ранѣе дружнымъ ихъ натискомъ, можетъ быть еще при жизни Арнульфа и безъ вмѣшательства Угровъ.

Богъ знаетъ, что было бы послѣ опустошительныхъ походовъ на нее Баварцевъ въ 898, 899 и 900 годахъ, еслибъ особенныя политическія соображенія, вызванныя набѣгами Угровъ и ихъ возраставшею дерзостью, не привели къ миру 901 года.

Предположимъ, что Мораване и могли еще нѣкоторое время отбиваться, хотя мы и не видимъ, чтобы они оказали какое-нибудь сопротивленіе въ 898—900 г., но что же дальше? Гдѣ былъ выходъ изъ критическаго положенія? въ чемъ могла быть надежда на спасеніе? Безпристрастный историкъ едва-ли станетъ колебаться отвѣчать рѣшительно, что въ тотъ моментъ ни извнѣ, ни внутри Моравскаго княжества не было никакихъ сколько-нибудь благопріятныхъ признаковъ, которые могли бы оправдывать надежду на благополучный для него исходъ дѣла. Нельзя же допустить, чтобы Нѣмцы, поставивъ своего врага въ такое бѣдственное и безпомощное состояніе, вдругъ опустили руки, не доведя до конца того дѣла, къ достиженію котораго были направлены всѣ ихъ усилія въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, и помогли бы Моравіи снова оправиться, укрѣпиться и приготовиться къ новой борьбѣ!

И вотъ въ такое-то критическое для Славянъ время, когда политическая организація и свобода однихъ (въ Моравіи) шла быстрыми шагами къ окончательному паденію, когда народность и личная свобода другихъ (въ Панноніи, Восточной маркѣ, Карантаніи) постепенно гибла въ могучемъ потокѣ германизма, въ такое-то время выступаетъ на европейскую сцену *мадьярская орда* и располагается на среднемъ Дунаѣ, куда её бросаетъ судьба послѣ продолжительнаго странствованія и невзгодъ и гдѣ она находитъ свою вторую родину.

Появленіе этой новой некультурной силы, жившей одной войной, однимъ грабежомъ и разрушеніемъ, однимъ удовлетвореніемъ своей неутолимой жажды добычи, не могло не произвести большого переворота въ этнологическихъ, политическихъ и культурныхъ отношеніяхъ тѣхъ странъ и того населенія, среди которыхъ расположился этотъ всѣмъ чуждый страшный врагъ. Онъ засталъ здѣсь международную распрю, и естественно рѣшеніе, развязка этой распри очутилась въ его рукахъ, ибо и сильнѣйшая изъ воюющихъ сторонъ, занятая борьбой и внутренними неурядицами у себя дома, не была въ состояніи оказать над-

лежащаго отпора; ему суждено было разрѣшить вопросъ о томъ, кому преобладать на среднемъ Дунаѣ и создать здѣсь новый порядокъ вещей. И дѣйствительно, мадьярская орда на многіе вѣка рѣшила этотъ вопросъ и создала этотъ новый порядокъ. Своимъ поселеніемъ въ великой угорской равнинѣ и своими хищными, полвѣка длившимися набѣгами на западную Европу она измѣнила карту дунайскихъ земель, перевернула политическія и этнографическія отношенія на среднемъ Дунаѣ, предотвратила роковой, но естественный исходъ національной борьбы германства съ еще не окрѣпшимъ, не созрѣвшимъ, политически слабымъ дунайскимъ славянствомъ, остановила находившійся въ полномъ ходу процессъ германизаціи центральной средне-дунайской территоріи; наконецъ — для себя самихъ Мадьяры обезпечили не только національное бытіе среди народовъ Европы, но и политическое значеніе (которое впрочемъ нынѣ обусловливается исключительно политикой враждебнаго славянству европейскаго запада).

Таковы великіе результаты мадьярскаго погрома. Для насъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ о его значеніи въ исторіи дунайскаго и вообще западнаго славянства. Представленный нами разборъ политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ, непосредственно предшествовавшихъ вторженію Мадьяръ, отвѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на вопросъ о ближайшихъ послѣдствіяхъ этого вторженія для дунайскихъ Славянъ. Каковы же были эти послѣдствія?

Вторгнувшись въ средне-дунайскую равнину и раскинувъ здѣсь свои жилища, Угры только отчасти заняли территорію, уже до нихъ населенную Славянами. Здѣсь разумѣется съ одной стороны Паннонія, съ другой сѣверныя и восточныя окрайны тиссо-дунайской низменности. Несомнѣнно, что на этихъ именно мѣстностяхъ и на ихъ жителяхъ отозвались прежде всего и самымъ чувствительнымъ образомъ бѣдствія угорскаго погрома. Внезапное появленіе кочевыхъ хищниковъ, сопровождавшееся безпощаднымъ грабежомъ и насиліями, не могло не произвести общаго смятенія и паники въ населеніи, и значительный процентъ

*

его, конечно, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Такимъ образомъ нѣкоторая часть Славянъ (Угорскихъ) была оттѣснена къ сѣверу въ горную область Карпатовъ и къ востоку въ горы Трансильваніи, нѣкоторая (изъ Панноніи) къ западу въ защищенные края восточно-альпійской горной системы. Тѣ же, которые были застигнуты врасплохъ и не успѣли бѣжать (а такихъ было также не мало—при той неожиданности, съ которой появлялись мадьярскія шайки), были покорены и должны были работать на своихъ новыхъ повелителей. Положеніе этихъ покоренныхъ было, впрочемъ,—мы убѣждены въ этомъ—всетаки легче, чѣмъ положеніе Славянъ-рабовъ и безземельныхъ работниковъ подъ властью Нѣмцевъ; въ послѣднемъ случаѣ Славяне-поселенцы не только были, большею частью, лишены земельной собственности и обращены въ совершенно зависимый, угнетаемый классъ, но еще къ матерьяльному гнёту надъ ними присоединялся болѣе тяжелый гнётъ нравственный, служившій орудіемъ германизаціи. Съ другой стороны, напротивъ, подъ властью Мадьяръ славянскіе поселенцы оставались попрежнему владѣтелями и хозяевами своей земли и платили дань безъ сомнѣнія продуктами, слѣдовательно только физическимъ трудомъ: они разумѣется теряли, но теряли почти только въ одномъ своемъ матерьяльномъ благосостояніи Неудивительно поэтому, что когда прошелъ первый страхъ и миновали первыя бѣдствія погрома, особенно когда Славяне увидѣли, что грозное мадьярское нашествіе неминуемо должно обрушиться и на вѣковыхъ ихъ враговъ и утѣснителей, то они отнеслись спокойнѣе къ постигшему ихъ несчастью и не только покоренные примирились съ своею участью, но, по всей вѣроятности, очень многіе бѣглецы возвратились изъ горъ на свои родныя пепелища, предпочитая данническую зависимость отъ Мадьяръ тяжелой неволѣ у Нѣмцевъ. Притомъ же уроженцы и жители равнины чувствовали себя стѣсненными среди условій горной природы и готовы были при первой возможности, при мало-мальски сносныхъ условіяхъ, вернуться къ прежней обстановкѣ и образу жизни.

Между тѣмъ, чѣмъ далѣе Мадьяры проникали на западъ, тѣмъ сильнѣе ихъ влекло туда. Познакомившись разъ съ богатствами и матерьяльнымъ благосостояніемъ нѣмецкихъ областей, они уже не могли преодолѣть своихъ хищныхъ инстинктовъ и ничто не могло удержать ихъ отъ предпріятій въ воздѣланные края культурнаго запада. Территорія ближайшихъ къ нимъ славянскихъ поселеній уже не удовлетворяла ихъ: они искали болѣе привлекательной добычи. Избравъ средоточіемъ своихъ жилищъ Паннонію (какъ нѣкогда Авары), они направили свои набѣги въ Восточную марку, Карантанію и въ глубь Моравіи. Мы видѣли, что до 904 г. эти набѣги еще не имѣли рѣшительнаго и дружнаго характера, и потому населеніе этихъ странъ все еще не хотѣло допустить существованіе серіозной опасности. Наконецъ въ 905 г. Мадьяры, возбуждаемые жаждою мести, развернули повидимому всѣ свои силы: они начали съ Моравіи.

Участь этой несчастной страны намъ извѣстна; немыслимо было ей одной, ослабленной и потрясенной, вынести этотъ тяжелый ударъ, когда его не могла отразить Германія въ своихъ твердо-организованныхъ и сравнительно хорошо защищенныхъ маркахъ. Моравское княжество рушилось, и несомнѣнно въ его лицѣ нанесенъ былъ сильный ударъ всему дунайскому славянству. Но каковъ былъ этотъ ударъ, отозвался ли онъ безусловно гибельно на внутренней жизни и народномъ развитіи славянства, и можетъ ли поэтому мадьярскій погромъ считаться великимъ, непоправимымъ для него несчастіемъ, вотъ вопросъ, на который безпристрастный и тщательный анализъ фактовъ, какъ могли уже убѣдиться читатели, не позволяетъ намъ отвѣчать утвердительно, т. е. согласно съ господствовавшимъ донынѣ въ славянской исторіографіи взглядомъ. Покоривъ Моравію, Мадьяры съ удвоенной силой и увѣренностью въ успѣхѣ устремились въ предѣлы нѣмецкихъ владѣній и въ 907 году нанесли Нѣмцамъ пораженіе, далеко оставившее за собой по своему роковому значенію тѣ бѣдствія, которымъ подверглись два года передъ тѣмъ Славяне въ Моравіи. Дѣло Нѣмцевъ на среднемъ

Дунаѣ было въ корнѣ и надолго подорвано. Дѣйствительно, стоитъ взглянуть на результаты окончательнаго торжества Угровъ на Дунаѣ для Нѣмцевъ и ихъ культурно-политическихъ интересовъ, и тогда сопоставленіе этихъ результатовъ съ одной стороны съ тѣмъ, что потеряло славянство отъ мадьярскаго погрома, съ другой стороны—съ тѣмъ, что его ожидало, еслибъ не явились Мадьяры, само собой должно привести всякаго къ правильной оцѣнкѣ великаго переворота, совершившагося на территоріи нынѣшней Австрійской монархіи въ концѣ IX и началѣ X вѣка.

Ближайшимъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ пораженія Нѣмцевъ въ 907 г. была потеря Восточной марки и распространеніе владѣній Угровъ до самой рѣки Энжи, т. е. до того же предѣла, до котораго когда-то господствовали Авары. Такимъ образомъ дѣйствительно было потеряно все, что съ такими усиліями перешло въ руки Нѣмцевъ со времени завоевательнаго движенія Карла Великаго на востокъ. О Восточной маркѣ съ 907 г. въ теченіе 60 лѣтъ слишкомъ не встрѣчается упоминанія. Съ водвореніемъ въ ней мадьярской власти, она должна была прійти въ величайшее запустѣніе и разгромъ. Разцвѣтавшіе плоды нѣмецкой культуры подверглись безпощадно разоренію и грабежу, а довольно уже многочисленные нѣмецкіе поселенцы были частью истреблены, частью уведены въ плѣнъ, а частью искали спасенія въ бѣгствѣ за Энжу, на сосѣднюю нѣмецкую территорію, предоставивъ врагамъ свои опустѣвшія жилища. О нѣмецкихъ насажденіяхъ въ Панноніи здѣсь уже не можетъ быть рѣчи, такъ какъ они были сметены гораздо раньше первыми набѣгами Мадьяръ въ Паннонію и окончательнымъ ихъ водвореніемъ въ ней.

Еслибъ побѣдой 907 г. ограничились всѣ успѣхи мадьярской орды въ борьбѣ съ западомъ, то конечно тяжелое положеніе дѣлъ въ тотъ моментъ отнюдь не было бы еще непоправимо и безнадёжно, но въ томъ-то и заключается сущность мадьярскаго погрома, что первый важный успѣхъ Угровъ открылъ собою цѣлую полувѣковую эпоху ихъ безпрерыв-

ныхъ опустошительныхъ набѣговъ на западную Европу, противъ которыхъ европейскія державы не могли даже собрать своихъ силъ, хотя-бы для энергической самозащиты, если ужъ не для наступленія. Такому бѣдственному положенію много способствовала сравнительная слабость Германіи, упадокъ въ ней государственной власти и отсутствіе внутренняго политическаго единства, которыми характеризуется царствованіе Людовика Дитяти. Населеніе, не видя, чтобы принимались разумныя и рѣшительныя мѣры противъ жестокаго врага, думало только о своемъ спасеніи и скрывалось со своимъ имуществомъ за стѣнами городовъ и укрѣпленій, или въ непроходимыхъ лѣсахъ и неприступныхъ горахъ. Характеръ угорскихъ набѣговъ былъ также причиной того, что не было оказываемо никакого общенароднаго сопротивленія, и силы оставались несплоченными. Угры внезапно нападали, грабили и немедленно удалялись, такъ что причиненное ими бѣдствіе было всегда только мѣстнымъ, имѣло лишь частное, локальное значеніе. Другое дѣло были вторженія Норманновъ и Сарацинъ: первые постоянно располагались на территоріи враговъ, такъ что въ борьбѣ съ ними приходилось отстаивать самую землю; войны съ Сарацинами имѣли кромѣ того еще религіозный характеръ:—и здѣсь и тамъ, слѣдовательно, защищались интересы всеобщіе, а не частные.

Такимъ образомъ Угры, нигдѣ не встрѣчая дружнаго отпора, становились годъ отъ году болѣе дерзкими, безнаказанно разоряли находившіяся въ сравнительно цвѣтущемъ положеніи края западной Европы и приводили ихъ населеніе въ самое бѣдственное, безпомощное состояніе. Постоянный страхъ за свою жизнь и имущество, народное смятеніе и безпорядокъ парализовали всякую дѣятельность и нормальныя отправленія жизни, препятствовали развитію и успѣхамъ промышленности и торговли, уже не говоря о томъ, что всѣ внѣшніе политическіе и національные вопросы (какъ напр. германизація Славянъ, колонизація восточныхъ марокъ, тамошнія церковныя дѣла и проч.) невольно отошли на задній планъ.

Конечно, чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ положеніе было труднѣе и невыносимѣе, и ничто не могло уже болѣе привлекать Нѣмцевъ въ восточныя окрайны ихъ владѣній по Дунаю. Уже въ царствованіе Людовика Дитяти вся Германія до Рейна испытала дикую жестокость угорскихъ шаекъ. При его преемникѣ они переступили и этотъ предѣлъ. И такимъ-то неистовымъ образомъ безпрепятственно хозяйничали Угры въ западной Европѣ цѣлые полвѣка, до знаменитой битвы при Аугсбургѣ на Лехѣ 955 г., когда императоръ Оттонъ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе и положилъ конецъ ихъ набѣгамъ. Достаточно, кажется, самаго бѣглаго взгляда на эту тяжелую для Европы эпоху, чтобы вѣрно оцѣнить гибельныя послѣдствія мадьярскаго погрома для германскаго міра и въ особенности для ихъ интересовъ на славянскомъ востокѣ.

А что же Славяне: каковы были ихъ положеніе и роль во все это время? Моравія покорилась въ 905 — 906 году; жители ея послѣдовали примѣру другихъ дунайскихъ Славянъ, помирившись съ своею участью, и продолжали свою прежнюю земледѣльческую жизнь, только подъ верховною властью Угровъ, которымъ конечно платили дань. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе долгаго времени, мы не знаемъ ни о какихъ столкновеніяхъ этихъ Славянъ съ Уграми и скорѣе имѣемъ основаніе предполагать существованіе между ними взаимныхъ дружественныхъ отношеній. Войнъ съ Чехами, ставшими послѣ паденія Моравіи непосредственными сосѣдями угорскихъ владѣній, также повидимому не было. Угры, предпринимая набѣги на Саксонію, Тюрингію и другія среднегерманскія страны, какъ-то всегда миновали Чехію, а если и проходили черезъ нее, то не причиняли ей, повидимому, никакого вреда. Нельзя поэтому не предположить существованія въ тотъ періодъ времени какого-то мирнаго договора между Чехами и Уграми. Въ пользу такого союза говорятъ совмѣстныя ихъ предпріятія позже противъ Саксовъ [1]), а также внутреннія дѣла

[1]) Adami Bremens. gesta Hammab. eccl. pont. I, 54; Chron. breve Bremense Pertz, SS., VII, 391). См. у Дюмлера, Südöstl. M., S. 67.

и отношенія Чеховъ (въ началѣ X вѣка), не заключающія въ себѣ и намека на бѣдствія ихъ отъ мадьярскихъ набѣговъ. Справедливо замѣчено, что союзъ съ Мадьярами доставилъ Чехамъ выдающуюся и значительную роль по отношенію къ нѣмецкой державѣ и создалъ вообще выгодныя условія для усиленія Чехіи и для развитія въ ней внутренняго политическаго единства [1]). Этому конечно какъ нельзя болѣе благопріятствовало ослабленіе и бѣдственное состояніе Германіи. Быстрое объединеніе и укрѣпленіе политическаго организма Чехіи доказываетъ, что она дѣйствительно сумѣла возпользоваться столь счастливо сложившимися для нея обстоятельствами. Съ водвореніемъ Мадьяръ на Дунаѣ политическій и культурный центръ тяжести всего западнаго славянства переносится въ Чехію, которая съ тѣхъ поръ все болѣе крѣпнетъ, расширяетъ границы своихъ владѣній и сферу своего политическаго вліянія.

Итакъ послѣ паденія Моравскаго княжества вся тяжесть мадьярскаго погрома обрушилась на западную Европу и въ особенности на германскій міръ. Славяне же, напротивъ, силою вещей должны были сблизиться съ Мадьярами, такъ какъ одинаково-враждебныя отношенія къ западу дѣлали ихъ интересы нѣкоторымъ образомъ общими. Одни изъ Славянъ почти безъ сопротивленія покорились Мадьярамъ, другіе—вступили съ ними въ союзъ. Признавая существованіе такихъ взаимныхъ дружественныхъ отношеній подчинившихся дунайскихъ Славянъ къ Мадьярамъ, основанныхъ не на одной только вынужденной покорности первыхъ и на военныхъ расчетахъ вторыхъ, но на дѣйствительномъ взаимномъ сближеніи въ силу одинаковыхъ стремленій и національно-политическихъ интересовъ, мы считаемъ совершенно естественнымъ и даже логически необходимымъ допустить, что эта общность интересовъ выражалась въ чемъ-либо и на дѣлѣ, а не ограничивалось однимъ пассивнымъ сочувствіемъ. Короче сказать, извѣстное участіе дунайскихъ Славянъ въ послѣдующихъ

[1]) Büdinger, Oesterr. Gesch, S. 304. Срв. также Hunfalvy, S. 299—300

предпріятіяхъ Мадьяръ на западъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, хотя *прямыхъ* извѣстій о такомъ участіи и не дошло до насъ. Въ пользу этого предположенія убѣдительно свидѣтельствуетъ прежде всего то, что въ періодъ самыхъ первыхъ угорскихъ набѣговъ на нѣмецкія владѣнія уже бывали случаи вступленія Славянъ въ ряды Угровъ (при чемъ Славяне даже брили себѣ головы по обычаю послѣднихъ), какъ о томъ говоритъ извѣстное посланіе нѣмецкаго духовенства къ папѣ 900 года; наконецъ это участіе Славянъ въ походахъ Угровъ не можетъ не показаться намъ еще болѣе естественнымъ, если мы припомнимъ аналогичный фактъ, а именно какъ въ IX вѣкѣ Балтійскіе Славяне участвовали въ походахъ Норманновъ на Нѣмцевъ. Въ 880 году, напримѣръ, Норманны устремились между прочимъ въ Саксонію и нанесли страшное пораженіе Саксамъ. Изъ одного лѣтописнаго извѣстія мы узнаемъ, что на сторонѣ Норманновъ сражались и Славяне, по всей вѣроятности Бодричи и Лютичи [1]). Если же Славяне, нисколько не зависимые отъ Норманновъ, оказывали имъ помощь противъ Нѣмцевъ, то тѣмъ болѣе становится понятною помощь, оказанная Házi — со стороны подчинившихся имъ дунайскихъ Славянъ [2]).

Итакъ всѣ соображенія о ближайшихъ послѣдствіяхъ мадьярскаго погрома для дунайскаго славянства сами собой неизбѣжно приводятъ насъ къ выводу, прямо идущему въ разрѣзъ съ мнѣніемъ тѣхъ, которые смотрятъ на мадьярскій погромъ въ IX вѣкѣ, какъ на «величайшее изо всѣхъ несчастій, въ теченіе вѣковъ постигавшихъ славянскій міръ...» Наше заключеніе состоитъ въ томъ, что если Мадьяры своимъ вторженіемъ въ дунайскую равнину и поселеніемъ въ ней и нанесли глубокую рану Славянамъ и стали для

[1]) Въ этомъ сраженіи епископъ Марквартъ былъ убитъ именно Славянами: Chron. Hildesheim. (880 г.): Marcquardus episcopus....occisus est a Sclavis. Срв. Соб. соч. Гильфердинга, Исторія Балтійскихъ Славянъ, стр. 309.

[2]) По вопросу о взаимныхъ дружественныхъ отношеніяхъ Славянъ и Угровъ см. упомянутую выше статью Елагина (Рус. Бес., 1858, I, стр. 131, 150, 157, 164—165 и слѣд.).

нихъ причиной многихъ бѣдствій и въ прошедшемъ и въ настоящемъ, зато своимъ своевременнымъ вмѣшательствомъ въ жестокую борьбу нѣмецкой народности съ дунайскими Славянами и неизмѣримымъ вредомъ, нанесеннымъ Германіи и всему западу, они въ концѣ концовъ дали благопріятный оборотъ славянскому дѣлу на Дунаѣ въ IX вѣкѣ и надолго остановили дальнѣйшій ростъ политическаго, культурнаго и всякаго вообще преобладанія Нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, принимавшаго тогда уже весьма значительные размѣры и грозившаго дѣйствительно великимъ и роковымъ для всего западнаго славянства несчастіемъ.

Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы считаемъ правильнымъ судить о значеніи мадьярскаго нашествія въ древней исторіи дунайскихъ Славянъ. Мы съ намѣреньемъ говоримъ *древней*, чтобы не подать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ и ложнымъ заключеніямъ. Мы отклоняемъ отъ себя здѣсь всякое сужденіе вообще о настоящей и грядущей роли мадьярской народности въ судьбахъ славянскаго міра, о современныхъ ихъ отношеніяхъ къ западному славянству, о томъ, что̀ ожидаетъ еще впредь Мадьяръ и Угорскихъ Славянъ, однимъ словомъ о возможной развязкѣ мадьяро-славянскаго вопроса. Вопросъ этотъ труденъ и сложенъ: сама жизнь рѣшитъ его — мы твердо уповаемъ — не въ ущербъ славянству...

Bayerische Staatsbibliothek München

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

А.

Аботриты, см. Бодричи.
Авары, 2, 38—40, 48, 53—59, 65, 67—72, 76—79, 82, 88, 90, 94, 109, 151, 187, 189, 198, 236—238, 242, 243, 268, 271, 289, 290, 309, 311, 312, 317, 322, 323, 337, 411, 417, 418.
Авреліанъ, 28, 42, 52.
Австрія Верхняя, 19, 64, 75.
Австрія Нижняя, 22, 64, 75, 110.
Австро-Венгрія, 2, 4, 5, 22, 23, 59, 63, 141, 282, 418.
Агаѳирсы, 24.
Агельтруда, 330.
Адальбертъ Пражскій, 392.
Адальвинъ, архіеп. Зальц., 118, 121.
Адальрамъ, еп. Зальцбург. 132, 143, 369.
Адріанополь, 88, 96, 200, 226.
Адріанъ II, папа 120.
Адріатическое море, 18, 59, 64, 79, 80, 352, 353, 356.
Азія, 4, 33, 168, 169, 189, 190, 210.
Азовское море, 208, 210, 211.
Аквилея, 352, 353.
Аланы, 33, 34, 53, 175.
Александръ Македонскій, 323.
Алеманнія, 381.
Алеманны, 30, 364, 370.
Алута (Олту), 10, 12, 307.
Альбіола (Albiola), 356.
Альмъ (Альмусъ), 182, 192, 203, 264, 270.
Альпійская горная система, 4, 18.
Альпы, 8, 13, 14, 22, 31, 40, 60, 328, 330, 353.
Альпы Юлійскіе, 352.
Альтинантій (Altinantium), г., 356.
Альтъ-Бега, р., 310.
Альфэльдъ, 6, 7, 13.
Аміанъ, ост. 357.
Аму-Дарья (Оксусъ) 255, 256.
Анастасій, пос. виз. 329, 336.
Ангеларій, 135.
Андрей ап. 239.
Андрей (III, кор. уг.), 182.
Андроникъ, имп., 53.

Антоній, патр., 293.
Анты, 56, 58.
Арабы, 225, 287, 322.
Арджисъ, 10.
Арибо, 128 — 130, 329, 346 — 349, 388, 395.
Арменія, 197.
Арнульфъ, 90, 126, 128—130, 132—140, 282, 289, 291—295, 299, 301, 306, 322, 324—330, 333, 335—340, 342—351, 357—359, 368, 377, 386, 413.
Арпадъ, 166, 194, 270, 284, 286, 296, 299, 319, 385, 386.
Аскольдъ, 198, 261, 263—266.
Ατель (Волга у К. Б.), 192, 249; (общ. обозн. б. рѣки) 253, 254, 257.
Ателькузу, 11, 95, 194, 196, 214, 220, 221, 248—260, 263, 267—269, 273, 275, 277—279, 281, 282, 287, 294, 297, 299, 306, 307, 310, 311, 315, 324, 341.
Аттила, 35, 36, 156—158, 203, 302.
Аугсбургъ, 420.
Африка, 34.
Ахтумъ, 246.

Б.

Баварія, 79, 80, 116, 127, 128—330, 367, 377, 378, 383, 386, 389, 392, 406, 408.
Баварцы, 67, 70, 71, 76, 290, 343, 348, 350, 358, 370, 376, 378, 385, 388, 390, 397.
Баджгардъ, 166, 224.
Баконскій лѣсъ, 4, 14.
Балканскій полуостровъ, 24, 42—45, 54, 56, 61, 64, 69, 86, 89, 96, 147, 281, 312.
Балканскія горы, 42.
Балтійскіе Славяне, 62, 141, 422.
Балтійское море, 29, 170, 209, 391.
Банатскія горы, 9, 12, 13.
Банатъ, 27, 47, 75, 94, 325.
Барда (с. Кордила), 201.
Баркаласъ, 287, 296.
Барухъ (Βαρούχ), 195, 252, 254, 259, 260.
Бассано (Bassano), 353.
Бâшгирдъ, Башджардъ, Башджердъ, Башгартъ, 166.
Башкирія (Pascatir, Bascardia), 178.
Башкиры, 166, 167, 178, 179, 188, 192, 208.
Бенедиктъ, еп. 360, 362.
Бергамо, 355.
Беренгаръ (Фріульскій герц. и кор. итал.), кор. 328, 330, 353, 354, 357.
С.-Бернардъ (Велик.), гора, 355.
Бескиды, 15, 16.
Бессарабія, 10, 224, 225, 233, 248, 256, 260, 267, 281.
Бессы, 42, 43.
Бихарскій край, 75.
Біармія, 209, 210, 211, 280.
Блатенское озеро (мад. Balaton, нѣм. Plattensee), 14, 15, 73, 111, 113, 145, 411.
Блатно, см. Мосбургъ.
Богемія, см. Чехія.
Бодричи, 91, 329, 422.
Боинъ, 230.
Бойи, 25.
Бойская пустыня, 25.
Болгарія, 44, 69, 85—89, 92, 94—97, 130, 135, 139, 147, 201, 203, 226, 229, 284, 285, 291, 296, 299, 301, 326, 336, 411.
Болгарія Волжская, 155.
Болгары, 40, 48, 53, 56, 58, 61, 67—69, 86—96, 114, 116, 119, 129, 137—139, 147, 148, 152, 189, 201, 204, 219, 224, 226—228, 231, 236—240, 255, 263, 268, 281, 284, 285, 287—290, 294, 295, 300, 301, 305, 307, 308, 313—315, 317, 322, 324, 326, 336—338, 371, 396, 400.
Болгары Бѣлые (Камскіе и Волжскіе), 179, 180, 188, 208, 210, 211.

Болеславъ Польскій, 245.
Бораны, 30.
Борисъ, см. Михаилъ-Борисъ.
Борисоенъ (Днѣпръ), 259.
Босфоръ, 210.
Браничево, 91.
Брацлавъ (Брячиславъ), 138, 338—340, 352, 357.
Брента, 352—355.
Бродники, 273.
Броднинги, 273.
Св. Брунонъ, 244.
Брунонъ (Бонифацій Св.), 245, 246.
Брутъ (Βροῦτος)=Прутъ, 195, 252, 254, 257.
Брынскіе лѣса, 212.
Бугъ (южн.), 11, 209, 253, 256, 257, 259, 260, 275—278, 281.
Буджакъ, 276.
Буковина, 10, 26. 75, 209.
Бульцусъ (Βουλτζοῦς), 386.
Бурвиста, 25.
Бургунды, 29, 34, 53.
Бурхардъ, еп. 387, 388, 395.
Бѣла III, кор. 184.
Бѣла IV, кор. 155, 160, 184, 204.
Бѣлахъ (Бѣла), р., 143.
Бѣлая Вѣжа, 212.
Бѣлградъ, 210.
Бѣлохорватія и Бѣлохорваты, 136, 237, 312.

В.

Ваагъ, р., 4, 14.
Валахи, 24, 41—47, 53—55, 68, 69, 75, 92, 96, 198, 236, 239, 240, 246, 312—314.
Валахія, 3, 8, 10—12, 26, 33, 36, 43, 44, 56, 63—66, 68, 75, 83, 85, 87, 89, 90, 92, 94—96, 228, 267, 279, 307.
Валахія Малая, 10, 12, 27, 47, 307.
Валтило, гр.. 395.
Вальдо, Фрейзинг. еп., 367.
Вандалы, 29, 31, 32, 34, 53.
Варяги, 197, 209, 216, 239.
Василій Македонянинъ, имп., 202, 226, 228, 229, 231.
Вафа (или Вака), р., 255, 256.
Везило (Vezzilo), 129.
Велеградъ, 17, 106, 107.
Великая Угрія, 155, 160, 172, 175.
Велико-моравское княжество, см. Моравское кн.
Венеція, 355—357.
Верингаръ (Werinhar), гр., 129.
Верона, 354.
Вестготы, 32—34.
Византійская имперія, 5, 33, 35, 38, 55, 56, 64, 72, 228, 279.
Византія, 11, 38, 54, 69, 70, 86, 88, 89, 118, 119, 134, 185, 201, 202, 226, 227, 232, 233, 242, 281, 282, 284, 289, 295, 297, 337, 345.
Викингъ, еп. 132—135, 137, 140, 143, 327, 332, 359, 360, 363, 369.
Виллахъ, 20.
Вильгельмъ, маркгр. 122, 128, 327.
Вильгельмъ, гр., 327.
Винделиція, 26.
Виндская марка, 70.
Висла, 29, 56, 64, 170, 314.
Владимірская губ., 169.
Владиміръ, болг. ц., 201, 226, 229, 230, 282, 292, 293.
Владиміръ, г., 203, 204.
Владиславъ IV, кор. уг., 182.
Властиміръ, 230.
Влахи, см. Валахи.
Влтава (нѣм. Молдава), 18.
Вогатисбургъ, 70.
Вогулы, 153, 154, 162, 163, 165, 169—172, 176, 188.
Волга, 33, 160, 169, 171, 180, 190—192, 203, 206—213, 248, 249, 253, 255, 257, 280.
Волохи, см. Валахи.
Вормсъ, 328.
Воронежская губ., 280.
Воспорское царство, 235.
Восточная имперія, см. Византійская имперія.

Восточная марка, 80, 101, 111, 115, 116, 124, 127—130, 133, 138, 143, 144, 147, 313, 314, 327, 329, 346, 350, 368, 376, 377, 381, 388, 389, 392, 395, 408, 412, 414, 417, 418.
Вотяки, 154, 165, 170—172, 188.
Вратиславъ, 335.
Вулканъ, прох, 12.
Вѣна (Vindobona), 22.
Вѣнскій лѣсъ, 80, 395.
Вятка, р., 258.
Вятская губ., 176.

Г.

Галацъ, 296.
Галиція, 43, 137, 183, 203, 392.
Галичъ, 53, 204.
Галлія, 34.
Галлы, 24.
Ганнонъ, еп. Фрейзинг., 121.
Гаттонъ, арх. Майнц., 375.
Гвидонъ Сполетскій, 328, 330.
Генрихъ II, кор. нѣм., 245.
Генрихъ (с. Оттона Саксон.), 402.
Гепиды, 29, 30, 32, 36—40, 53—58, 76, 83.
Герберштейнъ, 160.
Германія, 38, 39, 79, 114—116, 136, 232, 247, 322, 329, 367, 406, 417—421, 423.
Германрихъ, еп. Пасс., 121.
Германская (восточно-франкская) держава, 111, 117, 127, 138, 331, 379, 408.
Германцы, 15, 30—32, 36, 39, 40, 47, 49—52, 55—58, 67, 69, 74, 78, 105, 108—110, 141, 147.
Гернадъ-Бодрогская горн. группа (мад. Hegyallya), 15.
Геро, маркгр. 386.
Герулы, 30, 36, 38, 273.
Герцино-Судетская горная система, 4, 16.
Геты, 25, 47.
Геэхъ, (Γεήχ, Яикъ), 192, 249.
Гломачи, 402—404.
Гораздъ, св. 134, 135.
Готы, 28—37, 47, 53, 54.
Греки, 89, 95, 185, 197, 203, 209, 210, 217, 222—228, 235, 239, 242, 243, 249, 284, 285, 288—291, 296—301, 336—338, 392.
Греція, 232.
Гронъ, р., 4, 14, 110, 111.
Гунны, 32—37, 48, 53, 54, 56, 78, 151, 152, 156—158, 187, 189, 227, 237, 268, 302, 311, 317, 322.
Гюнтеръ, гр., 395.

Д.

Даки, 25, 43, 47, 52—54, 68, 76, 83.
Дакія, 13, 24, 26—36, 39, 41—48, 51, 52, 55, 56, 66, 68, 69, 84, 86, 87, 92—96, 312, 313.
Далеминцы, 402.
Далмація, 58, 65.
Даніилъ IV Галицкій, 204.
Даніилъ, еп., 360, 362.
Двина, сѣв., 170, 171, 176, 209.
Дентумогеръ, 174.
Дентумъ, 174, 216.
Деръстръ, см. Дистра.
Десна, 210, 212.
Децебалъ, 26.
Джейгунъ (Аму-Дарья), 196, 255.
Джыла, 196, 223.
Диръ, 198, 261, 263—266.
Дистра (Дриста), 285, 288, 297.
Діоклетіанъ, 31.
Днѣпръ, 11, 58, 63, 198, 206, 208—210, 212, 215, 216, 220, 225, 232, 233, 247, 253, 256—260, 273, 275—278, 280, 281.
Днѣстръ, 11, 35, 58, 63, 209, 224, 253, 255, 258—260, 275—278, 281.
Домажлицы (Domažlice), 17.
Донецъ, 216.
Донъ, 32, 33, 191, 206, 208, 210—212, 214, 215, 220, 225, 247, 248, 250, 255, 280, 281.
Доростолъ, см. Дистра.

Драва, 14, 18—21, 25, 26, 64, 72, 80, 91, 113, 144, 338—340.
Древляне, 209, 276, 277.
Дудлейпа (Dudleipa), 126, 130, 338.
Дуклянскій прох., 268.
Дулѣбы, 126, 243.
Дунай, 2, 4, 5, 8, 10—18, 21—23 и т. д., 198, 199, 202, 203, 209, 217, 224—226, 229, 232, 233, 236, 237, 239, 248—250, 252, 253, 256—258, 260, 267, 268, 270, 275—279, 281—289, 294, 296, 303 и т. д.
Дымбовица, 10.
Дыя, 108.
Дѣвинъ, 14, 106, 107, 116.

Е.

Европа, 2, 4, 5, 8, 10, 23, 26, 33, 103, 141, 149, 152, 155, 169, 176, 186, 187, 189, 244, 291, 296, 312, 317, 322, 324, 325, 382, 405, 408, 415, 419—421.
Европейцы, 318.
Евстаѳій, 285, 287.
Екатеринославская губ., 214.
Елехъ (Ἰέλεχ), 386.

Ж.

Желѣзныя ворота, 8, 13, 268, 307, 325.
Жиздра, 212.

З.

Залтанъ, 386.
Зальца, 18—20.
Зальцъ, 344.
Зальцбургская обл., 19, 22, 25, 64, 70, 74, 75, 139.
Зальцбургъ, 20, 125.
Зальцкамергутъ, 22.
Захарій, еп. Себенск., 367, 406.
Звеница, 230.
Зенонъ, имп., 56.
Зоборъ, 334.
Зульцгау (Sulzgau), 329.
Зыряне, 165, 170, 171, 188.

И.

Изонцо, 18.
Иллиры, 32.
Иллирія (Иллирикъ), 58, 65, 70.
Ильмень, оз., 209.
Ингельгеймъ, 232.
Ингулецъ, 209, 215, 216, 276, 278.
Ингулъ, 215, 216.
Иннокентій IV, папа, 160.
Иннъ, 18, 19.
Ипса, р., 143.
Ираклій, имп., 58, 65, 198, 236—238, 240—242.
Иртышъ, 171, 175.
Исанрихъ, 346, 348—351, 380 381.
Испанія, 34.
Исполиновы горы, 18.
Истрійцы, 25.
Истрія, 352.
Италія, 18, 20, 37—39, 50, 55, 58, 128, 138, 314, 322, 328, 330, 343, 351—355, 357, 365, 366, 369—371, 375, 377, 381.
Итальянцы, 342.
Итиль, 211; (рѣка) 255.

I.

Іоаннъ, архіеп., 360, 362.
Іоаннъ VIII, папа, 121, 125, 131, 132.
Іоаннъ IX, папа, 333, 340, 343 352, 359, 360, 375.
Іорія (Joria), 174.

К.

Кабарда, 273; (рѣка) 274.
Кабары, 195, 213, 267, 271—275, 281, 286, 319.
Кавказъ, 208, 273.

Кадалохъ, гр., 395.
Калмыки, 191.
Калужская губ., 213.
Калэ (Καλή), 386.
Кама, 160, 171, 180, 192, 208—210, 212, 258, 280.
Кангаръ (Κάγγαρ), 193, 249.
Карантанія, см. Хорутанія.
Карелы, 170.
Каринтія, 19, 20, 25, 64, 72, 75, 104, 127, 128, 144, 310, 412.
Каркинитъ (Каркина), 222.
Карломанъ, 115—117, 121, 122, 124, 125, 127, 128.
Карлъ Анжуйскій, 182, 184.
Карлъ Великій, 68, 77, 78, 82, 84, 109, 128, 323, 418.
Карлъ Лысый, 115, 128.
Карлъ (с. Люд. Нѣм.), 117, 124, 128—130.
Каролинги, 127.
Карпатская горная система, 4.
Карпаты, 8, 10—12, 15, 16, 39, 51, 59, 64, 65, 67, 74, 85, 183, 203, 209, 255, 260, 262, 267, 268, 301, 306, 309, 312, 313, 392, 416.
Карпаты Лѣсные, 15.
Карпаты Малые, 14, 15.
Карпы, 30.
Кархъ, 197, 222.
Каспійское море, 169, 207, 208, 211, 323.
Квады, 28, 35, 37.
Кельты, 25, 26, 32, 313.
Кендеh, 196, 223.
Кенигштеттенъ, 130.
Кириллъ (Константинъ), св., 99, 101, 106, 116, 118—120, 152, 199, 204, 234.
Китай, 191, 213.
Кіевъ, 183, 185. 197, 198, 203, 204, 205, 214, 234, 236, 243, 246, 250, 260—266, 280, 281, 289, 313, 392.
Кій, 197.
Клагенфуртъ, 141.
Климентъ, св., 135.
Климентъ, св. (папа), 234.
Козьма, 284.
Константинополь, см. Византія.
Константинъ Философъ, см. Кириллъ.
Кордилъ, 201, 226, 229.
Корсунь, 234.
Корчевъ (Пантикапея), 222.
Костобоки, 30.
Коцелъ, 15, 98, 113, 118, 120, 126, 145, 310, 339, 411.
Крайна, 20, 21, 64.
Кривичи, 209.
Кринитъ, 284.
Крисосъ (Κρίσος=Кёрёшъ), 310.
Крумъ, 68, 85, 87, 88, 94, 200, 201, 226, 229, 230, 233.
Крымъ, 152, 208, 217, 222, 234, 235, 273, 280.
Кубў (Κουβοῦ), 195, 152, 254, 259, 260.
Кувратъ, 87.
Кузу, 257.
Кульпа, 21, 26.
Кума, 151, 169.
Куманія Бѣлая и Черная, 245.
Куманы (Половцы), 172, 183, 184, 198, 203 — 205, 207, 260, 261, 266, 267, 302, 303.
Курсанъ (Κουρσάνη), 284, 296.
Курская губ., 280.
Кутригуры, 151.
Кутургуры, 58.
Куфисъ (Бугъ), 259.
Купіагуры, 151.
Кӭрӭшъ, 12, 310, 342.

Л.

Лаба (Эльба), 17, 18, 32, 39, 79, 136, 247.
Лаврентій, св., 135.
Ладины, 19.
Ладожское озеро, 170.
Лазарь (виз. пос.), 289, 335, 337, 345.
Ламбертъ, 330.
Лангобардія, 366.

Лангобарды, 37—39, 50, 56, 58.
Лапландцы, см. Лопари.
Лебединъ, 214—216.
Лебединъ лѣсъ (Черн. л.), 214.
Лебедіасъ, 193, 194, 214, 217, 218, 223, 237, 251, 269, 270.
Лебедія, 193, 196, 206, 212, 214—218, 220, 221, 236, 245, 248, 250, 252, 253, 260, 262, 266, 267, 269, 277—281, 294.
Лебедянь, 214, 215.
Левъ Армянинъ, имп., 202, 228, 265, 371.
Левъ (изъ р. Гомостовъ), 202.
Левъ VI Мудрый, имп., 152, 282—284, 286—288, 291—297, 301, 329, 335, 336.
Левъ (Хойросфактъ), 285, 286.
Ледовитое море, 170.
Лехъ, р., 420.
Ливы, 170.
Линцъ, 22.
Литовцы, 209.
Ліунтинъ, 270, 286, 296, 299.
Ліютвардъ Верцельскій, еп., 355.
Лопань, р., 216.
Лопари, 170.
Лорхъ, 378.
Лужицкія горы, 18.
Лужицы, 137.
Лунгау (Lungau), 19.
Людовикъ (Благочест.) имп., 232.
Людовикъ Дитя, имп., 327, 351, 364, 365, 379, 381, 387, 419, 420.
Людовикъ Младшій (сынъ Л. Нѣм.), 116, 117, 124, 128.
Людовикъ Нѣмецкій, 79, 111 — 117, 122—127, 145, 247.
Людовикъ IX, фр. кор. 160.
Люитпольдъ, 329, 330, 346, 350, 378, 395, 406.
Лютичи, 422.

М.

Мадальвинъ, еп., 395.
Маджаръ, г., 151.
Мадьяры, см. Угры.
Мазары (? = Хазары), 192, 249.
Македонія, 44, 201, 202, 228, 284.
Македоняне, 201, 202, 226—229, 231.
Маламокко (Malamocco), ост., 356.
Маломіръ, 230.
Малороссія, 180.
Марквартъ, еп., 422.
Маркоманская война, 28, 50.
Маркъ Аврелій, 29.
Мармарошъ, 15, 90.
Марошъ, 12, 310, 342.
Марціанополь, 297.
Матвѣй Корвинъ, 160.
Матра, 15.
Маутернъ (Mautern), 351.
Мегера (Μεγέρη), 152, 165, 167.
Мегингозъ (Megingoz), гр., 129.
Местре (Mestre), г., 353.
Мещеряки, 208.
Меѳодій, арх., 17, 99, 101, 106, 116, 118—121, 123, 125—127, 130—135, 140, 145, 331, 332, 340, 361, 368, 369.
Мидяне, 158.
Мизія, 37, 46, 47.
Михаилъ-Борисъ, болг. ц., 201, 226, 229 — 232, 282, 290, 293, 300, 337.
Михаилъ II Бальба, имп., 202, 228.
Михаилъ III, имп., 119, 226.
Модена, 355.
Моджгаръ, 152, 167, 179.
Моймиръ I, 97, 107, 111, 112, 119.
Моймиръ II, 333, 346, 349, 350, 359, 360, 379, 380 400, 401.
Молдавія, 10, 11, 24, 26, 32, 39, 43, 44, 56, 63, 65, 68, 75, 94, 209, 225, 246, 248, 260, 267, 281.
Монголы, 151, 183.
Морава, болг. обл., 102.
Морава, р., 14, 15, 22, 38, 98, 108, 110.
Морава (южн.), р., 91.
Мораване, 79, 80, 90, 92, 97—104, 109—112, 114, 117, 118, 123, 127, 136, 139, 141, 148, 291, 292, 299, 329, 340, 341, 343 — 348,

351, 358, 361—363, 368, 369—379, 380—382, 384, 393, 397—400, 404, 414.
Моравія, 2, 14—18, 26, 39, 64, 68, 70, 74, 78, 82, 97—140, 147, 291, 295, 306, 310, 324—329, 331—336, 338—340, 343—351, 358—361, 363, 368, 369—374, 379—384, 385, 387, 389—404, 412—414, 420.
Моравское (Велико-Моравское) княжество, 3, 17, 82, 84—86, 92, 93, 97—99, 106, 115, 123, 127, 132, 135, 136, 141, 142, 146, 147, 149, 194, 314, 325, 329, 360, 368, 396—400, 411, 414.
Мордва, 162, 165, 170, 171, 177, 208.
Моресесъ (Μορήσης),=Марошъ, 310.
Мортагонъ (Омортагъ), ц. болг., 203, 228—230, 232,
Мосбургъ (Блатно), 113.
Московская губ., 169.
Мудагра (Мундрага), 286, 297.
Мункачъ, 204.
Муръ (Мура), 18—21.

Н.

Наумъ, св., 135.
Нейзидлерское оз., 14.
Никита Склиръ, 284.
Никифоръ Фока, 285, 296, 297.
Нитра, 107, 111, 132, 303, 369.
Нитра, р., 4, 14.
Нитранское княжество, 14, 111, 121.
Нордгау (Nordgau), 329.
Новгородъ, 173.
Нонантульскій мон., 355.
Норикъ, 21, 26—28, 31. 35, 59, 66, 75, 82, 367.
Норманны, 138, 210, 217, 322, 419, 422.
Нѣмцы, 2, 11, 19, 22, 62, 67, 71, 73, 81, 82, 90, 99, 110, 112, 114, 117—127, 130—135, 137—149, 153, 158, 290, 294, 314, 328, 334, 338, 341, 343—345, 348, 352, 358, 359, 361, 369—372, 375—389, 395—398, 400—409, 411—413, 416—418, 420, 422, 423.

О.

Обры, см. Авары.
Обь, р., 171, 176.
Огуры (Огоры), 151.
Одеръ (Одра), 26, 56, 64, 136.
Одоакръ, 37.
Ока, 206, 208, 210—214.
Оксусъ см. Аму-Дарья.
Октавіанъ, 26.
Олегъ, 198, 199, 236, 243, 263, 264, 277, 278.
Ольвія, 210.
Ольга, 392.
Олъминъ дворъ, 199, 261.
Омортагъ см. Мортагонъ.
Омунтесбергъ, 137, 326.
Онежское озеро, 170.
Орсова, 89.
Остготы, 33, 36—38, 56.
Остяки, 153, 155, 162, 163, 165, 170—172, 175, 176.
Оттокаръ, гр., 388, 395.
Оттонъ I, имп., 420.
Оттонъ (Сакс. герц.), 402.

П.

Пабо (Pabo), гр. 129.
Павелъ Анконскій, еп., 121, 125.
Павія, 353.
Палочи, 267.
Паннонія, 2, 14, 21, 26—38, 51, 58, 59, 64, 66, 68, 69, 72, 73, 75, 78, 80, 82, 91, 98, 101, 104, 108, 111, 113, 114, 120, 125, 127—131, 136, 137, 143, 145—147, 170, 174, 203, 264, 267, 295, 302, 308—310, 314, 815, 325, 329, 339, 340, 357, 358, 366, 368. 371—373, 376—378, 381—384, 395, 400, 402, 409, 411—418,

Паннонія Верхняя, 395, 411.
Паннонія Нижняя, 338—340, 373, 440, 411.
Паннонское (Блатенское) княжество, 102, 109, 112, 120, 126, 145.
Парояне, 158.
Пассова, 394.
Певкины, 30.
Перекопскій переш., 235.
Переяславецъ, 392.
Пермская губ., 176, 210.
Пермяки, 165, 170—172, 188.
Персія, 193, 195, 237, 245, 251, 255, 281.
Персы, 238, 241.
Петръ, Венец. дожъ, 356.
Петтау (Pettau—Petovio), 21.
Печенѣги, 53, 159, 172, 189, 190, 193—198, 205, 207—212, 214, 219, 224, 225, 233, 236, 245, 246, 248—257, 260—263, 269, 271, 273, 276—279, 281, 282, 286, 287, 291, 298—301, 305, 307, 311, 313—315, 325, 327.
Печора, 171.
Пештъ, 90.
Піаве, 18.
Піаченца, 355.
Піеве-ди-Сакко (Pieve di Sakko), г., 353.
Плано-Карпини, 160.
По, р., 355.
Подивинъ, г., 108.
Полабскіе Славяне, 62, 124, 141, 386, 402, 403, 413.
Половцы, см. Куманы.
Польша, 161.
Поляки, 137.
Поляне, 209, 239, 277.
Понтъ, см. Черное море.
Прага, 18.
Предеславъ, 334.
Премыслъ, 108.
Пресбургъ, 4, 14, 108, 303.
Преслава (Великая), 286, 297.
Пресьямъ, 230—232.
Прибина, 15, 73, 98, 102, 111—115, 120, 126, 145, 411.
Проня, р., 210.
Прутъ, 10, 254, 258, 259, 281.
Пустерталь, 19.

Р.

Раабъ, р., 4, 14, 72, 73, 80, 113, 146, 409, 412.
Рабницъ, р., 4.
Радимичи, 277.
Ракусъ (Ракоусы), 394.
Ратбодъ, 111, 115.
Раффельштеттенъ, 139, 387, 388.
Регенсбургъ, 120, 122, 143, 328, 335, 351, 379, 380.
Регенъ, р., 345.
Реджіо, 355.
Рейнъ, 26, 420.
Реты, 25, 26.
Реція, 26, 27.
Римляне, 24, 26—32, 35, 37, 43, 47, 51, 53, 60, 313.
Римская имперія (Западная), 5, 26, 34, 50, 51, 55, 56.
Римъ, 11, 26, 28—30, 99, 119, 120, 121, 131, 133—135, 330, 367.
Рисбахъ, 360.
Рихаръ, еп., 360, 367, 378—380.
Ріальто (Rialto), ост., 356.
Романцы, 43—46, 48, 52—54, 68, 75, 83.
Россія, 8, 10, 32, 33, 58, 63, 152, 154, 160—163, 165, 168—170, 176, 177, 180, 183—185, 188, 192, 199, 203—209, 214—216, 220—222, 235, 237, 239, 243, 246—248, 251, 265, 277, 279, 280, 294, 321, 391, 392.
Ростиславъ (Моравскій), 97, 99, 112, 114—119, 121, 122, 247.
Ротертурмскій проходъ (Красная Вѣжа), 10.
Рубруквисъ (Ryïsbrock), 160.
Руги, 37, 38, 391—394.
Ругиландъ (Rugiland), 38, 393, 394.
Рудныя горы (въ Трансильваніи), 12.
Рудныя горы (въ Чехіи), 17.

Рудпертъ, гр., 327.
Румыны, см. Валахи.
Русскіе, 55, 65, 173, 190, 197, 203, 208, 209, 215, 219, 224, 232, 233, 246, 275, 280, 391, 392.
Русь, см. Россія.
Руяне (Раняне), 391.
Рюгенъ, ост., 391.
Рязанская обл., 210.

С.

Саала (Сала), 39.
Сабартойасфалы (Σαβαρτοιάσφαλοι), 193, 216, 251.
Сабиры, 151, 217.
Сава, р., 4, 18, 20, 21, 25, 26, 64, 74, 80, 91, 338, 340, 350, 409.
Савва, св. 135.
Савія (Savia), 21, 56, 80, 90, 138.
Саксонія, 402, 403, 420, 422.
Саксы, 124, 402—404, 420, 422.
Сакулаты, 302.
Сала, р. (въ вост. Угріи), 111, 113.
Салаваръ (Szalavár), 113.
Салмуцесъ (Σαλμούτζης), 194.
Самарская лука, 208.
Самбатасъ (= Кіевъ), 214, 265.
Самватесъ (Симбатесъ), 265.
Само, 67, 68, 70, 71.
Самосъ, 287.
Самошъ, 12.
Сарагуры, 151.
Сарацины, 133, 322, 419.
Саркелъ, 211, 212.
Сарматы, 15, 31, 32, 40, 47, 49.
Свевы, 34.
Святобой, 333.
Святополкъ I (Моравскій), 97, 100, 101, 111, 121—140, 142, 145—147, 282, 310, 326—329, 331—335, 338, 339, 343, 344, 347, 349, 363, 369, 372, 396, 401.
Святополкъ II, 333, 346, 350.
Сегеста (нын. Сиссекъ), 26.
Седмиградія, см. Трансильванія.
Секлеры, 10, 156, 157, 244, 255, 302, 303.
Сербія, 232, 325.
Сербскія горы, 9, 13.
Сербы, 58, 65, 70, 74, 231.
Серетъ, 10, 195, 252—254, 258, 259, 281.
Сибирь, 161—163.
Силезія, 18, 137.
Силистрія, 89, 297.
Симеонъ, болг. ц., 201, 226, 229, 230, 249, 282—286, 288, 291, 294—301.
Сингулъ (Σιγγούλ), 215.
Сирміумъ (Сремъ), 120.
Сиссекъ (др. Сегеста), 26.
Сицилія, 302.
Скандинавія, 38.
Скиѳія, 203.
Скиѳы, 24, 198, 236, 238—240.
Склавинія, 80.
Скордиски, 25.
Славитагъ (Sclauitag, Славитѣхъ), 115.
Славоміръ (Sclagamar), 123.
Славонія, 21.
Словаки, 14, 55, 64, 74, 98—100, 102, 110, 111, 137, 209, 237, 312.
Словене (русск. пл.), 209.
Словенцы, 64, 66, 75, 99, 104, 111, 136.
Словинцы, см. Хорутане.
Солунь, 201, 226, 229, 231, 232, 284.
Сорбы (Сербы полабскіе), 117, 344, 345, 402.
Сосновыя горы, 17.
Спитигнѣвъ, 335.
Сремъ, 37, 90, 91, 130, 310.
Ставракій, 284.
Стефанъ Св., кор. уг., 94, 244, 245, 313.
Стефанъ VI, папа, 133, 134, 138, 369.
Стефанъ, патріархъ, 288, 292, 293.
Судеты, 8, 16, 64.
Суздаль, 183, 203, 204.
Суоми, 170.
Сѣверяне, 277.

Т.

Таврискп, 25.
Тасесъ (Τασῆς), 386.
Таксисъ (Τάξις), 386.
Тайя, р., 17.
Тамбовская губ.. 214, 215.
Тамерланъ, 151.
Тангатъ (Tangat)= Иртышъ, 175.
Таркацусъ (Ταρκατζοῦς), 386.
Тассило I, герц., 70.
Татары, 160, 175, 203, 204, 253, 266, 276, 302.
Тироль, 11, 17, 19, 39, 64, 70, 74, 75.
Тирасъ (Днѣстръ), 209.
Тимочане, 91.
Тимесесъ (Τιμήσης, нын. Темешъ), р., 310.
Тиверцы, 209, 275—278, 281.
Термазусъ (Τερμαζοῦς), 386.
Теодорихъ, 37.
Темешъ, 310, 342.
Темешскій Банатъ, 6, 44.
Тебенъ (Theben), 14, 107.
Тебелесъ (Τεβέλης), 386.
Татры, 15.
Тисса, р., 6, 12, 13, 15, 25, 26, 28, 31—33, 36, 64, 69, 72, 75, 76, 84, 88, 91, 137, 147, 268, 306, 309, 310, 315, 325, 329, 342, 410.
Тисская Болгарія, 86, 87.
Тифлисъ, 197.
Тобольская губ., 176.
Тогата (Togata), р., 174, 175.
Торготы (калмыцк. пл.), 191, 213.
Трансильванія, 2, 3, 10—13, 17, 24, 26, 27, 32, 36, 39, 40, 43, 44—54, 59, 61, 63, 65, 66, 68, 75, 76, 82, 84, 85, 90, 92, 94—97, 156, 157, 209, 244—246, 302, 303, 312—314, 341, 416.
Трансильванскіе (Семиградскіе) Альпы, 12, 75.
Траунгау (Traungau), 377, 389.
Траунъ, р., 18, 388.
Троянъ, 24, 26, 52, 313.
Труллъ (Τροῦλλος), р., 195, 252, 254, 258.
Турки (какъ племя), 178, 187, 189, 219, 224, 251, 253, 254, 259.
Турки (у виз.)=Мадьяры, см. Угры
Турки-Османы, 172.
Турлу (= Днѣстръ), 254, 259.
Тутесъ (Τούτης, нын. Бега?), р., 310.
Тюринги, 124.
Тюрингія, 420.
Тэотмаръ, архіеп. 360, 362, 367, 388, 406.
Тӭрцбургъ, прох., 12.

У.

Угличи, 209, 275—277.
Угорская держава, 409.
Угорскіе Славяне, 400, 416, 423.
Угорское Градище, 17, 106, 107.
Угорьское, м., 198, 260, 261, 264.
Угра, 154, 212, 213, 216.
Угринъ, р., (въ *кн. Б. Ч.*), 154, 216.
Угрія, 2, 6, 10—15, 21, 26, 44, 45, 54, 55, 59, 63, 64, 68, 74, 75, 83, 85, 88, 90, 92, 94—97, 100, 110, 156, 157, 160, 182, 183, 185, 203, 204, 209, 245, 246, 262, 266—268, 302, 303, 311, 341.
Угрія Бѣлая, 244—246.
Угрія Черная, 244—246.
Угры, 6, 11, 13, 17, 23, 44, 53, 61, 69, 78, 84, 93—95, 97, 99—101, 138, 139, 141, 148, 149 и т. д.
Угры Бѣлые, 197, 198, 236—240, 243, 246, 313.
Угры Черные, 198, 217, 236—238, 243, 245, 246.
Удальрихъ, графъ, 380.
Уды, р., 216.
Узу (= Днѣпръ), 253, 257.
Узы, 159, 193, 207, 211, 225, 249.
Уйгуры, 167.
Ульцы (Уличи), 209, 275—278, 281.
Унгваръ, 204.
Унугуры, 150, 151.
Упа, р., 214.

Уралъ (горн. хр.), 162, 166, 168—171, 176, 209, 210, 212, 237.
Уралъ (Яикъ), р., 171, 190, 192, 210, 249.
Урлъ, р., 395.
Уругунды, 30.
Утигуры, 151.
Уто, Фрейзинг. еп., 406.
Утургуры, 58.

Ф.

Фалесъ (Φαλῆς), 386.
Фалицисъ (Φαλίτζις), 386.
Фельфэльдъ, 6, 13.
Финляндія, 170.
Финны, 155, 160—162, 165, 170, 171, 188, 190, 207, 208, 212, 239.
Флоріанскій мон., 379.
Формозъ, папа, 328, 330.
Форхгеймъ, 124.
Франки, 2, 30, 69—73, 76—79, 82, 88, 90—92, 109, 112, 113, 122, 142, 295, 309, 314, 330, 364, 368, 370.
Франкохоріонъ (Francochorion), 90.
Франкская держава, 93, 104, 113, 115, 119, 308.
Франція, 322.
Фрейштадтъ, 22.
Фріуль, 352, 353.
Фріульская (Фурлянская) марка, 80.
Фугрская земля, 93.

Х.

Харьковская губ., 214—216, 280.
Хидмасъ (Χιδμάς), 193, 214, 215.
Хингулусъ (Χιγγουλούς), 193, 214—216.
Хозарія, 185, 193, 212, 271.
Хозары, 152, 172, 175, 185, 192—195, 197, 199, 204 — 206, 208, 211—215, 217—223, 225, 234, 235, 237—241, 248, 249, 264, 269, 271, 272, 274, 275, 280, 281, 284.
Хозрой II, ц. перс., 198, 236, 240—242.
Хорватія, 21.
Хорваты, 58, 65, 70, 74, 276, 313, 314, 396, 400.
Хорутане (Словинцы), 64, 99, 100.
Хорутанія (Карантанія, Хорутанская марка), 20, 70, 80, 98, 101, 113, 126, 143, 144, 147, 329, 381, 384, 388, 395, 408, 412, 414, 417.
Хуссалъ, 385, 397.
Хюттенбергъ, 20.

Ц.

Цанцесъ (Τζάντζης), 201.
Цвентибальдъ (с. Арнульфа), 328.
Цилли (Cilli—Celeija), 21.

Ч.

Чанадъ (Csanad), 246.
Чергедъ (Czerged), 92.
Черемисы, 162, 165, 170, 171, 188.
Черкесы (Черкасы), 273.
Черное море, 5, 10, 12, 29, 31, 36, 185, 196, 204, 207, 220, 221, 223—225, 233, 247, 250, 255, 256, 258, 275, 280.
Чехи, 80, 100, 101, 103, 108, 109, 117, 124, 136, 329, 333, 344—347, 358, 413, 420, 421.
Чехія, 11, 13, 16—18, 22, 25, 26, 39, 64, 69, 70, 74, 78, 82, 100, 103, 108, 127, 136, 329, 335, 389, 392, 394, 402, 420, 421.
Чехо - Моравская возвышенность, 16, 18.
Чешскій Лѣсъ, 17.
Чуваши, 162, 179, 180.
Чудь, 161, 169.

Ш.

Швабы, 330.
Шварцава, 17.
Швеція, 161, 162, 170.
Шиль, р., 10.
Штирія, 19—22, 25, 64, 72, 73, 75, 104, 144, 310.
Штирійскія горы, 75, 146.
Шумава, см. Чешскій Лѣсъ.

Э.

Эгеръ, 18.
Ӭденбургъ, 303.
Эзелехъ ('Εζέλεχ), 386.
Эльба, см. Лаба.
Элӧдъ (Elöd), 218.
Эммерамъ, св., 327.
Энгильдэо, гр., 329.
Энгильмаръ, еп., 359.
Энгильскалькъ, маркгр., 122, 128, 129, 327.
Энгильскалькъ, гр. (млад.), 327.
Энжа (Enns), 18, 20, 38, 69, 71, 72, 74, 76, 77, 80, 144, 377, 378, 388, 393, 395, 408, 418.
Эннсбургъ, 378.
Энравота, 230.
Эримбертъ, гр., 348.
Эрлафъ, р., 143, 395.
Эрхенбальдъ (еп. Эйхстедтскій), 367.
Эсегель, 196, 254. 255, 303.
Эсты, 170.
Этиль (= Волга), 203.
Эчь, 18, 19.

Ю

Югра, 153, 165, 168, 173, 175, 188, 210—212, 280.
Югричи, 153.
Югъ, р., 171, 176.
Юліанъ, мон. домин., 155, 160.
Юстиніанъ, 38, 58.
Ютоцасъ ('Ιουτοτζάς), 386.

Я.

Яломица, 10.
Языги, 25, 26, 28, 31, 32, 35.
Яикъ, см. Уралъ.

Ѳ

Ѳеодора, имп., 226.
Ѳеофилъ, имп., 201, 202, 226, 228, 232, 233.
Ѳессалоника, см. Солунь.
Ѳракійцы, 24, 42, 53, 96.
Ѳракія, 96.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.		*Строка.*	*Напечатано:*	*Читай:*
10	сверху	17	берущіе	берущій
24	снизу	12	южной	книжной
28	»	3	учлеченныя	увлеченныя
30	сверху	5	Аллеманны	Алеманны
42	»	2	сожаленію	сожалѣнію
51	снизу	11	оне Кчно	Конечно
54	»	18	оставленное	оставленные
56	»	7	Остотговъ	Остготовъ
58	сверху	16	Аваръ	Аваровъ
83	снизу	2	Волько	Только
97	»	1	каптталнѣйшимъ	капитальнѣйшимъ
119	сверху	10	епархія	эпархія
120	снизу	5	892 г.	862 г.
158	»	11	турецскую	турецкую
170	»	15	нлемени	племени
222	»	2	Паптикапея	Пантикапея
231	»	6	Прсьяма	Пресьяма
326	»	5	въ теченіи	въ теченіе
345	»	2	традиціонный	традиціонной
385	сверху	19	вѣрломный	вѣроломный

N

Bayer. Landesschule
f. Körperbehinderte
— Buchbinderei —
München, Kurzstr. 2

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Grot, Konstantin Jakovlevič,

Moravija i madjary s poloviny 9 do načala 10 věka

Sanktpeterburg 1881

Austr. 5464 a
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11556469-7